

[Polaris]

ЗАСТЫВШАЯ

ТЕНЬ

Большая книга
забытой фантастики

POLARIS

℄ ξ T ð Ξ ð E T ð ℓ q · ℄ ε ℓ ε j Q B ð φ ℓ q · ζ ð φ T ð E T ℓ ε ð

[ð A j j Ξ ð q ε φ ℓ ó ð]

Salamandra P.V.V.

ЗАСТЫВШАЯ ТЕНЬ

Большая книга забытой
фантастики

Составление и подготовка текстов
М. ФОМЕНКО

Salamandra P.V.V.

Застывшая тень: Большая книга забытой фантастики. Сост., подг. текстов и прим. М. Фоменко (Большая книга). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 655 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика).

В сборник вошли раритетные научно-фантастические произведения западных писателей первых десятилетий XX века. Среди авторов читатель найдет как громкие и знаменитые, так и малоизвестные имена.

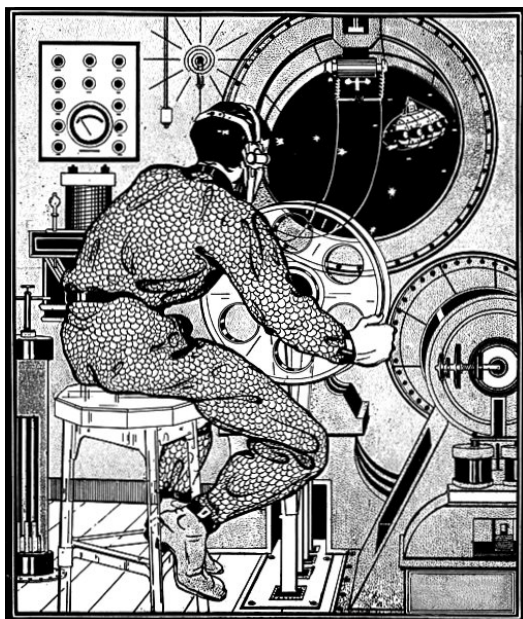
В настоящем издании объединены материалы книг «Эликсир жизни» и «Лунный курьер», ранее выпущенных в рамках двухтомника «Книга забытой фантастики». Сборник дополнен шестью рассказами и новеллами.

© Authors, estate, 2019

© М. Fomenko, состав, подг. текста, прим., 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ῃΘ̄ΛΤ € 0 Ƴ Θ̄α

Τ̄δφЈ

Օրթո Աշես

Է Ափօ Դ ՅօՓ յ Լ

Ուսումնական ֆանտազիա

Итак, совершилось! Жизнь человеческая на земном шаре прекратилась... Нам, существам, предки которых некогда переселились с Земли сюда, на Венеру, странно сознавать, что первоначальная родина наша превратилась в безлюдную пустыню.

Как это случилось? Какие события привели к катастрофе?

Она не была внезапной. Длинный ряд тысячелетий постепенно подготовил трагический конец планеты, которая некогда была родиной предков нынешних переселенцев Венеры.

Сделаем же беглый обзор этих событий.

* * *

При своем возникновении Земля вращалась быстрее всех прочих планет солнечной системы. Сутки были в пять раз короче, нежели в то время, когда на земном шаре появились первые люди. Год насчитывал 1.800 таких укороченных суток. Прежде, чем юная Земля успела уплотниться, солнечное притяжение разделило ее на две неравные части; меньшая из них образовала спутник большей — Луну. Это было важное событие в истории Земли, событие, скрывавшее в себе зародыш грядущей гибели земного человечества. Смертельный удар населению Земли был нанесен именно Луной. Как это произошло, я и расскажу в дальнейшем.

* * *

Первоначально Луна находилась весьма близко от Земли и обращалась вокруг нее так быстро, что месяц был лишь немного длиннее суток. Могучие приливы, порождаемые на Земле столь близкой Луной, тормозили вращение Земли и замедляли его: сутки постепенно становились длиннее.

Но при этом Луна сама увлекалась приливной волной, получила большую скорость и, в силу законов небесной механики, отдалялась от Земли все больше и больше. Таким образом, одновременно с удлинением дня происходило и удлинение месяца. Это совершалось медленно, но безостановочно.

В ту отдаленную эпоху, когда на Земле возникают первые проявления жизни, Луна была уже далеко от Земли, а через тысячу миллионов лет, когда в земной природе появился человек, Луна совершала уже свой оборот вокруг Земли в 29 дней. Но замедляющее действие приливов, трение приливной волны о земную поверхность не прекратилось окончательно; оно лишь ослабело, и уменьшало продолжительность каждых суток, примерно, на одну 40-тысячную долю секунды.

Когда человечество придумало тепловые машины, оно стало сжигать в топках котлов и в двигателях внутреннего сгорания те горючие остатки ископаемых растений, которые удавалось находить в поверхностных слоях земной коры. Но этих запасов горючего хватило всего лишь на несколько столетий. Пришлось искать других источников энергии. Сначала обратились к водопадам и к текучим водам, — но здесь удалось получить лишь немного. Энергия ветра — непостоянна. Энергией солнечных лучей можно пользоваться только в тропических странах.

И вот земные люди обратились к энергии приливов и отливов, — не подозревая, к каким роковым последствиям это должно привести в отдаленном будущем. Изобретение искусственной пищи позволило человечеству беспрепятственно размножаться, не испытывая земельной тесноты, и в ту эпоху, когда вся планета объединилась в одну федеративную республику, насчитывалось уже 12 миллиардов земного населения. Приливные силовые станции развивались с неудержимой быстротой. К тому времени, когда человеческий род насчитывал миллион лет своего существования, общая мощность всех приливных установок достигала биллиона (т. е. миллиона миллионов) лошадиных сил. Следствием этого было то, что тормозящее действие при-

ливов на вращение Земли увеличилось в 50 раз. День стал удлиняться все ощутительнее.

Если бы удлинение суток протекало естественным порядком, прошло бы 50 миллиардов лет прежде, чем продолжительность суток сравнялась бы с месяцем. Но земные люди никогда не заглядывали вперед больше, чем на миллион лет. Поэтому они продолжали беспечно расточать природную энергию земного вращения. Прошло пять миллионов лет — и люди использовали уже, в виде энергии приливов, около 50 биллионов лошадиных сил.

* * *

Это была счастливая эпоха в истории земного человечества. Все инстинкты людей получили полное удовлетворение. Смерть отодвинулась далеко вглубь веков, потому что науке удалось продлить жизнь человека до 3000 лет. Лик Земли изменился под рукой человека: материки были переустроены, обширные пустыни орошены, вечные снега растоплены. Искусство достигло небывалой высоты и процветания.

Эволюция человеческого рода прекратилась: человек достиг полного равновесия с окружающей природой, и воздействие ее на него свелось к нулю. Исчезли некоторые, ставшие бесполезными, органы, — например, зубы, и, между прочим, были уничтожены всякие болевые ощущения. Люди не знали, что такое боль. Технических открытий больше не делалось: в этом не ощущалось уже никакой потребности, так как все стремления получили удовлетворение. Из наук продолжали развиваться лишь некоторые отрасли чистой математики, не имевшие прикладного значения, химия, биология; из технических знаний — садоводство.

Так безмятежно протекала жизнь земного человечества в течение трех миллионов лет, пока удвоившаяся продолжительность суток не заставила людей тревожно задуматься над грядущими судьбами их планеты. Люди поняли,

к чему это должно привести со временем: после того, когда сутки сравняются с месяцем, начнется преобладание солнечных приливов, которые будут стремиться уравнивать сутки с годом. Луна станет обращаться вокруг Земли быстрее, чем сама Земля вокруг своей оси, и это повлечет за собою постепенное приближение Луны к Земле. Неизбежен момент, когда Луна будет разрушена могучим притяжением близкой Земли и сама подвергнется разрушению...

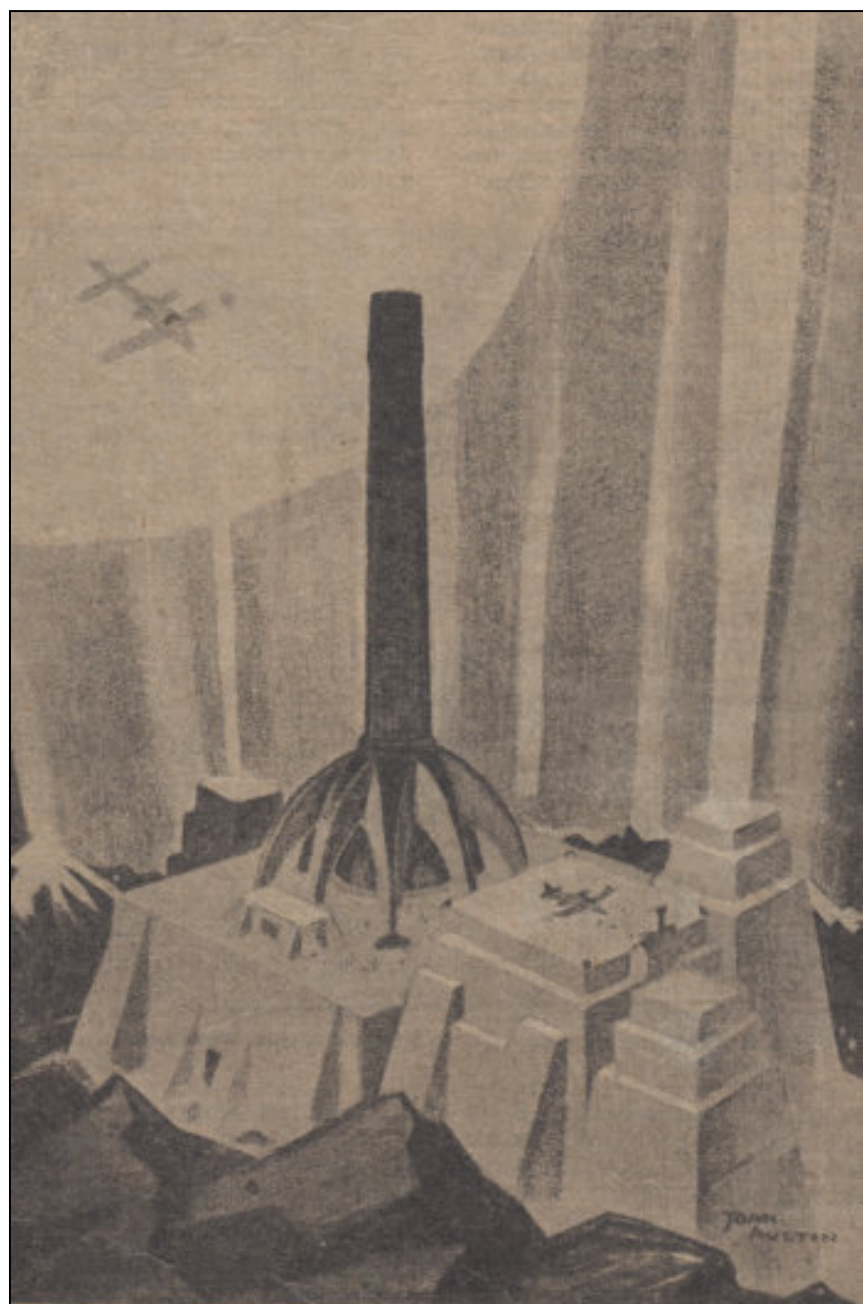
Тогда поставлен был на очередь новый в истории земного человечества лозунг:

— Колонизация других планет!

Первые смелые попытки перелететь на иные планеты окончились гибелью отважных летчиков. Посланные снаряды либо сгорели от трения об атмосферу, либо разрушились от столкновения с падающими камнями. А те, которые достигли Луны, разбились вдребезги от ударов об ее поверхность. Единственная экспедиция, которой удалось благополучно высадиться на Луне с запасом кислорода и даже сигнализировать оттуда на Землю о результатах своих разведок, не могла возвратиться на родную планету, и все члены ее умерли на Луне.

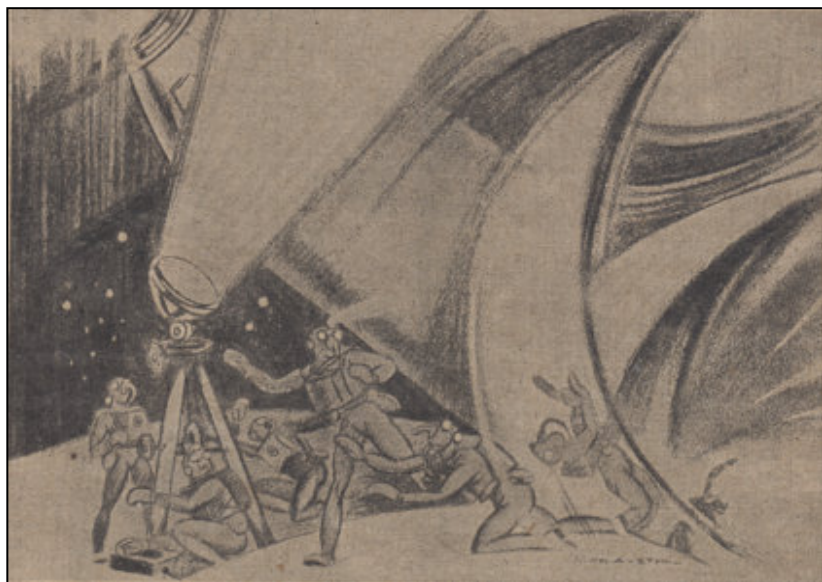
Как происходили эти небесные перелеты? Первые экспедиции пользовались огромными пушечными снарядами в 50 метров длины, внутри которых была устроена каюта. Пушкой служила исполинская труба в несколько километров, сооруженная на вершине высокой горы, чтобы вылетающее ядро встречало меньшее сопротивление воздуха. Оставив за собою атмосферу со скоростью 10 километров в секунду, снаряд двигался дальше уже по принципу ракеты. Тогда снаряды еще не снабжались, как в наши дни на Венере, обширными развертывающимися крыльями для использования светового давления. Поэтому высадка на чужую планету была крайне опасна и редко совершалась благополучно. Межпланетный перелет, в сущности, был почти самоубийством.

В 9723841-м году одной экспедиции удалось счастливо достигнуть Марса и невредимо высадиться на его поверхность. Она сигнализировала оттуда, что колонизация этой

планеты невозможна: тот вид живых существ, который господствует на Марсе, слеп к лучам, воспринимаемым нами как свет, и ничего не знает о других планетах. Это не мешает им узнавать о прибытии в их мир чужеземцев и яростно стремиться к их уничтожению.

Спустя 500.000 лет осуществлена была первая экспедиция на Венеру. Но страшный зной и недостаток кислорода в атмосфере Венеры погубил смелых участников этой первой разведки. После трагической гибели этой экспедиции, попытки совершать перелеты стали крайне редки.

Наступил критический 17846151-й год, когда беспечное использование энергии вращения земного шара привело к тому, что сутки по продолжительности сравнялись с месяцем: то и другое длилось 48 старых дней. Земля и Луна всегда были повернуты друг к другу одной и той же стороной. Ночи на Земле стали непомерно длинны и страшно холодны, так что в течение этой 24-суточной ночи успевала отми-

рать вся растительность. Напротив, долгие дни были непереносимо жарки. Многие растения приспособились к этим новым климатическим условиям, но все не домашние млекопитающие, все птицы и пресмыкающиеся постепенно вымерли. Род человеческий, однако, продолжал размножаться, потребность в энергии росла, и, за отсутствием лунных приливов, началось использование приливов, порождаемых Солнцем. Это еще более удлиняло продолжительность суток и приближало роковой конец.

Теперь месяц был уже короче новых суток; Луна восходила на западе и закатывалась на востоке. Сначала медленно, потом все стремительнее Луна приближалась к Земле, и диск ее зловеще возрастал для жителей земного шара. Было ясно, что гибель Земли — вопрос еще всего нескольких миллионов лет. Большинство людей взирали на грядущую гибель родной планеты с равнодушием, но немало было и таких, которые серьезно задумывались над путями спасения.

Тогда опять возобновились настойчивые попытки колонизовать Венеру. Целый ряд экспедиций закончился гибелью, прежде чем 285-я экспедиция высадилась благополучно и просигнализировала подробно об условиях здешней жизни. Несколько сот тысяч земных обитателей, — те, потомками которых являются нынешние человеческие существа Венеры, — твердо решили спасти человеческий род от окончательного вымирания. Если земному человечеству неизбежно суждено погибнуть, то человек должен жить вечно во вселенной. Задача состояла в том, чтобы путем искусственного отбора создать такую породу людей, которая была бы приспособлена к условиям жизни на Венере: к высокой температуре и к недостатку кислорода. Те, которые посвящали себя служению этой великой идее спасения человеческого рода, самоотверженно переносили связанные с этим лишения. Десять тысяч лет длился этот героический подвиг, прежде чем создана была раса, способная жить в атмосфере, содержащей всего 1/10 долю нормального количества кислорода, и при температуре тела, на 6° выше нормальной. Исполинские ракеты с такими пассажирами во множестве были отправлены на Венеру. Из 1734 снаря-

дов только 11 благополучно достигли Венеры и высадили своих пассажиров. Экипаж троих из них погиб, а остальные были нашими предками.

С этого момента начался новый период в жизни человеческого рода. Надо ли рассказывать историю нашего нового человечества, историю колонизации Венеры? Всем известно, каких гигантских усилий стоила первым колонизаторам борьба с природой Венеры и с природой своего собственного существа. Эволюция земных переселенцев была подчинена бдительному общественному контролю. Необычайный рост умственных способностей сопровождался и появлением новых внешних чувств. Немногие знают, что наша способность воспринимать электромагнитные волны длиной от 100 до 1200 метров — есть новое приобретение, которого люди на Земле еще не имели. Великое значение этого чувства в том, что во все моменты нашей жизни, наяву и во сне, оно ставит каждого отдельного человека под воздействие голоса общественности. Та совершенная солидарность, которая отличает сейчас нашу жизнь на Венере, едва ли возможна была бы без того чувства. На Земле не-

которым подобием благотельного влияния этого чувства было воздействие высших форм искусства, музыки и литературы, равно как правила личной и общественной морали.

Другое новое чувство, приобретенное нами здесь, на Венере — чувство магнитное. При недостаточной прозрачности здешней атмосферы, чувство это очень важно для авиации. На Земле же оно было бы почти бесполезно. Возродилось здесь и чувство боли, утраченное на Земле, — чувство, очень важное в процессе эволюции: без чувства боли человек не мог бы выжить и приспособиться к враждебным условиям.

Последние несколько миллионов лет воочию выяснили опасность, угрожавшую Земле вследствие использования человеком энергии ее вращения. Эксплуатация приливов была поэтому прекращена. В этот период Луна, постепенно приближаясь к Земле, отстояла от нее уже в пять раз ближе, чем в начальный период истории человечества. Людям она казалась огромным диском, в 25 раз больше солнечного, и четырежды в год поднимала исполинские приливные волны в 150 метров высоты.

Сказывалось и влияние земного притяжения на столь близко расположенную Луну. Притягиваемое к Земле в разных частях с различной силой, тело Луны стало распадаться на отдельные глыбы. Первые обломки покинули ее поверхность, когда она находилась всего в 9000 километрах от Земли и покрывала собою для земных обитателей пятую часть неба.

Конец этого разрушения можно было наблюдать с Венеры: внезапно раскрылась часть лунной коры, обращенная к Земле, и из недр земного спутника излился поток раскаленной лавы. В короткий срок вся масса Луны расплавилась и растеклась кольцом, окружившим земной шар наподобие колец Сатурна. Спасаясь от нестерпимой жары, уничтожавшей все живое на земной поверхности, человечество зарылось глубоко в землю.

Но ему не суждено было уцелеть. Раскаленные обломки и обрывки Луны, хаотически сталкивавшиеся в кольце, частью выбрасывались оттуда и обрушивались на Землю. Из-за облаков пара и вулканического дыма, которые покрывали Землю, мы многого не могли рассмотреть. Но позднее стало ясно, что тропические области Земли были погребены на глубине многих километров под лунными обломками, а остальные зоны погрузились в кипящий океан и в вулканические извержения, вызванные этой бомбардировкой. Невозможно допустить, чтобы на Земле сохранился хоть какой-нибудь след человеческой жизни.

Кольцо вокруг Земли, подобное кольцу Сатурна, еще не пришло в равновесие: обломки его будут падать на Землю в продолжение тридцати пяти тысяч лет. В конце этого периода Земля будет готова для обратной колонизации. Нами уже предприняты приготовления к этому событию.

Возвратившись на Землю, мы предполагаем колонизировать оттуда Юпитер. Неизвестно, удастся ли эта попытка. Большая сила притяжения, конечно, разрушит тела таких размеров, как наши; но жизнь на Юпитере будет возможна для меньших организмов. Поэтому мы воспитываем особый карликовый вид человеческой расы, в четыре раза меньше нашего, с короткими ногами, но очень широкими костями. Их внутренние органы тоже будут весьма прочны. Эти существа отбираются путем выращивания в центрифугах, заменяющих усиленную тяжесть. Приспособляемость к чрезвычайному холоду на Юпитере невозможна, но мы предполагаем посылать туда снаряды длиной в километр, которые будут заключать достаточный запас энергии, обеспечивающий их обитателей на несколько столетий. А за это время они смогут разработать доступные на этой планете источники энергии. Мы надеемся, что один из тысячи снарядов долетит благополучно. Если Юпитер будет успешно колонизован, мы предпримем завоевание и более отдаленных планет.

Через сто тридцать миллионов лет солнечная система перейдет в такую область пространства, где звезды гораздо плотнее, чем в нашем нынешнем соседстве. Хотя, по всей

вероятности, не более одной из десяти тысяч этих звезд обладает пригодными для колонизации планетами, но возможно, что мы пройдем на достаточной близости от такой звезды, чтобы предпринять попытку высадки. Время, необходимое для достижения другой звездной системы, будет измеряться сотнями или тысячами лет, и из каждого миллиона снарядов только несколько достигнут цели. Но в таких случаях гибель жизни столь же неизбежна, как и при посевах растений.

Наш Млечный Путь будет существовать приблизительно не меньше восьмидесяти миллионов лет. Необходимо, чтобы до истечения этого времени вся его материя, пригодная для жизни, была во власти потомков тех, чья родина — Земля. Если это когда-либо хоть приблизительно будет достигнуто, конец Земли, свидетелями которого мы только что были, — будет всего лишь эпизодом, почти не имеющим значения.

Ведь существуют еще и другие Млечные Пути!

သဘာဝဗေဒ

ဝေဖန်စာအုပ်

Зартог Софр-Аи-Ср, что означало: «доктор, третий представитель по мужской линии 101-го поколения Софр», медленно шел по главной улице Базидры, столицы Арс-Итен-Шу, иначе говоря, «Империи четырех морей». Эта обширная страна с причудливыми географическими очертаниями в самом деле омывалась четырьмя морями: с севера — Тюбелонем, с юга — Эоном, с востока — Споном и с запада — Мероном. Ее крайние пределы, исчисляя в известной читателю системе координат, достигали 4° восточной и 69° западной долготы, 54° северной и 55° южной широты. Общую поверхность морей измерить можно было лишь приблизительно, ибо все воды сливались в единый Мировой океан. И если мореплаватель, отправляясь в путь от одного из берегов, все время продолжал плыть вдоль него, он непременно попадал на противоположный берег — ведь на всем земном шаре не существовало другого материка, кроме Арс-Итен-Шу.

Из-за сильной жары Софр шел очень медленно. Наступали знойные дни. Солнце, достигшее зенита, низвергало лавину палящих лучей на Базидру, стоящую на побережье Спон-Шу (Восточного моря), менее чем в 20° от экватора.

Но груз мыслей еще сильнее, чем усталость и зной, замедлял шаги Софра, ученого-зартога. То и дело машинально вытирая лоб рукой, он вспоминал только что окончившееся заседание, где столько красноречивых ораторов (а он с гордостью мог бы сказать, что был в их числе) торжественно восславляли сто девяносто пятую годовщину основания империи.

Некоторые из ученых напомнили ее историю и тем самым историю всего человечества. Они рассказали о Маарт-Итен-Шу, «Земле четырех морей», в доисторическую эпоху населенной множеством диких разобщенных племен. Именно с этими племенами связывали происхождение древнейших народных традиций страны. О более ранних событиях вообще ничего не было известно, и лишь с недавних пор ученые, опираясь на естественные науки, начали различать слабые проблески истины в непроницаемых дебрях прошлого. Во всяком случае, эти давно ушедшие времена ус-

кользали от критического взора истории, и элементарные представления о прошлом складывались из неясных сведений, относящихся к отдельным первобытным племенам.

На протяжении более чем восьми тысячелетий история Маарт-Итен-Шу, постепенно обрастая фактами, представляла собой сплошную цепь сражений и войн — сначала человек шел на человека, затем сражались между собой родовые общины, и, наконец, в войну вступали целые племена. В течение многих веков все живое преследовало одну цель — любыми путями упрочить свое превосходство над соперником и подчинить его своим законам.

И только восемьдесят столетий спустя исторические сведения становились более определенными. В начале второго из четырех периодов, на которые подразделялись летописные своды Маарт-Итен-Шу, легенда уступила место истории. Впрочем, тема повествования совершенно не меняется — все те же побоища и кровопролития, но уже не между племенами, а между народами. Так что, собственно говоря, этот второй период мало чем отличался от первого. То же можно сказать и о третьем периоде, длившемся около шести веков и закончившемся примерно два столетия назад. Этот третий период был, по-видимому, еще более жестоким, чем предыдущие: несметные армии людей с неутолимой яростью поили землю собственной кровью.

Немногим более восьми столетий назад с того дня, как Софр шел по главной улице Базидры, человечество стояло на пороге великих преобразований. К этому времени оружие, огонь и насилие частично исполнили свою необходимую миссию подчинения слабых. Все население Маарт-Итен-Шу делилось на три однородные нации, в которых время уже стерло различия между прежними победителями и побежденными. И именно тогда одна из этих наций предприняла попытку подчинить себе остальные. Андарты-А-Самгор, или «Люди с бронзовыми лицами», жившие в центре Маарт-Итен-Шу, вели яростную борьбу за расширение границ, в тисках которых они задыхались. Постепенно этот пылкий плодовитый народ в результате вековых войн победил А-Маарт-Орис, или «Людей из страны снегов», населяв-

ших южные области, и А-Митра-Псюл — «Людей с неподвижной звезды», населявших север и запад.

Почти двести лет уткло с тех пор, как последняя попытка сопротивления двух покоренных народов была потоплена в крови, и на земле, наконец, установился прочный мир. Наступил четвертый период истории. Три прежних нации сплотились в единой империи. Повсюду действовали законы Базидры, и политическая общность способствовала смешению народностей. Никто не говорил больше о «Людах с бронзовыми лицами», о «Людах из страны снегов», о «Людах с неподвижной звезды». Землю заселяла единая нация — Андарт-Итен-Шу («Люди четырех морей»), воплотившая в себе черты всех прежних племен.

И вот после двух столетий мирной жизни, казалось, наступал пятый период. Люди распространяли невесть откуда возникшие неприятные слухи. Объявились идеологи, которые стали пробуждать допотопные воспоминания. Древние родовые инстинкты возрождались в новых обличьях и выражались в недавно возникших словах: род, национальность, тотчас ставших обиходными. В зависимости от происхождения, физических свойств, духовного склада или просто географической общности начали создаваться отдельные группировки.

Мыслящих людей волновало: какую форму приобретет эта зарождающаяся эволюция? Неужели империя распадется, и Маарт-Итен-Шу будет, как в былые времена, разделена между бесчисленными враждующими племенами? Неужели, чтобы не допустить этого, снова придется прибегнуть к насилию, столько тысячелетий превращающему землю в арену кровопролитных сражений?

Софр тщетно пытался отогнать эти мысли. Ведь еще неизвестно, что ждет нас в будущем: к чему тревожить себя догадками? Да и не время предаваться этим мрачным размышлениям. Сегодня полагалось ликовать и прославлять августейшее величие Могхара-Си, двенадцатого императора Арс-Итен-Шу, чей скипетр вел планету к знаменательной судьбе. К тому же, любой зартог имел все основания радоваться. После историка, который описал пышность им-

перии Маарт-Итен-Шу, выступила целая плеяда ученых, и каждый в своей области науки подвел итог развитию человеческой мысли и достижений цивилизации, увенчавших вековые усилия разума. И если первый оратор навел на грустные размышления, описывая, каким долгим и тернистым путем человечество шло от первоначального животного состояния, то другие, напротив, возбуждали у слушателей чувство законной гордости.

Действительно, сравнение первобытного человека — голого и безоружного — с человеком сегодняшнего дня вселило веру в будущее. На протяжении долгих веков, несмотря на раздоры и братоубийственную ненависть, человек ни на минуту не прекращал борьбы с природой, укрепляя свои победы.

Его триумфальное шествие, сначала медленное, поразительно ускорилося за последние двести лет. Политическая стабилизация и всеобщий мир способствовали небывалому подъему науки. Человечество стало жить, руководствуясь деятельностью мозга, а не только силой своих рук; оно мыслило, а не растрачивало себя в бессмысленных войнах. Поэтому два века назад оно начало постигать тайны материи...

Продолжая идти под палящим солнцем по главной улице Базидры, Софр мысленно рисовал широкими мазками картину человеческих завоеваний.

Сначала, в незапамятные времена, человек изобрел письменность, чтобы запечатлеть свои мысли. Затем, примерно пять столетий назад, он нашел способ размножать написанное в неограниченном количестве оттисков при помощи отлитой матрицы. Это изобретение породило все последующие. Оно вызвало первое брожение умов, дало толчок духовному развитию человека, а отсюда пошли и бесчисленные открытия во всех областях теории и практики.

Человек проник в недра Земли и извлек оттуда уголь, щедро отдающий заключенное в нем тепло. Человек поставил себе на службу скрытую силу воды. Отныне пар тащил по железным дорогам тяжелые составы и приводил в движение множество громадных машин, работающих с непогре-

шимой точностью. С помощью этих механизмов человек обрабатывал растительные волокна, металлы, мрамор и камень.

Углубляясь в область абстрактного мышления, он шаг за шагом проникал в тайну чисел и постигал бесконечность математических истин. От математики человек перешел к изучению небесных светил. Он узнал, что Солнце — это огромная звезда, которая движется во вселенной и по строгим законам тяготения удерживает на огненной орбите семь планет-спутников *.

Человек познал искусство образовывать из простых веществ сложные, не имеющие ничего общего с первоначальными, и разлагать их на составные элементы. Он подверг анализу теплоту, звук, свет и начал изучать их свойства и законы. Полвека назад он овладел таинственной движущей силой, которая способна вызывать гром и молнии, и тотчас же подчинил ее себе. Сегодня эта сила передает на неизмеримые расстояния запечатленное слово, завтра она будет передавать звук, а затем, несомненно, и изображение**.

Да, человек велик! Очень скоро он станет властелином бескрайней вселенной!

Теперь предстояло овладеть абсолютной истиной, решив последнюю проблему: кто этот человек, подчинивший себе весь мир? Откуда он появился? Что будет венцом его неусланных усилий?

Именно этот важный вопрос обсуждался на конференции, которую только что покинул зартог. Разумеется, Софр лишь слегка затронул этот вопрос, поскольку он еще долго останется неразрешимым. Однако проблески догадки на-

* Следовательно, Андарт-Итен-Шу не знали Нептуна. (*Прим, авт..*) (При жизни Жюль Верна было известно восемь планет солнечной системы, девятая — Плутон — была открыта в 1930 году. *Прим, пер.*)

** К тому моменту, когда зартог Софр предавался своим размышлениям, Андарт-Итен-Шу уже изобрели телеграф, но не знали телефона и телевизора (*Прим. пер.*).

чали приоткрывать завесу этой тайны. В большой степени в том была заслуга самого зартога Софра. Собрав и систематизировав наблюдения своих предшественников и собственные исследования, он вывел закон эволюции живой материи, завоевавший всеобщее признание.

Эта теория базировалась на трех науках. Прежде всего на геологии, которая зародилась вместе с раскопками земных недр и совершенствовалась по мере развития горных разработок. Земная кора была так тщательно изучена, что стало возможным установить ее возраст — около четырехсот тысяч лет. Материку же Маарт-Итен-Шу было двадцать тысяч лет. Первоначально весь континент покоился под водой, о чем свидетельствовал толстый слой ила, полностью покрывающий подземные скалистые пласты. Каким же образом материк поднялся над водами? Скорее всего, вследствие сжатия охлажденной земной поверхности, иначе трудно было объяснить его появление. Двумя другими основаниями для теории Софра послужили биология и археология. Было установлено тесное родство как внутри растительного, так и животного мира. Софр убедительно доказал, что почти вся существующая флора происходит от одного морского растения, а вся фауна, населяющая небо и землю, — от морских животных.

По закону эволюции они приспособлялись к условиям жизни на Земле, отличным от условий их примитивного существования в водной стихии. Проходя постепенно через все стадии развития, они породили как раз те самые виды, которые населяли отныне Землю и воздух.

К сожалению, эта теория была уязвимой. Происхождение животного и растительного миров от морских предков казалось бесспорным, но существовало несколько представителей флоры и фауны, которых невозможно было отнести к происшедшим от морских организмов. Это и было одним из двух уязвимых звеньев теории Софра.

Человек — зартог не мог обманывать себя — был другим слабым звеном его теории. Не подлежало сомнению, что между человеком и животным нельзя было установить никакого сходства. При том, что основные свойства и функции —

дыхание, питание, движение — осуществлялись одинаково, между внешним обликом, числом и расположением органов существовало непреодолимое различие. Тем самым предположение о родстве человека с морским предком было абсолютно недопустимым.

Чтобы сохранить цельной теорию эволюции, необходимо было выдвинуть гипотезу — впрочем, совершенно бездоказательную, — по которой человек и водная фауна имели бы одного общего предка. Но его существование в первобытный период не подтверждалось никакими данными.

Одно время Софр надеялся найти убедительные доказательства своей теории. По его предложению и под его руководством в течение многих лет велись раскопки, но их результаты не только не подтвердили ожидания, а оказались полностью противоположными. Под тонким слоем перегноя, образованного из разложившихся остатков растений и животных, открылся толстый пласт ила совершенно иного состава. В этом иле не было и признака современной флоры и фауны, зато обнаружилось колоссальное скопление морских ископаемых, которые существовали и теперь, чаще всего в океанах, опоясывающих Маарт-Итен-Шу. Какой же следовало сделать вывод?

Да, правы были геологи, заявляя, что когда-то весь континент представлял собой дно океана, и не ошибался и Софр, установив морское происхождение современных растений и животных. Поскольку, кроме водяных и наземных форм, не было найдено почти никаких следов жизни иного происхождения, то, безусловно, последние произошли от первых.

Но, к сожалению, этот вывод никак не складывался в законченную теорию, потому что в ходе раскопок были сделаны и другие находки...

Во всей толще перегноя и в верхнем слое ила попадалось огромное количество человеческих костей. Ничего необычного в строении этих скелетов замечено не было, и Софр был вынужден отказаться от мысли найти здесь следы переходных стадий, которые могли бы подтвердить его теорию. Все эти кости были самыми обыкновенными человеческими костями. Однако очень скоро была установле-

на одна примечательная закономерность — до определенного периода, который, по приблизительным подсчетам, завершился две-три тысячи лет назад, чем древнее были кости, тем меньшего объема были черепа. Но до этого временного пласта процесс шел в обратном направлении — чем глубже заглядывали в прошлое, тем больше был объем черепов и, следовательно, размеры мозга.

Максимальная величина черепа встречалась среди довольно редких останков, найденных на поверхности илистого слоя.

Их тщательное исследование не позволило усомниться в том, что в ту далекую эпоху люди стояли на более высокой ступени умственного развития, чем их потомки, включая и самих современников Софра.

Следовательно, на протяжении шестнадцати или семнадцати тысячелетий происходил явный регресс, за которым следовал новый подъем.

Софр, взволнованный этими странными фактами, еще больше углубился в свои раскопки. Был тщательно взрыт слой ила на такой глубине, что, по самым осторожным подсчетам, найденные отложения относились к эпохе, отстоящей на пятнадцать-двадцать тысячелетий. Под этим слоем, к всеобщему удивлению, были найдены едва заметные следы перегноя, а еще глубже — известняки различных пород. Но изумлению не было границ, когда и на этой таинственной глубине были обнаружены человеческие останки, а кроме того, обломки орудий, машин, глиняные черепки, обрывки надписей на незнакомом языке, художественно обработанные камни, хорошо сохранившиеся статуи, искусно высеченные капители и многое другое.

Все найденное приводило к логическому заключению, что около сорока тысяч лет назад (то есть за двадцать тысяч лет до того момента, когда внезапно, неизвестно откуда и как, появились первые представители современной расы) на этом месте уже жили люди, достигшие очень высокого уровня цивилизации.

Таково было официальное заключение. Однако существовал один инакомыслящий. Им был не кто иной, как сам Софр.

Предположение, что древние люди, отделенные от современного человечества пропастью в двадцать тысяч лет, первыми населяли Землю, казалось просто безумием. Откуда же произошла, в таком случае, современная раса, если у нее не было никакой связи с далеким прошлым? Трудно было принять эту абсурдную гипотезу, но и не следовало приходить к выводу, что загадочные обстоятельства вообще необъяснимы. Можно не сомневаться, что они будут разгаданы, а пока лучше исходить из принципов, не противоречащих здравому смыслу.

Жизнь на планете делится на две фазы: дочеловеческая и человеческая. Вначале на Земле происходили вечные превращения, поэтому она и была необитаемой. Позже земная кора затвердела, и на этой твердой опоре возникла жизнь. Ее зарождение началось с простейших форм, которые, развиваясь, воплотились в самое позднее и совершенное произведение эволюции — человеческое существо. С появлением первого человека начинается прогресс. Медленно, но уверенно человек движется к своей цели — совершенствованию познания и владычеству во вселенной.

Глубоко задумавшись, Софр прошел мимо собственного дома. Раздосадованный, он повернул обратно. «Как, — думал он, — возможно ли, чтобы человек уже четыреста веков назад находился на равной нам, а то на еще более высокой ступени развития? Может ли быть, что все его знания и открытия бесследно исчезли, и потомки были вынуждены начать все сызнова, как если бы они первыми появились на этой необитаемой до них планете? Но думать так — значит отрицать будущее, отрицать пользу собственного труда... Возможно ли, что весь прогресс, достигнутый человеком, так же непрочен, как мыльный пузырь?»

Софр остановился у своего дома. «Упса ни! Артшок! Нет! Никогда! Андарт мир ос спа! Человек — властелин мира!» — шептал он, входя в дверь.

Немного отдохнув, зартог с аппетитом поел, затем снова прилег, чтобы, как обычно, вздремнуть после обеда. Но вопросы, над которыми он размышлял, возвращаясь домой, неотступно преследовали его, мешая уснуть.

Как ни велико было желание Софра сформулировать, наконец, свою теорию, критический ум ученого мучил неразрешимый вопрос — происхождение человека. В споре с другими Софр мог доказать правильность теории при помощи прежних гипотез, и лишь самого себя он не мог убедить. Если бы Софр был простым смертным, а не выдающимся ученым, он не был бы так обескуражен. Народ, не задумываясь, слепо верит в легенду о сотворении мира, которая с незапамятных времен передается от отца к сыну. Объясняя одно чудо другим, легенда приписывает сотворение человека вмешательству высшей силы. В один прекрасный день эта высшая сила сотворила из ничего Хидема и Хиву, мужа и жену, потомство которых населило Землю. Эта легенда очень просто объясняет сразу все загадки. «Даже слишком просто», — думал Софр. Разумеется, удобнее всего прибегнуть к вмешательству божества, когда ты не можешь ответить на трудные вопросы. Это доказывает бессцельность попыток объяснить загадки вселенной. Впрочем, в этом случае не существует и загадок. Все всегда можно приписать божеству.

Если бы это было хоть народной легендой! А то досужий вымысел, родившийся в эпоху глубокого невежества и передававшийся веками от поколения к поколению. Взять даже имя первого человека — Хидем. Откуда это странное слово с его диким звучанием, совсем отличным от слов языка Маарт-Итен-Шу? Над этой маленькой филологической трудностью бились многие ученые, но так и не нашли загадки. Хватит. Зартог не должен обращать внимания на пустяки.

В сильном волнении Софр вышел в сад. Впрочем, именно в это время он по обыкновению совершал прогулки. Заходящее солнце уже не так сильно обжигало землю, а со Спон-Шу поднимался легкий ветерок. Бродя по тенистым аллеям, где морской ветер шептался с трепещущей лист-

вой, Софр понемногу успокаивался. Он выбросил из головы навязчивые мысли и спокойно наслаждался свежим воздухом, плодами сада, цветами, яркими красками.

Случайно он вновь очутился у дома и остановился перед глубокой ямой, в которую было свалено множество старых, ненужных инструментов, применявшихся в разных отраслях науки. Здесь, рядом со зданием старой лаборатории, готовили к закладке фундамент новой. Но в этот праздничный день на строительстве никого не было — все рабочие отдыхали. Софр машинально прикинул, много ли осталось работы, и вдруг в глубине ямы заметил какую-то блестящую точку. Подстрекаемый любопытством Софр спустился на дно и извлек странный предмет.

Это был футляр из неизвестного металла зернистой структуры, серебряного цвета, потускневший от долгого пребывания в земле. Он состоял из двух половинок, плотно пригнанных одна к другой. Софр попытался их открыть, но металл, разъеденный временем, рассыпался в его руках, высвободив спрятанный в нем предмет, который, как и футляр, был сделан из незнакомого материала. Перед Софром было множество мелких листков, покрытых непонятными знаками, правильное расположение которых наводило на мысль, что это рукопись. Софр никогда не видел письменности, даже отдаленно похожей на эту.

В нетерпении зартог поспешил запереться в лаборатории. Он бережно разложил драгоценный документ и внимательно разглядел его.

Да! Он был абсолютно уверен, что это письмена. Но Софр не сомневался и в том, что никогда на Земле не было ничего подобного. Откуда этот документ? Что он означает? Эти два вопроса сами собой возникали в сознании Софра. Но, чтобы ответить на первый, необходимо было прежде найти ответ на второй... Сначала нужно прочесть и перевести рукопись, так как можно утверждать a priori, что язык этого документа так же неизвестен, как и письмена. Неужели нельзя расшифровать? Софр не сомневался в успехе. Немедля он лихорадочно принялся за работу.

Этот труд продолжался долгие годы. Но Софр не бросил начатое. Не теряя присутствия духа из-за неудач, медленно, шаг за шагом углублялся он в изучение таинственных знаков, мало-помалу приближаясь к постижению написанного. И вот наступил великий день, когда ключ от еще нерасшифрованного загадочного манускрипта был в руках у Софра. Вскоре он смог перевести — правда, еще с большим трудом — найденную рукопись на язык «Людей четырех морей».

Когда наступил этот день, зартог Софр-Аи-Ср прочел следующее.

* * *

Росарио, 24 мая 2... г.

Эти строки пишутся далеко от Росарио. С тех пор прошло много лет, но эту точную дату я указал не случайно, как не случайна и выбранная мною форма дневника, который ведется изо дня в день. Ведь в подобных рассказах, мне кажется, нужно придерживаться документальной точности.

На каком языке мне писать? На английском или на испанском? Я одинаково хорошо владею обоими. Нет! Я буду писать по-французски — на моем родном языке.

Я начинаю рассказ об ужасных событиях, происшедших 24 мая. Хотелось бы, чтобы написанное здесь дошло до моих потомков в назидание им. Впрочем, может ли человечество надеяться на какое-то будущее?

В тот день я пригласил в себе на виллу в Росарио нескольких друзей.

Росарио — город (вернее, это был город) в Мексике, на берегу Тихого океана, немного южнее Калифорнийского залива. Я поселился там десять лет назад для разработки серебряной руды на принадлежащем мне участке. Мои дела шли на редкость удачно — я преуспевал. Я был богат, очень

богат — сегодня это слово вызывает у меня лишь усмешку. Я предполагал в скором времени вернуться на родину, во Францию.

Моя вилла, утопающая в зелени, — одна из самых роскошных в Росарио, — стояла на вершине у холма, который спускался к морю, внезапно обрываясь острым утесом высотой более ста метров. За домом начиналось множество извилистых тропинок, которые вели к горному хребту. Его высота превосходила полторы тысячи метров. Я часто поднимался в горы на своем автомобиле — отличном фаэтоне французской марки мощностью в тридцать пять лошадиных сил. Это была приятная прогулка.

Я жил в Росарио с сыном Жаном, красивым двадцатипятилетним парнем, и приемной дочерью — двадцатилетней Элен. Пять лет назад после смерти дальних, но дорогих мне родственников я взял ее на воспитание круглой сиротой без всяких средств в существованию. В глубине души я предназначал Элен и Жана друг другу.

Нас обслуживали лакей Жермен, расторопный шофер Модест Симона, Эдит и Мари — дочери садовника Жоржа Релей — и его жена Анна.

В тот памятный день мы сидели за столом, освещенным лампами, питающимися от выстроенной в саду электростанции. Кроме нас троих, было еще пятеро гостей, трое из них англосаксы, а двое мексиканцы.

Доктор Бэсэртс принадлежал к первым, а доктор Морено — ко вторым. Это были ученые в самом широком смысле слова, что, впрочем, не мешало им постоянно спорить между собой. А в сущности, они были славные люди и лучшие в мире друзья.

Второго англосакса звали Уильямсон. Он владел крупным рыбным промыслом в Росарио. Третий — Роулинг — был смельчак, отважившийся разводить в окрестностях города разные внесезонные фрукты и овощи, которые уже начинали приносить ему крупный доход.

И наконец, последним из гостей был сеньор Мендоса — председатель городского суда, человек весьма уважаемый, просвещенный и неподкупный судья.

Обед подходил к концу без особых происшествий. Я забыл, о чем мы говорили за столом, но отлично помню весь разговор, который велся за сигарами. Не скажу, чтобы тема было особенно интересной, но внезапные события, следовавшие вскоре, послужили как бы трагической иллюстрацией к нашей беседе. Поэтому я и запомнил ее на всю жизнь. Не знаю почему, речь вдруг зашла об удивительном прогрессе, достигнутом человечеством. Вдруг доктор Бэсэртс сказал:

— Действительно, если бы сейчас Адам (конечно же, как истинный англосакс он произносил «Эдем») и Ева (он произносил, разумеется, «Ива») вернулись бы на Землю, они были бы здорово удивлены...

Эти слова вызвали спор. Морено, ярый дарвинист, убежденный сторонник теории естественного отбора, язвительно спросил Бэсэртса, верит ли он в легенду о земном рае? Бэсэртс отвечал, что он, по крайней мере, верит в Бога и что существование Адама и Евы подтверждено Библией, поэтому он не смеет это оспаривать. Морено парировал: он верит в Бога не меньше, чем его собеседник, но первый мужчина и первая женщина могли быть лишь мифом, иначе говоря, не более чем символами. Тогда вовсе не будет богохульством предположить, что Библия хотела таким образом олицетворить дыхание жизни, внесенное животворящей силой в первую клетку, из которой произошли все остальные.

Бэсэртс возразил, что такое объяснение несостоятельно и, по его мнению, человечеству куда более лестно считать себя произведением самого божества, чем происходить от него посредством каких-то обезьяноподобных приматов.

Я почувствовал, что разговор вот-вот накалится до крайности, как вдруг он неожиданно прекратился вообще — противники случайно затронули такую тему, которая тут же примирила обоих. Впрочем, их дискуссии почти всегда кончались подобным образом.

На этот раз, вернувшись к теме, с которой начался спор, оба пришли к выводу, что независимо от того, каким образом возникло человечество, нельзя не восхищаться его высокой культурой. Они с гордостью принялись перечислять до-

стижения цивилизации. Эта тема заинтересовала и остальных. Бэсэртс превозносил химию, говоря, что она дошла до такого уровня развития, при котором неизбежно должна исчезнуть как самостоятельный предмет изучения, слившись с физикой.

Морено стал восхищаться успехами медицины и, в частности, хирургии, благодаря которым удалось постичь самую сущность природы жизненных явлений. Удивительные открытия позволяли надеяться, что в недалеком будущем живые организмы обретут бессмертие. После этих тирад противники принялись наперебой расхваливать высокие достижения астрономии. Ведь уже найден способ сноситься с семью планетами солнечной системы, а на очереди уже были звезды.

Устав от собственного энтузиазма, оба защитника прогресса смолкли. Этим молчанием воспользовались остальные гости, чтобы высказать свои соображения. Разговор зашел о практических изобретениях, которые так улучшили условия человеческой жизни. Восхвалялись железные дороги и пароходы, облегчившие перевозку тяжелых, громоздких грузов, всевозможные летательные аппараты, туннели для пневматических или электрических поездов, проложенные под морями и континентами. Восхвалялись многочисленные машины, одна хитроумнее другой, заменяющие труд сотен людей, книгопечатание, фотография цвета, звука, света, теплоты и колебаний эфира. Более всего славили электричество, эту гибкую, послушную, досконально изученную силу, приводящую в движение различные механизмы, морской, подводный и воздушный транспорты; благодаря ей люди смогли переписываться, беседовать и видеть друг друга на любом расстоянии.

Я тоже, признаюсь, принял участие в этом прославлении цивилизации. Все сошлись на том, что человечество достигло уровня умственного развития, неведомого до нашей эпохи, и скоро окончательно покорит природу.

— Однако, — воспользовавшись паузой, сказал своим тоненьким голоском председатель Мендоса, — я позволю себе заметить, что подобного уровня цивилизации уже дости-

гали некоторые народы, которые исчезли с лица Земли, не оставив ни малейших следов...

— Какие народы? — хором спросили все.

— Ну, например, вавилоняне...

Последовал взрыв хохота. Сравнить вавилонян с современным человечеством!

— Египтяне, — невозмутимо продолжал Мендоса.

Раздался новый взрыв смеха.

— Также атланты, которые лишь по нашему неведению считаются обитателями мифической страны. Добавьте к этому списку другие народы, предшествовавшие атлантам. Они могли появиться, процветать и исчезнуть, тогда как мы не имеем об этом ни малейшего представления.

Дон Мендоса упорствовал, доказывая этот парадокс, и чтобы не обижать его, мы сделали вид, что согласны с ним.

— Видите ли, мой друг, — начал внушать Морено тем наставительным тоном, которым обычно дают разумные советы непослушным детям, — я думаю, вы не станете утверждать, что какой-то из этих народов смог достичь уровня развития цивилизации, равного современному. Я еще допускаю такое равенство в области духовной культуры, но в области технического прогресса...

— А почему бы и нет? — возразил дон Мендоса.

— Потому что особенность наших открытий, — старался объяснить Бэсэртс, — в том, что они мгновенно разносятся во все уголки земного шара, и гибель одного или даже многих народов не могла бы предать забвению все многочисленные изобретения. Для того, чтобы полностью исчезли все плоды человеческих усилий, нужно, по крайней мере, чтобы все население Земли вдруг перестало бы существовать. Неужели вы допускаете такую гипотезу?

Пока мы беседовали подобным образом, в бесконечной вселенной продолжали разворачиваться ужасные события, которые через минуту вполне подтвердили скептицизм Мендосы, но мы даже не подозревали об этом и продолжали мирно беседовать, одни — облокотясь на стол, другие — откинувшись в кресле, бросая сочувственные взгляды на Мендосу, который, как мы считали, был окончательно сражен реп-

ликой Бэсэртса.

— Прежде всего, — спокойно ответил судья, — следует отметить, что население Земли в древности было гораздо меньше нынешнего, значит, вполне вероятно, что только один народ владел всеми накопленными знаниями. А кроме того, я не вижу ничего абсурдного в предположении, что в одну секунду может быть уничтожена вся земная поверхность.

— Ну, это уж слишком! — вскричали мы хором.

Именно в этот момент произошла мировая катастрофа. Мы не успели еще закрыть рта, как послышался страшный шум. Земля тряслась и уходила из-под ног, дом качался на фундаменте.

Охваченные непередаваемым ужасом, все, толкаясь, бросились к дверям. Едва мы выбежали из дома, вилла рухнула, похоронив под развалинами дона Мендосу и лакея Жермена, не успевших выскочить в сад. Сначала мы словно остолбенели, потрясенные происходящим, затем хотели кинуться им на помощь, как вдруг заметили садовника Релея и его жену, которые бежали к нам на вершину холма, крича изо всех сил:

— Море! Море!..

Я повернулся к океану и застыл, оцепенев от ужаса. Я даже сразу не смог понять, что именно произошло, но ясно осознавал, что творится нечто невиданное: привычный пейзаж был неузнаваем. Однако этого было вполне достаточно, чтобы похолодело сердце. Ведь природа, сама природа, которую мы считали незыблемой, так неожиданно изменилась за какую-то секунду!

Тем не менее, ко мне вернулось прежнее хладнокровие. Истинное превосходство человека состоит не в том, чтобы властвовать, покоряя природу, а совсем в другом — для мыслителя в том, чтобы постичь ее, удерживать бесконечную вселенную в крошечных клетках мозга, для человека действия — сохранять душевное спокойствие перед бунтом материи, уметь сказать: «Меня можно уничтожить, но не взволновать!»

Придя в себя, я понял, чем картина, стоящая перед моим взором, отличалась от той, которую я наблюдал вот уже де-

сять лет. Исчезла скала, и мой сад опустился до уровня океана. Волны уже смыли дом садовника, стоявший ниже виллы...

Маловероятно, что настолько поднялся уровень воды, скорее наоборот, земля резко осела, причем больше, чем на сто метров, поскольку прежний обрыв был именно такой высоты. Понижение должно было произойти довольно плавно — мы ничего не почувствовали, и океан тоже был относительно спокоен.

Осмотревшись, я убедился, что моя догадка была правильной, но заметил, что понижение продолжалось. Море все наступало со скоростью двух метров в секунду, или семи-восьми километров в час. Прикинув расстояние, которое отделяло нас от первых волн, я понял, что мы рисковали погибнуть меньше чем через три минуты, если вода будет надвигаться с той же скоростью. Я тотчас же принял решение и крикнул:

— В машину!

Разгадав мой замысел, все кинулись к гаражу и выкатили машину. В мгновение ока она была заправлена бензином, и мы как попало разместились в ней. Шофер Симона завел мотор, вскочил в автомобиль, включил передачу, и на полной скорости мы выехали на дорогу. Открывавший ворота Релей прыгнул на ходу, уцепившись за задние рессоры.

Мы успели вовремя! Когда автомобиль выехал на дорогу, хлынувшая вслед вода замочила колеса до втулок. Да! Теперь мы могли смеяться над догонявшим нас морем! Несмотря на чрезмерную нагрузку, моя славная машина свободно уходила от преследования волн, если только это оседание земли не будет продолжаться бесконечно...

В конце концов, у нас в запасе было, по крайней мере, два часа подъема на высоту около 1500 метров. Но очень скоро я понял, что торжествовать рано... Первый рывок машины отнес нас, правда, сразу на двадцать метров от пенистого гребня волны, но напрасно Симона пытался увеличить скорость: расстояние, отделявшее нас от воды, не увеличивалось. Груз пассажиров, конечно, замедлял ход маши-

ны. Но все-таки скорость автомобиля была точно такой же, как и скорость наступления водного потока, который отставал от нас на двадцать метров.

Определив это, мы все, кроме Симона, старательно ведущего машину, обернулись назад. Дороги за нами уже не было. Повсюду пенилась вода. Мы мчались вперед, между тем, дорога, по которой мы проезжали, исчезала, поглощаемая морем. Водная поверхность стала спокойной, лишь местами замирала небольшая рябь. Это напоминало огромное гладкое озеро. Оно мерно росло, увеличивалось, разливалось... И самым страшным была та неумолимость, с которой преследовала нас спокойная водная масса. Напрасно мы убегали от нее — вода продолжала подниматься вместе с нами.

Симона, пристально смотревший на дорогу, сказал на одном из поворотов:

— Мы проехали полпути. Остался еще час подъема!

Все вздрогнули. Через час мы доберемся до вершины, и нам придется спускаться, спасаясь от погони надвигающейся лавины, которая все равно обрушится на нас, как быстро бы мы ни мчались.

Прошел час, а наше положение не изменилось. Мы уже видели перед собой вершину хребта, как вдруг машину сильно потрянуло и так резко занесло в сторону, что, стукнувшись о придорожные скалы, она едва не разлетелась вдребезги. Тут же позади нас выросла огромная волна, она неслась вперед, затем отступила и обрушилась, наконец, на машину, покрыв ее белой пеной. Спасемся мы или погибнем? Но вода, грозно бурля, отошла, а мотор участил свое порывистое дыхание и ускорил ход автомобиля.

Почему так внезапно выросла скорость? Крик Анны Рейлей все объяснил. Бедная женщина только что заметила, что ее муж больше не держится за рессоры. Наверное, волна смыла несчастного садовника, и облегченная машина стала быстрее взбираться по склону. Вдруг она остановилась.

Впереди, меньше чем в десяти метрах от нас, дорога была отрезана, да, именно отрезана — как бы отсечена ножом. За острым гребнем, которым внезапно оканчивалась

скала, начиналась пустота, темная пропасть, дно которой разглядеть было невозможно.

Уверенные, что пробил наш последний час, мы обернулись: неумолимый океан вот-вот догонит нас...

Неожиданно все, кроме несчастной Анны и ее дочерей, которые отчаянно рыдали, радостно вскрикнули. Нет, вода больше не прибывала — или, точнее, земля перестала опускаться. Видимо, тот толчок, который мы ощутили, был последним актом этой катастрофы. Океан остановился. Его уровень был примерно метров на сто ниже той площадки, где мы столпились вокруг еще дрожащей машины, похожей на запыхавшееся животное. Удастся ли нам выбраться из этого ужасного положения? Это мы могли узнать лишь при свете дня. Оставалось только ждать. Тогда один за другим мы улеглись на земле, и, да простит мне Господь, я, кажется, даже уснул.

Н о ч ь ю.

Вздрогнув, я проснулся от страшного грохота. Который час? Неизвестно. Нас еще окружала ночная мгла. Шум исходил из той бездонной пропасти, которой обрывалась дорога. Что там творится? Можно подумать, что в бездну низвергаются лавины воды или что на дне ее яростно стелкиваются огромные волны. Да, конечно это так! До нас долетали пена и брызги! Затем мало-помалу все стихло. Воцарилась тишина. Небо посветлело. Наступило утро.

2 5 м а я.

Как это мучительно — медленное постижение реальности. Сначала мы различали лишь то, что нас окружает, затем круг расширился, увеличился, как будто наша обманутая надежда приподнимала одну за другой бесчисленное множество легких завес. И вот, наконец, яркий свет... Рассеялись последние иллюзии.

Увы! Все на редкость просто. Мы — на острове. Со всех сторон нас окружает море. Еще вчера мы видели множе-

ство горных вершин, многие из которых были выше той, где мы находились. Все эти вершины исчезли, тогда как наша, очень неприметная, по совершенно необъяснимым причинам перестала вдруг погружаться в воду и уцелела. На месте бывших гор расстилалась бесконечная водная гладь. Кругом — только море, до самого горизонта. У нас под ногами — единственный на всем этом огромном водном пространстве участок суши.

Чтобы осмотреть островок от края до края, достаточно и одного взгляда. Все-таки нам невероятно посчастливилось, что мы оказались именно здесь, на единственном уцелевшем клочке суши.

Островок очень мал — около километра в длину и полкилометра в ширину. Он приподнят над уровнем воды метров на сто и полого опускается к северу, западу и югу. А на востоке островок венчает скала, отвесно обрывающаяся в океан. Сюда и были обращены наши взоры. В этом направлении раньше поднимались ступенчатые горы, а за ними расстилалась вся Мексика. Как все изменилось за одну короткую весеннюю ночь!

Горы исчезли. Мексику поглотили воды, на их месте бескрайняя, бесплодная морская пустыня!

В ужасе глядели мы друг на друга. Без пищи, без воды, загнанные на эту голую узкую скалу, — у нас пропала последняя надежда. В полном отчаянии мы улеглись на земле, ожидая приближения смерти.

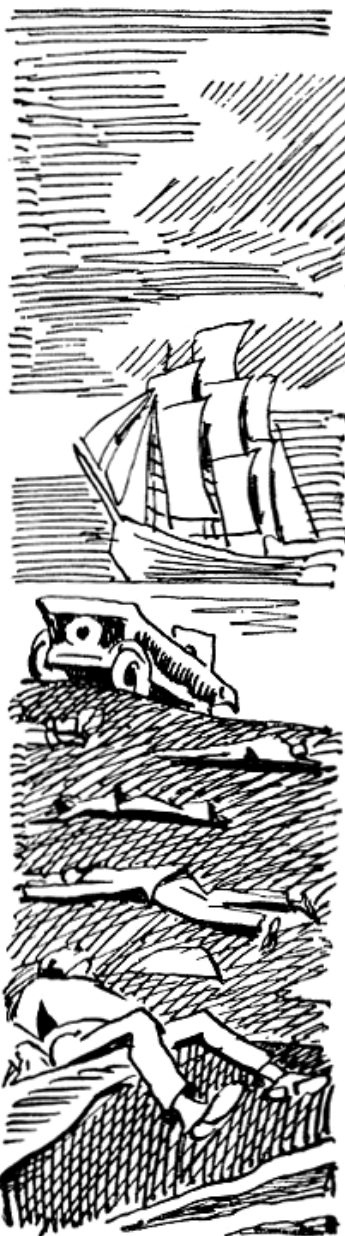
На борту «Виргинии», 4 июня.

Я плохо помню, что произошло в последующие дни. Видимо, я потерял сознание и пришел в себя лишь на борту подобравшего нас судна. Только тогда я узнал, что мы провели на островке целых десять дней, и двое из нас — Уильямсон и Роулинг — умерли от голода и жажды. Из пятнадцати человек, находившихся у меня на вилле в момент катастрофы, уцелели всего девять: мой сын Жак, воспитанница Элен, шофер Симона, тяжело переживавший гибель машины; Анна Релей с двумя дочерьми, Морено и Бэсэртс

и, наконец, я сам, в спешке пишущий эти строки в назидание потомкам, если только они появятся на свет.

«Виргиния» — одновременно паровое и парусное грузовое судно водоизмещением две тысячи тонн. Это довольно старый корабль, развивающий небольшую скорость. Капитан Моррис и его экипаж из двадцати человек — англичане.

«Виргиния» месяц назад вышла из Мельбурна и двигалась на восток к Росарио. Плавание проходило без происшествий, как вдруг в ночь с 24 на 25 мая поднялись ужасные волны огромной высоты, но, к счастью, и пропорциональной длины — это спасло судно. Несмотря на странность этих волн, капитан и не подозревал, что они были предвестниками жуткой катастрофы, происшедшей на всем земном шаре. Он был очень удивлен, увидев лишь морскую гладь в том месте, где должен был находиться Росарио. От всего побережья уцелел только островок, куда и причалила шлюпка с «Виргинии». Матросы обнаружили одиннадцать бесчувственных тел, в девяти из них еще теплилась жизнь... Так мы были спасены...

На суше. Январь или февраль.

Со дня моей последней записи прошло восемь месяцев. У меня исчезло точное представление о времени, и мне трудно сказать, какой сейчас месяц — январь или февраль...

Эти восемь месяцев были самыми ужасными за все время испытаний: мы постепенно осознавали всю трагичность нашего положения.

Подобрав нас, «Виргиния» на полном ходу продолжала двигаться на восток. Когда я очнулся, островок, где мы едва не погибли, давно уже скрылся за горизонтом. Благодаря ясному небу капитану удалось установить координаты, и оказалось, что мы плывем именно там, где должен был находиться Мехико. Но от города не осталось ни малейших следов. Так же бесследно исчез и центральный горный массив, который пытались разыскать в то время, когда я был в беспамятстве. Повсюду, куда ни бросить взгляд, было лишь бескрайнее море — ни клочка земли! В этой сплошной морской глади было что-то, наводящее ужас. Мы чувствовали, что вот-вот лишимся рассудка. Ведь вся Мексика затоплена! Мы в страхе переглядывались, спрашивая себя, какие еще опустошения нанесла эта жуткая катастрофа? Капитан тоже, видимо, хотел узнать это и изменил курс на север.

Пусть больше не существует Мексики! Но не мог же исчезнуть весь Американский континент!

Увы, он исчез! Напрасно целых двенадцать дней мы двигались к северу — нигде мы не обнаружили суши. Капитан менял курс раз за разом, в течение месяца «Виргиния» плыла на юг, но и там мы не встретили и островка земли. Как ни парадоксальна была истина, у нас хватило сил убедиться в ее очевидности — да, весь Американский материк находился под водой.

Неужели нам удалось спастись лишь затем, чтобы вторично познать смертные муки? К сожалению, были все основания для таких опасений. Не говоря уже о продовольствии, которое в один прекрасный день кончится, что будет с нами, когда из-за отсутствия угля остановится двигатель?

Так перестает биться сердце обескровленного животного...

Вот почему 14 июля (мы как раз находились на месте бывшего Буэнос-Айреса) капитан Моррис приказал потушить топку и поднять паруса. Затем он собрал экипаж и пассажиров «Виргинии» и в нескольких словах изложил ситуацию. Он попросил всех поразмыслить и предложить какой-нибудь выход из этого положения на завтрашнем совете. Не знаю, пришел ли кому-нибудь в голову хитроумный план, но что до меня, я, признаюсь, решительно ничего не мог придумать.

Но вдруг поднявшаяся ночью буря сама разрешила эту проблему. Разбушевавшийся ветер увлекал за собой судно. Нужно было спастись — как можно скорее плыть на запад, иначе каждую минуту нас могло поглотить свирепое море...

Ураган продолжался 35 дней, ни на мгновение не прекращаясь и не затихая. Мы уже начали сомневаться, кончится ли он когда-нибудь, как вдруг 19 августа хорошая погода наступила так же внезапно, как и прекратилась. Капитан этим воспользовался, чтобы определить наши координаты: мы были на месте Пекина.

Значит, во время бури мы проплыли над Полинезией и, может быть, над Австралией, даже не заметив этого. А там, где мы плыли сейчас, раньше была столица империи с четырехсотмиллионным населением. Неужели Азия подверглась той же участи, что и Америка?

Скоро мы убедились в этом. Плывя на юго-запад, «Виргиния» достигла сначала Тибетских гор, а затем Гималаев. Здесь должны были находиться высочайшие вершины земного шара. Но ни в одном направлении ничто не нарушало бескрайнюю гладь океана. Значит, видимо, не существовало другой суши, кроме того островка, на котором спаслись мы, единственные люди, пережившие эту катастрофу, последние обитатели мира, погребенного сейчас под спокойным саваном вод.

А если это так, мы тоже скоро погибнем. Несмотря на строгий рацион, продовольствие кончалось, и не было никакой надежды на пополнение запасов.

Я умышленно так кратко описываю это страшное пла-

вание, ведь, чтобы подробно рассказать обо всем, мне пришлось бы вновь мысленно пережить те дни, и, боюсь, я бы сошел с ума от воспоминаний.

Какими бы страшными и ужасными ни были события, которые предшествовали или следовали за этим плаванием, каким плачевным ни казалось бы мне будущее — будущее, которого я не увижу, — всю силу страданий мы познали во время этого адского путешествия. О, это вечное движение по нескончаемому морю! Постоянное ожидание высадки, последнего дня плавания, который все не наступал! О, эта жизнь, когда, склонившись над картой, на которой люди провели извилистые линии берегов, ты твердо знаешь, что ничего, абсолютно ничего не осталось больше от этих мест, считавшихся вечными... Как мучительно было сознавать, что Земля, которая трепетала раньше под тяжестью бесчисленных живых существ, в одно мгновение исчезла под водой, что миллионы людей и мириады животных, населявших все ее уголки, разом угасли, как угасает маленький огонек от дуновенья ветра... Напрасны были наши поиски жизни! И вот пришел тот день, когда мы до конца постигли окружающую нас пустоту, безмолвие и собственное одиночество среди безжалостной вселенной!

Не знаю, удалось ли мне найти нужные слова, чтобы передать всю владевшую нами скорбь? Мне кажется, ни на одном языке нет таких слов, которые хотя бы частично могли бы воссоздать картину событий, каких до нас не довелось испытать ни одному человеку...

Обнаружив на месте полуострова Индостан все то же море, мы в течение десяти дней двигались к северу, а затем взяли курс на запад. Ничего нового! Мы пересекли цепь Уральских гор, ставших теперь подводными, и плыли над тем, что когда-то называлось Европой. Затем мы спустились на 20° ниже экватора и, обессилев от бесплодных поисков, снова повернули на север, пройдя над водной поверхностью, скрывающей Африку и Испанию. По правде говоря, мы уже стали понемногу привыкать к нашему жуткому положению. По мере продвижения мы машинально отмечали по карте путь, говоря:

— Здесь была Москва, Варшава, Берлин, Вена, Рим, Тунис, Томбукту, Сен-Луи, Оран, Мадрид...

Но, привыкнув, мы произносили эти трагические слова все более безразлично.

И все-таки я не совсем разучился страдать! Я убедился в этом (примерно одиннадцатого декабря), когда капитан Моррис сказал мне:

— Здесь был Париж!

Я вдруг почувствовал, что от боли у меня разрывается сердце. Пусть будет затоплена вся вселенная! Но Франция, моя Франция и Париж, ее символ! Мне почудилось, что я слышу какие-то рыдания. Я обернулся — это плакал Симона.

В течение следующих четырех дней мы двигались на север, затем, достигнув уровня Эдинбурга, повернули на юго-запад в поисках Ирландии, и, наконец, был взят курс на восток. Теперь мы брели наугад, так как больше не было смысла идти в каком-то определенном направлении.

Мы прошли над Лондоном, и его подводной могиле отдал честь весь экипаж.

Пять дней спустя, когда мы были где-то в районе Данцига, капитан Моррис приказал взять курс на юго-запад. Рулевой пассивно подчинился. Что это могло изменить? Ведь кругом было одно и то же — море!

Через девять дней был съеден последний сухарь. Мы в полной безнадежности глядели друг на друга. Неожиданно капитан Моррис велел зажечь топку. Зачем? Я до сих пор не могу этого понять. Но приказ был выполнен, скорость судна возросла.

Через два дня мы уже сильно страдали от голода. На следующий день почти все упрямо отказывались подняться. Продолжали двигаться лишь капитан Моррис, Симона, несколько человек из экипажа и я — мы кое-как управляли судном.

Назавтра, то есть на пятый день голода, число добровольных рулевых и механиков уменьшилось. На следующие сутки ни у кого из нас не было сил держаться на но-

гах. Мы путешествовали более семи месяцев, бороздя море во всех направлениях.

Было восьмое января. Я не совсем уверен в точности даты: мы сбились с календаря. В тот день я стоял у штурвала, напрягая все слабеющее внимание, чтобы идти по курсу. Вдруг мне показалось, что я различаю что-то на западе. Я силился рассмотреть это, полагая, что все равно мне только мерещится... Но нет, я не ошибся! Я крикнул изо всех сил:

— Право по борту земля!!!

Какой магический эффект произвели эти слова! Все умирающие словно ожили, и их исхудалые лица показались над стрингером правого борта.

— Да, это земля! — подтвердил капитан Моррис, разглядывая туманную полосу, появившуюся на горизонте.

Через полчаса не осталось никаких сомнений. Да, после тщетных поисков земли на поверхности всех бывших континентов мы нашли ее, наконец, посреди Атлантического океана. К трем часам можно было уже разглядеть очертания побережья, преграждающего нам путь, и мы почувствовали, как вновь нас охватывает отчаяние. Ведь этот берег не походил ни на один другой, никому из нас не доводилось встречать такую абсолютную, совершенную первозданность.

На той земле, где мы жили до катастрофы, преобладал зеленый цвет. Здесь же, на этом скудном берегу, не было ни одного кустика, ни пучка травы, ни, наконец, хотя бы следов мха или лишайника. Мы различали лишь высокую темную скалу, у подножия которой были нагромождены камни. Ни деревца, ни травинки! Полная, сплошная бесплодность!

Двое суток мы шли вдоль этих обрывистых скал, не обнаружив ни малейшей расселины. И лишь вечером второго дня мы заметили просторную бухту, хорошо защищенную от всех окрестных ветров, в глубине которой и бросили якорь. Доплыв на лодках до берега, мы сразу же занялись поисками пищи. Весь берег был покрыт миллионами раковин и населен сотнями черепах. В трещинах рифов оби-

тало баснословное количество крабов, омаров и лангуст, не было недостатка и в рыбе. Нам стало ясно, что это богатое море может прокормить нас неограниченное время, если мы не найдем другого источника пищи.

Немного подкрепившись, по ущелью в скале мы добрались до плоскогорья. Нашим взорам открылось огромное пространство. Да, внешний вид берега с корабля не обманул нас. Везде и всюду — бесплодные камни, покрытые высохшими водорослями, ни травинки! Никакой жизни ни на земле, ни на небе! Местами виднелись маленькие озера, скорее пруды, блестящие под лучами солнца. Когда нам захотелось утолить жажду, мы обнаружили, что в них соленая вода.

Честно говоря, мы не были удивлены. Факты подтверждали наши догадки — этот неизвестный континент появил-

ся совсем недавно, целиком выйдя из морских глубин. Этим объясняются его бесплодность и пустынность, а также возникновение плотного слоя тины, покрывающего поверхность. Высохнув, эта тина начинала трескаться и обращаться в пыль.

На следующий день капитан Моррис определил наши координаты: 17°20' с. ш. и 23°55' з. д. Обратясь к карте, мы увидели, что эти точки расположены посреди Атлантического океана, недалеко от Зеленого Мыса. Но, однако, теперь земля — на западе и море — на востоке простирались до горизонта.

Каким бы неприветливым и негостеприимным ни был континент, где мы высадились, выбора у нас не было... Вот почему «Виргиния» была быстро разгружена. На берег перенесли все без разбора. Судно прочно закрепили на четырех якорях на глубине пятнадцати броссов. В этой спокойной бухте оно было в безопасности, и мы могли оставить его без присмотра.

Наша новая жизнь началась, как только окончилась разгрузка.

Прежде всего следовало...

* * *

Переведя эти строки, зартог Софр был вынужден остановиться. Следующие страницы были повреждены. Судя по их количеству, они содержали, видимо, важные сведения. А дальше следовали лишь отдельные отрывки в таком порядке.

* * *

...мы начали привыкать. Сколько времени прошло со дня нашей посадки? Я потерял счет дням. Я спросил у доктора Морено — он ведет календарь. Доктор ответил:

— Шесть месяцев. Возможно, я ошибаюсь на несколько дней.

Да, мы уже сбились со счета. Потребовалось всего полгода, чтобы начать сомневаться, правильно ли мы исчисляли время.

Если так пойдет и дальше, хорошие же нас ждут перспективы!

Впрочем, эта слабая ориентация во времени не удивительна. Ведь все усилия уходят лишь на заботы о самосохранении. Добывание пищи занимает весь день. Чем мы питаемся? Рыбой, когда ее удастся поймать, но это становится все труднее и труднее. Постоянная опасность просто спугнула ее. Едим еще черепашьи яйца и некоторые съедобные водоросли. К вечеру мы сыты, но настолько измучены, что думаем лишь о сне. Из парусов «Виргинии» мы соорудили самодельные палатки. Мне кажется, нужно поскорее построить более прочное жилище.

Иногда случается подстрелить птицу. Небо не так уж пустынно, как нам показалось вначале. Над этим новым континентом летает около десятка известных пород птиц, как правило, перелетных: ласточки, альбатросы, кондоры и другие. Им тоже, видимо, нелегко найти себе корм на этой скудной, лишенной растительности земле, поэтому они постоянно кружатся над лагерем, привлекаемые остатками нашей скудной трапезы. А случается, мы находим просто на земле какую-нибудь птицу, умершую от голода. Такие находки сберегают нам ружья и порох.

К счастью, все же есть надежда, что наше ужасное положение улучшится. В трюме «Виргинии» обнаружили мешок пшеницы, и мы посеяли часть зерна. Если сев удался, наша жизнь станет намного легче. Но прорастет ли зерно в почве, покрытой наносами, песчаным илом, пусть даже и удобренной водорослями (как ни скудна здешняя земля, это все-таки перегной)? Когда мы высадились на материк, вся его поверхность была пропитана солью, но проливные дожди сильно увлажнили почву, и теперь все впадины наполнены пресной водой. К сожалению, вода в реках и ручьях еще солоновата — значит, глубинные слои почвы пока

насыщены солью...

Чтобы посеять зерно и сохранить для запаса половину мешка, пришлось выдержать целое сражение. Часть экипажа «Виргинии» настаивала на немедленной выпечке хлеба. Но остальные были против, так как...

* * *

...которые были на борту «Виргинии». Эти две пары кроликов убежали куда-то в глубь материка, и больше их не было видно. Они, видимо, нашли себе пропитание. Другого объяснения нет, нежели земля способна произвести...

* * *

...прошло не меньше двух лет, как мы здесь. Посев зерна удался на славу. Хлеба у нас почти вдоволь, а поля все разрастаются, но какую войну приходится вести с птицами! Их развелось великое множество, и они летают над колосьями злаков...

* * *

Несмотря на смерти, о которых я уже писал, наше маленькое племя не уменьшается, а, наоборот, все растет! У моего сына и воспитанницы — трое детей. По трое и в остальных трех семьях. Эта детвора пышет здоровьем. Можно предположить, что человеческий род стал сильнее и жизнеспособнее с тех пор, как настолько уменьшился. Но множество причин...

* * *

...здесь уже десять лет, но до сих пор ничего не знали об этом континенте. Нам был хорошо знаком лишь район в радиусе нескольких километров от лагеря. Доктор Бэсэртс упрекнул нас в нелюбознательности, и по его настоянию мы в течение полугода снаряжали «Виргинию» и, наконец, предприняли эту научную экспедицию.

Она завершилась позавчера. Путешествие оказалось продолжительнее, чем мы предполагали. Но нам хотелось увидеть как можно больше. Мы проплыли вокруг всего материка. Этот континент и тот островок, где мы спаслись, по видимому, единственные участки суши на всем земном шаре. Побережье везде одинаковое — дикое и гористое.

Наше плавание прерывалось частыми вылазками в глубь материка. Особенно мы надеялись найти следы Азорских островов и Мадейры, которые до катастрофы находились в Атлантическом океане и должны были составлять часть нового континента. Но ничто не подтвердило это предположение. Нам лишь удалось обнаружить, что в том месте, где раньше были эти острова (центр ужасных вулканических явлений, несомненно, находился именно здесь), земля была изрыта и выстлана толстым слоем лавы.

В общем, искали мы одно, а нашли совсем другое. В районе, где должны были быть Азорские острова, мы обнаружили наполовину покрытые лавой продукты человеческого труда, причем относящиеся не к нашей эпохе, а к далекому прошлому. То были обломки колонн и глиняной посуды, каких мы никогда не встречали. Внимательно изучив находки, доктор Морено выдвинул гипотезу, что все это осталось от древней Атлантиды, а вулканический взрыв извлек эти остатки на поверхность.

Может быть, доктор Морено и был прав. Если Атлантида когда-нибудь существовала, она должна была находиться где-нибудь в районе нового континента.

Было бы весьма любопытно, если подобная смена трех цивилизаций, появившихся независимо друг от друга, произошла в одной и той же географической области. Но как бы интересна ни была эта гипотеза, признаюсь, меня она абсолютно не взволновала — у нас столько забот в настоящем,

что думать о прошлом нет времени...

Вернувшись, мы вдруг обратили внимание на расположение нашего лагеря и удивились, насколько оно удачно. Прежде всего, тут изредка попадает зеленый цвет, встречавшийся прежде в таком изобилии, тогда как на остальной части материка он полностью отсутствует. До сих пор мы как-то этого не замечали. Когда мы сюда высадились, нигде не было ни травинки, теперь же лагерь окружала зелень. Правда, ее было немного: в основном те древние виды растений, семена которых, возможно, занесли птицы. Впрочем, это не значит, что тут не было другой растительности. Природа совершила какой-то странный процесс ассимиляции, и на всем континенте стали появляться зачатки новой своеобразной флоры. Многие из них успешно развиваются и обещают устлать землю зеленым ковром.

Морские растения, покрывавшие континент, когда он выступил из воды, большей частью погибли под лучами солнца. Некоторые, однако, выжили в озерах, прудах и лужах, которые жара постепенно высушивала. Но одновре-

менно возникали новые ручьи и реки, пригодные для жизни водорослей, потому что вода была в них соленой. Когда верхние, а затем и глубинные слои земли лишились соли и вода стала пресной — большинство этих водорослей погибло. Но некоторые, приспособившись к новым условиям, могли так же хорошо существовать в пресной воде, как и в соленой. Более того, некоторые, обладавшие наибольшей приспособляемостью, сумели потом прижиться на суше — сначала по берегам, а затем распространяясь все дальше в глубь континента.

Это превращение происходило у нас на глазах, и мы убедились, что растения могут меняться как внешне, так и по своим свойствам. Некоторые стебельки уже робко тянутся к свету.

Возможно, из этих стебельков возникнет совершенно новая флора, и между только что появившимися и древними растениями завяжется яростная борьба.

То же творится и в животном мире. По берегам водоемов обитают древняя морская фауна, моллюски, ракообразные, которые постепенно превращаются в земноводных. Воздух населен летающими рыбами — впрочем, скорее птицами, чем рыбами. Их крылья неизмеримо выросли, а хвосты изогнулись таким образом, что...

* * *

Последний фрагмент являлся концом рукописи.

* * *

...совсем старые. Умер капитан Моррис. Доктору Бэсэртсу шестьдесят пять лет, Морено — шестьдесят, мне — шестьдесят восемь. Все мы скоро простимся с жизнью. Но раньше каждый, по мере сил, исполнит свой долг — мы

должны помочь будущим поколениям в борьбе, которая их ожидает. Но появятся ли они, эти будущие поколения?

Я ответил бы утвердительно, если бы исходил только из численного увеличения нашего племени — дети рождаются непрерывно, причем в этом здоровом климате, при отсутствии хищников человек долголетен.

Наша маленькая колония уже выросла вдвое.

Но, несмотря на это, я вынужден дать отрицательный ответ, принимая во внимание глубокое духовное вырождение моих собратьев.

А ведь эта горсточка людей находилась в таких благоприятных условиях, что могла бы воспользоваться сокровищницей человеческих знаний.

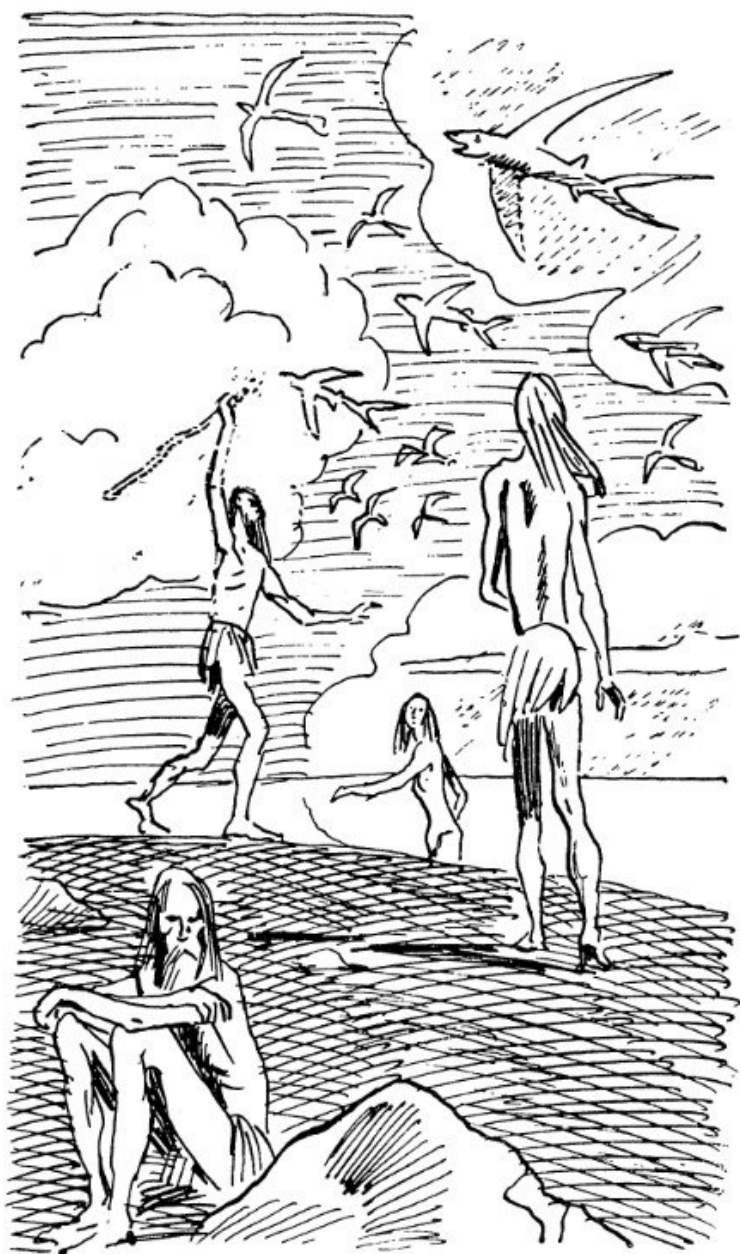
Среди нас был на редкость энергичный человек, покойный капитан Моррис, двое людей очень высокой культуры — мой сын и я сам, а также двое настоящих ученых — Бэсэртс и Морено. Такие люди, казалось, могли чего-то добиться. Но мы ничего не сделали. С первых же дней мы только заботимся о нашем самосохранении. И по сей день мы тратим все время на поиски пищи, а вечером, смертельно усталые, моментально засыпаем.

Увы! Слишком очевидно, что человечество, единственными представителями которого мы являемся, быстро регрессирует.

Наступит тот день, когда оно вернется к первоначальному животному состоянию.

Черты этой деградации заметны прежде всего у матросов «Виргинии» — людей невежественных. Но и мой сын и я забыли то, что знали. Мозг доктора Бэсэртса и доктора Морено в полном бездействии. Можно сказать, что наша умственная деятельность прекратилась. Как хорошо, что много лет назад мы совершили плавание вокруг материка! Теперь у нас не хватило бы на это мужества, а кроме того, умер капитан Моррис — руководитель экспедиции, и «Виргиния» развалилась от ветхости.

В начале пребывания кое-кто попытался соорудить себе жилища. Эти незаконченные постройки превратились сейчас в развалины.

Давно превратилась в лохмотья одежда, когда-то прикрывавшая наши тела. В течение нескольких лет мы мастерили себе костюмы из водорослей, но эти костюмы становились все более примитивными; наконец, мы отказались от них совсем — климат настолько мягок, что все ходят голыми, совсем как дикари.

Еда — вот что стало нашей постоянной целью, нашим единственным занятием.

Впрочем, еще сохранились какие-то остатки прежних понятий и былых чувств. Мой сын Жак, зрелый мужчина, уже дедушка, не утратил своей привязанности ко мне, шофер Модест Симона смутно помнит, что когда-то я был его хозяином...

Но эти слабые признаки рода человеческого, к которому мы раньше принадлежали (сейчас нас нельзя больше назвать людьми), угаснут вместе с нами. Те, кто появится здесь в будущем, не узнают иной жизни. Человечество будет представлено этими существами, не умеющими читать, считать, едва владеющими речью, их детенышами с острыми зубами — воплощением лишь ненасытного чрева. Затем появятся новые взрослые и новые дети, потом придут следующие поколения, все более похожие на животных, все более далекие от своих мыслящих предков.

Мне кажется, что я уже вижу этих будущих людей, бывших членораздельную речь, с потухшим разумом, с телом, покрытым жесткой шерстью, которые бродят в этом пустынном мире...

Впрочем, мы попытаемся что-нибудь сделать, чтобы этого не произошло. Мы примем все меры, чтобы завоевания человечества, к которому мы принадлежали, не исчезли бесследно. Доктор Морено, доктор Бэсэртс и я должны заставить уснувший мозг вспомнить то, что он знал. Разделив между собой эту работу, мы опишем все, что нам было известно, в различных областях науки. Мы воспользуемся бумагой и чернилами, найденными на «Виргинии». И если люди обесславят себя, а затем после более или менее длительного периода одичания почувствуют, как пробуждается жажда знаний, пусть им поможет этот рассказ о делах

далеких предков. Смогут ли они тогда почтить память тех, кто приложил все усилия, чтобы облегчить тягостный путь неведомым братьям, не питая надежд на то, что их труд будет по достоинству оценен...

* * *

На пороге смерти.

Прошло около пятнадцати лет с тех пор, как я сделал последнюю запись. Уже нет в живых доктора Бэсэртса и доктора Морено. Из всех, высадившихся здесь, я — самый старей. Но смерть скоро придет за мной. Мой час пробил, я чувствую, как она поднимается от холодеющих ног к сердцу, и оно начинает останавливаться...

Наш труд окончен. Я положил рукопись, содержащую краткое изложение всех знаний, накопленных человечеством, в железный ящик, выгруженный с «Виргинии», и глубоко закопал его в землю. Рядом я зарюю свои записи и спрячу их в алюминиевым футляр.

Найдет ли кто-нибудь этот клад? Да и будет ли хоть кто-нибудь искать его? Все в руках судьбы! На все воля Божья!

* * *

По мере того, как зартог Софр переводил этот странный документ, чувство, напоминающее страх, сжимало его душу. Неужели население Андарт-Итен-Шу происходило от этих людей, долгие месяцы скитавшихся в пустынном океане и высадившихся, наконец, именно в той части побережья, где возвышается сейчас Базидра?

Значит, эти несчастные существа были представителями того славного человечества, в сравнении с которым современных людей можно считать младенцами, едва начинающими говорить... Но для того, чтобы бесследно исчезла

вся вековая мудрость этих могущественных народов, было достаточно самой малости — едва заметного содрогания земной коры!

Как горестно, что рукопись, о которой упоминалось в записках, погибла вместе с железным ящиком! Нет даже надежды, что их можно разыскать, ведь, закладывая фундамент, рабочие перекопали всю землю...

Алюминиевый футляр устоял перед разрушительной работой времени, а железный ящик, видимо, просто обратился в пыль.

Всего этого было достаточно, чтобы поколебать оптимизм Софра. Если рукопись и не содержала никаких технических подробностей, то она изобиловала общими замечаниями, неопровержимо указывающими на то, что погибшее человечество стояло гораздо ближе к познанию истины, чем современное поколение.

Софру было известно все, о чем говорилось в этой рукописи, однако здесь упоминались и такие научные открытия, которые он не мог даже вообразить. Он нашел разгадку тайны этого имени — Хидем, вокруг которого велось столько бесплодных споров.

Хидем — это искаженное Эдем, а то, в свою очередь, происходит от Адама. А может быть, и имя Адам тоже лишь вариант еще более древнего имени?

Хидем, Эдем, Адам — вечный символ первого человека и объяснение его появления на Земле.

Значит, Софр ошибался, отрицая его существование — теперь оно подтвердилось рукописью. Были правы народы, рассказывавшие легенду о первых людях, похожих на них самих.

Впрочем, ни эта легенда, ни остальные притчи не были плодом воображения обитателей Маарт-Итен-Шу. Они лишь повторяли то, что уже когда-то было сказано. Возможно, современники автора записок тоже не были первопроходцами, а вновь проделали путь, проложенный другим человечеством, населявшим Землю еще до них? Ведь упоминался же в рукописи какой-то народ, названный атлантами...

Во время раскопок, произведенных Софром, под слоем

морского ила, вероятно, и были обнаружены едва сохранившиеся следы этих атлантов. Насколько близко подошла к познанию истины эта древняя нация к тому моменту, когда вторжение океана смело ее с лица Земли? Но каков бы ни был этот народ, после катастрофы не осталось никаких следов его завоеваний, и человечество должно было с самого начала совершать восхождение к знаниям.

То же может случиться с нынешними обитателями Андарт-Итен-Шу... А может быть, подобное произойдет и после них, в тот самый день...

Но наступит ли тот день, когда неутолимая человеческая любознательность будет, наконец, удовлетворена и человек, окончив свое долгое и трудное завоевание, сможет отдохнуть на покоренных высотах?

Так размышлял зартог Софр, склонившись над бесценной рукописью... Под впечатлением этого рассказа, извлеченного из загробного мира, он представил ужасную драму, постоянно происходящую во вселенной, и сердце его было переполнено состраданием.

Испытывая тягостные терзания из-за неисчислимых бедствий, которые выпали на долю живших до него, сгибаясь под тяжестью этих тщетных усилий, слившихся в бесконечности времени, зартог Софр-Аи-Ср медленно и мучительно, но вместе с тем глубоко убеждался в вечном возобновлении жизни.

т d l e z 5 c a y a z 7 R z z c z

С А Е J ð Ö ф q q ð А ф J ð Ö

Научно-фантастический рассказ

Էյ 903ԺԸ թեթադա յն ԸՐ33ԵՄ Է3Ո3ԹԵԻ

Еще с тех пор, как началась жизнь на земле, жизнь, по-видимому, вынырнувшая в виде органической слизи из морских глубин, первенство принадлежало только двум большим группам: пресмыкающимся и млекопитающим.

Человек, этот высший образец жизнеспособности и умения покорять и подчинять своему контролю неодушевленную материю, сделался властелином мира и, по-видимому, некому теперь оспаривать его права. Но он настолько был ослеплен гордым сознанием своего непрерывного владычества над ниже его стоявшими группами млекопитающих и над почти вымершими рептилиями, что проглядел медленный, но верный рост одного из жизненных ответвлений совершенно другого порядка; правда, это был мир мелких существ, но по сравнению с ним они не были меньше, чем он сам был когда-то по сравнению с чудовищными рептилиями, бродившими по болотам мезозойской эры.

Эти новоявленные враги человека, редко, впрочем, нападавшие на него непосредственно, создавали ему угрозу уничтожением главных его средств пропитания, так что к концу двадцатого столетия в различные правительственные учреждения всего мира были внесены неслыханные до этого времени и смелые проекты полного истребления на-

секомах. Бедствие раскинулось так широко, тучи насекомых с такой быстротой множились и пожирали всякую растительность, что в ближайшее время можно было ожидать исчезновения последних продовольственных посевов. Человечество вдруг поняло, что ему угрожает та же участь, которая постигла почти вымерших пресмыкающихся. Сумеет ли род человеческий побороть засилье насекомых? Настал момент, когда человеку стало до очевидности ясно, что если не будут *немедленно* приняты самые решительные меры, верховная роль на земле перейдет к третьему обширному классу царства животных.

Я воспроизведу здесь отрывок лекции, прочтенной тогда одним американским великим ученым. Эта радиобеседа, разнесенная по всему миру, изменила ход судьбы человечества, но к лучшему или к худшему, пусть читатель сам решит по прочтении настоящего рассказа.

«Только в сравнительно недавнее время человеку удалось победить природных врагов — наводнения, бурю, суровость климата, дальность расстояния, — и вот мы теперь стоим лицом к лицу перед опасностью, угрожающей всему человечеству. Неужели мы шаг за шагом завоевали истину и законы, которым подчинена материя, только для того, чтобы покориться первой реальной опасности, грозящей нам истреблением? Конечно, какой бы то ни было ценой, вы примете участие в решении нашей общей проблемы, и я думаю, друзья, что способ решения уже найден мною.

Я знаю, многим из вас — хотя бы моему другу, профессору Фэру, — моя идея покажется крайностью, но в то же время я убежден, что пока вы не отрешитесь от некоторых устаревших и бесполезных привычек, вам нечего надеяться на преодоление создавшегося положения.

Уже в течение последних десятилетий вы убедились, насколько бесцельно обременяли мы себя разным ненужным имуществом, которое было лишено всякого признака полезности, но которое, по разным сентиментальным соображениям, вы продолжали беречь в ущерб производительности ваших жизненных сил, так как вы посвящали им часть вашего времени и внимания вместо того, чтобы целиком

отдаться практической задаче житейского совершенствования. Вы неохотно расставались с этими вещами, но я имею в виду предложить вам отказаться без проволочек от всего, что у вас еще сохранилось, — от всего, что так или иначе стоит на пути к немедленному искоренению наших врагов — насекомых».

В этом месте мой достойный предок, профессор Фэр, по-видимому, представил лектору свои возражения, указывая, что усиление продуктивности за счет каких-либо ценностей, корнящихся в чувстве, нежелательно и не ведет к счастью, которое и есть настоящая цель человека. Ученый, со своей стороны, привел тот довод, что счастье достижимо только путем полнейшей приспособляемости к обстановке и что производительность труда при отсутствии любви, сострадания и прочих нежных чувств есть ближайший путь к человеческому блаженству.

Прошло несколько лет, прежде чем этому ученому удалось осуществить свой план спасения; его успеху способствовала не столько убедительность его речей, сколько необходимость принять какое-нибудь быстрое решение. Пищи становилось недостаточно для прокормления населения земли. Фрукты и овощи все больше и больше отодвигались в область преданий. Избыток протеина в преобладавшей рыбной и мясной пище подрывал всеобщее здоровье, и наконец люди уяснили себе, что искать овощи и плоды или их питательные эквиваленты надо не на полях, а в лабораториях, что обращаться надо не к фермеру, а к химику. Открытие синтетического способа добывания продуктов питания разрешило эту проблему. Отпала надобность в посевах и уходе за продуктами сельского хозяйства, которым суждено было сделаться пищей злейшего врага человечества.

Последний посев был произведен в 2900 году, но жатву собрать не пришлось — прожорливые насекомые набрасывались на каждый зеленый росток, едва успевший показаться из-под земли, и даже деревья, до сих пор стойко выдерживавшие нападения огромных насекомых, на этот раз стояли без признака зелени.

Растительный мир вдруг прекратил свое существование.

Среди безотрадных пустырей, которые расстилались между огромными городами, человек раскладывал костры, уничтожавшие последние остатки зелени, и вскоре во всем мире не стало пищи для бича земли — насекомых.

II

Badə-Yađ ɔ dɔ əRɔađə ɔ əa?

(Отрывок из дневника Дельфэра, потомка профессора Фэра, который в предыдущей главе оппонировал смелому ученому.)

С окраины города Айовы я воочию видел гибель одного из великих царств природы — растительного царства. И я не нахожу слов, чтобы выразить печаль, которая охватывает меня при одном воспоминании об этом. Я так любил растения. Земля для многих из нас вдруг утратила свою красоту. Но если красота несла с собой смерть? Смерти мы предпочли бесплодие столиц.

Хотя мы и учли заранее остервенение лишенных пищи насекомых, однако с этим злом оказалось не так-то легко справиться. На окраинах городов жизнь наша постоянно подвержена опасности со стороны прекрасно организованных отрядов страшного врага*.

Подстрекаемые голодом, они делались настолько дерзкими, что стараются, ни с чем не считаясь, похищать на съедение даже взрослых людей, и после их удачных налетов нам приходится с ужасом подсчитывать наши потери.

Но, по крайней мере, в наши обширные лаборатории, где изготавливается синтетическая пища, и в кислородные генераторы они никогда не заберутся. Так думали мы. Опыт показал, что мы ошиблись.

* Организации, наблюдаемые теперь у муравьев, пчел и других насекомых, являются указанием на то, насколько у них может развиваться военная тактика в течение грядущих тысячелетий.

Надо вам сказать, что после истребления всей растительности, доставлявшей часть кислорода, который так важен для поддержания человеческой жизни, возникла необходимость в искусственном приготовлении этого газа для того, чтобы вливать его в атмосферу.

Я летел к месту своей работы — на кислородный завод №21; вдруг мое внимание было привлечено одним предметом на воздушной проезжей платформе вблизи продуктовой фабрики № 3439. Несмотря на ночное время, в различных этажах города-гиганта было светло, как днем. Какой-то легкой автомобиль полным ходом мчался к западу. Я был поражен. Это, очевидно, был автомобиль Эрика, моего сорудника по кислородному заводу. Я повернул свой волоплан и, пустившись в погоню, различил знакомый мне номер жестианки. Чего ради Эрик ушел с завода, не сдав мне дежурства?

Продолжая погоню, я летел над автомобилем уже за пределами городской черты. Меня крайне озадачивала эта экскурсия в страну врагов. Вот автомобиль круто остановился у края прежней земледельческой площади. На целые мили впереди меня расстилалась необъятная равнина, почерневшая и бесплодная...

Но тотчас показался и мой друг. Какое это было ужасное зрелище! Я не верил своим глазам. Он буквально был облеплен с головы до ног двухдюймовыми муравьями, которые, почти наравне с жуками, отличались своими дерзкими нападениями на людей. Испуская дикие, несвязные крики, он бежал по камням и обгорелой земле.

Опомнившись, я быстро снизился, чтобы спасти несчастного, — но было поздно. Едва мой волоплан коснулся земли, как Эрик упал, увлекаемый яростно впившимися в него мириадами врагов. Что пользы, если бы я спрыгнул на землю — я только разделил бы судьбу Эрика. Поднявшись футов на десять, я выхватил резервуар с ядовитым газом и выпустил его содержимое на рой копошившихся внизу черных тварей. Я не стал возиться с своей предохранительной маской, потому что рассчитывал тотчас же взлететь выше; действительно, нельзя было терять ни мгновения. Над чер-

ным пустырем взвилась мрачная туча, закрывшая собой звезды — прямо на меня летел рой крылатых муравьев вперемишку с другими большего размера насекомыми. Надев маску, я хотел было отразить атакующих остатками газа, но, увы! — я до последнего атома израсходовал его на бескрылых муравьев! Мне осталось только обратиться в бегство, что я и сделал, зная, что мне нетрудно будет перегнать своих преследователей.

Снял я маску уже тогда, когда они скрылись из виду. Сразу я почувствовал удушье. Мне не хватило воздуха!..

Неужели я поднялся на такую большую высоту? Перегнувшись через борт кузова, я рассчитывал увидеть город далеко-далеко внизу. Но каково было мое удивление, когда я увидел, что нахожусь на высоте в каких-нибудь триста метров!

Значит, не высота, а какая-нибудь другая причина лишила меня живительного присутствия кислорода.

Снизившись метров на сто, я разглядел лежавшие на улицах безжизненные тела. Тогда мне стало все ясно: *кислородный генератор не действовал!* В то же мгновение я надел свою запасную кислородную маску и устремился к кислородному заводу. Только тут заметил я первые признаки жизни. Люди, вооруженные предохранительными масками, пытались вскрыть запертую дверь здания. Как служащий, я знал секрет замка и быстро открыл двери, — но нас встретили полчища муравьев, дружно кинувшиеся на нас в атаку.

Пол был покрыт как бы движущимся черным ковром, один угол которого, ближайший к двери, при нашем входе откатился к нам, и через две-три секунды мы были облеплены цепкими, кусающими насекомыми, которые сражались со сверхъестественной энергией отчаяния. Двум наиболее бойким муравьям удалось забраться под мой шлем. Укусы их острых челюстей и действие ядовитой муравьиной кислоты сделались невыносимыми. Но мог ли я сбросить маску, пока воздух вокруг меня был заражен газами, выпущенными из баллонов моими соратниками? В то время, как атаки, направленные на прочие части моего тела, постепенно ослабевали и насекомые начинали окончательно изнемо-

гать от ядовитых паров, два врага, находившиеся под защитой моей маски, приходили в большее и большее остервенение. И тот и другой добрались до моих глаз и грозили слепить меня. Лучше задохнуться в ядовитых газах, чем терпеть эту муку! Обезумев, я сорвал с себя шлем и хотел поймавать этих черных, блестящих гадин. Но, как ни странно, я тотчас почувствовал, что могу еще дышать вблизи больших кислородных резервуаров, где оставалось некоторое количество живительного газа, достаточное хотя бы для временного поддержания жизни. А озлобленные насекомые, не защищаемые больше противогазовой маской, спрыгнули с меня, как крысы с тонущего корабля, и скрылись за кислородным баком.

Это нападение наших врагов, хотя и кончившееся их неудачей, было для нас зловещим предостережением, так как обнаружило беспримерную хитрость и сметливость. Раньше их налеты ограничивались нападениями на отдельных людей или на продуктовые лаборатории, но в этот набег они проявили такую сообразительность, которая заставляла нас ожидать нового, еще худшего бедствия. Очевидно, они разработали план задушить нас остановкой кислородной станции, зная, что сами они могут жить в атмосфере со значительно большим процентным содержанием двуокиси углерода. А дальнейшей их целью было — опустошить наши продовольственные склады.

III

Съездаетъ ея и дѣла

(Второй отрывок из дневника Дельфэра — много лет спустя.)

Хотя и казалось очевидным, что истребление всякой растительности должно повлечь за собой полную гибель насекомых на земле, однако их исчезновение не совершилось так быстро, как можно было предполагать! Последовали дол-

гие годы беспощадной войны. Насекомые, хотя число их быстро убывало, продолжали питаться похищаемыми из лабораторий продуктами, телами людей и наконец друг другом; сначала они забирали в плен враждебные семейства и виды, потом перешли к каннибальству. Прожорливость их возрастала обратно пропорционально их численности, и в конце концов стало опасно встретить даже отдельное насекомое, если у вас не было при себе баллона с ядовитым газом, который вы в любое мгновение готовы были бы пустить в ход.

Теперь я уже старик, хотя мне еще нет двухсот лет, — и я счастлив сознанием, что мне привелось видеть живым последнее из насекомых, которое было взято в плен. Это был прекрасный экземпляр «жука-оленья» (*Lucanus*), и многолетние наблюдения подтверждали, что он был единственным уцелевшим представителем той формы жизни, которая чуть было не вытеснила человека с нашей планеты. Этот жук был пойман через несколько недель после того, как мы были очевидцами последнего, как мы предполагали, проявления жизни на земном шаре — не считая жизни человека и морских глубин. Неутомимые поиски в течение ряда лет не обнаружили больше и признака насекомых. И человек почувствовал себя полным хозяином всего, что он мог охватить своим взглядом.

Я слышал, что в давно прошедшие времена человек с каким-то жутким оцепенением смотрел в зоологических садах на вытесненных им рептилий; с таким же точно чувством смотрел он на этого последнего представителя той жизни, которая восторжествовала бы на земле, если бы человек был менее дальновиден и изобретателен.

Вот эта-то безотчетная притягательная сила и заставила меня однажды пойти посмотреть на пойманного жука. Клетка, в которой он был заключен, была выставлена на показ в 404 районе города Универсаполя. Я поразился величине этого существа — оно оказалось гораздо больше, чем представлялось мне раньше, когда я разглядывал его в телевидоскопе; вероятно, потому, что в тот раз рядом не было никаких предметов, с которыми можно было бы сравнить его

размеры. Правда, докладчик радиостанции сообщил тогда все данные о величине насекомого, но отдельно взятые цифры не могли воссоздать реальной картины этих чудовищных пропорций.

Когда я подошел к клетке, животное лежало, повернувшись ко мне своим жестким спинным покровом; на глаз оно имело дюймов четырнадцать в длину. Его гладкие роговые элитры сверкали под лучами искусственного света (клетка была на третьем этаже). Я живо представил себе картину мира, населенного миллиардами подобных существ. В это время подошел сторож с порцией мучнистой синтетической пищи. Хотя эта пища не имела запаха, но жук почувствовал приближение человека: он поднялся на своих членистых ногах и подошел к нам, угрожающе пошевеливая рогами; потом, как бы вспомнив о своей неволе и о невозможности нападения, он смирился и быстро принялся есть поставленную ему в клетку пищу.

Покончив с обедом, он приподнялся на задние лапы, слегка опираясь на ящик, и повернул ко мне свои большие глаза. Мне никогда еще не приходилось видеть такого недоброжелательства во взгляде. Можно было почти осязать эту ненависть! Я невольно вздрогнул. Так же отчетливо, как если бы жук умел говорить, я понял, что он отлично создавал свое положение, и в его взгляде я прочел всю сосредоточенную ненависть побежденной расы.

Мне не хотелось упиваться его несчастьем; напротив, я ощутил в себе прилив сильного чувства сострадания. Что, если бы я сам, как последний представитель моей расы, был выставлен на посмешище перед пестрой стаей насекомых, победивших моих сородичей? Не почувствовал ли бы я, что жизнь не стоит того, чтобы жить?

Не знаю, угадал ли он мои мысли, но он продолжал смотреть на меня с таким безграничным озлоблением, как будто хотел сообщить мне, что ненависть его сильнее вечности.

Вскоре после того он умер. И мир, давно привыкший отрицать всякие церемонии, неожиданного для самого себя похоронил останки жука в золотой шкатулке, с небывалой роскошью.

Я много лет прожил после этого достопамятного события и, конечно, теперь мои дни сочтены. Но я могу умереть счастливо, с убеждением, что на земном шаре человек завоевал себе полное владычество.

IV

ԾՐՈՒՆԴԱՅԻՆ ԵՔԻՄՈՒՄԻՆԱԿԱՆ ԵՐԵՄԻԱՆ Ի

(Танор, часть дневника которого составляет настоящую главу, происходил по прямой линии от профессора Фэра и Дельфэра.)

Вот и 2928 год. Подлинный ли я сын своего века? Иногда я прихожу к убеждению, что ношу в себе безнадежно устаревшее мироощущение, что я какой-то анахронизм, которому следовало бы существовать тысячу лет назад. Иначе ничем не могу объяснить своего недовольства в мире, где полезное действие удалось, наконец, довести до максимума.

Говорят, я прямой потомок целого ряда предков, которые неохотно усваивали переменявшиеся условия. Например, я люблю красоту — и не нахожу ее. Иные видят красоту в наших величественных зданиях, возвышающихся на шестьсот или девятьсот метров над землей, но, хотя они и поражают архитектурным великолепием, они лишены той привлекательности, о которой я мечтаю. Только навещая берег моря, я могу несколько утолить свое смутное душевное стремление. Один лишь океан таит в себе силы природы. Земля же говорит о человечестве и ни о чем больше.

Перечитывая дневники моих предков, этих людей чувства, я встречаю иногда яркие описания прежнего мира — того мира, в котором насекомые еще не угрожали существованию человека. Деревья, травы, цветы вносили элемент очарования в жизнь людей, гулявших среди них по огромным, открытым пространствам, где земля была мягка под ногами и крылатые существа, так называемые «птицы», пели среди листвы. Правда, я вычитал также, что многим лю-

дям приходилось жить впроголодь и что буйные страсти владели ими, но мне кажется, что все-таки та жизнь была заманчивее нашего методического, бесстрастного существования. Никак не могу понять, почему так много было бедных: ведь, как видно из описаний, природа, проявлявшаяся в растительном царстве, была очень плодоносна — до такой степени, что из года в год огромные количества пищи сгнивали на земле без пользы. Судя по тому, что я вычитал, виновата в этом была не природа, а экономическая система человечества, которая в наши дни доведена до совершенства. Но, думается мне, даже совершенство не всем из нас приносит счастье.

Теперь ничто не выбрасывается — все превращают в пищу. Давным-давно человек научился разлагать вещество на его составные элементы, число которых доходит почти до ста, а из них составлять соединения, необходимые для пищи. Старая аксиома, что ничто не творится и не пропадает, а только одна форма вещества переходит в другую, выдержала испытание веков. Человек, как проявление природной силы, по своему произволу осуществил кажущееся чудо самопревращения, возлагавшееся в древности на другие физические силы.

Сначала человечество было приведено в ужас декретом об обязательной передаче всех мертвецов в лаборатории. В течение тысячелетий человек привык к теснейшей ассоциации представлений о теле и о душе, не понимая, что тело есть только материальный агент, посредством которого функционирует дух. Но, постигши свойства духа, человек перестал смотреть с суеверным уважением на покинутое жизнью тело и увидел в нем те же составные части, как и в остальных окружающих предметах. Тело человека, как металл или камень, базируется на общей материальной основе: на веществе, которое можно разложить на атомические элементы, а из них — химически воссоздать любое вещество, полезное для живущего человечества.

Жутко становится от пасмурного однообразия нашей жизни. Жизнь тогда только интересна, когда есть борьба, есть цель, достижимая эволюционным путем. Но, когда цель до-

стигнута, прогресс останавливается. Огромные пресмыкающиеся доледниковой эпохи достигли первенства вследствие своих больших размеров, но не чудовищная ли величина этих тварей послужила причиной и полного их вымирания? Природа, по-видимому, избегает крайностей. Она некоторое время позволяет развиваться и фантастическому, а затем стирает все написанное ею, чтобы открыть простор новому порядку развития. Не предстояло ли человечеству изжить себя чрезмерным развитием своей нервной системы и уступить место будущей эволюции сравнительно простейшей формы жизни, каковой была, например, стадия развития насекомых в период высшего апогея человечества? Мне кажется, таково было великое предназначение природы; человек нарушил этот план и за свое вмешательство расплачивается монотонностью нашей жизни.

Население Земли быстро идет на убыль, и я боюсь, что ближайшее тысячелетие увидит безжизненную планету, несущуюся в мировом пространстве. По-видимому, ничто не спасет нас.

V

№ 3928-6

(Натано, автор первой главы, продолжает свой рассказ.)

Мой предок Танор, живший тысячу лет назад, судя по рассказам моего прадеда, был выразителем пессимистического отношения к судьбам человечества. Но в наши дни состояние общего отчаяния достигло еще большей степени. Мир понемногу умирает от добровольно взятой на себя тоски.

Перечитывая дневники своих праотцев, восходящие даже к эпохе существования насекомых, я вижу, что все мои предки с сентиментальной настойчивостью придерживались всего, что в стародавние времена составляло обаяние жизни.

Если бы мои современники догадались, какие мысли зарождаются во мне при изучении прошедших веков, они едва ли отнеслись бы ко мне снисходительно. Но мой шлем изолирует эти мысли от внешнего мира, и я часто предаюсь своим мечтам и перебираю доставшиеся мне по наследству реликвии далекого прошлого.

В одну из таких минут я сделал поразительное открытие.

Несколько месяцев назад я нашел в своей семейной коллекции золотой ящик, имеющий фута два в длину, полтора в ширину и один в глубину. Я снял крышку. Внутри ящик оказался перегороденным на множество квадратных отделений, наполненных миниатюрными частицами различной величины, цвета и строения. Песок? Нет, это что-то другое. Питательные таблетки? Но, съев несколько крупинок, я убедился, что коэффициент питательности их ничтожен по сравнению с продуктами наших лабораторий. Загадка!

Я уже готов был закрыть ящик и поставить его на место, успокоившись на мысли, что один из моих сентиментальных предков сохранил для потомства вещь, не могущую принести никакой пользы, как вдруг мой карманный радиоприемник загудел, и из крошечного прибора раздался голос моего друга Стентора, диктора междупланетной радиостанции.

— Если ты свободен и будешь дома, я прикачу сейчас к тебе, — сказал Стентор. — У меня есть интересные новости.

Я изъявил согласие, тем более, что мне хотелось поделиться своей находкой с этим другом, которого я любил больше всех на свете. Однако, до его прихода я спрятал ящик, решив сообразовать свои действия с тем оборотом, какой должен будет принять наш разговор. И хорошо, что я так сделал, потому что Стентор был настолько увлечен важностью своих новостей, что едва ли сразу обратил бы должное внимание на мое открытие,

— Ну, рассказывай, какие у тебя интересные новости? — спросил я после того, как мой приятель с удобством расположился в креслах.

— Попробуй угадать, — ответил он, подзадоривая меня своим равнодушием.

— Что-нибудь насчет Марса или Венеры? Весточка от наших соседей?

— Ты бы должен сообразить, что речь не может идти о самодовольных марсианах, — возразил мой друг. — Но венерианцам предстоит решение серьезнейшей задачи. Ты знаешь, у них все тот же тревожный вопрос, который волновал их еще сорок лет назад, когда удалось впервые установить междупланетную радиосвязь. Вероятно, ты не забыл, что во втором своем сообщении они говорили нам о непрестанной войне с насекомыми, которые у них уничтожают почти всю растительную пищу? И вот в прошедшую ночь, когда минул час радиовещания, я к немалому своему изумлению услышал голос венерианского диктора. Он предлагает нам организовать научную экспедицию на Венеру, чтобы помочь населению злополучной планеты покончить с проблемой насекомых так же, как мы разрешили этот вопрос у себя. По его словам, марсиане совершенно не хотят отзывать на их просьбы о помощи, но он рассчитывает на полное содействие и сочувствие со стороны жителей Земли, которые так еще недавно нашли выход из подобного же положения.

Новость, сообщенная мне Стентором, ошеломила меня.

— Но ведь венерианцы в деле механических достижений опередили нас, — возразил я, — хотя и отстали от нас в биологических науках. Им гораздо легче было бы осуществить междупланетный перелет, чем нам.

— Правильно, — согласился Стентор. — Но если мы хотим дать им реальную помощь в деле освобождения их мира от всеистребляющих насекомых, мы должны сами отправиться на Венеру. Последние сорок лет показали, что мы не можем вывести их из беды одними словесными инструкциями.

И вот этой ночью, — продолжал Стентор все с большим и большим воодушевлением, — Энайона, глашатай венерианской радиостанции, сообщил мне, что их ученые подошли к практическому осуществлению междупланетного телевидения. В случае успеха, это необычайно облегчит наши сно-

шения и даже может исключить необходимость в междупланетном путешествии, к которому пришлось бы приготовиться, я думаю, несколько сот лет.

— Да, телевидение, столь обычное и у нас и на Венере, — сказал я, — до сих пор казалось невозможным через междупланетную пустоту. Но если оно осуществится, то, конечно, только по инициативе венерианцев, хотя они и будут беспомощны без нашего дружественного содействия. А в благодарность за часто получаемые от них указания в области механических усовершенствований мы, по справедливости, должны всякими мерами помочь им освободиться от насекомых, угрожающих их существованию. И я думаю, что посредством радио и телевидения это будет легче сделать, чем посредством междупланетного путешествия.

— Я с тобой согласен. И надеюсь, что наша помощь будет оказана им в ближайшее время. С тех пор, как я принял должность междупланетного диктора, я полюбил венерианцев за их открытую, товарищескую душу. Впечатление, которое производит на меня их диктор Энайона, составляет резкий контраст с самодовольной кичливостью марсиан.

Наша беседа продолжалась еще некоторое время, и только когда Стентор собрался уходить, я коснулся вопроса, на котором были сосредоточены мои мысли.

— Я хочу кое что показать тебе, Стентор, — сказал я.

И я принес из соседней комнаты драгоценный ящик.

— Полюбуйся-ка на эту реликвию, когда-то принадлежавшую моему предку Дельфэру, тому самому, при жизни которого последнее насекомое — жук — было поймано и посажено в клетку. Судя по личным записям в дневнике Дельфэра, он отдавал себе полный отчет в том, что он жил в знаменательное время, на переломе двух эпох, и, в отличие от большинства своих современников, сохранил в своей душе некоторые чувства, передавшиеся, как историческое наследие, и будущим поколениям. Взгляни, друг мой, что он сберег для потомства.

И, поставив ящик на разделявший нас стол, я приподнял крышку, чтобы показать Стентору таинственные крупинки.

Лицо Стентора представило красноречивую картину изумления. Естественно, что мысли его остановились на тех же догадках, к которым раньше пришел и я, только к перечню возможностей он добавил еще «единицы атомных сил». Наконец, он в недоумении покачал головой.

— Как бы то ни было, он не стал бы хранить эти крупинки, не имея определенной цели, — сказал он. — Ты говоришь, что старик Дельфэр жил в тот век, когда были уничтожены насекомые? Но что это был за человек? Не из тех ли, что любили подстраивать разные шуточки?

— Ничуть ни бывало, — возразил я, чувствуя себя несколько обиженным. — По всему видно, что он был серьезный человек; работал он на кислородной станции и принимал активное участие в войне между людьми и насекомыми.

Вдруг Стентор нагнулся, насыпал некоторое количество крупинок себе на ладонь и — с истерическим воплем швырнул их в воздух.

— Да знаешь ли ты, что это такое? — вскричал он, дрожа всем телом.

— Нет, не знаю, — ответил я, стараясь сохранить свое достоинство.

— Зародыши насекомых! — крикнул он в ужасе и бросился к дверям.

Я поймал его на пороге и силой втянул назад в комнату.

— Слушай, — сказал я решительным тоном, — никому ни слова об этом! Понимаешь? Я всеми способами проверю твоё предположение, но я не хочу огласки и общественного вмешательства.

Сначала он не соглашался, но наконец уступил.

— Я буду производить опыты, — сказал я, — и если твоё догадка оправдается, попробую устроить инкубатор под строжайшим контролем.

Наступило время вечернего радиовещания. Мой приятель ушел, дав обещание хранить тайну и заставив меня пожалеть, что я раньше времени нарушил молчание.

VI

Внез

В течение многих дней после моего злополучного разговора со Стентором я производил опыты над таинственными тельцами, которые так испугали его. Я подвергал их всевозможным испытаниям, чтобы доискаться в них признаков жизни в какой бы то ни было стадии — яйца, личинки или куколки. Но результат всех моих опытов был один и тот же. Жизнь не проявлялась. Однако, я этим не удовлетворился, так как химический анализ показал наличие органических веществ. Вот неразрешенная загадка! Сколько раз я готов был предать огню все содержимое моего ящика! Иногда я мысленно представлял себе мир снова наводненным полчищами насекомых — и все это по неосторожности единичного человека! Я уже начал подумывать о передаче этой задачи на разрешение ученых, но вдруг на меня нашло просвещение — и ответ был найден. Ведь это не что иное, как семена — зародыши растительной жизни — и они могут расти! Но где? Увы, человек подчинил всю земную поверхность своему искусственному владычеству. Со времени слияния городов сплошная бетонная кора покрывала землю.

Я все-таки решил произвести опыт, будущего значения которого я в то время сам не подозревал. В подвале того общежития, где была моя квартира, я выдолбил в бетонном полу посредством небольшого экскаватора, действующего внутриатомной энергией, отверстие такого диаметра, чтобы туда мог пролезть человек. Опустившись в эту нору, я почувствовал под ногами черное мягкое вещество; я знаю, что эта была земля. Я поспешно наполнил этим веществом бывший со мной ящик, закрыл нору куском бетона и, вернувшись к себе, занялся посевом различных семян.

Легко представить себе, с каким нетерпением я ожидал первых признаков растительной жизни. Со дня на день, с часа на час я присматривался к земле, надеясь на первые

признаки жизни, которая так давно покинула наш мир, и уже готов был прийти к убеждению, что зародыши жизни не могут сохраняться в течение стольких веков, как вдруг заметил крошечный зеленый побег — залог совершавшегося перед моими глазами чуда, более поразительного, чем все тысячелетние достижения человечества. Это была сложнейшая и то же время такая простая загадка, подлинное откровение природы.

Дни и недели я не переставал следить тайком за ботаническим чудом. Оно овладело всем моим существом. Что за необъяснимая сила, перед которой я не мог устоять! — Я, смотревший с таким бесстрастным спокойствием на чудеса сорокового столетия! И мне стало ясно, что природа обаятельнее всего проявляется в тех простых вещах, которые человечество предпочло забыть.

Однажды утром я, проснувшись, увидел цветок, распустившийся в белоснежной красоте и разливший в воздухе нежный аромат. Лилия, символ новой жизни! Странные чувства, давно умершие в груди человека, всколыхнули меня... Но пусть эта весть коснется не меня одного! Пусть, как в древние времена, лилия для всех будет символом жизни!

Дрожащими руками я поставил драгоценную ношу на подоконник наружного окна, где она была видна всем проходившим. В первый день почти никто не заметил моей лилии, так как люди редко ходят пешком: они предпочитают или ездить в автоматических колясках, или кататься на роликовых электроколясках; последний способ передвижения является в то же время восхитительной гимнастикой для тела. Четвертый этаж города отведен исключительно для пешеходов и катающихся на роликах. Поэтому платформа на четвертом этаже выложена до гладкости стекла. И только какой-нибудь случайный пешеход, проходя мимо моего окна, мог обратить внимание на растение и разнести о нем молву. Тем не менее, у моего окна вскоре начали собираться целые толпы людей, желавших полюбоваться на чудо растительной зелени и белизны.

VII

С з Rg ба э э э

Десять лет прошло с тех пор, как я в последний раз обратился к своему дневнику, — и как изменилась за это время картина человечества! Теперь я по профессии земледелец, но земледелие у нас осуществляется в гораздо более широком масштабе, чем это было две тысячи лет назад. У нас не бывает неурожая, так как температура и атмосферные осадки регулируются искусственно. Но главным образом мы приписываем наши успехи полному отсутствию насекомых. Наши земледельческие участки разбросаны по всей стране, как парки и сады древних времен, и они снабжают нас пищей, столь же питательной, как продукты наших лабораторий, но гораздо более вкусной. Поистине, мы живем в век чудес! Земля принадлежит нам безраздельно, и ничего нет удивительного в том, что нашим вниманием чаще и чаще овладевают другие планеты нашей солнечной системы. За последние десять или одиннадцать лет венерианцы постоянно вызывают к нам о помощи в их борьбе за существование. Мне кажется, мы обязаны оказать им содействие.

Завтра — знаменательный день для всех нас и в особенности для Стентора, потому что будет испытываться новый междупланетный телевидоскоп и, быть может, впервые мы увидим наших соседей, отделенных от нас бесконечностью пространства. Хотя население Венеры во многих отношениях отстало от нас чуть не на целое тысячелетие, но в области радио и телевидения там сделаны поразительные успехи. Уже полвека мы поддерживаем с венерианцами радиосвязь, и они всей душой разделяли с нами радость насаждения нашего Эдема. Они всегда с величайшим интересом выслушивают рассказы Стентора об этапах борьбы с насекомыми, грозившими стереть нас с лица земли. Им предстоит теперь та же самая задача; но, судя по их сообщениям, победа клонится не в их сторону. И завтра мы будем говорить с венерианцами лицом к лицу! Это событие — важнейшее с

момента установления первой междупланетной радиосвязи, которая существует у нас уже пятьдесят лет. Стентора я не видел в таком волнении с тех пор, как были открыты семена растений...

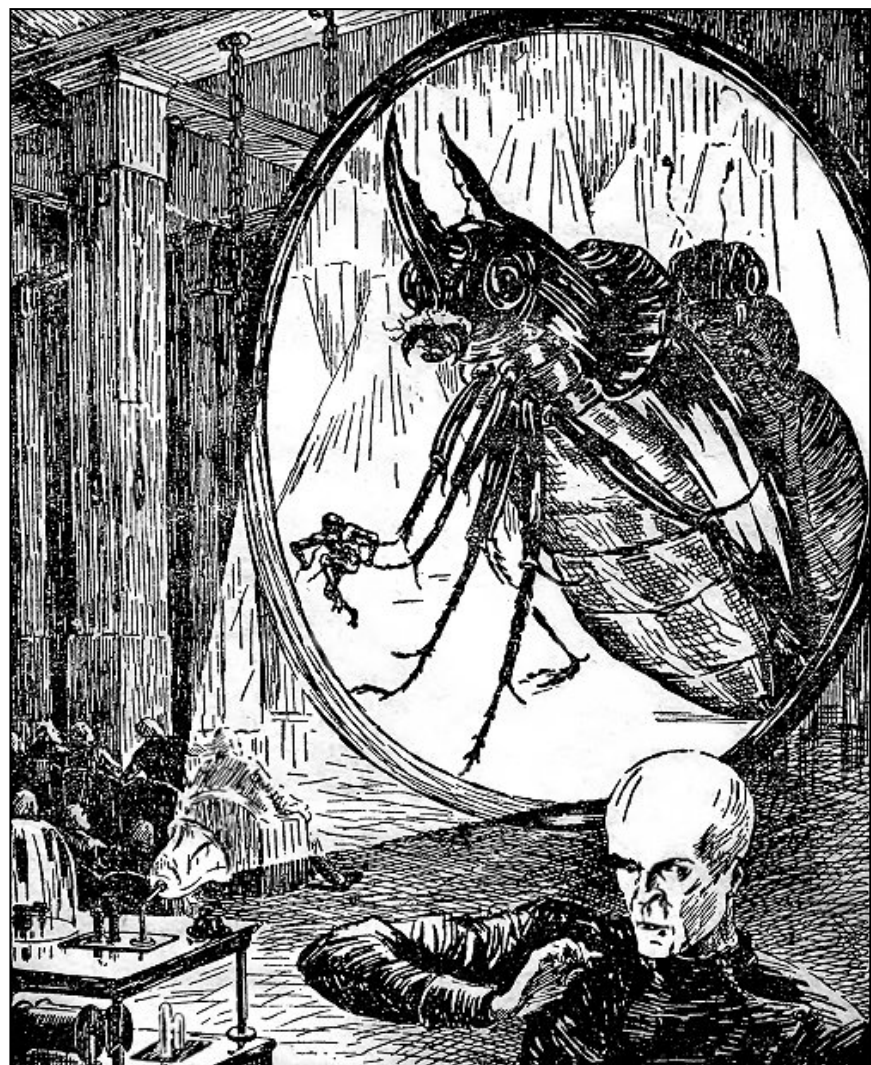
И вот этот день уже прошел. Опыт увенчался успехом, но увы, что увидели мы, когда пелена спала с наших глаз!

Огромные залы собраний были по всему континенту битком набиты людьми, жаждавшими увидеть первых жителей Венеры. Перед самым началом опыта мы послали по радио нашим запланетным соседям приветствие с выражением наилучших пожеланий и получили от них ответное поздравление! Увы, мы еще ничего не подозревали. Затем был включен телевидоскоп приемника, и мы, затаив дыхание, сидели, не спуская глаз с хрустального экрана. Рядом со мной сидел Стентор; я видел, с каким лихорадочным нетерпением он ждал появления фигуры Энайоны.

Сначала на экране скользнули какие-то неясные тени. Очевидно, изображение было еще не в надлежащем фокусе. Наконец, появилось темноватое пятно, очертания его делались резче и резче, оно принимало определенную форму... И вдруг многотысячную толпу народа — и одновременно другие такие же людские массы в зрительных залах всего мира — охватило чувство несказанного ужаса... Человечество вдруг уяснило себе все значение представившейся ему картины.

На экране перед нами вырисовалась фигура колоссального шестиногого жука, хотя и не тождественного во всех отношениях с нашими стародавними вымершими врагами, но все таки это было несомненное насекомое гигантских размеров. Конечно, нас оно не могло видеть, потому что наша отправительная станция еще не функционировала, но, когда оно заговорило, мы должны были закрыть глаза, чтобы убедиться, что слышим знакомый всем голос венерианского диктора Энайоны. Стентор стиснул мне руку, вскрикнул, и я должен был его поддержать, иначе он упал бы.

— Доброжелательные обитатели Земли, как называете

вы свой мир, — раздался голос чудовища, — мы переживаем знаменательнейшее событие в летописях наших дружественных планет, и мы с нетерпением ждем того момента, когда впервые увидим вас так же отчетливо, как вы сейчас видите одного из нас. В особенности нам хотелось бы увидеть Стентора. Сколько раз мы с живейшим интересом слушали ваши рассказы о бедствиях, причинявшихся вам насекомыми, которые оспаривали у вас владычество на вашей планете. Как вы уже часто от нас слышали, насекомые и нам не дают житья. И если мы не сумеем в ближайшее время истребить врага, нам придется проиграть сражение.

Вдруг к венерианцу подошло другое существо — огромный муравей, притащивший в передних лапах какой-то светлый комочек, который он передал жуку. Тот взял этот предмет и протянул его к нам, чтобы мы могли поближе его разглядеть. Это было подобие микроскопической обезьяны. И это млекопитающее было «насекомым», бичом венерианцев! А между тем, в его очертаниях мы видели, хотя и не в достаточно развитой стадии, все признаки человека!

Нечего и говорить, в чью сторону инстинктивно склонилось всеобщее сочувствие, но в то же время, разум подсказал нам, что по всей справедливости мы должны были соболезновать господствующей на далекой планете интеллигентной расе, возвысившейся до умственного превосходства в процессе многовековой борьбы. По какому-то капризу природы, разыгравшемуся еще в начале мироздания, жизнь там сложилась благоприятнее для насекомых, чем для млекопитающих. Или, может быть, насекомые в далекие времена вытеснили млекопитающих, как они чуть было не достигли этого на земле?

В тот вечер сеанс телевидения на этом закончился. Стентор был так взволнован видом венерианцев, что решил не подходить к микрофону, но на другое утро он говорил с ними по радио и объяснил, что вследствие вполне естественной антипатии к их внешности мы не хотим больше видеть их или показываться им. С тех пор они перестали подстрекать нас к постройке междупланетного дирижабля и не просят нашей помощи в борьбе с «насекомыми». Я думаю, что

они начали нас бояться, и именно этот страх пробудил в человечестве злой замысел снарядить к ним экспедицию с завоевательными целями.

Я решительно против этого. Разве недостаточно тех войн, которые были у нас в прошлом? Мы покорили свой мир, и нам пора бы на этом успокоиться и не искать новых завоеваний. Но жизнь здесь слишком легка. Что ни говорите, а когда человек не имеет врагов, с которыми он должен бороться, не встречает трудностей, которые надо преодолевать, — он не может быть счастлив...

Мои опасения за человечество были неосновательны! Не так давно, обходя свои поля, я увидел шестиногого жука, прожорливо уничтожавшего зелень. Итак — человечеству не придется лететь на Венеру для войны с насекомыми...

ᐅᑭᐅᑦᑦ ᐱᑦᑭᑦᑭᑦᑭᑦ

ᐅ ᐱᑦᑭᑦᑭᑦᑭᑦ ᐱᑦᑭᑦᑭᑦᑭᑦ

Жители земного шара далеко еще не знают планеты, на которой они обитают.

Они знают географию ее поверхности, исследовали ее моря и материки, определили ее астрономическое положение, форму, вес. Но что касается состава земного шара, его внутреннего строения, об этом они знают очень мало. Только случайно и то лишь на незначительную глубину им удалось проникать в его внутренность. Туннели, прорытые в горах для железных дорог, прорезают только возвышенности земной коры. Шахты, вырытые для разработки минералов, не идут глубже двух верст ниже уровня моря. Это только ничтожные царапины на верхнем слое коры земного шара.

Уже довольно много времени тому назад я излагал идею о возможности прорыть шахту или колодезь, который шел бы гораздо глубже к центру земли, чем шахты существующих копей, и дал бы возможность исследовать и определить точно состав и строение нашей планеты. По моему мнению, средства, имеющиеся у нашего инженерного искусства, совершенно достаточны для этой цели.

Последние землетрясения и противоречивые мнения геологов об их причинах заставляют меня снова обратить внимание на этот проект.

Жидкая или твердая масса находится в центре земного шара?

С глубокой древности ученые разрешают эту задачу и так и сяк, но не могут найти никакого удовлетворительного разрешения загадки.

В прежние времена признавали, в общем, существование жидкого ядра, окруженного тонкой кожей или корой.

Постепенное повышение температуры, которое наблюдалось по мере углубления в шахты, деятельность вулканов, выбрасывающих расплавленную лаву на поверхность земли, все это заставляло думать, что на глубине 80-100 километров под нашими ногами находится жидкая расплавленная масса. Но современная геология, с большим основанием, недоверчиво относится к этой теории. Если бы внутренняя масса земного шара была жидкой, то эта жидкая масса, притягиваемая луной, поднималась бы два раза в день, образуя страшный *прилив*, от которого должна бы была лопнуть земная кора. Эта кора в 100 километров толщины не могла бы выдержать страшного внутреннего давления. Наше существование на земном шаре было еще более, чем теперь, случайным и неверным. Каждую минуту мы рисковали бы быть поглощенными огненной лавой и, по всей вероятности, никакая жизнь на земном шаре не была бы возможна. Сомнительно даже, чтобы было возможно само существование земного шара. Он должен бы был разлететься в пространстве.

Но наше существование немного прочнее. Земной шар лучше устроен, чем думали раньше.

Согласно новейшим теориям, Земля в общем обладает плотностью, равной плотности стали. Нужно, однако, заметить, что эта теория еще далеко не доказана. Мы не знаем точно, что находится у нас под ногами.

Единственный способ разрешить это — проникнуть самим в таинственную глубину земли.

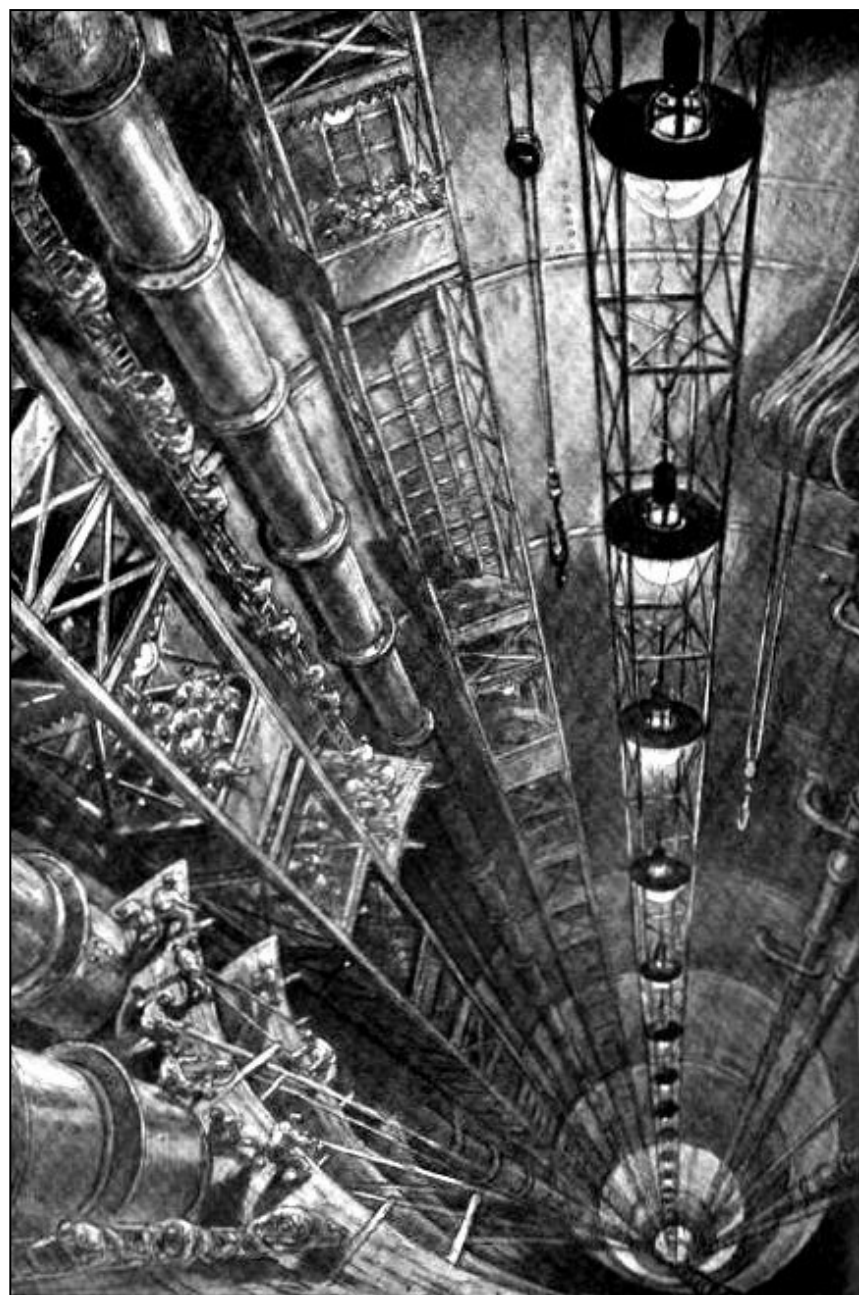
Что мы знаем до настоящего времени верно — это, что по мере углубления в Землю, температура повышается. Это повышение в среднем равняется одному градусу стоградусного термометра Цельсия на каждые 33 метра глубины. Но это повышение температуры далеко не везде одинаково. Во многих местах температура повышается на градус на 30 метров, на 60, на 80, даже на сто метров. С другой стороны, поблизости вулканов жара усиливается на градус при углублении на 15, даже на 10 метров.

От какой причины зависит жара внутри земного шара? Ее принято рассматривать, как сохранившуюся с того времени, когда весь земной шар представлял собой расплавленную массу, которая медленно охлаждается. Поэтому полагают, что температура должна увеличиваться по мере приближения к центру Земли. Вычисitano даже, что температура центра должна достигать 200.000 градусов!..

В то же время, мы знаем, что все известные нам минералы переходят в жидкое состояние при 3.000 гр. На этом и была основана старинная теория расплавленной массы внутри земного шара. Но, как мы уже говорили, эта теория во многих отношениях явно ошибочна. Высокая внутренняя температура земного шара может происходить от различных причин, напр., от радия, который может содержаться в больших количествах около центра Земли.

Решение этой задачи должно было бы быть первой целью устройства *геоцентрических* колодцев.

Такие глубокие колодцы внутрь Земли оказались бы в высшей степени полезными. Прежде всего, они стали бы неистощимыми источниками тепла, которое можно было бы извлекать оттуда, распределять по поверхности земного шара и применять к различным отраслям промышленности. Нужно помнить, что на глубине 3.000 метров вода может быть только в кипящем состоянии, следовательно, там находятся готовые природные паровые котлы, огромные запасы энергии, которые только ждут, чтобы ими воспользовались. Таким образом, эксплуатация подземного мира начнется немедленно же по прорытии глубоких шахт. Затем, эти шахты дадут возможность научного исследования под-

земных глубин. И кто знает, сколько нового лежит там для геологов и палеонтологов? Залежи железа, меди, драгоценных металлов, золота, серебра, радия, неизвестных металлов, ископаемые самых отдаленных эпох, — все это выйдет на свет, станет доступно для изучения и разработки.

По всей вероятности, по пути встретятся источники горячих минеральных вод, подземные водопады, которые могут служить для получения энергии; встретятся подземные гроты и пещеры, озера, населенные, может быть, слепыми рыбами, совершенно новые фауна и флора, вероятно, светящаяся, подобно животным и растениям морского дна, и освещаемая фосфорическим светом, странные подземные пейзажи, сталактиты и сталагмиты.

Только тогда геология действительно станет наукой. Не унижительно ли, в самом деле, что мы, которые можем измерять расстояние до звезд, взвешивать и анализировать их на расстоянии, не знаем состава планеты, на которой живем? Проникать на тысячи и миллиарды километров при помощи наших замечательных открытий в оптике, и не знать того, что находится в нескольких километрах у нас под ногами?

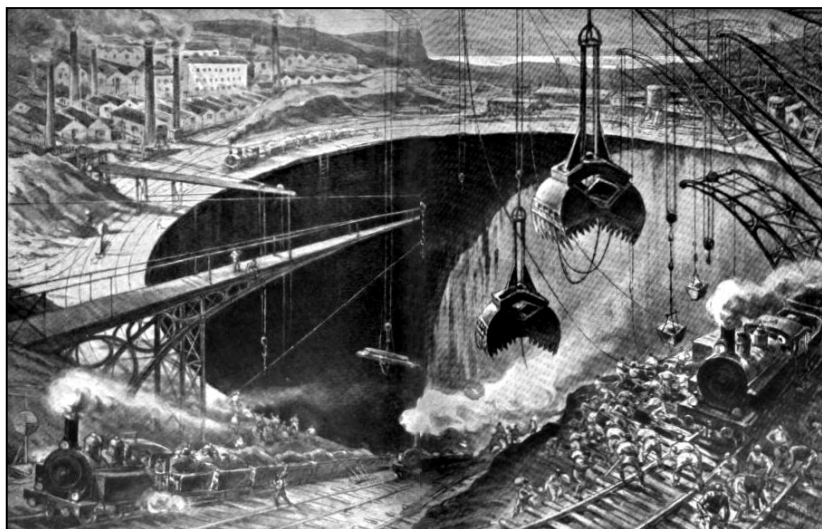
Мы вполне свободно можем представить себе и рассмотреть этот проект шахты для исследования внутренности земли. За последние 100-150 лет мы видели осуществление мечтаний, казавшихся настолько фантастическими, что теперь нас ничто не должно удивить. Осуществление этого проекта представить себе нетрудно.

Дело идет о том, чтобы проникнуть вглубь Земли на 3, 4, 5, 6 и больше километров. Каждый новый километр будет приносить что-нибудь новое. Шахта должна быть довольно широкой. Представим себе, что она имеет в диаметре 200-300 метров и что ее стена укреплена толстыми чугунными кольцами, спаянными одно с другим.

Куда девать землю, которая будет выниматься из шахты?

Вероятно, всего удобнее окажется отвозить землю по железной дороге в море и бросить ее в воду.

Как бороться с жарой?

Об этом мы ничего сказать не можем. Мы знаем только, что на глубине 3 километров мы уже встретили кипящую воду, а нам нужно проникнуть на глубину 6,371 километр, которые отделяют поверхность Земли от центра. Можно сказать одно: так или иначе, а с этим препятствием мы должны справиться, иначе ничего нельзя сделать.

ГДЕ ДОСТАТЬ СРЕДСТВА И РАБОЧИЕ РУКИ ДЛЯ ЭТОГО ПРЕДПРИЯТИЯ?

Препятствий при прорытии этой шахты встретится вообще множество.

Удастся их преодолеть или нет, — заранее сказать трудно. Подземные воды, обвалы, землетрясения, вулканические извержения — все это будет мешать работе. Возможно, что, дойдя до известной глубины, шахта превратится в жерло вулкана, станет первым *искусственным вулканом*. Если это не случится, если работа будет возможна, искусственному охлаждению придется играть большую роль в этой работе. Нужно будет охлаждать стены шахты, инструменты, воздух, воду и пр.

Как собрать средства для осуществления этого смелого предприятия? Добровольные пожертвования, подписка, участие капиталистов, которые могут заинтересоваться доходами, могущими явиться впоследствии от предприятия, — все это, вместе взятое, может дать средства, достаточные для осуществления проекта.

Но, если дело будет начато правильно, прорывшие шахты к центру Земли *не должно стоить ничего*.

Во-первых, для работы может быть организована особая армия.

Солдат этой рабочей армии будут кормить, у них будет помещение и небольшое жалованье. Заведовать этим должно правительство одной из европейских стран. Может быть, именно здесь лежит разрешение вопроса о безработных. Безработные всего земного шара могут поступать в эту армию и пролагать человечеству путь в центр Земли.

Средства дадут те минералы, которые попутно будут выниматься из шахты.

Когда шахта будет готова и Земля будет пробуравлена насквозь, явится возможность разрешить еще один старый спор. Идея отверстия, проникающего сквозь землю, существует очень давно. И еще древних ученых интересовал вопрос, что будет с телом, упавшим с поверхности земли в такую сквозную яму? Данте описывал падение Люцифера с Земли к ее центру, остановившееся в середине, в точке, которая притягивает к себе вес.

Но новейшие научные воззрения противоречат этому. Сатана не остановился бы в центре, а должен бы был провалиться на другую сторону земного шара, потому что в центре не максимум, а минимум притяжения.

Путешествие свободно падающего тела сквозь Землю должно бы было совершаться довольно быстро, именно в 84 минуты, т. е. в час 24 минуты.

Интересно то, что тело, брошенное в такой сквозной колодезь, не остановится нигде. Долетев до поверхности Земли, оно, вследствие своего веса, притягивающего его к центру Земли, опять полетит вниз, причем скорость его будет увеличиваться с каждой секундой. Пролетев со страш-

ной быстротой через центр, оно по инерции будет продолжать лететь дальше, побеждая растущее сопротивление от притяжения центра. Но когда оно долетит до края колодца, притяжение центра победит его инерцию и тело опять будет падать вниз, и так без конца. Это будет в буквальном смысле *вечное движение*, то самое *perpetuum mobile*, над изобретением которого бесплодно бьются столько веков...

တရားဥပဒေနှင့်အညီ

ဇနီးမောင်နှံတို့အတွက် အကျိုးအမြတ်

В прекрасный теплый осенний день, еще пропитанный всеми чарами лета, я наблюдал в телескоп планету Марс. За несколько недель до этого (24 сентября 1909 г.) наша соседка находилась на минимальном расстоянии от Земли — 58 миллионов километров — и в условиях, наиболее благоприятных для ее наблюдения. Несмотря на то, что вся атмосфера была пронизана светом заходящего солнца, словно в ясный летний день, маленький диск этой планеты (увеличенный моим телескопом в 400 раз) казался усеянным темными и светлыми пятнами, отвечающими характерным чертам поверхности этой планеты, которая вот уже полстолетия так часто подвергает испытанно искусство астрономов. Море Песочных Часов, очертаниями своими напоминающее рог изобилия, казалось, тихонько подвигалось к востоку, а за ним следовала лежащая на западе область Девкалиона, прорезанная темной чертой Синус Сабакус. Это кажущееся движение объясняется ежедневным обращением Марса вокруг своей оси, несколько более медленным, чем у Земли — 24 часа 37 минут 23 секунды. Погода на Марсе была дивная: ни облачко, ни туман не темнили необычайной прозрачности его атмосферы. На южном полушарии этой планеты, обращенном к нам в этот момент, лето было в полном разгаре, и полярные снега, которые несколько месяцев тому назад покрывали большие пространства на широте, соответствующей положению Христиании и Стокгольма в нашем северном полушарии, теперь отодвинулись дальше к северу; большая часть их стаяла совершенно, открыв полюс — чего никогда не бывает на нашей Земле.

Улучив благоприятный момент, я внимательно взгляделся в эти марсовские ландшафты, так мало похожие на наши, земные, и зарисовал их; затем вышел из-под купола обсерватории, чтобы полюбоваться с террасы роскошью земного солнечного заката. Светило дня во всей своей красе быстро спускалось к западной линии горизонта и высоко в небе голубая лазурь перемешивалась с цветами розы и золота. Глубокая тишина царила в природе. Сумерки уже раскинули над Землей свой прозрачный покров; на западе Вечерняя Звезда уже зажгла свой яркий сигнальный огонь,

возвещающий о близости ночи.

Природа постепенно готовилась к ночному отдыху, но мои мысли не отрывались от Марса, красные лучи которого неотразимо влекли к себе мои взоры.

— Что означают, — думал я, — эта изменчивость линий берега, эти как будто трещинки на каналах и на солнечном Озере? Что это: вода, болото, растительность?

Внезапно громкое жужжание раздалось над моей головой, прервав мои размышления: это был запоздалый аэроплан, огромная стрекоза, одиноко летящая в поднебесье. Она возвращалась в ангар Жювизи и в прозрачном воздухе я долго следил за ее полетом...

И вдруг мне показалось, что у мысли моей тоже выросли крылья, и она летит быстрее аэроплана в то время, как все члены мои словно онемели. Оторванная от тела, мысль моя с фантастической быстротой неслась в пространство, словно несомая психическими волнами, неизвестными земной науке. Изумленный, я пытался сообразить, что со мной, дать себе отчет в своем положении, но я был совершенно вне своей обычной стихии. Передо мной расстилалась беспредельная равнина; кирпично-красная почва покрыта густой кустистой растительностью однообразного красноватого оттенка, мало похожей на зеленую рощицу, ароматами которой я только что перед тем дышал.

Чтобы преодолеть оцепенение, сковавшее мои члены, я сделал шаг, но, к великому моему изумлению, шагнул сразу на несколько ярдов, и с этого момента ко мне вернулась свобода движений. Я даже почувствовал себя необычайно легким и быстрым. Я не шел, а летел, с необычайной быстротой и без всякой усталости покрывал огромные расстояния, как будто сразу вдруг более, чем наполовину, уменьшился в весе. В очень короткое время я исследовал всю соседнюю местность и все же не мог определить, где я нахожусь и какое поле наблюдений лежит предо мной.

Представьте себе ландшафт южной Франции или, еще лучше, плодородной Голландии, с ее болотами, разветвляющимися каналами и заливными лугами; прибавьте сюда роскошнейшую растительность, совершенно неведомую нашим ботаникам, не имеющую с растением ничего общего, кроме прелести и изящества, — вот какое зрелище представилось моему взору.

Все эти цветы обратили свои венчики к солнцу, которое заходило во всем блеске заката дивного летнего дня, а горизонт весь пылал нежными сумеречными огнями. И, тем не менее, закат этот показался мне совершенно нормальным. Всякий, наблюдавший природу, скажет вам, что солнце при восходе своем и при закате как бы увеличивается в размерах: диск его бывает значительно больше, чем в течение дня. Еще в глубокой древности астрономы, физики и мыслители задумывались над этим кажущимся расширением диска светил на горизонте, которое наблюдается также и у Луны. Но в этот вечер солнце, наоборот, казалось необычайно малых размеров, и Луна, плывшая высоко в небесах, также была гораздо меньше обыкновенной. С другой стороны, Вечерняя Звезда, сквозь туман на западе, светила гораздо ярче обыкновенного.

Но что же это? В то время, как я любовался прекрасным и нежным светом Вечерней Звезды, над горизонтом появился тоненький золотой серп, горевший в лучах заката, и быстро стал подниматься, в то же время двигаясь по небу в направлении востока с такой быстротой, что за движением его легко было следить простым глазом. В то же время другая луна в первой четверти медленно двигалась по направлению к западу. Это необычайное зрелище глубоко взволновало и смутило меня. Я попытался координировать свои впечатления: уменьшение веса, малые размеры Солнца, две Луны, необычайный блеск Вечерней Звезды — очевидно, каким-то необъяснимым чудом я очутился на Марсе.

Эта крохотная луна была Фобос, первый спутник Марса, от которого он отделен расстоянием всего только 6000 километров — крохотный мирок, величиной не больше Лондона, с такой быстрой обращающийся вокруг своей планеты, что полный свой оборот он совершает в течение 7 часов 39 мин. 15 сек. Второй спутник, Деймос, еще меньше, вполтину меньше — пешеход мог бы обойти его менее, чем в четыре часа, даже не ускоряя своего обычного шага; этот спутник пересекает небо с востока на запад, подобно солнцу и прочим звездам. Фобос встает на закате, т. е. на западе, и садится на восходе, т. е. на востоке. Таким образом, эти две луны как будто движутся в противоположных направлениях; первая идет навстречу второй, по временам заслоняя ее и, разминувшись с ней, продолжает свой путь к востоку; и меньше, чем в полдня (ровно 11 часов) проходит через все свои фазы, от новолуния до последней четверти. Я видел ее в сумерках восходящей над горизонтом тонким полумесяцем; два часа спустя диск ее уже наполовину был светлым и находился вблизи другого спутника, который, отстоя на 20 000 километров от поверхности Марса, совершает свое обращение медленно, а именно: 1 день 6 часов 17 мин. 53 сек. Иной раз наблюдаешь затмение этой крохотной странной Луны дважды в течение одной ночи: первый раз вечером, второй несколькими часами позже перед рассветом.

Но мой взор с волнением инстинктивно обращался снова и снова к лучезарной Звезде Вечерней, в которой я приветствовал нашу собственную дорогую планету, и я думал об астрономах, которые в этот самый момент направляют свои телескопы на Марс — и в особенности о м-ре Лоуэлле, с которым мы нередко обсуждали загадку жизни на Марсе. В то время, как мои коллеги на Земле напрягали зрение, чтобы лучше взглянуть в эту загадку, я видел ее отчетливо; я был на месте. Тайна жизни соседнего мира, в которую мы так долго не могли проникнуть, была для меня рас-

крыта, как и все загадки, которые так долго занимали мои мысли.

— Нет, — говорил чей-то голос возле меня, — невозможно, чтобы этот мир был необитаемым; но, во всяком случае, его обитатели должны быть очень легковесны и неустойчивы. Ядро Марса в девять раз меньше, чем у Земли; плотность его на треть меньше плотности земного шара, на поверхности его все тела весят в два с половиной раза меньше, чем на Земле. При таких условиях немислимо, чтобы па Марсе обитали человеческие существа, подобные нам. Притом же, они бы замерзли там, так как Марс, находясь вдвое дальше от Солнца, чем Земля, получает от него и вдвое меньше тепла.

Слова эти ударили мне по нервам, как электрический ток. Дрожь пробежала по всему моему телу. Где я?

Сквозь вечерние тени, собравшиеся под куполом моей обсерватории, виднелось звездное небо. Марс сиял в созвездии Рыб недалеко от бледного Сатурна. Луна, показавшаяся мне огромной, садилась на востоке. Теплый воздух был пропитан ароматами и все небо усеяно яркими звездами.

— Вы что? Задремали? — спросил мой собеседник, изумленный моим молчанием.

— Нет, — ответил я, — я был на Марсе.

— Ах, вот что? И что же, беседовали вы со знаменитыми марсианами?

Я пытался припомнить, собрать мои мысли — напрасно: все, что я видел, все мои ощущения были так далеки от того, что испытываешь на Земле, и все рассеялись, как сладкий сон. И ощущение было даже то самое, раздражающее, как после хорошего сна, когда проснешься и не можешь вспомнить, уловить главной нити. Я хорошо помнил, что во время моего прибытия на Марс там было страшно жарко, что вокруг меня кипела жизнь и деятельность, и было больше оживления, чем мы видим даже в наиболее цивилизованных наших городах. Но формы живых существ, как и картины природы, почти изгладились из моей памяти.

Объяснение этой странной забывчивости очень простое.

На Земле наш мозг и наша нервная система приспособлены к восприятию и запоминанию только земных ощущений или же близких к ним. И на какую бы планету нас ни перенесли, было бы то же: мы не в состоянии были бы припомнить в точности деталей предшествующего нашего существования.

На Марсе, где условия жизни столь различны от земных, внешние впечатления воспринимаются совсем иначе, чем мы воспринимаем их здесь, и только благодаря быстрой метаморфозе всего моего существа я в состоянии был пробыть некоторое время на соседней планете.

И, как только вернулся на Землю, опять стал земным и уже не в состоянии был припомнить виденного.

И все же, оглядываясь назад, я смутно припоминаю, что видел на Марсе человеческие существа, достигшие гораздо более высокого уровня развития, чем мы, люди, видел жизнь чрезвычайно яркую и действительную — результат долгих столетий умственной деятельности и условий обитаемости лучших, чем на нашей планете, в особенности с точки зрения малого веса и увеличения срока жизни (на Марсе год почти вдвое больше нашего — 687 дней вместо 365). Соответственно этому, обитатели Марса живут дольше нашего: каждое поколение имеет больше времени для накопления знаний и передает их последующему поколению в большем объеме, чем это можем сделать мы на Земле, где человеческая жизнь так эфемерна. И, так как марсиане древнее нас, ибо их маленькая планета остыла быстрее и быстрее прошла все фазы своего развития, то и ход прогресса там был ускоренный. И, устремив свой взор вверх к этой красной звезде, затерянной в нашем небе, я из глубины сердца приветствовал неведомых братьев, невидимым гостем которых я был одно мгновение.

je999 Cazzia

ŧŌŧAŌŌ Ŷ ſ̄ȳȳȳ ȳŌ ȳŌȳȳŌ?

История наблюдений над Марсом достойна внимания. В 1877 году итальянский астроном Скиапарелли возвестил всему ученому миру, что он заметил на поверхности этой планеты сеть прямых темных линий, тянущихся через материки, соединяя моря, и эти линии могут быть только искусственными каналами, проведенными существами, одаренными разумом. Почта одновременно с этим астрономы Бертон и Дрейер, не зная совершенно о наблюдениях Скиапарелли, сообщили об аналогичном открытии. Вслед за Скиапарелли, энергично продолжавшим свои наблюдения, другие астрономы — Кристи, Проктор, Лоуэлл, Дуглас, Пикеринг, Фламарион и др. — также принялись систематически изучать поверхность Марса и старая гипотеза о его обитаемости воскресла с новой силой.

По наблюдениям профессора Лоуэлла, планета Марс, как и Земля, имеет два полюса, покрытые снегом и льдом. На ней есть также континенты и моря. Континенты покрыты растительностью, которая развивается летом, постоянно меняя свой вид и, как у нас на Земле, засыпает на зиму. Каналы, согласно его теории, построены гигантами-инженерами с помощью дивных машин, так как вода распределена по всей годной для обработки земле равномерно, как в Египте, с той разницей, что марсиане собирают воду не из реки, а из неистощаемых запасов снега и льда на полюсах. Вода эта, проведенная посредством каналов от полюса к экватору, создает повсюду на пути своем роскошную растительность, густые тенистые леса и луга, покрытые пышным цветочным ковром; и в телескоп нам видны, собственно, не сами каналы, а именно эти полосы пышной растительности. Возле каждого канала возникает оазис. И эти оазисы, быть может, вмещающие в себе огромные города, продолжают существовать даже и после того, как каналы временно исчезнут. В летнее время все растительные центры связаны между собой каналами, которых насчитано не менее 172. Отдельные участки почвы, орошаемые таким образом, имеют размеры от 35-200 кв. миль. Весной они одеты ярко-изумрудной зеленью, как и наши поля; постепенно цвет зелени бледнеет и ко времени летнего солнцестояния

принимает голубоватый оттенок, а к концу лета однообразно серый. Не те же ли изменения должны представляться взору астронома, наблюдающего поверхность нашей Земли с планеты Марс — если только там есть наблюдатели?

К несчастью, есть основания сомневаться в прочности этого блестящего здания, построенного воображением ученого. Нетрудно высчитать минимальную ширину, которую должен иметь такой канал для того, чтоб его видно было с Земли, измерить его в длину и таким образом получить довольно точное представление об орошаемой им поверхности. Но, если сложить вместе добытые таким образом результаты, окажется, что общая поверхность каналов, нанесенных на карту Марса, больше, чем поверхность самой планеты. Результат достаточно поразительный, чтоб задуматься над нам, и наводящий на мысль, что так называемые «каналы» на самом деле не каналы, а какие-то другие предметы, не связанные между собой и кажущиеся нам связанными только вследствие несовершенства наших телескопов. И, действительно, когда был взят для наблюдения телескоп большей силы, вся геометрическая правильность линий каналов исчезла и сами предполагаемые каналы расширились, стали зубчатыми и розовыми по краям и притом разорванными на отдельные неровные сегменты. Два итальянских астронома, Черулли и Сола, утверждают даже, будто каналы профессора Лоуэлла не что иное, как ряд озер без всякой правильности распределения. А по словам французского астронома Шарля Андре, каналы эти созданы не сверхъестественного ума инженерами, а всего только несовершенствами нашего зрения, наших телескопов и нашим воображением.

Большинство ученых, конечно, отрицают, будто в научной работе их принимает какое бы то ни было участие воображение. Но отчего же тогда так часто астрономы дают обмануть себя внешности? Человеческая психология имеет свои особенности.

Попробуйте некоторое время скользить взглядом по обоям — тот же узор, те же цветы, смотря по направлению вашего взгляда, будут казаться вам расположенными по

горизонтальной, или вертикальной, или наклонной линии, будут идти параллельно или же скрещиваться и пересекать друг друга в различных направлениях. По всей вероятности, и каналы на Марсе были продуктом такой же мозговой операции. Маундер и Эванс на опыте доказали возможность этого. Они заставляли детей рисовать неправильной формы фигуры, напоминающие те пятна, которые мы видим на Марсе, и школьники, не имевшие понятия о цели опыта, воспроизвели с изумительной точностью характернейшие черты геометрических рисунков Скиапарелли. А, когда мы смотрим на рисунки-намеки импрессионистов, разве мы не стараемся дополнить их нашим воображением?

Значит ли все это, что на Марсе не может быть живых существ? Нет! Марс, несомненно, обитаем! Рухнула только волшебная сказка о необычайно искусных инженерах-строителях, так изумительно описанных Уэльсом в его фантастическом романе «Борьба миров».

dbR33 3-ya3 i 3-3a 3 R ya3 d i

Планета Марс прошла через те же фазы развития, что и наша Земля, и до сих пор не утратила сходства с ней. Атмосфера ее подобна нашей, только не так плотна и богата, и более насыщена кислородом. Облака, скопляющиеся в этой атмосфере, препятствуют нам разглядеть в деталях поверхность планеты. Снег и лед, скопляющиеся зимой на полюсах, летом тают, но неравномерно, и там, где они остаются, можно предполагать высокие горы и горные цепи, тянущиеся, как и на нашей Земле, у южного полюса. Усиленное таяние снега и льда в течение лета как бы указывает, что температура на Марсе летом приблизительно такая же, как и у нас. И, как у нас на Земле, тучи, образующиеся над морями, разрешаются ливнями, от которых образуются пресноводные озера и реки, снова возвращающие морям ту воду, которая была похищена у них в виде испарения. Плотность этой планеты, немногим меньшая, чем у Земли, зас-

тавляет предполагать химический состав почти одинаковый. И, следовательно, раз на Марсе имеются все те условия, при которых возникла жизнь на Земле, они должны были неизбежно дать и те же результаты.

**ÓàŸə ħà bRqəə ħ, vəqRb ħ ŸR ı Ÿ əa, Ÿəə əR dBRəə
aəi ɒ əbə i**

Живые существа простейшего строения, которые появились первыми и от которых произошли все другие, представляли собой там те же характерные черты, свойства и привычки, как у наших земных прародителей. Но эволюция жизни на Земле была не случайной; мир управляется вечными законами, которые господствуют над будущим, как и над прошлым. Живые существа, как и неодушевленные, не могут ускользнуть из-под власти этих законов. Разнообразие их форм не случайно; мы знаем, что они и не могли бы быть иными, чем они есть; мы знаем, как постепенно вырабатывались определенные формы растительного и животного мира; нам известны неустранимые причины, влиявшие на образование этих форм и выработку общих типов. Эти причины действовали на Марсе, как и на Земле. И там должны быть те же водоросли и мхи, как у нас, и трава, и деревья, и цветы приблизительно такого же вида, как у нас, с той же расцветкой и запахами. Как у нас, материки окаймлены коралловыми рифами и воды населены рабами; и так же птицы в воздухе гоняются за мотыльками, и млекопитающие населяют леса и поля.

Марс дальше Земли от солнца — не на 100 миллионов, а приблизительно на 150 миллионов миль. И потому на нем холоднее, чем на Земле, тем более что его центральный фокус скопления зноя меньше нашего, так как диаметр этой планеты — всего только 4500 миль, а Земли — 8,500. День на Марсе имеет почти ту же длительность, как и наш, но, так как ось этой планеты почти на четыре градуса больше, чем у Земли, наклонена к плоскости ее орбиты, то поляр-

ные области, где солнце остается более одного дня на уровне горизонта или ниже его, обширнее, как и жаркая зона. Неравенство дня и ночи на Марсе больше, чем на Земле в тех же широтах; на 45-м, например, градусе широты наш самый короткий день равняется 8 часам и 43 минутам, а самый длинный 15 ч. 38 мин; на Марсе, под тем же градусом широты, самый короткий день — 7 часов 56 мин. И самый длинный — 17 час. 58 мин. Продолжительность года — почти двойная — $688 \frac{1}{3}$ дня вместо наших $365 \frac{1}{4}$. Орбита этой планеты представляет собой не почти правильный круг, а удлинённый эллипс, и потому времена года более различаются между собой и продолжительностью, и температурой; северное полушарие, благодаря долгому лету, теплее южного.

Разнообразие климата и температуры на Марсе необычайное. Морские животные, особенно рыбы, без сомнения, немногим отличаются от наших земных, так как температура воды меняется медленно и постепенно. Иное дело животные наземные. Эти живут в более благоприятных условиях, чем наши. Они раньше появились и быстрее вытеснили огромных пресмыкающихся. Оперение птиц и шерсть, защищающая млекопитающих от резких изменений температуры, должны были достигнуть пышного развития и большого разнообразия красок, так как они должны меняться вместе с временами года.

Разница температуры зимы и лета так велика, что, несомненно, насекомые на зиму должны исчезать, превращаясь в личинок и заменяя разум инстинктом. Но зато длительность весны и лета на северном полушарии позволяет, личинкам достигать более крупных размеров, и потому насекомые на Марсе должны быть больше и красивее наших. И, ввиду суровости зимы, они, как и наши пчелы, осы и муравьи, несомненно, живут общинами и строят себе жилища, защищающие их от холода. И, может быть, общественная жизнь тамошних насекомых преподнесла бы немало сюрпризов нашим земным энтомологам.

Õ Ÿаэ зRbэсGR?

Тяготение на Марсе значительно меньше, чем на Земле. На нашей планете оно сыграло весьма крупную роль в развитии живых организмов. Оно создало спинную шишку в раковине моллюсков; оно принудило пресмыкающихся волочить по земле свое тело и заставило их выработать сильную мускулатуру. По всей вероятности, на Марсе мотыльки менее плоски и более проворны, моллюски не так скручены, а млекопитающие — легче и грациознее, чем у нас. Многие из них, несомненно, даже летают, подобно нашим летучим мышам, оспаривая у птиц обильную добычу — насекомых. Атмосфера Марса — настоящая арена жизненной битвы. Обилие кислорода в ней допускает большую быстроту сгорания, и потому все живые существа здесь, несмотря на меньшую теплоту солнечных лучей, должны быть живее и подвижнее днем, тем более, что ночь несет с собой полный отдых, ибо ночью на Марсе должна дарить непроглядная тьма. Обе крохотные луны, Фобос и Деймос, вращаются вокруг Марса быстрее, чем вокруг собственной оси, и быстро скользят по небу, не давая света. Там нет ни яркого лунного света, ни приливов, ни лунных месяцев, ни еженедельного изменения фаз луны, которые на Земле оказывают такое сильное влияние на многие явления роста и воспроизведения.

Трудно допустить, чтобы в таком деятельном мире и разум не достигал большого развития и, надо полагать, что существа, подобные нам, людям, на Марсе должны представлять собой высшую из всех органических форм. Однако же, невероятно, чтоб у них были крылья, так как для этого им пришлось бы сначала утратить руки — необходимые органы контроля, без которых невозможно точное знание.

Все это, может быть, только мечта, фантазия, но нельзя же упрекать биологию за то, что она старается заполнить данные, добытые астрономией, рассуждениями, основанными, как и выводы астрономии, на неизменности естественных законов.

óà³ra³e §ıdđ³

À ð ĺTÕTð ĺ ĺ đÕŁŁÕ

Что за существа живут на Марсе?

Этот вопрос заинтересовал меня впервые уже несколько лет тому назад. И тогда я написал книгу, в которой жители Марса совершают нападение на Землю. С тех пор таинственными силами на этой планете произведено много новых работ, и обогащенные познаниями люди имеют возможность решать вопросы с новых точек зрения.

В новейшей литературе о Марсе особенно ценны и важны для меня сочинения моего друга Персеваля Лоуэлла (обсерватория Марса в Аризоне), и я основываюсь, главным образом, в этой статье на его работах, в особенности на книге: «Марс и его каналы». В этой книге убедительно доказывается, что Марс должен быть обитаем, и притом существами, обладающими и чрезвычайной энергией, и необыкновенными инженерными талантами, судя по их водяным сооружениям, в сравнении с которыми величайшие человеческие сооружения — незначительны и ничтожны.

Лоуэлл избегает всяких предположений о форме и внешности этих существ и не высказывает, человечны ли они или сверхчеловечны, или же это такие существа, которые по образу и строению совершенно нас не напоминают. Решение этого вопроса предоставляется умам со смелой фантазией. У нас есть факты и соображения, не позволяющие нам первый попавший в голову уродливый или идеальный образ объявить «обитателем Марса». Напротив, факты, известные нам об этой планете, допускают только такое представление о ее обитателях, которого почти нельзя оспаривать.

Когда говорят об обитателях Марса, то обыкновенно имеют в виду только тех строителей гигантских каналов, которые, следуя изумительно логическим заключениям Лоуэлла, пользуются для орошения тающими полярными снегами и обрабатывают теперь медленно высыхающую поверхность, прежде покрытую морем. Но эти существа составляют только часть Марса, как человек составляет только часть естественной истории Земли. Таким образом, внимание наше, естественно, сосредоточивается на вопросе о животном и растительном мире этой чуждой планеты. Преж-

де всего: существуют ли вообще на Марсе фауна и флора в нашем смысле? Нашли бы мы там обычное для нас различие между животными и растениями? Утвердительный ответ не только допустим, но его можно подтвердить солидными доказательствами. Основанием всякой жизни на нашей планете служит зеленое растение. Только оно в состоянии превращать неорганические вещества в живые существа. Достигается это, как всякий теперь знает, при посредстве своеобразной силы, развиваемой зеленым красочным веществом растения — хлорофиллом — под влиянием солнечного света. Все живые существа, без исключения, питаются веществом зеленолиственного растения, будь это непосредственно, как травоядные, или же уничтожая те существа, которые питаются растениями. Природа воспроизвела себя на нашей Земле в бесчисленных формах, и, однако, ни разу она не сделала попытки превратить неорганические вещества (т. е. землю, камень и составные части воздуха) в живые существа иначе, как при посредстве хлорофилла. Это дает основание полагать, что и на Марсе, раз там есть жизнь, зеленый хлорофилл служит ее основанием, и что, следовательно, там имеется растительный мир. Это предположение подтверждается тем фактом (на него Лоуэлл обращает особенное внимание), что при наступлении периода, соответствующего нашей весне, обширная поверхность Марса — его прежнее морское дно — покрывается ясно различимым голубовато-зеленым налетом, именно голубовато-зеленым, как весной у ели, а не желтовато-зеленым, как у пробивающейся листвы дуба или тополя.

Так обосновывается наше предположение о существовании на Марсе зеленого *растительного царства*, подобного тому, какое мы видим на Земле. Но где оканчивается это сходство? Был ли бы прав художник, изобразив на пейзаже Марса траву и пшеницу, дубы, вязы и розы? Есть ли вероятность параллельного развития обеих планет? Для ответа имеются определенные факты. Мы имеем полное основание оспаривать мнение, будто известные нам растительные формы *не могут* существовать на Марсе. Можно даже установить, чем они должны отличаться от земных форм.

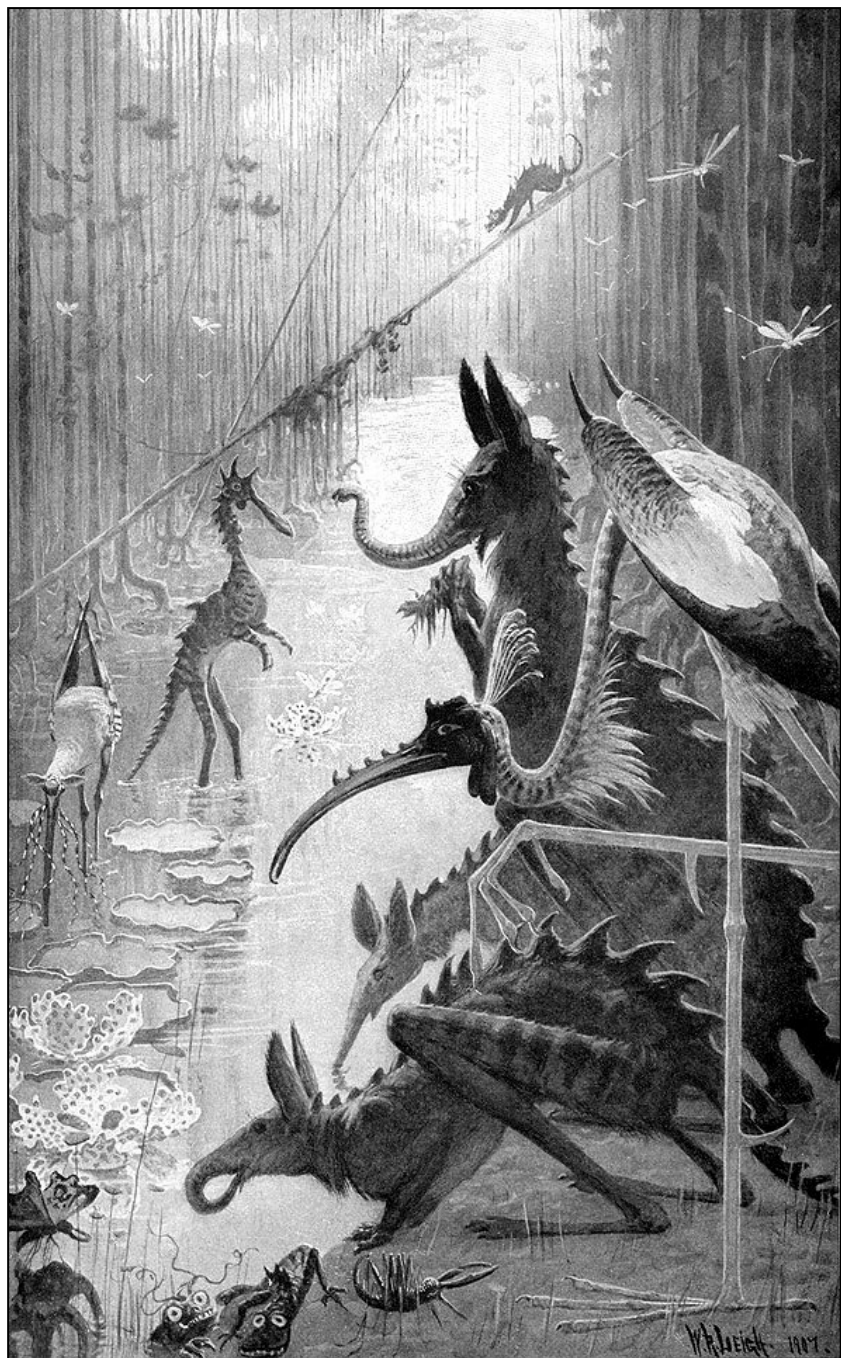
Здесь имеют значение два обстоятельства: во-первых, тела на поверхности Марса обладают только половинной тяжестью в сравнении с предметами на Земле и, во-вторых, общее состояние атмосферы там совершенно различно с нашей. И потому, каковы бы ни были травы и деревья на Марсе, но с этими двумя обстоятельствами они неразрывно связаны.

Какое влияние имеет различие веса?

Притяжение на поверхности Марса равняется трем восьмым земного притяжения. То, что здесь весит килограмм, будет весить там только 375 граммов. Поэтому стволы и стебли, покрытые такими, как на Земле, листьями и цветами, на Марсе были бы слишком обременены. Другими словами, стволы и стебли на Марсе по необходимости должны быть стройнее, а ткань каждого растения слабее. Известно, что величина и объем наших растений находятся в связи с тем количеством работы, какое необходимо для того, чтобы поднять пищу от корней до высших точек растения. На Марсе работа эта задерживается предполагаемой вышиной растений, значительно превосходящей нашу. Они выше, тоньше, стройнее. Что касается затем атмосферы, то, в сравнении с Землей, она на Марсе менее густая и менее влажная. Тяжелые тучеобразования наблюдаются там только, как исключения, и дождь принадлежит к редким явлениям. В продолжение всего года на Марсе идет снег, и, однако, крупнейшие осадки выражаются в виде инея и тумана. Рассматривая наши листья, мы видим, что их форма определяется преимущественно осадками в виде дождя, настойчивое капанье которого листья должны принимать для того, чтобы направить влагу во все стороны до корней. Этому назначению отвечает как лопастеобразная форма клена и каштанового дерева, так и сетчатая ткань нежных волокон и петель, унизывающих наши листья. Но насколько листья выполняют свою задачу относительно дождя, настолько же они непригодны против снега и мороза. Тяжесть снежных хлопьев наклоняет их к земле, мороз совершенно уничтожает их. Листья растительности на Марсе должны, наоборот, выносить снег и иметь соответственно тому раз-

вившуюся форму. Может быть, они остроконечны, как иглы нашей ели, с той разницей, что толстая кожа, как у кактуса, защищает их от сухости бедной снегом, бессолнечной, резко-холодной зимы. Без такой защиты листья на Марсе при сухости тамошней атмосферы сморщились бы и отпали. Как думает Лоуэлл, растения на Марсе насыщают свою потребность во влаге не сверху, не дождем, а снизу, когда таяние снегов вызывает периодически повторяющиеся наводнения. Таким образом, у нас складывается представление, что наиболее обычным типом на Марсе будет высокое растение с пучками и кустиками остроконечных листьев на тростникообразном стволе. Как бы разнообразна ни была растительность на Марсе, но в основе она должна иметь выведенную нами форму. А наверху, в шапке слабых, мясистых, бесформенных листьев, красуются плоды и цветы, как у наших растений.

Из этой картины растительного мира вытекает и наше понятие о фауне Марса: мы знаем, как тесно связан со строением животного способ его питания. Иное питание — иные животные: в наше время это — закон, почти не нуждающийся в доказательствах. И потому описанная своеобразная форма растительности на Марсе не допускает предположения о существовании там животного мира, подобного нашему. Мы не найдем там ни мух, ни воробьев, ни собак, ни кошек. Но мы могли бы видеть там насекомых, ведущих своеобразную жизнь среди зелени, по стволам которой они ползают вверх и вниз. Во время летней жары они живут в стоячей воде, оставленной наводнением, а когда наступают холода, то зарываются в ил и, таким образом, переживают зиму. Может быть, эти насекомые несколько больше, чем распространенные у нас виды, но и их величине положены определенные, свойственные, к нашему счастью, всем насекомым, благодаря их несовершенной дыхательной системе, скромные границы. Может быть, даже они не достигают размера земных насекомых, вследствие более редкого воздуха, препятствующего их развитию. Но, по-видимому, прав будет художник, который изобразит мотылькообразные существа порхающими в лесах Марса или

муравьеобразные ползущими вниз и вверх по древесным стволам. Многих из этих насекомых мы представляем себе с острыми хоботками для пробуравливания твердой коры растений. Но зато — и здесь сказывается большое различие с Землей, — на Марсе, вероятно, нет ни рыб, ни рыбоподобных существ. В продолжение длинной зимы вся вода, по-видимому, устремляется к полюсам и там замерзает. Только летом каналы и бассейны наполняются водой. Следовательно, существа, могущие дышать только жабрами и жить в воде, вымерли на Марсе с незапамятных времен. Самый совершенный аппарат для вдыхания воздуха, какой нам известен, это — легкое. Легкие побеждают в борьбе. Вне воды достигают на земле значительных размеров только такие виды, которые снабжены легкими. Пауки и другие им подобные насекомообразные, поднимающиеся в воздух, достигают этого только тем, что сгибают свои жабры в глухие складки и, таким образом, предохраняют их от высыхания. Снабженные зачаточным подражанием легких, они спасают этим свои органы дыхания. На Марсе воздух более редок, чем на Земле. Объемистые и хорошо защищенные легкие гораздо важнее поэтому для жителей Марса, и в силу этого получают преимущественное распространение породы с высокой, хорошо развитой грудной клеткой. И если низшая ступень больших животных представляла амфибий, которые летом размножались в воде, а при наступлении зимы закапывались в ил, то и этот вид уступил в борьбе за существование животным плавающим, но умеющим дышать воздухом, так как и амфибиям нашей Земли предстоит, по-видимому, та же участь.

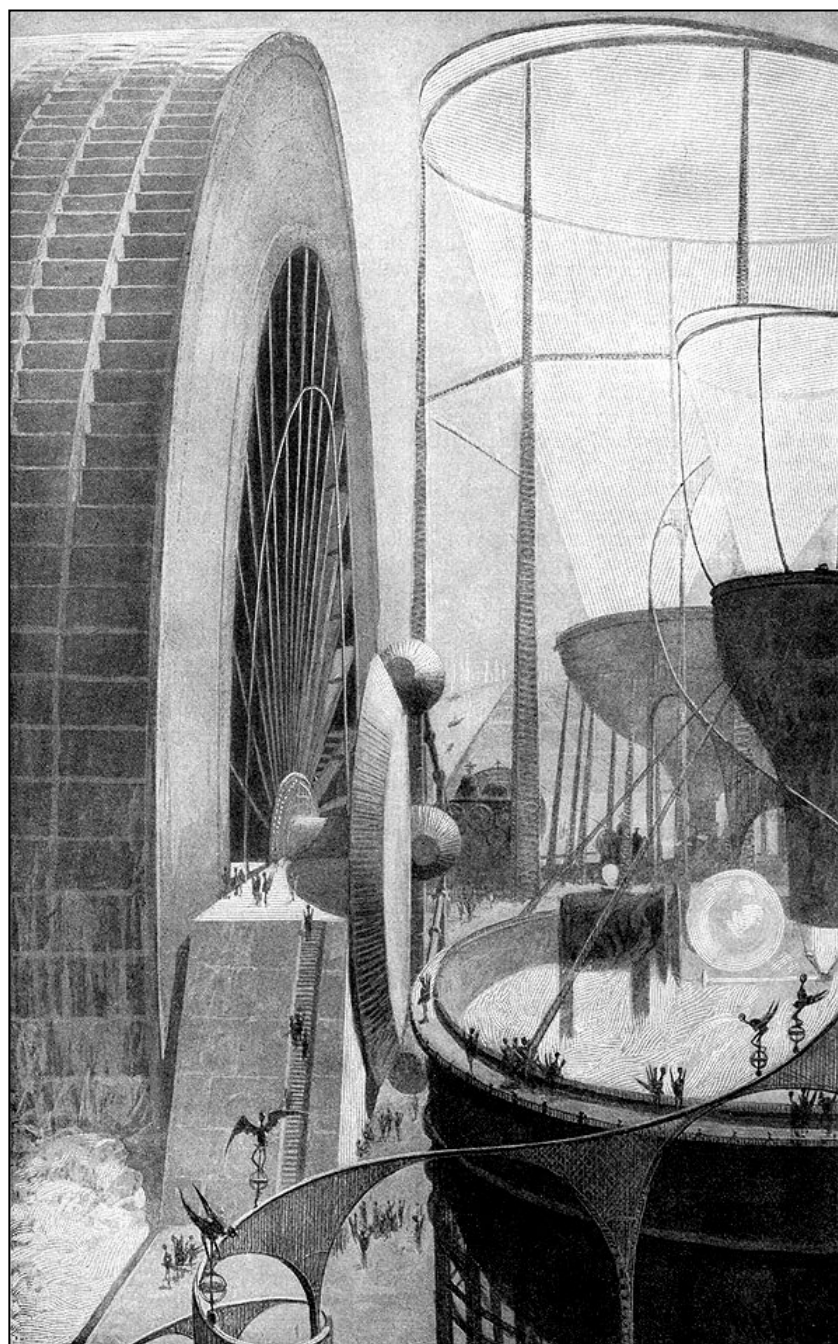
Таким образом, выясняются постепенно точки отправления для обрисовки животного на Марсе. Мы видели, что объем груди должен быть у него гораздо большим, чем у соответственного вида на Земле. И так как причины, сделавшие растительность слабее и тоньше, остаются в силе и для животных, то на Марсе должны были образоваться существа, более высокие и стройные, чем на Земле. Отсюда следуют и дальнейшие обобщения. Так как растительный мир Марса состоит из высоких, стройных экземпляров, то

и среди животных окажутся ползающие, прыгающие и летающие породы, ищущие пропитания среди ветвей и верхушек деревьев. Но, ввиду того, что ни одно существо не может ни прыгать, ни летать, не имея на надлежащем месте головы и хороших глаз, то фантазия художника опять-таки вправе снабдить существа Марса этими органами. Затем, подвижность тела во все стороны даст столь значительные физические преимущества, что можно с трудом представить себе эти существа без чего-либо похожего на хребет.

Обратимся теперь к другому важному обстоятельству — распределению года на Марсе. Длится он столько же, как наш. Жаркое лето, какое бывает на наших горных вершинах, сменяется длинной, суровой зимой. День имеет длину нашего. Но редкий воздух Марса вызывает непосредственный переход от жары к холоду, какой бывает у нас только на горах. Отсюда следует, что все птицы, все животные на Марсе должны быть приспособлены к резким переменам температуры.

Они покрыты каким-нибудь толстым слоем шерсти, плохим проводником тепла, подобно перьям или шкурам нашего животного царства, который падает летом и затем вырастает раньше, чем начнутся жестокие холода. Далее, в высшей степени вероятно, что животные Марса снабжены такими приспособлениями, которые возможно совершеннее защищают их малышей от холода и опасностей. У нас это достигается лучше всего принесением на свет Божий живых, вполне готовых к жизни детенышей. Это — такое же изобретение сурового климата, как кладка яиц — изобретение мягкого, тропического. Ввиду суровых условий Марса, его глубоко вдыхающие, покрытые мехом, перьями или пухом животные должны быть похожи на наших животных.

И вот, постепенно расширяя область наших знаний, мы, наконец, дошли до вопроса о тех существах, которые царят на Марсе и создали ту гигантскую систему орошения, изменения и улучшения которой наблюдаются с Земли уже несколько лет. По словам Лоуэлла, если только он не фантазер, одержимый видениями, этим существам с разумом

сверхчеловеческим удалось сделаться полными хозяевами своей планеты, из которой они сумели извлечь высшую цену приведением ее в образцовый порядок и основательной обработкой. Я думаю, что и человек сумеет со временем в той же степени подчинить себе Землю. Эти царствующие на Марсе существа, вероятно, развились из какого-нибудь млекопитающего, как и человек на Земле, путем постепенного уничтожения низших животных.

Когда я говорил о наводнениях, сплошных болотах и лесных чащах, с которыми должна сообразоваться жизнь на Марсе, создавая огромные видовые преобразования, то я подразумевал эпоху, может быть, давным-давно прошедшую, так как правильная смена блеклого черно-желтого и свежего голубовато-зеленого цветов на низких равнинах Марса приводит Лоуэлла к заключению, что в настоящее время вся плодородная земля этой планеты извлечена из своего первобытного состояния и подвергнута обработке.

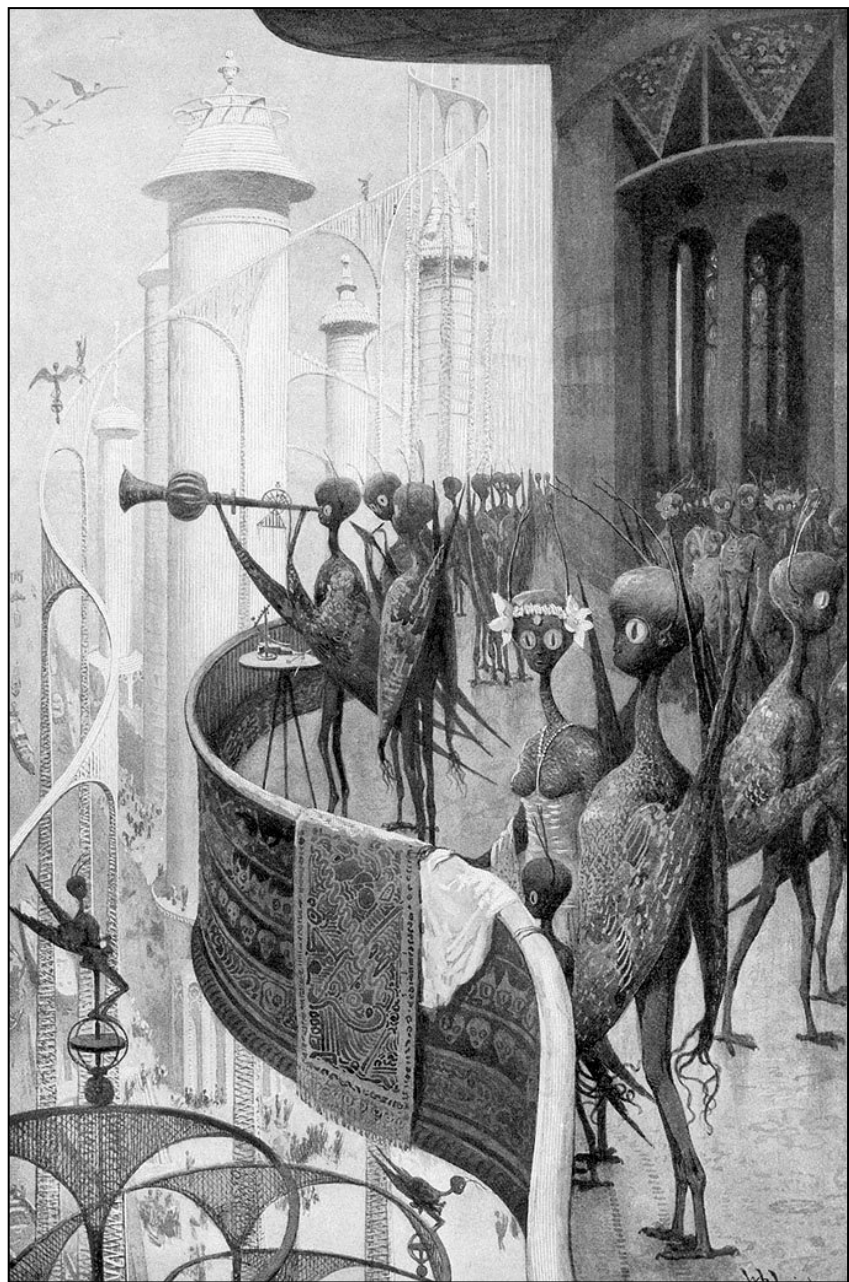
В какой степени существа, исполнившие такую работу, похожи на человека?

До некоторой степени непременно похожи. Их происхождение от существ, подобных млекопитающим, обуславливает их сходство с человеком. У них, несомненно, имеются голова, глаза и туловище с хребтом и, так как их высоко-развитый ум требует значительной наличности мозгового вещества, а мозговое вещество почти всегда расположено в передней части головы, ближе к глазам, то мы представляем себе обитателей Марса с большими, равномерно развитыми черепами. Объемом обитатели Марса должны существенно отличаться от человека, превосходя его в два и две третьих раза. Отсюда, однако, не следует, что они в два и две третьих выше, потому что свойственная всем обитателям Марса слабость тканей противоречит этой величине. Многие говорят в пользу того, что обитатели Марса покрыты перьями или шкурами. Почему человек в отличие от других млекопитающих имеет голую кожу? Я не могу дать на это удовлетворительного ответа, и у меня нет причины думать, чтобы и обитатели Марса имели такую же кожу.

Как ходят обитатели Марса? Прямо или на четвереньках? Может быть, даже на шести ногах? И на этот вопрос нельзя дать обстоятельного ответа. Веские соображения заставляют, однако, думать, что они — двуногие. В пользу этого говорит хотя бы то, что самые смысленные из зверей (обезьяны, мыши) предпочитают передвигаться на двух задних ногах, пользуясь двумя передними для хватания. Какую роль сыграли руки в развитии человечества — известно. Несомненно, что и обитатели Марса снабжены каким-нибудь органом, предназначенным для хватания. Об их развитии, о степени их инженерного искусства трудно судить. Странно звучит для нас мысль, но она не теряет от того в вероятности, что рука заменена у них органом, напоминающим хобот или длинный рог изобилия. Творческая фантазия природы не знает границ. Она никогда не повторяется. Поэтому весьма возможно, что обитатели Марса отличаются по внешнему виду от человека гораздо более, чем можно судить по нашему описанию.

Как сказочно и невероятно все это звучит! Перед глазами встает фигура широко скроенного человека, 9 или 10 футов вышины, покрытого перьями, имеющего хобот и несколько ног. Отталкивающая картина! Но что делать? Несомненные факты и неизбежные выводы заставляют нас признать, что *существа подобного рода в настоящую минуту живут на свете*. Впрочем, представил ли себе когда-нибудь читатель, какое удивление возбудил бы в нем странный вид такого животного, как корова, с рогами, хвостом и другими отростками, если бы оно появилось перед ним сразу, неожиданно?

Я намеренно воздержался в этой статье от дальнейшего описания возможных на Марсе форм жизни. Человек придумал множество искусственных средств для восполнения телесных недостатков: платье, обувь, корсет, фальшивые зубы, стеклянные глаза, парики и т. п. Но обитатели Марса, вероятно, богаче нас умом, познаниями и опытом: в сравнении с их цивилизацией наша началась как будто вчера. И при их высокой степени изобретательности, чего-чего не могли они придумать по части искусственных рыча-

гов для помощи своим органам?!

К успокоению тех из читателей, у которых обитатели Марса вызвали бы беспокойство, пусть служит следующее соображение. Если бы человек Земли внезапно очутился на Марсе, то, преодолев легкое головокружение, ощущаемое на высоте, он почувствовал бы себя прекрасно: вес его сделался бы сразу наполовину легче, чем на Земле, и сам он стал бы поднимать тяжести, вдвое большие. Но если бы обитатель Марса явился на Землю, то собственная его тяжесть начала бы его давить, как свинец. Он сделался бы в два и две третьих раза тяжелее, чем на Марсе. Жизнь стала бы ему в тягость, и возможно, что он тут же умер бы, раздавленный собственной тяжестью.

Сегодня я расскажу вам, как этот изумительный народ построил свои знаменитые каналы. Вы знаете, конечно, как недоверчиво отнеслись наши земные ученые к теории каналов на Марсе, предложенной в свое время Лоуэллом. Конечно, Лоуэлл был прав, утверждая, что каналы представляют собой искусственные сооружения, необходимые для планеты, испытывающей острый недостаток в воде. Так как на Марсе никогда не бывает дождя, Лоуэлл пришел к заключению, что каналы несут воду снегов полярной области в умеренную и в тропическую зоны планеты. В течение одного сезона вода движется с севера на юг, в течение следующего — с юга на север. Эту гипотезу ваши ученые еще могли допустить, но их ограниченный «земной» кругозор не мог постичь возможности искусственных сооружений таких колоссальных размеров. Как могли живые существа построить каналы протяжением от 2-х до 3-х тысяч миль длиной и шириной от 6 до 20 миль? И не только один такой канал, но сотни их? Возможность такого инженерного сооружения превосходила всякие границы человеческого разума. Некоторые из земных ученых даже приводили сложные вычисления, доказывавшие, что такое предприятие потребовало бы многих тысяч лет. Другие доказывали, что при условии пользования даже самыми усовершенствованными землечерпательными орудиями, сравнительно с которыми механизмы, работавшие на сооружении Панамского канала, показались бы детскими игрушками, — на прорытие одного марсианского канала понадобилось бы 500 лет непрерывной работы. Должен сознаться, что, когда я впервые познакомился с этими вычислениями, я также усомнился в теории Лоуэлла.

Но дело в том, что мы судили все же, пользуясь нашими ограниченными земными критериями, считая земного человека и его разум за «венец творения». Необходимость — мать изобретательности. Эта истина приложима и к условиям жизни на Марсе. Население, насчитывающее за собой миллионы лет существования, поставленное пред угрозой уничтожения вследствие все увеличивающегося недостатка в воде, применило весь запас накопленных сотнями

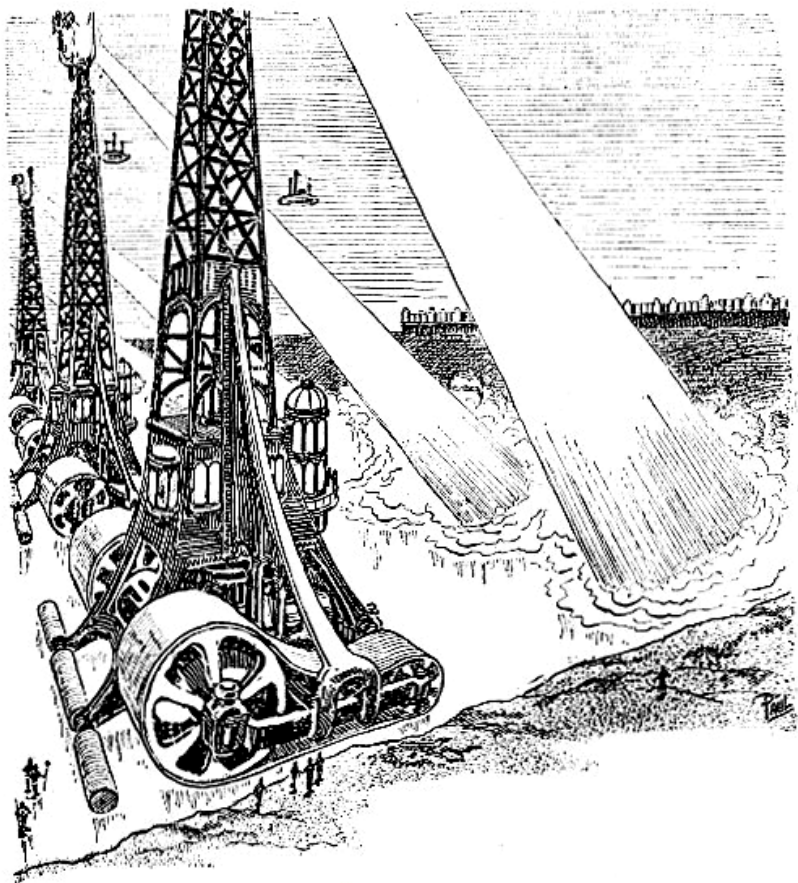
тысяч лет знания и высокоразвитого интеллекта, чтобы отвратить или, по крайней мере, отсрочить свою гибель и не остановилось перед, казалось бы, непреодолимыми трудностями. И я убедился, что марсиане не погибнут от недостатка воды еще в течение многих тысячелетий. Я убедился в то же время, как ничтожны представляющиеся столь грандиозными технические достижения земных ученых, примененные хотя бы при сооружении Панамского канала.

Я невольно улыбаюсь, вспоминая то ребяческое изумление, которое я испытывал, созерцая земные механизмы; каждый из них представляется мне детской игрушкой.

Дело в том, что ваши ученые и инженеры не могли себе представить, что подобные грандиозные сооружения были построены без помощи каких-либо механизмов или машин. Это было вне их понимания.

Вы знаете, конечно, что пламя гремучего газа режет сталь, как масло. Ну вот, таково было мое первое впечатление, когда вчера впервые я увидел работы по сооружению одного из таких каналов. Правитель, узнав о нашем желании познакомиться с процессом этих работ, показал нам только что начавшуюся постройку «маленького» добавочного канала, длиной всего в 600 миль и шириной в 4 мили, который должен был соединить две большие водные магистрали. Он нужен был для создания новой плодородной территории в колоссальной пустыне.

Пролетая в комфортабельном «гравитационном» (двигающемся в воздухе на принципе уничтожения силы притяжения) аэроплане, с высоты 3000 футов мы в подробностях познакомились со способами сооружения этого уже почти законченного, но еще не наполненного водой канала. Направление его было абсолютно прямое, как бы прочерченное карандашом по линейке. Вдоль этой линии действовали какие-то механические конструкции, прорывавшие канал с невероятной легкостью и быстротой. Представьте себе колоссальные башни, каждая в тысячу футов высоты, двигавшиеся в разных направлениях на гигантских колесах. С вершины каждой из них в разные стороны направлялись широкие лучи какой-то электрохимической эманации

ярко-пурпурного цвета. Эти лучи, имеющие свойство раздроблять или, точнее, расплавлять атомы любого вещества, были необычайной мощности. Почва, твердые породы, песок и т. п. буквально таяли под их действием. Конечно, луч сам по себе не горяч, не имеет высокой температуры, он только превращает вещество в атомы. Это нечто вроде атомистического распыления; скалы и песок под его воздействием превращаются в тончайшую пыль и рассеиваются в воздухе. Источник этих лучей, — башни, движущиеся со скоростью около 50 миль в час, — работают безостановочно. Их лучи ритмически режут и уничтожают грунт, проникая в него, однако, неглубоко. Средняя глубина этого водного пу-

ти была, по-видимому, не более 10 футов. Вообще глубина каналов Марса не превышает 8 м, так как назначение их служит исключительно для орошения, а не для судоходства.

Конечно, вы спросите, что же происходит с вырытым материалом? Как бы он ни был распылен на атомы, он все же существует, ибо в природе ничего не исчезает. Ответ очень прост. Возьмем для примера воду. Если вы, путем электролиза, разложите литр воды, он исчезает, но только в смысле невозможности воспринять его зрением; вода просто разлагается на два свои составные элемента — газы — кислород и водород. Но земная наука, умея разложить электролизом воду на ее составные части, все же не может еще расщепить ее на атомы. Разлагаясь на атомы, вещество превращается в энергию, причем ничего из него не теряется. Секрет применения для этой цели электрохимических лучей известен на Марсе уже в течение многих тысячелетий. Проникая в грунт или песок, лучи непрерывно разбивают их на атомы. Процесс этот сопровождается сильнейшим шумом, напоминающим шум пара, вырывающегося из узкого вместилища. Вырабатываемая вследствие этого процесса теплота так огромна, что на уровне максимальной глубины проникновения луча грунт или каменная порода расплавляется в виде лавы. Эту массу марсиане называют «крок».

Воды на Марсе очень мало, поэтому необходимо предотвратить ее просачивание в подпочвенные слои и постепенное уменьшение ее запасов. Это случилось уже с Луной, поверхность которой совершенно лишена влаги; даже в недрах Луны вода имеется лишь в виде льда. Вводя воду в водонепроницаемые вместилища, строители их устранили просачивание ее в почву. Даже в тех районах, где вода подводится к предназначенным для возделывания территориям, она не допускается глубже верхних слоев, где она нужна для орошения, путем очень простого и, в то же время, очень действенного приема. Почва из площади, предназначенной для возделывания, «экскавируется», так же как и сам канал и на такую же глубину, как канал, и делается непроницаемой; затем она наполняется плодородной почвой. Кроме того,

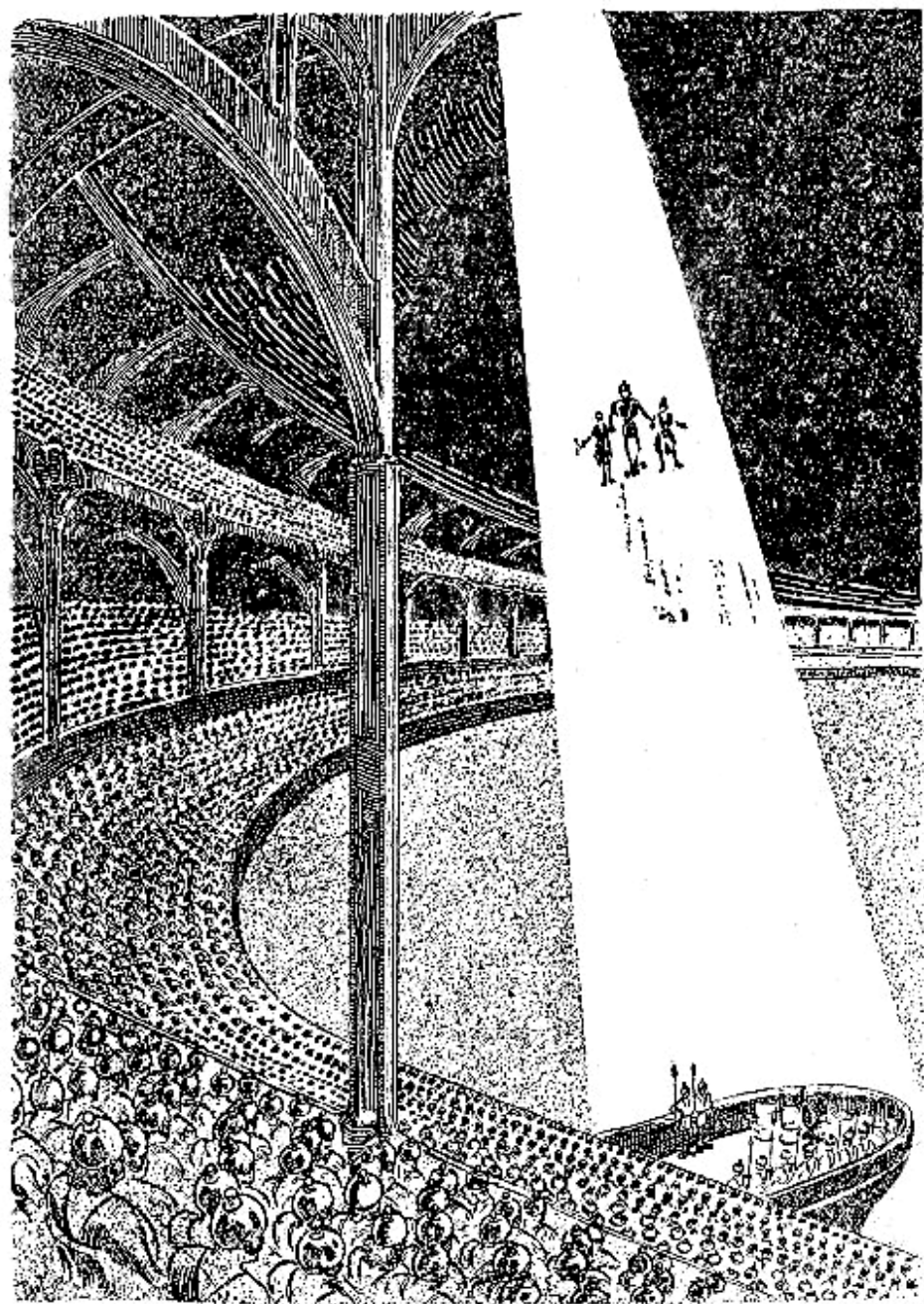
надо заметить, что после того, как лучи покрыли ложе канала плотной массой лавы, этот пласт лавы делается проводником для марсианских токов ионов. Как я уже объяснил, воды в марсианских каналах, путем уничтожения действия притяжения, делаются невесомыми. Достигается это пропусканием сквозь ложе канала токов ионов. Продвижение невесомой воды по каналу достигается действием тех же лучей, направляемых из башен, вдоль каналов. Вас удивляет, вероятно, как могут быть марсианские каналы так необычайно широки. Некоторые из них имеют от 10 до 20 миль в ширину. Разве не было бы целесообразнее прокладывать их более глубокими, но более узкими, чтобы выгадать больше полезной площади, в которой марсиане очень нуждаются? Ответ очень прост: испарение. На Марсе нет океанов, морей, озер, если не считать небольших искусственных водных вместилищ на соединении каналов. Возможно большая ширина водоемов необходима для марсиан, чтобы иметь возможно большую поверхность испарения. Система регулирования процесса испарения приводит к тому, что на крайних пунктах, на севере и на юге, каналы уже почти не имеют воды. Она уже использована для целей орошения. Эквивалент ее испарился и будет вновь использован в следующем году.

Так этот высококультурный народ борется с угрозой гибели от недостатка влаги, запасая эту влагу на многие тысячи лет в будущем.

В изящном аэроплане мы пролетели над блестящим огнями городом и через несколько минут опустились на громадный, слегка изогнутый купол грандиозного здания, сооруженный из сплошной глыбы прозрачного материала. Марсиане называют его «тос». Мы подошли к краю этой крыши, откуда был направлен вниз мощный луч ослепительно желтого света; когда мы заглянули внутрь здания, нам представилось зрелище, от которого у нас захватило дыхание. Под нами расстилалась громадная арена, кишевшая народом; здесь, в колоссальном амфитеатре, собрались не менее 200.000 марсиан, и эта бесчисленная толпа не издавала ни одного звука. Царила полная тишина: марсиане не говорят громко, большей частью общение между ними происходит путем передачи мыслей. Как-то жутко было видеть эти тысячи безмолвно говорящих и, по-своему, вслух выражающих свои впечатления существ.

Здание имело форму правильного круга, было построено в стиле древних римских амфитеатров и состояло из 20 рядов один над другим. Эта арена была сооружена сплошь из прозрачного материала, называемого марсианами «тос». В то время, как мы были погружены в созерцание этого невиданного зрелища, Правитель ввел нас в сферу желтого луча. Внезапно нас охватило непередаваемое ощущение света и мы поняли, что медленно несемся в сфере действия желтого луча вниз на арену. Как птицы, парящие в пространстве, пронеслись мы несколько сот футов и опустились на блестяще освещенную платформу. Как только мы коснулись ее, желтый луч исчез и к нам вернулось обычное ощущение нашего веса в пространстве.

Затем мы с комфортом расположились в указанной нам ложе. При появлении Правителя тысячная толпа приветствовала своего вождя своеобразным жестом, подняв левую руку. Началось представление. Цирк погрузился в темноту и, спустя минуту, в центре арены, футах 20 от пола, в воздухе появился громадный, ослепительно блистающий шар, за ним возник второй темный шар меньшего размера, освещенный светом, исходящим от первого. Далее, в некотором расстоянии от первого шара, возник третий, несколь-

ко большего размера, за ним еще один, еще меньше предшествовавшего, вокруг которого вращался маленький шарик.

Тогда мы поняли, что это была картина мироздания. Большой светивший шар изображал Солнце. Первый небольшого объема — планету Меркурий, второй — Венеру и третий — нашу Землю с ее спутником — Луной. Далее начали появляться — Марс со своими двумя небольшими «лунами», затем появились тысячи маленьких астероидов, громадный Юпитер, Сатурн с опоясывающим его кругом и его спутниками, Уран и, наконец, Нептун. Некоторое время планеты оставались в пространстве без движения. Как только «создалась» последняя планета, внезапно все эти миры начали вращаться вокруг солнца. Это изумительное зрелище длилось минуту.

Затем планеты постепенно начали замедлять вращение и, наконец, все остановилось. Взаимное положение воспроизведенных здесь планет точно соответствовало действительному положению их в это время года. С абсолютной научной точностью, путем сложных механизмов под ареной с одной стороны и под куполом — с другой, влияние внешних явлений притяжения было устранено, благодаря чему светящиеся шары висели в пространстве, ничем не поддерживаемые, причем вращательное движение их вокруг Солнца отнюдь не создавалось искусственным образом. Правда, первый толчок этого движения вызывался искусственно, посредством невидимых лучей, исходящих из-под арены. Но, будучи приведены в движение, они сохраняли свой эллиптический курс, как это происходит во вселенной. Достигнув положения, занимаемого в действительности изображаемыми ими планетами, они удерживались в нем благодаря действию тех же невидимых лучей.

Вторым номером этого зрелища был «вокальный», если можно его так назвать, — концерт хора из 50 молодых марсиан, исполненный без какого бы то ни было аккомпанемента, причем ни один из хористов во время пения не издал ни одного звука. Но они пели... путем передачи мысли. Беззвучное пение! Это кажется бессмысленным и, тем не менее,

это было прекраснейшее и мелодичнейшее пение, какое я когда-либо слышал. Конечно, недостаток опыта и, пожалуй, необходимой для этого тренировки *способности воспринимать звуки мысленно*, выработанный у марсиан наследственно, лишила нас возможности понять все тонкие нюансы, всю красоту этого концерта, так как наши способности восприятия умственных импульсов безгранично слабее, чем у марсиан. Мы слушали его так, как наш дикарь слушает Бетховенскую симфонию.

В исполнении второго отделения многое для нас также пропало. Как мне сообщил Правитель, это была *симфония запахов*. Известно, что каждый запах вызывает определенный рефлекс в мозгу и что некоторые запахи оказывают влияние на наши нервные центры. В зависимости от степени восприимчивости органа чувств того или другого субъекта даже тонкие оттенки запахов влияют на наши мысленные представления. В настоящее время, конечно, у человека еще очень недостаточно развита эта способность. У обитателей Марса, наоборот, она развита в высокой степени: малейший оттенок запаха имеет определенное место в гамме их ощущений и определенное значение, соответствующее тем или другим отдельным нотам или аккордам в музыке, ассоциируемое с определенными зрительными (цветными) представлениями и вызывающее соответствующие душевные настроения и тончайшие их оттенки. Симфония запахов воспроизводилась так: на остриях окружающей арену решетки помещаются особые трубки, снабженные расположенными в том или другом порядке отверстиями; по этим трубкам пропускается воздух, насыщенный выработанными химически духами и естественными эманациями цветов в концентрируемых в специальных аппаратах под ареной. Исходя из баллонов, в которых они собраны, по трубам они в известном порядке проходят через аппарат, в котором специалисты, «композиторы запахов», располагают их в изумительные по «красоте» симфонии. Из внешних трубок на арену и по рядам амфитеатра они направляются невидимыми, сменяющими друг друга волнами. Временами темп движения волн задерживается, временами ускоряет-

ся, причем иногда резко сменяясь, иногда же постепенно перерабатываясь один в другой. В движении этих благоухающих волн наблюдается известный ритм. По выражению экстаза на лицах марсиан мы поняли, какое глубокое эстетическое впечатление производит на них эта музыка запахов. Для нас, конечно, большая часть и этого акта была недоступна и, тем не менее, моментами мы даже нашими ограниченными земными чувствами схватывали красоту этих аккордов, которыми марсиане наслаждались без малейшего напряжения, полностью, глубоко.

Следующим номером программы было изумительное акробатическое представление нескольких цирковых артистов, проделывавших невероятные по трудности и замечательные по красоте эволюции в воздухе, не поддерживаемые ни канатами, ни трапециями. Они плавали в воздухе, направляемые невидимыми лучами, исполняя своеобразные хореографические номера и создавая изящные группы. Наконец тела их сделались прозрачными и постепенно как бы испарились на глазах у всех. Далее последовало нечто, чего мы не поняли, хотя наш хозяин тщетно старался объяснить нам значение и смысл этого номера. До сих пор я не могу уяснить себе, в чем состояло это «восприятие», так как зрелищем, помню, назвать его было нельзя. Я видел только, что на марсиан оно произвело даже больше впечатления, чем все предыдущие. По-видимому, они воспринимали его каким-то шестым чувством, о котором мы не можем иметь даже приблизительного представления. Вот что мы увидели: в центре арены были поставлены три странного вида механизма с ослепительно блестящими шарами, свешивающимися на металлических цепях. Цирк был погружен в темноту. Три марсианина, вооруженные прозрачными шестами, ритмически касались ими этих шаров в разных местах. Я никогда до того не слышал смеха обитателей Марса. По-видимому, что-то очень забавное вызвало у стотысячной толпы чрезвычайно своеобразное выражение веселости, но теперь уже внешнее, звуковое. В первую минуту мы даже не догадались, что это был смех и только из замечаний правителя мы поняли, что толпа хохотала. Мар-

сиане конвульсивно изгибались, испуская странные высокие ноты; даже всегда строгий и бесстрастный Правитель сотряслся в припадке дикого веселья. Мы, конечно, ничего особенного не чувствовали и не видали, за исключением ощущения кислоты во рту и совершенно произвольных и очень слабых сокращений лицевых мускулов.

Этот номер сменился опять музыкальным произведением, *но не в звуках, а в цветах*. «Музыка цветов», основная идея которой заключается в том, что определенные цвета соответствуют определенным звукам, отчасти уже известна и на Земле. Марсиане давно воспользовались этой идеей и развили ее. Мало того, они установили, что определенные звуки и ноты способны вызывать определенные ощущения вкусовых органов. Некоторые ноты вызывают сладковатый вкус, другие кисловатый. Постепенно было доказано, что такую музыку можно не только слышать, но видеть и ощущать на вкус. Как это не покажется парадоксальным, мы с нашими ограниченными земными способностями наслаждались этой странной музыкой и понимали ее. Эти цвета были мягки и своеобразно изящны. Зарождаясь неизвестно откуда, они переходили один в другой, временами постепенно, временами сразу и резко. Иногда мы видели один цвет сквозь другой, затем различные оттенки как бы вытесняли один другой, но никогда они не группировались в определенные линии или полосы, причем это не был свет, это были только цвета. Проникая в нас, они давали разные, в зависимости от оттенка, вкусовые ощущения. Особенно странно-приятным было ощущение, если можно так выразиться, «журчания» этих цветов. Ощущался преимущественно вкус фруктов и только изредка я ощущал какой-то металлический вкус. Он всегда соответствовал темным тонам световой музыки.

Это зрелище и в то же время ощущение сопровождалось неопишуемым чувством одновременно физического и душевного наслаждения. Последний акт — апофеоз — состоял из оригинальнейшей комбинации эффектов воды. Пол арены опустился и был заменен гигантским водоемом: на Марсе вода имеется в очень ничтожном количестве и пото-

му для его обитателей составляет большое удовольствие созерцать это ценное для них вещество. И в этом случае всякое внешнее притяжение было уничтожено и вода была лишена веса. Представьте себе, что вы, подняв на известную высоту сосуд с водой, опрокинули его. Благодаря отсутствию притяжения, вода остается висеть в воздухе и постепенно начинает принимать форму шара, вследствие закона.

По этому закону капли воды на материи или бархате принимают шаровидную форму. Посредством тех же желтых лучей вода разбрасывалась в желательном направлении и тем же способом ей придавалось то или другое движение. Таким образом в воздухе появлялись фантастические, изумительные красоты — хрустальные арки, кольца, спирали, мосты, пирамиды и оригинальнейшие геометрические фигуры. Все это освещалось разнообразными сменяющимися световыми эффектами. В заключение, в виде апофеоза, в воздухе появился колоссальный водяной дворец. Это сопровождалось волшебными звуками невидимой, но уже настоящей звуковой музыки. Затем внезапно влияние причин, уничтожавших притяжение, было устранено и водяной дворец, превратившись в бесформенную массу воды, с шумом рухнул в бассейн.

Марсианское зрелище кончилось.

Бледная лунная ночь на планете Марс навевала на его жителей короткий покой. Веселая и оживленная дневная жизнь прервалась для короткого отдыха. Даже растения накрыли свои красивые цветки, чтобы снова раскрыть их утром на радость вечной жизни. Замолкла звонкая и торжественная песня творений, которая звучала днем на Марсе, по берегам его вод. Две луны светили с противоположных сторон, одна — синеватым, другая бледно-красным светом. Их сияние озаряло озера, холмы и долины, и бесчисленные отблески неуловимых отражений красиво сливались с таинственным сиянием неба, где, точно в бездне света, сверкало бесчисленное множество звезд. Чудная гармония и небесно-чистое, святое, торжественное чувство царило в природе Марса.

— Как прекрасен этот мир! — прозвучал вдруг тихий голос, нарушая глубокую тишину.

— Как прекрасен этот мир! как прекрасно небо! — повторил другой, более нежный голос.

— Смотри: небо и земля слились воедино. Их слияние дает лучшую картину, какую когда-либо видели дети природы, рождает музыку природы, величественные звуки, струящиеся в безбрежной тишине. Это — дело великого Мастера, лучшего Художника, который создает формы жизни.

— Наш Мастер создает нежнейшие звуки в этой песне природы, которая везде одинакова, и в бесконечности вселенной, и в слабом сердце самого ничтожного создания... Ну, пойдем наверх, на эту гору. Я хочу подняться на самую высокую точку нашей обсерватории. Я хочу в эту ночь опять изучать уголок этой бесконечности, этой природы, созданной нашим Творцом. Я чувствую, что в моей груди подымается страстное желание узнать то, что есть неизвестного в глубинах пространства. Моя грудь волнуется, и желания восторженно кипят. Как велика была бы моя радость, если бы я нашел еще более струн на этой вечной лире жизни.

Оба говорящих поднялись неслышными шагами на гору. Один из них был стройный, сиявший от восторга юноша, другой был старик, лицо которого сияло спокойствием и добротой. В переливах ночного сияния они казались светя-

щимися теньями, которые одни решались нарушать ночной покой. По извилистой дороге они дошли до обсерватории и здесь поднялись по белым ступеням на самый верх, откуда открывался бесконечно широкий горизонт Марса. Все так же красиво покоилось звездное небо в бесконечной высоте.

— Ты хочешь знать и изучать, — сказал старик, обращаясь к юноше и прерывая его мечты. — Знания достигаются посредством изучения. Исследование есть порог, через который проходят в сокровищницы ума. Изучающий находит часто много такого, чего ранее и не ожидал. Потому что мы стоим перед великой Неизвестностью, стараясь проникнуть за пределы своего знания и опыта или расширить их круг. В большом музыкальном инструменте много звуков, и не все они одинаково чисты. В твоей душе возникают лучшие, чистые звуки. Но знаешь ли, что скрывается в неведомых тебе глубинах мира? Жизнь течет из вечных своих источников безграничная и неизведанная. Мы только маленькие песчинки. Все остальное велико и необъяснимо. Ты откроешь новый уголок Неизвестного и найдешь его совсем не похожим на то, что раньше знал. Перед тобой загадки, новые нерешенные вопросы, которые влекут тебя вперед.

— Да, вперед, вперед! Я хочу проникнуть в самые глубокие тайны жизни.

— До этого ты не дойдешь никогда, никогда, но все же многого ты можешь достигнуть. Потому что, чем больше ты сделаешь завоеваний в области исследования, тем необъятнее будет становиться Неизвестное.

— Но тем сильнее трепещет мой дух от гордости. Ведь я тоже составляю часть того целого, пределов которого наш разум не может постигнуть. Весело искать жемчужины там, где знаешь, что лежат бесчисленные сокровища.

— Да, это так, — сказал старик. — Но я вот что скажу тебе. Не всегда мы находим красивые жемчужины. Часто нам попадаются некрасивые, бесформенные предметы, которые мы гневно и с отвращением бросаем в сторону. Кто ищет знаний, тот может находить и такие, которые прине-

сут ему только страдания, подорвут его веру в вездесущую благодать и нарушат покой его сердца.

— Я не знаю покоя, когда жажда знаний горит в моей груди. Этот прекрасный мир зажигает во мне пламя, которое не потухнет до тех пор, пока, напрягая все силы, я не подниму завесы, скрывающей еще большие чудеса.

— Я показывал здесь, в обсерватории, многим так же увлекающимся юношам картины мировой жизни. Я приподнимал края завесы, скрывающей глубины мира. И многие из них плакали, как дети. Они приходили сюда, наверх, восторженными и счастливыми, а возвращались вниз с грустью на сердце.

— Я хочу тоже плакать вместе с другими. Не запрещай мне смотреть.

— Тогда смотри. Многого ты не можешь увидеть. Не увидишь даже всего того, что я могу тебе показать. Покажу тебе одну маленькую точку в безбрежности Целого.

Сказав это, он развернул большую карту, на которой были обозначены звезды. Указав эту маленькую точку на карте, старик спросил:

— Какая звезда находится на этом месте?

— Тут находится та планета, которую ты называл Землей, — ответил юноша.

— Да, я ее так называл. Я однажды был на ней. Здесь, в обсерватории, изучая небесные тела при помощи наших лучших приборов, я увидел на одной планете картины, которые воскресили в моей душе прежние воспоминания. Это была Земля. С тех пор я напряженно следил за ее движением.

После этого старик коснулся маленького прибора, и большой телескоп обсерватории Марса был направлен на Землю.

— Смотри, — произнес старик.

Юноша начал всматриваться.

— Я вижу красивую планету. На ней одни пространства темнее, другие светлее. Среди них выделяются другие небольшие пятна. Из этого я заключаю, что там большие материки и океаны. На материках можно видеть озера, горы

и долины. Красива земля, когда на нее глядишь в телескоп.

— Теперь присмотримся к одному ограниченному месту, — сказал старик и соединил телескоп с другим астрономическим прибором, изобретением жителей Марса. Юноша стал смотреть с еще большим напряжением.

— Я вижу часть самого большого материка. Море омывает его с трех сторон и изрезывает его берега неправильными заливами. Различное отражение света доказывает, что там неровная разнообразная поверхность. В долинах роскошная растительность, которую можно сравнить с богатой природой нашего Марса. Местность очень привлекательна. Там, наверное, жители счастливы.

— Я знаю это место. Я в последнее время часто его изучал. Но подожди, мы прибавим к нашему телескопу еще вспомогательный прибор; тогда можно будет подробнее рассмотреть некоторые частности.

Старик нажал кнопку, и тихо стали вращаться зубчатые колеса, передвигая на свои места части нового прибора. Силы природы Марса, которые жители его научились применять для всех работ и назначений, стали послушно действовать. Изобретенная гением машина собирала едва уловимые моменты движений и составляла из них настоящие живые картины.

Юноша радостно воскликнул:

— Я вижу множество существ, движение и жизнь! Там жилища, которые напоминают наши дома, и жители, похожие на нас. Я вижу в лесу небольшие домики, а в стороне большие и красивые строения. В одном месте целая группа зданий, которые касаются друг друга.

— Это называется городом.

— Но — замечательно! Из этого места выходит большая толпа жителей стройными рядами. Они проходят через равнину, на которой видны обработанные поля, как и на Марсе. Вдали от них видна другая такая же толпа, обращенная лицами к первой. Они, видимо, с напряжением ожидают друг друга. Но они идут как будто против своей воли. Между теми и другими воздух как будто пронизан исходящими от

них лучами злобы.

— Следи, следи за их движениями.

— Теперь они близко друг от друга, — продолжал юноша спустя некоторое время. — У них в руках какие-то предметы... Я не могу хорошо рассмотреть их.

— Это оружие, которое употребляют для убийства.

— Для убийства!

— Да. Но смотри еще.

— Ах, Боже мой! они дерутся... и в передних рядах пронзают оружием друг друга. Их много падает; они падают грудами! Целые валы образуются из павших. Другие бегут из задних рядов на место убитых и делают то же самое. Ах, да они перебьют друг друга!

— Да, они этого и хотят. Но взгляни на другие места.

— Я вижу на другой стороне холма такую же группу жителей. У них оружие еще больших размеров... Оно расставлено рядами на укреплении. Вдали, в долине, находится против них такая же группа с такими же укреплениями. С обеих сторон вспыхивают огни; а там, где огонь показывается, жители валятся сразу целыми рядами. Группы редуют и приближаются друг к другу. Ряды сходят с холма и быстро направляются к долине. Находящиеся впереди бросаются в бегство, другие их преследуют. Бегущие входят в какое-то строение, окруженное большими стенами и укреплениями. Другие становятся перед этим строением. Снова вспыхивают огни и показывается дым. Большие круглые предметы ударяются о стены, за которыми находятся убежавшие. Стены рушатся. Опять грудами падают жители Земли. Другие через пробоины в стенах врываются в укрепление. Масса жителей падает замертво. Я вижу, что стены и полы заливаются красною жидкостью. А вон, в стороне, загораются строения. Огонь быстро распространяется и зажигает другие дома. Жители мечутся в беспорядке. Многих пожирает пламя, другие же протискиваются вон. Ах, это ужасно! Что это такое?

— Это война.

— Теперь я вижу море. На нем плавают большие корабли, как и на водах Марса. Они расположены двумя боль-

шими рядами; в них находятся жители Земли. Они плывут навстречу друг другу. На них также вспыхивают огни, и они окутываются целыми облаками дыма. В одном корабле пробит бок! Корабль покачнулся... тонет! Другой взлетает на воздух, распавшись на тысячи кусков! Осколки, разбросанные предметы и тысячи бывших на кораблях существ плавают в волнах. Между волнами поднимаются вверх руки, — наверное, с мольбой о помощи. Но никто не спешит к ним на помощь с других кораблей. Никто не спасает их. Зачем все это? Нет, закрой телескоп; я не могу больше на это смотреть!

— Да, зачем все это? Это происходит оттого, что жители Земли, которые называются людьми, ненавидят друг друга. Они ведут между собою войны, убивая при этом тысячи своих ближних. Они делятся на государства и дают сильным господствовать и делать слабых рабами. Преследуя свои цели, они готовы с оружием в руках напасть на своих соседей, чтобы отнять кусок земли или добыть какую-нибудь материальную пользу. Я видел, как была уничтожена целая нация, потому что другой, более сильный народ захотел присвоить себе лежавшее в недрах ее земли мертвое вещество, которое называется золотом. У них бесчисленное множество больших учреждений, в которых учат людей воевать, — иными словами, убивать своих ближних. Они устраивают, благодаря своей гениальности, большие корабли, которые снабжают страшными орудиями убийства. Пользуясь ими, они нападают на другие государства и народы. Все это они не считают злым делом и несправедливостью. Они думают, что Бог, который сотворил и нас и их, и в которого мы, жители Марса, верим, присутствует с ними на войне. Все войска просят у него помощи, и победители славят его после своих убийств.

— О, несчастные люди!

И юноша заплакал.

— Все же они считают себя венцом творения, — прибавил старик, — и говорят, что находятся в центре вселенной, и что все вокруг существует только для них. Они верят, что нигде в мире нет лучших и более совершенных жителей.

— Мне жаль их, — сказал юноша, — потому что они несчастны и живут во тьме. Один Бог создал их. Они принадлежат к проявлениям той же могучей жизни, которая струится сквозь бесконечность пространства. Они также наши ближние, потому что все создания на бесчисленных небесных телах в неизмеримых глубинах пространства — дети одного и того же Отца. Неужели они не могут понять того, что они только ничтожные песчинки во всей этой безграничной жизни, мощный пульс которой отражается на всех небесных телах. Если бы они это поняли, то стыдились бы считать своими врагами жителей одной и той же планеты.

Безмолвно стояли они некоторое время под хрустальным куполом небес: старик — погрузившись в прежние воспоминания, а юноша — обдумывая возникшие перед ним новые вопросы жизни. Безмолвно, с серьезными думами, спустились они с обсерватории Марса и отправились в долину. Жители Марса спали еще тихим безмятежным сном. Вторая луна скрылась за горизонтом, послав цветущим холмам последние отблески сияния. Вместо нее скоро появилось солнце, лучи которого, все разгораясь, залили потухающий лунный свет. Прекрасно было утро на Марсе, и его природа дышала вечным миром.

၂၄၁၁ တၢၤ

В̄оѣ̄ѣ̄ ѣѣѣ ѣ ѣѣ

Святочная утопия

Все великие открытия современности вполне усовершенствованы и величайшие движения современности — женский и рабочий вопросы — благополучно и целесообразно разрешены. Воздушные корабли, совершеннейшей и удобнейшей конструкции, плывут по поднебесью, любители восхождений на горы несутся в воздушных яхтах на горные вершины Луны.

Все современные места для летнего отдохновения заменены подводными городами-виллами, так как все красоты природы на земле разрушены, частью для надобностей промышленности, для постройки зданий, прокладки кабелей и т. п., — частью же вследствие разрушительных войн в воздухе, тянувшихся до самой половины XX века.

«Сельское хозяйство» ведется теперь химическими заводами, в которых работы производятся, как и всюду, путем нажатия ряда электрических кнопок. Подобным же образом производятся питание и одевание грудных детей в специальных детских приютах, куда дети поступают через час после рождения.

Деторождение также правильно организовано. Этому посвящают себя добровольцы, свободно радеющие об общественном благе; особый врачебный комитет выбирает из их числа нужное число экземпляров и группирует в пары наиболее подходящие друг к другу особи. Очередная великая задача естествознания — открыть средство для размножения человечества вне и помимо родительства, этого недостойного людей способа, второпях состряпанного природой, который должен быть устранен с прогрессом культуры.

В первые годы XXI столетия мир озарила было радостная весть, что одна лаборатория, действительно, нашла желанный новый способ и таким образом блестяще устранила последнюю помеху на пути к освобождению женщины; к сожалению, радость оказалась преждевременной. Но и переживая все новые и новые разочарования, человечество все же жило светлой надеждой на конечное торжество.

Надежды особенно окрылились в 2006 году, когда была решена другая, почти такая же сложная задача: была найдена сыворотка, совершенно уничтожающая страшную

болезнь, перед которой так долго бессильно было человечество, несмотря на все гигиеничные меры предосторожности: болезнь — стремления к индивидуальности и оригинальности.

В силу статей 123, 456 и 789 Гигиенического устава, изданного в 2008 году, было введено всеобщее принудительное впрыскивание этой сыворотки, так что человечество навсегда было охранено от распространения этой губительной болезни.

День всех мужчин и всех женщин делится на 4 равных части: 6 часов для сна, 6 час. на работу при электрических кнопках, 6 час. на заседания в парламенте и 6 час. на общение между собой. Парламенты заседают безостановочно. На заседаниях, по воскресеньям и праздникам общественные доклады заменяют прежнее времяпрепровождение. Заседания же в будни предусматривают и регулируют все стороны жизни — от установленного размера булавочных головок и состава питательных пилюль — до количества детей, потребного для общества в будущем году, и качества идей, какое могло понадобиться в течение того же времени в интересах общего блага.

Осужденные преступники ссылаются на Марс, вновь завоеванную колонию Земли, — и там они могут свободно практиковать отлично знакомую им по опыту минувшего XX века колониальную политику.

В первом классе школы дети обучаются по новым методам приобретать зубы, ходить и говорить. Во всех учебных заведениях, устроенных по одному и тому же учебному плану, ученики и ученицы, обучаясь по 12 часов в день, остаются до 30-летнего возраста. Зато университетский курс совсем упразднен.

По окончании школы ни одна душа — ни мужская, ни женская — больше не открывает ни одной книги, за исключением только тех лиц, которые имеют сделаться специалистами в какой-нибудь научной отрасли. Ввиду этого в публичных читальнях совсем нет книг; зато элеваторы снабжают их по три раза в день партиями газет, печатающихся теперь в формате карманных библий, с тучей объявлений

в виде иллюстрированных приложений; в этих последних художникам еще предоставляется известная свобода творческой фантазии, — конечно, тоже в строго установленных пределах. Все же общественные здания — или, иными словами, все вообще здания — украшены произведениями искусства, исполненными особым комитетом, состоящим из двенадцати назначенных членов.

Понятие «дома» — домашнего очага — претерпело существенное изменение и имеет теперь более тесный смысл: смысл места ночлега.

Общественная жизнь представляет собой общественную повинность, — и человек, живущий замкнуто, рассматривается, как злоумышленник. Люди встречаются в клубах для спорта и беседований, и общение их не сопровождается никакими материальными наслаждениями сообща. Каждый глотает свои питательные пилюли из своей отдельной коробочки. Только глубокие старики, сохранившие еще со времени ХХ столетия слабость к вину, очищенному от алкоголя, сигарам, очищенным от никотина и кофе, очищенному от кофеина (единственные уцелевшие еще виды вкусовых наслаждений), пробираются украдкой к скрытым по углам автоматам и продаются там удовлетворению низменных потребностей, презираемых младшим поколением.

Единственное, что связывает и объединяет этих мужчин, очищенных от мужественности, и женщин, очищенных от женственности, в общении их между собой, — это обмен всяких общечеловеческих мыслей. Мужской и женский типы до такой степени слились и утратили различия, что отличить существо одного пола от существа другого пола возможно только по некоторым различиям в одежде, сохраненным из соображений целесообразности.

Что касается вопроса общественных удовольствий и развлечений, — об этом позаботилось социальное чувство солидарности путем создания концертов без музыкантов и театра без актеров. Ведь с тех пор, как были доведены до баснословного совершенства инструменты и аппараты вроде пианолы, граммофонов и марионеток, — достаточно только нажать соответствующие электрические кнопки, чтобы

получить во всей полноте художественные наслаждения.

Вот только учебный курс оказалось крайне необходимым удлинить на много лет. И все-таки школа едва-едва успевает внедрить своим питомцам все 55 практических и 111 теоретических учебных предметов, какие требуются теперь от образованного человека и по которым приходится каждые три месяца сдавать экзамены.

И вот среди этого всеобщего блаженства и счастья вдруг разражается небывалая, неслыханная во всемирной истории катастрофа!

В самый день Нового 2009 года, как раз в тот год, когда вышеупомянутая принудительная прививка должна была окончательно освободить Землю от дальнейших бедствий, от последней и гибельнейшей эпидемии — над всей планетой вдруг разражается недовольство.

Первым актом возмездия явилась ссылка всех журналистов на колоссальных эмигрантских цепелинах — на Марс; вторым — заключение матерей в одно помещение со своими детьми. Но к чему передавать все эти ужасы?

Довольно будет сказать, что этот переворот восстановил, в конце концов, на Земле бывшее состояние той эпохи, когда царила еще жизнь трудовая, трагичная, богатая, опьяняющая. Ну, а что произошло затем, нетрудно предугадать. И только около 2100 года человечество снова, наконец, достигло достигло равновесия.

Надо подумать, что оно добилось снова большей части того, что составляло для минувших поколений цену жизни. Но в то же время, оно добилось и многого такого, о чем не мечтали эти минувшие поколения и что сделало жизнь больше прежнего прекрасной и интересной.

jeJR3e ea taεba3

ÖÖÖÖ 2 ÖTJ Öö t AÖ EÇ ξETq

— Вот, позвольте вам представить — римлянин третьего столетия, — учтиво сказал медиум, — вы, помнится, выразили желание получить доказательство возможности материализации духа. Я исполнил ваше желание: привел к вам известного в свое время ученого, частого гостя в Афинах и в Александрии...

С этими словами медиум удалился.

Должен, к стыду моему, сознаться: у меня мурашки по спине побежали. Черт побери! В три часа ночи — лицом к лицу с призраком. С непривычки, кто не опешит? Я быстро, кажется, слишком даже быстро, повернул выключатели и громко сказал: «Salve!».

Но вместо того, чтобы протянуть руку ладонью книзу, как здороваются римляне в шекспировских пьесах, гость мой подошел ко мне и крепко, по-англосаксонски, пожал мне руку.

— Здравствуйте, — сказал он. — Весьма тронут вашим желанием познакомиться со мной. Пока вы будете одеваться, разрешите мне освежиться у вас в ванной комнате...

Я назвал себя: Эдуард де Кейзер.

— Мое имя — Люций, — ответил он.

Через несколько минут, когда он вернулся из ванной, свежий, розовый, живописно задрапированный в свою белую в красных полосах тогу, я сидел еще на краю кровати и размышлял о том, как мне быть и как разговаривать с этим необычным посетителем.

— А!.. Вам спать хочется, я вижу, — сказал Люций. — Ложитесь, пожалуйста. Я заметил в смежной комнате ложе (это был диван в моем кабинете) — и я бы не прочь вздремнуть, с вашего разрешения...

* * *

Пятичасовой крепкий сон и холодный душ вернули мне полное самообладание и, одеваясь, я предвкушал удовольствие, какое я буду испытывать, показывая этому антич-

ному гостю плоды нашей современной культуры: беспроводный телеграф, автомобили, телефоны, аэропланы, экспрессы...

Зная заранее, что он станет рассказывать мне о Геркулесе, о баснях Эзопа и ссылаться на историков, как Страбон и Иосиф Флавий, я ученых разговоров с ним заводить не стал и тотчас после кофе, который он, правда, понюхав раньше, пил с изящной непринужденностью английского денди, я повел его осматривать Париж.

Атаку я начал в нескольких шагах от моего дома, перед конторой Кука.

— Разрешите, дорогой Люций, ознакомить вас в общих чертах с укладом нашей современной жизни. Вот, подле этой церкви Мадлен...

— Плохо выдержанный дорический стиль... Жаль...

— Я не на храм хотел обратить ваше внимание, а на этот ресторан. Видите, на крыше дома — сад...

— О, какая неудачная пародия на сад Семирамиды, — сокрушенно воскликнул Люций.

— Возможно... А вот, люди, толпящиеся на тротуаре, это — гиды...

— Очевидно, потомки тех гидов, что в век цезарей назывались перигетами и обычно поджидали путешественников у ворот храмов и у гробниц, чтобы давать им объяснения — вздорные, впрочем, и неточные, — об исторических памятниках...

Я улыбнулся.

— Вздорные и неточные, вы говорите... В этом отношении эти, пожалуй, достойные потомки своих далеких предков. Но, кроме таких гидов, у нас имеются и очень сведущие и весьма полезные путешественникам руководители.

— Охотно допускаю... Александрия кишела такого рода чичероне...

— Самая характерная черта нашей эпохи, — продолжал я, — это потребность свежих впечатлений, подвижность людей... Каждое лето горожане массами перекочевывают из городов к морю или в горы...

— Как и в мое время, — вставил Люций, — римляне на

лето уезжали в Сицилию, на Капри, на неаполитанское побережье.

— Но если бы вы знали, как путешествуют европейцы! Словно весь мир им принадлежит! Из Европы в Америку съездить — прогулка, и только. Я знаю одного американца — вы не поверите! — который тридцать семь раз переплыл Атлантический океан.

— Отчего же не поверить? Ваш американец напоминает мне одного римлянина первого столетия, который семьдесят два раза был в Египте.

Я кликнул шофера и подумал: «Ну, теперь, наконец, ого-рошу тебя».

Едва мы уселись, я обратил внимание римлянина на счетчик.

— На колеснице императора Клавдия тоже был такого рода счетчик. После известного количества поворотов колеса, в приделанную сбоку чашку подал камешек. Достаточно было сосчитать камешки, чтобы определить расстояние...

— Но в наши дни мы достигли во всем совершенства. Например, искусным размещением рессор предупреждается малейшая тряска...

Люций иронически прищурился на меня.

— Неужели вам не известно, что к колеснице, перевозившей останки Александра Великого, приделан был сложнейшего механизма тормоз, предупреждавший малейший толчок.

Меня начинало разбирать досадливое нетерпение.

— Некоторые автомобили — продолжал я, — однако, представляют собой чудеса комфорта. Прямо — благоустроенные, со всеми удобствами дома.

— Вроде наших колесниц в век великих императоров... В таких колесницах можно было не только спать, но и писать ученый труд...

Я умолк. Спутник мой, неодобрительно качая головой, смотрел на автомобили, мчавшиеся по Елисейским полям с такой быстротой, словно они бежали от гнавшегося за ними призрака смерти.

— В мое время полиция сумела бы справиться с этими безумцами, — сказал он. — Уже когда появились двухколесные колесницы, Цезарь счел нужным издать декрет, определявший безвредную для населения скорость езды. А отчего, скажите, ваши эдилы разрешают безобразить стены домов? — с негодованием воскликнул он, указывая на лубочные, кричащие плакаты. — В Риме и в Помпее разрешалось наклеивать объявления только на специально для них предназначавшихся колоннах.

Я молча и хмуро пожал плечами. Мы поменялись с Люцием ролями, и на все его «в былое время...» «в век цезарей...» или «в дни царствования нашего великого...» отвечал презрительными, недоверчивыми улыбками.

Раздраженный против него, я оставил его после завтрака одного в моем кабинете, где он мог читать в полное свое удовольствий Сенеку, Горация и Ювенала. Вернулся я домой лишь вечером с тем, чтобы повезти моего гостя в один из шикарнейших парижских ресторанов.

От своей просветительной задачи я, однако, не отказался и за обедом неумоимо обращал внимание римлянина на каждую мелочь: на затейливые дамские прически, на танцы, которые должны были способствовать пищеварению, на поданную нам лакеем горячую воду и на минеральную воду в запечатанных бутылках, привозимых в Париж из далеких стран и городов. Я указал ему на большой золотой жетон, блестевший на руке молодого офицера, и на американца, жевавшего резину.

Люций выразил желание пожевать такой же комочек резины. Я поспешил удовлетворить его каприз. Римлянин пожевал и поморщился:

— Ну, разве можно сравнить это с мастикой, которую жевали во всей Азии еще за несколько веков до Рождества Христова и которая служила в то же время прекрасной зубной помадой? Золотой жетон на руке этого центуриона? Такие же жетоны носили вавилонские женщины на шее (почитайте Геродота!), и на жетонах этих выгравированы были их имена, имена мужей и год, когда украшения эти приобретались. А ваши воды... Друг мой, и вы, человек, видимо, обра-

зованный, хотите удивить этим древнего римлянина? Неужели вы не знаете, что еще Гиппократ советовал пить во время еды горячую воду? И что вода Нила, славившаяся своими целебными свойствами, доставлялась в герметически закрытых жбанах в самую Персию? Цезарь же всегда возил с собой в серебряных флаконах воду из знаменитого горного источника... Танцы? Но афиняне одержимы были этой страстью. Сложные прически ваших женщин напомнили мне о том, что все египтяне носили парики. Сегодня я нашел в вашей библиотеке несколько книг, написанных моими современниками-христианами. Святой Климент из Александрии, например, строго осуждает женщин, обнажающих свои перси, подводящих глаза и прибегающих ко многим другим средствам обольщения... Как видите, ничего не изменилось. И у меня ни малейшей охоты даже нет знакомиться с вашими жрицами Венеры. Сомневаюсь, чтобы они превосходили в чем-нибудь моих современниц... Да, единственно подлинно новое у вас, это — самовнушение. Вы внушаете себе, что вы счастливы, тогда как на самом деле вы нелепо осложняете свою жизнь и укорачиваете свой земной век. Вы даже представления не имеете о подлинном счастье, о ясности, о радости духовной... Да, этот человек, доставивший меня к вам, придет за мной только через шесть дней... Чтобы не умереть со скуки в этом вашем новом мире, разрешите мне не выходить из вашей библиотеки. Я видел у вас там Петрония, Теренция, Теокрита... Вот и буду читать их. За чтением этим забуду, надеюсь, о том, что двадцать веков понадобилось людям для того, чтобы разучиться красиво любить и тщательно умываться.

Ödî gææ Ödda

Ó B̥ Ÿ Å ŋ ʉ ɬ ʃ ɔ̃

Спорили. Так часто бывает. Горячились и переходили на личности. Предметом спора были оккультизм, теософия, эзотеризм и прочие заоблачные темы.

Среди других был наш общий друг-американец Гарри Кавайр. В тот момент, когда мое внимание случайно остановилось на нем, он занят был приготовлением грога, в котором, признаться, воды было очень мало.

— А ты, Гарри, — спросил кто-то, — как относишься к этой чертовщине?

— Если вы не хотите видеть меня мертвым у своих ног, не спрашивайте меня об этом и вообще, в моем присутствии не касайтесь этих тем. Они мне напоминают самый ужасный период моей жизни...

— !!!???...!!! — вскричали мы изумленно.

— О, Боже мой! — простонал Гарри. — Ради всего святого, не говорите о перевоплощениях нашего духа...

— !!!...!!!—настаивали мы.

— Послушайте, господа... Было такое ужасное время, когда я целый день прожил в чужой шкуре... в оболочке того, кого я никогда не знал. Если вы думаете, что это очень приятно...

— Расскажи нам, Гарри, как это произошло.

Гарри недолго заставил себя просить.

* * *

«Это было с год тому назад.

Как и теперь, мы провели ночь у одного приятеля, жившаго в Латинском квартале, в спорах о необыкновенных, сверхъестественных явлениях.

Мы «вертели» столик, вызывали духов, — должен сказать, очень милых. Я думаю, что в загробном мире есть много свободного времени, потому что при первом же зове все эти господа вроде Гомера, Алкивиада, Юлия Цезаря и других, являлись к нам и с готовностью отвечали на наши вопросы.

Я был потрясен всем тем, что мне пришлось увидеть и услышать. Именно в таком, несколько возбужденном состоянии я на заре простился с приятелем и отправился домой.

«Сказать, что я ничего не пил в течение этого сеанса — было бы ложью. Коротко говоря, когда я вышел на свежий воздух, — мне все стало казаться смешным.

Я пошел по улице св. Жака и вскоре очутился около Морга.

Как-то машинально шаги мои направились туда.

Представьте себе мой ужас, когда первый труп, который бросился мне в глаза... был труп моей маленькой любовницы, которая изменяла мне со всем левым берегом Сены!

Безумное, дикое видение!..

Я поспешил к надсмотрщику.

— Я знаю эту молодую девушку...

— Ваше заявление бесполезно, так как при покойной были найдены бумаги, удостоверяющие личность ее. Среди бумаг есть письмо, в котором она заявляет, что условилась со своим любовником покончить жизнь самоубийством...

— Но ведь я — ее любовник!

— Нет, сударь, не вы, а тот молодой человек, что лежит на мраморной доске рядом с ней.

Любопытство взяло во мне верх над горем, и я пошел посмотреть на своего соперника.

— Увы... Знаете ли вы, кто был моим соперником?

Нет, вы никогда не догадаетесь...

Это был... я!.. понимаете: я!.. И одежды, в которые одет был труп — были моими одеждами.

«Однако, — сказал я себе мысленно, — надо взять себя в руки — и быть спокойнее! Прежде всего, необходимо проверить себя...»

И я обратился к надсмотрщику, стараясь казаться возможно невозмутимее:

— Как этот бедный молодой человек похож на меня! Вы этого не находите?

Он расхохотался:

— Он так же похож на вас, как и на папу римского!..

— Что?!

В одно мгновение я очутился возле зеркала. Это было какое-то наваждение: из зеркала на меня глянуло отражение высокого бледного молодого человека с большими черными усами. Как видите, на меня он не мог быть похожим.

Я окинул глазом костюм, в который я был одет: на мне оказалась серая, в клетку, пиджачная пара, а между тем, я твердо знал, что у меня такой никогда не бывало.

В боковом кармане пиджака я нашел бумажник, и в нем бумаги на имя неизвестного мне испанца.

Это я-то испанец!.. Я, — ни слова не знавший по-испански...

Ах!.. Мне было очень весело!..

Можете себе представить мое положение!..

Мне смертельно хотелось уснуть.

Почему же не лечь спать, но где?

У меня? У него?

Ко мне на квартиру меня не пустят.

К нему... но что скажут его жена, дети, если узнают, что я не говорю по-испански...

На карточке его были указаны адрес, улица, номер. Но какой этаж?

Ведь немислимо обратиться к консьержу с вопросом, где находится моя квартира? Он сочтет меня сумасшедшим...

И затем... что сказать его жене? Что ей сказать?

Боже мой!

Я многое переносил в своей жизни, но такого дня — никогда.

Я решил побывать в тех местах, где я обыкновенно бывал.

Как и следовало ожидать, меня никто не узнал.

Напротив, со мной поздоровались неизвестные мне люди. Они улыбались мне, жали руку, спрашивали меня о чем-то... и я отвечал что-то.

Я пошел в кафе. Увидев меня, кельнер поклонился и подал газету «Эпоха», которую, очевидно, имел обыкновение читать мой... двойник...

Тут же меня заметили каких-то два господина и поклонились. Один из них быстро подошел ко мне и с извинением протянул тысячефранковый билет. Он просил извинить его, что раньше он вернуть эти деньги не мог.

Боже мой, Боже мой, какая жизнь раскрывалась предо мной.

Я не мог сдержать себя. И решился:

— Завтра я покончу с собой.

Но вы понимаете: надо быть ослом, чтобы покончить с собой, имея в кармане тысячу франков... Я закутил.

Какие ужасные воспоминания!..»

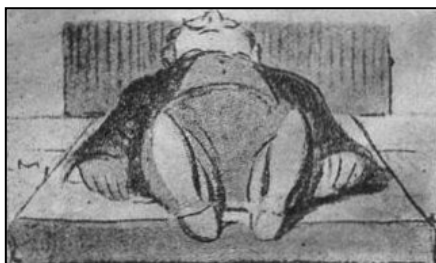
* * *

И Гарри, словно воспоминания душили его, сорвался с места, одним духом выпил стакан виски и быстрыми шагами начал ходить по комнате.

— А через сколько времени, — спросил один из нас, — твоя душа вернулась в свою оболочку?

Гарри коротко ответил:

— Только на другой день, когда я протрезвел.

၂၁၆၆၁ ဝိသုဒ္ဓိသုတ္တံ

$\mathfrak{j}$ $\mathfrak{J}$ $\mathfrak{l}$ $\mathfrak{k}$ $\mathfrak{L}$ $\mathfrak{C}$ $\bar{\mathfrak{Y}}$ $\mathfrak{l}$ $\bar{\mathfrak{y}}$ φ $\mathfrak{l}$

ВСЕМИРНИ СЛЕДОПЪТ

ЦЕНА
50 КОП.

Серьезный молодой человек в больших роговых очках, с дорожным мешком за плечами, свернул с шоссе и пошел проселком по направлению к деревне. Это был студент, принявший небольшую прогулку по лесу, чтобы спокойно, в уединении подзаняться перед экзаменом. В летние месяцы асимейские леса кишат такими серьезными юношами, решившими поработать в одиночестве. Правда, не все занимаются этим в лесах: некоторые предпочитают берег моря, другие — прилавок бара.

Юлиус питал отвращение к кабакам и потому избрал лес. В настоящее время его мучила жажда, и он оглядывался по сторонам в поисках коттеджа, где мог бы получить стакан молока и съесть сандвич из своего запаса.

Наконец, он заметил открытую калитку. Дорожка вела через заросший сад к покосившемуся каменному зданию. Студент решил, что именно здесь дадут ему стакан молока. Поэтому он подошел к двери домика и постучал.

Никто ему не ответил. Только сонный белый кот вышел из-за угла и меланхолично посмотрел на него. Он постучал еще дважды, и еще две худых кошки вылезли откуда-то и уселись у его ног. Наконец, дверь открыл дряхлый старец с длинной седой бородой. Он так же, как и посетитель, носил большие роговые очки, и оба уставились друг на друга, как два столкнувшихся автомобиля. На старике была длинная красная одежда, затканная странными черными треугольниками. В общем, вид его был довольно неожиданный для обитателя английской деревушки.

— Могу я... э... получить у вас молока? — сказал Юлиус, не вполне уверенный в нормальности старика.

— Молока? — повторил тот, точно стараясь вспомнить, когда и где слышал он это слово. — Молока? Молока, вы говорите? Ах, да, да, молока, — сказал он, наконец, поймав какую-то мысль. — Войдите, молодой человек, войдите!

Студент нерешительно вошел. В комнате было темно, а обстановка ее была чрезвычайно странной, под стать хозяину. Там теснились пробирки, колбы, большие стеклянные реторты, змеевики, изогнутые трубки, а за дверью на гвоздике висел скелет, как пальто, вышедшее из употреб-

ления. Множество чахлых кошек спали на полу, в креслах и на спине чучела крокодила. А на камине, вместо часов, стоял череп. Юлиус до того был поражен оригинальностью мебелировки, что едва проглотил молоко, поданное ему рассеянным старцем сперва на блюдечке, как кошке, а потом — в треснувшей колбе.

— Вы... это... интересуетесь химией? — спросил Юлиус с превосходством молодого человека, для которого такие вещи, как диметил-мета-бензойная кислота — суший пустяк, не то, что для прочих невежд.

— Нет, — забормотал старик. — Нет! Не химия! — Он помолчал. — Алхимия, — шепнул он на ухо посетителю. — А я — последний из древних алхимиков.

— О!., э... гм... в самом деле?.. — поперхнулся молоком Юлиус, поняв, что действительно имеет дело с сумасшедшим. Он сделал движение к двери, но тот схватил его за руку.

— Я открыл эликсир жизни, — таинственно прокаркал алхимик. — Собственного изобретения... Вы видите всех этих кошек? Ну, так я добываю из них свой эликсир. У всех этих зверей теперь осталось только по одной жизни...

Он поклонился студенту и откуда-то из необъятных складок широкой одежды извлек маленький пузырек с розовой жидкостью.

— Каждая кошка, — шептал он, — живет девять раз, но я отнял у каждой из них по восьми существований... И все эти жизни здесь, в этом эликсире. Концентрированная эссенция жизни! Ага! Разве это не замечательно? — торжественно закончил он.

— Я... э... мне пора идти, — прохрипел Юлиус, пятась к двери. — Сколько я вам должен за молоко?

— Может быть, вы купите пузырек с эликсиром? — соблазнял алхимик, не отставая от него.

Юлиус решил купить флакон розовой дряни, расквитавшись этим за молоко и обеспечив себе свободное отступление.

— А сколько?

— Полкроны, — твердо сказал алхимик, — за настоящий

эликсир жизни. Разве это дорого?..

* * *

Через минуту Юлиус стремительно неся по заросшему саду, боязливо оглядываясь по временам. Он крепко притворил за собой калитку и в это время заметил на ней кусок картона, — не то вывеску, не то визитную карточку. На картоне было написано углем:

СУМАСШЕДШИЙ

Юлиус ускорил шаги.

Отойдя по дороге километра два, студент замедлил шаг. Он был чрезвычайно недоволен собой. Получить полколбы молока и пузырек с розовой водицей за полкроны — плохая финансовая комбинация. Он почувствовал, что это унижительно для человека, так интимно знакомого с диметил-мета-бензойной кислотой.

Отойдя под тень старого каменного забора, он сел позавтракать и побеседовать по душам с карманным Дарвином. Но, запустив руку в карман, нащупал бутылочку с «эликсиром» и подверг ее тщательному осмотру. На вид и на запах — простая подкрашенная вода. Он недовольно опустил бутылочку на траву, съел сандвичи и стал с увлечением читать о теории Ламарка и вероятном происхождении рода человеческого от больших человекообразных обезьян. Это была чертовски трудная теория, утомлявшая молодые мозги, и Юлиус был даже рад оторваться от книги, услышав шаги по дороге.

Он был очень удивлен при виде усталого обезьяноподобного итальянца-шарманщика, который плелся в пыли с мартышкой на плече. Сама судьба посылала студенту живую иллюстрацию к теории Дарвина. Юлиус с любопытством взглянул на обезьянку в синей курточке и красной шляпке на резинке. Обезьянка смотрела на него с не меньшим любопытством.

— Доброе утречко, — заговорил деловитый итальянец, заметив, что его обезьяна произвела впечатление. — Ваш

любил музыка?

— Нет, — ответил Юлиус.

— Вы давал мой обезьяна на одна пенни и мой играйт вам много-много музыка...

— Нет.

— Нет? Карош. Тогда вы давал мой обезьянка тва пенни и мой не играл музыка, а? — предложил итальянец, нащупавший правильную почву для коммерческих операций. Обезьяна же, мало интересовавшаяся финансовыми вопросами, прыгнула в траву, приблизилась к Юлиусу и, усевшись на томик Дарвина, вежливо приподняла красную шапочку.

— Вы дава-аль, а я не игра-аль, — тянул итальянец, совершенно убежденный в правильности занятой позиции.

Юлиус полез в карман, достал шестипенсовую монету и протянул ее обезьяне, которая предпочла пару сдобных пышек, оставшихся у Юлиуса; ее хозяин, при виде такой непрактичности, разразился целым потоком итальянских проклятий.

В эту минуту взгляд Юлиуса упал на пузырек с эликсиром, и сумасбродная мысль пришла ему в голову. Быстро вынув пробку, он полил розовой жидкостью одну пышку и вместе с шестипенсовиком вручил ее обезьянке.

В следующий момент мартышка уже сидела на плече хозяина, монета покоилась в кармане итальянца, а пышка — в желудке обезьяны. Юлиус же, почувствовав некоторое раскаяние в дурацком поступке, пытался усвоить новые откровения теории эволюции под рулады итальянских благодарностей. А обезьяна ковыряла в зубах, чувствуя себя совсем неплохо после пышки с эликсиром.

Итальянец стал удаляться, призывая благословения на голову Юлиуса, но, пройдя несколько шагов, заговорил с обезьяной в столь повышенном тоне, что Юлиус опять оторвался от книги.

Потом он широко раскрыл глаза и уставился на мартышку. Ему показалось, что у итальянца теперь совсем другая обезьяна. Откуда? Вздор! Значит, это та же мартышка. Но она... выросла! По-видимому, это заметил и шарман-

щик, который спустил обезьяну на землю и за что-то неуверенно выговаривал ей...

Юлиус с открытым ртом сидел и наблюдал. Потом он протер глаза, не поверив им. Да, сомнений не было: обезьяна выросла. Теперь она доходила до пояса итальянца, спина ее выпрямилась, кривые ножки стали стройными, сильными. С каждой секундой она все меньше и меньше походила на обезьяну, ее дурацкая одежда лопнула, и лишь глупая шапочка на резинке чудом держалась на голове...

Когда же она взяла итальянца за плечо и серьезно заглянула ему в глаза, тот больше не выдержал, бросил шарманку, оглушительно завопил и понесся по полю с великопленной скоростью, мало заботясь о кочках и ямах.

Обезьяна, вернее, бывшая обезьяна — теперь это было уродливое, но все же человеческое существо — вскоре подошла к Юлиусу, в ужасе прилипшему к каменному забору. Она была дьявольски похожа на одного приятеля Юлиуса, которого все в Баллойд-Колледже называли «Недостающее звено».

Существо остановилось и посмотрело на Юлиуса удивленными глазами. Это было чрезвычайно необычное зрелище: полуобезьяна-получеловек в английской деревушке, совершенно голый, вдобавок, если не считать дурацкой красной шапочки на резинке. Ошеломленный Юлиус протянул ему последнюю пышку, сказав не совсем уверенно:

— Ну, дружище, получай.

Дружище получил и умял пышку в момент.

—Эк! Эк! Эк! — сказала существо, — совсем, как дядюшка Юлиуса, когда снимал вставные зубы.

— Это вы правильно заметили, — нервно ответил Юлиус, позабыв, что перед ним не дядя.

—Нек! Нек! Нек! — продолжал обезьяночеловек, усаживаясь на траву и явно высказывая желание дружить с приятным собеседником в роговых очках. Существо теперь было совсем похоже на человека, и Юлиус чувствовал себя неловко.

— Гик! Гик! Гик!... Вук! Вук! — нежно и боязливо добавило существо. Парализованные удивлением мозги Юлиуса вновь заработали. Одно из двух: или он сошел с ума, выпив кошачьего молока у сумасшедшего алхимика, или это результат действия эликсира, оказавшегося совсем не розовой водицей! Но, в таком случае, следуя добрым традициям алхимии, он обрек обезьяну на вечную жизнь и вечную эволюцию, — вплоть до конечной стадии человека.

Он растерянно посмотрел на валявшуюся книжку. Эволюция! Концентрированный из кошачьих жизней эликсир жизни! Но вместо вечной жизни эликсир давал мгновен-

ное феноменальное развитие жизненных сил. Словом, эволюция! В четверть часа обезьяна прожила четверть миллиона лет!..

Юлиус был так поражен своим открытием, что буквально онемел и сидел, глупо уставившись на собеседника, который шевелил губами и слегка повизгивал. Потом он еще больше обалдел: существо попыталось объясниться членораздельными звуками.

— May! May! To! — щебетало существо, высказывая определенное желание получить пузырек с эликсиром.

— Нет! — твердо сказал Юлиус и хотел подняться, чтобы уйти от страшного компаньона. Но существо, теперь совершенно схожее с человеком и физически прекрасно развитое к тому же, схватило его за ногу и усадило на место. Теперь оно имело совсем человеческую внешность — и для полного сходства недоставало лишь костюма.

— Еще... пить... бутылка... — заявило оно, протягивая Юлиусу прекрасно сформированную ладонь. Юлиус, с ужасом думая о том, что дело неизвестно куда пойдет, если существо получит еще порцию эликсира, попытался вырваться, но получил такой удар, какому позавидовал бы любой боксер. Придерживая студента мускулистой рукой, существо отпило из пузырька и немедленно беззастенчиво полезло в дорожный мешок Юлиуса, извлекая оттуда его парадный костюм. Юлиус чувствовал, что сходит с ума. Он попробовал думать об Оксфорде, о диметил-мета-бензойной кислоте, но тщетно.

Вторая доза эликсира, видимо, пошла существу на пользу.

— Теперь лучше! — заявило оно на прекрасном английском языке с легким цокающим акцентом. — Послушайте, у вас очень старомодный вид, — продолжало оно, поглядывая на Юлиуса.

Вот уж никогда не ожидал Юлиус, что станет объектом презрительного отношения со стороны обезьяны шарманщика! От негодования он схватился за книгу, но создание, имевшее сейчас куда более одухотворенный вид и много лучше (кроме шапочки) одетое, чем Юлиус, хладнокровно

взяло у него книгу.

— А, Дарвин, — пренебрежительно процедило оно. — Это тот... один из ученых второго тысячелетия... Да, да, он так по-любительски предсказал наш прогресс...

Юлиус задрожал.

— Простите, пожалуйста, — начал он и сам удивился своей вежливости. Но при взгляде на существо он снова обомлел. Существо имело совершенно новый вид. У него были пронзительные глаза, выпуклый огромный лоб и, Юлиус не мог не признаться, настолько одухотворенные черты лица, что это было явно существо высшего порядка.

— Н-да, — говорило существо расслабленно, — Дарвин довольно неплохо проследил нашу эволюцию из обезьяньей разновидности, я подразумеваю так называемую человеческую расу, тогда еще существовавшую и вступившую на путь взаимного истребления.

— Пр... правильно, — пробормотал Юлиус, чувствуя, что у него мозги переворачиваются от этих мрачных намеков существа. Заполучив пузырек и понемногу отхлебывая от него, существо совершало свою неумолимую эволюцию. Его руки теперь блистали белизной, и все тело стало нежным, неприспособленным к труду. Словом, это был мощный интеллект, заключенный в телесную оболочку явно вырождавшегося человека.

— Физический закон о праве сильнейшего, — продолжало существо, — низвел так называемое человечество до степени подземных паразитов. И они очистили весь мир для нас...

Оно сложило концы тонких, длинных пальцев и посмотрело на Юлиуса, как профессор, объясняющий трудное место лентяям-ученикам. Юлиус пораженно смотрел на него: несомненно, это было существо будущего, — настолько отдаленного будущего, что его возраст измерялся, быть может, миллионами лет. Студент машинально вытащил свой блокнот...

— А, забытое искусство писания! — с любопытством заметило существо, с минуты на минуту становясь все более одухотворенным. А тело принимало жалкий вид. Руки ста-

ли тонкие-тонкие, пальцы длинные, худые, похожие на щупальцы или паучьи лапы.

В пузырьке оставалось совсем мало эликсира.

— Что вы такое? — промямлило существо.

Под испытующим взглядом существа Юлиус пришел в волнение. Какого черта? Этот «сверхчеловек», видимо, слаб и беспомощен. Прощай, дурацкий череп и выпуклые глаза! Юлиус вскочил и побежал.

Он пробежал несколько шагов. Что-то его остановило. Существо не двинулось с места. Оно лишь устало на беглеца тонкий палец, и мозг Юлиуса был парализован.

Существо больше не говорило. Оно молча отдавало приказания, и Юлиус слышал их как слова...

— Дай мне твою шляпу.

— Нет, — ответил Юлиус и отдал...

В следующий момент он против воли надел обезьянью шляпку на резинке.

— Надень на меня твою шляпу.

И через секунду шляпа Юлиуса балансировала на нелепой громаде черепа.

— Не хочу! — завопил Юлиус.

Ведь существо может делать с ним что угодно! Он бессилен! Все пропало...

— Не хочу! — вопил студент и все же приподнял свою красную шапочку, но резинка щелкнула, и шапочка опять прилипла к голове.

Он с ужасом заметил, что у существа пропал нос и совершенно атрофировались ноги. Тело сморщилось и завяло, от рук остались бледные щупальцы. Рот, уже не приспособленный для речи, почти пропал.

— Щелкни еще раз, — приказало существо.

— Не хочу! — и опять щелкнула красная шапочка.

— Куш! Умри! Лапы кверху!..

— Н-ет! Не хочу-у! — жалобно вопил Юлиус, опрокидываясь на спину и болтая конечностями. Существо придвинулось к нему и слабыми, теплыми щупальцами стало прикасаться к его лицу...

Студент в ужасе открыл глаза и встретился со взглядом маленьких синих глазок. Обезьянка шарманщика сидела у него на груди и мохнатой лапкой водила по его лицу. И на ней была красная шапочка, а на нем — его шляпа. Сзади стоял шарманщик и улыбался.

— С добрым утречком, — начал итальянец свою деловую комбинацию. — Ваш любилъ музика? Вы даваль мой обисьянка одна пенни и вам начиналь играль, э?

— Давно вы здесь? — прохрипел Юлиус.

— Скоро селий пять минутков. Вы засипаль, а обисьянка кушаль. Вы даваль мне пенни? Я сицас ошибалься, иг-

раль музика перед дом сумашесний человека. Ницево не полуцал, — скорбно добавил он.

Юлиус оглянулся. Обезьяна откупорила пузырек с эликсиром и собиралась попробовать. С диким криком выхватил он пузырек и шлепнул его об камень; розовая жидкость растеклась по пыли. Ф-фу! Еще мгновение, и все началось бы снова.

Он быстро вскочил на ноги и понесся к деревне, по направлению к гостинице.

Когда он пробежал мимо итальянца, обезьянка сердито посмотрела на него.

— Не хочу-у! — взвизгнул Юлиус и в то же время поднял шляпу, а вместо резинки щелкнул языком.

Итальянец с минуту соображал, потом взвыл и бросился в другую сторону: двое сумасшедших за полчаса — это уже слишком!..

၂၃၁၄ ဘဏ္ဍာ

အဖွဲ့ဝင်များ၏ အသိပေးစာ

— Луи Верне, из Парижа? — произнес Натаниэль Симсон, разглядывая поданную ему лакеем карточку. — Подождите!

Взяв с письменного стола адресную книгу, он стал, не торопясь, ее перелистывать...

— All right! Просите г-на Верне.

Последний вошел.

— Скажите, помните ли вы меня? — спросил господин Верне, пожимая протянутую ему янки руку. — У вас поистине удивительная память.

— Ничего подобного. Наоборот, посмотрите, пожалуйста, сюда!

С этими словами американец ткнул пальцем на страницу своего адрес-календаря, где было написано:

«Луи Верне из Парижа. Приглашен завтракать при проезде Чикаго».

— Вот эта книга не позволяет мне что-либо забывать.

— Даже такие мимолетные встречи, как наша с вами?.. Долго ли мы, вообще, были знакомы?.

— Только один вечер. Не более.

— Да к тому же во время веселого банкета, на котором вы распили не одну бутылку в честь «Фоксхэлла», победителя парижского «Grand-Prix».

— Ради Бога, не напоминайте об этом! Здесь я знаю лишь бутылки чернил, да деловые книги!

— А! Значит, здесь вы, так сказать, в храме труда?

— Совершенно верно.

— Что вы, собственно говоря, делаете? Или все еще фабрикуете бумажные колеса?

— Нет. С этим я давно уже покончил. «Стальная промышленность» причиняет нам слишком много хлопот, — конкуренция слишком велика. Я культивирую теперь новую специальность — жизненные продукты. Очень ходкий предмет. Единственный серьезный конкурент, имеющийся у меня, — это природа. Но я все-таки не теряю надежды обезоружить этого моего единственного врага.

— Неужели?

— Как же! У меня на то имеются доказательства. Да че-

го же больше?! В течение трех лет я нажил три миллиона. Первый я нажил, фабрикуя масло без молока; второй — создавая мясной экстракт без кусочка мяса и, наконец, третий я приобрел разработкой предмета, которым занят и посейчас.

— А в чем же заключается этот новый вид промышленности?..

— Я получаю яйца.

— Помимо кур?

— Угадали!

— Однако, это невероятно. Вы шутите?

— Я никогда не шучу, — в особенности, когда вопрос касается дела.

— Значит — серьезно. Вы хотите меня уверить, что вы — изготавливаете яйца? Черт возьми! Любопытно было бы взглянуть на это!

— Нет ничего легче исполнения этого вашего желания. До завтрака в нашем распоряжении четверть часа. Их нам с избытком хватит на обзор целой мастерской.

С этими словами американец повел своего гостя по коридору в помещение, сплошь заставленное деревянными ящиками. В этих ящиках лежали ровными, аккуратными слоями белоснежные яйца. Промышленник открыл вторую дверь, ведущую во второй, такой же зал. Охвативший его в этом помещении холод заставил парижанина поднять воротник своего сюртука.

— Ну вот, мы и пришли! — воскликнул Симсон. — Здесь заводская мастерская. Посмотрите, вот эта большая бадья — так называемая бадья для желтков, вот та вторая бадья содержит в себе белки.

— Да, но ради Бога, скажите же мне, из чего состоят ваши желтки?

— Смесь из кукурузной муки, овсянки, гексельского экстракта и нескольких лично мной изобретенных составных

частей.

— Ну, а... белок?..

— Чтобы не утруждать вас, постараюсь объяснить вам в двух словах: это химический состав, более или менее приближающийся к составным частям белка.

— Отлично... ну... а как же скорлупа?

— Прошу пожаловать сюда, здесь вы увидите, каким образом она изготавливается.

— Позвольте задать вам еще один вопрос: как помещаете вы желток и белок в скорлупу?

— А вот, при помощи этой машины. Как вы видите, в ней несколько углублений — в углублении «А» помещается желток, в «Б» — белок, в «В» — охватывающая яйцо тонкая пленка, и в «Г» — гипс, из которого в конце концов образуется скорлупа.

Входя в этот зал, вы, конечно, заметили резкую разницу температуры? Холод этот необходим, и вы сейчас увидите, почему необходим. В углублении «А» помещается желток в образе порошка; порошок этот, мало-помалу стущаясь, превращается в пасту, принимая в то же время шарообразную форму. Из «А» желток переходит в «Б», где вокруг него образуется белок; из «Б» переселение совершается в «В», где яйцо покрывается пленкой, а отсюда уже в «Г», где завершается туалет яйца скорлупой. Таким образом, яйцо готово. После этой процедуры его направляют в сушильную, где гипс моментально твердеет, а содержимое скорлупы, наоборот, принимает натуральную, жидкую форму. Ручаюсь, что курица не снесет лучшего яйца.

— Неужели?

— Положительно. Да вот, попробуйте — люди мои сварили одно яйцо.

— Великолепно! — воскликнул Луи Верне, отведав половину предложенного ему яйца.

— Ну, вот видите, этот товар я сбываю по тринадцати долларов за тысячу штук. Теперь укажите мне курицу, которая могла бы за такую цену регулярно работать!

— Еще один вопрос. Не подвергается ли скорой порче ваше произведение?

— О, нет! Оно сохраняется бесконечно долго. Возьмем хоть для примера яйцо, которое вы только отведали: оно изготовлено в 1893 году.

Вот здесь, на заостренном конце его, отпечатано число. Ввиду того, что гипсовая скорлупа гораздо прочнее натуральной, эти яйца великолепны для экспорта. У нас, например, никогда не попадаются разбитые или поврежденные экземпляры.

— Что ж! Производство это, кажется, столь же выгодно, как и незамысловато. Скажите, вы здесь единственный фабрикант?

Симсон нахмурился.

— Нет, — мрачно пробормотал он, — у меня есть конкурент.

— И опасный конкурент?

— Крайне опасный. Он, видите ли, изобрел способ придавать своему изделию любой вкус. «Кэмпбелл и Комп.» производят куриные и чибисовые яйца. А я, все-таки, надеюсь забить его. Моя фирма должна победить «Кэмпбелл и Комп.»... а теперь смею просить вас к завтраку!

— Само собой разумеется, — заговорил после завтрака Симсон, — что в Чикаго вы приехали ради выставки. Какова она, по-вашему?

— Очень интересна. Особенно поразил меня фоно-фото-стено-типо-биограф. Это — одно из величайших изобретений нашего времени. Аппарат этот в состоянии в течение секунды, при одном только нажатии кнопки, воспроизвести и фотографический портрет человека, и звук его голоса, и факсимиле его почерка, и даже указать его национальные особенности!

— Ба, шуточка Эдисона! Через год это перестанет быть интересным. Это все пустяки... видели ли вы мои витрины для яиц?

— Нет.

— Ну, так отправимтесь же туда.

Четверть часа спустя Натаниэль Симсон и Луи Верне стояли перед элегантным стеклянным ящиком, в котором в строгой симметрии были расположены белоснежные изделия фирмы.

Над каждым отделением красовалась изящная надпись-ярлык.

Рядом с этим ящиком помещался другой, в котором красовалась масса яиц всевозможной величины, цвета и оттенков. На этом ящике значилось:

«Яйца куриные, чибисовые, гусиные, голубиные, страусовые, коршуновые, орлиные».

— Это вот витрины «Кэмпбелл и Комп.»! — сокрушенно вздохнул Симсон. — Золотую-то медаль получают, вне всякого сомнения, они!

— Смотрите, на ваши произведения падает солнечный луч. Не повредят ли им свет и жар?

— Нет. Прочность краски гарантируется мной на десять лет. Ах, но что все это! «Кэмпбелл и Комп.» все-таки получают первую награду!..

Симсон мрачно задумался.

Луи Верне безмолвно рассматривал необыкновенные продукты конкурентов. Вдруг, схватив американца за руку, он отвел его в сторону, порывисто шепча:

— Сколько дали бы вы, чтобы уничтожит «Кэмпбелл и Комп.»?

— «Кэмпбелл и Комп.»? — дрожащим шепотом переспросил Симсон. — Уничтожить «Кэмпбелл и Комп.»? Да я для этого не пожалел бы и половины моего состояния.

— Согласились бы вы рискнуть тысячей долларов?

— Ерунда! Две тысячи, десять тысяч я поставлю на карту, если нужно!

— Нет, зачем же! Тысячи будет совершенно достаточно, — сказал француз. — Согласны ли вы открыть мне кредит в этой сумме? Ручаюсь, что цель будет достигнута.

Американец пытливо взглянул на своего гостя.

— Хоть я и не понимаю, каким образом вы думаете добиться своего, но, конечно, условие ваше охотно принимаю.

— Очень рад! А теперь попрошу вас на пять минут оставить меня здесь одного. У входа на выставку мы встретимся.

Тотчас после ухода Симсона Луи Верне подозвал сторожа этого отдела выставки. Три минуты спустя он вытащил свой бумажник и вручил сторожу несколько банковых билетов.

— Остальное вы получите не позже, чем через две недели, когда все будет в порядке.

Неделю спустя Натаниэль Симсон за завтраком наскоро просматривал журнал.

Вдруг он с пронзительным криком вскочил со своего места, чуть не опрокинув при этом стол.

Вот что он прочитал в журнале:

«Т о р ж е с т в о н а у к и. Сегодня ночью в здании выставки произошел необычайнейший случай нашего столетия. Всем, конечно, известны интересные яичные экспонаты фирм “Кэмпбелл и Комп.” и “Симсон”. В витрине последнего сегодня утром разыгралась сцена, поразившая посетителей выставки: одно из искусственных яиц раздалось на две половины, и из него вылез крошечный живой цыпленок!!! Образцовое дежурство и бдительность сторожей выставки исключают всякую возможность подделки и фальсификации, а потому нельзя не приветствовать господина Симсона, сумевшего довести производство искусственных яиц до высшего совершенства. Ему удалось достигнуть того, что до сего времени считалось невозможным. Не сомневаемся, что выставочная комиссия сумеет по достоинству оценить г-на Симсона, научным способом похитившего у природы одну из величайших ее тайн. Открытый и изобретенный господином Симсоном способ химическим образом производить живые организмы сделает огромный переворот во всех областях человеческого ума!!»

Журнал выпал из рук изумленного Симсона. В это самое мгновение с номером этого же журнала в руках в комнату вошел Луи Верне.

— Сторож Тим, — сказал он, — чудеснейший парень, вполне заслуживший свою тысячу долларов, хотя цыпленок, посаженный им в вашу витрину, обошелся ему всего в пару центов; надеюсь, что сдачу вы ему оставите!

— Значит, вот как это произошло, — смеясь, воскликнул Симсон, — вы дьявол, а не человек, милейший господин парижанин! Как-никак, а одна человеческая жизнь остается на вашей совести, и это — жизнь «Кэмпбелл и Комп.»!

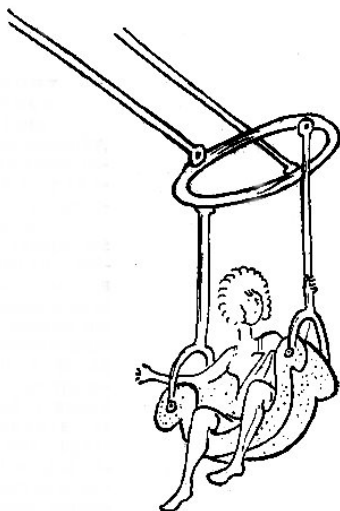
Ассэ Фҗәү

ФӨӨ | А-Е т Ө̄̄АВ т Ө̄̄

Эту историю следовало бы, собственно, рассказывать в будущем времени, так как она произошла в 1987 году. Но человеческая мысль ведь скользит по всем направлениям и проникает даже за пределы — поэтому и рассказывать мы будем в прошедшем времени.

Молодая девушка Конкрета Д. Дамнитсон проснулась в майское утро вышеупомянутого 1987 г. на равномерно нагреваемой фарфоровой кровати, на которой она спала, ничем не накрываясь. Конкрета стерилизовала свою кожу и усе-лась в подвешенную качель, которая произвольными поворо-тами, заставляла пациента делать такие же сильные плава-тельные движения, как утопающего в Атлантическом океа-не. Эти движения (система Магнуса Седерблема) были те-перь в высшей степени необходимы, так как, благодаря ра-дио, люди стали мало двигаться.

После этого Конкрета Дамнитсон надела вентилирован-ное платье из тонкого, как паутина, асбеста, отливавшего

теми светлыми, ультрафиолетовыми цветами, которые были открыты человеческому глазу пять лет тому назад великим японским офтальмологом Фукушимой посредством выпрыскивания легкого, сладкого эликсира невро-хромо-эссенции. Эти ультрафиолетовые, удивительно красивые цвета были названы в честь первого ученого, открывшего невидимые лучи. Платье Конкреты было хитом бледного оттенка цвета рентген с более темным воротником цвета Нильса Финзена. Платье, как и белые панталоны, были расшиты красивыми орнаментами Беккерель и Маддам Кюри.

На табурете девушка нашла уже сервированный завтрак: шесть таблеток вкуса яблочного мусса и сливочные таблетки. Все они были с знаменитой фабрики питательных веществ Либиха. Уже в 1950 году умеренники-прогрессисты провели всемирное запрещение пожирания мяса (как сорок лет тому назад употребление алкоголя).

Люди, готовившие у себя дома, как животные, какими они, в сущности, и являлись, были выслежены радиоаппаратами санитарной полиции и без всякого сожаления посажены в гуттаперчевые камеры рядом с последними отравителями воздуха, — курильщиками табака. Но еще в полном разгаре был бой с последним полчищем варваров, — с вегетарианцами, избивавшими беззащитные растения, которые даже не могли кричать о своих мучениях, как это делали звери. Мать Конкреты была усердная поборница нового химического питания таблетками, которые синтетически были составлены из угольных атомов. Благодаря этой системе, бедность была почти совершенно ликвидирована, так как каждый имел право получать даром двадцать таких таблеток в центральном муниципальном управлении. Но, чтобы не способствовать развитию лени, таблетки эти выделялись без прибавки вкусовых частиц.

Конкрета употребляла в качестве примеси к таблеткам знаменитые балтиморские «Десять тысяч вкусовых молекул» и пила за едой стакан муниципальной воды, в которой она разводила смесь из 70 % витаминов и 30 % одобренных государством бактерий, необходимых для пищеваре-

ния (автоматически регулировавшегося каждую неделю).

Во время еды она наслаждалась симфоническим концертом знаменитого Эскимосского оркестра под управлением капельмейстера-композитора Озакрарка, заменившего во всех смыслах на шумевшие джаз-банды, пользовавшиеся таким успехом в 1925 г.

Конкрета Дамнитсон была уже три месяца невестой молодого ученого Бориса Конисского, профессора политехникума в Иокогаме. Они познакомились на радио-менуетном вечере советского посланника в Вашингтоне, куда Конкрета, жившая в Нью-Йорке, сама себя радио-послала с разрешения своих родителей. Молодых людей соединила их общая страсть к только что входившей в моду рапсодической поэзии и Борис ежедневно появлялся у Дамнитсонов. Тут он признался Конкрете в своей любви и ее портрет на стене лаборатории Бориса Конисского в Иокогаме розовел от счастья.

Молодым людям не имело смысла тайно встречаться, так как благодаря повсеместно введенному с 1950 года радиотелевидению, мать могла следить на белом экране за каждым шагом дочери.

Уже в 1925 году почти была разрешена задача переноса световых волн электрическим путем. В 1930 г. была закончена установка «радиотелевидения», и теперь можно было следить на белом экране в своем кабинете за всем, что происходило в мире (насколько это было разрешено полицией). Времена полнейшего хаоса на земле остались уже в прошлом благодаря норвежскому инженеру, нашедшему в 1960 году так называемые «замкнутые» или «изолированные» волны. Снова было обеспечено спокойствие частной жизни, спокойствие, которому при старой системе угрожали тысячи глаз, проникавших сквозь стены домов. Всевозможные вымогатели, шпионы, отвергнутые любовники и коварные архитекторы устраивали тайные радиокамеры в подвалах своих домов. Проникая повсюду, эти глаза сами оставались невидимы.

Теперь же только тайная полиция имела ключи к волнам известной длины и могла с центральной станции сле-

дить за всеми вредными для общества и вообще порочными элементами.

Борис Конисский появлялся каждый день в двенадцать часов на белом экране в комнате Конкреты, а девушка со своей стороны показывалась на таком экране в лаборатории Бориса. И сегодня тоже была условлена такая встреча. Экран в комнате матери Конкреты был занят сегодня появлением на нем ее приятельниц. Все они постепенно выс-

тупали на фоне белого полотна в платьях всех оттенков ультрафиолетового цвета, отделанных модными кружевами из световых лучей. Тут была и мистрис Хоткинс, жившая в Филадельфии, и мистрис Муунго, контролерша нравственности в Гонолулу, синьора Точелли из Неаполя и зна-

менитая радиопевица фрау Анна Петерсен из Копенгагена. Конкрета соединила свой экран с экраном матери и пожелала посетительницам доброго утра. Потом разъединила экраны и, так как до появления Бориса оставалось еще четверть часа, девушка решила отвлечься от тоски по жениху картинками жизни. Она могла быть спокойна, пока ее брат Эдиссон учился в подвальной комнате. Он занимался там один: его учитель математики проектировал ему на стене арифметические задачи.

Конкрета по очереди соединяла экран с музеями Флоренции, Рима, Ленинграда и перед ней проходили знаменитейшие произведения искусств, темные, тяжелые краски давно прошедших времен: Рембрандт, Боттичелли и, наконец, «Венера» Тициана, лилейно-белая на своем ложе. Но Конкрете хотелось тепла в этом нью-йоркском мире из стали и цемента и она стала вызывать на экран то Золотой Рог Стамбула (охраняемый международной музейной комиссией), то покрытые пальмами берега Таити, то пустыню возле Тимбукту. Но тут произошел несчастный случай с одним из арабов, нанятых радиобюро путешествий Кука, который должен был водить взад и вперед перед древними развалинами верблюда. С ним вдруг случился удар и его должен был увести автомобиль скорой помощи. Это был скандал на весь мир. Верблюд убежал.

Конкрете некогда было уже посмотреть сцену из знаменитого шведского балета в Стокгольме. Часы в Гринвиче отчетливо пробили двенадцать.

На экране Конкреты выступила вишневая аллея в Иокогаме, сверкающая всеми красками жаркого японского дня. В аллее стоял стройный, черноволосый Борис в желтом кимоно (этот костюм обязательно носили даже иностранные профессора в Иокогаме). Конкрета невольно протянула возлюбленному руки. Он казался ей таким живым на этой выпуклой картине в натуральных красках, что она готова была схватить его за руку. Как естественна была перспектива даже по отношению к его носу такой благородной формы. Но, ах!

— Добрый день, моя дорогая Конкрета, — весело сказал

Борис, и Конкрета поняла, что ее собственное изображение появилось теперь у Бориса в Йокогаме на экране, стоящем в вишневом саду.

По принятому обычаю, они немножко потанцевали под звуки знаменитого радио-менуэтного оркестра в Берлине. Они касались во время танца только кончиками пальцев (ведь они только так и могли прикасаться друг к другу и, кроме того, иначе считалось бы неприличным).

Благодаря телевидению, нравственность поднялась на значительную высоту. Во всем мире танцевали только менуэт.

— Как ты очаровательна, Конкрета, — сказал Борис. — У вас прохладная погода? У нас, как видишь, ярко светит солнце. Ах, если бы я мог тебе переслать в термосе литр японского солнечного тепла!

— Приезжай лучше сам, — засмеялась Конкрета и прибавила со вздохом, — тогда в моей грустной комнате сразу настанет лето.

Борис покачал головой.

— Милая Конкрета, я ведь прихожу к тебе каждый день!

— Да, но не сам, не сам, Борис! Разве ты не понимаешь? Борис улыбнулся.

— Сам? Разве ты меня не видишь, не слышишь мой голос? Разве мы не танцуем вместе под одни и те же звуки? Чего же ты еще хочешь, Конкрета?

— Чего я еще хочу? — Она протянула к нему руки. — Да тебя самого! Не только твое отражение, Борис! Не только твой голос из металлической мембраны. Я хочу действительности, Борис. И для себя, и для тебя!

— Ты маленький романтик! — весело рассмеялся Борис. — Ты мечтаешь о том, чтобы получить действительность! Разве мир не достаточно хорош для тебя?

— Мир! — Конкрета сжала кулаки. — Мир ужасен! Эта земля, на которой все механизм и отражения атомной силы, соединенной с электронами. Что схватывают наши руки, когда мы ищем счастья? Один только контакт! Что мы находим, когда зовем любимого человека? Призрак!

Он нахмурился.

— Конкрета, не забывай, что я инженер, а, значит, один из устроивших жизнь так, чтобы она была приятна и легка людям и не походила бы на времена наших дедов, когда люди жили, как в коровьем хлеву! Не поддавайся тоске, которая нападала на погруженных во мрак людей, стоявших перед непреодолимыми препятствиями. Теперь ведь для нас не существует расстояния! Мрак изгнан, страх и всякая тоска запрещены новым нравственным Законом от 25 сентября 1982 года (№ 4633 § 212). Я должен побороть тебя, Конкрета! Но скажи мне лучше, чего тебе не хватает. Мы изобретем это для тебя! Что же это, Конкрета?

Она закрыла лицо руками.

— Не знаю, Борис. Мне нужно чувствовать что-то!

Выражение его лица изменилось (она увидела это сквозь пальцы) и оживилось добродушной усмешкой. В это мгновение Конкрета любила его больше всего на свете.

— Ну что ж, Конкрета, — улыбнулся он, — я должен постараться, чтобы твой мир был совершенен. Как раз теперь, — он таинственно понизил голос, — я занят одним изобретением... но об этом после. Вопрос разрешен и первая модель почти готова. И тогда я сам приду к тебе, Конкрета, и буду держать тебя в своих объятиях. Потерпи только еще

немножко, не больше двух недель, Конкрета!

Тут его слова были прерваны появлением на экране между ним и Конкретой какого-то человека с лохматой бородой и выпученными глазами. Человек корчил отвратительные гримасы. Это был сумасшедший (радиогазета предупреждала о нем публику). Он каким-то путем овладел ключом замкнутых волн и врывался повсюду. Уголовная полиция давно уж преследовала его своим контрольным радио, но в настоящее время сыщики не знали, в какой точке земного шара находится сумасшедший. Борис тотчас же соединился с Центральной полицейской станцией в Лондоне и вслед за этим на экране появился сыщик из лондонского Скотланд-Ярда и принял от Бориса сообщение.

День приезда Бориса Конисского был назначен на 3 июня. На этот день были посланы приглашения ближайшим друзьям семьи Дамнитсон. Но все они должны были присутствовать не лично, а только на экране. Отец и мать Конкреты отправились встречать аэроплан на аэродром. Конкрета должна была встретить жениха дома. Сердце громко стучало у нее в груди. Она хотела было с помощью радио проследить за полетом аэроплана из Иокогамы в Нью-Йорк,

но потом передумала. Не было ли гораздо большим счастьем просто ждать, всем существом стремиться навстречу любимому человеку — и знать, что скоро увидишь его!

Отец Конкреты вошел в комнату. На лице его было то недовольное выражение, которое, как говорили, он унаследовал от своего прадеда (бывшего рабочим в угольных копиях, а потом ставшего миллионером). Этот прадед получил прозвище «Дамнит»*, откуда сын его уже назывался Дамнитсон).

Отец Конкреты отдувался.

— Да, Конкрета, мистер Борис Конисский, к сожалению, не приехал с этим аэропланом!

В дверях стояла мать Конкреты и озабоченно пудрила нос. Конкрета сидела вся бледная и дрожащая. Отец успокаивающе кашлянул.

— Но аэроплан привез весточку от Бориса, — сказал он и вынул письмо (настоящее письмо в конверте, как писали в старину).

Отец продолжал:

— И вот еще тебе ящик!

Он поставил на стол маленький черный ящик, похожий на фотографический аппарат.

— По надписи на конверте, — сказал он, — ты должна прочитать письмо одна у себя в комнате.

Родители переглянулись и вышли из комнаты.

Конкрета сорвала дрожащими руками конверт.

«Дорогая Конкрета, — гласило письмо, — меня задержала моя работа и я не могу приехать к тебе сам. Посылаю тебе прилагаемый ящик в качестве посланца. Я вполне понимаю твои чувства при нашем последнем свидании. Прости меня! Теперь все будет хорошо. Прочти на внутренней стороне крышки способ употребления и открывай осторожнее ящик. Как только ты все сделаешь, я появлюсь у тебя на экране. Твой верный Борис».

Конкрета достала молоток и собственноручно открыла ящик. В нем находился маленький аппарат из черного де-

* От *англ.* Damn it — черт побери, проклятье (*Прим. сост.*).

рева со множеством катушек, детекторов и лампочек. На внутренней стороне крышки было написано: «Соедини провод, обозначенный буквой X, с гнездом твоего радиоприемника».

Конкрета исполнила это и в то же мгновение на экране на стене появился Борис в своем элегантном, хорошо выглаженном кимоно. За его спиной видна была его лаборатория, а рядом стоял маленький аппарат из черного дерева, такой же точно, как только что описанный.

— Конкрета, — сказал Борис, — не думай, что я не могу понять чувств женщины. Они даже соответствуют чувствам, живущим в моей собственной груди. Техника, которой ты так легкомысленно возмущалась, привела и на этот раз человека к победе и поможет нам пережить разлуку. Я три года работал над новым открытием в области радио. Теперь задача решена. И не доставляет ли тебе радость, Конкрета, победа моего разума?

Видишь ли, — продолжал он, когда девушка только нетерпеливо махнула рукой, — мы до сих пор могли заменять присутствие самого человека только перенесением на расстояние его изображения и голоса. Теперь же мы уже дошли так далеко, что можем пересылать за тысячи километров и ощущения. Понимаешь, ощущения? Что это, как не известные электрические колебания нервной системы? Я построил два аппарата — посылающий и принимающий — и стало возможным при помощи радио передавать эти колебания. Ничто уже больше не разлучает людей. Перекинут мост через любое расстояние.

Конкрета, — продолжал он, — видишь ты маленькую эбонитовую пластинку с каучуковой подушечкой, которая соединена проводом с аппаратом, находящимся у тебя в руках? Такая же пластинка имеется, как видишь, и в моем аппарате, в Йокогаме. Вот! — он показал. — Через нее я буду тебе посылать какие угодно ощущения. Возьми, пожалуйста, в руки эту пластинку. Вот так.

Конкрета повиновалась. Она нашла, что маленькая черная подушечка напоминала подушечку для обтирания перьев.

— Конкрета, — продолжал Борис, — я приближаю свои губы к пластинке здесь в Йокогаме, а ты к своей в Нью-Йорке. Результатом будет то, что ты почувствуешь на своих губах мои губы, как в смысле ощущения, так и вкуса, точно я стою в твоей комнате в Нью-Йорке. Малейшее колебание молекул моих губ достигнет твоих губ. Итак, Конкрета, получи мой первый поцелуй.

Щеки Конкреты пылали. Она подняла молоток, который еще держала в руке, и ударила им. Пластинки, стекло, катушки разлетелись вдребезги, а лампочки выстрелили, как горошинки в детском пистолете.

— Что ты делаешь? — застонал на экране Борис.

— Что я делаю? — глаза Конкреты сверкали. — Я хочу дышать полной грудью, вот и все. И если ты завтра же до двенадцати часов, — с первым аэропланом «Северный полюс», — не очутишься здесь, в моей комнате, — и собственной своей персоной, имей в виду, — тут — понимаешь, и не поцелуешь меня — по-настоящему, — тогда все между нами будет кончено! Я выброшу тебя тогда вон из своей волны! И уж навсегда!

В этот вечер герцог Гислей, премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании, обедал один в своем дворце. Он был глубоко озабочен: как внутри страны, так и в международных отношениях на политическом горизонте собирались тучи; в течение многих дней ему приходилось сталкиваться со всевозможными неприятностями, и ответственность, делавшаяся тяжелее с каждым часом, лишала его жизнерадостности и аппетита. Часов в девять он взял свою трость, шляпу и вышел подышать свежим воздухом.

Выходя из дворца, он не испытывал и тени того предчувствия, какое нередко предшествует великим катастрофам, а тем не менее, он переступал порог своего дома последний раз как премьер-министр.

— Ах, как хорошо было бы отдохнуть и предоставить другим бразды правления, — мечтал он, идя по людным улицам. — А еще лучше было бы выпить немного свежей воды, — прибавил он про себя, так как вечер был жаркий и душный.

Сесть за столик в одном из многочисленных кафе, переполненных народом, было для него делом немыслимым. Неподалеку он заметил маленький аптекарский магазин, зайдя туда, спросил стакан воды.

Аптекарский ученик, производивший за прилавком какой-то анализ, поднял на него отсутствующий взор, рассеянно протянул руку к полке за бутылкой дистиллированной воды, налил стакан и, передав его премьер-министру, снова погрузился в свои вычисления. Министр выпил воду, поблагодарил и вышел, оставив на прилавке серебряную монету. Эта монета привлекла внимание аптекарского ученика. Вернувшись к действительности, он заметил пустой стакан и в ужасе закричал:

— Боже мой, Боже мой! Я дал ему воду Леты, воду Леты, дарующую забвение, уничтожающую память на более или

менее длительный срок в зависимости от количества выпитой воды. А он выпил почти полный стакан...

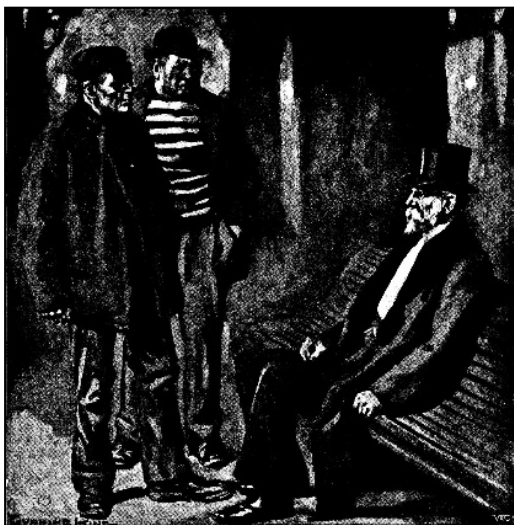
Он начал лихорадочно высчитывать, сколько времени будет действовать такая доза на взрослого человека, и, потрясенный своими расчетами, забормотал:

— Три года и два месяца... В течение тридцати восьми месяцев он не сможет вспомнить даже собственного имени.

Когда первое волнение прошло, он начал размышлять:

— Три года забвения... Поистине, это ужасно... но это более чем достаточно, чтобы он навсегда забыл причину катастрофы... не говоря уж о том, что за три года многое может измениться.

И, почти успокоенный, он вздохнул с облегчением.

Выйдя из аптеки, герцог ощутил блаженное состояние покоя. Все дневные заботы его испарились. Он долго бродил по улицам, удивляясь и восхищаясь всем окружающим и, наконец, присел на лавочку в каком-то парке, ни о чем не думая, ни о чем не вспоминая. Мало-помалу парк опустел, только несколько бродяг слонялись по дорожкам. Двое из них подошли к герцогу.

— Честный буржуй вышел проветриться, — пробормотал один.

— Добрый вечер, сударь, — сказал другой, присаживаясь на лавочку.

Герцог не отвечал.

— Он или пьян, или идиот, — заявил бродяга своему товарищу. — Не пошарить ли нам у него в карманах?..

Они начали ощупывать премьер-министра, вытащили его бумажник и в две минуты совершенно обообрали. Вначале их жертва проявляла некоторые признаки волнения, а затем впала в состояние полного безразличия, предоставив мошенникам радоваться легкой добыче. Один негодяй пожелал обменять свой головной убор на шляпу герцога, а другой натянул на себя его летнее пальто.

После этого здоровый удар кулаком свалил государственного мужа на траву, и бродяги скрылись. Несколько мгновений спустя на дорожке появился какой-то человек. При виде джентльмена в вечернем костюме, в грязной фуражке на голове, сидящего на траве и громко рыдающего, он разразился хохотом:

— Черт возьми, но ведь это же... — И он отвесил низкий поклон. — Добрый вечер, ваша светлость.

Герцог рыдал по-прежнему.

— Недурное положение для вашей светлости. Премьер-министр после попойки! Недурно было бы известить полицию. И оппозиция порадовалась бы. Хотя я придумаю что-нибудь получше.

Он торжественно поклонился и приторно-вежливо продолжал:

— Не окажете ли вы мне честь, ваша светлость, посетить мое скромное жилище? Ваша светлость вспоминает меня? Я — ваш верный оклеветанный лакей, Робсон.

Герцог покорно позволил взять себя за руку.

— Иди, иди, Гислей, — издевался Робсон, таща его к выходу. Он подозвал кэб, дал адрес кучеру, впихнул герцога внутрь и влез вслед за ним.

Минут двадцать спустя они остановились на углу темной улицы в каком-то отдаленном квартале. Робсон распла-

тился и повел своего спутника в грязный закоулок, где они остановились перед очень бедным домом. Он открыл дверь, пропустил герцога вперед, захлопнул за собой дверь и зажег свет.

— Добро пожаловать, ваша светлость, в мое убогое жилище, — сказал Робсон, садясь. — А теперь не мешает нам с вами свести старые счеты. Вы выставили меня за дверь под тем предлогом, что я напивался и воровал. Первый вопрос мы обойдем молчанием, ибо здесь вам, старому пьянице, и карты в руки. Но утверждать, что я не имел права на ваши обноски, которые мне как раз впору, это уже слишком! Вот, кстати, как раз подходящий для меня костюм. В настоящий момент мне приходится довольно туго. Не дальше как вчера я должен был отклонить приглашение в один великосветский дом за неимением костюма. Вы очень любезны, предлагая мне свой.

Он исчез и вскоре вернулся с грубым костюмом, в который он помог герцогу переодеться.

— Это мне напоминает доброе старое время, Гислей, — заметил Робсон. — Мы так же одевались, отправляясь на обед к королю. А теперь вам не мешает обратиться к парикмахеру, не правда ли? Борода вас уродует.

Он схватил ножницы и отхватил бороду премьер-министра до самого подбородка.

— И волосы у вас слишком длинные, Гислей.

И он остриг ему волосы на голове. Даже секретари премьер-министра, без сомнения, не узнали бы его светлости в этом седом старике, закутанном в старую куртку и подмигивающем с самым довольным видом своему бывшему лакею.

— А теперь, Гислей, — сказал Робсон, — если мой разговор вам не нравится, то ваш меня отнюдь не развлекает. А потому я думаю вас отправить, — даже без вашего позволения, — в приют Армии Спасения...

Внезапно его взгляд упал на визитную карточку, всунутую в раму каминного зеркала. Он ударил себя по лбу.

— Вот это дело! Это великолепно! Я вас отправлю не в Армию Спасения, а к этому доброму священнику, карточка

которого Бог знает каким образом ко мне попала.

Он бросил взгляд на визитную карточку и прочел ее вслух:

Преп. Элиа Тимминс

61, Ребекка-стрит.

—Он, небось, вам порадуетя. Ну, поднимайтесь, довольно спать.

Ему пришлось потратить немало сил, прежде чем удалось заставить премьер-министра выйти на улицу. Позвав извозчика, он приказал:

— Кучер, вы отвезете моего друга вот по этому адресу, — и он протянул ему визитную карточку. — Вы скажете священнику, что привезли ему племянника с Майорки.

— Откуда? — заворчал извозчик.

— С Майорки, не забудьте, пожалуйста. Их там четыре: Майорка, Минорка и еще какие-то, — объяснил Робсон, стараясь припомнить свои старые разговоры с премьер-министром.

— Ладно, — сказал кучер.

— Всего лучшего, старина! — крикнул Робсон, впихнув герцога в карету и захлопнув дверцу. — Кланяйтесь Элиа.

Было уже около часа ночи, когда экипаж подъехал к дому номер 61 на Ребекка-стрит. Кучер слез с козел и позволил. Через несколько минут открылось окно, и из него высунулась голова мужчины.

— Кто там?

— Ваш племянник с Минорки.

— Кто такой?...

— Ваш племянник с Минорки. Это какой-то остров... Там четыре острова.

— У меня нет никакого племянника на Минорке, — протестовал испуганный священник.

— Ну, конечно, сейчас он не на Минорке, а в моей карете, — заявил извозчик.

— Я его не знаю, тут произошла какая-то ошибка, — уверял священник.

— Какая там ошибка, — закричал кучер, — у нас есть ваша визитная карточка. Спускайтесь скорей и посмотрите сами.

В этот момент в противоположном доме открылось окно и показалась чья-то голова.

— Что тут за шум? — спросил потревоженный жилец.

— Я привез блудного сына в родное гнездо, а его дядя не желает принять его, — орал раздраженный извозчик.

— Какой позор! — заметил тот же голос.

— Не стоять же мне тут всю ночь? — продолжал кучер, поворачиваясь к своему пассажиру. — Эй, вы, вылезайте живее да поговорите с вашим дорогим дядей.

Громко ругаясь, он полез в карету и вытащил оттуда своего седока. В соседних домах начали открываться окна, из них свешивались любопытные, которым священник пытался объяснить причину суматохи.

— Ваш племянник потерял сознание, — кричал извозчик, положив герцога у порога двери. — Если вы оставите его под открытым небом, то можете смело сказать, что убили его своей неосторожностью. Сойдете вы вниз или нет?

II

Мистер Тимминс не колебался более. Он был глубоко убежден, что произошло печальное недоразумение, которое ему удастся выяснить не позже, чем на следующее утро. Минуту спустя он открыл входную дверь.

— Десять шиллингов, это моя последняя цена, — кричал кучер, — не так уж дорого за то, чтобы привезти вашего драгоценного племянника с Минорки. А если заставите меня ждать еще дольше, то извольте заплатить пятнадцать.

— Мэри, мой кошелек, — крикнул несчастный и, пока его жена бегала за деньгами, он попросил извозчика помочь ему перенести герцога в гостиную на диван, где тот снова погрузился в глубокий сон.

Карета уехала, окна соседних домов закрылись, и мистер Тимминс с женой вернулся к своему новому гостю.

— Никогда в жизни я его не видел, — сказал священник, — это какая-то ужасная ошибка.

— У него тонкие черты лица, — заметила его жена.

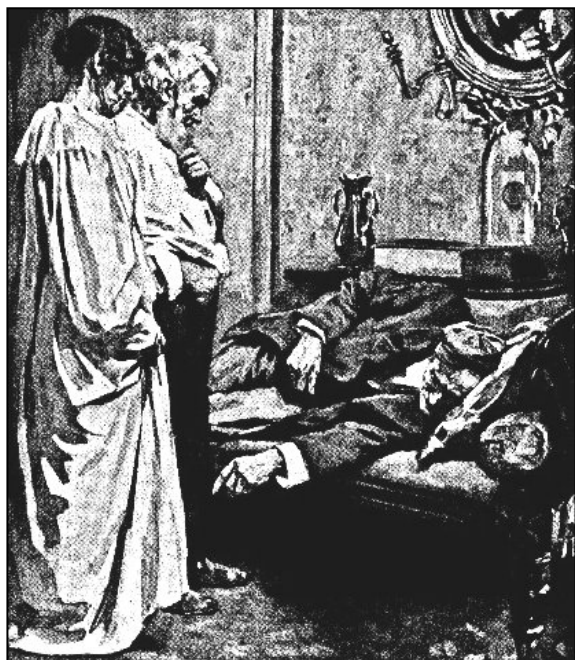
— Ну, а по моему, у него такой вид, как будто бы он только что вышел из тюрьмы, — возразил муж. — Подождем до завтра,

В эту ночь мистер Тимминс спал плохо, а жена его и совсем не сомкнула глаз: она начинала догадываться, в чем дело. В пять часов утра она не выдержала и разбудила мужа, чтобы поделиться с ним своими соображениями.

— Элиа, — сказала она, — это дядя Сэм.

— Кто? — проворчал муж.

— Дядя Сэм. Он уехал в девственные леса Австралии, когда я была совсем маленькой, и говорил, что когда-нибудь вернется. Он очень богат.

— Это было бы недурно, — заявил мистер Тимминс, жалевший о своих десяти шиллингах.

Часов в семь утра миссис Тимминс, услышав шум в гостиной, оделась и сошла вниз поздороваться с гостем. Он стоял у окна.

— Здравствуйте, дядя Сэм, очень рада вас видеть, — сказала она, направляясь к нему.

Герцог обернулся. Увидя улыбающееся лицо и протянутые к нему руки, он улыбнулся в ответ, и они дружески поздоровались.

— Надеюсь, сегодня вы чувствуете себя лучше, — продолжала она.

Гость пробормотал какие то нечленораздельные слова. Она повторила вопрос и в ответ услышала те же странные звуки. Вне себя от изумления, она побежала к мужу.

— Это действительно дядя Сэм, — объявила она, — но он забыл свой родной язык и умеет говорить только по-австралийски.

— Что за чепуха!..

— Идите вниз и посмотрите сами.

Мистер Тимминс спустился в гостиную, и жена представила их друг другу. Дядя Сэм улыбнулся, горячо пожав ему руку, но не мог произнести ни одного понятного слова.

— Какой ужас, — простонал бедный священник, — что же мы будем теперь с ним делать?

— Прежде всего, надо учить его английскому языку, — решила жена. — Дядя Сэм... Элиа... Мэри... — начала она, указывая герцогу пальцем по очереди каждого.

III

Герцог повторял слова и быстро запоминал их. Обучение продолжалось и за завтраком, к концу которого гость твердо запомнил слова «мармелад» и «масло», растапливая мало-помалу ледяной скептицизм священника.

Слух о прибытии не то племянника, не то дяди или дедушки мистера Тимминса распространился с необычайной быстротой и взбудоражил весь квартал. Но к концу дня это событие отошло на задний план перед потрясающей новостью об исчезновении премьер-министра. Это исчезновение совпало с серьезными осложнениями в области внешней политики и вызвало настоящую панику; рента упала до 83. Была назначена награда в десять тысяч фунтов тому, кто найдет герцога, но все оказалось напрасно. Несколько дней спустя пост премьер-министра был занят другим государственным мужем.

Тем временем герцог Гислей, ставший Самуэлем Белей, делал быстрые успехи в начальных науках. Через месяц он

мог свободно излагать свои мысли. К концу года он бегло читал и писал. Ему нашли место счетовода в конторе Хиченса.

Так прошли три года и два месяца. Однажды вечером счетовод Хиченсов, комиссионеров по продаже индиго, лег спать в состоянии странного возбуждения. Во сне индиго странным образом смешивалось с индийской рупией, племянник Элиа с посланником Франции, а Мэри с ее величеством королевой. К утру мысли его стали яснее.

— Кабинет собирается в полдень, — думал он, — в одиннадцать часов я получу шифрованные телеграммы из Парижа и Каира, а посланник явится не раньше четырех. К этому времени наше положение определится.

В эту минуту кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул он.

— Вы опоздали, дядя Сэм, — ответил чей-то голос, — завтрак уже давно готов.

Он спрыгнул с постели и поднял шторы.

«Где же это я?» — подумал он. Он увидел себя в зеркале и не узнал. Посмотрел на часы: у него были золотые часы, а эта серебряная луковка, очевидно, не его, хотя и кажется ему странным образом знакомой... Что это все означает?.. И почему лакей не приходит одевать его?.. Тут какая-то тайна... Он нерешительно спустился вниз. В маленькой столовой он увидел Мэри и Элиа. Почему они называют его дядей Сэмом?

— Я боюсь, как бы не опоздали в контору, дядя, — сказала Мери. И герцог поймал себя на том, что он испуганно посмотрел на часы. Перед его глазами промелькнул магазин Хиченса. В девять часов он должен быть за своей конторкой, нужно просмотреть счета на индиго. Но как же быть тогда с заседанием кабинета министров, назначенным на двенадцать часов?

— Вы плохо выглядите сегодня, дядя Сэм, — сказала миссис Тимминс, — вам нужно денек отдохнуть. Я уверена, что мистер Хиченс согласится на это. Элиа зайдет в контору предупредить его.

— Благодарю вас, Мэри, — ответил герцог. — Действительно, я чувствую себя неважно.

Мистер Тимминс собирался уходить, когда герцог бросил ему коротко: — Останьтесь, — и предложил сесть, повелительно указывая на стул жестом, совершенно несвойственным дяде Саму.

— Элиа и Мэри, — сказал он, — не будете ли вы так добры объяснить мне, кто я такой?

Мистер и мистрис Тимминс с грустью посмотрели друг на друга. Неужели с ним начинается новый припадок?

— Но вы — дядя Сэм, — ответила спустя минуту Мери.

— Конечно, конечно... а однако, я прекрасно знаю, что я не дядя Сэм, — объявил герцог.

— А кто же вы? — спросил мистер Тимминс.

— Я — герцог Гислей.

Мистер и мистрис Тимминс обменялись скорбным взглядом.

— Ну конечно, вы — герцог Гислей, — подтвердил Элиа. — Мы всегда это знали.

— Но почему же вы называете меня дядей Сэмом?

— О, это просто ласкательное имя.

— Но, сударыня, — возразил герцог, — на каком, собственно, основании вы называете меня ласкательным именем?

— Вы совершенно правы, — кротко ответил мистер Тимминс. — На каком основании? Нет никакого основания.

— Не будете ли вы так добры, — продолжал герцог, — сказать мне, сколько времени я живу с вами?

— Уже года три, — сообщил мистер Тимминс.

— Три года! — воскликнул герцог. — Вы в этом совершенно уверены?

— О да, вполне уверен.

— Как я попал сюда?

— Вы приехали с Минорки на извозчике.

— С Минорки, на извозчике? Если я еще не сошел с ума, то это не замедлит случиться.

— Нет, нет, дорогой дядя! Вы просто немного переутомились. Вам нужен отдых, покой. Я принесу вам сейчас капель...

— Довольно, — сказал герцог, — меня ждут срочные депеши в министерстве иностранных дел.

С этими словами он направился к двери, но мистер Тимминс преградил ему дорогу, в то время как миссис Тимминс обхватила его обеими руками.

— Дядя, сядьте, — умоляла она, — прошу вас, успокойтесь.

— Сударыня, — закричал взбешенный герцог, — я прошу вас пустить меня.

— Я вас отсюда не выпущу, — заявил мистер Тимминс решительным тоном.

Герцог Гислей, будучи дипломатом по профессии, сел на диван и вступил в переговоры.

— Выслушайте меня, — начал он. — Я не сумасшедший, как вы думаете, и совсем не ваш дядя. Я — герцог Гислей; каким образом я попал сюда, я объяснить не могу, и в настоящий момент это не имеет большого значения. Крайне важные депеши ожидают меня в министерстве иностранных дел, и я должен отправиться туда немедленно. Вы пойдете со мной, Элиа, и, если там откажутся меня признать, я обещаю вам сейчас же вернуться домой.

Герцог говорил совершенно спокойно, и его слова произвели некоторое впечатление на слушателей.

— Как вам угодно, дядя, — согласился Элиа. — Идемте хоть сейчас.

В конце улицы герцог нанял кэб. Они подъехали к министерству иностранных дел. Герцог через две ступеньки взбежал на лестницу и направился к швейцару.

— Сэр Руперт здесь? — спросил он.

— Вам было назначено прийти, сударь? — осведомился тот.

— Нет, я — герцог Гислей.

Почтительное выражение лица швейцара моментально изменилось.

— Теперь это уже не производит впечатления, — сказал он. — За те три года, что я здесь служу, к нам каждую неделю приходят по два, по три.

— Видите, дядя Сэм, — сказал мистер Тимминс, дергая герцога за рукав. — Пойдемте лучше домой.

— Замолчите, Элиа, — возразил его светлость.

Повернувшись снова к швейцару, он сказал:

— Я попрошу вас дать мне лист бумаги и конверт.

Его повелительный вид, которым он так хорошо умел пользоваться, когда его принуждали к тому обстоятельству, произвел впечатление на швейцара. Тот с поклоном повиновался. Герцог поспешно нацарапал несколько строк и запечатал конверт.

— Немедленно отнесите это сэру Руперту, — приказал он. Сэр Руперт был товарищем министра.

Через несколько минут какой-то сановник поспешно сбегал с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки, и, поколебавшись одно мгновение, бросился к герцогу и схватил его за руки:

— Ваша светлость, ваша светлость, — лепетал он с полными слез глазами.

— Ну, Элиа, верите вы мне теперь? — спросил герцог.

Мистер Тимминс попытался что-то проговорить, но слова застряли у него в горле.

— Идем наверх, — сказал герцог, дружески хлопнув его по плечу. — Сэр Руперт объяснит нам все.

Но сэр Руперт оказался не в состоянии что-либо объяснить.

IV

Возвращение герцога Гислея, окутанное дымкой таинственности, произвело необычайную сенсацию во всей стране. Жители Ребекка-стрит с удивлением и восторгом узнали, что среди них в течение трех лет жил исчезнувший пре-

мьер-министр. Вся улица была охвачена волнением, когда на следующий день герцог Гислей в последний раз явился к Мэри и Элиа на торжественный чай. Тротуары были заполнены любопытными, и священник боялся высунуть нос на улицу. Кричали «ура» в честь его светлости и немало восторженных восклицаний досталось по адресу «старого Сэма Белея», а когда на пороге появилась Мэри и герцог по старой памяти поцеловал ее, восторг толпы дошел до неистовства.

На следующей недели мистер и мистрис Тимминс уехали с Ребекка-стрит наставлять на путь истинный нонконформистов в поместье герцога, и косые взгляды собратьев-священнослужителей больше не беспокоят достойную пару. Герцог нашел, что ответы на важные депеши давным-давно составлены его заместителем, и все время, свободное от выполнения необходимых формальностей, связанных с его возвращением, посвятил разъяснению вопроса о своем загадочном исчезновении и необъяснимой метаморфозе. Но все попытки оказались тщетными. Он мог только вспомнить, как в один прекрасный вечер вышел прогуляться; далее в его памяти образовался полный пробел.

Два человека могли бы пролить свет на это дело. Один из них — аптекарский ученик. Другой — человек с рыжими усами, который содержит дрянной трактирчик в грязном переулке отдаленного квартала. Но по некоторым соображениям оба предпочитают хранить молчание.

Óàŕ³ëà³ Ó¿³³àdđ

òÀŕÀŦ ðÀ ĴBŦŦ Ĵŕ

Фантастический рассказ

Инженер Лаутон прочел в газете интересную новость, которой решил поделиться с женой. Он медленно поднял глаза от газеты и — слова застыли на губах его. На него смотрели испуганные, полные ужаса глаза жены. Красивое лицо ее побледнело. Губы шевелились, словно хотели что-то произнести, но слов не было слышно.

— В чем дело? — крикнул он. Но своих слов он сам не услышал. Хотя язык его свободно повиновался ему, мускулы двигались — все же ни один звук не вылетал из его рта. Жуткое чувство страха охватило его. Он вынул часы. Видел, как передвигалась секундная стрелка, но тиканья не было слышно.

Лаутон снова посмотрел на жену. В глазах ее он прочел такой ужас и мольбу о помощи, что у него заглохло сердце. Тогда мелькнула у него остроумная мысль; он схватил лист бумаги и поспешно написал:

— Ты слышишь что-нибудь?

Лихорадочно следил за тем, как рука ее выводила в ответ:

— Ничего, милый. Что это значит?'

— Не пугайся. Я не знаю, вследствие каких причин, но мы, кажется, оглохли. Вероятно, была гроза, и сильный удар грома оглушил нас.

Лаутон встал и подошел к окну. Достаточно было посмотреть на небо, чтобы заметить, что о грозе не может быть и речи. Был прекрасный вечер. Высоко взошедшая полная луна бросала задумчивые блики на окна и стены домов. На небе — ни облачка.

Беззвучно мчались автомобили. Вон испуганно пробежал рабочий. Какая-то женщина с ребенком на руках недоумевающе прислонилась к фонарю.

Лаутон испытывал странное чувство: при виде всего происходящего он облегченно вздохнул и одновременно испугался. Очевидно эта ужасная глухота поразила не только его и Диану, но и весь город...

Инстинктивно повернулся.

В это время в комнату неслышно вбежала горничная. Отчаянно жестикулируя и широко разевая рот, она силилась объяснить, что с ней произошло что-то ужасное. Но строгий взгляд Лаутона привел ее несколько в себя.

Набросав несколько слов, он подал жене записку:

— Я выйду узнать, в чем дело. Ты же оставайся здесь и ни на шаг не отпускай Мэри. До свидания!

Диана попыталась улыбнуться, что то прошептала, но ничего не было слышно.

«Оставайтесь здесь и смотрите за барыней» — написал Мэри Лаутон. Затем поцеловал жену, одел шляпу и вышел на улицу.

Если полное молчание в комнате было ужасным, то на улице оно подавляло и наводило трепет. Лаутон не слышал даже своих собственных шагов. Дорогой он встретил двух-трех человек. На лицах их он прочел ужас и растерянность.

Из-за перекрестка, молча и бесшумно, вынырнул огромный автомобиль с зажженными электрическими фонарями. Лицо шофера было озабоченно. Напряженность застыла в его глазах. Лаутон пошел дальше.

С каждой минутой глаза его встречались с картинами ужаса и недоумения. В голове его шумело. И это единственное обстоятельство навело Лаутона на мысль, что в этой неожиданной катастрофе повинно электричество.

Вдруг он почувствовал, что кто-то дергает его за руку, обернулся и узнал своего коллегу Уэльса. Глаза его с пытливым вопросом обратились на Лаутона. Последний недоумевающе пожал плечами и сделал жест, приглашающий Уэльса сообща добиться <объяснения> причины этой неожиданной глухоты и ужасного молчания. Он все же остановился и написал в своей записной книжке:

«Я думаю, что произошла какая-то катастрофа в электрических волнах».

Выражение спокойствия появилось на лице Уэльса и он взял Лаутона за руку.

На углу друзья увидели две отчаянно жестикулирующие фигуры. Нервный господин в шелковой шляпе и чер-

ном сюртуке что-то старался объяснить, но полисмен не слышал и не понимал!

Эта картина была так комична, что могла бы вызвать смех, если бы все это не было так грустно.

Лаутон остановился и показал ему свою записную книжку. Выражение спокойствия появилось и на их лицах, как прежде на лице Уэльса.

Друзья повернули и вышли на широкую, всегда шумную улицу. Странное зрелище представляла она собой. Все толкались, раскрывали рты и беззвучно закрывали их. Пары лошадей вдруг испугались и понеслись. Напрасно кричал и предостерегал извозчик — его не слышали. Вот лошади наскочили на какую то женщину и смяли ее.

«Довольно. Мы достаточно видели и можем возвратиться домой», — написал Лаутон Уэльсу. Последний утвердительно качнул головой.

II

Все утренние газеты были посвящены ужасному событию. Телеграф принес известие, что глухота поразила только Лондон и окрестности на протяжении тридцати миль в округности. Громадная местность погрузилась в мертвую тишину. Вне ее все шло по-старому.

Это непонятное событие произошло вечером в девять с половиной часов. Невозможно передать ту панику, которая охватила город. В особенности увеселительные места. Артисты еще пытались что-то сказать, закончить начатую фразу, спеть арию, но — безуспешно. Одна знаменитая певица сошла с ума. Другие заливались горячими слезами. Но мертвая тишина стояла в театре.

Сейчас же начались ученые заседания для исследования причины явления. Пришли к выводу, что глухота — отнюдь не метеорологического происхождения, а является следствием каких-то неведомых электрических волн, заглушаю-

щих все звуки. Скорее всего, можно предположить, что эти волны — дело рук человеческих.

Вокзалы осаждались огромной толпой: все спешили выбраться из ужасного Города Молчания. Поезда уходили в двойном и тройном составе. Никто не знал, когда и чем кончится эта ужасная глухота.

III

Лаутону и Уэльсу было поручено электрическим обществом исследовать и установить причину явления.

После упорных экспериментов и изысканий они установили, что глухота вызвана какими-то электрическими волнами. Удалось даже установить, что центр этих волн находится около Гемпшира.

Друзья недоумевающе взглянули друг на друга.

«А дальше что?»

«Знаете, — вдруг написал Лаутон, — я, кажется, догадался. Как раз около Гемпшира живет какой-то странный субъект, инженер и большой нелюдим — Майер. За последнее время, как мне передавали, он обращался к различным фирмам с какими-то заказами. Может быть, причина кроется именно в нем?»

Уэльс согласился с этим мнением и написал:

«Пойдем к нему вместе. Вы — как представитель электрического общества, а я — как частный инженер. Авось, что-нибудь удастся разузнать».

Не теряя времени, друзья немедленно отправились к Майеру. Он жил в мрачном и утрюмом доме с башней на крыше. Дом производил впечатление средневекового замка.

Лаутон внимательно оглядел этот дом и подошел к парадной двери. Он нажал электрическую кнопку звонка; через несколько минут тяжелые двери открылись и на пороге появился утрюмого вида слуга, пригласивший их войти. Друзья обменялись удивленными взглядами. Звонок был услышан: значит, этот дом изъят из глухой полосы.

Какими-то темными коридорами и лестницами слуга их провел в полутемную комнату, где они увидели высокого худого человека. Лицо его походило на лицо мертвеца, так изжелта-бледно было оно. Костюм висел на нем, как на палке. Кости выдавались. Только глаза его горели — и в них видна была огромная душевная и умственная сила.

Как только вошли они в эту комнату, как до их слуха донеслись какие-то неопределенные звуки. В эту же минуту они слышали слова:

— Что вам угодно, господа?

От неожиданности и удивления ни один из них не нашелся, что ответить. Это были первые слова, которые они слышали за долгие часы молчания.

Наконец Лаутон пришел в себя и в нескольких словах описал цель своего визита и спокойно спросил — не он ли виновник всего этого переполоха?

— Да!

Голос Майера звучал глухо, но спокойно. Чувствовалась какая-то страшная сила в нем.

— Но я не понимаю, зачем вы ко мне пожаловали?

— Мы желали бы узнать, с какой целью вы оглушили весь город? И долго ли вы намерены шутить?

— А по какому праву задаете вы мне эти вопросы?

— По праву граждан. Вы, вероятно, не имеете представления о том, что вы наделали? На улицах Лондона страшная паника.

— Я не выхожу из своего дома, и общения с людьми почти не имею.

Тогда Лаутон рассказал ему все, что происходило на улицах в течение последних дней.

— Я этого не ожидал! — возразил Майер, медленно проводя рукой по лбу. — Но это скоро окончится: сегодня в 9 часов 34 минуты вечера. Теперь позвольте мне сказать для пояснения несколько слов. Некий миллиардер, — имени его я назвать не могу, — заинтересовался моими опытами и открытиями. Когда я ему на днях сообщил, что мне удалось изобрести такие электрические волны, которые способны поглотить все звуки, он не поверил и предложил произ-

вести опыт. Я согласился. Для пробы он предложил мне погрузить в молчание Лондон и ближайшие окрестности его. В случае удачи он обязан дать мне огромную сумму денег для дальнейших изысканий. Его недоверие подстрекнуло меня, и я, не приняв во внимание всех последствий подобного опыта, в тот же день приступил к нему. Как видите, он удачно прошел. Но сегодня истекает срок моего опыта и к десяти часам Лондон заживет прежней жизнью.

— Не будете ли вы добры познакомить нас с вашими приборами и лабораторией?

Майер отрицательно покачал головой.

— Ни одна человеческая душа не должна видеть мою лабораторию. Вы сами видели, что мое открытие может принести людям только один вред. Так пусть же оно останется неизвестным людям. Сегодня вечером — в тот момент, когда истечет сорокавосемичасовой срок моего опыта, — я взорву свою лабораторию. И в тот же момент Лондон заживет прежней шумной жизнью.

— А вы при этом не пострадаете? — с невольным интересом к этому странному человеку спросил Лаутон.

— Нет! Взрыв будет произведен с помощью бикфордова шнура. Дом мой не пострадает.

Они простились и вышли. Снова объяло их царство молчания.

«Прежде всего, необходимо оповестить газеты о том, что сегодня вечером Лондон снова заговорит», — написал Лаутон Уэльсу.

«Конечно».

Через два часа весь Лондон узнал радостную весть.

IV

Ровно в 9 ч. 34 м. в Гемпшире раздался оглушительный взрыв. Его услышали все, ибо в это мгновение колдовство разрушилось. Знакомые звуки заполнили улицы. Прежний шум, визг, грохот. И через несколько часов прошедшие ужасные двое суток стали казаться лишь тяжелым сном.

I

Я хорошо его помню.

Миниатюрного человечка аристократической внешности, для которого все и вся были как бы пустым пространством; сухонького и вылощенного; с глазами за стеклами пенсне, с пенсне в облаках сигарного дыма.

Он был курортный гость в самом разгаре сезона, а я — скромный репетитор в местечке.

Сам не знаю, по какому поводу и, кто его знает, с какой целью, но это он завязал знакомство, протянул мне однажды на улице — осторожно — руку. Я, как сейчас, вижу эту гладенькую ручку, такую хрупкую, изящную в моей неуклюжей плебейской лапище.

Помню, я потом долго шаркал и тер свои руки, словно выскребывая из них ощущение чего-то диковинно приторно-сладкого.

II

Мы стали соседями.

Я снимал в боковой улице мансарду у вдовы булочника, владелицы четырех котов.

Он переехал из отеля к вдове сапожника, как раз напротив. Ха! Достопримечательное зрелище: чопорный господинчик, с ног до головы в шелку, ютится в таком логове нищеты.

Но у него было свое хозяйство, и необыкновенное, что-то вроде лаборатории, а это не всякому квартирному хозяину по вкусу. Иногда он выходил на солнце в длинном белом халате мыть и прополаскивать свои колбы и реторты — с самым свирепым видом.

Над чем он работал?.. Кто его знает? В отеле он был записан графом и профессором. Три-четыре дня подряд мы с вдовой булочника наблюдали, как он возвращался домой в сопровождении мальчика из мясной лавки, тащившего за ним огромные куски говядины или баранины.

Моя невеста, больничная сиделка, рассказывала, что главный врач считал его хирургом, который практикуется на кусках мяса.

Раз я видел, как две важные барыни атаковали его расспросами. Но он только улыбался — безукоризненно любезной улыбкой светского человека — и качал головой.

В последние дни он стал подманивать к себе молоком бездомных кошек.

— Какой то зловещий у него вид, — заявила моя вдовушка; у нее, видно, сердце защемило от страха за своих четырех кисок.

III

Я попал в члены правления одного народного кружка как раз перед устройством большого праздника — гулянья. Пришлось самому бегать по местечку и расклеивать афиши, — экономия была необходима, а никто другой не соглашался работать даром. Затем я взобрался на триумфальную ар-

ку, чтобы обвить ее ельником и увенчать короной из цветов вереска.

—Однако! Графская корона! — послышался внизу насмешливый голосок. — В виде благородного допинга для нашего дорогого, пробуждающегося народа? Не правда ли?

Я не нашелся, что ответить, а потому покраснел и продолжал постукивать молотком.

— Ну-ну! — хихикнул он и вскоре засеменил дальше.

Через полчаса он возвращался назад.

— Как! Вы все еще торчите там, наверху?

Ясно было, что ему хотелось завязать разговор, но я не простил ему «дорогого пробуждающегося народа».

— А вам желательно, что ли, самому приложить руку? — колко спросил я.

Он с комическим испугом пожал плечами.

— Вам что-нибудь платят за это занятие? — опять задал он вопрос немного погодя.

— А вам платят за то, что вы стоите там внизу и надрыгаете свои легкие? — щелкнул я его опять.

— Простите, сударь, — воскликнул он, — я задал глупый вопрос.

...И он усмехнулся, приподнял шляпу и ушел.

Но на другой, стало быть, день он остановил меня на улице и пригласил заглянуть к нему.

IV

Он надел свой длинный белый халат и провел меня в заднюю комнату.

— Вот здесь моя мастерская, где я работаю... по-своему, на благо возлюбленного человечества, тоже не получая за все свои хлопоты ни гроша медного.

Я ожидал увидеть ножи, ведра крови, полотенца в кровавых пятнах, а передо мной сверкали стеклом сотни колб, пробирок и реторт, банки и бутылки со всевозможными жидкостями и кислотами. На одном блюде лежал огромный ростбиф, а на столе возле, на свинцовой бумажке, щепотка ярко-синего порошка; в воздухе странно пахло чем-то, вроде гелиотропа.

— Вы алхимик? — спросил я.

— Был... работал над «облагорожением» металлов, как вы, дорогой друг, работаете над «облагорожением» возлюбленного человечества. Но мои опыты завели меня на новые

пути, и в один прекрасный день я сам себя озадачил одним открытием, о котором мои счастливые современники еще ничего не ведают.

Он, усмехаясь, потер руки.

— Вот как! Что же вы открыли? — спросил я.

— Увы, старую истину, что всякая плоть бrenна, да еще в большей степени, чем воображает наш самоуверенный род людской.

Он указал порошок. Я было хотел потрогать его кончиком мизинца, но граф с быстротой молнии оттолкнул мою руку.

— С ума вы сошли!.. Да, стоило бы дать вам дотронуться... — захихикал он, поглядывая на меня. — Что, однако, за странное, необъяснимое чувство — симпатия! — продолжал он. — Никогда до сих пор не имел я друга, поверенного; я едва знаю ваше имя и тем не менее готовлюсь сейчас посвятить вас в самую замечательную тайну с той же инстинктивной уверенностью, с какой юноша впервые берет девушку или оса-паразит находит, к кому присосаться. Странно, не правда ли?.. Пожалуй, это величайшая загадка бытия. Ну, а теперь глядите во все глаза, дружок!

Он почти торжественно засучил рукава, согнул бумажку с порошком, быстрым мягким движением высыпал содержимое на свежий, сочный ростбиф... и тут произошло нечто неопишное.

Я только что успел схватить глазом лазоревую щепотку порошка на багровом фоне говядины, как в ту же секунду на месте мяса закипел какой-то водоворот, закрутился миниатюрный смерч... и мясо исчезло, на тарелке осталась лишь серая пыль, прах, укладывавшийся холмиком и распространявший вокруг запах гелиотропа, столь сильный, что у меня сделалось сердцебиение.

— С этим покончено, — с тихим клопочущим смешком проговорил он. — Теперь смотрите сюда.

Он протянул руку за окно и сорвал ветку бузины, темно-зеленую, сочную, но всю густо облепленную жирными травяными вшами. Он с отвращением положил ее на тарелку и чуть-чуть посыпал порошком...

Пуф-ф... Повеяло гелиотропом, и — листья, стебель, вши — вся мерзость разом пропала, претворилась в кучку чистенькой пыли, праха.

— Не правда ли, своеобразный взрыв? — спросил он. — Бесшумный, всеразрушающий, катастрофический для всякой живой ткани — поскольку и кусок сырого бычачьего мяса можно назвать живым. Следовало бы, конечно, проделать опыт над живым быком. Как вы думаете, не пойти ли нам вечером в поле, высыпать пакетик порошка на одну из коров арендатора?

Признаюсь, я возмутился, запротестовал.

— Ну, полно, — возразил он. — Из праха взятый в прах и обратится; арендатор знал это, когда покупал их; кроме того, у него их не одна, а целых пятнадцать.

Представьте! Он успел пересчитать стадо.

— Неужели вы действительно?

— Всенепременно. самого огромного быка мы заставим исчезнуть, как мыльный пузырь... Никому и в голову не придет, куда девался бык, раз никто не увидит, как это случилось... Стало быть, эксперимент вполне безопасен. — Что? Если явится нечаянный свидетель, например, — сам арендатор?.. Что ж, нам стоит только посыпать и его порошком, чтобы избавиться от него навсегда, и... этого доброго человека избавить от всех земных горестей.

Сухонький человек кинул это добавление с мягкой аристократической невозмутимостью, как будто ему все было дозволено. Я же, как истинный сын народа, воспитанный в страхе и гнете закона, напротив, чуть не задохся при одной мысли...

— Увы! — вздохнул он. — Будь у нас под рукой хоть кошка!

— Живая? — испуганно воскликнул я. Теперь-то я понял, с какой целью он заманивал кошек молоком. Четыре жирных кота моей вдовушки серьезно рисковали попасть в беду.

— Да как их поймашь, этих проворных бестий! Они, пожалуй, симпатическим путем чувствуют, что их собираются «пульверизовать», а им это вовсе не улыбается. Вот, если

бы мадам Меллер добыла нам хоть одну... Эй, мадам Меллер!

Вошла мадам Меллер, придурковатая неряха, тугоухая разиня, кофейница, мать восьмерых слабоумных ребят, из которых двое уже угодили в приют для идиотов. Большие очки на носу, а на шее — от самого ворота платья до уха — туберкулезная язва.

— Достаньте нам кошку! — отрывисто приказал он, отходя к ней, словно к какому-то клоуну на арене жизни.

— Плошку? Плошку? — переспросила она и принялась шарить на этажерке так, что полки затряслись, слетела на пол газета и целая коробочка порошка опрокинулась бабе прямо на голову.

Я расслышал крик вскочившего профессора... Увидел голубые пятна и полоски порошка на белой коже головы под жирными черными волосами... А потом сероватый смерч взвился с пола к потолку и осел небольшой кучкой праха, распространяя удушливый запах гелиотропа, от которого подымался звон в ушах.

— Благодарю, не ожидал! — произнес он. — Вот тебе и мадам Меллер — взорвалась!..

Сердце мое неистово колотилось в груди от ужаса: погибла ведь жизнь человеческая! А он стоял себе с улыбочкой и с видом живейшего интереса сказал:

— Изумительно все-таки, даже гребенка, и та исчезла, и шлепанцы! Понимаете?

— Мама! Мама! — позвала из коридора старшая дочка мадам Меллер, восемнадцатилетняя девушка, гнусавая от полипов в носу. — Мамы у вас нет? — простодушно просунула она голову в дверь.

— Ах ты, какая оказия! Пыли-то сколько насело! Не прийти ли с метелкой?

— Пожалуйста, — ответил он.

— Ну, знаете ли!.. — воскликнул я. — Ведь это ее собственная мать...

— Тише! — шепнул он, схватив меня за руку. — Или и вам захотелось отправиться той же дорогой?

Я окаменел. Думаю, что и с вами, дорогой читатель, бы-

ло бы то же.

Девушка принесла метелку и сорную лопатку, а немного погодя унесла на лопатке собственную мать.

— Скажите сами, что же оставалось нам делать иначе? — зашептал он. — Заявить о происшествии? Рассказать? Кому? Ни одна живая душа в мире нам бы не поверила. Мадам Меллер исчезла. Это факт. И разве это не лучший исход для нее самой, откровенно говоря? Да лучше было бы и ее бедной дочке отправиться за ней следом.

Он сухо, отрывисто засмеялся. Он ведь был аристократ, турист, курортный гость... А я — всего-навсего учитель... Вдобавок, я был знаком с мадам Меллер давно, в течение многих лет беседовал с ней...

Смерть застигла ее как раз посреди не совсем грамотно составленной фразы:

— Не может быть, чтобы что могло взять, да как будто пропасть, словно...

Договорить ей не пришлось, — на нее посыпался порошок...

И она исчезла.

V

Я плохо спал в ту ночь.

Я ведь так часто слышал над открытой могилой великолепную формулу «из праха взята всякая плоть и в прах обратится», и все-таки — увидеть воочию, как живое существо исчезает, рассыпается прахом... Это сильно потрясло меня, недавно помолвленного молодого человека, полного сил, брызжущего здоровьем.

Но затем меня заняла более интересная мысль: что теперь будет делать полиция?.. Бедная мадам Меллер, так неосторожно провалившаяся в другой мир или, во всяком случае, простившаяся со здешним!.. Ни одна посторонняя душа в городке не интересовалась ею, пока она была жива,

но ее непостижимое исчезновение, несомненно, превратит все местечко в потревоженный муравейник.

Чего доброго, и меня вызовут для дачи показаний. Что же мне тогда говорить?

Посоветуюсь завтра с моей невестой, когда она вернется из больницы. Что она скажет?

VI

Но этого я так никогда и не узнал.

Попытаюсь рассказать о том, что случилось... Это ведь было уже так давно!

Городок был взволнован. Повсюду мелькали полицейские кепи с золотым галуном.

Возвращаясь вечером домой с последнего урока, я зашел под ворота переждать дождик, и тут со мной заговорил наш пастор:

— Ваша невеста у вас?

— А вот пойдемте вместе и увидим.

В кухне, на газовой конфорке, шипели на сковородке четыре котлетки.

— Дорогая! — весело крикнул я. Проходя в комнату, но сразу остановился, как вкопанный. В нос мне ударило острым запахом гелиотропа, а посреди комнаты на полу серебрила кучка пыли... такая маленькая... о-о, такая крохотная... под стулом же блестела закатившаяся туда пустая жестяная коробочка, в которой я принес домой щепотку порошка — показать своей невесте.

— Удивительно, как сильно пахнут эти гелиотропы, — сказал пастор, — но фрекен Хэст здесь не видно...

С этими словами он ступил своими мокрыми сапогами на маленькую кучку праха... на то, что осталось от всей той доброты и преданности, к которой я был так привязан здесь на земле.

— Ну, делать нечего, я еще успею с ней повидаться, — сказал он, уходя.

Но я уже не слышал его шагов. Я упал возле этой кучки праха, которая, как я отлично понимал, за пять минут до этого говорила, жила, дышала, ждала меня и желала мне только добра.

Я лежал на полу, плакал, ласкал прах, припадал к нему щекой, перебирал его пальцами... но он оставался холодным, безжизненным. У меня не осталось в памяти ни легкого вздоха, ни вскрика удивления, который она, может быть, испустила, когда открыла коробочку и... о, нет, нет!..

А вон там... там, на стуле... ее дождевой плащ, еще мокрый от дождя. Смоченный той дождевой тучкой, что оросила ее последний путь домой...

В складках занавесей как будто притаился ее звонкий смех... и слышите — в кухне еще жарились, шипели на огне котлетки... на огне, который она сама зажгла... шипели так оживленно, как будто она невидимкой стояла возле и переворачивала их на сковородке...

Я снял сковородку с огня, но не решился потушить газ. Этот огонек стал для меня как бы священным, как будто в нем теплилась живая душа моей исчезнувшей подруги.

VII

Две недели я проболев; в мозгу моем пылало безумие, и я бредил порошком и газом, газом и порошком.

Я позволил вымести кучку пыли, но запретил тушить пламя газовой горелки.

Две недели пролежал я, вперив взгляд в маленькое пламя; в его тихом шипении мне чудилось последнее «прости» моей несуществовавшей подруги. Наконец, в одно прекрасное утро, моя экономная хозяйка предложила моей сиделке потушить газ, пока я сплю.

Я в тот же момент очнулся от своей дремоты, но было уже слишком поздно. Пламя погасло. Тогда я, несмотря на крики и протесты, вскочил с постели, оделся и выбежал из дома, потому что комната показалась мне вдруг такой чу-

жой и холодной, как нора, вырытая в сырой глине.

Я бродил по городу. Он показался мне опустевшим. Бродил по окрестным лесам... и они показались мне пустынями.

Я видел на телеграфных столбах размокшие от дождя клочья моих старых афиш. И понять не мог, как это у меня когда-либо хватало охоты расклеивать их.

Дети играли. Я понять не мог, — что за охота им играть.

Учителя шли в школу. Я постичь не мог — какая им охота тащиться туда.

В моей собственной душе погас огонек, стало темно, холодно, пусто. Не было смысла, ни цели, ни планов, ни улыбки. Ни до кого в мире не было мне больше дела. Только одному человеку мог я поверить свою печаль — человеку с порошком, моему молчаливому старому визави.

К нему я и направился. Он принял меня с распростертыми объятиями... и как бы там ни было — теперь я понимал его. Каждое слово. Каждую горькую улыбку. Все стало для меня таким понятным, само собой разумеемым.

— Поедем со мной, — предложил он. — Все мои вещи уложены, все сундуки готовы.

Этого пресыщенного, разочарованного аристократа теперь не узнать было... В нем появилось что-то новое... какое-то напряжение, ожидание. Его всегда аккуратно приглаженные седые волосы торчали теперь вихрами по-стриндберговски, а прежде вечно щурившиеся глаза широко открылись и сверкали оживлением, энергией.

— Мой долгий рабочий день кончился, — заговорил он. — Я победил, могу теперь отдохнуть, и затем — мне остается лишь напрячь свои последние силы, чтобы использовать свою победу. Поедем со мной. Слышите? Мы с вами пара. Или вы только и созданы на то, чтобы сидеть тут да потеть над какой-то триумфальной аркой или бегать по городу с горшком клейстера да созывать людей на собрания, на которых умные все равно не бывают, а глупые ничего не понимают?

Чего достигнете вы таким путем? Ровно ничего! Только сделаете себя посмешищем, которому не место в порядоч-

ном обществе. Бросьте все это, слышите! Люди глупы и глухи к доводам разума, такими и останутся, даже если бы нам удалось всех их пропустить через гимназию, как пропускают мясо сквозь колбасную машинку.

Мир становится ужасным... его необходимо исправить, переделать, это так, — но ваш метод никуда не годится. Мой гораздо практичнее.

— Какой же это? — спросил я.

Его глаза лихорадочно сверкали.

— Порошок, — сказал он. — Мой порошок. Мы оставим в покое стадо нашего милого арендатора. На пажитях мировой истории разгуливают волы и быки поинтереснее, надутые высокомерием, кровожадные. Едем! Едем вместе! Соглашайтесь! Мы будем творить мировую историю. Мы одним мановением руки будем придавать миру более приличный вид!...

Я согласился, — я был так удручен, измучен. С первой осенней бурей мы покинули купальное местечко и понеслись на пароходе к югу — к теплу, к пальмам, в неведомый, огромный мир.

VII

— Взгляните, — сказал он мне.

Мы сидели в уютном номере с зелеными панелями, в незнакомом отеле, в глубине континента. Двери были закрыты, и перед нами лежала целая кипа газет; все столбцы были заполнены сообщениями о войнах, восстаниях, тирании и нищете. Он собирал газеты во время нашей поездки и, прочитывая, делал отметки синим карандашом.

— Взгляните, сколько тут подчеркнуто имен. Большинство этих людей я знаю еще со времен моей молодости, с тех пор, когда пробуждающиеся народные массы были всколыхнуты первыми веяниями свободы и бурями мятежа. Теперь эти люди изменили делу свободы. Теперь они сами подают пример алчности, кровожадности, лезут вверх и рас-

талкивают всех локтями. Всех настоящих, талантливых, добрых, чутких они оттеснили в сторону, придушили, придавили, а сами протолкались на вершину, где ими одним за другим овладевает мания величия. Это — циники. Они уже не верят в возмездие. Им недоступно чувство доброты, ими движет только личная выгода. На этом листе я записал их имена. Спрячьте хорошенько. Мы выезжаем, немедленно.

— С кого же мы начнем?—спросил я.

— Вот с этого. С генерал-губернатора. Я знал его еще ребенком. Отец — честолюбец, мать — большая бабочка, а этот избалованный мальчишка стал одним из самых свирепых тиранов человечества.

Подумайте, если бы он проведаль про мой порошок, которым мог бы втихомолку, бескровно, — тихо и мирно — «пульверизовать» своих соперников, явных и тайных, поверьте мне: он не оставил бы в живых ни одного талантливого человека в пределах досягаемости. Теперь он сам будет номером первым... Ну, едем!

IX

Мы мчались в экспрессе. Мы приближались к столице генерал губернатора. В предместье поезд замедлил ход. Дождь лил, как из ведра.

На одной из площадей мы заметили что-то странное. Опустили окошко купе. Что же это такое?

— Это виселицы, — сказал один из наших спутников, набивая себе трубку. — Вчера повесили еще девятерых студентов. А эти — тот, что посредине, композитор — из новых, знаете ли; а рядом, длиннобородый — профессор истории.

Мой старый друг пожелтел и позеленел, как мертвец.

— Вот! — сухо сказал он и ощупал свою «пороховницу».

— Да, — так же сухо отозвался наш собеседник, и мы подкатили к вокзалу.

Мы поехали прямо в старинный дворец Карловингов, а

вечером сидели в опере, рядом с пустой пока ложей генерал-губернатора.

Итак, это должно было совершиться...

Зрительный зал представлял раздушенную, сияющую гору вееров и бриллиантов.

О, как они обмахивались!.. как улыбались — в то время, как девятеро смельчаков-студентов болтались под проливным дождем на виселицах.

Под гром приветствий генерал-губернатор занял свое место в ложе. Мания величия светилась в его взгляде, хотя ему не оставалось и двадцати минут жизни, болвану.

В антракте мой друг-граф получил аудиенцию в аванложе. Тихо и скромно скользнул он туда под махание вееров и гул голосов.

Так же тихо и скромно вышел он оттуда, сел возле меня, распространяя вокруг аромат гелиотропа. И пожал мне руку под махание вееров, гул голосов и сладостный рокот райской музыки — в честь генерал-губернатора.

— Что с ним случилось? — спросил я.

— Тсс, — шикнул граф и хихикнул. — Лежит себе в уголке на ковре. Больше никого не отправит на виселицу. В нем не осталось ничего внушающего страх, и завтра его заберет пылесос.

В ту же ночь мы покинули столицу. Мы направлялись в купальное местечко на теплом морском берегу — перевести дух после своего всемирно-исторического подвига и в тихом уединении поздравить друг друга с освобождением человечества.

Двое суток спустя мы снова сидели в отеле в нашем номере с зелеными панелями и с напряженным интересом взялись за газеты, чтобы узнать новости о раскрепощенном человечестве. Увы! мы остались на этот раз с длинным носом...

Щепотка графского порошка развела большое волнение на поверхности океана событий, но...

В столицу немедленно прибыл начальник генерального штаба и занял все улицы и присутственные места орудиями и патрулями. О! Это был колоссальный ум и нена-

сытная утроба. С горько перекошенным ртом — не то от презрения ко всему миру, не то от табачной жвачки, а, может статься, от того и другого вместе, человек, никогда не терявший самообладания — ни от капризов любовниц, ни при расстрелах толпы на площади...

Исчезновение губернатора пришлось ему как раз кстати, явилось для него настоящим благодеянием свыше. Он только того и ждал. Генерал-губернатор, видите ли, находил, что выгоднее прекратить войну, пока начальник генерального штаба не забрал чересчур большую силу. Теперь затрещали барабаны и, как снег на головы миллионов, посыпались приказы о новых призывах в войска.

— Мерси! — воскликнул граф, у которого от бешенства волосы поднялись на голове дыбом. — Про него-то я и забыл. Но погоди, милейший мой генерал! Нас ты не будешь водить за нос, пока у нас есть порошок в коробочке!

Х

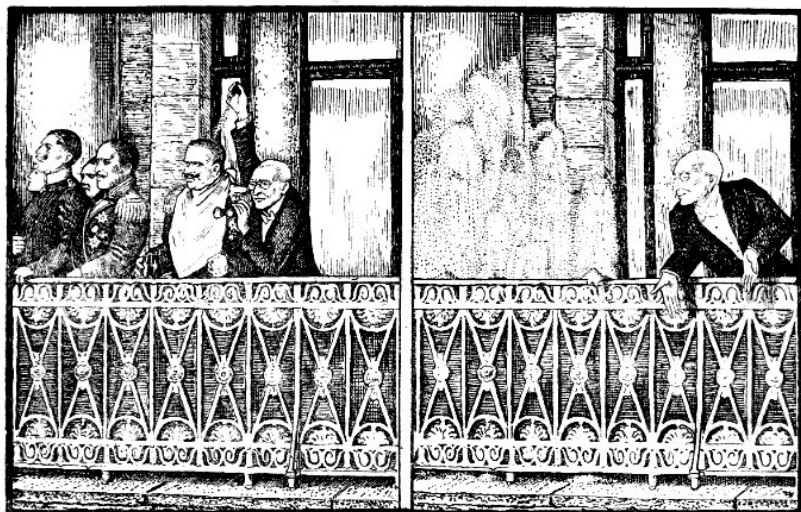
Мы отправились на театр военных действий. Всю ночь грохотали пушки, мимо нас, по грязи, под дождем двигались толпы беженцев. Впереди пылал приморский город.

Мы прибыли в главную квартиру генерального штаба. Офицеры толпились около большой стенной карты, дрожа от азарта, как игроки в Монте-Карло. Они яростно спорили о линиях укреплений, о том, сколькими жизнями можно пожертвовать ради удержания той или иной позиции — семью тысячами или только четырьмя.

Тут их позвали кушать. На столе — ароматные вина, дымящееся жаркое, а на линии огня — сплошной ужас, тела рядовых, повиснувших на колючей заградительной проволоке, между полусгнившими сапожниками и портными...

Мы с графом стояли на балконе с его двоюродным братом, полковником, когда воздух задрожал и загрохотал от далекого взрыва: это взорвали на воздух крупный форт неприятеля.

Офицеры, ликуя, кинулись к окнам, на балконы. Поспешил выйти и сам генерал-фельдмаршал с салфеткой под подбородком, оттолкнул нас в сторону и начал вглядываться вдаль, вытягиваясь и весь дрожа от напряженного любопытства. Мировой спектакль... Безумно интересно — чем дело кончится...

Ха! Ему-то не пришлось дожидаться конца.

Бесшумным, змеевидным изгибом поднятой руки граф посыпал порошком могучую потную спину.

Генерал-фельдмаршал исчез, рассыпался прахом на балконе, где стоял; был втоптан в грязь сапогами офицеров и смыт дождем вниз, по стенке фасада!

Затем исчез его сосед, потом другой, третий... все стали грязными потеками на стене.

Наконец, на балконе остались только мы с графом. Вдали продолжался адский орудийный огонь, шум и грохот, а с балкона струился в столовые крепкий запах гелиотропа...

— Чудесно! — воскликнул граф. — А-а! Наконец-то мы их всех истребили!

Да-а, как бы не так!

Восемь дней спустя мы опять благополучно сидели в своем зеленом номере отеля и с напряженным интересом следили за ходом событий, толчок которым был дан действием последнего порошка.

И, надо сознаться, у газет не было недостатка в материале. Кровь и грязь струились с их столбцов неделя за неделей.

Исчезновение всего генерального штаба целиком явилось сигналом к небывалому в истории побоищу... к кровавой ночи, когда люди уничтожали друг друга сотнями тысяч без всякого плана военных действий.

На арену мировой истории вынырнул новый феномен, епископ, которого раньше никто и не замечал: интриган, архимиллионер с феноменальным аппетитом к жизни и с беспримерным красноречием религиозного характера, прямо, как нарочно, созданный покорять и сплачивать человеческие массы.

Он проповедовал направо и налево «любовь и мир», а сам реорганизовал армию и продолжал прежнюю игру. И снова загрохотали пушки.

Граф рвал и метал.

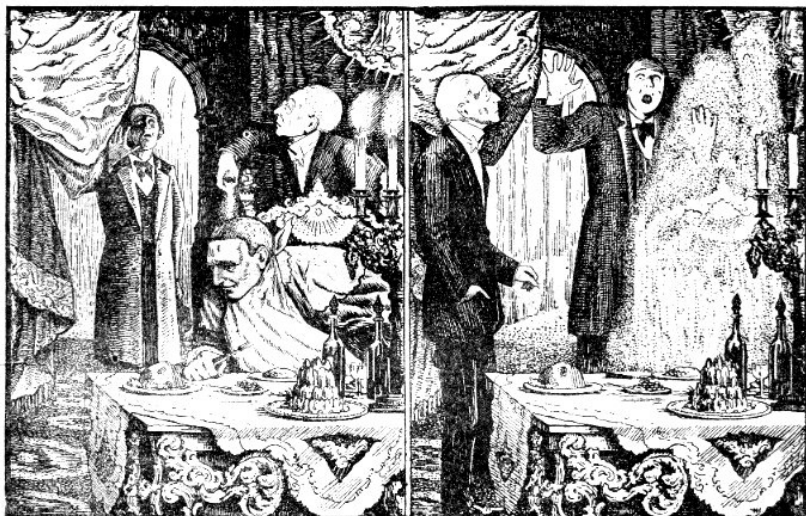
— Как будто сам сатана нанизывает на веревочку всех мерзавцев, чтобы мы их пульверизовали всех подряд!

Мы снова снялись с места. Добились аудиенции у епископа во время его завтрака и вежливенько превратили в прах его преосвященство как раз, когда он с вилкой в руке блаженно потянулся за пармезаном.

— Дадут ли нам теперь, наконец, покой?! — возмущенно спросил граф, глядя, как епископ укладывается кучкой праха на собственном ковре из медвежьей шкуры.

Но нам не давали покоя.

На смену исчезнувшему епископу вынырнула целая плеяда авантюристов. Сначала один шикарный альфонс, потом парочка друзей-аферистов, имевших огромный успех во всех

кругах; потом молодая вдова ростовщика, объявившая себя современной Жанной д'Арк и совершавшая торжественные въезды в один город за другим — с маханьем пальмовыми ветвями и подстиланием ковров ей под ноги; потом еще целый ряд плутов и народных героев вперемешку, которые все, один за другим, заражались манией величия и алчностью и вели себя, как дикие звери.

Мы pulverизовали всех; странствовали по биржам, парламентам, конгрессам и превращали в прах всех попадавшихся нам ненасытей и маньяков величия, как только они грозили стать опасными. И они рассыпались прахом и укладывались у наших ног пыльными кучками, сколько ни пыжились, ни важничали за какую-нибудь минуту до этого. Мы оставляли за собой целый ряд таких пыльных кучек. Но стоило исчезнуть одному маньяку, как на смену ему вырастали двое и дрались за освободившееся место. Тогда мы убирали и этих.

Мы не знали отдыха, вечно были в дороге. Вначале мы каждый раз с некоторой торжественностью отправлялись в поход и приступали к делу уничтожения какого-нибудь нового властелина, но постепенно мы привыкли к этому. Вначале мы подолгу совещались в каждом отдельном слу-

чае, затем дело приняло более случайный характер. Одним больше, одним меньше — какую роль играет это в мировой экономике!.. Боюсь, что и мы готовы были заразиться магией величия.

Припоминаю один поздний вечер в вагоне. Поезд был переполнен беженцами после землетрясения, и нам пришлось несколько часов проехать стоя. Наконец, нам посчастливилось попасть в пустое купе, но только что мы собрались растянуться, как явился какой-то тупоумный бродяга, уселся на одну скамейку, положил ноги на противоположную и принялся с помощью указательного пальца одной руки пересчитывать медяки на ладони другой.

От него разило водкой, воняло грязью, а вихры его наверняка не были свободны от «постоя». И он все сызнова и сызнова пересчитывал свои грязные медяки.

Поистине, нелегко было видеть в этом отребье своего ближнего и с особенным удовольствием делить с ним скамейку.

— Нет, только этого еще недоставало! — с сердцем буркнул граф.

...Пуф-ф... и аромат гелиотропа вытеснил запах сивухи, а останки бродяги посыпались с лавки чистенькой стружкой праха.

Тогда граф улегся на место бродяги и вскоре погрузился в крепкий сон. Я же был слишком испуган той стадией, до которой мы дошли. Буквально «фукнуть» чужую жизнь только для того, чтобы самому поудобнее разлечься!.. Признаться, я провел всю ночь сидя, в то время как граф спокойно спал себе на освободившемся месте бродяги, который ехал бесплатно на полу, между обгорелыми спичками и апельсиновыми корками.

Как будто что-то новое, и вместе с тем старое зашевелилось на дне моего сознания.

Да, так это и было. Моя прежняя радость бытия, замерзшая в моей душе в ту ночь, когда потушили последний огонек, озарявший мои дни на одре болезни, — право, она снова пробуждалась, пускала новые весенние ростки.

День спустя мы с графом проходили по людной площади.

Цветущее девичье личико промелькнуло совсем близко от меня.

Я невольно обернулся. И на меня пахнуло такой свежестью, таким весенним здоровьем, что я бессознательно стал оборачиваться вслед всем встречным девушкам. Граф, напротив, быстро, сердито семенил вперед, не обращая внимания ни на цветы, ни на девушек.

«Он высох... — прозвучало во мне словно предостережением. — Он стар, а ты еще молод... какое счастье! молод, молод!»

Я еще следовал за ним, но предчувствовал, что мы скоро расстанемся.

И час разлуки настал — высоко в горах, в лесу, далеко от города.

На повороте дороги, между папоротниками и елями, лежала палая лошадь, раздутая, с закинутой назад ослепшей серой мордой, словно жалобно вопя разинутым ртом против жестокостей судьбы.

Брюхо лопнуло, и между зеленоватыми внутренностями кишмя кишели сероватые личинки, а кругом так и жужжали целые рои мух и других насекомых на этой отвратительной падали.

— Ого-го! — воскликнул граф, притупившиеся чувства которого приятно возбудило это омерзительное зрелище. — Вот вам все бытие. Немая, жалкая падаль — жатва для рвачей и паразитов.

И с каким-то нечленораздельным торжествующим возгласом он швырнул целую коробочку порошка в эту симфонию красок и жужжания.

Легкий свист... Кипение... Быстрый смерч... и мухи, осы, ужас и мерзость — все смешалось, взвилось вихрем пыли, которая затем улеглась смиренно и невинно серой кучкой среди папоротников и душистых ветвей.

Граф смеющимися глазами следил за явлением, дожидаясь, пока все уляжется, затихнет, а я живо повернул налево кругом и, не прощаясь, без единого слова быстро зашагал, бодрый и свободный, обратно к городу, к жизни, к ее домогательствам и шуму, к розам, и поцелуям, и молодым девушкам.

ХІІІ

Прошел год.

Я снова ходил по старым улицам, снова вошел в колею прежних обязанностей, в рамки милого, старого, твердого расписания часов... но сам обновленный, бодрый и свежий.

Я отдохнул всем своим существом, перебродил. По моим нервам пробегала новая искристая сила, мои жилы напрягались новым неутомонным задором. Мои глаза обрели новый блеск и новую зоркость. Я видел новые, свежие краски на цветах, на домах и в пестрой человеческой сутолоке.

Легко и естественно проложил я себе дорогу в круг девушек, свежим инстинктом выбрал из них настоящую... Невеста, свадьба, дом и хозяйство, все устроилось так же просто и легко, как ветка розового куста колыхнется по ветру.

Лес шумел за порогом моего жилья, в буковых вершинах куковала кукушка в такт и биению неутомонного молодого сердца. В кухне, напевая, хозяйничала моя подруга, а за окном школьного класса заливался скворец, славя солнце и жизнь.

А по вечерам... о, как легко проторил я опять тропу на народные сборища, в кружки и союзы трудящихся, куда великий, освежающий поток жизни и прогресса — вечно обновляющийся — ежедневно просачивается все больше и больше тысячью крохотных ручейков, не смотря ни на ка-

кие преграды и затруднения.

Мы устраивали большой праздник, народное гуляние с афишами, с триумфальной аркой, и сам я снова сидел на самой верхушке с молотком и гвоздями, прибывая зелень и цветы.

Был вечер, и солнце клонилось к закату.

Вдруг внизу мне послышался тоненький голосок. Я осторожно посмотрел вниз; рот у меня был набит гвоздями.

Там стоял сгорбленный старичок и поглядывал наверх.

— Как! Вы все еще торчите там наверху?—заквакал он.

Подумайте! Это был граф!

Длинные белые локоны рассыпались по воротнику его пальто, такие белые, по-ингеманновски* длинные и мягкие. О, какой маленький и усталый! Какая увядшая, пепельно-серая улыбка!.. В одной руке он держал стариковский зонтик, в другой — потертую кожаную сумочку.

О, какой это был старый, измученный человек!

Я спустился вниз. Поздоровался с ним и повел к себе в дом через садик, весь в сирени и жасминах.

Жена моя улыбалась и наливала нам кофе. Ручеек громко журчал, кукушка куковала, окна веяло вечерней прохладой...

— Разве не хорошо у нас? Чудесно ведь! — воскликнул я.

— Ничего себе, — поддразнил он, — здесь есть все, что полагается в романах.

Моя жена была так молода и простодушна, что приняла это за настоящий комплимент. Когда она вышла за чем-то, я воспользовался случаем, чтобы спросить его:

— Ну, а как дело с порошком? Скоро вам удастся истребить всех насильников?

Некоторое время он сидел, молчаливый и неподвижный, как мумия; наконец, сказал:

— Это дело безнадежное. Только истребишь одного, как на его место является десяток других. Их целые толпы ждут

* В. С. Ингеманн — датский писатель (+ 1862 г.), причисленный к национальным классикам (*Прим. пер.*).

своей очереди. Этому конца не предвидится. Пожалуй, люди вроде тех глубоководных рыб, что чувствуют себя хорошо только на определенной глубине. Стоит вытянуть их наверх, как <они> выворачиваются наизнанку от непреодолимой мании величия.

— Так значит, как же теперь с вашим лечением порошком?

— Не думаю, чтобы его стоило продолжать. И что за беда, если на свете и будет сотня-другая безумцев, страдающих манией величия! Пусть только народ сам хорошенько отбивается от них, потому что их только и можно образумить нажимом снизу... И наилучшей средой для развития разума, по-видимому, являются все-таки низы.

Я вышел на минутку загнать кур прежде, чем лиса отправится в ночной обход.

Когда я вернулся, графа в комнате не оказалось, но на встречу мне струился хорошо знакомый запах гелиотропа, а на полу серела скромная кучка пыли — трогательно маленькая, скромная.

«Гм, — подумал я, — так он исчез!»

На столе лежала записка со словами:

«Прощайте, молодой друг. Передайте привет вашей жене. Она очень мила».

၂၀၁၈ ခုနှစ် ဖွဲ့စည်းပုံအခြေခံဥပဒေ

အခန်း ၁၀၀ နှစ်မြောက် ဖွဲ့စည်းပုံအခြေခံဥပဒေ

I

— Особенного, — сказал мне Берен, — на гигиеническом конгрессе в Александрии не произошло ничего, но, вообще говоря, его можно причислить к удачным. Я вернулся оттуда нисколько не утомленным, с воспоминаниями о приятном путешествии. Впрочем, вы знаете, как я отношусь к конгрессам. Я присутствовал на торжественном открытии, выслушал речь почетного председателя, а затем, вместо того, чтобы высиживать скучные заседания, бродил по народным кварталам Александрии. Я изучил их вдоль и поперек... Кстати, знаете ли, кого я встретил во время своих скитаний по Александрии? Нет, не утруждайте себя понапрасну, вы не догадаетесь... Я встретил Мореля.

— Неужели, — воскликнул я, — доктора Мореля? Вашего приятеля Мореля, исчезнувшего около двух или трех лет тому назад, почти тотчас же вслед за открытием им врачебного кабинета на площади Девог? Тогда, я помню, даже

посплетничали на его счет, не зная, чему приписать столь неожиданный отъезд... Вероятно, как водится, была замешана женщина, — не так ли?

—Вовсе нет, — ответил Берен, — тут женщины ни при чем! Вы располагаете свободным временем? Пойдемте тогда ко мне, я расскажу вам все так же откровенно, как он сам рассказал мне.

Ровно три года тому назад, 21-го мая, Морель явился в камеру полицейского комиссара на бульваре Бомарше. Когда его пригласили в кабинет этого представителя парижской администрации, он сделал приблизительно следующее заявление:

— Милостивый государь, вы видите перед собою доктора Мореля. Всего пять дней тому назад я вновь открыл, на углу улицы Деминим и площади Девог, давно уже закрытый врачебный кабинет доктора Дежене. Я пришел сообщить вам, что очутился в крайне затруднительном положении, граничащем с нарушением закона. Виноват в этом, впрочем, как вы сами сейчас поймете, всецело мой предшественник.

Я уже год почти искал возможности как-нибудь устроиться. Мои средства не позволяют мне откупить у какого-либо врача его клиентов; а вы знаете, как рискованно здесь открыть собственный кабинет, не располагая рекомендациями: одних познаний и желания потрудиться недостаточно для приобретения хоть сносной практики.

С другой стороны, причина интимного свойства, — впрочем, мне незачем скрывать от вас, — я надеялся на обручение с любимой девушкой, — заставляла меня не желать удаления из Парижа.

Один из моих друзей, посвященный в мои надежды и знавший доктора Дежене, познакомил меня с этим последним.

Доктор Дежене, как я уже сообщил вам, давно уже прекратил практику. Однако, он сохранил много дружественных связей в квартале и согласился представить меня семьям, в которые имел доступ.

Обладая хорошими средствами, он пожелал выселить-

ся в не столь центральную часть города; он перевел на мое имя свой контракт на квартиру и, не требуя никакого вознаграждения, переехал на бульвар Брюн, в более скромное помещение.

Вы поймете, что я чрезвычайно обрадовался этому счастливому случаю и с восторгом приветствовал эту сделку.

Мой собрат и предшественник, сделав надлежащие указания, простился со мной и добавил, признаться — как мне тогда показалось — слишком торжественным тоном:

— Я должен через несколько дней повидаться с вами, мой молодой друг. Впоследствии вы поблагодарите меня за это.

Затем он отправился на свою новую квартиру.

В течение первых трех дней я устраивался; я расставлял свою скромную мебель при помощи экономки, обязавшейся открывать в приемные часы двери моим будущим клиентам.

Вы, конечно, знаете, как смущают старинные постройки на площади Девог людей, которые никогда прежде не проникали в них.

Узкие коридоры, толстые стены, странные чуланы, придающие помещению таинственный вид, огромные шкапы в стенах, в хозяйственном отношении весьма удобные...

Во время своих скитаний по различным комнатам, я заметил в глубине приемного кабинета один из таких шкапов. Ключа к нему не оказалось в связке ключей, которую вручил мне привратник.

Меня несколько удивило, что этот шкаф устроен в том самом углу, который выходит и на улицу Миним, и на площадь Девог; пространство, занимаемое им, показалось мне гораздо более значительным, чем уделяемое обыкновенно такого рода хранилищам.

Я, впрочем, не обратил на это особенного внимания, рассчитывая, что мой предшественник, во время предстоящего посещения, передаст мне ключ, очевидно, захваченный им с собой по ошибке.

Доктор Дежене посетил меня вчера. Он пришел ко мне в часы, которые я назначил для приема.

Старик только что позавтракал с друзьями и признался мне, что, вопреки своему обыкновению, согласился выпить несколько стаканов вина, вследствие чего чувствует себя неважно...

— В шестьдесят лет, мой молодой друг, — сказал он, — надо беречь свои силы. Никогда больше я не позволю подбить себя на такую неосторожность. Не стоит, впрочем, и говорить об этом. Довольны ли вы?

Я ответил, что за мной присылали двое из его прежних клиентов и что я счел это за хорошее предзнаменование.

— Действительно, это очень, очень хорошо. Вы устроитесь здесь как нельзя лучше. Мне очень приятно, что мы с вами сошлись; у меня есть тайна, которая могла бы несколько беспокоить вас, если бы вы уже не расположились окончательно в этом доме. В настоящее время я могу сообщить вам все... Эту тайну я храню уже четырнадцать лет... Это несколько удивляет вас? Я сначала хотел перенести ее в свою новую квартиру, но потом раздумал. Мне, как я вам уже сказал, шестьдесят лет. Я могу умереть в любой момент, хотя сохранил и зрение, и бодрость, — а мой секрет должен быть охраняем еще целый год. Проживу ли я еще год? И вот я пришел посвятить вас в эту тайну, будучи уверен, после двухмесячного знакомства с вами, что она заинтересует вас так же, как меня... Если роковой черный рыцарь, о котором говорит Гейне, вышибет меня из седла раньше, чем истечет назначенный срок, вы продолжите за свой счет и ради собственной славы опыт, который мне не удалось довести до конца.

II

— Эти слова, г. комиссар, как вы видите, весьма заинтересовали меня.

— Вот, — продолжал доктор Дежене, опустив руку в карман, — ключ от шкапа, занимающего угол в этой комнате. Будьте любезны, закройте сначала дверь на задвижку.

Сделав это и вернувшись назад, я увидел своего коллегу стоящим перед раскрытым шкапом.

Внутри его не было видно ничего, кроме блестящей металлической ручки.

Доктор Дежене погрузил руку в темное пространство, схватился за ручку и сильно дернул за нее. Я услышал шум движущихся колес; к двери шкапа выкатился огромный ящик, установленный на две рельсы.

Я приблизился, любопытствуя, что будет дальше.

Старик поднял крышку ящика и подпер стальной подставкой.

Глаза мои, освоившиеся уже с темнотой, различили лежащего в длинном ящике человека лет сорока, казавшегося спокойно спящим.

Я не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от изумления, и невольно отшатнулся от неожиданного зрелища.

— Успокойтесь, — сказал мне доктор Дежене, сохранивший поразительную невозмутимость, — джентльмен, которого вы видите перед собой, ни в коем случае не может пошевелить хотя бы пальцем без участия моей воли. Между тем, я желаю, подчиняясь в данном случае лишь его собственному распоряжению, разбудить его лишь 20-го мая 1907 года, в день рождения сэра Самуэля-Генри-Вильямса Феркетта, которого имею честь представить вам, в подтверждение повествования об его странном приключении.

Для того, чтобы вы поняли меня, — продолжал доктор Дежене, — я попрошу вас мысленно перенестись вслед за мной на тридцать лет назад, к тому времени, когда я, увлеченный физиологическими исследованиями, всецело погрузился в работы, которые, впрочем, и тогда не обратили на себя особенного внимания. Знаете ли вы муху из породы *seugomia*?

— Да, — ответил я, — я что-то читал о сейгомии, изучая паразитологию перед экзаменом на третьем курсе. Кажется, именно от личинки сейгомии, развивавшейся в ноздрях, умер папа Адриан IV-й, имевший пагубную привычку спать на открытом воздухе?

— Быть может, вы правы, — возразил доктор Дежене, —

но мне кажется, что вы лишь весьма поверхностно ознакомились с этим почтенным двукрылым. Знайте же, мой молодой друг, что личинки сейгомии чрезвычайно падки до мясного, но могут поддерживать свое существование лишь в том случае, если животная пища преподносится им в живом виде. Чтобы обеспечить пищей свое потомство, муха сейгомия пользуется тактикой поистине гениальной. Умная, точно ей известны самые затаенные подробности анатомии мотыльков и бабочек, она выискивает их коконы и отчасти разрывает их, чтобы проникнуть внутрь; затем своим жалом она производит восемь уколов куколке, которую заключает в себе кокон. И заметьте, точки этих восьми уколов всегда совершенно точно соответствуют восьми нервным двигательным центрам пораженной куколки.

В проделанные таким образом восемь каналов сейгомия впрыскивает, при помощи своего хоботка, особенную жидкость, выработанную специальными железами. При соприкосновении с этой жидкостью, нервные центры впадают в необычайное состояние: происходит — если позволительно так выразиться, — временное прекращение жизни. Сейгомия кладет свои яички в отверстие кокона и, когда зародыши проявятся, личинкам готов изобильный и всегда свежий стол: они питаются своей беспомощной жертвой — куколкой, остающейся живой, но недвижимой, как бы ввапшей в столбняк, не имеющей возможности оказать сопротивление.

Весьма пораженный этими обстоятельствами, я собрал достаточное количество сейгомии и коконов и подверг их в своей лаборатории самому тщательному наблюдению.

III

— Я убедился, во-первых, что пораженные уколами сейгомии куколки не разлагаются по прошествии шести месяцев и даже года, продолжая пребывать в состоянии мнимого омертвения.

С другой стороны, после длинного ряда неудачных попыток, мне удалось достигнуть изолирования тех особенных желез у сейгомий, о которых я упоминал; я извлек из них, посредством простой перегонки, несколько капель жидкости, подвергнутой мною химическому анализу.

Задача эта потребовала двух месяцев кропотливой, усидчивой работы..

Вы не можете себе представить, с каким восторгом обнаружил я, что могу без малейшего затруднения искусственно воспроизводить удивительную жидкость, состоящую исключительно из известных уже химических элементов.

Трудный процесс химического синтеза был благополучно доведен мной до конца, — и я оказался обладателем такого количества этой жидкости, которого хватило бы для всех сейгомий, сколько их ни существует на свете.

Я мог быть доволен достигнутым результатом; но задача не была еще исчерпана. Одна фантастическая мысль завладевала мной все больше и больше.

Если соединение данных веществ может привести в состояние мнимой смерти нервные центры живого существа, почему бы другое вещество, являющееся словно противоядием первого, не могло уничтожить его действие и возвращать жизнь парализованной жертве?

В течение целых трех лет я расточал свои усилия на всевозможные попытки в этом направлении, перепробовал тысячи комбинаций.

И успех, наконец, увенчал мои усилия!

Я с торжеством увидел, что одна из моих куколок, пребывавшая в неподвижности дольше года, после соответствующего впрыскивания не только ожила, но и преобразилась в чудную бабочку.

Тогда я составил доклад о своем открытии и отпечатал его брошюрой... Но, мой молодой друг, я не был официально признанным ученым; кем был, в самом деле, какой-то доктор Дежене? Захолустным врачом, пребывавшим в одиночестве и неизвестности.

Я примирился со своей участью и продолжал работать для своего личного удовлетворения.

Я стал брать для дальнейших испытаний все более сложных животных. Начал с пиявок, потом перешел к раковидным, затем — к существам с еще более сложной организацией: птицам, рыбам. Наконец, я включил в круг своих опытов морских свинок и собак, — столь часто расплачивающихся своей жизнью за успехи нашей экспериментальной науки.

Во всех случаях я достигал одинакового, поразительно-го успеха.

Кроме того, мне удалось подметить еще одно любопытное явление: мои питомцы, возвращаясь к жизни, оказывались не постаревшими ни на один день.

Их шерсть не линяла; их привычки не менялись. По прошествии пяти или шести лет, можно было подумать, что они заснули лишь накануне.

Состояние мое было настолько значительно, что я мог себе позволить роскошь отпечатать в десятках тысяч экземпляров и распространить по всему свету, так сказать, манифест публике — воззвание, протестующее против косности тех, которым следовало бы явиться не только моими судьями, но и сотрудниками.

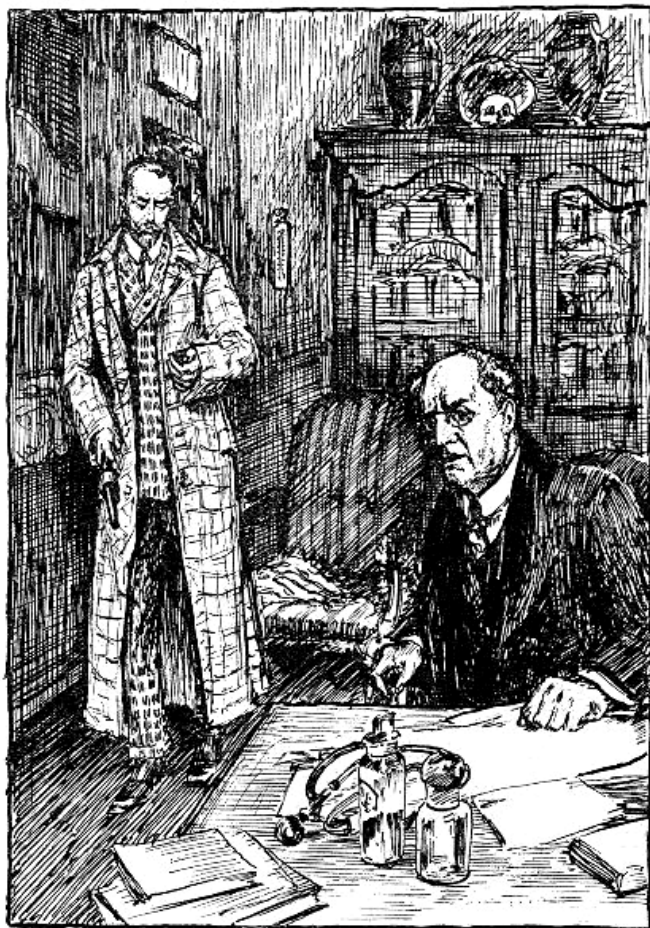
Брошюра моя проникла во все части света, но никто не отозвался; я не получил ни одного осмысленного ответа. Да и смешно было думать, что уравновешенные, рассудительные люди обратят внимание на такие сказки! Меня могли понять разве только сумасшедшие...

И в самом деле, ко мне явился один из них, — человек, обезумевший от любви.

Сэр С. Г. В. Феркетт, — продолжал свое необычайное повествование доктор Дежене, — был одним из тех смертных, обремененных десятками четырехмя миллионов, каких сплошь и рядом можно встретить в Новом Свете.

В один прекрасный майский день 1890 года он вошел ко мне, в тот же кабинет, в котором мы сидим.

Это был мужчина огромного роста, атлетического телосложения, в невероятном костюме с разноцветными четырехугольниками, говоривший почти правильно по-французски.

Он сказал мне без всяких околичностей:

— Я хочу, чтобы вы усыпили меня. Я заплачу, сколько понадобится.

Я никогда не занимался гипнотизмом и поэтому вовсе не понял, чего он хочет.

Я объяснил свое недоумение.

Тогда американец вынул из кармана своего пальто одну из моих брошюр и, — к довершению моего изумления, — заявил, что желает быть «усыпленным» по моему методу на пятнадцатилетий срок.

Когда я наотрез отказался исполнить его желание, сэра Феркетт удивился, в свою очередь. Он не мог понять, что законы Франции не позволяют производить подобные опыты и что я подлежал бы уголовной ответственности, если бы отважился на нечто подобное.

Янки рассказал мне, что заставило его решиться на столь эксцентричный поступок.

Дело обстояло как нельзя проще.

У сэра Феркетта имеется восемнадцатилетняя племянница, дочь его сестры, вышедшей замуж за французского чиновника и живущей в Париже. Чиновник этот располагает ограниченными средствами, почти нуждается.

Во время своего последнего пребывания во Франции сэра Феркетт по уши влюбился в молодую девушку; это — жемчужина, очаровательнейшая из парижанок! Он решил во что бы то ни стало жениться на ней. Он предложил разделить все свое состояние, хотел щедро обеспечить будущность отца, матери, других детей; семья была в восторге от предложения, но причудливая девушка не желала и слышать об этом браке. Она уверяла, что крайне расположена к дяде, но — никогда не согласится выйти замуж за человека, который старше ее на двадцать два года.

—Если вы можете, — насмешливо говорила она, — помолодеть на пятнадцать лет или сделать, чтобы я состарилась на столько же, я хоть завтра стану вашей женой!

В течение шести месяцев, которые он пробыл в Париже, никакие настояния родных, никакие упрасивания и обещания с его стороны не могли преодолеть упорства взбалмошной племянницы, не перестававшей по пятидесяти раз в день повторять свою злую шутку.

Хуже всего было то, что она, наконец, стала произносить ее совершенно серьезно; однажды она даже вернулась домой с моей брошюрой и с торжеством указала на нее влюбленному американцу.

Сэр Феркетт сначала удивился; потом, однако, он решил немедленно попытаться...

Упрямица с восторгом подписала клятвенное обязательство выйти по истечении пятнадцати лет замуж за сэра Фер-

кетта, если он подвергнется временному усыплению.

Американец вынул из другого кармана документ и с ликующим видом указал мне на ее подпись.

Несмотря на это блистательное доказательство романтической страсти, я не сдавался, продолжая отрицательно качать головой...

Тогда сэр Феркетт сунул руку в третий из своих бесчисленных карманов и вытащил револьвер.

— Послушайте, — добавил он, — если вы не хотите согласиться на мое предложение, мне остается только покончить с собой. Но раньше я убью вас. All right! Даю вам пять минут на размышление...

Из его жилетного кармана вынырнул золотой хронометр; сэр Феркетт, посвистывая, оперся о камин и стал смотреть на часовую стрелку.

Я колебался недолго. Мне сразу пришло в голову, что стоит только сделать одно или два впрыскивания морфия, и американец погрузится в спокойный сон, — я же поспешу предупредить полицию.

Расчеты мои оказались, однако, ошибочными: я не принял во внимание феноменальной натуры пациента. Случай крайне редкий, — после первого укола американец почувствовал себя крайне дурно, не испытывая ни малейшего позыва ко сну; второй и третий уколы повлияли ничуть не лучше...

Наконец, догадавшись, вероятно, что я схитрил, взбешенный американец схватил склянку, на которой отчетливо значилась надпись «морфий», разбил ее вдребезги о паркет и, держа револьвер у моего горла, принудил меня показать бутылку с таинственной жидкостью.

Не помню, сказал ли я вам уже, что называл ее «дормином»?* Название это повторялось более двадцати раз в моей брошюре. Сэр Феркетт тотчас же узнал его.

Не опуская револьвера, он следил за тем, как я наполнял ею свой шприц; затем он невозмутимо перенес два уко-

* От фр. *dormir* — спать (Прим. сост.).

ла, необходимых для того, чтобы привести человека в состояние искусственной летаргии.

После первого впрыскивания, сэра Феркетт присел и голова его стала качаться из стороны в сторону. После второго укола, он тяжело рухнул на пол, карманная пушка, которой он грозил мне, выпала из его рук.

Первые минуты были для меня ужасны... Что сделал я...

Само собой разумеется, это было первое применение моего метода к человеческому организму... Правильны ли мои соображения?.. Не причинил ли я действительной смерти — вместо временного прекращения жизни, которое обещал?

Через несколько минут, преодолев свое смущение, я стал ощупывать тело, лежавшее у моих ног...

По прошествии четырех часов, я почти успокоился: не было заметно ни малейшего признака посмертного оцепенения. Я закрыл на ключ дверь своего кабинета и вышел на улицу, чтобы обстоятельно обдумать случившееся.

В сущности, — раз уж это произошло, — мне следует примириться с явлением и поступать соответственно!

Вернувшись домой поздно ночью, я не заметил в состоянии усыпленного ни малейшей перемены; я перенес его — не без труда — в кладовую, которую закрыл на ключ. На следующий день я заказал этот огромный ящик, этот сундук-гроб, который вы видите перед собой; я пояснил столяру, что имею намерение складывать туда мои занавеси и шубы, чтобы предохранить их от моли.

Мне почти нечего больше рассказывать вам.

Сестра сэра Феркетта, визита которой я ожидал не без опасения, действительно, через несколько дней посетила меня.

Она рассказала мне, при каких условиях исчез американец.

Я ответил, что впервые слышу о существовании ее брата.

В разных газетах Европы и Нового Света были помещены объявления о пропавшем, но, так как у него не было других родных, дело это вскоре заглохло.

Сэру Феркетту, ни одна черта которого не изменилась,

по-прежнему 40 лет; 20-го мая 1907 года я сделаю ему необходимое впрыскивание, и мы будем присутствовать при его оживлении. Ведь вы не откажете мне в своем содействии, Морель? Мы докажем на деле, что нет надобности принадлежать к числу официальных, патентованных ученых, чтобы обогатить науку новым открытием.

Кроме того, — хотя я не нуждаюсь в этом, — я, несомненно, получу щедрое вознаграждение за услугу, оказанную американцу, который получит возможность жениться на избраннице своего сердца, осуществив ее фантастическое желание. И вы, конечно, не сомневаетесь, что львиная доля этого гонорара будет уступлена вам, мой молодой друг! Не отказывайтесь, я непременно хочу, чтобы этот случай помог вам устроить свою карьеру.

Но, как вам нетрудно понять теперь, я затрудняюсь дольше хранить в полной тайне состав пробуждающего впрыскивания. Мало ли что может случиться со мной!.. Я сейчас же продиктую вам формулу рецепта, которую вы заучите наизусть; затем, последовав моему примеру, вы сожжете эту бумагу. Было бы слишком глупо, если бы ей воспользовались мои неблагодарные современники!

V

— Слова доктора Дежене ошеломили меня, г. комиссар, — продолжал Морель. — Я машинально сел за письменный стол, взял перо и отрывную книжку для рецептов, а доктор Дежене, по-видимому, чувствуя себя очень дурно, открыл окно и опустился передо мной на кресло...

Он продиктовал мне следующую формулу:

«Впрыскивание, применяемое в качестве противоядия от дормина, в дозах для взрослого человека.

Взять три грамма хлористого кальция.

Один грамм шестьдесят сантиграммов насыщенной хлороформом, свежепродистиллированной воды. Пятьдесят два

сантиграмма чистого терпина, растворенного в трех кубических сантиметрах алкоголя в девяносто градусов».

Доктор Дежене делал паузы между каждым предложением. Голос его прерывался и заметно дрожал.

Он продолжал, тем не менее, диктовать:

— Добавьте полмиллиграмма...

С лежащим на бумаге пером я ожидал продолжения; но оно не последовало... Подняв тогда глаза, я увидел, что

доктор Дежене опустил совершенно багровую голову на свое плечо; струя слюны скатилась на лацканы его сюртука.

Я тотчас пустил ему кровь, попробовал применить искусственное дыхание, ритмически двигал язык.

Ничто не помогало: доктор Дежене умер.

Я тотчас же телефонировал на станцию городской врачебной помощи. Присланная карета отвезла тело скоропостижно умершего, как принято в подобных случаях, в ближайшую больницу.

Два полицейских агента явились для составления протокола.

Вы, должно быть, уже ознакомились с их докладом, г. комиссар?

Комиссар быстро перелистал бумаги, лежавшие на его письменном столе, и сказал:

— Да, этот протокол здесь... Я еще не прочел его, — мы так завалены работой!

Затем оба собеседника замолчали.

Комиссар украдкой рассматривал Мореля, сомневаясь в его нормальности. Молодой врач, наконец, спросил:

— Теперь, г. комиссар, я снял с себя тяжелую ответственность. Что должен я делать дальше?

Комиссар ответил ему с озабоченным видом:

— Вам следовало вчера же, немедленно после происшедшего, явиться ко мне с этим заявлением. Мне остается снесться с моим непосредственным начальством; мы примем надлежащие меры. На всякий случай, мы наложим, в вашем присутствии, печати на ящик и на двери вашего кабинета. Я попрошу вас быть готовым явиться по первому требованию суда. А теперь мой секретарь занесет на бумагу ваше показание.

Морель, потрясенный таким отношением к нему, не пожелал ни минуты долее остаться в своей квартире; он временно переселился в гостиницу. По прошествии трех дней, ему прислали туда повестку с требованием явиться к следственному судье, которому вся эта история показалась весьма подозрительной.

Моего друга пригласили в бюро антропометрического

измерения, сфотографировали прямо, в три четверти и в профиль, сняли отпечатки с его пальцев и пересмотрели карточки архива сыскного отделения, чтобы убедиться, не совершил ли он уже ранее какого-либо преступления.

Во время второго допроса, через шесть дней после смерти доктора Дежене, следователь сообщил, что, к его большому сожалению, дело подлежит дальнейшему производству, Морель же привлекается к ответственности по обвинению в убийстве.

Следственный судья предварил, что считает необходимым подвергнуть Мореля личному задержанию; он предложил молодому врачу самому явиться через четыре дня, чтобы подчиниться приказу об арестовании, который он вынужден испросить от прокуратуры.

Он известил, кроме того, что, по решению префекта полиции и согласно инструкциям и декретам гигиенического управления, труп сэра Феркетта будет подвергнут вскрытию на текущей неделе.

— Но, милостивый государь, — воскликнул Морель, — ведь это, вероятно, вовсе не труп! Подумайте о том, какие ужасные последствия может повлечь за собой подобное решение!

— Ваша совесть может быть совершенно спокойна, — возразил следственный судья с легкой усмешкой, — медицинская академия, как вы сами понимаете, не могла не обратить внимания на мнимое открытие доктора Дежене: он приложил слишком много усилий, чтобы оно прошло незамеченным! Мы получили подробный доклад по этому поводу, подписанный самыми авторитетными учеными факультета. Доклад утверждает, что явления, описываемые доктором Дежене, физически невозможны; в данном случае, мы имеем дело с исключительным задержанием процесса разложения, — если только доктор Дежене, увлеченный своими фантастическими мечтаниями, не успел внушить вам, а, может быть, и самому себе, все это. Притом же обыск, произведенный на бульваре Брюн, в последней квартире доктора Дежене, не обнаружил ровно ничего, никакого документа, который мог бы послужить сколько-нибудь серьез-

ным основанием к сомнению. Во всяком случае, предписание закона совершенно ясно и не может быть сообразуемо с действиями, которые способны ослабить надлежащее к нему уважение. Итак, помните, что вы должны явиться аккуратно в назначенный мной день, и обратите внимание на то, что мы не принимаем по отношению к вам более строгих предупредительных мер, чтобы помешать вам уклониться от ответственности.

Морель вернулся в квартиру на площади Девог чрезвычайно расстроенным.

Выслушав признания доктора Дежене, пережив вместе с ним столь потрясающие мгновения, он не мог сомневаться в действительности удивительного открытия. Притом же экспериментальная наука далеко не достигла границ своего развития; можно ли вообще поручиться, что кажущееся сегодня невозможным завтра уже не будет доступно всякому, как железные дороги, телеграф, телефон, электричество?

Морель колебался недолго. Глупцы, воображающие, что весь мир, вся природа должны подчиняться установленным ими раз навсегда нормам, предоставили в его распоряжение целых четыре дня...

Тем хуже для них!

Он наскоро уложил наиболее необходимые вещи, сорвал наложенные судебными властями печати, не без труда уложил сэра Феркетта в круглый ящик и в тот же вечер уехал с курьерским поездом в Марсель.

Через день он направлялся на английском пароходе в Александрию.

Отправился он туда случайно, — чтобы бежать на пароходе, который первым отходил из марсельской гавани. Но случай оказался для него благоприятным: требование французского суда о его выдаче было отклонено. Морель уложил сэра Феркетта в ровный сундук, — и вот уже три года неустанно работает над восстановлением формулы доктора Дежене.

Я сам видел американца, — он нисколько не переменился. Это, действительно, человек богатырского телосложения, замечательно моложавый...

Морель не достиг еще положительного результата, — но такие упорные люди, как он, не отступают перед препятствиями.

— Но что же случилось с племянницей сэра Феркетта? — полюбопытствовал я.

— Морель собрал сведения о ней и поделился ими со мной. Пробыв несколько времени продавщицей в магазине, она скопила себе небольшое приданое и лет двенадцать тому назад вышла замуж за красавца, в которого влюбилась; он, кажется, занимается комиссионерством, торгует маслом. Муж бьет ее, напивается до бесчувствия; у несчастной шестеро детей. Совершенно разорившись, она нанимается прибирать чужие квартиры и на вырученные деньги кормит своего мужа бифштексами и поит минеральной водой Виши: у него застарелый катар желудка.

Прошло четыре дня после того, как Берен рассказал мне о приключениях сэра Феркетта. Поутру, на пятый день, он влетел в мой кабинет, как бомба, задыхаясь от волнения и размахивая каким-то конвертом.

Он грохнулся в кресло и бросил письмо на мой письменный стол, приглашая движением руки прочесть его.

На конверте значилась фамилия и адрес Берена. Внутри я нашел два письма почтовой бумаги. Первый из них оказался внизу обгоревшим. На уцелевшей верхней части было написано:

«Ваше посещение и выраженное вами сочувствие принесли мне счастье, дорогой друг! После того, как вы уехали, я с обновленными силами принялся за труд и, наконец, добился успеха. Я нашел, — да, я нашел-таки, чего не хватало в рецепте доктора Дежене. Вся его формула мною восстановлена полностью, и завтра же я разбужу усыпленного американца.

Считаю своим долгом сообщить вам первому эту счастливую новость: недаром вы поверили мне! Кроме того, все на свете возможно; если бы почему-либо я оказался не в состоянии огласить состав удивительного противоядия, вы замените меня. Вот полностью рецепт этого состава...»

Далее на бумаге виднелись следы обгоревшей строки...

И ничего больше.

На другом листе, с английским гербом и печатью британского посольства, было изложено в изысканно-вежливых выражениях, что дом в Александрии, в котором помещалась лаборатория доктора Мореля, сгорел, вероятно, вследствие неосторожного обращения с хранившимися там для опытов легковоспламеняющимися и взрывчатыми веществами. Под развалинами дома были найдены два почти обуглившихся трупа, а в случайно уцелевшем ящике письменного стола — начатое письмо и конверт с адресом доктора Берена, написанным рукой безвременно погибшего молодого ученого.

С. Озюб

Бог ли и Сатана?

Фантастический рассказ

Со времени этого необыкновенного приключения прошло уже много лет, и теперь я считаю себя вправе рассказать правду про ужасный конец и таинственные махинации профессора Круля. Мучительные воспоминания об этом случае, в котором я сыграл едва ли не худшую роль, преследуют меня и днем и ночью. Передавая все широкой гласности, я в то же время и себя отдаю на суд общества.

С тех пор, как я помню себя, я любил море. Но меня ужасали все эти модные морские курорты с прекрасными отелями, казино, теннисом, балами, флиртом и общими купаньями. Я любил наслаждаться морем где-нибудь в тиши и одиночестве. Именно поэтому я однажды выбрал для своих летних вакаций мирную приморскую деревеньку Ковилль.

Может быть, она теперь превратилась в модный курорт? Не знаю. Но в то время она состояла из небольшого числа домов. Тогда не было даже и гостиницы, и я снял комнату у вдовы Пьедельовр...

Помню... это было во время одной из моих первых прогулок, на второй или третий день приезда, — когда я открыл убежище профессора Круля. Его дом стоял посреди унылой, лишенной всякой растительности площадки, — и был по виду своему до такой степени необычным и странным, что я остановился в изумлении. Это было квадратное здание средней вышины, из красных кирпичей и без окон. Оно было окружено высоким забором тоже из красных кирпичей — с маленькой железной дверью посреди.

Я медленно обошел вокруг этого странного жилища. Царило мертвое молчание — и лишь в одном месте, когда я внимательно прислушался, приложив ухо к стене, до меня донеслось глухое хрюканье. Но, при всем желании, я не мог определить природу этих звуков.

Крайне заинтригованный всем этим, я вернулся к себе и приступил с расспросами к своей хозяйке.

— Мы знаем немногим больше вас, — ответила она мне. — Вскоре минет четыре года с тех пор, как какой-то сумасшедший с длинными растрепанными волосами и золотыми очками приехал сюда и начал строиться на этой площадке. Никто не знал, кто он и откуда, и что делается у него внут-

ри <дома>. Четыре стены его крепко сложены каменщиками из Монтивилье, но внутренняя отделка комнат была поручена рабочим-иностранцам, не говорившим по-французски. К нашему удивлению, сам господин очень хорошо говорит на нашем языке.

— Откуда же, все-таки, он сам?

— Из преисподней!.. Раз все окружено тайной, как у него, раз у него нет ни дверей, ни окон, раз никто не приходит и он лишь по ночам выбегает из дома, чтобы беседовать с луной, — значит, он сам Сатана или его посланник.

— Ну, знаете, это еще не доказательства... — заметил я скептически.

— Я знаю, — вздохнула вдова, — что парижане скептики и насмешники, но говорю вам, что в этом человеке есть что-то сатанинское, и уверяю вас, — все мои земляки с удовольствием отправили бы его туда, если бы не большая прибыль от него.

— Он богат?

— Вероятно, так как платит всем вдвое больше против назначенной цены.

— Не боитесь? — заметил я, улыбаясь. — Эти деньги не от дьявола, не проклятые?!

— Бог их знает, но деньги этого колбасника уходят так же быстро, как и другие.

— Я понимаю вас, когда вы считаете его самым Вельзевулом, но почему это прозвище — «колбасник»?

— Благодаря его свиньям.

— Каким свиньям?

— Которых он покупает в округе.

— Живых?

— Всегда.

Тут я мгновенно догадался, откуда исходило это странное хрюканье.

— Значит, ваш Люцифер простой торговец свиньями?

— Нисколько, — с живостью возразила вдова. — Все свиньи, которых он покупает, умирают у него, и их больше никто не видит.

— Вы шутите!

— Я говорю вам истинную правду, но раз вы не верите, я больше ни слова не скажу.

И, рассердившись, вдова ушла от меня.

к з д а н и е

В течение целого дня я раздумывал о том, что мне сообщила вдова. Конечно, многое было преувеличено, но факты были очевидны, и они меня так заинтриговали, что я решил проникнуть в тайну, которая окружала красный дом.

Вечером того же дня, после ужина, я пошел погулять. Я так люблю эти ночные прогулки в деревне. Над головой расстилается звездный купол неба. Тепло. И я медленно шел, вдыхая аромат спящей земли. На площади глаза мои снова увидели это красное здание! На первый взгляд оно показалось совершенно темным, но, внимательно пригляды-

ваясь, я заметил, что верх довольно ярко освещен изнутри. В эту минуту я ясно понял, что днем весь дом освещается сверху — и объяснил себе это явление, казавшееся на первый взгляд загадочным, отсутствием окон. Во дворе слышалась какая-то возня, шум шагов, перешептывания. Вдруг ночная тишина была разорвана безумным, мучительным ревом свиньи, которую режут. Крик долго не смолкал — и было в нем что-то человеческое, молящее о пощаде. Я бросился к себе домой, и еще долго тело мое дрожало мелкой дрожью.

На другой день я принялся за расследование.

Как я узнал, этот таинственный профессор поселился здесь, действительно, четыре года тому назад. За очень большую сумму он купил участок земли. Сделка была совершенна на имя профессора Зигфрида Круля из Магдебургского университета. Здание строилось с удивительной быстротой, причем сам дом, возведение стен внутри и отделка комнат — все было поручению немцам.

С тех пор, как профессор Круль поселился здесь, он, не считая двух-трех ночных прогулок, почти не выходил из дома. Он жил одиноко, с двумя служителями, из которых один закупал провизию, другой — свиней. В течение трех лет — закупка свиней началась лишь через год после его приезда — профессор закупил 1095 животных, то есть по одной свинье в день.

Само собой понятно, что эти детали не только не удовлетворяли моего любопытства, а еще больше разожгли его. Я забыл обо всем: о купанье, о прогулках — и отдался исследованию тайны, окружавшей Круля. По целым часам я бродил вокруг его дома, но никак не мог догадаться, что же именно происходит за этими стенами. По справкам, полученным мной из Германии, Круль был профессором анатомии и физиологии в Магдебургском университете. Что же, он занимается какими-нибудь научными работами? Изучает какую-нибудь отрасль науки: остеологию, гистологию?.. Но тогда зачем ему такая таинственность и, наконец, куда он девает всю эту массу свиней?!

Я сознавал, что это дело меня все больше заинтриговывает и даже — не знаю почему — начинает тревожить, особен-

но после следующего случая. Однажды, отказавшись от своих бесплодных розысков, я вышел на берег погулять. Занятый своими думами, я зашел довольно далеко. Вдруг я уловил какой-то странный запах, словно от разлагающегося мяса. И действительно: сделав еще несколько шагов, я с удивлением увидел с дюжину свиней. Они были бездыханны, хотя и нетронуты: животы не были распороты, ни одна часть тела не отрезана. Лишь на шее каждой свиньи зияла большая ножевая рана...

Итак, значит, профессору необходима была одна только кровь, целые литры крови, и с этой целью ежедневно приносила в жертву свинья. Зачем? Самые дикие мысли осадили мой уставший мозг. Я не в силах был больше думать — и решился проникнуть к Крулю. На мои энергичные стуки вышли два бородатых тевтона — и я, вспомнив все немецкие слова, которые знал, объяснил, что мне необходимо повидаться с их господином.

— Unmöglich!.. (Невозможно).

Ни звука больше!

Дней через пятнадцать после того, я неожиданно встретился с профессором Крулем — и эта встреча еще более укрепила меня в самых диких предположениях.

Было около полуночи. Следуя своей привычке, я вышел погулять. Против воли, шаги мои направились к красному дому. Очевидно, за его стенами происходило что-то необычное. Вместо тишины и перешептывания оттуда раздавались три спорящих голоса, из которых особенно выделялся один, пронзительный и гневный. Вдруг, с неожиданной резкостью, открылась узкая железная дверь, и я увидел невысокого человека в черном, с обнаженной головой, светлыми, растрепанными волосами и золотыми очками. Он, казалось, был чем-то расстроен — и, делая огромные шаги, лихорадочно жестикулировал и произносил какие-то совершенно непонятные слова. Он бежал по направлению к деревне. Я счел момент подходящим и бесшумно приблизился к нему.

— Господин Зигфрид Круль, — заговорил я, кладя ему руку на плечо, — не надо так спешить, иначе вас примут за

сумасшедшего или преступника.

Он быстро обернулся, и я заметил, что в глазах его вспыхнуло бешенство.

— Оставьте меня! — бросил он по-французски с заметным немецким акцентом.

— Ни в каком случае, — возразил я, удерживая его. — Я хочу с вами познакомиться, господин профессор Круль, так как вы меня очень интригуете.

— Я прошу вас оставить меня в покое, слышите?.. Я свободный человек и могу делать то, что мне заблагорассудится. Я не преступник и никому никакого зла не делаю.

— Это надо раньше доказать.

— На каком основании вы допрашиваете меня?

Я на мгновение растерялся, затем решил быть дерзким.

— Против вас получены прокурором жалобы, и я имею приказ вас арестовать и доставить к следователю в Гавр!

Он побледнел, как смерть — и на лице его появилось выражение ужаса.

— Сударь, — обратился он ко мне умоляющим тоном, — оставьте меня, мне нужно идти. Я ничего дурного не делаю. Я только ученый. Занимаюсь науками, только этим — и сейчас мне во что бы то ни стало надо найти одну... не задерживайте меня, иначе она умрет.

Он с отчаянием повторил непонятные слова:

— Понимаете, если *она* умрет... если умрет... то все пропало... пропало...

Он сделал резкое движение, вырвался и со всех ног побежал к деревне, словно боялся, что я буду преследовать его. Я же вернулся к красным стенам и с сильно бьющимся сердцем стал ждать. Спустя довольно долгое время профессор вернулся, таща за собой на веревке свинью. Дверь за ним быстро захлопнулась — и через несколько секунд послышался отчаянный крик: еще одна свинья была принесена в жертву!..

В последовавшие за этой неожиданной встречей дни, я жил в очень возбужденном состоянии. Раз двадцать я решался написать или лично отправиться к прокурору в Гавр

и рассказать все, что я знаю о профессоре Круле. Этот испуг, выразившийся на его лице, когда я упомянул об аресте, служит явным доказательством того, что ему не хотелось бы иметь дело с полицией, а между тем он, по видимости, никому не наносит ни малейшего зла, ведь факт убийства свиней — не мотив для ареста. Чего же ему бояться?

— Если *она* умрет, мне не удастся ее больше оживить... если она умрет... все пропало...

Кто — *она*? О ком он говорил? Кто было это существо, которым он так дорожит? Может быть, ему необходима была кровь, чтобы поддерживать дорогое ему существо?

Я потерялся среди самых диких предположений, — пропал аппетит, сон — и, в конце концов, я решил, хотя бы под угрозой смерти, проникнуть в таинственное жилище профессора Круля.

q ɛazadabR ɪ ɣazab bRɤʒz

Приготовления мои были несложны: я поехал в Гавр и купил десять метров прочной узловатой веревки, отмычку, электрический фонарь, флакон хлороформа и прекрасный револьвер. Вернувшись в Ковилль, я прежде всего позаботился спрятать весь этот материал неподалеку от красного дома. Затем начал следить. Было бы, конечно, безумием проникнуть туда, когда там были все: и профессор, и его два служителя. Надо было ждать момента, когда двое из троих отсутствовали бы. Я знал, что профессор со своими служителями изредка выходили из своей крепости. Мне долго пришлось ждать. Лишь на двадцатый день судьба мне улыбнулась. В одиннадцать часов, как всегда, была зарезана свинья; в полночь тихо открылась железная дверь, и на пороге появился один из служителей. Он внимательно огляделся, затем сделал знак... и вышел профессор. К удивлению своему, я заметил, что на спине тевтона пара больших полукруглых сетей. Вскоре эти люди исчезли вдали.

Я решил действовать. Сердце билось с такой силой, слов-

но готово было разорваться. С мгновение я этого страшился, и уже подумывал было оставить свое намерение и дать немцу возможность мирно продолжать свои научные работы, но уверенность, что за этими стенами творится нечто необыкновенное и преступное — заставила меня побороть свою робость. Я быстро собрал все необходимое — и бесшумно пробрался к красному кирпичному забору. Здесь я быстро прикрепил к железному выступу конец веревки и с огромными усилиями начал взбираться наверх. Я не буду передавать подробностей, скажу только, что в результате руки мои оказались расцарапанными до крови, когда я очутился по ту сторону забора. Как раз в центре двора стоял мрачный массивный дом. Вокруг него были разбросаны разной величины и формы строения. Около открытой двери в дом я заметил человеческую фигуру — и на мгновение замер. Но было тихо: никто не шевелился. И я тихими шагами подошел к слуге: он мирно спал. Одно неловкое движение, шаг, и он проснется. Чтобы обезопасить себя от него, я открыл свой флакон с хлороформом и поднес к носу спящего: он вздрогнул, но не проснулся. Тогда я налил немного хлороформа на платок и положил на его лицо.

Лишь после этого я приободрился и смело пошел в дом: ничто теперь уже не могло мне помешать открыть тайну профессора Круля... Оглянувшись вокруг, я к своему удивлению заметил, что дом освещается электричеством. Но я не знал, где выключатель — и зажег свой фонарь.

q zRzdз h ŸR 1 eRεaj

Когда я переступал через порог первой комнаты, я услышал какой-то шум.

Боже мой, этот шум еще до сих пор звучит в моих ушах! И теперь, когда я стараюсь записать все свои впечатления, пережитые мною тогда, я еще слышу, слышу...

Это был несколько глухой шум, но совершенно ясный: он повторялся с правильными промежутками. Собственно,

в нем не было ничего особенно ужасного, но меня пугало то, что я не мог понять, откуда исходит он. Звуки перемещались с равномерностью маятника, слишком правильно для того, чтобы исходить из человеческой груди. Я напрягал свой мозг и не мог понять, хотя ясно сознавал, что этот шум я уже где-то слышал... и вдруг я вспомнил: я его не только уже слышал, я его *чувствовал* — это было биение человеческого сердца...

Я быстро вошел в комнату. В углу, слева, звук этот слышался сильнее. Я обернулся, осветил...

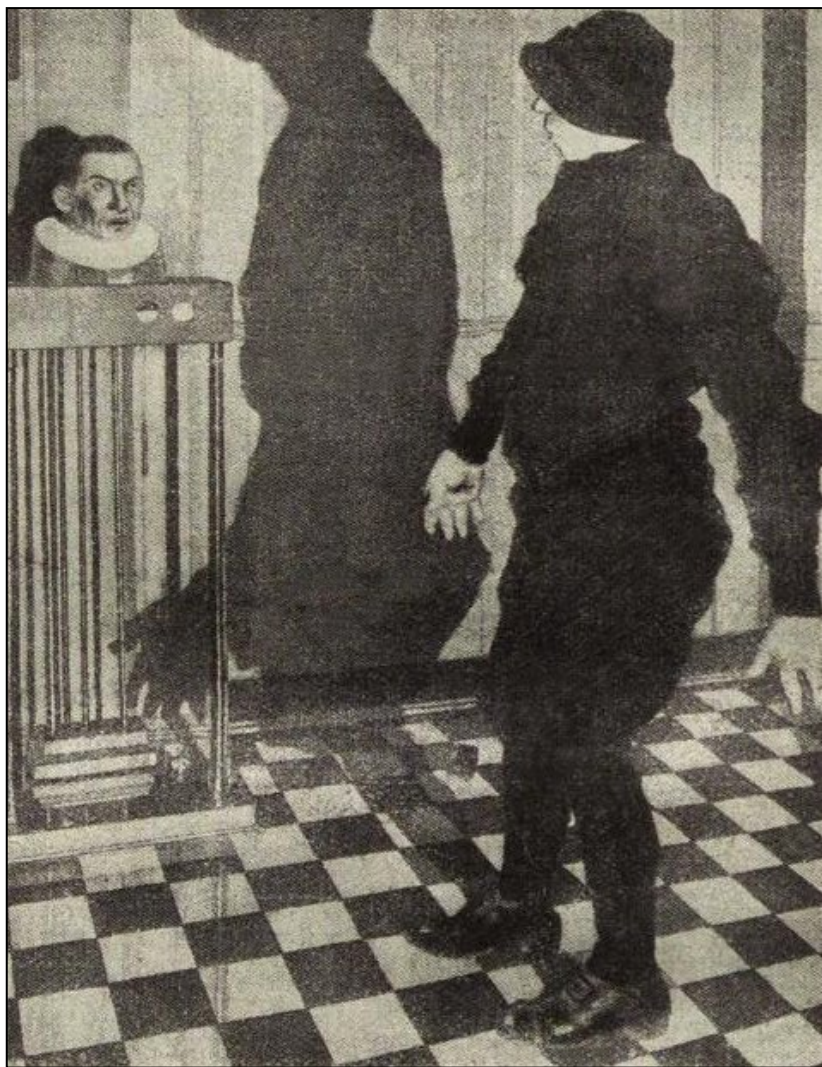
Это была только машина. Но вид ее был так ужасен, что мне трудно описать ее. Это было что-то необыкновенное. В высоту она имела 1 метр 50 см. и формой своей напоминала пирамиду, сделанную из белого металла, и состояла из массы колесиков, винтиков и пр. Машина была в действии — и то останавливалась, то снова «шла»; но она не двигалась, не шипела, а *била* так, как бьются жилки на виске. Я заметил даже, что *пульсации* аппарата вполне согласовались с биением моего сердца.

Затем я обратил внимание на две металлических трубки, которые поднимались над машиной — и последовал глазами за ними: они заканчивались на высоком цоколе — над которым возвышалась... человеческая голова.

Еще и теперь, когда я пишу эти строки, рука моя дрожит. Трудно передать охватившее меня чувство безумного ужаса. Я не хотел смотреть, но глаза мои не могли оторваться от этой головы. Она, вероятно, принадлежала человеку двадцати пяти лет и была покрыта черными волосами. Глаза ее были закрыты веками, губы крепко сжаты. Но что было непонятнее всего, так это нормальный цвет лица ее, свежий и розовый, а губы были красны, как вишня. Эта голова казалась *живой*. И вдруг она открыла глаза и посмотрела на меня.

Я невольно отскочил в глубь комнаты, фонарь выскользнул из рук моих — и все погрузилось во мрак. В это мгновение послышался голос. Он был хрипловат, но внятен. Голос сказал:

— Это ты, палач?

Я не имел силы ответить. Тогда он повторил вопрос:
— Это ты, палач? Зачем ты будишь меня? Чего тебе еще надо от меня?

При звуках этого голоса, страх мой начал рассеиваться; ощупью я нашел фонарь, зажег его — и осветил Голову...

Она продолжала:

— Кто ты? Как ты попал сюда? Каким чудом удалось тебе пережить Круля? Я вижу, ты дрожишь, не понимаешь. Ты спрашиваешь себя, не стал ли ты игрушкой кошмара? Нет, все, что ты видишь, реально: я — не что иное, как отрезанная голова.

— Живая? — пролепетал я.

— Да, живая, волей и знаниями профессора Круля. Бога ради, разбей машину и верни меня обратно в небытие, откуда он меня извергнул.

— Кто ты? — спросил я.

— Проспер Гаруш, гильотинированный в Гавре три года тому назад.

— Убийца Элизы Бодю?

— Он самый! Ты вспоминаешь? — спросила Голова.

— Да, — ответил я. — Но как ты попала к профессору Крулю?

— Он купил голову за десять тысяч франков. В Германии не гильотинируют — и потому он принужден был устроить свою лабораторию во Франции.

¶ R j y ə h a ə r h t z ə a ə z t

— Однако, — воскликнул я. — Как же это возможно, чтобы ты жила? Ведь, чтобы жить, надо иметь сердце, желудок, легкие...

— Это ошибка: необходима только кровь! Выслушай меня внимательно, и ты поймешь. В течение некоторого времени ученые предполагали, что единственным элементом, поддерживающим жизнь — является кровь. Отсюда вывод: все органы человеческого тела важны лишь постольку, поскольку они очищают и обновляют кровь. Так как мозг управляет действием сердца, — а мозг всегда оживляется и поддерживается обращением крови, — то ясно, что только она одна и является единственным источником жизненной энергии. Теперь: если каким-нибудь способом достиг-

нута правильного обращения крови в отделенной от тела голове, то она будет жить. Гениальному Зигфриду Крулю удалось разрешить эту нечеловеческую задачу.

Я ни слова не проронил. Объяснение это ошеломило меня: я отказывался верить, чтобы отрезанная голова могла говорить таким образом.

— Мне казалось совершенно невозможной жизнь после того, как разрывается связь между туловищем и головой.

— Это ошибка — и в этом-то состоит великое открытие Круля. Я не знаю деталей конструкции своего искусственного сердца, но посмотри внимательнее, прислушайся: как правильно бьется оно под действием электрического мотора, который гонит кровь свиньи (наиболее близкую к человеческой) по искусственным венам к голове. Я говорю тебе: это гениальное открытие.

— Но почему, — спросил я со страстным интересом, — необходимо ежедневно вливать новую, свежую кровь?

— Ах, ты знаешь об этом? Кровь необходимо обновлять каждые двадцать четыре часа, иначе она сворачивается и портится.

— Понимаю, — воскликнул я. — Но ведь это поистине гениально.

— Проклятие!

— Почему?

— Человек не имеет права изменять законы природы и прерывать покой мертвецов. Когда я был человеком, я, подобно другим, боялся смерти. Но теперь я знаю, что смерть слаще жизни! Там царит молчание. Тихо...

Голова закрыла глаза. Лицо ее побледнело.

— Ты понимаешь меня? — спросила слабо она. Я сделал утвердительный знак. Она продолжала:

— Не надо верить тому, что осужденные очень боятся смерти, эшафота: после своего преступления, они переживают так много мучительных часов, что смерть является желанной. С того момента, когда я раздробил череп несчастной Элизе, — жизнь моя превратилась в ад. Поэтому, когда однажды утром, на заре, за мной пришел палач, я был почти счастлив. Еще одно тяжелое мгновение — и мука моя

прервалась. И вдруг Круль оживил меня, обрек на новую муку — чудовище!..

Я не знал, что сказать — и наступило глухое молчание.

— И что ужаснее всего, — заговорила она снова, — это то, что я *чувствую* свое тело! Да, чувствую свои руки, ноги; хочу двигаться, дышать, есть — а между тем, я — только машина. Как я молила Круля — дать мне умереть, но он не хочет, потому что я — плод всей его жизни, и он бережет меня с ревностью влюбленного. Это безумец, гениальный безумец. Но ты ведь — человек с сердцем, — и пожалеешь меня: освободи меня! Разбей машину.

— Это невозможно! — вскричал я. — Уничтожить подобную гениальную работу я не могу.

— Но если бы ты знал, как велики мои страдания!

Ах, каким голосом были сказаны эти слова! С какой мукой смотрели на меня эти глаза.

— Открытие Круля гениально, но кому оно нужно? Какой смысл в том, чтобы оживить отрубленную голову? Какой прогресс это принесет науке? человечеству?

Я согласился, что это грандиозное открытие — бесполезно. А жалкий остаток человека продолжал молить:

— Ты поборол все препятствия и пробрался ко мне — неужели же ты опять покинешь меня на вечную муку... Я живу в прошлом... Ужас! Элиза... тяжелая бутылка... она падает... я поднимаю ее... я думаю, она в обмороке... но голова в крови... Неужели она умерла:? Да: я убил ее... дальше тюрьма, муки, эшафот — затем отдых... Но, Боже, опять жить... страдать... чувствовать себя машиной... О! Какой дикий ужас!...

¶RbY†bqR

Я задрожал — и решил. Что? То, что должен был решить человек с настоящим сердцем: я должен дать покой измученной душе Гаруша. Не говоря ни слова, я поднял револьвер, стал поближе к машине, прицелился — и... выстав-

релил.

Звонкие удары искусственного сердца мгновенно замерли. Послышался треск, глухой шум.

Как я выскочил из лаборатории Круля, как попал по ту сторону забора, как бежал до деревни и как я очутился в своей комнате — не знаю. Я пришел в себя лишь через пятнадцать дней — и узнал, что в ту памятную ночь в красном доме раздался страшный взрыв и вспыхнул пожар, уничтоживший все без остатка.

Среди развалин и пепла останков профессора Зигфрида Круля не было найдено.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՕՇԿՐԱՅ

ԱՓԱ

Стояла ранняя весна; те голенастые птицы, которые улетали на зиму в теплые страны, только что вернулись к излюбленным ими болотистым морским заливам и к насыщенным влагой кочковатым низинам.

Арндель и Левингтон собрались на охоту. Они редко увлекались такими безобидными занятиями, как стрельба болотных птиц, но в силу различных обстоятельств для них пришло время отдыха, а бодрящее дыхание весны превратило их в беззаботных, веселых мальчишек.

Свои каникулы они проводили посреди уединенных морских, соединявшихся один с другим, заливов и однажды в течение целого жаркого дня стреляли дичь из плоскодонного челна, контур которого поразительно напоминал продольно разрезанную сигару.

Солнце зашло за гряды ярких, как огонь, облаков; две цапли медленно поднялись и вырезались черными силуэтами на багровом фоне; Арндель же и Левингтон подвигались к острову. Их челн беззвучно скользил по стеклянистой красной поверхности и, так как оба охотника лежали в нем, больше напоминал какую-то крупную рыбу, чем Человеческую лодку.

— Какое мрачное место. Кто может жить здесь? — спросил смуглый, худощавый Арндель.

— Одно небо знает, — ответил Левингтон, поворачивая свое бронзовое лицо в сторону нависших над водой деревьев и прибавил:

— Судя по крику, каравайки.

Едва плоскодонка подошла к берегу, охотники поняли, что стон каравайки неся с болота, вероятно, лежавшего позади высоких деревьев, которые темной чащей подступали к воде. В этом месте кто-то некогда старался разбить парк, но заброшенные дорожки заросли сорными травами, а на покосившейся скамейке реполов свил гнездо. Кто-то также пытался устроить маленькую гавань для лодки; на ее бере-

гу стоял лодочный сарай, полуразрушенный и, очевидно, превратившийся в жилище крыс и водяных зверьков. Все дышало запустением.

И вдруг нечто захохотало. Я умышленно говорю «нечто», так как это не был смех животного или человека. В нем не чувствовалось веселья; раздавался звук, бездушный, бесчувственный и неопишимо злобный.

Левингтон сел; его лицо побагровело.

— Это здешний дьявол. Что ты скажешь? — спросил он.

Но Арндель ничего не сказал; сморщив свои темные брови, он только вглядывался в чащу деревьев.

Наступила мертвая тишина. Потом вторично прокатился отвратительный, безрадостный, зловещий смех; треснула ветка, и снова сомкнулась тишина.

Охотники несколько минут ждали, что случится что-нибудь ужасное. Ничего! Желтое лицо Арнделя не изменилось.

— К берегу, — сказал он и, несколько раз ударив веслами по воде, остановил челнок.

Левингтон спокойно засмеялся и заметил:

— Ты всегда был странный малый.

Они вышли из своей плоскодонки и по колено в воде зашагали к тихим деревьям, думая увидеть то нечто, которое смеялось; но оно не показывалось. Только легкий ветер вздыхал и шептал что-то про себя в сгущавшейся темноте под деревьями.

— Ну, — сказал Левингтон через полчаса, — с меня довольно. Вернемся. Мы хотели развлекаться, а не переживать какие-то неведомые ужасы и... Черт возьми, что же это?

Левингтон и Арндель были среди густых кустов и низких деревьев, поэтому могли слышать плеск воды, но не видели ее. И вот им почудилось, будто бегемот поднялся из зеленой чащи и двинулся к морю.

Трещали ветки; что-то их раздвигало, ломало, прорываясь сквозь чащу; потом донесся странный звук, не плеск, а скорее как бы сосущее журчание, которое всегда сопровождает погружение в воду огромного тела. Левингтон и Арндель оледенели; они слышали и этот звук, и ропот волночек, набегавших на берег и, в свою очередь, ломая ветви,

кинулись к берегу, но ничего не нашли.

— Покорно благодарю, — пробормотал Левингтон, — довольно! Я хочу вернуться к цивилизации, к здоровым людям.

Арндель засмеялся. Но что за ужас! Ему ответил безумный хохот, на этот раз прозвучавший в темноте деревьев.

Охотники быстро вернулись к челну и лихорадочно схватились за весла; ими овладело желание увидеть реальный стол с белой скатертью, с блестящим серебром, услышать человеческий говор и грохот колес.

— Кто, — после ужина спросил Арндель хозяина гостиницы, — кто живет вот здесь? — Своим коричневым пальцем он указал на пятно, обозначавшее остров на местной карте.

— Синьор Антонио Дон Педро де Газенцио, — ответил владелец отеля «Морская Дева».

— Боже! — Арндель закурил сигару и, помешав кофе,

снова спросил: — И он похож на свое имя?

— Он странный человек, сэр; очень странный. Но больше я о нем ничего не знаю.

— Ага! И живет там для удовольствия?

— Бог знает, сэр... Гм. Ну прошу извинения, сэр...

Хозяин гостиницы сделал шаг назад. Арндель взглянул на него, толкнул к нему свой сигарный ящик и налил рюмку вина.

— Садитесь, — попросил он, — и расскажите нам все, что вы знаете.

Хозяин гостиницы сел к столу, закурил сигару и заговорил с остановками.

— Видите ли, мы ничего не знаем. Нам известно только, что остров и дом принадлежат ему, да еще, что он жил со своим другом и слугой-негром. Его друг уехал. Прежде это был барский дом, настоящий замок, но, говорят, с тех пор, как он купил его, там стало беспокойно. Вот и все. Только, может быть...

— Что? — Арндель наклонился над столом, и его черные глаза впились в лицо хозяина гостиницы.

— Да так, пустяки. Я сказал Биллю: «Билль, ты пьян. Ты веришь выдумке».

— Продолжайте, — спокойным тоном произнес Арндель.

— Хорошо. Третьего дня вечером Билль вернулся с рыбной ловли. У нас рыба замечательно ловится на острогу. И вот он клянется и божится, что подле этого острова кишели привидения, а в воде возился слон, но... — содержатель гостиницы поднялся со стула. — Повторяю, Билль пьян.

Левингтон посмотрел своими безгрешными карими глазами в рюмку с вином, потом сказал:

— Погодите одно мгновение. Откуда явился этот сеньор Гингамбавос?

— Говорят, из Южной Америки, сэр.

— А, благодарю вас. Расспрашиваю из любопытства, единственно из любопытства. Мы видели, до чего усадьба запущена. Странные люди бывают на свете!

II

На следующее утро Арндель и Левингтон опять отправились стрелять голенастых птиц, по крайней мере, говорили, что едут охотиться. Однако, они взяли с собой штучера, заряженные картечью и пулями.

— Лучше никому не будем говорить, куда мы отправляемся, — заметил Арндель, когда их челн двинулся на восток. Через час им встретился рыбак, который видел, что они вели челн на запад, а именно в этом направлении находился остров.

— На этот раз мы подойдем осторожнее, — заметил Арндель.

И они, действительно, стали красться под нависшим берегом, лежа в челне и двигая его винтообразными поворотами одного весла, которое перекинули через корму. Они могли сделать это благодаря приливу; в противном случае, под берегом лежали бы только густые слои ила и грязи. Солнце светило; в его полуденных лучах накалялись даже стволы ружей.

Охотники зарядили эти ружья такими пулями, которые свалили бы и слона. Но они не видели ничего. Вода лежала спокойным маслянистым ковром; черные и золотистые пятна еле дрожали под деревьями; над маленькой лодочной гаванью не виднелось ничего живого, кроме лазоревых стрекоз.

Ничто не прерывало неприятно-глубокой тишины, в которой чувствовалось ожидание чего то страшного. Оба охотника сознавали это и, когда их челн направлялся к маленькой гавани, Левингтон беспокойно зашевелился и заметил:

— У меня на душе тревожно. Мне кажется, будто... Ну, словом, я чувствую, что здесь кто-то мучается!..

— Да, — согласился Арндель. — Чудится, будто «что-то» старается призвать нас, но не может. Никогда не испытывал я ничего подобного. А ты?

Левингтон кивнул головой.

— Пристанем к берегу, — проворчал он. — Вероятно, ощу-

щая под ногами почву, мы станем увереннее.

Они высадились на берег, покрытый порывшей травой прошедшего лета. Левингтон взял якорь, чтобы отнести его повыше, и вдруг, что-то пробормотав, точно прирос к земле. Он стоял так долго, что Арндель подошел к нему.

Они оба молча смотрели на очень торную тропинку, которая бежала от окраины воды в густую чащу деревьев.

Это была не обыкновенная, очень определенная тропинка; в ее середине поднималась полоса травы фута в два высоты; по обеим же сторонам почва не была вытоптана ногами животных, но сплошь покрыта ямами, очень глубокими в мягких местах и как бы сделанными несильными ударами кирки или тростью с острым концом.

Главный ужас этой тропинки состоял в крайней ширине травянистой полосы и небольшом расстоянии друг от друга двух рядов странных углублений. Можно было предположить, что эту дорогу сделало огромное существо, одинакового размера в ширину и в длину. Кое-где по обеим сторонам дорожки на деревьях и древесных суках виднелись большие надрезы; казалось, их сжимали волчьими капканами.

— Признаюсь... — медленно прошептал Арндель.

— Знаешь, ведь это же не... — Левингтон развел руками и замолчал.

Эти люди, в силу наблюдений, знали следы чуть ли не всех крупных зверей, но никогда не видали ничего подобного. Перед ними лежало доказательство прогулок какого-то исполина, какого-то допотопного чудовища.

Левингтон повернулся, прошел по странной тропе до берега, наклонился над водой и через несколько мгновений знаком подозвал к себе своего друга. Здесь были не только ямы, но и большие нацарапанные длинные следы неправильной формы, а в том месте, где неведомое существо, очевидно, входило в воду, — гладкая полоса, как бы оставшаяся после спуска лодки в море.

— Нам необходимо разъяснить дело, — заметил Арндель. — Я отправлюсь по этой... дороге вверх. Ты пойдешь?

— Да, — ответил Левингтон.

И они зашагали рядом, держа ружья на прицеле. Тропинка привела их в глубокую прохладную тень вековых деревьев, и скоро они достигли самой чащи; там тропинка окончилась.

Арндель говорит, что даже теперь, через много лет, та картина вспоминается ему в сновидениях, и это немудрено. Я уже сказал, что тропинка прервалась. Два друга остановились. Противная, скользкая, покрытая слизью покато-сть спускалась к воде, черной там, где на ней не было пены, и местами с зелеными и лиловыми переливами.

Это был пруд, занимавший приблизительно около полуакра, по-видимому, очень глубокий и совершенно неподвижный. Его со всех сторон окружали узловатые изогнутые деревья, мрачные и покрытые мхом; на их стволах, в полусвете чащи, как-то болезненно блестели большие мясистые грибообразные выросты. Высокая чугунная изгородь из заостренных брусьев бежала вокруг воды и, хотя металлические перекладыны казались очень толсты, но во многих местах были согнуты, а как раз ниже обоих охотников, под откосом, изгородь, сломанная, обезображенная, исковерканная, лежала на черной сырой земле.

Поблизости не виднелось ни одного живого существа, кроме легионов москитов; беззвучный воздух не оживляли никакие звуки. Но ужаснее всего казался противный, удушливый запах тления, который и заставил обоих охотников побледнеть; в довершение всего, на окраине воды валялись кости и черепа животных.

Арндель и Левингтон переглянулись. Несколько раз уже упоминалось, что эти люди не походили на тихих ягнят, но в этом месте они невольно задрожали. Ощущение, что какое-то создание призывает их, мучается, но не может высказаться, стало подле пруда сильнее, чем прежде. Арндель и Левингтон быстро отошли от черного озера и стали совещаться.

— В какой ад попали мы? — задыхаясь, произнес Левингтон.

Арндель зажег папиросу. Он не мог не закурить, хотя знал, что табачный дым мог выдать их присутствие.

— Сдается мне, — ответил он, наконец, — что «оно» жило здесь, что его держали в плену, и что «оно» вырвалось. Но что это за существо, знает только небо да Газенцио... Впрочем, и мы узнаем скоро.

Через несколько времени, когда два приятеля немного оправились и выпили виски (им казалось противным есть в этом месте), они нашли вторую тропинку, которая тянулась в противоположном направлении от первой, и двинулись по ней, опять держа ружья наготове.

Над этой второй дорожкой по-прежнему висел противный запах, однако, более слабый, и Левингтон с Арнделем мало-помалу обрели умственное равновесие.

Подходя к окраине леса, они надеялись вскоре увидеть свет и получить разъяснение, но вдруг совершенно неожиданно услышали женский вопль.

Вопль пронесся и замолк. Несколько секунд тишину прерывало только жужжание насекомых, потом раздался звучный, дьявольский, отвратительный, бездушный хохот.

— Боже мой, — произнес Арндедь, — что за сатанинское наваждение...

Левингтон промолчал, но кинулся бегом туда, откуда донеслись вопль и смех. Его лицо сильно покраснело, когда он увидел прежние страшные, странные следы. Шагов через двадцать на эту протоптанную тропинку вышла садовая дорожка, когда-то посыпанная гравием, но теперь чуть ли не сплошь заросшая высокими сорными травами. Еще дальше стояла стена, в которой была проделана калитка с высокой крепкой решеткой; в данную минуту решетка эта, сорванная с петель, лежала на земле. Подле ограды разрослись деревья.

Через отверстие в садовой стене охотники увидели большой, некогда красиво разбитый старинный цветник, превратившийся в дикую заросль с еле видными дорожками. В нем стоял дом, старый, выкрашенный розовой краской, с изъеденной лишаями крышей.

При входе в партер Арндель и Левингтон остановились, оглядываясь кругом. Вероятно, не такую картину думали они увидеть; подле голубятни ворковали голубки; в воздухе но-

сились ароматы цветов; он дрожал от жужжания пчел.

— Не понимаю, — прошептал Левингтон, — где же убийца?

Арндель схватил его за плечи одной рукой, другой же указал налево. Левингтон посмотрел, и выражение его лица изменилось.

В том же саду, шагах в сорока от дома, отделенный от него вымощенным двором, поросшим мхом и сорными травами, был сарай. Его окружали рододендроны; над его крышей поднималась труба; в стене было закрытое ставнями окошко и замкнутая дверь. И вот из дома, из старого красивого дома, вышел человек, худой, темноволосый, смуглый, зловещий, со спутанными волосами и небрежно одетый. Он без шляпы остановился на припеке, показал на сарай и захохотал.

— Господи! — пробормотал Левингтон, опуская дуло ружья. Он уже слышал этот смех, страшный, бездушный, безрадостный, тот самый, который раздался вслед за душераздирающим воплем, тот самый, который встретил их в первый раз на острове.

Из сарая тотчас же посыпался ожесточенный отчаянный поток проклятий.

Левингтон и Арндель безмолвно смотрели на сарай. Вдруг вся кровь отхлынула от их щек и, хотя их губы зашевелились, но не выговорили ни слова. И немудрено: из-за угла медленно-медленно, не торопясь, вышло «оно», чудовище.

III

Мне трудно описать вам весь ужас появившегося существа, да я и не хочу делать это. Возьмите хорошую естественную историю и отыщите в ней иллюстрацию, изображающую тропического сухопутного краба; придайте ему какие угодно цвета, главное, водянисто-зеленый тон, тон бисквита и мутно-красный; увеличьте его до высоты пяти

футов; прибавьте какие вам угодно подробности — и у вас получится приблизительно правильное представление о нем.

Истинное чудовище было гораздо страшнее, чем все, что вы представите себе, судя по иллюстрации, но вам достаточно и такого кошмара. Это был краб, сухопутный тропический краб и притом, конечно, исполинский.

Выходя из-за угла строения, он размахивал своими клешнями, высоко вскидывал их, выдвинув свои глаза, похожие на черные полированные камешки, сидевшие на длинных стеблях. Заметив человека на газоне, он впился в него каменным взглядом. Арндель и Левингтон ясно видели страшное непрестанное мелькание его щупальцев подле сложного рта (движение, свойственное крабам), а также вытягивание глазных стеблей.

Краб внезапно повернулся и напал на сарай. Его правая клешня округлым серпообразным движением работала над закрытым окном. Зазвенело выбитое стекло и наблюдатели увидели надрез, показывавший, в каком месте клешня сжала бревно. В то же мгновение из старая послышался новый женский вопль и поток проклятий мужского голоса, сыпавшихся на голову человека на лужке. Это послужило разъяснением для охотников.

— Праведное небо, — пробормотал Арндель, — он сумасшедший и запер в сарае две жертвы. Дьявольское создание разобьет дверь или окно, и тогда... — Он замолчал, боясь договорить.

Действительно, щепки так и летели под ударами исполинских клешней; крепкие бревна трескались.

В сарае послышались новые вопли и снова замолкли.

— Нужно действовать, нельзя стоять так, — крикнул Левингтон. — Туда около полутораста шагов. — Он прицелился, но вдруг окаменел, как статуя.

До сих пор маньяк не отходил от дома; кроме того, известно, что животные (мое замечание может применяться и к крабам) очень редко нападают на умственно больных или пьяных, и это, по всем вероятностям, до сих пор спасало его. Однако, голод — могущественный двигатель, а чудовищный краб, как выяснилось позже, очень хотел есть.

Судьба заставила безумного сделать несколько шагов, остановиться на самом краю усыпанной гравием дорожки и приняться бросать насмешки своим жертвам, запертым в сарае. Случилась странная вещь.

Медленно-медленно, по-прежнему спокойно, краб повернулся и еще дальше выдвинул свои глаза, еще медленнее его исполинские клещи опустились, точно подъемные машины, и он как бы указал ими на безумного, который кричал, хохотал и кривлялся. И вдруг...

Краб опустился до земли и боком с невероятной быстротой побежал к маньяку; его огромные ноги мелькали буквально, как спицы колеса. Сумасшедший в одну секунду очутился под исполинским щитом.

Почти одновременно прозвучали два ружейных выстрела. Полетела картечь и пуля. Голуби поднялись облаком. Краб сделал прыжок ярдов в шесть, снова тем же странным боковым движением пронесся через лужок и скрылся.

Человек, лежавший подле дорожки, как догадались охотники, Газенцио, был убит первым ударом клешни. Поняв это, Левингтон и Арндель кинулись к сараю.

— Вы в безопасности, — закричал Левингтон. — Краб убежал, а сумасшедший умер.

Говоря это, он отодвинул засов, который замыкал дверь снаружи.

Дверная створка отворилась — к нему на грудь упал человек и потерял сознание. На полу, в обмороке, лежала темноволосая, изумительно красивая женщина.

Почти не разговаривая между собой, два приятеля отнесли в дом несчастных, закрыли входные двери, нашли водки и холодной воды и с помощью этих средств привели в себя обеспамятевших.

Через полчаса смуглый незнакомец сидел в глубоком кресле.

Глухим голосом он рассказал следующее:

— Я был компаньоном Газенцио в Южной Америке. Мое имя — Кальдатеро. Что? Да, я англичанин, но это имя ношу много лет. Моя другая фамилия? Это все равно. Мы с

Газенцио разбогатели, благодаря... все равно чему. Мы разбогатели, вернулись в Англию. Газенцио был богаче меня и купил этот остров. Надо сказать, что в Южной Америке он держал ручного краба, краба сухопутного, очень большого. Это создание бегало за ним, как собака. Газенцио кормил своего любимца сырым мясом.

Все терпеть не могли краба, но Газенцио всегда был чудаком. Он привез его с собой в Европу, и когда (вероятно, от сырого мяса), это создание стало слишком велико, посадил его в пруд, обнесенный чугунной изгородью. С тех пор Газенцио стал кормить краба овцами, просовывая их в калитку, проделанную в ограде и слишком узкую для краба.

Рассказчик вздрогнул и замолчал.

— Мы знаем, — заметил Левингтон. — Продолжайте.

— Пробыв в Англии около года, мы оба влюбились в одну и ту же девушку. Газенцио она возненавидела, меня полюбила; мы с ней уехали и обвенчались. С тех пор прошло пять лет. Я думал, что Газенцио будет нам мстить, — он снова вздрогнул, — но ошибся... в то время. Напротив, он стал писать нам прелестные письма и в день нашей свадьбы прислал великолепный подарок. Неделю тому назад мой бывший компаньон письменно пригласил нас погостить у него, говоря, что он болен, что ему грозит смерть и что ему хотелось бы повидать нас перед кончиной.

Мы приехали вчера под вечер, он принял нас очень гостеприимно и угостил роскошным обедом. После обеда (заметьте, до тех пор мы не замечали в нем ни признака ненормальности) Газенцио предложил нам осмотреть его новую ферму, но едва мы вошли в нее, как бешеный перескочил через ее порог, захлопнул дверь и запер ее на засов. Потом Газенцио, приставив лицо к ставне окна, прокричал, что его исполинский краб вырвался на волю и скоро придет за нами. В эту минуту я понял, что он сошел с ума. Краб действительно пришел, пришел голодный. Газенцио раньше сказал нам, что несколько дней не кормил его. При лунном свете сквозь щели ставни я видел чудовище. Мне и не представлялось, чтобы какое-нибудь существо за пять лет могло вырасти так ужасно. Вероятно, страшное создание пожрало множество овец.

Ну, вот и все. Остальное вы знаете. Теперь мы уедем. Я не в силах оставаться здесь.

Арндель и Левингтон переглянулись, мимоходом осмотрев великолепно мебелированную комнату, и Арндель еле заметно кивнул головой.

— Ужасно, чудовищно! Слава Богу, что нам удалось спасти вас, — проговорил Левингтон. — Если вы достаточно оправились, уезжайте. По дороге дайте знать полиции.

Через полчаса, после дальнейших разговоров, охотники проводили Кальдатеро и его жену до берега и покинули жуткие владения безумного Газенцио.

Никто никогда не нашел ни следа чернокожего слуги или краба. Без сомнения, чудовищное создание было ранено насмерть, кинулось в море и, благодаря слабости, не могло подняться на поверхность, чтобы дохнуть воздухом, а потом утонуло. Что случилось с чернокожим слугой — тайна, которая, вероятно, умерла вместе с его безумным господином — или с крабом.

ՀԱՅԵ ՏՐԵՅ

ŁŒŒ¢?‐ĲΛŒ

Медгэм Центри было идеальным местом для ученого или мечтателя, и Гарольду Глиссону только случайно удалось найти его. Не теряя времени, он приобрел его почти за бесценок. Это маленькое имение когда-то было монастырем, с обширными землями и быстрой, полной форелей речкой, протекавшей по всей его длине.

Но теперь эта речка превратилась в чуть видный ручеек, а от старых зданий остался только большой амбар, в котором Глиссон производил свои научные опыты. Для собственного жилья он выстроил небольшой домик внутри высокой каменной ограды, защищавшей от посторонних глаз некогда обширный фруктовый сад. Этот фруктовый сад пользовался громкой известностью в те дни, когда монахи культивировали яблоки «фоксуэльс» и приготавливали из них самое лучшее яблочное вино.

Но к тому времени, когда Глиссон приобрел это поместье, фруктовый сад уже представлял собой одичавшую молодую поросль, перемежавшуюся со старыми искривленными деревьями, или совсем не дававшими плодов, или дававшими очень небольшое количество их, да и то совершенно непригодных для еды. Всего через два года Глиссон каким-то чудом сумел опять превратить заглухший сад в роскошный питомник самых лучших сортов яблок.

Последние дни сад стоял, весь покрытый морем розовых цветов. Красота его чувствовалась тем сильнее, что в этом году весна необычайно запоздала и затянулась до середины мая, а еще недавно сад, с голыми почерневшими деревьями, имел печальный осенний вид. Теперь же он ка-

зался совершенно преображенным. Молодые яблони, из которых большинство имело всего полтора-два метра высоты, казалось, были усыпаны цветами от земли до верхушек и обещали богатый урожай, если только поздний майский мороз не разрушит всех надежд Глиссона. Сухой мороз был бы не очень опасен теперь, когда цвет уже совсем распустился, но, если бы он грянул после дождя или мокрого снега, как часто случалось в этих краях, то ученому пришлось бы еще год ожидать результатов его важного опыта.

Он объяснил все это своему другу, доктору Джеймсу Пеннанту, когда они сидели после завтрака на террасе домика, куря свои трубки. Здесь они были совершенно одни, так как Глиссон не держал прислуги, а всю домашнюю работу исполняла старуха, жившая в деревне. Она приходила ежедневно на несколько часов и уходила, как только все было убрано после обеда.

Довольно долго между Глиссоном и его гостем царило полное молчание. Они были старыми друзьями и товарищами по университету и, поскольку дело шло о науке, шли одним и тем же путем. В настоящее время Глиссон пригласил к себе друга, с которым давно уже не видался, чтобы показать ему свое замечательное открытие.

— Это открытие должно было бы иметь огромное значение, — говорил Глиссон. — Вспомни, как мы издевались над этим в наши школьные дни и, однако, обсуждали возможность открытия наполовину серьезно. Но я никогда этого не забывал, Джим. Мечта эта все время преследовала меня и сильнее всего с тех пор, когда случай дал мне в руки «Пищу богов» Уэллса. Эта книга заставила меня немало подумать. Это, конечно, вымысел, но все же настолько убедительный... настолько убедительный, что я посвятил последние три года на то, чтобы осуществить его. А почему бы и нет?

Люди в одном отношении, пожалуй, не прогрессируют: они и раньше и в настоящее время питаются совершенно неподходящей пищей. Питание человека далеко не современно. В наше время высокого нервного напряжения нам нужно кое-что, кроме калорий, которые можно извлечь из мя-

са. При той быстроте, с какой мы живем в настоящее время, мы скоро обратимся в совершенно беззубых людей. Ныне необходимо большое количество подходящей пищи, иначе последует общее безумие.

Разве мало в настоящее время в мире людей, находящихся на краю полного нервного расстройства! И опасность эта все увеличивается. Говорю тебе, Джим, что подходящую пищу найти необходимо, и, как мне кажется, я нашел ее. Позволь мне показать тебе кое-что...

Глиссон говорил почти шепотом. Тон его был необычайно серьезен. Он направился во фруктовый сад, где маленькие фруктовые деревья под яркими лучами солнца казались сплошной нежно-розовой и алой массой, и Пеннант, следовавший за своим другом, невольно залюбовался представившейся ему чарующей картиной.

— Какие удивительно крупные цветы! — воскликнул он.

— Никто никогда еще не видывал подобных цветов, — заметил Глиссон с гордостью. — Они единственные в своем роде.

Цветы, действительно, были единственными в своем роде. Они скорее походили на розы, чем на цвет плодовых деревьев. Ни один из них не имел менее трех дюймов в диаметре.

— Как ты умудрился этого добиться? — спросил Пеннант.

— Я обработал деревья электричеством, — объяснил Глиссон. — Ты, конечно, уже не раз слышал об этом. Совсем не новость взять растение и выгнать его под влиянием электрического тока. Я всему этому научился из статей профессора Боттомлея. Ему удалось вырастить такую пшеницу, что урожай удвоился, но этого для меня еще очень мало. Электричество — жизнь, а если оно жизнь для растений, почему бы ему не быть таковой и для человечества?

Я задал себе вопрос: если электрический ток может развить рост растений и увеличить их производительность, не имеется ли возможности увеличить ценность питательных веществ (в калориях), применяя электричество к пищевому продукту? Не удастся ли мне вывести плод, который будет обладать необычайно повышенной питательностью?

Прошлым летом я нарвал с дюжину яблок с единственного молодого дерева, на котором уже были плоды, и все они имели больше восемнадцати дюймов в диаметре. Я надеюсь, что в этом году они будут еще крупнее. Но практические результаты я надеюсь получить тогда, когда пчелы, в настоящее время лакомящиеся, как ты видишь, соком этих цветов, дадут нам мед.

— А прошлогодний мед? — спросил Пеннант.

— У меня было слишком мало этих крупных яблочных цветов, и тот мед, который пчелы извлекли из них, наверное, ослаблен медом из обычных цветов. К тому же, осень была холодная и сырая, поэтому я оставил пчелам весь собранный ими мед, чему очень порадовался впоследствии, когда оказалось, что нынешняя весна такая поздняя. Но, принимая во внимание, что весь мед, собранный в этом году, будет в моем саду с этих изумительных цветов, — я ничуть не призадумаясь взять один из новых сотов для опытных целей.

— Если я правильно понял, то ты собираешься употребить мед с этих поразительных цветов в виде основы для твоей сверх-пищи? Не надеешься ли ты вывести пчел таких же крупных, как и цветы, если будешь кормить их медом, который они в данную минуту собирают с этого сада?

— Надеюсь, — спокойно проговорил Глиссон. — Я это уже делал в небольших размерах с некоторыми насекомыми и пока не отметил ни одного сомнительного результата. В нынешнем году пчелы будут роиться ненормально поздно, но, так как спешить тебе некуда и ты можешь прожить здесь с месяц или даже больше, то ты увидишь кое-что необычное, когда появится первый рой. А пока я не осмеливаюсь дотрагиваться до рам.

Пчелы жужжали в цветах яблонь, напоминая прибой летнего моря. Мимо пролетела оса. Пеннант указал Глиссону на нее.

— Почему бы тебе не проделать опыт на одном из вот этих насекомых? — спросил он. — Не мог ли бы ты взять немножко нового меда из одного из ульев и скормить в осинный сот? Если я хорошо понял твой план, твое изобре-

ние заключается в новой пище для истощенных людей, которая произведет в них радикальное изменение. Эти сверхцветы требуют сверх-пчел, чтобы уж быть логичным. Когда твои пчелы станут питаться новым медом, они должны будут сравняться ростом с орлом. Если бы ты стал кормить твоим медом вот эту собаку, то мог бы рассчитывать, что она сравняется с датским догом.

Пеннант указал на небольшую дворняжку, свернувшуюся клубком на крыльце у ног Глиссона. Собака эта как-то раз случайно зашла во двор и с тех пор поселилась у Глиссона.

— Это более чем вероятно, — ответил ему Глиссон. — Если окажется возможным развить животную жизнь в той же пропорции, в какой я развил растительную сторону природы, я это сделаю. Ты сам видишь, что я сделал с цветами. Но это было далеко не легким делом.

Каждый дюйм земли здесь, в саду, находится под влиянием сильного электрического тока от стоящего за амбаром динамо. Я сам привил эти яблоки карликовыми видами яблони, также обработанными электричеством. Отсюда и получились эти поразительные цветы. Единственное, чего мне приходится бояться, это внезапного мороза после теплой погоды. И должен заметить, что вид неба в настоящую минуту мне не нравится.

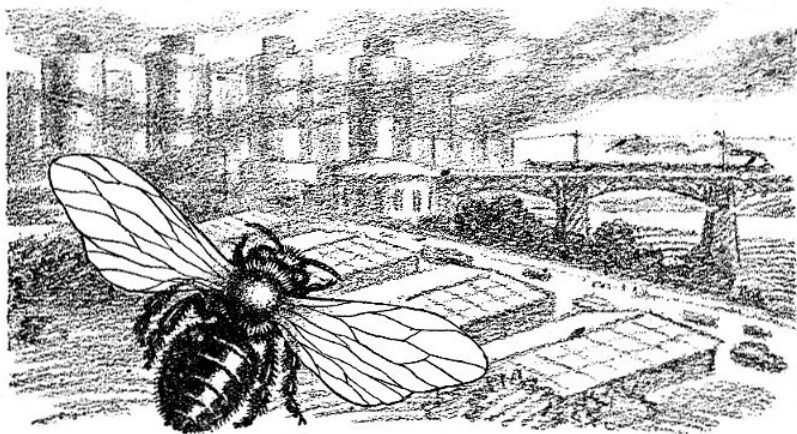
Глиссон указал на легкую дымку, от которой шли длинные полосы по восточной части неба. Над головой ярко сияло солнце и в воздухе чувствовалась ласковая теплота лета.

Пеннант, по-видимому, не обратил внимания на слова друга. Ум его был погружен в целый мир различных соображений.

— Это в высшей степени интересно, это грандиозно! — воскликнул он, увлекшись идеей Глиссона. — Полагаю, что ты не производил никаких личных опытов с этим новым медом?

— У меня пока не было лишнего меда для этой цели, — пояснил Глиссон. — Видишь ли, первые результаты были собраны только в течение нескольких последних дней. Весь мед еще в ульях и, искренне надеюсь, в новых сотах. Так

как основой всех питательных ценностей является сахар, то у меня и зародилась идея начать с меда, изготовленного пчелами из этих сверх-нормально развитых цветов. Мед будет, кроме того, специально обработан препаратом, который я очень долго изготовлял.

Огромные пчелы, которых я надеюсь развести, сделаются питательницами мира. Человеку уже не будут нужны никакие животные. Бык и баран, лосось и сельдь — будут забыты в пищевом обиходе человечества, и, тем не менее, весь мир будет иметь сколько угодно пищи. Это звучит словно бред сумасшедшего, не так ли?

— И все же не один подобный бред в конце концов осуществился, — заметил Пеннант. — А теперь поищем поблизости и посмотрим, не попадется ли нам где-нибудь осиное гнездо. Мне не терпится начать опыт.

Им пришлось искать довольно долго, но, наконец, они нашли осиное гнездо под валом, защищенным рядом ветел, на самом солнечном припеке. Так как гнездо было не из сильных, то овладеть им было нетрудно. Это было сделано при помощи куска пороховой нити, просунутой глубоко во входное отверстие гнезда и зажженной.

Пять минут спустя гнездо выкопали и горсточку черных с желтым обитателей его уничтожили. В гнезде нашлось

всего три небольших сота цвета замазки, грубой овальной формы, окружностью в чайную чашку. В каждой из ячеек можно было различить осиную личинку через полупрозрачную восковую крышку, защищавшую личинку от воздуха.

— Это несколько лучше, чем я ожидал, — заметил Глиссон. — Нам, наверное, удастся ускорить развитие этих личинок в теплом месте, и дня через два мы будем иметь из них насекомых. Я помещу их в кладовую. Но сперва нам придется их обработать.

— Это напоминает мне об одном случае из наших школьных дней, — рассмеялся Пеннант. — Ты помнишь тот день, когда мы раздобыли осиные личинки для рыбной ловли и поздно вечером положили их в кладовую в доме твоего отца. На другое же утро...

— Помню, — улыбнулся Глиссон. — Раннее утреннее солнце заставило их вывестись, и к завтраку весь дом кишел осами. Сомневаюсь, чтобы это повторилось в данном случае. Как бы то ни было, я должен придумать какой-нибудь способ накормить этих молодцов новым медом из сверж-цветов. Это потребует немало труда и терпения.

Уже приближался вечер, когда Глиссон вошел в кабинет с небольшим куском медового сота в руке. Только восьмая часть рамки была наполнена маленькими шестиугольными ячейками, от которых испарялся такой аромат, какого Пеннанту еще никогда не приходилось обонять. От одного этого запаха вся кровь доктора заиграла, и он преисполнился еще никогда не испытанным им чувством восторга...

— Так, значит, и ты чувствуешь на себе влияние даже запаха этого меда? — прошептал Глиссон, заметив яркий блеск в глазах своего товарища. — Когда я впервые понюхал его, мне захотелось выйти на улицу и вступить в бой с первым встречным. И не то, чтобы я почувствовал хоть малейший задор или злобу. Это было похоже на необычайный и радостный подъем духа, точно я попал в новый мир, где не было ни боли, ни страданий, ни повода к какой-либо тревоге...

Пеннант рассеянно кивнул головой. Он рассматривал прозрачную жидкость в ячейках сот, любуясь ее удивитель-

ным янтарным оттенком с золотыми искорками. Безбоязненно он коснулся открытого шестиугольника ячейки языком, и кислотовато-сладкий вкус меда наполнил его новым ощущением силы. Дворняжка Фриск, спокойно спавшая на полу, вдруг поднялась и принялась носиться по комнате с громким радостным лаем, точно и она почувствовала действие нового меда.

— Лучше уж не продолжай опыт, — посоветовал Глиссон, видя, что Пеннант снова собирается лизнуть мед. — Здесь, может быть, кроется какая-нибудь опасность, о которой мы и не подозреваем. Давай прежде всего посмотрим, каковы окажутся результаты опыта над осаами.

— Дорогой мой друг, — заболтал весело Пеннант, — я готов сделать все, чего бы ты ни пожелал, даже стать на голову, если тебе это доставит удовольствие. Мне хочется смеяться и петь, мне хочется декламировать стихи. Неужели в жизни есть еще новая радость, о которой до сих пор никому и во сне не снилось?! По крайней мере, я именно это чувствую. Как ты умудрился это сделать?

— Я много лет производил опыты, — серьезно ответил Глиссон. — Сперва я производил опыты над простыми питательными веществами. Я отыскивал высшую форму питания при минимальном требовании от пищеварительного аппарата. Затем я отправился в ботанический сад и стал изучать действие электричества на растения.

Я задался целью вырастить такое яблоко, какого свет еще никогда не видывал, главным образом потому, что яблоко содержит в себе все элементы, необходимые для поддержания жизни организма на самой высоте. При помощи процесса элиминации* и тщательной прививки я, наконец, достиг именно того, что мне было нужно, а потом принялся за устройство своей электрической станции, при помощи которой удобрял, так сказать, свой сад. Это произошло как раз

* Отбор совершается как путем с о б и р а н и я полезных признаков, так и методом и с к л ю ч е н и я ненужных, вредных свойств. Элиминация — исключение (*Прим. из ориг. изд.*).

после того, как мне посчастливилось найти здесь идеальное для моих опытов место. Я посадил деревья в специально приготовленную почву, обработанную препаратом моего изобретения из известных фосфатов и растительной пищи. В этом препарате заключались, между прочим, железо, кости и сушеное молоко.

Я решил, что, если мне удастся добыть подходящую пищу, я сумею развить таких людей, которые смогут физически устоять в обстановке современного нервного напряжения. И я уверен, что иду по правильному пути. Когда я вывел этот чудовищный яблочный цвет, я обезумел от радости. Теперь, когда он окреп, самый тревожный период миновал. У меня будут невиданные плоды. Даже заморозки мне теперь уже не страшны, лишь бы это был сухой мороз. Если же мороз последует за дождем или градом, то в следующем году мне снова придется проделать весь опыт. Но, к счастью, я уже получил некоторое количество меда с этих паразитических цветов, и на этом меду я вскормлю новых пчел, которым предназначено снабдить всех сверх-пищей.

Пеннант с глубочайшим интересом прислушивался к словам Глиссона. Прикосновение меда к его губам пробудило в нем совершенно новое ощущение жизни. Прежде всего, его ум точно прояснился и просветлел, а по телу разлилась упоительная сила и уверенность в будущем.

— Я думаю, что это простой вопрос времени, — сказал он. — Мне кажется, что старания твои должны увенчаться успехом. Но ты же не можешь сделать особенно много до осени, когда будешь свободно располагать медом из ульев? До тех пор тебе вряд ли удастся вывести этих чудовищных пчел.

— Возможно, что так, — проговорил Глиссон. — Однако, пока что мы можем произвести опыт с этими осиными сотами.

Глиссон повел доктора в амбар, где у него была лаборатория и где он производил свои опыты. Из кучи всякого хлама, сложенного в углу, он вытащил стеклянный резервуар, раньше служивший аквариумом. Дно его было сделано из олова, а стены — из толстого зеркального стекла; к этому резервуару Глиссон подобрал крышку, которая закры-

валась очень плотно, почти герметически.

— Мы пробуравим в крышке несколько отверстий, чтобы молодые осы могли дышать, — сказал он. — Нам совсем не нужно, чтобы они летали повсюду, когда выведутся. А теперь наблюдай!

Глиссон взял кусок сота с деткой и с бесконечной осторожностью принялся при помощи иглы для подкожного впрыскивания вводить по крошечной капельке нового меда в каждую отдельную ячейку. Каждая личинка получала свою долю меда и снова запечатывалась смесью из воска и клея.

— Надеюсь, что опыт выйдет удачным, — пробормотал Глиссон. — Есть, конечно, опасность, что, вводя новый мед, я ввел в ячейки и воздух, в каком случае личинки погибнут и весь наш труд пропадет даром. Но личинки уже довольно велики. Можно рассмотреть уже их голову, лапки и выпуклые глаза. Мы поместим их вот там, у западного окна, чтобы с наступлением вечера их озарило солнце. Раньше, чем совершенно стемнеет, я их снова переставлю, чтобы утром, как только солнце встанет, их снова пригрело.

Теперь оставалось только терпеливо ждать, чтобы солнечное тепло сделало все остальное. Становилось немного прохладно, когда оба ученых отправились в дом и сели за скромный ужин. На востоке, на небе замечалась какая-то особенная краснота и туманность, которая намекала на перемену в атмосфере. Глиссон посмотрел на небо с некоторым беспокойством.

— Я всегда чувствую некоторую тревогу в это время года, — пояснил он. — Погода так чертовски обманчива!

Страхи Глиссона, однако, не оправдались. Небо осталось ясным, и утро принесло с собой потоки солнечного света и ощущение ласковой мягкости в воздухе. К концу завтрака установилась совершенно летняя погода. В стеклянном резервуаре с осиными сотами пока не произошло никаких изменений, хотя, осмотрев соты, Глиссон сразу же заметил, что личинки в ячейках живы.

— Пока все идет хорошо, — сказал он Пеннанту. — Личинки, несомненно, чувствуют себя прекрасно. Заметь яркую

синеву щупальцев и черноту полос на теле. Все они живы.

Дело обстояло именно так, как сказал Глиссон. При удаче весь выводок должен был увидеть дневной свет через несколько часов, может быть, через день.

На следующее утро Глиссон заторопился посмотреть результаты своего опыта. Он увидел картину, заставившую его затаить дыхание и отступить в тревоге и удивлении. Он протер себе глаза, как только что проснувшийся человек.

На столе, у восточного окна амбара, лежали осколки стеклянного резервуара, в котором хранились осиные соты. Он был разбит на мелкие части, точно кто-нибудь нарочно раздробил его молотком. На столе, среди сверкающих осколков, лежали обломки осиных сотов — кучка сухой распыленной трухи. В этой сухой трухе не замечалось, однако, ни малейших признаков жизни, даже ни одного мертвого насекомого, раздавленного при общем крушении. Нигде не было видно живых ос.

Дворняжка Фриск, следовавшая по пятам за Глиссоном, лаяла со всеми признаками страха и злобы, опустив короткий хвост, и ее острый любопытный нос был поднят к крыше амбара, где темные тени скрывались во мраке...

Вдруг под стропилами амбара, там, где тени больше всего сгущались, раздалось какое-то странное гудение, словно от работавшей вдали молотилки, какой-то тонкий писк, словно от вырывающегося пара, затем свист, словно от крыльев какой-то огромной птицы, вившейся в воздухе над своей добычей. Затем вдруг опустилось какое-то кошмарное насекомое в фантастической черной с желтым полосатой одежде, парившее, точно вспышка молнии, на жужжащих крыльях, похожих на крылья гигантской стрекозы. С быстротой молнии чудовищное насекомое набросилось на несчастного Фриска, и через секунду собака уже лежала у ног своего хозяина мертвой.

Глиссон прирос к месту, не будучи в силах сдвинуться. Похолодев от ужаса, он наблюдал за невиданным существом, парившим над трупом собаки, которое затем опустилось на него и начало насыщаться кровью. Затем из сумрака стропил опустились второе и третье чудовища, точно

коршуны, спускающиеся с неба на мертвого леопарда. На Глиссона они пока не обратили ни малейшего внимания...

На трупе Фриска сидела пара чудовищ, которых случайно вызвало к жизни изобретение Глиссона. Он, конечно, знал, что это такое. Сверх-пища оказала свое действие на соты, взятые из осиногo гнезда. Гигантские осы вывелись на рассвете этого лучезарного майского утра, и появились вооруженные, словно воины, чтобы потрясти мир. Своей покрытой броней головой и точно стальными латами они разбили стеклянную тюрьму, вылетели и сгрудились под крышей амбара.

Они обладали всей дикой злобой и жестокостью своего племени, в тысячу раз большей силой, чем их прародители, и таким сильным ядом в хвостах, что он мог причинить мгновенную смерть всему живому. Глиссон сразу же сообщил это, когда увидел моментальную гибель Фриска.

И все же любопытство жаждущего новых открытий ученого превозмогло в нем чувство страха. Опыт ему удался. Новый мед, смешанный с его препаратом, породил этих новых гигантских насекомых.

Однако, самым важным вопросом теперь было скорее уничтожить эту смертельную опасность прежде, чем она рассеется по всей земле, точно эпидемия. Кто мог предугадать, как далеко эти летучие черно-желтые хищники занесут смерть и разрушение, если их не задержат и не уничтожат до того, как они вылетят на волю.

Но на одну минуту инстинкт ученого все же взял верх. Глиссон наклонился и стал рассматривать огромное полосатое чудовище, насыщавшееся кровью собаки.

По форме тела и окраске это была самая настоящая оса, но величиной с коршуна. Глиссон на глаз определил, что тело имеет не менее двенадцати дюймов длины. Черно-желтое тело, странно похожее на футбольную фуфайку, сверкало стальным отливом и походило на броню какого-то нового вида; голова была тверда и похожа на роговую. Большой круглый зловещий глаз насекомого напоминал большую рыбу чешую с огненной точкой посередине. Пока насекомое насыщалось, крылья его вибрировали, точно про-

пеллер аэроплана.

— Скажи же мне, что это такое? — спросил хриплый голос.

— Это ты, Пеннант? — едва мог проговорить Глиссон. — Ты давно уже здесь? Если тебе дорога жизнь, двигайся поосторожней. Посмотри вверх над головой.

Все пространство под крышей представляло собой массу черно-желтых тел, чертящих в воздухе фантастические узоры, и воздух трепетал от визга их крыльев. Звук походил на звук ветра, играющего в путанице телефонных проводов. Затем еще одно из чудовищ спустилось на труп собаки и запустило жало в коричневый мех.

Нервы Глиссона, наконец, не выдержали, и он бросился бежать в сопровождении Пеннанта, у которого едва хватило присутствия духа на то, чтобы закрыть за собой дверь амбара. Точно двое сумасшедших, пробежали они те несколько метров, которые отделяли амбар от входа в дом. Задышавшись и почти теряя сознание, Глиссон схватил дрожащей рукой графин и налил два больших стакана вина. Несколько минут ни один из друзей не произнес ни слова.

— Что же это значит? — спросил наконец Пеннант.

— Увы, друг мой, — пробормотал Глиссон. — Опыт мой оказался слишком удачным. Моей идеей было создать сверхпороду людей, которая сумела бы построить новый и лучший мир силой своего умственного и физического превосходства. Это чудо должна была вызвать изобретенная мной сверх-пища, и, наверное, она это и осуществила бы. Насколько дело это мне удалось, ты видел сам... Обыкновенная оса — отвратительное насекомое, но ты видел, что я из нее сделал!

— Крылатое хищное чудовище, — подсказал Пеннант.

— Боюсь, что так. Я видел, как собака издохла, точно пораженная молнией. Это могло случиться и со мной. Я думаю, что укол такого жала смертелен для всякого живого существа. Если мы упустим этих ужасных хищников, то они размножатся, и никакая жизнь не будет застрахована от них. Мы должны немедленно истребить их.

— Но как ты это сделаешь? — спросил Пеннант. — Вдруг

они разобьют окна, как разбили стеклянные стенки резервуара? Я видел, что случилось. Ни за что на свете не вошел бы я снова в этот амбар!

— Надо поджечь амбар, — воскликнул с отчаянием Глиссон. — Надо облить его бензином.

— Да, и вызвать сюда через несколько минут пожарную команду. Но даже и такое отчаянное средство может не оказать желаемого результата. Представь себе, что при первом признаке дыма и пламени осы разлетятся, разбив стекла...

Глиссон уныло кивнул головой. Предположение Пеннанта было вполне основательно.

«Нет, — думал Глиссон, — насекомых необходимо уничтожить, и раз это будет выполнено, я уже больше не стану повторять своих опытов со сверх-пищей. Новый мед, имеющийся в ульях, будет уничтожен, и все следы этого ужасного опыта затерты. Но как это сделать?!»

Глиссон просидел все утро, глубоко задумавшись над этой задачей. Он совершенно не мог думать ни о пище, ни о собственном удобстве, пока эта задача не была разрешена.

Пока медленно тянувшийся день клонился к вечеру, к солнечному закату, он десятки раз выходил из дома, чтобы посмотреть, целы ли окна амбара. Он мог слышать глухое жужжание и визг исполинских ос внутри амбара.

Цветы яблонь величиной с розу и нарциссы, стоящие в саду на стеблях, подобных стеблям подсолнухов, его уже больше не интересовали...

Глиссон поднял глаза к небу, и внезапная мысль пробудилась в нем. В лицо ему дунул порыв резкого, холодного ветра. Он взглянул вверх на стоящий на крыше амбара флюгер. Ветер сразу повернул к востоку, небо стало хмурым и приняло медный оттенок.

— Ах, если бы только настал мороз! — простонал он. — Это единственное, чего я жажду в данную минуту.

Глубокая тишина спустилась на землю, когда Глиссон направился обратно к дому. Теперь уже в груди его теплилась надежда. Пеннант уловил выражение лица своего друга и с интересом повернулся к нему.

— Ну, что же, — спросил он, — что-нибудь случилось?

— У нас будет сильный мороз, — заявил Глиссон. — Он, быть может, окажется нашим спасителем. Пока еще окна целы, я полагаю, ни один из этих дьяволов не выберется на волю. Как бы то ни было, теперь они уже пробудут там до утра: их природный инстинкт, вероятно, предупредил их о перемене погоды, а холода они боятся. Кроме того, я придумал план, Пеннант. Вот в том старом дубовом ящике ты найдешь несколько пар резиновых перчаток, которыми я пользуюсь при анатомировании. Вытащи их, а затем дойди до гаража и принеси те автомобильные рукавицы, в которых ты приехал сюда на своем авто. Мои — найдешь в коляске мотоциклетки. Принеси кстати и оба передних автомобильных фонаря. У меня в спальне есть маленькая батарея.

Пеннант не стал пока задавать никаких вопросов и вскоре вернулся со всем, что было нужно Глиссону. Глиссон принялся устраивать что-то вроде прожектора, соединив свою батарею с фонарем автомобиля. Покончив с этим, он отправился в кладовую, откуда вскоре вернулся с двумя бутылками, содержащими какую-то жидкость. С этими бутылками он обращался крайне осторожно, сперва надев толстые кожаные рукавицы поверх перчаток.

— Это раствор серной кислоты с различными добавлениями, — пояснил он угрюмо. — Вещество это ужасно, когда приходит в соприкосновение с какой-нибудь чувствительной материей. Помогите мне донести эти бутылки до дверей амбара, да обращайтесь с ними поосторожнее.

Пеннант не стал задавать никаких вопросов. Он был так же сильно озабочен черно-желтой опасностью, как и сам Глиссон. Поэтому он взял часть ноши, и скоро бутылки со смертоносной жидкостью стояли у амбара.

— Предстоящее нам дело очень опасно, не стану скрывать этого от тебя, — тихо пробормотал Глиссон. — Мы подвергаемся смертельной опасности, идя на бой с этими летающими чудовищами. Если они ужалят нас — мы погибли.

Затем они с Пеннантом оделись в свои автомобильные костюмы, включая и очки, и тщательно обвязали рукавицы вокруг кистей рук. Покончив с этим, Глиссон достал па-

ру фехтовальных масок, которыми они покрыли головы, защитив шею и уши шерстяными шарфами. Снаряжение их дополнилось двумя большими медными шприцами.

— Теперь ты понимаешь, что я собираюсь сделать, — заметил Глиссон. — Мы уничтожим этих чудовищ при помощи раствора серной кислоты. Дай мне только посмотреть на термометр...

Было одиннадцать градусов мороза, а восточный ветер резал уже лицо, точно лезвие ножа. Глиссон взял в руки прожектор, распахнул двери амбара и осветил внутренность амбара с пола до крыши яркими лучами.

С балки, на которую опиралась крыша, свешивался спутанный клубок черно-желтых тел ос, наполовину уснувших в морозном воздухе. Однако, ослепительный свет заставил их зашевелиться, а одно из гигантских насекомых отделилось от остальной массы и угрожающе затрепетало в воздухе с резким свистом крыльев, звучавшим, точно смертный приговор.

На полу лежал скелет собаки, почти совершенно очищенный от мяса, с прицепившимся к нему десятком ос, находившихся в полусонном состоянии.

Глиссон подал знак Пеннанту, и оба, открыв внесенные бутылки с серной кислотой, наполнили ей свои шприцы.

— Осторожнее, — предупредил Глиссон. — Спокойный человек всегда лучше сделает свое дело. Пытайся выпустить жидкость так, чтобы ни одна капля ее не попала на твои руки. А теперь направь струю прямо на труп собаки.

Кислота упала молчаливым дождем, куда было указано, и вслед за этим облако, окутанное в золотой пурпур, поднялось со скелета. Затем туман снова опустился, точно стгутившийся пар, и масса извивающихся тел рухнула в виде дымящейся смеси.

— Наполни снова шприц. А теперь оба вместе — прямо в крышу.

И было время. Полусонный клубок: зашевелился, и взбодраженные осы собирались уже напасть на людей, но их встретили две струи смертоносной жидкости. Сразу целый дождь обожженных крыльев упал на головы нападающих,

и штук двадцать или больше тяжелых тел с грохотом посыпались на пол. Снова понесся жгучий град капель кислоты, дымящейся и обращающейся в пар. Ужасный, резкий визг над головой постепенно замер, и наступила полная тишина. Ни одной из гигантских ос не осталось в живых.

Два друга стали быстро срывать с себя удушливую броню, точно люди, близкие к последнему издыханию. Да так и было в действительности. Резкий, холодный ночной воздух приятно оживил напряженные нервы и успокоил их.

— Какое счастье, что мы покончили с этими тварями! — воскликнул взволнованно Глиссон. — Джим, никогда уж больше не стану я вмешиваться в установленное природой равновесие. Своевременный мороз явился истинным благодетелем. Не будь его, эти дьяволы непременно разлетелись бы. Слушай, Джим, эта история касается только нас и должна остаться нашим секретом. Давай подметим остатки и тщательно уничтожим все следы моего ужасного опыта...

ΣΑΕ R66

Βότφελ η Χέλφ?

Автомобиль остановился у деревянной платформы, и молодой человек со свежим, приятным лицом пошел на встречу известному собирателю редкостей.

— Г-н Дональд Мак-Файл? — с учтивым поклоном осведомился он. — Я Реймонд Вельтон... Лорд Денмарк просил меня вас встретить...

— Очень приятно познакомиться! — ответил знаменитый путешественник. — Но надеюсь, ничего не случилось дурного? Мы старые друзья с сэром Джоном, но не виделись с ним уже три года. Я даже не помню, писал ли ему после того, как уехал в Мексику!... Знаете, когда зароешься в эти сокровища ацтеков, миль за сто от ближайшего города, то, право, забудешь, что и почта существует.

— Нет, собственно говоря, ничего не случилось лично с лордом Джоном или мисс Денмарк, но все же история очень неприятная... Мисс Денмарк чувствовала себя в последнее время нехорошо, и в ее гостиной спала эти ночи ее горничная Лидия Ренч, чтобы быть на всякий случай под рукой. И вот вчера утром горничная была найдена мертвой в своей постели. Доктор из Плимута, за которым тотчас послали, решительно отказывается разгадать причину ее смерти. И потому-то сэр Джон и просил меня вас встретить и провести к себе в коттедж, пока состоится похороны. Конечно, я буду польщен, если вы остановитесь у меня, я романист, занимаюсь литературой и кроме, того, я и мисс Денмарк...

— Вы Вельтон? — перебил его путешественник. — Как же, как же, знаю!... Я очень люблю читать ваши таинственные рассказы. Как это называется книга, где вы излагаете историю египетского жука? Что у вас еще есть нового?

— Да теперь, видите ли, я желал бы написать кое-что из жизни ацтеков, а уж всем известно, что об этом больше вас никто не может знать. В Британском музее мне удалось откопать старинную рукопись, где рассказываются, в стиле Мюнхгаузена, приключения одного путешественника в стране ацтеков. Там есть, между прочим, история, очень стран-

ная, одной бабочки, известной под названием Черного принца. На меня почему-то эта часть истории произвела большое впечатление, и я хочу использовать ее для моей новой вещи...

— Стало быть, вы думаете, что эта старинная рукопись не что иное, как выдумка? — спокойно спросил Мак-Файл. — Вы правы в том отношении, что про ацтеков никто не может знать больше меня. Мне очень жаль, что вся эта история случилась с Денмарком, и я очень вам благодарен за то, что вы на время приютите меня.

Коттедж Вельтона был очень скромен по виду, но чист и уютен, а комната, предоставленная знаменитому путешественнику, была полна света, и окна ее выходили на Атлантический океан, волны которого разбивались о берег футах в шестистах от дома, внизу. После плотного завтрака Мак-Файл с комфортом расположился в низком, плетеном кресле и, покуривая крепкую сигару, дружески болтал с своим юным хозяином, который положительно начинал ему нравиться.

— Многим бы здесь показалось чересчур пустынно, — сказал он. — Но мне скорее нравится... Между прочим, кто живет в том старом темном доме?

— Этот дом зовется «Воронье гнездо». В нем жил когда-то контрабандист, об отваге которого до сих пор еще рассказывают по вечерам в харчевне прибрежные рыбаки. Прежде дом был очень красив, но теперь от здания едва осталась половинка. Недавно в нем поселился племянник лорда Джона, единственный сын его умершей сестры. Это очень странный человек, он держится постоянно особняком, очень сдержан с соседями, и про него знают очень мало, только разве, что он имеет какую-то связь с лондонскими финансовыми кругами. Он купил «Воронье гнездо» два года тому назад, когда его оставила жена, и проводит здесь половину своего времени. По словам сэра Джона, этот человек достоин глубокого сожаления. Кажется, он был страстно привязан к своей жене, которая в один прекрасный день ушла из дома и упорно не желает вернуться. И даже больше! Она прямо отказывается видеть его и объяснить свое поведе-

ние. Интересно то, что этот же самый Джулиан Рама...

— Как вы сказали?—перебил его Мак Файл.

— Рама, — повторил Вельтон. — Не правда ли, странное имя? Отец Джулиана Рамы испанец из Мексики и Джулиан утверждает, что он нисходит по прямой линии от Акама-рихтля, второго короля ацтеков. Сэр Джон говорит, что у него есть странные манускрипты, утверждающие его права, но он, кажется, отказывается их кому-либо показывать. Может быть, когда он услышит, кто вы такой, он согласится вам их показать, хотя я и сомневаюсь...

— И я также, — сухо возразил Мак-Файл. — Вельтон, не говорите ему, кто я такой... Возможно, впрочем, что он никогда и не слышал обо мне!

— Вот этого, право, не могу сказать. Спросите лучше у сэра Джона. Я знаю только то, что, когда я услышал о нем, мне сразу же захотелось написать историю о таинственном человеке, происходящем от ацтеков, который знаком с черной магией и чтит все темные традиции, что перешли к нему от предков. Право, это так же интересно, как все то, что касается Египта!

— О, да! — внезапно с жаром воскликнул Мак-Файл. — Все зло, творившееся в Тире и Сидоне, весь грех Гоморры и Содомы и пышность Вавилона, все это сосредоточено в тайной истории ацтеков. Лукавый дух, известный у них под именем Тляктеколототля, которого они все более или менее обожествляют, действительно существовал когда-то на земле. Мне пришлось видеть много странных вещей... Удалось раздобыть некоторые эссенции и поработать над прекрасно сохранившимися древними трупами, и результаты получились крайне любопытные. Но вы не должны думать, что Рама знает столько же! Он не может знать всего, если не побывал там, где я... Его бумаги не могут сказать ему многого, хотя он и должен ими дорожить, как доказательствами своего происхождения.

Мак-Файл внезапно переменял тему разговора.

— А скажите мне, пожалуйста, что не нашли никаких следов насилия на теле той несчастной умершей девушки?

— Никаких. Я видел ее уже умершей, она лежала на правом боку я имела вид уснувшей. Знаков на теле не было никаких, если не считать двух пятнышек за ухом, походивших на булавочные уколы и почти незаметных. Пятнышки были красного цвета и были похожи также и на укусы комара. Вот у вас на руке как раз два таких же пятна...

Мак-Файл быстро взглянул себе на руку, и вокруг его губ зазмеилась улыбка.

— Вы замечательно наблюдательный молодой человек, — добродушно заметил он. — А теперь не пойдём ли мы к моим старым друзьям? Мне очень хотелось бы их видеть.

В окнах замка были спущены шторы, а лорда Денмарка и его дочь они нашли прогуливавшимися по лугу перед домом. Они были, по-видимому, очень рады Мак Файлу и любезно настаивали, чтобы гости прошли в дом.

— Вы находите нас в крайне беспокойный, тревожный момент, — сказал Мак-Файлу лорд Джон, которого его друзья прозвали англо-индийцем за то, что большую часть своей жизни он провел в Индии. — Вельтон вам, вероятно, рассказал, в чем дело?

— Да, рассказал. История, по-видимому, очень таинственная... Не могу ли я видеть девушку, умершую так загадочно?

— Да отчего же нет! — возразил лорд, видимо взволнованный. — Бедное дитя все еще покоится в своей постели, и я могу вас провести наверх.

Мак-Файл вошел в темную комнату и начал с того, что поднял штору. Потом он склонился над постелью и с лупой в руках тщательно рассматривал тонкие черты умершей. Его острые глаза точно приковались к пятнышкам позади уха. Очевидно, теперь они увеличились в объеме и были багрового цвета с ярко очерченным темно-синим кругом.

— Боже!.. — прошептал Мак-Файл. — Так и есть! Слава Богу, что я пришел вовремя!

Дверь маленького коттеджа была распахнута настежь, и свет рабочей лампы Вельтона виднелся издалека. Он только что усталым жестом откинул в сторону перо, когда в комнату вошел Мак-Файл.

— Вы были очень терпеливы все это время, милейший Вельтон, — начал собиратель редкостей, — но зато теперь можете спрашивать!

— Вопросов у меня тысячи! — пылко воскликнул Вельтон. — Целых пять: вы увидели умершую девушку. По вашему желанию я увел тогда из комнаты сэра Джона и видел, что вы очень взволнованы. Я видел потом, как вы осторожно сняли одну из язвочек за ухом. Как же после этого мне не страдать любопытством!

— Да, да! — пробормотал Мак-Файл.—Продолжайте!

— Потом вы задали мне массу вопросов. Вы желали знать, оставалась ли дверь гостиной на ночь открытой и, кроме того, была ли закрыта дверь, ведущая в спальню мисс Денмарк. Вы спросили у нее самой, были ли открыты окна, и она ответила, что да... И когда она добавила, что имеет привычку скалывать на ночь занавесы на окнах, потому что со времени пребывания в Индии боится комаров и прочих насекомых, вы, видимо, были удовлетворены. Кроме того, вы посоветовали ей запира́ть на ночь двери гостиной и спальни.

— Все это верно, Вельтон, — сказал Мак-Файл. —Смерть этой девушки простая случайность, и яд был предназначен не ей, а Дафне Денмарк. Чудовище, которое мы теперь преследуем, не знало, что горничная спала в гостиной. Но опасность снова приближается и наступит раньше, чем исчезнет с горизонта луна. Враг наш может действовать только при очень хорошей и жаркой погоде. Я сказал сэру Джону, что хочу заняться ловлей бабочек и больших комаров и просил, чтобы он оставил открытым одно окно для меня, чтобы я мог проникнуть в дом, когда захочу. А теперь, пока луна высока, мы можем пойти с вами туда и следить за

тем темным, злым ужасом, который царит теперь над замком. Мы с вами прокрадемся в дом и спрячемся в галерее, где сэр Джон хранит свои картины. У меня с собой потайной электрический фонарь и точно такой же я дам вам. Помните, что ужасная опасность неотвратима и что приключение будет из таких, что доводят нервных людей до сумасшествия...

— Я готов, — просто сказал Вельтон. — Я буду охранять женщину, которую люблю и которая любит меня, и готов жизнью пожертвовать для счастья Дафны Денмарк.

— Я это знаю... Ну, а теперь скажите: если Дафна умрет, кто наследует деньги Денмарк?

— Рама, конечно! Но ведь вы не можете же предположить, чтобы человек женатый и...

— Я ровно ничего не предполагаю, — перебил его МакФайл. — Телеграф в ближайшей деревушке довольно-таки много заработал от меня за последнюю неделю, но зато я узнал, что в последнее время Джулиан Рама находится в крайне бедственном положении, и что ему, во чтобы то ни стало, необходимо достать несколько тысяч фунтов стерлингов.

— Ах, так вот почему всю последнюю неделю Рама был в городе!

— Вы неправы, милейший Вельтон! Рама вовсе не уезжал, а все время был здесь. Он живет, как и вы, совершенно один в своем «Вороньем гнезде» и может приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Он превосходно ездит на мотоциклете и стоит ему переодеться немного, как его кто угодно в деревне примет за обыкновенного туриста. Сегодня ночью я вам покажу нечто, чего вы никогда еще не видали... Вот, для начала, фотография с фрески, которую я нашел в стране ацтеков. Фреску я уничтожил, но фотографию сохранил. Вот, не угодно ли!

Фотография представляла женщину в старинных одеждах ацтеков, лежавшую во весь рост на ложе с поднятым кверху белым твердым лицом. На одном виске виднелось нечто, похожее на опавший лепесток цветка, но когда Вельтон поглядел внимательнее, он увидел, что это была бабоч-

ка гигантских размеров. Сам не зная почему, Вельтон задрожал.

— Предположить можно самое ужасное, но тем не менее, я знаю немного... — сказал он наконец.

— А вот увидите... — угрюмо возразил Мак-Файл. — Это не что иное, мой друг, как Черный Принц. Но пойдёмте, мы только понапрасну теряем здесь время! Между прочим, у вас есть еще тот мед, которым вы угощали меня вчера вечером? Если есть, то захватите его немного с собой.

Как два разбойника, прокрались они в громадный холл замка и оттуда наверх в галерею. Звука шагов их не было слышно, и ровно ничто не выдавало их присутствия, только раз яркий столп света из фонаря Мак-Файла упал на порог одной из спален, и туда он приказал положить немного меда.

— Теперь сядьте здесь, — сказал он шепотом Вельтону. — Вот здесь, на дубовый стул, и возьмите в руки этот точный веер на длинной ручке. Я себе достал такой же. По правде сказать, я их попросту стащил со стены, которую они украшали. Я помещусь у шкафа по другую сторону коридора и, когда придет время, дам сигнал. Только, ради Бога, не делайте ни малейшего шума! Когда я скажу вам, вы моментально зажигайте ваш фонарь и махайте, что есть силы, по воздуху вашим веером, точно от этого зависит ваша жизнь! Да может быть, это так и будет...

Фонарь Мак-Файла потух, и некоторое время слышалось только тяжелое дыхание двух людей, сидевших в абсолютной темноте. Прошел час времени и потом еще, и Вельтон почувствовал, что каждый его нерв был напряжен и что скоро настанет момент, когда он должен будет встать с места, или иначе он не сможет удержать крика.

И затем внезапно молчание было прервано глухим жужжаньем. Звук походил на нежный звон проволоки, когда ее касается прибрежный свежий ветерок. Жужжание было слабо, но напряженному слуху Вельтона оно показалось громовым и заставило его задрожать с ног до головы. Ему казалось, что звуки повсюду, что они проносятся над его головой, выются у того места, где стоял Мак-Файл. Наконец, к его облегчению, послышался голос Мак-Файла:

— Начинайте, ради Бога, начинайте!

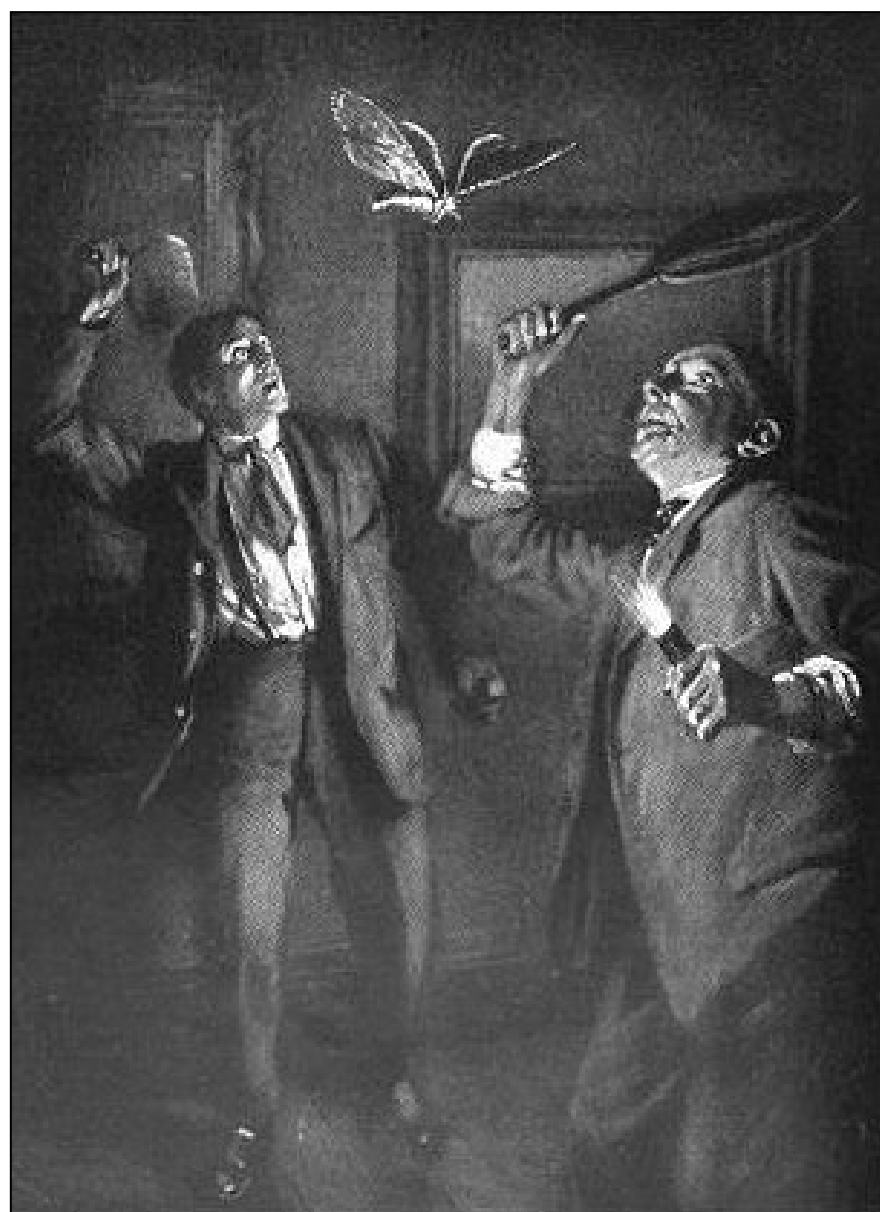
Вельтон вскочил на ноги и начал размахивать веером до тех пор, пока не заболела рука, и по его вискам не покатались капли пота. Он смутно сознавал, что Мак-Файл делает то же самое, и потом наконец он перестал и резкий светлый луч точно разрезал темноту...

У веера Мак-Файла виднелось нечто богатое красками и багровое, и пунцовое с золотом, большое, трепещущее...

— Поймал! — крикнул хрипло Мак-Файл. — Поймал!.. Теперь можете идти сюда и смотреть, опасности больше нет!

На полу лежала кучка ярких красок — все, что оставалось от Черного принца, злейшего, по мнению Мак-Файла, исчадия ада.

— Что это такое? — прошептал Вельтон.

— Здесь я не могу объяснять, да и кроме того, мы еще не кончили! — возразил Мак-Файл. — Только, ради Бога, не трогайте этого. На всей земле не найдется ничего более красивого и вместе с тем ядовитого. А теперь вы понимаете, кто все время меня тревожил?

— Этот дьявол Рама! — воскликнул Вельтон.

— Вы не ошиблись! А теперь подождите, пока я надену перчатки и уберу все следы этого ужасного дела. Потом мы направимся с вами к «Вороньему гнезду» и там dokonчим. Пари держу, что мы найдем этого негодяя дома!

— Видите ли, — говорил Вельтону Мак-Файл, пока они шли по освещенной яркой луной, дороге, — в иное время вы ничего бы от меня не добились о Черном принце, но, в-первых, меня заинтересовала старинная рукопись, которую вы нашли в Британском музее, а потом, когда вы мне рассказали о Джулиане Раме и загадочной драме в замке, я почувствовал себя обеспокоенным и решил во что бы то ни стало осмотреть умершую девушку. С первого взгляда я увидел, что она пала жертвой самого сильного яда, который только существует на земле.

— Как он называется?—спросил Вельтон.

— Терафин. И находится он только в одном насекомом, а именно в грандиозной бабочке, слывущей под названием Черного принца. Я говорил об этом, года два тому назад, профессору Скелетопу, и он делал изыскания по этому поводу, а результат знали только мы двое. Я сразу узнал здесь терафин, и профессор подтвердил мое предположение, когда я послал ему язвочку, срезанную с умершей. Я знал, от чего умерла девушка, и начал производить дальнейшие изыскания в карьере загадочного Джулиана Рамы... Я узнал, что он ездил в Южную Америку, будто бы по делам одной фирмы. Очевидно, тогда он и нашел Черного принца, как нашел его я сам...

Голос Мак-Файла перешел при этих словах в хрип, и в его глазах отразился бесконечный ужас.

— Нет, не хочу останавливаться на этом времени! — воскликнул он, вытирая пот, катившийся со лба. — Я часто вижу это во сне и просыпаюсь, весь дрожа. Из моей памя-

ти никогда не изгладится ночь, которую я провел в развалинах храма ацтеков, сплошь увитых ползучими и вьющимися растениями, издававшими пряный аромат, и при свете полной луны увидел в первый раз Черного принца, а потом еще одного, и еще, и еще, целое полчище их, облепившее улей с медом диких пчел, который мы нашли и вытащили наверх днем. Я боролся с ними, как борются с дикими зверьми, и убил их всех и закопал, пока спали мои спутники-туземцы. Я не желал, чтобы они знали, что старая их легенда превратилась в явь... Никогда, с тех пор, я не входил в развалины ацтеков иначе, как при дневном свете. А теперь вы знаете, почему я тогда задавал вам все эти вопросы и почему я просил сэра Джона не открывать Раме, что я имею тождество с Мак-Файлом, собирателем редкостей... Я не желал, чтобы Рама узнал, кто я, и мне кажется, что он и до сих пор не догадывается. А теперь идемте, так как наша ночная работа еще не кончена...

Пока они поднимались на холм, ведущий к «Вороньему гнезду», им навстречу попался один из рыбаков. По-видимому, он очень торопился и вздрогнул, когда Вельтон окликнул его по имени.

— В чем дело, Тайр? — спросил Вельтон.

— Случилось нечто очень нехорошее, ваша честь! — ответил тот. — Я проходил по прибрежным утесам, когда туда же подъехал мотор с тремя людьми. Они тоже остановили меня, как и вы, и сказали, что двое приехали из Лондона, а третий оказался господином Паско, который, вы знаете, теперь начальник здешней полиции. Они сказали, что имеют приказ об аресте господина Рамы.

— Он арестован?

— Нет... Он, вероятно, издали увидел, что едут к нему, и когда автомобиль подъезжал к его дому, он выскочил из ворот, как сумасшедший, на своем мотоцикле и хотел, кажется, поехать по Маграмской дороге, но разогнал очень сильно и не мог остановить свою машину... Прежде, чем мы могли опомниться, он оказался вместе с мотоциклеткой на утесах и вместе с ней свалился вниз в море! Я иду сказать об этом сэру Джону.

— Мы сделаем это за тебя, — сказал Вельтон. — Ты возвращайся назад, там, может быть, понадобится твоя помощь.

Когда рыбак скрылся, Мак-Файл толкнул Вельтона.

— Пойдем, — сказал он. — Я не смогу заснуть, пока не будет все выяснено! Я не настолько глуп, чтобы поверить, что это чудовище Рама истощил весь свой запас Черных принцев. Они не могут долго жить в нашем климате, это верно, но держатся, пока держится жаркая погода, и особенно им благоприятны ночи, когда луна во второй четверти. Последнее время ночи были очень жарки, а сегодня днем было так знойно, что я был убежден, что нападение совершится сегодня ночью. И как видите, оказался прав.

— Но разве они не опасны для тех, кто их держит?

— Не для тех, кто имеет костюм моториста... Раме он годился и не только для того, чтобы скрываться, но также и для того, чтобы защищаться от Черного принца благодаря толстым перчаткам, маске и кожаному плащу. Он, очевидно, явился сегодня к замку с ящиком в руках и выпустил свою проклятую бабочку в открытое окно галереи.

Они дошли до «Вороньего гнезда» и нашли все двери раскрытыми настежь. В столовой горела парафиновая лампа, а в углу стоял несгораемый шкаф с раскрытыми дверцами. Шкаф был полон старинных рукописей, в которых опытный глаз путешественника узнал манускрипты ацтеков.

— Соберите их все вон в тот мешок, в углу, и выбросьте из окна в сад, — сказал он Вельтону. — Утром мы придем и подберем. А теперь, наверх!

Они поднялись в верхний этаж по широкой лестнице и обыскивали каждый уголок при помощи своих фонарей. Наконец они остановились перед запертой тяжелой дубовой дверью.

— Мне кажется, что здесь, — заметил Мак-Файл, отодвигая крепкие задвижки. Они вошли в комнату, разделенную на две половины крепкой металлической решеткой до потолка. Комната была жарко натоплена, а когда Мак-Файл направил наверх луч своего фонаря, послышался сно-

ва тот мелодичный звук, который уже раз слышал Вельтон в замке. Только здесь этот звук был гораздо сильнее и в это же время с потолка спустилась вниз масса, искрящаяся всеми цветами радуги.

Зрелище было поистине не имевшее себе равного. Это была громадная бабочка с крыльями дюймов десять длины. Тельце было точно из черного бархата, опоясанное широкой, пурпурной полосой. Черные у основания крылья переходили постепенно в ярко-голубой оттенок и сверкали золотыми звездами, рассеянными по всем направлениям. На голове была золотая коронка, а большие глаза переливались, точно опалы. Насекомое было несравненно по красоте и вместе с тем производило крайне жуткое впечатление.

— Вот! — сказал Мак-Файл. — Теперь только трое людей видели Черного принца. Прелестная вещичка, не правда ли, но стоит вам коснуться этого пурпурного тельца, и через три минуты вы мертвы! Жаль истребить подобную красоту, но иначе нельзя...

— Что вы хотите делать? — спросил Вельтон.

— Сжечь, уничтожить все это разбойничье гнездо вместе с бабочкой-убийцей и ее зародышами. Пойдите в гараж, там, наверное, найдется бензин, и полейте им пол в столовой. Потом мы уроним на пол лампу и все будет кончено...

Когда дом запылал, они медленно пошли к замку...

չ 3ae sRse

2000Á փ լ Կ օ փ ս յ գ

Лорд Райберн повертел в руке письмо, и легкая улыбка тронула его губы ровно настолько, насколько это было прилично для великого ученого.

— Это замечательная вещь, Хейтер, — сказал он своему главному ассистенту. — Это письмо, как вы думаете, от кого?.. От моего величайшего врага, научного, конечно, — Мигуэля дель Виантес. Он просит разрешения приехать поговорить со мной. Я имею все основания рассматривать этот акт с его стороны, как сдачу своих позиций, за которые он боролся со мной целых двадцать лет.

Георг Хейтер улыбнулся. Он прекрасно помнил все жестокие стычки между двумя учеными, обвинявшими друг друга в шарлатанстве; да и всякий, интересовавшийся наукой, не мог не знать смертельной вражды между лордом Райберном и известным испанским ученым. То обстоятельство, что им никогда не приходилось встречаться, и то, что они даже не знали друг друга в лицо, не имело большого значения: ведь их вражда началась на чисто научной почве и, в сущности, не имела никаких оснований перейти в личную неприязнь.

— Он хочет поговорить со мной, — продолжал великий ученый. — Он пишет, что отправляется в научное путешествие в Южную Америку, из которой он может и не возвратиться: ему предстоят большие трудности и опасности. И вот он протягивает мне ветку мира. Так или иначе, но я телеграфировал ему о своем согласии по указанному им адресу. Он ответил, что приедет сегодня после обеда. Так как этот визит носит совершенно частный характер, — вы понимаете, что ему не хотелось бы, чтобы об этом знали и говорили, — позаботьтесь, чтобы он прошел незамеченным. Пусть

оставит автомобиль у ограды в кустах, а самого его проведете ко мне через оранжерею. А потом оставьте нас вдвоем. Самое лучшее, если вы съездите на это время в город и вернетесь часам к пяти. Я надеюсь на вашу скромность, Хейтер.

— О, можете быть спокойны, — ответил Хейтер. — А он не пишет о причине этого визита?

— Ах, да, разве я вам не говорил? Он чрезвычайно заинтересован моими работами с низкой температурой. Он хочет взглянуть на бриллиант, с которым мы будем производить наши эксперименты.

Хейтер вышел, оставив ученого, ликовавшего в душе своей победе над соперником. Да, этот эксперимент должен увенчать всю его многолетнюю работу. А этот предстоящий визит врага, которого он никогда не видел, и который придет к нему за советом и с предложением мира (в этом он не сомневался) после двадцати лет ожесточенной травли его во всех научных журналах, радовал его.

То, что испанец обставлял свой приезд некоторыми предосторожностями, не имело значения. Важно было только то, что он первым пошел на примирение.

С веселой улыбкой Райберн вышел из лаборатории и направился в свою оранжерею. Лаборатория и оранжерея примыкали круг к другу. Они составляли левое крыло ряда построек, в которых находились опытные мастерские ученого для производства работ, наполненные котлами и всевозможными аппаратами и водоемами для замораживания воды. Постройки были окружены прелестным садом, где цвели редкие экземпляры роз.

Лорд Райберн был очень богатый человек, глава старинного рода, но, помимо состояния, доставшегося ему от предков, которое должно было переходить и дальше по наследству, он имел и свое небольшое состояние, которое целиком почти тратил на оборудование лаборатории и опыты над низкой температурой. И эти деньги он завещал своему ассистенту, Георгу Хейтеру, для продолжения своих научных опытов.

Но не об этом он думал в настоящее время. Он бродил по оранжерее от цветка к цветку среди своей великолепной коллекции орхидей, которой он гордился чуть ли не меньше, чем своими научными изысканиями. У него была какая-то болезненная страсть к великолепным экзотическим цветам, и он мог проводить целые дни, самым нежным образом ухаживая за своими любимцами.

Как большая пчела, он заботливо заглядывал в середину чудных гроздей, не замечая, как бежит время. Вдруг открылась дальняя дверь оранжереи, и он услышал голоса и звук шагов двух людей. Вошел Хейтер в сопровождении высокого стройного человека с внешностью типичного испанца.

Гость приблизился к лорду Райберну и, улыбаясь из-под больших очков в золотой оправе, протянул руку.

— Могу ли я надеяться на честь, милорд... — начал он.

— О, конечно, конечно, — откликнулся польщенный лорд. — Это историческая встреча, сеньор Виантес. Я с большим удовольствием вижу, что вы пришли сюда с добрыми намерениями и с своей стороны готов забыть все наши прошлые стычки и турниры в честь богини науки. Да, да, я думаю, вы можете идти, Хейтер... Я полагаю, что нам с сеньором нужно переговорить о вещах, о которых лучше говорить вдвоем.

Хейтер многозначительно улыбнулся и вышел. Он понимал тактичность лорда.

А Райберн с приветливой улыбкой, показывавшей, что он не только ученый, но и светский человек, обратился к испанцу:

— Добро пожаловать, сеньор. Надеюсь, что вы не очень торопитесь.

— Я уезжаю завтра, — ответил испанец.

— Ах, да. Очень жаль. Но надеюсь, что вы сможете уделить нашей беседе час-другой... Как вам нравятся мои цветы? Или вы не любитель этих красавцев? А я чрезвычайно горжусь своими орхидеями и люблю их не меньше, чем свои котлы и перегонные кубы. Каждую свободную минуту я стараюсь проводить в их очаровательном обществе. У всякого

человека есть свои слабости, синьор. И нет ни одного любителя этих благородных цветов, с которым я не состоял бы в переписке. Меня извещают о всех новинках и порой я радуюсь, как ребенок, новому еще, невиданному цветку.

— В самом деле, они очень красивы, ваши любимцы! — воскликнул Виантес с неподдельным энтузиазмом. — Собирать редкие цветы — прекрасное занятие и, хотя я совершенный профан, но вполне понимаю вас. Но, увы, я бедный человек и не могу тратить деньги на эти дорогие игрушки. Ваша оранжерея прелестна, сэр, особенно — этот цветок.

— А, вы как раз нашли перл всей моей коллекции. У вас тонкий вкус, сеньор. Эта орхидея из семейства *Gynandria Manandria*. Ее родина Южная Африка и, насколько мне известно, в Европе есть только один ее экземпляр, вот этот. Мне он нравится больше, чем *epiphytes*, признанные красивейшими орхидеями в мире. А это *Cypripedium*, «Венерин башмачок». Если позволите...

Говоря это, лорд Райберн протянул руку к белой грозди, но вдруг поскользнулся и неловким движением обломил ветку редкого цветка, с которой свешивалась тяжелая гроздь цветов с чашечками, точно вызолоченными внутри. Лорд тревожно нагнулся за ней, как мать над постелью больного ребенка.

— Ах, как жаль! — воскликнул он и выражение внутренней боли исказило его черты. Какая неосторожность! Лучший цветок... Моя маленькая святыня...

Он поднял гроздь чудесных цветов, трепетавших, как прекрасные экзотические бабочки и, скрыв невольный вздох, продел их в петлицу фрака своего гостя.

— Примите этот маленький знак уважения, как эмблеме примирения между нами. Этим цветком в петлице может гордиться сам король.

Виантес поклонился и последовал за лордом в лабораторию.

— Прошу вас, садитесь, — сказал лорд, — в нашем распоряжении часа два, — нам не будут мешать. Я распорядился об этом, как вы просили в своем письме. Никто не знает о вашем присутствии, кроме моего ассистента, но я его послал

в город, и он вернется только к пяти часам. Таким образом, ваше посещение обставлено всей подобающей ему таинственностью. Но я уверен, что со временем эта встреча и примирение двух научных противников станет исторической.

— Я очень благодарен вам, — пробормотал Виантес. — Мой визит к вам говорит сам за себя. Я надеюсь, что вы его правильно истолковали.

— Прекрасно. Чем могу быть вам полезен?

Испанец минуту молчал, точно собираясь с мыслями.

— Я буду говорить совершенно откровенно, милорд, — сказал он. — Я явился сюда, чтобы взглянуть на тот знаменитый бриллиант, над которым вы намерены производить ваши эксперименты. Это не секрет, так как научные журналы писали о нем уже месяц назад. Насколько я понял, вы объявили, что уничтожите маленькую трещину в дивном, редком камне путем замораживания его. Вы хотите поместить его в среду, имеющую температуру ниже нуля на...

— Совершенно верно. Но я еще не приступил к опыту и не могу еще определенно ручаться за его результат. Но, во всяком случае, я имею все основания надеяться на удачный исход.

— Я слышал, что это очень ценный камень.

— Чрезвычайно ценный. Его оценивают в двадцать тысяч фунтов стерлингов. Если опыт удастся, он будет стоить в три раза больше, если нет... он навсегда останется с трещиной.

— Но, по-моему, существует опасность для вашего камня: от сильного холода он может разлететься на тысячу осколков. Что тогда, милорд?

— Тогда я буду разорен — и только, — улыбнулся лорд Райберн. — Я конечно, соберу нужную сумму, но, между нами говоря, это будет стоить всего моего личного состояния, предназначенного мной моему преемнику, ассистенту, который после моей смерти должен продолжать начатое мной дело. Это разорит не меня, а его: он знает о моих намерениях и на днях собирается жениться и переселиться сюда совершенно.

Лорд встал и, выдвинув ящик письменного стола, вы-

нул из него бриллиант, завернутый в комочек ваты. Прекрасный камень засверкал на ладони лорда. Глаза гостя сузились под прикрытием больших очков и верхняя губа как-то хищно приподнялась, обнажив ряд прекрасных белых зубов.

— Чудная вещь, — пробормотал он.

— Королевская драгоценность. Его мне доверила одна фирма придворных ювелиров для опыта. Взгляните на его необыкновенную для бриллианта форму: видите, он двояковыпуклый и посреди идет тонкая трещина. Он похож на линзу телескопа. Алмаз, из которого его отгранили, был значительно больше, но имел дефект: посреди змеилась безобразная трещина. Пришлось разбить его пополам, отгранить половинки отдельно и только потом соединить их. Конечно, это отразилось на его стоимости, но только опытный эксперт может рассмотреть тонкую трещину, след спайки. И, как вам известно, я намерен «выморозить», если так можно выразиться, эту трещинку. Я опущу камень в один из котлов, наполненный водой, и доведу температуру до двух тысяч градусов ниже нуля. И когда я постепенно оттаю камень, я уверен, что трещинка должна исчезнуть совершенно. Если у вас есть лишнее время, я смогу вам пока....

Он не окончил своей фразы. Испанец, с быстротой прыгающего ягуара, бросился на лорда, в воздухе сверкнул кинжал, и великий ученый упал на пол, пораженный страшным ударом...

Было около шести часов, когда Хейтер постучался в дверь лаборатории.

Не последовало никакого ответа. Он обошел дом, решив пройти в лабораторию через другую дверь, выходящую в помещение для опытов, где стояли огромные котлы и бассейны.

На дороге больше не было видно автомобиля, в котором приехал гость, и Хейтер почувствовал легкую тревогу...

Было уже почти темно и Хейтер чуть не попал в один из бассейнов для замораживания, отверстие которого зияло, не будучи прикрыто, как всегда, крышкой.

— Как это я забыл закрыть бассейн?! Но это не так существенно: он только сегодня начал замораживаться...

У самого входа в теплицу он заметил на полу три или четыре цветка бесценной *Gynandria Manandria*... Хейтер поднял их и машинально вдел в свою петлицу.

— Как эти цветы могли попасть сюда? — удивился он. — Ведь лорд Райберн скорее даст отрезать себе руку, чем позволит сорвать одну веточку своего драгоценного растения...

Он толкнул дверь из теплицы в лабораторию и... увидел тело своего профессора, уже холодное. На губах мертвеца застыла улыбка.

Было очевидно, что произошло убийство. Надо было действовать хладнокровно и обдуманно, чтобы не потревожить ничего до прибытия полиции.

Вдруг его взгляд упал на выдвинутый ящик стола, в котором еще торчал ключ. Внезапно заподозрив неладное, он быстро вытащил весь ящик и стал искать тот кусочек ваты, в которой хранился бесценный бриллиант.

Бриллианта не было... Он немедленно поднял тревогу и

позвонил в Скотланд-Ярд, а через полчаса уже рассказывал все, что знал по делу, прибывшему инспектору сыскной полиции.

— Итак, — говорил инспектор, — я хотел бы восстановить ход событий. Синьор Виантес приехал сюда по собственному желанию, чтобы встретиться с человеком, с которым он враждовал последние двадцать лет...

— Вы видели письмо, — коротко ответил Хейтер.

— Да, да. А скажите, что из себя представляет, по-вашему, этот испанец? Такой же сумасшедший, как все испанцы?

— Сумасшедший не украдет исторического бриллианта. Я не хочу учить вас, инспектор, но, по-моему, это выходит за пределы обычного сумасшествия. Он украл бриллиант и, вероятно, в то же время, торопясь, обломил ветку орхидеи, которую, как я вам уже говорил, я нашел у входа в оранжерею и вдел себе в петлицу. По моему, все чрезвычайно просто и ясно: Виантес убил лорда Райберна, взял бриллиант и уехал на автомобиле, который оставил на дороге. Мне кажется, что нам следует, не теряя ни минуты, отправиться в Лондон и без дальних разговоров переговорить с синьором Виантесом, если только он еще не удрал.

— Вы правы, — согласился инспектор Джонс. — Вы видели испанца и, я думаю, лучше будет поговорить с ученым в вашем присутствии.

Было уже поздно, когда инспектор Джонс и Хейтер были проведены к Виантесу, жившему в Блумсбери. Но, увидав Виантеса, Хейтер воскликнул:

— Я боюсь, что тут какая-то ошибка, инспектор. Если этот джентльмен — синьор Виантес, то клянусь, что я никогда его не видел. Это не он приезжал к лорду Райберну.

— Я не знаю, что это все значит, — сказал маленький кругленький человек с серыми близорукими глазами, — но у меня только что был полисмен и спрашивал, кто я такой. Я Мигуэль дель Виантес и могу назвать добрый десяток свидетелей, который подтвердят, что я весь день провел в Лондоне и не выезжал никуда. Неужели вы могли предполагать, что я... я, Мигуэль дель Виантес, могу отправиться к лорду Райберну... Он умный человек, сэр, но сумасброд,

проповедующий какие-то шарлатанские идеи.

— Мне кажется, что этого вопроса не следует касаться, — сухо отвечал Хейтер. — В нем вы, сэр, являетесь стороной заинтересованной. Факт тот, что лорд Райберн убит и ограблен и если вы — синьор Виантес, то мы только зря тратим время, находясь здесь.

Прошел месяц. Дело об убийстве и ограблении лорда Райберна не подвинулись ни на шаг. Убийца, выдававший себя за Виантеса, не оставил никаких следов, кроме сломанной ветки орхидеи, но этого было мало для того, чтобы начать розыски.

Тяжелые дни проводил Хейтер. Несмотря на всю очевидность его непричастности к делу, полиция следила за ним, и так неумело, что он на каждом шагу наталкивался на таинственных соглядатаев. В самом деле, от него зависело многое: ведь только он один видел убийцу, только он знал его наружность.

На уплату за пропавшую драгоценность пошло все личное состояние лорда Райберна и сам Хейтер остался без средств к существованию. Однако, он упорно продолжал дело своего патрона в его лабораториях.

Немного осветило дело заявление Виантеса об исчезновении его ассистента, тоже испанца, который совершил у него крупную кражу и скрылся приблизительно в те дни, когда был убит Райберн. Предположение, что он, под именем Виантеса, приехал к лорду и похитил у него бриллиант, было вполне возможно. Но куда он скрылся? Продать такой бриллиант без огласки было невозможно. Полиция всех стран была предупреждена и, несомненно, задержала бы убийцу при первой попытке продать редкий бриллиант. Он мог, правда, отдать разбить камень на несколько частей, но, так или иначе, никаких следов камня найдено не было.

В одно ноябрьское утро Хейтер работал в лаборатории, когда отворилась дверь и вошел один из механиков.

— Простите, что беспокоил вас, сэр. Не пройдете ли вы к бассейну №3? Он стоит замороженным уже месяц при 2000° градусов ниже нуля. Сегодня его надо вскрыть. Так распорядился покойный лорд. Можно ли вскрывать его, сэр?

— Ах да, я и забыл о нем, — сказал Хейтер. — Снимите выдвижную стенку № 3. Я сейчас зайду посмотреть, готов ли состав.

Через час механик прибежал с перекошенным от ужаса лицом.

— Ради всего святого, пойдете со мной, сэр... Нет, нет, большой бассейн в порядке. Но пойдете, вы сами увидите...

Они спустились в подвал, где был бассейн, с одной стороны которого была отодвинута подвижная стена. Вода, налитая в бассейн вместимостью в десять тысяч галлонов, превратилась в сплошной кусок чистого прозрачного льда, освещенного слабым светом, падавшим сверху сквозь открытый люк в полу.

И в середине прозрачной глыбы Хейтер с ужасом заметил какой-то посторонний предмет. Это был труп человека со смуглым лицом. Лицо его выражало бесконечный ужас, а руки были подняты кверху жестом безысходного отчаяния. Это был человек, приезжавший к лорду под именем Виантеса. Убив лорда, он вышел обратно через лабораторию и провалился в открытый люк, где только что начавшая замерзать вода покрылась тонким слоем льда. Лед не выдержал тяжести его тела и человек провалился в котел.

Несомненно, что он умер не сразу, а постепенно захлебнулся и замерз. Но тело его прекрасно сохранилось. Даже остаток ветки орхидей с тремя цветками, вдетый в петлицу его фрака, выглядел как только что сорванный.

— Я так и думал, — сказал спешно вызванный инспектор Джонс. — Все теперь ясно. По всей вероятности, сам лорд дал ему эту ветку, а убегая, этот человек не заметил, что она обломилась. Но теперь дело в том, чтобы найти пропавший бриллиант. Вне всяких сомнений, он приезжал не один, так как автомобиль исчез. Значит, у него был со-

общник. Но не думаю, чтобы он успел передать ему камень. Зачем бы тогда он возвратился в лабораторию, где и провалился в люк?

Только к двенадцати часам следующего дня удалось оттаять бассейн и извлечь из него труп. На долю инспектора Джонса досталась неприятная обязанность обыскивать мертвого.

Ни в одном кармане мертвеца камня не оказалось.

— Как же так? — нахмурился инспектор. — Куда же делся камень? Не лопнул же он от низкой температуры? И то сказать, две тысячи градусов ниже нуля...

Хейтер задумчиво вынул орхидею из петлицы фрака мертвого.

— Как прекрасно сохранился цветок, — сказал он. — Мы, правда, получали из Австралии цветы, замороженные в куске льда. Но все же они больше походили на искусственные... Эге, что это такое...

Он повернул цветок чашечкой вниз, опустил в него мизинец и через минуту у него на ладони лежал дивный бриллиант без малейших следов трещины.

— Вот он! — воскликнул инспектор. — Это он, вне всяких сомнений... Я очень рад за вас, мистер Хейтер, потому что, знаете... ну, вы были под большим подозрением. Но теперь, конечно... Остается только установить, тот ли это человек, о котором сообщал Виантес. Впрочем, вам это едва ли интересно.

Он был прав. Хейтеру было совершенно неинтересно знать, кто был убийца. Он знал, что теперь сможет продолжать любимое дело... и сделать предложение той милой блондинке, которая ему давно нравилась.

BRzdib şədgə

ATb ę B t Ő

Научный рассказ

Я вошел вслед за Феннером в кабинет Дэвидсона. Начальник сыскной полиции, сидевший за своим рабочим столом, встретил нас каким-то особенно веселым «Здравствуйте!»

Видно было, что он находился в исключительно хорошем расположении духа. Я заметил какую-то задорную складку в бровях Феннера, когда он подошел к столу и лениво облокотился на его край.

— Получили мы ваше распоряжение, шеф, — промолвил Феннер, — и вот явились. Какое задание: убийство, мошенничество, похищение?

Дэвидсон расхохотался. Я невольно вздрогнул. За все время я в первый раз слышал смех нашего шефа, всегда такого молчаливого. Я был твердо убежден, что в самом крайнем случае от него можно было ожидать только широкой усмешки. Какая же необычайная по комизму причина могла так расшевелить главу сыскной полиции?

— Ничего из перечисленного вами, Джо, — ответил Дэвидсон, подавляя смех. — Да и вообще ничего. Происшествий никаких не было. Мне вы и не нужны вовсе. Но у меня в приемной сидит тип, который до зарезу в вас нуждается. Послушайте, что он вам расскажет.

— Судя по началу, задача интересна.

Дэвидсон встал.

— Пойдем в приемную, и пусть он сам расскажет вам свою историю, — сказал он через плечо, ведя нас в соседнюю комнату. Мы с любопытством последовали за ним.

У стола сидел элегантно одетый молодой человек, лицо которого ни в малейшей степени не отражало веселого настроения Дэвидсона. При нашем появлении он окинул нас быстрым взглядом, и мне показалось, что тень разочарования пробежала по его лицу, когда Дэвидсон представил ему Феннера.

— Вот мистер Феннер и его сотоварищ, — сказал Дэвидсон. — Джо, это мистер Уэтсон, сын Джона Уэтсона, вла-

дельца холодильников. Этот Феннер, мистер, по-моему, как раз тот человек, который может вам быть полезен. Изложите ему ваше дело. А затем прошу извинить меня — я очень занят сегодня.

Дэвидсон вышел, а мы сели против Уэтсона, по другую сторону стола. Я исподтишка начал присматриваться к этой фигуре, хорошо известной во всем городе. Сын чуть ли не богатейшего в городе человека, он играл видную роль в «верхах» своего социального класса и был членом всех клубов, куда не могли проникнуть простые смертные. Имя его постоянно упоминалось в местной печати и я старался воспользоваться случаем, чтобы составить себе понятие об этом типе.

Он говорил негромко, выхоленным голосом, не глядя на нас и нервно теребя нож для разрезания книг.

— Я нахожусь в крайне затруднительном положении, мистер Феннер, — начал он, — и Дэвидсон сказал, что он не может оказать мне никакого содействия, так как случай подобного рода не подходит под рубрику его должностных обязанностей. Очевидно, ему это лучше знать. С другой стороны, я должен сознаться, что, обращаясь за вашей помощью, я наношу ущерб своей чести спортсмена, но вы, конечно, поймете, что не ради денежной стороны этого дела я решаюсь на подобный шаг. Беда в том, что я могу сделаться посмешищем для всего города, а это я хочу предотвратить какой угодно ценой.

— В чем же ваше затруднение, мистер Уэтсон? — учтиво осведомился Феннер, когда представитель клубной молодежи замолчал.

— Вчера я имел глупость побиться об заклад в охотничьем клубе с молодым Фэром. У нас завязалась беседа о злободневной беллетристике, и очередь дошла, наконец, до одного уголовного рассказа, который сейчас пользуется необычайным успехом. Может быть, и вы читали эту историю — кого-то убивают в комнате, попасть в которую никак нельзя, не будучи замеченным, — что-то в этом роде... Я заявил, что все эти трюки чепуха, что в обыденной жизни подобные вещи не случаются и не могут случиться. Но Фэр

с присущим юности романтическим одушевлением защищал автора и всю писательскую братию. Он утверждал, что в действительной жизни бывают иногда такие случаи, которые оставляют позади себя самый волшебный вымысел. Спор разгорелся до того... словом, мы согласились держать пари.

Фэр поспорил со мной на пять тысяч долларов, что он лично докажет избранной нами комиссии возможность таинственного исчезновения из комнаты, описанной в спорном рассказе. Я принял его вызов.

Выбрали мы из своей среды комитет, оговорили все условия. Фэру надо было остаться в комнате, из которой он не мог бы выйти без посторонней помощи. Вся ночь предоставлялась ему для осуществления своего побега. В случае его исчезновения я обязывался в течение сорока восьми часов найти его и объяснить, как он вышел, — или же признать себя побежденным...

По окончании всех приготовлений он вошел в избранную нами комнату вчера в восемь часов вечера. Сегодня утром мы выломали двери. Он исчез!

Феннер даже не счел нужным скрыть свою усмешку.

— Ну и что же? Есть у вас какая-нибудь догадка? — спросил он.

— Не знаю, что и подумать, — признался Уэтсон с удрученным видом. — Совершилось что-то невозможное. Он ушел! Мои сорок восемь часов быстро истекают, и я боюсь, что мне придется проиграть. Само собой, я не о деньгах жалею, я бы охотно подарил их этому юнцу, если бы он попросил у меня. Но мысль, что молокосос одурачил меня, невыносима, и я решил ни за что не поддаваться. Я вам предлагаю вот что. Разрешите мне эту загадку, и деньги, которые мне причитаются, будут ваши. Но, конечно, я рассчитываю, что все это останется между нами.

— Нельзя сказать, чтобы к этому делу было легко подойти, — возразил Феннер. — Как могу я осмотреть место таинственного исчезновения без того, чтобы кто-нибудь заметил меня? Как иначе могу я проследить движения Фэра и распутать нити, которые он, быть может, обронил?

— Ничего нет легче, — возразил Уэтсон, — комната эта находится в Коммерческой гостинице. Нынче утром нам пришлось взломать дверь, и я обещал хозяину прислать рабочих для производства починки. Вы можете явиться в качестве слесарей, ни в ком не возбуждая подозрения.

— Правильно, — согласился Феннер. — А теперь, мистер Уэтсон, расскажите мне подробнее все, что вы можете предполагать о последних действиях Фэра.

— Мы остановили свой выбор на одной из комнат двенадцатого этажа. Фэр согласился беспрекословно, а мне она показалась вполне подходящей. Ее дверь выходит в длинный коридор, оканчивающийся лифтом. Она почти не отличается от других комнат того же этажа, но мне она понравилась тем, что она расположена на значительном расстоянии от пожарной лестницы. Поэтому нельзя предположить, что Фэр ушел через какое-нибудь из окон комнаты.

— Ну, а если допустить все-таки, что у него нервы достаточно крепкие, мог ли бы он добраться до крыши? — невозмутимо спросил Феннер.

Уэтсон отрицательно покачал головой.

— Вы знаете это здание. Только над пятнадцатым этажом выдается карниз. Стена гладкая. Тут и кошке не за что было бы уцепиться. Я думаю, с окнами мы можем покончить. Владелец гостиницы уверил меня, что во всем здании нет ни потайных коридоров, ни колодцев в стенах и тому подобное. Я могу верить ему на слово. Перейдем к дверям. Их две. Одна, через которую Феннер вошел, ведет в коридор, а другая, как войдете, расположена в левой стене и ведет в соседнюю комнату, которая также сообщается с коридором особой дверью.

Обе эти двери запираются простыми щеколдами без автоматической защелки. Очевидно, поэтому они снабжены задвижками. Задвижка есть и с внутренней стороны двери, ведущей в коридор, и с обеих сторон двери, ведущей в соседнюю комнату. Кроме того, мы позаботились снабдить наружную дверь задвижкой со стороны коридора.

Как только Фэр вошел в комнату, мы снаружи закрыли дверь на задвижку. Он заперся изнутри. Вот почему нам при-

шлось сегодня утром вскрыть дверь. Задвижка была на месте. Так же точно были закрыты обе задвижки на двери в соседнюю комнату. Вот вам и все.

Феннер встал.

— Вы отлично описали нам все обстоятельства, мистер Уэтсон, — сказал он. — А теперь мы с Биллом вообразим себя слесарями и посмотрим на месте, нельзя ли вам чем-нибудь помочь. В случае успеха я вызову Дэвидсона к телефону.

— Хорошо, — согласился Уэтсон. — И помните, что деньги целиком ваши, если вы разгадаете мне эту тайну.

Феннер кивнул головой и мы вышли, оставив Уэтсона одного. При нашем проходе через кабинет Дэвидсон удостоил прищурить один глаз и скорчить насмешливую гримасу, на которую Феннер ответил тем, что изобразил руками некоторое подобие ослиных ушей.

II

Отправившись к Феннеру на квартиру, мы переоделись в рабочие костюмы, захватили несколько инструментов и поехали. По дороге я пытался разузнать у Феннера, не наклеивается ли ему какое-нибудь правдоподобное разрешение загадки. Но он оказался сдержанным.

— Подождем, Билл, — сказал он, — надо сначала посмотреть воочию на арену деятельности этого героя четвертого измерения. А пока мы не узнали всего, что можно узнать, нечего строить предположения.

— Кажется, Уэтсон описал все до мельчайших подробностей, — возразил я, — и если все обстоит так, как он рассказал, то мы наталкиваемся на какую-то невозможность. Не мог же Фэр улететь.

— Как бы все это ни казалось невозможным, — возразил Феннер, — но ведь перед нами факт налицо: утром они вскрыли дверь и Фэра не застали. А этого факта, по-моему, достаточно, чтобы считать исчезновение вполне возмож-

ным. Ну, вот мы и приехали!

Сообщив о цели нашего появления, мы без околичностей были допущены в комнату, из которой Фэр умудрился уйти столь таинственным образом.

Поломка на входной двери была ничтожна. Феннер принялся за починку.

— А вы осмотрите все хорошенько, Билл, — сказал он, привинчивая задвижку, — и поищите нашего друга: может быть, он превратился в кровать или в вешалку для платья.

Не обращая внимания на эту насмешку, я старательно обыскал всю комнату, так как единственным возможным предположением считал, что Фэр попросту еще находится в комнате и прячется посредством какой-нибудь искусной уловки.

Однако, мои поиски были безуспешны и привели меня к убеждению, что в комнате, во всяком случае, его искать нечего.

Уэтсон все описал нам правильно. Никакого беспорядка или признаков физического усилия, которые послужили бы ключом к загадке. Одного взгляда из окна было достаточно, чтобы подтвердить справедливость вывода Уэтсона; жутко было даже представить себе человека, цепляющегося за эту гладкую стену на такой головокружительной высоте — где тут добраться до пожарной лестницы! Однако, двери, закрытые на задвижки с обеих сторон, по-видимому, доказывали, что Фэр не мог пройти через них, потому что если легко закрыть дверь за собой на задвижку, то как тронете вы с места задвижку, находящуюся по ту сторону двери?

Исследование потолка было так же безрезультатно, как и осмотр пола.

— А теперь, — сказал Феннер, — пойдем взглянуть на соседнюю комнату.

При помощи плоского универсального ключа мы вошли в эту комнату со стороны коридора. Я хотел было и здесь произвести для очистки совести тщательный осмотр, но Феннер остановил меня.

— Незачем, Билл, — сказал он. — Пойдем-ка восвояси.

Недоумевая и несколько досадуя, я последовал за ним. Мы вышли на улицу. Феннер напевал сквозь зубы какую-то мелодию.

— Ну что за беда была бы осмотреть и вторую комнату? — спросил я с упреком. — Хотя на всякий случай? Конечно, там Фэр не мог быть, но почему бы не удостовериться?

— Однако, и пользы это нам тоже никакой не принесло бы. Ага! Телефонная будка... Подождите меня здесь, пока я снесусь с Дэвидсоном и pošлю пяти тысячам воздушный поцелуй на прощанье.

— Значит, вы отказываетесь? Не лучше ли вернуться и попытаться еще раз? — спросил я с досадой.

— Ни за что. Не вводите меня во искушение. Если я вернусь, мне захочется прибрать к рукам эти деньги.

— Да, деньги улыбнулись.

— Друг мой, не хочу я этих денег, — отрезал Феннер. — Не хочу денег по такой дешевой цене. Уэтсона нетрудно, оказывается, провести, а то бы он сам сообразил, в чем дело, вместо того, чтобы покупать недостающие ему мозги. Фэр другое дело — у него кое-что есть в голове. Понимаете? Пусть лучше надо мной немножко посмеются, а я его не выдам.

— Не выдадите! — повторил я, рассмеявшись. — Как будто в вашей власти выдать или не выдать!

Феннер резко остановился.

— Послушайте, не будьте таким ослом, — сказал он, задетый за живое. — Неужели вы серьезно думаете, что я спасовал? Слушайте же: я знаю, где этот молодец сидит в настоящую минуту.

— Как? — вскричал я. — Где же он, черт возьми, сидит?

— В той самой комнате, которую я не дал вам обыскать, — ответил Феннер, польщенный изумлением, которое было написано на моем лице. — Вот почему я почти вытолкал вас оттуда. Я не хотел, чтобы вы спугнули беднягу и испортили ему всю затею. Он сидит в шкафу и спокойно выжидает свои сорок восемь часов.

— Там? Но как он попал через дверь, закрытую на задвижку?

— Ничего нет проще, — усмехнулся Феннер. — У него была отмычка.

— Отмычка... для задвижки? — переспросил я недоверчиво.

— Отмычка для задвижки, — спокойно подтвердил Феннер. — Небольшой электромагнит и несколько метров шнура. Достаточно включить в патрон лампы — и управляйте задвижками как угодно. Фэр совершенно правильно учел, что если все задвижки будут задвинуты, то никому и в голову не придет, что он только перешел в соседнюю комнату. Он был прав, когда сказал Уэтсону, что в обыденной жизни случаются вещи более дивные, чем вымысел. Надо полагать, что сей почтеннейший теперь убедится сам в справедливости этих слов.

— Ну, никак не думал я о возможности подобной штуки.

— А я так и предполагал с самого начала и окончательно удостоверился в этом, лишь только увидел, что задвижки стальные, а не медные.

Ÿ æbağ Ÿ Rdaə

òÀÈÇÀÕ ĩφ ĩ tÈ

ГОСПОДИНЪ — ИКСЪ —

Господин Икс взбудоражил весь Париж.

В салонах, за кулисами, в метро, на фабриках, в магазинах, в академии — говорили только о нем. «Фигаро» ежедневно помещал о нем заметки, в самом большом театре ревю видному артисту поручили играть его роль, и ни один иностранный правитель не пользовался такой популярностью.

Кто он? Знаменитый ученый, гениальный изобретатель, поэт и преступник? Этого не знал никто. Не знали, куда он ходит, откуда прибыл, не знали ни его возраста, ни национальности, даже его имени — и поэтому его звали господин Икс. Не знали ничего, несмотря на ловкость и пронырливость репортеров и сыщиков. «Пари-Суар» приставил к нему специальных агентов, но и они не могли установить, где он обедал, — никто не видел его входящим в ресторан, дома у него не было прислуги и никаких поставщиков.

Ровно в час дня, ни на секунду позднее, господин Икс выходил из своей квартиры на Елисейских полях. У него было бритое лицо американца, серый костюм, гетры и котелок. Он не был ни тонким, не толстым, и мог бы остаться совершенно незаметным в толпе, но не заметить господина Икса было невозможно. Лицо каждого человека что-нибудь выражает: радость, горе, скуку, рассеянность. Лицо господина Икса не выражало абсолютно ничего. Если ему приходилось оборачиваться, то он поворачивал всю голову. Он ходил без палки и без зонтика, не размахивал руками, а

держал их вытянутыми по швам, как солдат. Походка его тоже была удивительной и напоминала марионеток, которых дергают за ниточки, а они все время падают и спотыкаются. Но он не падал. Если кто-нибудь спрашивал его, например, как пройти в то или иное место, то он останавливался и отвечал:

— О, простите, я здесь чужой...

Голос его несколько гнусавил и был резким, — в нем слышался иностранный акцент, — и это интересовало еще больше. Всего этого было достаточно, чтобы обратить на него внимание и без интригующих заметок в газетах, и поэтому около его скамейки, где он сидел на Елисейских полях, собиралась толпа любопытных. Самые смелые подходили ближе и заглядывали ему в лицо, но он не обращал на это никакого внимания. По праздникам народа собиралось так много, что приходилось вмешиваться полицейскому, заставлявшему людей проходить мимо него группами. Вечером господин Икс поднимался со скамейки и, ни на кого не глядя, спокойно, корректно и медленно возвращался в свою квартиру. Эту квартиру снял для него его друг за два дня до приезда господина Икса.

Все попытки раскрыть его инкогнито оставались без успеха. Один полицейский осмелится его однажды спросить, как его «имя, адрес и профессия», так как «его присутствие вызывает скопление народа». Не моргнув глазом, без всякого выражения досады, гнева или удивления, господин Икс ответил своим резким, однотонным голосом:

— О! Я ничего не говорю, я держу себя спокойно и корректно. Если людям доставляет удовольствие собираться здесь, то говорите с ними. Кто я такой? Это вас совершенно не касается, и если вы не оставите меня в покое, то я обращусь к своему посланнику.

Директор одного большого театра предложил господину Иксу тысячу франков за вечер только за то, что он посидит полчаса в ложе.

— О! За кого вы меня принимаете? — ответил Икс.

За кого его принимали, в самом деле? Одни за эксцентричного остряка, заключившего пари, другие за гениаль-

ного шефа рекламы, подготовляющего колоссальную рекламу для духов или мыльного порошка.

Господин Икс сам открыл свое инкогнито, но только тогда, когда нашел это нужным.

На Сен-Жерменском бульваре живет знаменитый ученый, меcье Арно, член Академии Наук, известный всему миру своими работами в области электричества. Его имя называют рядом с Эдисоном, и он считается кандидатом на Нобелевскую премию. К сожалению, Арно — очень несимпатичный, ворчливый, вечно недовольный человек, отравляющий жизнь своей милой жене и молодой дочери. У Арно нет друзей и, хотя его уважают за ученость, но избегают встречаться с ним. Впрочем, он нисколько не претендует на общество, занимаясь работой в своей лаборатории, и был бы счастлив, если не меcье Делобель — самый опасный его конкурент и к тому же полная противоположность ему: молодой, красивый, остроумный, с легким налетом богемы, изобретатель, аппараты которого произвели целую революцию в электрической промышленности.

Первые работы, представленные им Академии Наук, встретили такую злобную критику Арно, что Делобелю доставляло впоследствии огромное удовольствие доводить ученого до бешенства, называя его «выдающийся теоретик нашей Академии, меcье Арно». Арно, хотя и считает, что вся современная наука покоится на основании его выводов, не желает быть только теоретиком. Он утверждает, что изобрел нечто гениальное, могущее перевернуть весь мир.

Главным образом его злит то, что сам он имеет только скромные средства, в то время как Делобель купается в золоте, ездит на автомобилях, проводит лето в Довилле. И это злит Арно вовсе не потому, что сам он мечтает об автомобиле или курортах, а просто из-за вопиющей несправедливости.

Арно в раздумье ходил по лаборатории. Вечером должна была состояться помолвка его дочери с одним молодым человеком, помощником нотариуса. Профессор был не очень

доволен этим обстоятельством и охотно отложил бы помолвку, так как у жениха не было никаких средств.

Его размышления прервала горничная, принесшая визитную карточку. Арно прочел:

Господин Икс

и под этим карандашом приписанные строчки:

«Для Вас, мистер Эдуард Фрик, член Академии Наук в Мельбурне».

Удивленный Арно велел просить гостя. Мистер Икс вошел, угловатым движением снял котелок и сказал гортанным голосом:

— О! Добрый день!

Арно подвинул ему кресло. Господин Икс тяжело опустился на него и с обычным ледяным выражением лица стал излагать цель своего визита:

— Господин профессор, я очень люблю французов, но у них есть один маленький недостаток, о котором можно спокойно упомянуть, не роняя их достоинства. Говорят, что французы не имеют никакого понятия о географии. Я скажу больше: они не знают ни одного другого народа. Конечно, это ничего не значит и только объясняет, почему я, знающий почти все без исключения ваши технические книги, совершенно неизвестен...

Арно должен был признаться, что имя посетителя ему совершенно незнакомо.

— Я знаю это, — продолжал господин Икс, — и поэтому представляюсь вам еще точнее: Эдуард Фрик, автор тридцати двух томов о возникновении мира, член Академии Наук в Мельбурне (должен ли я прибавить, что Мельбурн в Австралии?) и владелец самых больших платиновых приисков в мире: значит, миллиардер.

Опять богатый ученый! Арно глубоко вздохнул, вспомнил про Делобеля, про свою дочь Розу, выходящую замуж за помощника нотариуса, и вздохнул еще раз. Икс продолжал:

— После этого подробного представления я перехожу к

делу: месье Арно, у вас есть дочь Роза, которую я каждый день встречаю на Елисейских полях. Она очень красива: я женюсь на ней.

Арно показалось, что рядом с ним ударила молния, но он был слишком хорошо знаком с этим явлением, — во всяком случае, он не мог произнести ни слова, что позволило господину Иксу добавить:

— Значит, с этим покончено. Но я должен вас просить еще, раз мы уж будем находиться в таких отношениях, подействовать в Академии Наук, чтобы она оказала мне честь и позволила, как гостю и члену другой академии, присутствовать на одном из ее заседаний.

Арно пробормотал несколько несвязных слов, — он очень польщен, очень польщен, глубоко тронут...

— Еще одно, — сказал господин Икс, — и тогда я уйду: до того дня, когда мне можно будет присутствовать на заседании, я прошу вас сохранить мое инкогнито. Я хочу избежать нескромности прессы и докучливых интервью. До свиданья!

Мистер Эдуард Фрик поднялся, надел котелок и теми же неверными шагами вышел из комнаты, прежде чем Арно успел прийти в себя.

В вечер назначенной помолвки в семье профессора Арно разыгралась трагедия: профессор заявил, что и думать нечего о другом женихе, кроме сказочного австралийского ученого, произведения которого он, правда, не знает, но достаточно осведомлен о его богатстве. И свадьба с неизвестным миллиардером была назначена уже на следующий месяц. Роза решила пойти в монастырь, а Жорж — в Иностранный легион. Но легче принять решение, чем его выполнить.

Профессор Арно ревностно принялся за дело. Через неделю Академия Наук назначила заседание, на котором должен был присутствовать господин Икс. И на следующий после этого день профессор решил подписать с ним брачный контракт.

Заседание оказалось целым событием. Еще бы! Господин Икс, сенсация Парижа, дававший пищу не только французским, но и всем иностранным газетам, оказался знаменитым ученым, гостем Академии! Правда, находились скептики, и многое еще не было выясненным, когда председатель, приветствовавший гостя, умолк, и господин Икс, с присущими ему угловатыми, странными движениями, поднялся со своего места и начал:

— Господа, я не осмелюсь выразить вам свою благодарность, подбирая для того изысканнейшие выражения, так как недостаточно знаком с тонкостями вашего языка; я могу только просто поблагодарить вас за оказанный мне прием.

Вступление было встречено шумным одобрением, и господин Икс продолжал:

— Разрешите мне еще добавить, что на моей родине, в далекой Австралии, с большим вниманием следят за всеми гениальными открытиями великой французской нации, а также знаменитой Академии Наук. Имя моего будущего тестя, профессора Арно, и его теория законов электричества пользуются в Мельбурне большой популярностью.

Профессор Арно улыбнулся и поклонился.

— И не должен ли был я, наряду с другими великими учеными, назвать имя другого французского ученого, с которым я еще не имел чести встретиться в Париже, но гениальные изобретения которого имели большое влияние на нашу промышленность, — но мне не надо называть имени Делобеля, потому что вы знаете его лучше, чем я...

Профессор Арно нахмурился, и многие нашли заморского гостя бестактным.

— Я хочу, — продолжал господин Икс, — показать вам на поразительном примере, как мои земляки сумели использовать ваши открытия в области электричества, — области, мне тоже не чужой.

Господа, один член мельбурнской Академии Наук создал человека-автомата, который ходит, говорит и двигается, как вы и я, разгуливает по улицам, разговаривает с людьми.

— О! о! — раздалось в собрании. Это восклицание было очень вежливым, но давало понять, что слова господина Икса были встречены с недоверием, и ему не удастся мистифицировать ученых.

— Если вы отнесетесь со вниманием к моим словам, то я надеюсь, что мне удастся убедить вас в моей правоте. Каким же образом, спрашивается, моему соотечественнику удалось достигнуть этого идеала, искусственного человека? Самое простое, конечно, было создать ему внешнюю оболочку. Он сделал ее из алюминия и покрыл тонкой, нежной и эластичной кожей. В этой оболочке был заключен металлический скелет, все части которого соединены рычагами, приводимыми в действие электрическим волновым аппаратом и маленькой динамо-машиной, заключенной в желудке. В гортани помещалась вибрирующая пластинка громкоговорителя. Вся верхняя часть головы представляла собой фотографическую темную камеру, и глаза, какое бы естественное впечатление они ни производили, были не чем иным, как двумя объективами, отражавшими на матовом стекле в глубине черепа все, что происходило вокруг автомата. Телефон и зрительное восприятие соединялись во второй и третий приемник и отправитель волн. Вот и все — потому что не имеет смысла описывать вам, конечно, его костюм. Но для чего, господа, весь этот механизм, если автомат не может думать? Потому что создать искусственный мозг не может ни один ученый, и я сомневаюсь, что это вообще может удалиться. Но никто не мешает нам пользоваться собственным умом и при помощи его давать кажущуюся жизнь автомату.

Подумайте, какое это восхитительное чувство для человека, если он может жить двойной жизнью совершенно по своему усмотрению, заставить автомат разгуливать за него по улицам, собирать впечатления, разговаривать с людьми! Люди, не имеющие возможности, например, путешествовать, или прикованные к одному месту тяжелой болезнью, не будут теперь знать никаких преград. Мы можем построить целые фантастические города, населенные исключительно марионетками, оживленными нашей волей. Но каким же об-

разом вдохнуть жизнь в эту куклу? Этот ученый сумасшедший — скажете вы?! Однако, нет.

Представьте себе, что в тихой части города, в лаборатории, сидит человек. Перед ним стоит нечто, похожее на клавиатуру рояля, над роялем — экран и воронка громкоговорителя.

На экране появляются фигуры, улица — автомобили, прохожие. Внезапно один останавливается и говорит; в ту же минуту из громкоговорителя доносится: «Простите, как мне попасть на улицу Риволи?»

Псевдо-пианист нажимает на одну из клавиш и кричит в ответ: «Вторая улица налево». Его руки опять двигаются по клавишам в то время, как он не спускает глаз с экрана.

Теперь вы уже угадали, господа, в чем дело: человек может вдохнуть жизнь в автоматическую куклу благодаря двум гениальнейшим современным открытиям, которыми мы обязаны французским ученым — телемеханике или передаче энергии на расстояние посредством электрических волн, и фототелефону, который передает без проводов на расстояние звук и картину одновременно. Скажу точнее. Благодаря согласованности различных аппаратов внутри автомата и экрану, отражающему изображение внешнего мира на стекле объектива, человек знает, где в данную минуту находится автомат. Он видит его глазами. На клавиатуре он нажимает клавиши и посредством телемеханики управляет с абсолютной точностью его движениями. Беспроволочный телефон и двойной громкоговоритель помогают слышать задаваемые вопросы и отвечать на них. Господа, я видел этот автомат — сходство с человеком поразительное!

Члены Академии удивленно переглянулись. Никто не знал, как отнестись к подобному фантазеру, скорее имеющему отношение к Марку Твену, чем к Эдисону. После паузы разразилась буря. Глаза всех обратились на Арно.

Он поднялся.

— Милостивые государи, — произнес он, — мы привыкли заниматься здесь серьезной работой. Поэтому вы можете себе представить, как мне неприятно сказать человеку,

которого мы считали выдающимся ученым...

— Позвольте, — перебил его господин Икс, — за кого же вы меня, собственно, принимаете?

— За смешного шарлатана и дурака, сударь, — резко ответил профессор.

Господин Икс неприятно рассмеялся.

— Дурак — это вы сами, господин профессор! Посмотрите на меня! Ведь я — автомат!

Господин Икс упал на кресло. Его руки опустились, голова запрокинулась назад, рот раскрылся. Все присутствующие вскочили с мест и подбежали к нему — под материей костюма ясно чувствовалась алюминиевая оболочка.

А в то же самое время перед экраном в своей лаборатории сидел Делобель и смеялся до слез.

Мадемуазель Роза вышла замуж за Жоржа, а Делобель стал членом Академии.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԺՅՈՒՆ

ՏՐՈՒՆԵՐԻ ԵՐԱՐՈՒՄ

Дело началось 12 ноября следующей заметкой в парижских газетах под рубрикой местной хроники:

ЗАГАДОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

В прошлую субботу, на рассвете немногие прохожие, пробиравшиеся в густом тумане по улицам, услышали ужасный крик. В тот же самый момент на панель около «Космополитен-отеля» сверху упал человек. Прохожие бросились к месту происшествия. Голова несчастного была разбита, тело носило следы сильных повреждений. Смерть, по-видимому, наступила мгновенно. Служащие отеля узнали в убитом американца Джошуа Вильсона, жившего в пятом этаже со своим двоюродным братом, Томасом Вильсоном.

Вызванные полицейские поднялись наверх и нашли Томаса Вильсона в его комнате. Он был полуодет, сильно взволнован и на голове его виднелись несколько кровавых ран. Вильсон отказался отвечать на предложенные ему вопросы и заявил, что «на его руках нет крови». Его арестовали. Следствие показало следующее: оба американца в течение двух месяцев жили в «Космополитен-отеле». Томас Вильсон — че-

ловек лет сорока, бегло говорить по-французски, по-видимому, довольно состоятелен и привык жить на широкую ногу. Несчастный, разбившийся насмерть — его двоюродный брат, значительно младше его, живший вместе с ним на незавидном положении бедного родственника. Он говорил только по-английски и, кроме того, был глуховат. Джошуа Вильсон производил впечатление очень молчаливого и замкнутого человека, все время проводившего в своей комнате за чтением. Обычно он много курил, читал или меланхолически смотрел в окно. Только немногим людям удавалось разговориться с ним, а именно Этель Кэмпбелл, молодой горничной-англичанке, служившей в отеле. По отношению к ней Джошуа Вильсон изменил своему обычному сдержанному обращению с людьми, и предполагается даже, что между ними существовало нечто вроде любовной связи. Это можно было заключить по тому, что, когда молодая англичанка услышала о трагической смерти американца, с ней случился сильный нервный удар: ее пришлось уложить в постель и вызвать врача.

Полицейский комиссар, месье Эглантен, тщательно осмотрел комнаты, где жили американцы. Насколько можно было заключить, они занимались научными изысканиями, потому что в запертом шкафу полицейские нашли несколько электрических батарей и аккумуляторов, а кроме того, аппарат, напоминающий по своей конструкции беспроволочный телеграф.

Это загадочное дело передано известному судье д'Англе. Томас Вильсон арестован. Раны у него на голове оказались неопасными. По слухам, он поручил вести защиту мадам Каброль, знаменитой адвокатессе. Труп жертвы препровожден в госпиталь Шарите.

ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ РЕДАКЦИИ

Дополнительно нам сообщают, что арестованный по обвинению в убийстве американец Томас Вильсон оказался знаменитым врачом, пользующимся в специальных научных кругах Соединенных Штатов и Европы большой известностью

благодаря своим изобретениям, создавшим целую эпоху в науке. Мы воздерживаемся пока от оглашения его имени, так как не можем пока гарантировать достоверность сведений.

*

Описанное здесь преступление американца возбудило живейший интерес в общественных кругах. Возмущение достигло своей высшей точки, когда сведения о личности убийцы подтвердились. Уже вечерние газеты сообщили настоящее имя Томаса Вильсона. Он оказался знаменитым доктором Джеффри из Нью-Йорка. Была напечатана также его краткая биография и упомянуты все совершенные им открытия в хронологическом порядке. О самой жертве, однако, ничего нельзя было сказать, так же как и об истинных причинах трагедии.

В воскресенье допрос не мог состояться. Этель Кэмпбелл чувствовала себя уже лучше. Она встала и могла приняться за обычную работу, но пережитое потрясение сильно отразилось на молодой девушке, и на все вопросы, обращенные к ней и касающиеся покойного, она хранила глубокое молчание.

В понедельник полицейский врач, доктор Гаспар, отправился в госпиталь Шарите, чтобы вскрыть труп. В то же самое время арестованный американец впервые был приведен для допроса к следователю.

Мадам Каброль, знаменитая адвокатесса, соблаговолила присутствовать при этом своей собственной персоной.

Д'Англе пристально посмотрел на американца. У доктора Джеффри было гладко выбритое лицо с резкими, упрямыми чертами. Д'Англе не успел еще открыть рта, чтобы начать допрос, как обвиняемый начал сам:

— Господин судья, — сказал он, — поверьте, что я не хочу вводить французский суд в заблуждение. В присутствии знаменитой мадам Каброль, которая так любезно обещала мне свое содействие, заявляю: я невиновен.

— Я охотно поверил бы вам, — любезно возразил судья,

— но, к сожалению, все улики против вас.

— Но здесь вообще не произошло убийства, — настаивал американец.

— Я знаю, знаю. Самоубийство. Это утверждаете вы. Но раны на вашей голове и то обстоятельство, что вы находились одни в комнате с покойным...

— Но ведь этого покойного вообще не существует, — снова перебил его американец с самым невозмутимым видом. — Конечно, я признаю, что подобранное перед «Космополитен-отелем» тело человека было выброшено из моего окна, но только здесь дело идет не о теле человека... не думайте, что я разыгрываю из себя сумасшедшего: я говорю только голую правду, которую вы можете каждую минуту проверить. То, что я выбросил из окна, было автоматом, машиной в человеческом облике, марионеткой, которую я сам создал в

прошлом году.

Наступило неловкое молчание.

— Ах, что там, — пробормотал судья, — это невозможно, совершенно исключается... это давно бы заметили...

— Бросьте, господин судья, — рассмеялся американец. — До сих пор, действительно, никто еще ничего не заметил — признаюсь, к моему глубочайшему удивлению, — я никогда не думал, что мне так удастся «подделать» человека... Вы читали, может быть, «Будущую Еву»?*

В этот момент за дверьми кабинета раздался шум и в комнату ворвался доктор Гаспар.

— Неслыханно! — вскричал он. — Вы знаете, что мне дали для вскрытия? Искусственного человека! Что-то вроде электрической куклы! Мои ассистенты просто с ума сошли! Они заметили уже раньше, но не решались сказать, когда труп действительно закоченел. Потому что до того времени, пока эта кукла функционировала, у нее была температура, обычная для человеческого тела... Что за парень, доложу я вам! Изумительно. Все есть, что полагается: сердце, мозг, легкие, даже кровь в жилах. И, конечно, существует электрическая станция, откуда управляется этот автомат. Это просто баснословно.

— Дорогой коллега, мне очень льстит ваше восхищение, — заметил американец.

— Доктор Джеффри! Так это вы, значит, доктор Джеффри? Дорогой мистер, мой знаменитый коллега!

Доктор Гаспар не мог совладать со своим возбуждением.

— Простите, что я затруднил вас, — обратился американец к судье, — но я мог тысячу раз уверять всех в своей невиновности, — мне все равно никто бы не поверил. И кроме того, — продолжал он, — я совсем и не стремился к этому. Мне хотелось устроить настоящий процесс, нечто, привлекающее к себе внимание широких кругов, чтобы ланси-

* Речь идет о романе О. В. де Лиль-Адана (1838-1889) «L'Eve future» (1886), рассказывающем о создании искусственной женщины и считающемся главным источником термина «андроид» (*Прим. сост.*).

ровать* свое открытие... В Америке меня знают слишком хорошо — и сразу же возникло бы подозрение в рекламе, в то время как здесь, во Франции: «потрясающее преступление», арест, газетные статьи — и внезапно — истина производит впечатление разорвавшейся бомбы. Признайтесь сами, разве это не сногшибательная реклама? Подумайте только, что я работаю над своим автоматом уже в течение двадцати лет. Я сконструировал пять машин и уничтожил их одну за другой, прежде чем мне удалось создать моего Джошуа. Не успевал я разрешить одни проблемы, как передо мной вставали другие, еще более сложные... Больше всего затруднений мне доставили аккумуляторы: мы, в сущности, так мало знаем об электричестве... Но это я могу объяснить вам потом подробнее. У меня приготовлен доклад для научно-го мира... Одновременно с этим я продемонстрирую куклу.

— Еще один вопрос, господин доктор, — перебил его д'Англе, — откуда же у вас эти ранения?

— Ранения? — американец на секунду запнулся. — Ну, это от «него». Я сказал вам уже, что хотел симулировать убийство, чтобы вызвать сенсационный процесс для рекламы моего изобретения. Но я еще колебался, опасался... Просто не мог решиться разбить аппарат, стоивший мне таких усилий, удавшийся мне, наконец, и к тому же производивший впечатление настоящего человека... Когда «он» смотрел на меня своими большими голубыми глазами... нет, я не мог решиться. И, в конце концов — в ночь убийства — голос американца дрогнул, но он овладел собой, — в эту ночь я выпил несколько стаканов виски, чтобы придать себе мужества... Как это случилось — больше не могу точно припомнить — вы понимаете, виски было очень крепкое — я забыл, очевидно, выключить аппарат прежде, чем сбросил автомат вниз — очевидно, он сопротивлялся — потому что доказательства этого налицо — следы борьбы...

— Как, сопротивлялся? — спросил судья.

* От *фр. lancer* — вводить в обращение, запускать, делать известным (*Прим. сост.*).

— Нет, конечно нет. Я хочу сказать, что я, наверное, сам был неловок, — по лицу американца скользнула тень, — очевидно, выпил немного больше виски, чем следовало. Пройдемте лучше в морг — там вы сами убедитесь, что это не человек, а машина.

— А что же с горничной? — с любопытством спросил доктор Гаспар.

— А! Это был прекрасный эксперимент! Мне хотелось узнать, в состоянии ли мой автомат действительно произвести впечатление человека. Он был устроен таким образом, что я мог привести его в действие путем передачи электрических волн на расстоянии и управлять им по своему собственному желанию.

В то время, как я запирался в своей комнате под предлогом работы, я оставлял его несколько раз наедине с молодой девушкой... Потом я еле мог удержаться от смеха, видя, как малютка бросает моему автомату нежные взгляды... Мне кажется, он даже обручился с ней. Это была действительно прекрасная машина.

— Я требую немедленного освобождения моего клиента, — заявила мадам Каброль.

Это было единственной фразой, произнесенной знаменитой адвокатессой за все время допроса, но и ее уже было достаточно, чтобы поддержать ее репутацию.

*

Слава доктора Джеффри вспыхнула грандиозным фейерверком. На следующий день он и его кукла стали известными всему миру. Газеты поместили длиннейшие статьи о неслыханном искусственном человеке, попутно вспоминая обо всех автоматах, исторических и простых, появлявшихся до сих пор. Ученые разделились на два противоположных лагеря. Финансисты предлагали невероятные суммы. Спекулянты предполагали организовать общества для изготовления искусственных людей и живых статуй. Многочис-

ленные ученые общества избрали доктора Джеффри своим почетным членом. Его засыпали орденами, и портреты его и несчастного Джошуа Вильсона появились на сотнях тысяч открыток. Джошуа Вильсон сильно пострадал при своем падении. Кроме того, доктор Гаспар, не разобрав сразу, в чем дело, причинил ему сильные повреждения. Так называемый труп был выставлен для обозрения публики. Тысячи людей проходили мимо этой искусной машины, представлявшей собой полное подобие обезображенного человеческого трупа — триумф человеческого гения и техники.

Среди посетителей можно было увидеть также и бледную белокурую девушку. Она производила впечатление очень нервного и угнетенного человека — по крайней мере, так гласили позднейшие показания сторожей. Девушка долго неподвижно стояла у трупа, всматриваясь в искаженное лицо. Внезапно она разразилась истерическим смехом и исчезла.

В тот же самый вечер, в полночь, случилось следующее: доктор Джеффри только что вернулся домой. Он занимал теперь шикарные апартаменты в бельэтаже «Космополитен-отеля», которые, однако, должен был вскоре покинуть, чтобы отправиться в турне по Европе. Труп Джошуа Вильсона он, конечно, собирался взять с собой — для демонстрации — по крайней мере, до тех пор, пока не создаст новый автомат. Внезапно он услышал, как дверь в салон открылась. Он пошел туда, чтобы посмотреть, кто осмелился войти, не постучавшись. Из темноты перед ним выступила маленькая фигурка в белом переднике. Он вспомнил английскую горничную — хотел сказать что-то — и не успел.

— Проклятый лгун. Низкий убийца, — прошептала она сквозь стиснутые зубы.

Она подняла руку. Раздались три выстрела.

Доктор Джеффри упал. Струя крови окрасила ковер. Великий изобретатель был мертв...

Օրագր Ե ժառանգ

Ե չ ԳԳ Գ Ե Ե չ ԳԳ Գ

Укладывая свои вещи перед отъездом в двухнедельный отпуск, я всего меньше думал о путешествии в межпланетном пространстве. Мысленно я уже переносился к родным, радовался предстоящей встрече с ними и с моим другом Эмилем Петерсом, который, как я слышал, прибавил недавно еще одно изобретение к списку своих достижений. Но если бы кто-нибудь сказал мне, что я вскоре увижу огромные пещеры и лабиринты, которыми изрыта поверхность Луны, я счел бы его сумасшедшим. Живя в громадном городе, и так в сущности не видишь ничего, кроме пещер из камня и стали да туннелей электрического метрополитена!

Каждый год я стараюсь воспользоваться отпуском в начале августа с тем, чтобы в первую субботу этого месяца быть среди своих. Меня так и привыкли встречать в этот день на станции. Но на этот раз я задержался и пришлось послать родным телеграмму, чтобы не ждали меня раньше следующего утра.

В воскресенье утром поезд, спускаясь под извилистый уклон черепашным шагом, подходил к станции.

Брат уже поджидал меня в автомобиле. Миновав единственную улицу городка, мы понеслись по шоссе. Куда ни посмотришь, блестели капли воды, стояли лужи, колосья на полях лежали, как скошенные. Я заметил на вершине холма несколько вывороченных с корнем деревьев.

— Страшная буря пронеслась здесь ночью, — сказал брат. — А длилась всего несколько минут. Хляби небесные, как говорится, растворились и залили все. Я никогда не видал ничего подобного. Мама перепугалась, думала, что наш дом обрушится. Хорошо, что он стоит в котловине. А в высоких местах снесло несколько амбаров. Даже трехэтажная кирпичная постройка, где у Эмиля было новая лаборатория, совершенно превращена в развалины.

Я невольно стиснул брата за локоть.

— Он не убит? — спросил я с замиранием сердца.

— Нет. Он в последние месяцы и не заглядывал туда. Ему всегда больше нравилась старая его мастерская. В лаборатории ночью, я думаю, не было ни души. Те десять механиков, которых Эмиль держал для своих работ, недели три

назад получили расчет.

— Значит, все благополучно?

— Да. Кстати, чуть не забыл. Эмиль еще вчера звонил по телефону и просил тебя зайти к нему сразу по приезде.

* * *

«Из-за чего такая спешка?» — спрашивал я себя, перелезая через проволочную изгородь, отделявшую ферму Петерсов от нашей.

Имя Эмиля Петерса вы, вероятно, не успели забыть, так как этот «безногий ученый», не покидавший своего колесного кресла, приобрел себе славу и богатство своими открытиями в области радиотехники.

Он жил один со своим старым слугой Олафом в доме, доставшемся ему от отца. Старик служил ему с исключительной преданностью. У Эмиля была парализована нижняя часть тела, начиная от поясницы, и Олаф считал себя виноватым: когда Эмилю было лет десять, Олаф, без разрешения его отца, повел его в цирк, где показывали прыжок с аэростата на парашюте. На другой день Эмиль попытался повторить этот опыт при помощи зонтика и прыгнул с крыши высокого амбара.

Раньше, чем я позвонил, Олаф успел отворить мне дверь. Он кивнул головой в конец комнаты, где сидел за каким то странным прибором Эмиль, и приложил палец к губам. Я вошел на цыпочках. Эмиль поднял на меня глаза, повернул какие-то стрелки у градуированных шкал и подозвал меня ближе.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказал я, пододвигая стул и садясь против него.

— А вот про тебя этого не скажу. Видно, деревенский воздух лучше.

— Какая жалость, что твоя лаборатория разрушилась.

Он посмотрел на меня загадочно.

— Ты хотел меня видеть? В чем дело? — спросил я.

— Я хотел повидаться с тобой перед отправлением на Луну.

— Что! — я даже подскочил. — Полно, Эмиль, перестань шутить.

— Я и не думаю шутить. В наш век все возможно. Идеи, как и пределы вероятного, постоянно изменяются соответственно духу дня. То, что вчера казалось незыблемой истиной, сегодня вызывает чуть ли не презрительную усмешку.

— Попробуй что-нибудь другое, только не это. Представляешь ли ты себе все лишения, ожидающие тебя? Самые смелые арктические исследователи, люди, которые приучили себя к самым тяжелым физическим испытаниям, люди, обладающие стальными мускулами и непреклонной волей, и те не отважились бы на такое страшное по своей дальности путешествие. На что же можешь рассчитывать ты? Ведь ты без посторонней помощи не можешь двинуться с места — и это уже чуть не двадцать лет!

Беспомощная фигура вдруг выпрямилась. Голова откинулась назад. Эмиль хохотал. Он хохотал безудержно, до слез. В чем дело? Уж не вздумал ли он надо мной подшутить?

Наконец он справился с своим приступом смеха и, задыхаясь, проговорил:

— Именно так, дружище. Как это ты сумел попасть в самую точку? *Воля и стальные мускулы* — все, что нужно. Если бы ты не перебивал меня, я разъяснил бы тебе все по порядку. Слушай же.

Иногда я, подкатив свое кресло к окну, просиживал целые ночи, смотрел на эти мерцающие световые точки и все думал, думал, пока голова не наливалась свинцом... Думал о том, как найти дорогу. Желание проникнуть в это пространство превратилось в сжигающую меня страсть. Не правда ли, смешно, что я, калека, осмелился мечтать о преодолении громадных расстояний мирового океана?

Ты легко представишь себе, друг, как ревностно я копался в книгах, в журналах, в брошюрах, ища ключ к моей загадке. Однако, меня всегда ждало острое разочарование,

и все, что я находил, казалось, подчеркивало полную безнадежность моей мечты.

Ведь если бы даже удалось построитьдвигающийся прибор, способный покинуть пределы земной атмосферы, то представились бы непреодолимые трудности из-за искусственной тяжести, возникающей внутри него при отлете с Земли.

Покинуть земные пределы и устремиться к какому-нибудь другому небесному телу нашей планетной системы можно только при начальной скорости не меньше 11 км в секунду, то есть в восемьдесят четыре раза превышающей рекорд скорости, достигнутой человеком. Но что же станется с человеком на межпланетном корабле, оторвавшемся от земли со скоростью 700 километров в минуту?

Он вопросительно посмотрел на меня. Я не знал, что отвечать.

— Вычислено, — продолжал он, — что ускорение действовало бы на пассажира межпланетного корабля приблизительно так же, как если бы на него свалился груз в пятьдесят тонн. Человек превратился бы в кровавое месиво.

Итак, вот исход моих надежд, моих мечтаний! Горечь разочарования — и больше ничего! Мне уже мерещился другой путь, искушавший меня, как зияющая бездна. Я готов был сдаться, пасть, не сопротивляться отчаянию, пойти стезей смерти!

— Что ты, Эмиль!

— Да, я готов был признать себя побежденным. Яд казался мне наилучшим выходом. Потом я подумал и о тебе, дружище. Мне не хотелось, чтобы ты счел меня трусом. Хотел послать тебе письмо. Но на бумаге слова так безжизненны, бесцветны...

И вот, без всякого перехода, решение задачи вдруг сверкнуло передо мной, точно молния. Луну можно посетить без малейшей опасности. Нужна воля, нужны *мускулы и нервы из стали*. Послать гонца на луну!

Огромные успехи науки, в особенности в области беспроволочной передачи электроэнергии, значительно упрощали мою задачу. Я, будучи знаком с некоторыми тайна-

ми радиотехники, мысленно видел уже несколько способов осуществления моей мечты.

Не смыкая глаз, я просидел в ту ночь до утра. Я отдался заманчивым грезам об успехе, который стал казаться таким возможным. Все представлялось мне необыкновенно ясно и живо. Каждая мысль приходилась на своем месте и помогала воссоздавать целое, как кусочки, картинки-головоломки, из которых складывается рисунок.

Прежде всего, ввиду инвалидности моей физической оболочки, каков должен быть с виду этот мой гонец? Его надо сконструировать так, чтобы он мог перелезть любое препятствие. С первого момента я остановился на существах из мира насекомых: не там ли выбрать модель для моего гонца? Мне представился паук — огромное металлическое чудовище, достигающее высоты тридцати или сорока футов на своих восьми ногах, две из которых заменяли бы ему руки. Но, поразмыслив я решил, что такая форма слишком примитивна и несовершенна. Сотни различных форм могли быть использованы и приспособлены для моей задачи. Наконец, вспомнив, что мой гонец должен быть единственным представителем Земли, я решил сделать его, по возможности, похожим на человека.

— Не клонится ли твой рассказ, — перебил я его недоверчиво, — к проекту какой-нибудь механической куклы, которую ты собираешься построить?

— Именно. Только не собираюсь построить — она *уже* готова.

— Ты?.. Ты успел ее сделать?

— Да. И горжусь ею. Это действительно совершенство механической техники, достойный представитель Земли!

— Ну, и как же действует твой механический человек? Часто тебе приходится его заводить?

— Дружище, ты уморишь меня своими глупыми вопросами, — ответил Эмиль с тихой улыбкой. — Неужели ты думаешь, что я стал бы тратить жизнь на постройку заводной куклы? Нет, это не простой автомат, хоть и сделанный из металла: это мое *искусственное тело*, которое будет работать в полном единении с беспомощной оболочкой, при-

кованной к этому колесному креслу. Это будет мой *заместитель* в физическом смысле. Я его воля, он — мое тело.

Я слушал его, не помня себя от изумления.

— Новейшие идеи современной науки, — продолжал он, — использованы для его конструкции. Он движется и управляется по принципу беспроводной передачи энергии.

— Но ведь нынешнее радио в виде комбинаций приемника и вместе с тем передатчика слишком громоздко, чтобы всю систему можно было поместить в фигуру, не превышающую размеров человеческого тела, — вставил я свое возражение.

— Вовсе нет. Ты не видел, до какой компактности я довел аппарат. Мне удалось во много раз уменьшить размеры приемно-передаточной системы.

Мой «заместитель», благодаря радио, одарен голосом и слухом. Дальнее видение снабдило его зрением: я могу, сидя здесь за этим столом, видеть через его искусственные глаза. Радио-телемеханическое устройство, иначе говоря, беспроводное управление на расстоянии, сообщает движение его ногам и рукам и придает ему какую угодно позу. Он обладает всеми внешними чувствами тела из плоти и крови, за исключением обоняния и осязания, которые я счел излишними.

Я попытался сделать его таким же сильным, как сильнейшее из земных существ, но после неоднократных неудач убедился, что это невозможно. Я был буквально ошеломлен новым для меня фактом: оказывается, что металл не может выдержать такого же напряжения, как тело насекомого, если представить его пропорционально увеличенным до механического прибора, имеющего размеры человека. Я с чувством уважения смотрю теперь на муравья, который, по сравнению со своими размерами, является одним из самых сильных земных животных.

В первый раз со времени несчастного случая я «встал на ноги», начал «учиться ходить». Первые недели я упражнял отдельные члены моего заместителя. Понемногу движения его делались менее угловатыми. С утра до вечера я тренировался во всевозможных телодвижениях от более про-

стых до самых сложных. Как переписчик на машине постепенно подчиняет ее себе, так я силой воли постепенно и неуклонно подчинял себе эти механические мускулы.

Сидя здесь перед стеклянным матовым экраном, этой приемной станцией моего телевидеоскопа, вооружившись парой наушников, имея против себя микрофон, управляя посредством клавиатуры усовершенствованным телом моего гонца, я смог осуществить невозможное — быть сразу в двух местах.

Мне пришлось поупражняться месяца три, пока мой «за-меститель» усвоил достаточно естественную манеру двигаться и ходить. До вчерашнего вечера я не выпускал его за пределы моей фермы. Он производит впечатление существа, принадлежащего другому, более мощному и жестокому миру. Ноги его сделаны из системы коротких стальных пружин, образующих для его тяжеловесного туловища эластичные, как бы резиновые подпорки. Я часто заставлял его подпрыгивать с места на 10-12 метров, поддерживая его равновесие посредством расположенного в его груди гироскопа; в полости живота у него находится самый мощный электромотор, какой мне удалось построить. Этот мотор получает энергию от моего беспроводного передатчика электросилы, находившегося до недавнего времени в третьем этаже той самой лаборатории, которая разрушилась прошлой ночью.

* * *

...Было уже несколько случаев нападения грабителей на некоторых дорогах в нашей местности. Человек среднего роста медленно шел по проселочной дороге невядалеке от города. Он был очень широк в плечах, держался прямо, шел свободно.

Напевая низким голосом какой-то мотив, не глядя по сторонам, он шел вдоль дороги. Достаточно было взглянуть на него издали, чтобы почувствовать, что это человек ко-

лоссальных физических возможностей.

Подле замаскированного автомобиля стоял человек, пристально всматривался в странного прохожего и перекидывался отрывистыми замечаниями с шофером. Тот хотя и умел в случае крайности развивать бешеную скорость, — когда надо было спастись во что бы то ни стало, — однако, был труслив, как заяц; взглянув на беззаботно приближавшегося пешехода, он откинулся на спинку сиденья и принялся уговаривать своего компаньона задать стрелкача, пока не поздно.

Но товарищ шофера был человеком иной складки; он презрительно усмехнулся, достал из потайной кобуры у себя под мышкой стальную штучку, прокрался шагов на двадцать вперед, прячась все время за живой изгородью, и остановился в ожидании.

Пешеход, продолжая напевать, остановился на дороге как раз против спрятавшегося налетчика.

— Ни с места! — крикнул бандит.

И налетчик шагнул к своей жертве... Вот с этого мгновения все и началось. Почему бандит стал стрелять — он и сам не знал. Из ствола автоматического пистолета вырвалась полоса огня, и тишина вечера прервалась выстрелами, которые так быстро следовали один за другим, что сливались в непрерывный треск.

Жертва издала крик, какой-то бесконечный басистый вопль, который, быстро возвышаясь и проходя через все известные октавы, становился пронзительным, как звук сирены. Он будоражил нервы. Потом он начал затихать, но не прекратился, а пропал в столь быстрых вибрациях, что человеческое ухо перестало их воспринимать.

Бандит издал раздирающий крик, чуть ли не похожий на крик этого чудовищного существа и, собрав последние силы, пустился бежать. Чувствуя за собою погоню, он обернулся и швырнул пистолет прямо в лицо своему преследователю. Тот поймал пистолет на лету — раздался треск ломаемой стали и взззз! — обломки автомата полетели над головой бандита со скоростью пули, едва не убив шофера, и пронизали щит автомобиля.

Бандит, до этого дня не знавший страха, потерял сознание в тот момент, когда железная рука поймала его за платье и подняла на воздух.

Тем временем, шофер не дремал и раньше, чем прохожий успел подскочить, он бешено помчался по извилистой дороге, рискуя свернуть себе голову. Страх научил его быть храбрым.

Таинственный прохожий продолжал идти, неся лишенного сознания налетчика. Он уходил прочь от города, огни которого мерцали далеко на горизонте.

В сумерках вечера неясным пятном маячила сбоку дороги какая-то афиша на столбе. Будь это днем, можно было бы увидеть ярко разрисованный плакат и объявление о предстоящем в этот вечер цирковом представлении: борьба льва, «неукротенного и неукротимого Цезаря, царя джунглей», с бесстрашным белым охотником.

Прохожий остановился перед афишей и бессмысленно впери́л в нее взгляд. Что мог он прочитать в ночной темноте? Однако он как будто понял и, повернувшись в противоположную сторону, решительно двинулся к городу. Недалеке от дороги ему попался на глаза стог сена. Прохожий подпрыгнул и на лету швырнул в сено свою все еще безжизненную ношу.

В шуме, который стоял над цирком, было что-то не совсем обычное. Потом наступила зловещая тишина. Раздались резкие окрики, встревоженные голоса...

Лев стоял у выхода из палатки. Гигант нервничал и бил хвостом. Он еще никогда не вкушал свободы и, как родившийся в неволе, был вдвое опаснее.

Лев издал рев, нацеливаясь прыгнуть в толпу людей, стоявших на дороге к его свободе. Хаос ужаса объял толпу. Женщины падали в обморок, началась давка среди теснившихся к выходу.

С противоположной стороны донесся звук, от которого все замерло. Он начался с низких, быстро повышавшихся нот. Он был ужасен. От него кровь свертывалась и застыла в жилах. Лев остался на месте.

Даже этот молодой гигант поддался действию страш-

ного звука. Но не даром его звали царем зверей. Он поднял великолепную голову и грозным ревом откликнулся на вызов.

Человек среднего роста, но необыкновенно широкоплечий, спокойно вышел на освещенную арену. Он шел прямо ко льву. Никакого оружия у него не было. Безумец!

Лев прыгнул, изловчился на лету и нанес человеку быстрый удар в грудь, сорвав с него пальто. Поразительно, что человек остался жив после этого удара, который свалил бы и быка. С быстротой кошки лев повернулся, встал на задние лапы и наносил удар за ударом. Скоро вся одежда на человеке превратилась в клочья и только шляпа оставалась на месте, точно приклеенная к голове.

Человек, отталкивая льва и отбиваясь от него, сделал прыжок назад. Хотя вся матерчатая одежда была с него сорвана, но на нем еще оставалась отливавшая синевой стальная кольчуга. В тех местах, где прошлись львиные когти, кольчуга блестела, как полированная сталь.

Лев еще раз приготовился прыгнуть на отскочившего от него человека, но тот уже перешел от обороны к нападению и наносил льву удар за ударом по голове. Лев хотел укунить руку, но промахнулся. Тогда зверь кинулся на своего мучителя; человек шагнул навстречу и нанес ему могучий удар, от которого лев перевернулся. Он озлобленно зарычал, присел на задние лапы и ожидал.

Пригнув голову, человек устремился в эти гибельные объятия. Сила столкновения опрокинула льва на спину; человек оказался на нем. Зверь отбивался передними лапами, изгибался в дугу, извивался, но его когти не могли проникнуть сквозь кольчугу.

Человек вырвался и ударил льва сбоку сначала правой рукой, потом левой. Лев метнул лапой и оставил серебристую полосу на стальной груди противника.

Игра эта наскучила человеку: он отошел в сторону, потом присел и прыгнул. Вверх, вверх, на десять, двадцать, тридцать, сорок футов! и полетел книзу прямо на спину зверя. Лев, следивший за ним глазами, успел увернуться, но человек отскочил от земли, как мячик, и оседлал зверя.

Лев приник к земле под его тяжестью.

Одна рука схватила верхнюю челюсть животного, другая вцепилась в нижнюю. Зверь взвизгнул и сделал последнее усилие, чтобы встать на ноги. Он почувствовал свой конец.

Руки принялись беспощадно раздирать красную слюнящуюся пасть. Потом победитель дернул верхнюю челюсть с такой нечеловеческой силой, что сломал шейные позвонки животного.

Толпа встретила эту развязку взрывом шумного восторга. Человек встал. Его шляпа свалилась во время последнего эпизода борьбы.

Взвалив себе на плечи львиную тушу, это существо перепрыгнуло через скупившиеся возле цирка автомобили и исчезло во мраке...

Широкая река пересекала ему дорогу. Без малейшего колебания странный путник погрузился в воду.

Час спустя он вылез на противоположном берегу, отряхнулся от тины и ила, бросил звериную тушу на землю и с необычайной скоростью, преодолевая прыжками все препятствия, побежал вдоль песчаного берега. Вот он свернул в сторону и устремился к поселку.

Старенький, ржавый, забрызганный грязью грузовичок с громким дребезжанием медленно ехал по дороге. Фермер, управлявший рулем, боязливо оглядывался назад. Кто-то догонял его. Две светящиеся точки сверкали вдалеке, как фонари автомобиля.

Что-то загрохотало среди молочных бидонов на платформе грузовика. Запах пролившейся жидкости щекотал ноздри фермера запретным запахом алкоголя. Ход замедлился и, хотя мотор продолжал работать, грузовик остановился, заняв наклонное положение, так как задний его конец отделился от земли.

Ехавший на грузовике выключил мотор, сошел со своего места, чтобы выяснить причину остановки, но достаточно было ему кинуть назад один взгляд, и он с безумным криком обратился в бегство.

А существо, вызвавшее остановку, схватило грузовичок с запретным товаром, подняло его на вытянутой руке над

головой и, пробежав так несколько шагов, бросило свою ношу в густую листву дерева, где автомобиль повис на сучьях. Потом загадочное существо со сказочной быстротой пустилось в обратную сторону.

Около двух часов пополудни таинственный герой всех этих приключений подошел к трехэтажному каменному зданию, стоявшему на невысоком холме. На западе, сквозь разорванные тучи, выплянула луна. Он посмотрел на нее, простер к ней руки, как бы желая заключить ее в свои объятия, и медленно подошел к двери, запертой большим висячим замком. Легким нажатием ладони он сорвал дверь с петель, оглянулся, махнул рукой как бы на прощанье и вошел.

Через несколько минут раздался грохот, потрясший окрестность на несколько киль. Из верхушки трехэтажного здания вылетел снаряд, из основания которого вырывалось перемежающееся пламя...

* * *

— Итак, друг мой, прошлым вечером и ночью я испытал своего курьера, чтобы узнать, насколько он способен выполнить возложенное на него поручение. Теперь он несется к Луне внутри межпланетного снаряда, приводимого в движение по принципу ракеты. Он должен был облететь один раз вокруг Земли в верхних слоях нашей атмосферы, и только после этого он достиг скорости в 12 км в секунду. Освободившись от влияния земного притяжения и войдя в сферу притяжения Луны, снаряд автоматически перевернется и будет падать с возрастающей скоростью на наш спутник. Для уменьшения этой страшной скорости и для обеспечения плавной посадки на лунную поверхность мне придется употребить систему противодействующих ракет.

— Сколько времени нужно этому снаряду, чтобы покрыть расстояние от Земли до Луны? — спросил я.

— Не больше шестнадцати часов. Сегодня около шести

часов вечера надо ожидать посадки.

Я только теперь как следует рассмотрел аппарат, перед которым сидел Эмиль. Продолговатый металлический ящик с матовым стеклянным экраном в передней стенке занимал центральное место. Три ряда рычажков, расположенных наподобие клавиатуры пишущей машины, находились против экрана. По обе стороны клавиатуры виднелись какие-то кнопки и рубильники. На крышке продолговатого ящика был целый ряд циферблатов с указателями, которые все стояли пока на нуле.

— Не взыщи, друг, — сказал Эмиль, взявшись за наушники и раскачивая их в воздухе, — я сейчас должен посвятить все свое внимание снаряду.

Он надел наушники и дотронулся до некоторых рычажков. Стрелка на крышке ящика начала двигаться.

— Будь добр, дружище, закрой ставни и спусти шторы: надо устранить весь посторонний свет.

Я исполнил его просьбу, и в комнате воцарился мрак. Просвечивание экрана позволило мне найти место, где сидел Эмиль. Я начал всматриваться в матовое стекло. Смутные контуры прояснились, и я увидел перед собой машинное отделение. Батарея двигателей сообщала плавное движение динамо-машинам и иным установкам. В середине был узкий, огороженный железными перилами проход, в конце которого виднелась сверкающая контрольными огнями коммутаторная доска. Над шеренгой рубильников с эбонитовыми рукоятками был окуляр телескопа. Стены помещения, цилиндрического по форме, состояли из тяжелых металлических щитов, соединенных заклепками.

Вдруг коммутаторная доска начала приближаться. На мгновение по перилам скользнула чья-то рука. Окуляр телескопа увеличился, занял всю площадь экрана; я увидел перед собой Луну. Она казалась очень близкой и шероховатой. С полчаса я смотрел на нее, не отрываясь; она не увеличивалась. Тут я вспомнил, что снаряд совершит свою посадку не раньше вечера. Оставалось часов семь или восемь. Я дотронулся до плеча Эмиля.

— Эмиль, я пойду провести соседей. К шести вернусь.

И я тихонько вышел.

Около половины шестого я опять был у своего приятеля. Он продолжал сидеть против экрана и перебирал пальцами клавиатуру, регулировавшую движения «курьера».

— Это ты, друг? Всего на несколько минут опоздал, а то увидел бы посадку снаряда. Все обошлось благополучно. Мой курьер только что вышел из снаряда и стоит теперь на том месте, которое в самые сильные телескопы мира представляется совершенной равниной. Подойди сюда и посмотри, какова эта «равнина».

На экране я увидел картину до ужаса безотрадную. В неровностях и резких изломах рельефа лунной поверхности была такая безжизненность, какую нельзя встретить ни в одной пустыне земли. Непрерывная цепь гор окружала котловину. «Курьер» повернул голову, и на экране появился снаряд, на котором он прилетел. Этот межпланетный корабль походил на выброшенную на берег подводную лодку.

— Теперь я пошлю его на разведку, — сказал Эмиль. — Но в этом надо соблюдать величайшую осмотрительность. Так как сила притяжения уменьшилась в шесть раз против земной, то мой курьер может передвигаться в шесть раз быстрее и прыгать в шесть раз выше. Сейчас я заставлю его прыгнуть для ориентировки.

Почва вдруг опустилась книзу. Мы увидели ее с высоты. Путешествовать по такой поверхности можно было только огромными прыжками вроде тех, которые были под силу одному лишь стальному «курьеру». Вдали виднелись огромные расселины. Над зубчатым горизонтом гор простиралось совершенно черное небо, усеянное ярко горевшими звездами. «Курьер» на лету сделал поворот, и на мгновение экран залило ослепительным светом солнца.

Почва приближалась к нам по мере того, как «курьер» спускался вниз; потом она помчалась мимо нас с головокружительной быстротой. Уверенно, как кошка, «курьер» перепрыгивал со скалы на скалу. Чем ближе к горам, тем больше было неровностей и утесов. Внезапно показалась трещина, которую мы только что видели сверху во время прыжка. Скорость движения была уменьшена — требовалась ос-

торожность. Глаза «курьера» заглянули в пропасть, которая казалась бездонной. Далеко внизу как будто клубился пар. Стены расселины падали совершенно отвесно. Глубина ее должна была доходить до нескольких миль, и шла она через всю котловину от одной горной вершины до другой. В самом широком месте она не могла быть шире ста футов, и курьер, отступив на шаг назад, чтобы удобнее было оттолкнуться, без труда перепрыгнул через нее.

Несколько дальше показалась вторая расселина, значительно более широкая, так что ее нельзя было преодолеть одним прыжком. Опять «курьер» подкрался к краю и заглянул вниз. Стены этой трещины сходились книзу и были так же усеяны выступами и изломами, как лунная поверхность. Она оказалась не очень глубока и скорей походила на долину, чем на ущелье. В противоположной стене, почти у самого дна, зияла черным неправильным кругом какая-то дыра.

«Курьер» осторожно спрыгнул на ближайший выступ и начал спускаться по направлению к пещере. Добравшись до входа, он заглянул внутрь. Ничего, кроме мрака. Курьер сделал что-то у себя на груди, и сноп света ярким кружком отразился на задней стене пещеры. Кружок передвигался вдоль стены, пока не надвинулся на небольшое отверстие, наполовину загроможденное упавшим когда-то со свода пещеры осколком камня.

«Курьер» приблизился к отверстию и юркнул в узкую нору, уходящую куда-то вниз. Он стал пробираться дальше, освещая себе дорогу. Нора шла извилинами и вскоре расширилась до размеров просторной пещеры, в которой можно было бы поставить рядом с полдюжины автомобилей. Другие пещеры ответвлялись от нее и все они также вели книзу. Казалось, путешествие это длилось часами. Стены лабиринта блестели от какой-то влаги. Туман начал наполнять галерею и сделался еще гуще, когда она раздвинулась, образовав огромный грот.

В этом гроте было какое-то подобие атмосферы, достаточно сгущенной, чтобы поддерживать клубы тяжелого пара, плившего под его сводами. Грот дальше суживался и

затем возобновился еще более крутой спуск. На блестящих, как бы покрытых бесцветной испариной стенах начали образовываться капли, сбегавшие низ на мокрое и скользкое дно коридора. Атмосфера становилась заметно более сгущенной и влажной. Под ногами вскоре образовался ручеек, который быстро увеличивался и при дальнейшем спуске превратился в быстрый, покрытый пеной поток. Питаемый множеством притоков из других пещер, отверстия которых выходили в эту галерею, поток достиг такой бешеной силы, что чуть не сбивал «курьера» с ног.

Галерея снова расширилась и волнам стало больше простора. Какие-то шарообразные бугорки, одаренные слабой способностью светиться, начали чаще и чаще попадаться на блестящих стенах. Они были всевозможных размеров. Когда «курьер» выключал свой свет, стены и воды мчащегося потока были видны при их сиянии.

«Курьер» уже успел спуститься на много миль внутрь Луны. Теперь он шел вдоль потока, бурно катившего свои волны по каменистому руслу. Развернулся необъятный грот. Тысячи пещер выходили сюда своими отверстиями. Стены и свод были усеяны светящимися отростками, имевшими форму грибов; при их свете можно было различить каждую трещину почвы или боков грота.

Вдруг какой-то светящийся предмет мелькнул над головой «курьера» и описал в воздухе несколько кругов. К нему присоединились несколько других таких же и, покругившись, исчезли.

До сих пор это были первые признаки одушевленной жизни на Луне. По-видимому, огромный грот был самым верхним местом, на котором могла существовать жизнь, присущая внутренности Луны. Можно было видеть и другие формы, червеобразные, тоже светящиеся, которые ползали по стенам среди грибообразных наростов. Черное существо вышиной со слона, но вдвое длиннее, показалось у входа в одну из пещер, повернулось и скрылось, неуклюже переваливаясь с боку на бок. У него было много ног, как у сороконожки. Из боковой пещеры выбежали еще какие-то странные существа и промчались в нескольких футах от

«курьера». Шествие их замыкалось тем неуклюжим многоногим животным, только теперь на его спине восседало какое-то чрезвычайно странное создание. Все они скрылись в одной из пещер.

«Курьер» последовал за ними. Пещера привела в другой, еще более обширный грот со скалистыми стенами и терявшимися в клубах тумана сводами. Множество темных отверстий можно было видеть высоко в стенах грота. Существа, устремившиеся сюда, очевидно, спаслись через эти бесчисленные лазейки.

«Курьер» настойчиво продвигался вперед вдоль стены грота. Вдруг что-то грохнулось в нескольких шагах впереди и разбилось на сотни кусков. Это был кусок скалы. Вслед за этой глыбой последовала вторая, третья. Посмотрев вверх, «курьер» увидел в вышине уступ скалы, на котором копошились существа, спихивавшие новый камень. Он уже летел прямо в голову «курьера». Он хотел отскочить в сторону, камень был всего в нескольких футах... Вдруг водворился мрак, экран почернел.

Я слышал, как Эмиль перебирал клавиши. Но на экране не появлялось ни малейшего проблеска света.

— Друг! — воскликнул Эмиль. — Каменная глыба, которую спихнули эти существа, пробила голову моему курьеру!

Я протянул руку и включил свет. Эмиль сидел ошеломленный. Я положил руку ему на плечо.

— Мужайся, Эмиль, — пробормотал я, — ты построишь другого.

— Оставь меня одного, — прошептал он умоляюще.

Уходя, я слышал, как он бранил себя за то, что не поместил контролирующий аппарат в менее уязвимом месте.

Όν βαεεα 7 j d d R

l E T A c l q E T o t j q φ φ A o A
E T O c l B t O

и с т о р и я Степана Гаричка

Когда прибыли в Макомар, шел снег. Небольшой. Изморозь, как крупная, тяжелая, хрустальная пыль; и налетала она порывами, как-то искоса. Дубы, оголенные декабрьским ветром, были чуть напудрены этой хрустальной пылью и сверкали.. Небо нависло над землей; свинцовое, все в один тон.

Наш мизерный поезд остановился, содрогаясь, с грохотом железа. Из него медленно вылезали темные фигуры женщин с младенцами на шее и изможденные мужчины в белых штанах и круглых шапках, нагруженные раздутыми котомками и горбатыми мешками. Вылез тоже и я.

При выходе из вокзала, два рослых карабинера в своих характерных сардинских плащах с капюшонами жестом остановили меня и потребовали документы. Заметил им, что таковые совершенно случайно оказались у меня в кармане, но что я недоумеваю, почему такие строгости контроля в таком городке, как Макомар, отнюдь не похожем на крепость, да еще в этакое идиллически мирное время? Они кратко ответили, возвращая мне документы, что это распоряжение властей. А я, ворча на нарушение свободы, — старая воркотня всех итальянцев, конечно, не менее распространенная и живучая, чем и наше терпение, которое неминуемо следует за такой воркотней, — направился влево, к гостинице, шлепая по полурастаявшему снегу.

Вошел. Нежданный друг, термосифон, утешил меня своим приветствием в громадной столовой. В ней было почти пусто. В углу, за маленьким столиком, сидел, задумавшись, какой-то старичок, а против него в другом углу несколько поселян, — семья, — лакомились хлебом с орехами и говорили тихо, точно в церкви. За большим центральным столом — никого. Но по приборам с отмеченными разнооб-

разными знаками салфетками видно было, что все эти места заняты и ждут своих обычных посетителей, — служащих, инженеров, преподавателей. Свободным оставалось только одно место — против задумавшегося старичка.

Я взялся за стул с поклоном; старичок ответил очень вежливо, притронувшись закутанной в толстую, серую шерстяную перчатку рукой к полям своего старомодного цилиндра, нахлобученного на уши.

Газеты... Местные газеты острова и газеты материка. Старичок против меня продолжал молчать, закупорившись в свои мысли. В столовой было тепло, и эта теплота так очаровательно содействовала тишине и молчанию, рождала грустные, убаюкивающие призраки Рождества на родине, в семье...

— Простите, — неожиданно сказал мне старичок таким же суховатым голосом, как сухи были и его губы, — простите, синьор: не видели ли вы там, на улице, карабинеров?'

— Ну еще бы, черт возьми! Ведь они даже задержали меня при выходе из вокзала...

— Ах, так... — старичок снова погрузился в свои размышления, но через мгновение прибавил: — Очень вам благодарен... — и опять приложился к цилиндру серой мохнатой перчаткой.

Снова молчание. Маятник монументальных часов посреди буфета торжественно шествовал взад и вперед, как жандармский патруль. Наносимый порывами снег сплющивался об окна и быстро таял. Из полузакрытой двери в кухню прокрадывалась новая вздымающаяся снизу воздушная струя и была она полна обещаний.

— Вы ничего не будете иметь против, если я взгляну на одну из ваших газет? — снова начал старичок немного спустя и не без робости протянул свою мохнатую перчатку.

— Пожалуйста, — я пихнул к нему через приборы растрепанную кипу газет, — к услугам вашим...

— Сегодняшние?...

— Да, последние...

— Благодарю вас, мне только взглянуть...

И серая перчатка стала очень ловко и проворно раскла-

дывать и снова складывать газеты одну за другой. Другая перчатка, вернее, другая рука, левая, была засунута в карман темного с крупными желтоватыми клетками пальто, слишком обширного для тщедушной фигурки старика. Но была ли у него вторая рука?

Так все газеты подверглись его молниеносному осмотру, а потом общей кучей, — признаться, гораздо более аккуратной, чем раньше, — были мне возвращены с многочисленными выражениями благодарности.

И опять наступило молчание. Вслед за каждым из своих отрывистых слов и движений старичок, казалось, с молниеносной быстротой уносился в сказочное одиночество и поднимал между собой и мной подъемные мосты над глубокими рвами, со скоростью метеора взлетал в заоблачные высоты. Даю вам слово, он производил на меня весьма ори-

гинальное впечатление, вернее, — целый цикл разнообразных и подчас противоречащих впечатлений. Например, мне казалось, что при каждом движении он умирает, что я больше не чувствую его присутствия и что там, за прибором, против меня сидит какое-то странное существо, индивидуум особого рода, нечто вроде сорвавшейся с нитки марионетки или даже только комочек чего-то хрупкого и жалкого, невесомого и ненужного, но это что-то таинственное живет своей особой, непонятной мне жизнью.

— Вы ждете поезд на Бозу? — спросил меня старичок, неожиданно возвращаясь из своих междупланетных странствий.

— Да.

— И вы именно в Бозу едете?

— Да.

— Значит, в два часа десять минут...

— Да, да.

Пауза.

— Вы прибыли из Сассари?

— Да.

— Но вы как будто не сардинец?

— Из Ориундо.

— А как ваша фамилия, простите?..

— Пукка.

— Фамилия — сардинская. В Ористано много Пукка...

Но вы живете в Сассари?

— В Риме.

— А... Видно, служите в министерстве?

— Нет, я писатель.

— А... Писатель... По какой специальности?... Простите, я не...

— Что за извинения... Не вы виноваты, а мои писания...

Серая перчатка сделала жест протеста, как бы говоря, что старичок настаивает на чудовищности своей вины.

— Но я заслуживаю некоторого снисхождения, — вздохнул старичок, — вот уже пятнадцать, даже без малого шестнадцать лет, что я... Сплетение обстоятельств, неприятностей, затруднений...

И он опять ушел в себя, устремив свои светлые-светлые, почти белые глазки на пестрый цветок тарелки. Потом как-то многозначительно взглянул на меня, улыбнулся сухой, натянутой, перекосившей его рот улыбкой и вдруг конфиденциально заявил, покачивая головой, как автомат:

— Если я вам скажу сейчас, откуда я, вы, конечно, рассмеетесь...

— А почему, интересно знать?

— Ну-ка, угадайте, постарайтесь угадать, откуда я сейчас... — и старичок иронически хихикнул сморщенным, как старый лимон, личиком.

Но тут часы пробили торжественных одиннадцать ударов. И когда прозвучал последний из них, тишина еще казалась насыщенной эхом этого металлического звона. Старичок выждал и, наконец, выпустил слова, которые должны были так меня рассмешить.

— Я — из дома умалишенных...

В это мгновение в столовую вошел, стуча сапожищами с подковами, громадный мужчина в не менее громадном плаще. С развязностью завсегдатая он скинул этот плащ, стряхнул с него снег, развесил его на двух стульях против термосифона, сложил в угол громадный груз, который скрывался под этим плащом, закурил окурочек сигары и, чуть не опрокинув стул, шумно уселся на конец большого центрального стола, как раз рядом с моим старичком, не больше, как в трех шагах от него.

Быстро откинувшись к стене, старичок искоса поглядывал на гиганта, видимо, сильно растревоженный его бурными движениями и всем тем шумом, который столь неожиданно ворвался в нашу симпатичную, располагающую к признаниям атмосферу.

Но, на его счастье, гиганта-разбойника почти тотчас же вызвали. Старичок долго еще, нахмурившись, смотрел на дверь, в которой он исчез, и ворчал себе под нос с многозначительной гримасой отвращения: «Вот народ! Боже мой!.. Что за люди!.. Что за люди...» — и опять он умчался в свои незарегистрированные на земном шаре страны. Я мысленно сопоставлял это бескровное личико, видневшееся мне точ-

но сквозь тонкую паутину морщин и нет-нет да и подергиваемое тиком, личико безжизненное, тусклое, как восковая маска за витриной, затуманенная неосязаемой пылью, и всю его недвижимую, невозмутимую фигурку, до щепетильности аккуратную и не лишенную известного, — правда, комически выраженного, — достоинства, и его любезную изысканную манеру говорить, — сопоставлял с теми поразившими меня словами, которые он только что произнес и которые, по его мнению, должны были вызвать взрыв моей веселости.

Но тут опять, вернувшись сюда, за стол, старичок прибавил:

— Чтобы рассмешить вас еще больше, скажу... (думаю, что излишне уверять тех, кто прочтет эти строки, что я и не думал смеяться)... скажу, что я в сумасшедшем доме пробыл почти шестнадцать лет и, конечно, оставался бы там невесть как долго, если бы не этот изверг-санитар...

Тут его белая, точно заштукатуренная маска стала страшной, исказилась от гнева до неузнаваемости.

— Скажу вам, что этот дьявол под обликом людским забрал себе в голову, будто это неправда. Неправда то, что было признано не только директором нашего заведения (достойнейшая личность и в высшей степени интеллигентная), но и всеми врачами, профессорами с громадным авторитетом. А он, такое животное, изверг, не хотел допустить, что я стеклянный!

Старичок замолчал, задохнувшись от злобы, потом, видимо озабоченный, осторожно передвинулся поближе к термосифону и вполголоса пробурчал:

— Проклятая погода! Эти неожиданные температуры могут быть для меня фатальными... Стеклу недолго лопнуть... а если появится хоть незначительная трещинка... — и он поднял воротник, глядя в окно.

Потом, наконец успокоившись, спросил своим бесцветным голоском:

— Вы бывали в доме умалишенных в Казерте?

— Нет, признаться, не бывал... — пробормотал я с интонацией человека, честно признающегося в крупном недочете своей культурности.

— А... Ну, так я доложу вам, что это заведение образцовое, первостепенное, вот уж впрямь первостепенное во всех отношениях. Местоположение великолепное, превосходное общество. Превосходный стол. Превосходный уход. Чудный сад. Прекраснейшие санитары. Услужливый и внимательный персонал. И к тому же, как я вам уже говорил, директор... выше всяких похвал! Вы не знакомы с директором дома умалишенных в Казерте?

— Нет, признаться, не знаком, — ответил я с возрастающим смущением. Я и впрямь начинал стыдиться своего громадного невежества.

— Уверен, что в тот день, когда вам придется к нему обратиться, вы признаете, что я ничуть не преувеличиваю, говоря, что это жемчужина... поистине жемчужина. Джентльмен и к тому же выдающийся ученый. Для меня он был не только директором, но и моим другом, даже больше того, — братом. Смеем вас уверить, что пятнадцать лет, проведенных мной в Казерте, были сущим раем.

— Так почему же... — робко рискнул я, — почему же... вас оттуда выписали?

— Меня выписали? — вспыхнул старичок, фиксируя меня с досадливым изумлением. — Меня выписали? Меня?.. Милейший синьор, смею вам заметить, что меня ниоткуда выписать не могут. Знайте раз навсегда, что я там был самым уважаемым и желанным из всех пансионеров... Хотя мне и пришлось оттуда уйти, но все-таки я сделал это по своей доброй воле. Замечу вам, что мне даже пришлось уйти оттуда тайком... Ах, если бы я мог предположить тогда!.. Скажите на милость!.. Вообразить себе, что директор мог меня выписать... Да ведь для того, чтобы уйти, мне даже пришлось убить санитару...

— Как... простите... — я привскочил на стуле.

— Ну да, конечно, мне пришлось его убить, — продолжал старичок. — И это было мне не очень-то приятно... Я, по своему характеру, по своему темпераменту, по своим вкусам и привычкам совсем на это не способен. Я, как говорится, мухи не обижу. Но в данном случае, — верьте мне, — иного исхода не было. Ведь этот разбойник, конечно, сам рас-

правился бы со мной в ближайшие дни, это верно, как дважды два четыре. Должен вам заметить, что он сразу вздумал обращаться со мной, как со всеми другими пансионерами, как с теми, у кого есть тело и кости. Негодяй и невежда! Да еще хохотал! И как хохотал каждый раз, как я вздрогну от страха, что... Вот чудовище!

И он замолчал, содрогаясь от ужаса своих воспоминаний.

— Понятно после этого, что мне пришлось его убить. Мне, который с ужасом пугается от всякого насилия. Ведь вам, конечно, понятно, как мне опасно дать волю резкому порыву, мне гораздо опаснее, невыразимо опаснее, чем моему противнику. Одного удара достаточно, чтобы разбить меня вдребезги. И я с этим считался, я никогда не позволял себе ни единого резкого движения... Мне ли не знать! Ведь я не чужд медицины, — я дипломированный аптекарь и в свое время посещал тоже медицинские курсы. А потому, отбросив всякую скромность, могу сказать, что я хорошо усваиваю себе, как и где можно прикасаться... С другой стороны, не знай я медицины, я, вероятно, даже не заметил бы, когда со мной начался этот процесс остекления... А что бы из этого вышло?... Какая опасность грозила бы мне? От одной мысли леденеешь от ужаса. Да, невежество — всех зол причина. Желаете узнать, почему мне пришлось поместиться в дом умалишенных в Казерте и провести там пятнадцать лет? Заметьте, что я на это не жалею, наоборот... На это заведение не нахвалишься, и его можно рекомендовать во всех отношениях. Скажу больше, при моих исключительных условиях, — обстановка жизни обыкновенных людей, тех, у кого и мясо и кости, — небьющихся, — была бы для меня невозможной. А такое мирное, спокойное, далекое от толпы убежище явилось идеальным разрешением задачи для меня. Мне было только два исхода — или в монастырь, или в дом умалишенных, а к монастырскому уставу я призвания не имел. Эти пятнадцать лет в Казерте промелькнули для меня, как пятнадцать дней; там было так тихо, мирно, безопасно, — понимаете, абсолютно безопасно для меня. Но судьбе не угодно было дать мне возможность жить там

дольше... И именно только теперь я вполне оцениваю те блага, которыми я там пользовался. Ведь с тех пор, как я покинул Казерту, я живу в непрестанной тревоге и непрестанной опасности. Возьмите, например, такое животное... этот разбойник, что только что вошел сюда... доведись ему наступить на ногу своими лапами, и конец... вдребезги разобьет, только пыль останется. А как будешь жить без ноги? Надо помнить, что к стеклу неприменимы обычные приемы хирургии, тут не отрежешь и не пришьешь.... А клей, если бы даже удалось склеить... клеем надолго не удержишь... Мне ль не знать! — в дрожащем голосе звучала горечь. — В Казерте у меня была моя милая комнатка в отдельном павильоне. Тихо, как в пустыне. Ни мебели, ни углов, не на что наткнуться; славный, пышный, мягкий матрац без кровати; рядом — большое удобное кресло; мягкая стеганая дверь, мягкая стеганая стена под окном: все предусмотрено и все опасное устранено; ходи сколько хочешь, медленно и ровно, без этих вынужденных поворотов, вот в таких толстых, мягких, как эти перчатки, туфлях, а в них не разобьешься! Благодетель, ангел был наш директор,... а мой первый санитар? Тот, что был еще два месяца тому назад... умер, бедняга... И тогда свалился мне на голову этот изверг. Мало того, что он сам меня мучил, он в несколько дней восстановил против меня весь персонал, наускивал их, чтобы они меня ощупывали и толкали, а они представлялись, что вот-вот пихнут меня на что-нибудь твердое и тяжелое... И этот каторжник заливается, бывало... Хохоchet, хохоchet, хохоchet... Сговорившись, они все вместе ходили на меня жаловаться директору, а он, добряк, хоть и знал меня как свои пять пальцев, и был ко мне очень расположен, но когда вам изо дня в день твердят одно и то же... сами понимаете? Злая молва — что уголь, если ее не раздувать, она затухнет. И вот, в один прекрасный день, является ко мне этот санитар, сияющий от радости, — добился своего, получил разрешение надеть на меня буйную рубаху и заявил, что завтра же это сделает. Мне... мне, силой надевать буйную рубаху!.. Ведь если грубо схватить меня за руку, если даже сильно пожать ее, она обломится. Понятно, что останься я

еще один лишний день после этого, это было бы последним днем моей жизни. Ну и вот, хотя я по натуре незлобивый малый и прямой, без задней мысли, но когда меня доведут до чертиков, я тоже могу взяться за ум и хоть кого перехитрю, никто меня за нос не проведет... — так я в ту же ночь его прикончил и еще задолго до рассвета был уже далеко от дома.

Пауза. Нахмуренные брови. Воспоминания? Грустные думы? Тревога за будущее?

— Но во что превратилась моя жизнь с этого момента! Подумайте только, что значит для меня влезать в поезд, парход, путешествовать, толкаться в толпе.. Чудом каким-то цел!.. Ах да, ведь я вам так и не рассказал, почему я попал в дом умалишенных в Казерте и прожил там целых пятнадцать лет; имейте в виду, что это дом для уголовных... А все невежество людское виновато, все невежество!.. Служил я тогда в Неаполе, аптекарем... Я уже вам говорил, что я дипломированный аптекарь и дело свое знаю мастерски. Вот почему сейчас я еду в Бозу, там у меня есть родственник-аптекарь, он очень ко мне расположен и, конечно, меня устроит...

В это мгновение появился суп; пар валил от него клубами, а вместе с супом в столовую вернулся и тот шумный гигант и, усевшись на свое место за большим столом в трех шагах от нас, с жадностью набросился на еду и на питье. Старичок не без тревоги следил за ним. Для себя он устроил целую систему охлаждения супа, переливая его с одной тарелки на другую по три ложки, пока не доводил их до желанной ему температуры, и ел его он очень медленно и осторожно, в то же время остерегаясь, как бы не надавить грудью на край тарелки или рукой на край стола. При этом он бормотал себе под нос: «Не торопиться... не торопиться... не в меру горячее может быть для меня фатальным...»

— Итак... — снова обратился он ко мне теперь уже тоном ниже, и на лице его, затуманенном паром, по омертвевшей коже так забавно набухали капельки и змейками сползали вниз, точно с запотевшего окна, когда на дворе холодно. — Я начал вам рассказывать, что я был старшим аптекарем,

там, наверху, на Вомеро. Работал много и со страстью. Хозяин отдавал мне должное... конечно, понимал, что все на мне держится... Не худой был человек, но вульгарный, вульгарный. И по-своему он меня, вероятно, любил. Вот там-то, затрудняясь вам сказать, как и по какой причине и какие были к тому поводы, я стал замечать, что становлюсь стеклянным (как знать, быть может, само мое занятие, эта вечная возня с воронками, колбочками, мензурками... и ведь мой отец тоже был аптекарем и дед тоже... атавизм... три поколения в интимности со стеклом...). А у меня еще с детства было к тому большое предрасположение; рос слабым, хрупким, болезненным; раз десять был смертельно болен и меня едва-едва спасли. Дома только и твердили, что я хрупок, как стекло, что я прозрачен, как стекло, и разглядывали на свет мои прозрачные уши и ноздри и уверяли, что мне надо жить под хрустальным колпаком. А ведь когда с юношеских лет работаешь среди стеклянных предметов, понятно, что эта вынужденная необходимость осторожно обращаться с ними непременно отражается на самой вашей натуре и сделает вас таким же хрупким, как это стекло... На чем, бишь, я остановился?... Да... Когда я вполне убедился, что процесс остекления моего тела прогрессирует (началось с конечностей, с пальцев ног и рук), я заявил об этом хозяину, и, вообразите себе, этот орангутанг стал насмехаться над моей болезнью и приставать ко мне. С этой минуты я покоя больше не знал. А все невежество! Невеждами оказались тоже и те врачи, которые первыми меня осматривали. Всем казалось невозможным и невероятным, чтобы ткани в живом организме могли превратиться в стекло. Точно будто в организме нет принципов кристаллизации? Точно будто не подтверждается нечто аналогичное при артериосклерозе, когда кровеносные сосуды теряют свою эластичность, становятся сухими и окостенелыми и могут ежеминутно переломиться. Вот невежество! Абсолютное неумение видеть на миллиметр далее кончика своего носа. Словом, докончу вкратце: однажды хозяин явился в аптеку с парочкой приятелей, пьяный (да, у него был этот мерзкий порок), и все они стали приставать ко мне и твердить,

что если я стеклянный, значит, у меня и кишки должны быть прозрачными, и они хотят на них посмотреть. Вы можете себе представить, что я испытывал, когда этот грубиян на меня лез, а рядом с ним его приятели, и все хваталось за животы от хохота... Я кинулся в заднюю комнату, загородился стойкой, умолял их оставить меня в покое, кричал, что эта шутка меня убьет... Как впустую! Хозяин уже потянулся, чтобы облапить меня, а у меня под рукой па стойке стоял стакан серной кислоты, я схватил его и — плюх! — все ему в рожу. Говорили потом, что бедняга ослеп и лишь несколько дней протянул в страшных мучениях. Умер... Мой адвокат на суде напирал на мою полную невменяемость к психическое расстройство... вообразите себе? Это вместо того, чтобы дать законное объяснение моему поступку. Вот меня и заключили в Казерту, где процесс остекления очень скоро закончился, и теперь уже пятнадцать лет, что я весь стеклянный.

Пауза. Громадные часы воспользовались ею, чтобы шумно пробить двенадцать ударов. В столовую веселой гурьбой нагрянули замерзшие завсегдатаи и рассаживались по местам, шумно двигая стульями. В несколько мгновений комната была переполнена. Шум, гул голосов. Мой старичок поглядывал то туда, то сюда своими белесыми глазками, и в них мелькали тени непрерывного страха.

— Так как нам суждено далее ехать вместе, вы, вероятно, не откажетесь помочь мне в пути? — он выговорил это как заключение какого-то умственного процесса.

— Ах, черт возьми! — вырвалось у меня, и я не без симпатии подумал о той парочке карабинеров, которые задержали меня при выгоде из вокзала.

— Ведь дело в том... что карабины меня разыскивают... — продолжал стеклянный старичок теперь уже шепотом. — Об этом на днях даже было в газетах... А кроме того, поезд, сами понимаете, что это для меня... дверцы вагонов... страшная опасность! Вот взгляните, вчера утром, когда я закрывал дверцу...

И он осторожно вытащил из кармана свою таинственную отсутствующую руку и наполовину сдернул с нее перчат-

ку. Я увидел крошечную исхудавшую кисть восковой белизны, трагическую кисть трупа, обратившегося в мумию, и мизинец на ней был отрезан до первого сустава, причем он очень напоминал стеклянную трубочку, в которой у нас принято продавать таблетки хинина

— На счастье, у меня была коробка хинина, — заметил старичок, старательно натягивая снова толстую шерстяную перчатку, — я взял одну из трубочек, и она точно по мерке пришлась на мой мизинец... иначе прощайся с кровью... а при моей анемии...

Но в это мгновение бурно распахнулась входная дверь и появились карабинеры в своих мантиях на красной подкладке и с ружьями в руках.

Старичок вскочил и прижался спиной к стене. Его белесые глазки сверкали на бледном лице, а из перчатки сверкнуло дуло вытянутого револьвера.

— Не прикасайтесь ко мне! — взвизгнул он своим обезумевшим от ужаса голосом. — Не прикасайтесь! Ни с места или я стреляю... Стреляю, стреляю, стреляю...

Он не dokonчил этой третьей угрозы. Среди общей суматохи видно было, как вскочил гигант, как высоко в воздухе взлетел стул и с быстротой болида рухнул на тщедушную фигурку старичка. Раздался выстрел и вслед за ним серебристый звон, звон разбивающегося хрусталя.

Но блюстители порядка остались на своих местах невредимы. И все остальные в столовой тоже были целы и невредимы.

А старичок?

Виделось лишь его громадное пальто с желтоватыми клетками. Оно рухнуло на землю, как воздушный шар после катастрофы.

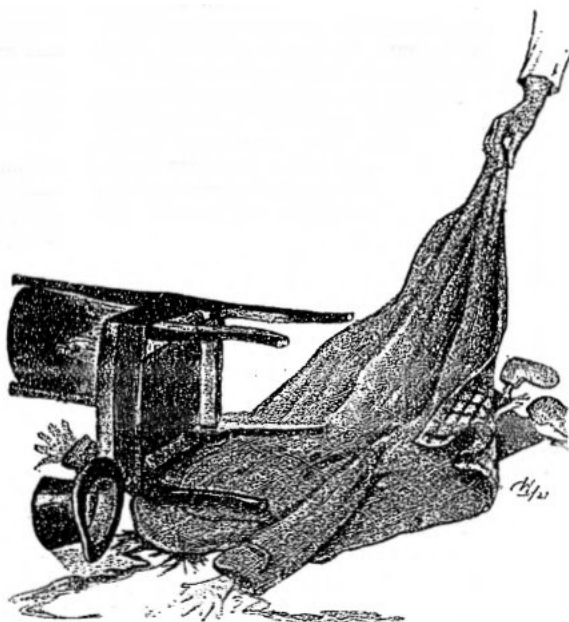
А старичок?

Тут я заметил, что из-под пальто вытекает какая-то темная жидкость. Дернул за него и раздался звон, точно в мешке со стеклом. Приподнял одну из его пол и увидел груды осколков, многие обмотанные шерстью; что-то жидкое, темное, коричневое безмолвно вытекало из них.

Как это ни странно, стеклянный старичок оказался и

впрямь стеклянным.

И поневоле (как вам правится это выражение «поневоле», но раз оно существует?...) поневоле приходилось сознаваться, что если в этой столовой и был кто-либо сумасшедший, то это был отнюдь не старичок.

၇. ညာဒေဝ

ဇနိတၢ် ဂမၤဝဲၤ ဂမၤဝဲၤ ဂမၤဝဲၤ ဂမၤဝဲၤ ဂမၤဝဲၤ
ဗၢ်ဝဲၤ

Раньше, чем начать рассказывать о событии, которое многим покажется настолько странным, что они сочтут его почти, если не совсем, невероятным, будет не лишним указать, что я адвокат, практикующий уже несколько лет, и что я не считаю себя и, насколько мне известно, никто никогда не считал меня, — лицом с чрезмерно развитой фантазией.

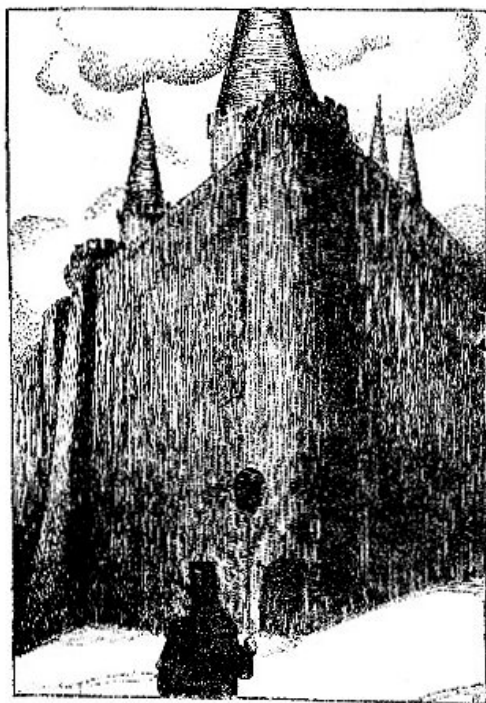
Это было на святках, в прошлом году. Я шел домой из своей конторы в Новом сквере, в Линкольн-Инне, и по дороге зашел в магазин игрушек, намереваясь купить подходящий святочный подарок одному своему маленькому крестнику.

Как это бывает только в это время года, лавка была полна покупателей, и мне пришлось ждать, пока освободится кто-либо из приказчиков. Пока я ждал, мое внимание привлекла одна игрушка на прилавке передо мной.

Это был стеклянный шар величиной с обыкновенный апельсин. Внутри шара было изображение чего-то похожего на фасад замка; перед ним стояла фигура, державшая за ниточку маленький грушевидный воздушный шарик, окрашенный полосами в красное и синее. Шар был наполнен водой, содержавшей белый порошок, который, когда воду приводили в движение, создавал впечатление метели в миниатюре.

Не могу объяснить своего поведения, свойственного разве только ребенку, иначе как тем, что мне нечего было делать в это время, и я занялся встряхиванием шара и созерцанием крохотных снежинок, плававших в жидкости. Я настолько увлекся, что совершенно забыл окружающее. Поэтому я не очень удивился, когда вскоре заметил, что хлопья снега падают на меня и тают на рукаве моего пальто. Передо мной были тяжелые ворота мрачного укрепленного здания, которое я сначала принял за Голловейскую тюрьму, хотя, как я мог так далеко забрести, было выше моего понимания.

Но, осмотревшись, я не увидел никаких признаков пригородных построек и убедился, что я как-то попал в местность, с которой я совершенно незнаком, очевидно, расположенную далеко за пределами метрополитена. Я решил,

что самое лучшее будет постучать в ворота и спросить у привратника, где я и как пройти к ближайшей железнодорожной станции; но прежде, чем я мог выполнить свое намерение, в одной из створок ворот отворилась калитка, и показался старик почтенной наружности. Он был похож на обыкновенного привратника, но был в особенной ливрее, которую я счел ливреей сенешаля, хотя я никогда не видал сенешаля; но таково было мое впечатление. Кто бы он ни был, он, казалось, несомненно, рад был видеть меня.

— Добро пожаловать, прекрасный сэра, — сказал он высоким надтреснутым голосом, — истинно знал я, что моя несчастная госпожа не будет лишена защитника в своей тяжелой доле, хотя она почти оставила всякую надежду на ваш приход!

Я объяснил, что явился не по приглашению, но просто прохожий, который оказался в этих краях совершенно случайно.

— Это неважно, — ответил он, произнося слова на старинный лад, — раз вы все же пришли; ибо воистину, сэр, она тяжело нуждается в ком-либо, кто готов посвятить себя ее делу.

Я сказал, что я, как раз, по профессии юрист и что если, как я понял, его госпожа в каком-либо затруднении и желает моей помощи, то я вполне готов дать ей совет, какой только смогу, и выступить от нее, если ее дело таково, что это, по моему мнению, понадобится.

— Да, оно таково, — сказал он, — но прошу вас, не стойте долее, ведя переговоры, ибо сие, так как я вижу, что вы сейчас плохо защищены, — добавил он торопливо, — может быть сопряжено с ненужной опасностью. Войдите, не медля долее!

Я не думал, что рискую серьезно простудиться, но удивился, почему мне не пришло в голову раскрыть зонтик, пока не обнаружил, что моя правая рука уже занята тем, что держит веревочку, к которой привязан пестро раскрашенный воздушный шар, колебавшийся над моей головой.

Это была такая неподходящая вещь для адвоката, особенно для готовящегося предложить свои услуги в деле, по-видимому, серьезном, что я на мгновение смутился. Но я скоро вспомнил, что не так давно заходил в игрушечную лавку, и заключил, что купил, должно быть, этот шар в подарок своему крестнику.

Я хотел объяснить это старику, но он внезапно втащил меня через калитку, захлопнув дверь так резко, что перебил ею веревочку от воздушного шара. Я видел, как он взмыл вверх по другую сторону стены, пока снежный вихрь не скрыл его от моего взора.

— Не жалейте о потере его, — сказал сенешаль, — он исполнил свое назначение, доставив вас к сим воротам.

Если он полагал, что кто-нибудь действительно мог бы воспользоваться таким странным способом передвижения, то он, подумав, я, должно быть, выжил из ума; я начал опасаться, что, приняв его приглашение войти, я, может быть, поставил себя в неловкое положение.

Однако, я зашел слишком далеко, чтобы возвращаться, поэтому я позволил проводить себя к его госпоже. Он провел меня через обширный двор к боковому входу, а затем вверх по витой лестнице, по пустынным коридорам и через пустые прихожие, пока мы не пришли в большой зал, плохо освещенный сверху и увешанный тусклыми коврами. Здесь он оставил меня, сказав, что сообщит хозяйке о моем приходе.

Мне пришлось ждать недолго, пока она вошла через дверь под аркой напротив.

Я сожалею, что не могу, отчасти потому, что помещение было недостаточно освещено, описать ее хотя бы с приблизительной точностью. Она была совсем молода, немного старше 18 лет, как я склонен думать; она была одета роскошно, но необычайно, в какое-то блестящее платье, и ее длинные волосы были распущены и рассыпаны по плечам; это (хотя я обязан признать, что впечатление в данном случае не было неприятным) всегда, по крайней мере для меня, кажется во взрослой женщине неопрятным и заставило меня на мгновение усомниться, вполне ли она нормальна.

Но, хотя она очевидно была сильно взволнована, я не мог обнаружить ничего в ее поведении или словах, что бы указывало на настоящее умственное расстройство. Ее внешний вид, вдобавок, был несомненно привлекателен, и я в общем не помню, чтобы я когда-либо раньше чувствовал себя так заинтересованным с первого взгляда каким-либо клиентом женского пола.

— Скажите, — воскликнула она, — правда ли это? Ужели вы в самом деле пришли освободить меня?

— Дорогая леди, — сказал я, заметив, что всякое извинение за то, что, как я опасался, могло бы показаться весьма необычным вторжением, является излишним, — мне дали понять, что вы нуждаетесь в моих услугах, и если это правильно, то я могу только сказать, что я всецело в вашем распоряжении. Только постарайтесь успокоиться и расскажите мне так ясно и кратко, как только вы можете, существеннейшие факты вашего дела.

— Увы, сэр, — сказала она, ломая руки, которые были

замечательно красивы, — я самая несчастная принцесса во всем свете!

Я полагаю, что я так же свободен от снобизма, как и большинство людей, но признаюсь, что почувствовал некоторое удовлетворение от того, что был почтен доверием леди такого знатного происхождения.

— Я весьма огорчен тем, что слышу, ваше высочество, — сказал я, вспоминая, что именно так следует обращаться к принцессе, — но я боюсь, — добавил я, приготовляясь выслушать ее указания, — что я не смогу быть вам полезным, пока вы не заставите себя сообщить мне подробнее обстоятельства дела.

— Ужели, — сказала она, — вы не знаете, что я во власти злого дяди-тирана?

Я мог бы объяснить, что я слишком занятой человек, чтобы иметь время следить за очередными придворными скандалами, но воздержался.

— Я могу считать, следовательно, — сказал я, — что вы сирота и что родственник, о котором вы упомянули, ваш опекун?

Она дала понять жестом, что оба эти заключения правильны.

— Он запер меня пленницей в этом мрачном месте, — заявила она, — и лишил меня всех моих приближенных одного за другим, кроме престарелого, но верного слуги, которого вы видели.

Я, конечно, ответил, что это несомненное злоупотребление властью, и спросил, не может ли она указать причины такого поступка с его стороны.

— Он решил, что я должна выйти замуж за его сына, — объяснила она, — которого я ненавижу, чувствуя к нему невыразимое отвращение.

— Может быть, — осмелился я намекнуть, — есть кто-нибудь другой, кто...

— Нет никого, — сказала она, — ибо мне ни разу не было дозволено взглянуть на какого-либо другого жениха; и вот я здесь в заключении, доколе не соглашусь на сей ненавистный союз, но я скорее умру! Но вы спасете меня от

столь ужасной участи! Ибо для чего иного вы здесь?

— Я выказал бы полное неумение, ваше высочество, — уверил я ее, — если бы не нашел выхода из такого обычного затруднения. Пытаясь принудить вас к браку против вашей воли, ваш опекун, очевидно, доказал свою полную непригодность к исполнению своих обязанностей. Закон целиком на вашей стороне.

— Истинно, он непригоден, — согласилась она, — но что мне до того, кто еще на моей стороне, доколе вы остаетесь моим рыцарем. Только как вы думаете совершить мое спасение?

— Принимая во внимание все обстоятельства, — сказал я ей, — я считаю, что самое лучшее для нас подать жалобу о незаконном лишении свободы. Вас тогда вызовут в суд, и судья может дать распоряжение, какое сочтет нужным. По всей вероятности, он лишит вашего дядю занимаемого им положения и передаст вас в ведение опекунского совета.

Всегда очень трудно заставить дам понять даже самые простые подробности судебной процедуры, и моя принцесса не была исключением из этого правила. Она, казалось, совершенно не сознавала власти, которой обладает всякий суд для проведения своих постановлений.

— Вы забываете, сэр, — сказала она, — что мой дядя, который славится в этих местах как волшебник и маг, наверное, с насмешкой презрит подобный приказ.

— В таком случае, ваше высочество, — сказал я, — он будет подлежать суду. Кроме того, если его репутация в этих местах соответствует вашему описанию, у нас есть другой способ воздействия на него. Если мы только сможем доказать, что он пользовался каким-либо тайным средством, способом или хитростью с целью обмануть кого-либо из подданных его величества, то против него можно возбудить преследование на основании акта о бродягах 1824 года, как мошенника и лица без определенных занятий. Он может получить за это даже шесть месяцев!

— Ах, сэр, — воскликнула она, как мне показалось, нетерпеливо, — мы лишь тратим драгоценное время на праздные разговоры, подобные этим, из коих я едва понимаю не-

сколько слов! А между тем, близок час, когда я должна буду встретиться лицом к лицу с моим дядей, и ежели я откажусь повиноваться его воле, гнев его будет воистину жесток!

— Все, что вам нужно сделать, это направить его ко мне, — сказал я, — я думаю, что сумею при личном свидании убедить его принять более разумную точку зрения. Если вы ждете его скоро, то мне, может быть, лучше остаться до его прихода?

— К счастью для нас обоих, — возразила она, — он еще за много миль отсюда! Ужели вы не видите, что ежели моему спасению суждено свершиться, то должно сделать это до его возвращения, иначе я погибла? Возможно ли, что, прибыв издалека, вы можете проводить так время, не делая ничего?

Я подумал некоторое время раньше, чем ответить.

— После тщательных размышлений, — сказал я наконец, — я пришел к заключению, что, так как вы, очевидно, серьезно опасаетесь личного насилия со стороны вашего дяди, если он вас застанет здесь, я вполне вправе пренебречь обычными формальностями и удалить вас из-под его опеки немедленно. Во всяком случае, я возьму на себя такую ответственность, с каким бы риском это ни было сопряжено.

— Я прошу прощения за свою кажущуюся нетерпеливость, — сказала она с прелестным смирением. — Я должна была бы знать, что могу уверенно положиться на защиту столь храброго и бесстрашного рыцаря!

— Вы поймете, я уверен, ваше высочество, — сказал я, — что я не могу, как холостяк, предложить вам убежище под моим кровом. Я предполагаю (если вы, конечно, это одобрите) поручить вас заботам моей старой тетки в Кройдоне, пока не будет возможно устроить вас иначе. Я полагаю, вам не понадобится много времени на сборы для этого путешествия?

— К чему сборы? — воскликнула она. — Не будем более медлить, но бежим сейчас!

— Я рекомендовал бы вам взять, по крайней мере, саквояж, — сказал я, — вы успеете упаковать все, что вам нуж-

но, пока ваш слуга приведет нам извозчика. Я не знаю ничего, что мешало бы нам затем отправиться немедленно.

— Ничего? — воскликнула она. — Ужели вы столь мало страшитесь дракона, что можете говорить так легко об этом?

Я не мог удержаться от улыбки; было так странно видеть, что принцесса в таком возрасте еще сохранила веру в сказки.

— Я думаю, ваше высочество, — сказал я, — что в настоящее время дракон не является препятствием, которое мы должны серьезно принимать во внимание. Вам, очевидно, не сообщили, что это чудовище давно перестало существовать.

— И вы убили его! — воскликнула она, и глаза ее вспыхнули восхищением. — Я могла бы догадаться об этом. Он убит — и ныне даже дядя мой не властен более удерживать меня здесь! Много долгих месяцев я не смела выглянуть в окно, но теперь я могу снова созерцать дневной свет без страха!

Она отдернула при этих словах занавеси, обнаружив большое окно; в следующее мгновение она отпрянула с подавленным криком ужаса.

— Зачем вы обманули меня? — спросила она негодуя, тоном упрека. — Ведь он существует. Он еще там. Смотрите сами.

Я взглянул. Окно выходило во двор позади замка, где я еще не был, и теперь я увидел нечто до такой степени неожиданное, что едва мог поверить собственным глазам.

Над зубчатой наружной стеной я увидел возвышающуюся огромную бугристую голову, покачивающуюся на длинной гибкой шее из стороны в сторону с зловещей бдительностью. Хотя остальное тело зверя было скрыто стеной, я видел вполне достаточно, чтобы убедиться, что это не может быть не что иное, как дракон, и притом весьма внушительный. Мне казалось, я понял, почему слуга так торопился ввести меня внутрь замка, хотя и пожелал, чтобы он объяснил мне тогда все несколько подробнее.

Я стоял, глядя на дракона, но не сделал никакого замечания.

Сказать по правде, я в этот момент не чувствовал себя в состоянии сделать какое-либо замечание.

Принцесса заговорила первая.

— Вы, кажется, изумлены, сэр, — сказала она, — но вряд ли вы не ведали, что дядя мой поставил это свирепое чудовище сторожить сии стены, чтобы удержать меня, если бы я попыталась бежать отсюда.

— Я могу только сказать, ваше высочество, — ответил я, — что это первое упоминание об этом обстоятельстве, которое я слышу.

— Все же вы мудры и сильны, — сказала она, — вы наверняка придумаете способ, которым избавите меня от этой гнусной твари.

— Если вы разрешите мне задернуть занавеску, — сказал я, — то я попытаюсь придумать что-нибудь... Прав ли я, полагая, что это животное — собственность вашего дядюшки...

Она ответила, что это так.

— Тогда, мне кажется, я вижу выход, — сказал я, — вашего дядю можно вызвать в суд по обвинению в том, что он позволяет гулять на свободе такому опасному животному, так как оно, очевидно, не находится под достаточным надзором. И если обратиться к магистрату, ссылаясь на закон 1871 года, ему может быть приказано уничтожить это животное немедленно.

— Вы мало знаете моего дядю, — сказала она с оттенком презрения, — ежели думаете, что он согласится уничтожить единственного оставшегося у него дракона по приказу кого бы то ни было.

— Он будет подвергнут штрафу в 20 шиллингов в день, пока не исполнит этого, — ответил я. — Во всяком случае, я могу обещать вам, что, если только мне удастся выбраться отсюда, то вам не придется подвергаться этим неприятностям очень долго.

— Ужели? — воскликнула она. — Уверены ли вы вполне в успехе?

— Собственно говоря, да, — сказал я, — я обращусь, конечно, если я смогу безопасно попасть домой, завтра утром первым делом в суд; если мне только удастся убедить суд, что смысл закона достаточно широк, чтобы охватить не только собак, но и других опасных четвероногих, то дело будет уже почти сделано.

— Завтра, завтра! — повторила она нетерпеливо. — Ужели я должна еще раз повторять вам, что сейчас не время медлить? Истинно, сэр, ежели мне вообще быть спасенной, то только ваша рука может освободить меня от этого отвратительного червя!

Сознаюсь, что я подумал, что она обладает совершенно необычной точкой зрения на взаимоотношения адвоката и клиента.

— Если бы, — сказал я, — его можно было бы, хотя бы с приблизительной точностью, назвать червем, я не испытывал бы ни малейшего колебания перед нападением на него.

— Итак, вы сделаете это? — сказала она, не поняв меня, как обычно. — Скажите, что вы сделаете это, ради меня!

Она была так привлекательна, когда обращалась ко мне с этим призывом, что у меня решительно не хватило духа огорчить ее прямым отказом.

— Нет ничего, — сказал я, — то есть ничего разумного, чего бы я не сделал с радостью ради вас. Но если вы только подумаете, то сейчас же увидите, что в цилиндре и пальто, и совершенно без всякого оружия, кроме зонтика, у меня нет и тени шанса на победу над драконом. Перевес был бы безнадежно на его стороне.

— Вы говорите правду, — ответила она к моему удовольствию, — я не могу желать, чтобы рыцарь мой вступил в столь неравный бой. Итак, не имейте сомнений в сем деле.

При этом она хлопнула в ладоши, чтобы вызвать слугу, который появился так быстро, что, мне кажется, он не мог быть очень далеко от замочной скважины.

— Этот благородный джентльмен, — объяснила она ему, — желает выйти и сразиться с драконом за нашими стенами, если только он будет достаточно вооружен для сей смертельной битвы.

Я хотел объяснить, что она придала моим замечаниям смысл, которого я не намеревался им сообщать, но старик был так многословен в своих благодарностях и благословениях, что я не мог вставить ни слова.

— Ты поведешь его в оружейную, — продолжала процесса, — и посмотришь, чтобы он был одет в броню, достойную столь рыцарского поединка. Сэр, — добавила она, обращаясь ко мне, — в сей час у меня не хватает слов. Я не умею даже поблагодарить вас так, как хотела бы. Но я знаю, что вы сделаете все, что в ваших силах, ради меня. Если бы вы пали...

Она остановилась, очевидно, не будучи в силах закончить фразу, но это было излишне. Я знал, что случится, если я паду.

— Но вы не падете, — продолжала она, — что-то говорит мне, что вы возвратитесь ко мне победителем; и тогда, тогда, — если бы вы потребовали от меня любой награды, да (здесь она божественно покраснела) — будь это даже вот эта моя рука, вам не будет отказано в ней.

Никогда за всю свою практику я не был в более затруднительном положении.

Здравый смысл говорил мне, что совершенно недопустимо с ее стороны ожидать таких услуг от лица, которое призвано только подать ей юридический совет. Даже если бы я исполнил это с успехом, — что, чтоб не сказать более, было сомнительно, — моя практика вероятно пострадала бы, если бы мое участие в таком деле стало известно. Что касается специального вознаграждения, которое она так щедро предложила, то об этом, конечно, не могло быть и речи. В моем возрасте женитьба на легкомысленной 18-летней девушке, — вдобавок, еще принцессе, — была бы слишком рискованным предприятием.

И все же, потому ли, что я хотя и пожилой холостяк, от природы склонен, не подозревая этого, к романтизму и рыцарству, или по какой-нибудь другой причине, которую я не в состоянии объяснить, но как-то случилось, что я поцеловал маленькую руку, которую она протянула мне, и вышел, не говоря более ни слова, чтобы сразиться, как только сумею лучше, за нее с таким проклятым зверем, как дракон. Не могу сказать, чтобы меня это веселило, но как бы то ни было, я пошел.

Я последовал за слугой, который повел меня вниз, но не по той лестнице, по которой я поднялся сюда, а затем через огромную сводчатую кухню, населенную только черными тараканами, которых было бесчисленное множество. Только чтобы поддержать разговор, я сделал какое-то замечание об их многочисленности и живучести, и спросил, почему, по-видимому, не предприняли никаких шагов, чтобы избавиться от такого очевидного неудобства.

— Увы, благородный сэра, — ответил он, грустно покачивая своей старой седой головой, — очищать это помещение от сей чумы было обязанностью поваренка, а последний из холопов уже давно исчез из наших покоев!

Я чувствовал желание спросить его, куда они все исчезли, но не спросил. Я подумал, что ответ может оказаться обескураживающим. Даже и без того, я бы дал многое за стакан виски с содой в этот момент, но он не предложил мне

этого, а мне не хотелось просить из опасения быть неправильно понятым. Наконец, мы вошли в оружейную.

Только небольшое число вооружений висело на стенах, и все они были в плачевном состоянии: ржавые и полуразвалившиеся; слуга снял их одно за другим и сделал несколько неловких попыток затянуть и застегнуть их на мне. К несчастью, ни одно вооружение не подходило для работы, так сказать, ибо я утверждаю, что ни один человек не может сражаться с драконом в вооружении настолько тесном, что в нем даже нельзя двигаться хотя бы с намеком на удобство.

— Боюсь, что это все ни к чему, — сказал я слуге, неохотно натягивая на себя свое обычное платье, — вы сами видите, что здесь нет ничего, что подходило к моему росту.

— Но вы не можете вступить в бой с драконом в сей вашей одежде, — возразил он. — Это было бы чистым безумием!

Я был рад, что старик достаточно умен, чтобы понять это.

— Я вполне согласен с вами, — ответил я, — и верьте мне, мой добрый старый друг, мои мысли далеки от этого. Моя мысль такова, — я не прошу вас подвергать себя ненужному риску, — но если бы вы могли ухитриться отвлечь внимание дракона какой-либо диверсией с одной стороны замка, я мог бы тихонько выскользнуть через какие-нибудь двери с другой стороны.

— Ужели вы лишь жалкий трус, — воскликнул он, — что можете покинуть столь прекрасную леди на верную гибель?

— Незачем называть меня оскорбительными словами, ответил я, — я не намерен совершенно бросать госпожу. Вы будете добры передать ей, что я обязательно вернусь завтра же с оружием, которое покончит всю эту историю с драконом гораздо основательнее, чем все эти ваши устарелые копы и секиры!

Ибо я уже решил, что это единственный открытый для меня путь.

У меня есть друг, который проводит большую часть года в охоте на крупного зверя. Он, к счастью, случайно был то-

гда в городе. Я знал, что он охотно одолжит мне скорострельное ружье и несколько разрывных пуль, и в качестве бывшего волонтера и стрелка, я чувствовал, что шансы тогда будут слегка в мою пользу, даже если я не смогу, как я надеялся, уговорить своего друга присоединиться к этой экспедиции.

Но сенешаль смотрел не так оптимистично на мои предположения.

— Вы забываете, сэр, — заметил он мрачно, — что, для того, чтобы возвратиться сюда, вам должно сперва покинуть защиту сих стен, ибо будучи невооружены, вы можете тотчас умереть.

— Для меня это не очевидно, — возразил я, — в конце концов, так как дракон не пытался помешать мне войти, по крайней мере возможно, что он ничего не будет иметь против моего ухода.

— Насколько я знаю, — ответил он, — он, быть может, не имеет приказа препятствовать кому-либо входить. О сем мне ничего не ведомо. Но вот что я знаю верно, — он не допускает никого уйти, не пожрав его.

— Но не могу ли я попробовать уйти от него раньше даже чем он узнает, что я вышел? — попробовал я сказать.

— Боюсь, сэр, — сказал он уныло, — что тварь сия не преминет последовать по следам вашим ранее, нежели снег успеет замести их.

— Об этом я не подумал, — сказал я, — теперь, когда вы упомянули об этом, это не кажется мне совсем невероятным. По вашему мнению, значит, мне лучше оставаться, где я нахожусь?

— Только доколе не возвратится волшебник, — был его ответ, — как он может, ежели я не ошибаюсь, сделать в любое мгновение, после чего пребывание ваше здесь будет поистине кратковременным.

— Неужели вы хотите сказать, — спросил я, — что он будет настолько бесчеловечен, что выгонит меня на съедение к этому поганому дракону? Ибо к этому, в сущности, все это сведется.

— Разве только силой или хитростью вы победите сие чудовище, — сказал он, — и мне кажется, вы пришли сюда именно с таким намерением.

— Дорогой мой, — ответил я, — я не имею представления, зачем и как я сюда попал, но, во всяком случае, я не хотел и не ожидал встретить дракона. Однако, я начинаю понимать, что если я не найду способа прикончить эту тварь, — и вдобавок поскорее, — то она прикончит меня. Вопрос в том, каким манером приняться за это?

И тут, внезапно, на меня нашло вдохновение. Я вспомнил тараканов и что-то сказанное сенешалем относительно того, что истребление их лежало на обязанности поваренка. Я спросил его, какой способ применялся для этой цели, но, так как такие ничтожные подробности были вне его ведения, он не мог ответить мне. Тогда я вернулся в кухню, где начал тщательные поиски, не без надежды на успех.

Некоторое время я искал напрасно, но наконец, когда я уже начал отчаиваться, я нашел на пыльной полке в кладовой то самое, что я искал. Это был глиняный сосуд, содержащий пасту, которую, несмотря на плесень на ее поверхности, я тотчас узнал; это был состав, который с ручательством может быть применен для истребления всякого рода вредных животных.

Я позвал сенешаля и спросил его, не может ли он дать мне булку белого хлеба; он принес мне ее с растерянным видом. Я вырезал ломоть из середины и начал густо намазывать пасту на него, когда он схватил меня за руку.

— Стойте, — воскликнул он, — ужели вы опрометчиво ищите своей смерти ранее, чем вам суждено?

— Не волнуйтесь, — сказал я ему, — это я не для себя. А теперь не будете ли вы добры показать мне ход на крышу, откуда я мог бы добраться до дракона?

Дрожа с головы до ног, он указал мне лестницу в башне, по которой, однако, не предложил проводить меня; лестница привела меня на нечто, казавшееся похожим на бастيون. Я осторожно подполз к парапету и заглянул через него; тут в первый раз я целиком увидел зверя, который ле-

жал прямо подо мной. Я знаю, как наиболее правдивые склонны к преувеличению в таких случаях; но даже приняв во внимание свое возбужденное состояние в тот момент, я думаю, что не ошибусь в определении размеров зверя, сказав, что он был немногим меньше, или даже несколько не меньше, чем «*Diplodocus Carnegii*», модель которого находится в Естественноисторическом музее, в то время как вид его был неизмеримо ужаснее.

Я не стыжусь сознаться, что вид его заставил меня настолько потерять самообладание, что на мгновение я испытал почти непреодолимое желание вернуться тем же путем, каким я пришел, раньше, чем животное заметит меня. И все же, оно не было лишено своеобразной красоты; я склонен считать даже, что это был необычно красивый экземпляр этой породы; я был особенно поражен великолепной окраской его чешуи, которая превосходила окраску даже самых крупных питонов. Однако, для непривычного глаза есть, должно быть, нечто в драконе, что внушает больше страха, чем восхищения, и я не был в настроении любоваться видом дракона. Он лежал свернувшись, положив голову назад между крыльями, как птица, и, казалось, дремал. Я думаю, что нечаянно дал знать чем-либо о своем присутствии, так как внезапно я увидел, как роговые пленки поднялись, как шторы, на его глазах, лишенных век, и он уставился на меня с холодным любопытством.

Затем он грузно поднялся на ноги и медленно вытянул шею, пока его ужасная голова не поднялась вровень с зубцами бастиона. Нечего говорить, что при этом я быстро ретировался в место, где, я полагал, мне не грозила немедленная опасность. Но у меня было достаточно присутствия духа, чтобы помнить о цели, для которой я был там: укрепив приготовленный ломоть на железном наконечнике зонтика, я протянул его так далеко, как только хватала рука, по направлению к дракону.

Я полагаю, что его давно не кормили. Голова его молниеносно сверкнула над парашетом, жадно щелкнули челюсти, — и в следующий момент и хлеб и зонтик исчезли в его огромной красной пасти.

Затем голова исчезла. Я слышал отвратительный хрустящий звук, как будто медленно жевали остов зонтика. После этого наступила тишина.

Я снова подполз к парпету и заглянул вниз. Громадное животное облизывало свои покрытые пластинами челюсти, как будто, — что, впрочем, вполне вероятно, — зонтик оказался непривычным лакомством для его пресыщенного вкуса. Оно было теперь занято спокойным перевариванием этой закуски.

Но сердце мое замерло при виде этого. Ибо если зонтик из альпака с ручкой черного дерева мог быть так легко усвоен, то какие могли быть шансы за то, что средство от тараканов произведет какое-нибудь вредное действие? Я был дураком, что возлагал малейшую надежду на такое безнадёжное предприятие. Скоро он попросит еще, а у меня не было ничего для него.

Но мало-помалу, в то время, как я с отвращением следил за ним, как зачарованный, мне показалось, что я замечаю легкие признаки беспокойства в поведении гада.

Сначала это было почти ничто; легкое подергивание по временам и моргание, которого раньше я не замечал в его остановившихся глазах, но оно дало мне проблеск надежды. Затем я увидел, как большой гребень на его хребте медленно подымается. Зубцы, окаймлявшие его челюсти, стали дыбом, и он начал злобно клевать свой растянутый оливково-зеленый зоб, который он, очевидно, считал причиной беспокойства.

Как ни мало я знаю о драконах, но даже ребенок мог бы видеть, что этому не по себе. Только, что причиной этому — зонтик или средство от тараканов? Что касается этого, я мог только гадать, и моя судьба, — и судьба принцессы, — зависела от того, который диагноз правилен!

Однако, я недолго ждал. Внезапно животное издало нечто вроде не то мычания, не то рева — самый потрясающий звук, кажется, который мне когда-либо приходилось слышать; затем я не совсем понял, что произошло.

Кажется, с ним был какой-то припадок. Он извивался и катался по земле, ударяя по воздуху своими огромными

кожистыми крыльями, сплетаясь в такие узлы, которые я назвал бы невозможными, — если бы не видел их сам, — даже для дракона.

Это продолжалось некоторое время; он развернул свое тело и, казалось, успокоился; как вдруг он выгнулся громадной дугой и совершенно окоченел с распростертыми крыльями почти на полминуты. Потом он внезапно свалился на бок, тяжело дыша, храпя и сотрясаясь, как какой-то чудовищный автомобиль, после чего он вытянулся во всю свою длину раз или два и затем остался лежать неподвижно. Его роскошные краски постепенно уступили место тусклому свинцово-серому цвету... Все было кончено — средство от тараканов все-таки подействовало.

Я не могу сказать, чтобы я испытывал восторг. Я не уверен даже, что не чувствовал некоторых угрызений совести. Правда, я убил дракона, но способом, который вряд ли показался бы св. Георгию достойным спортсмена, хотя обстоятельства не оставляли мне другого выбора.

Однако, я спас принцессу, что в конце концов более главное, и ей не было нужды знать ничего, кроме голого факта, что дракон мертв.

Я собирался спуститься и сообщить ей, что она свободна и может покинуть замок, как вдруг я услышал гудение в воздухе; оглянувшись, я увидел, что на меня сквозь падающий снег несется пожилой человек грозного вида, явно в состоянии крайнего раздражения. Это был дядя принцессы.

Я не знаю, как это случилось, но до этого мгновения я как-то не сознавал, на какие несоответствующие профессиональной этике поступки толкнула меня моя горячность. Но теперь я увидел, хотя и слишком поздно, что, действуя самовольно и дав яд животному, которое, как бы оно ни было свирепо, составляет чужую собственность, я совершил проступок, недостойный уважаемого адвоката. Это был, несомненно, проступок, подлежащий судебному рассмотрению, а дядя принцессы даже мог бы считать это уголовным преступлением.

Итак, когда волшебник с лицом, искаженным от бешенства, спустился на крышу, я почувствовал, что ничто не мо-

жет спасти положение, кроме полного извинения. Но чувствуя, что лучше будет, если первое замечание будет сделано им, я только приподнял цилиндр и ждал, что он скажет.

— Вам отпускают, сэр? — были слова, которые я услышал, и слова эти, как и тон, были так отличны от того, что я ожидал, что я вздрогнул.

И тогда, к своему изумлению, я заметил, что зубчатые бастионы и волшебник исчезли. Я снова стоял в магазине игрушек, глядя в стеклянный шар, в котором снежинки еще медленно кружились.

— Вам нравятся эти шары в один шиллинг со снежной бурей, сэр? — продолжал приказчик, по-видимому, обращаясь ко мне. — Они у нас идут сейчас в большом количестве. Очень подходящий подарок для ребенка, сэр, и только по шиллингу штука в этом размере, хотя у нас имеются и более крупные.

Я купил шар, который я держал, — но я не подарил его крестнику. Я предпочел сохранить его для себя.

Конечно, мое приключение, может быть, только сон наяву.

Один друг, натуралист, которому я рассказал это происшествие, утверждает, что это обыкновенный случай самогипноза, вызванный продолжительным рассматриванием стеклянного шара.

Но я не знаю. Я не могу не думать, что за этим скрывается нечто большее.

Я все еще временами смотрю в шар, когда я бываю один по вечерам. Но, хотя я иногда снова оказывался в снежной метели, мне не удалось пока ни разу попасть в замок.

Быть может, это к лучшему; ибо, хотя я не отказался бы увидеть снова принцессу, но она, по всей вероятности, благодаря мне уже давно покинула это место, — а я не могу сказать, чтобы мне очень хотелось встретиться с волшебником.

Y a z 9 a a t d i b

ÿ Õ L T ç Ó Æ Õ q T ò p J

Юров, приезжий комиссар, объявил заседание ревтрибунала закрытым. Красноармейцы-монголы увели оторопевшего подсудимого, подгоняя его ударами прикладов в спину. Население поселка, хранившее во время публичного разбирательства дела угрюмое молчание, так же молча стало расходиться; на лицах сартов-крестьян было написано недоумение, испуг и еще что-то, чего Юров определить не мог, но от чего его глаза наливались кровью и злобой.

— Кулачье! Азиатские морды! Я им покажу настоящую линию! — бормотал он про себя, направляясь к дому старосты.

Старый сарт, с хитрым лицом цвета обожженного кирпича, потчевал гостя холодным чаем, смешанным с водкой. Юров жадно выпил чашку терпкой жидкости, вытер рот рукой и сказал:

— Мы приговорили Бачая к смертной казни.

Староста уставился в земляной пол избы и ничего не ответил. Однако, в его беглом взоре Юрову почудился тот же самый неуловимый оттенок тайного страха, который он приметил уже на лицах крестьян во время заседания суда. С перекошенным от злобы лицом комиссар стукнул кулаком по столу и заорал:

— Твоего мнения не спрашивают! Советская власть не терпит, чтобы кулаки и вредители убивали сознательных граждан! Бачай будет расстрелян завтра.

Староста, не отозвавшийся на эту дикую вспышку ни единым движением, сказал, по-прежнему не подымая глаз:

— Бачай невиновен. В него никто не станет стрелять.

Юров посмотрел на старого сарта с презрительной жалостью:

— Со мной здесь два красноармейца. Двух пуль для бандита достаточно!

Староста упрямо повторил:

— Бачай невиновен.

Тогда Юров возразил уже более спокойно:

— Неужели ты, умный старик, веришь серьезно в эту сказку? Бачай рассказывал на суде, что он ходил по полю с Юзефом, что они оба остановились под деревом, чтобы пе-

редохнуть от жары, и что Юзеф, как бы в припадке внезапного помешательства, побежал к краю обрыва и сбросился вниз... Гораздо проще предположить, что Бачай, закоренелый враг советской власти, столкнул в пропасть Юзефа, первого жителя деревни, записавшегося в коммунистическую партию. Мы будем выжигать огнем подобные вредные элементы.

Староста помолчал и произнес тем же невозмутимым голосом:

— Юзеф не сошел с ума. Он увидал свою неподвижную тень и понял, что смерть его близка. Он исполнил волю богов.

— Поповские предрассудки! Будем вырывать с корнем! — заорал комиссар. — Что это еще за история с неподвижной тенью? Какие попы вам это рассказали?..

Теперь уже староста поглядел на комиссара с сожалением:

— Это известно не только нашим муллам, но и каждому ребенку. В тот момент, когда сарт видит свою тень на земле застывшей, не повторяющей его движений — он знает, что дни его сочтены. Юзеф это увидал и понял, что смерть его близка. Бачай говорил правду.

— Бачай будет расстрелян завтра, — ответил Юров, направляясь к двери. — А тебе, старик, советую бросить эти сказки. Распространение суеверий — вода на мельницу врагов советской власти. Попадешь в ревтрибунал — не пощажу! Заруби себе это на носу.

* * *

Великолепно и торжественно апрельское утро в Туркестане — в степной полосе его, расположенной к юго-западу от Аральского моря. В прозрачном, как горный хрусталь, воздухе купаются со звонким пением жаворонки, и свежий ветер колышет высокую стену ковыля; чудится, будто могучая степь дышит полной грудью...

Небольшой конный отряд медленно подвигался по караванной тропе, ведущей к Самарканду. Между тремя наездниками — Юровым и его красноармейцами — плелся осужденный, немолодой уже сарт с безразличным лицом. Поодаль шли человек тридцать — почти половина всего населения поселка. Сарты знали, что им не спасти Бачая, они ощущали всю глубину совершаемой несправедливости, но хотели сопутствовать жертве до конца в тайной надежде, что в последнюю минуту какое-нибудь чудо спасет невинного... Многие из них были даже убеждены, что тень покойного Юзефа, отделившись от его тела в момент смертельной опасности, так и осталась на выжженной солнцем площадке, где разыгралась драма, и что московский начальник, дойдя до этого места, убедится в своей ошибке и отпустит Бачая.

Увы! Когда процессия добралась до места, назначенного для казни, самый внимательный глаз не мог бы отыскать на почве и следов тени, — кроме той, которую отбрасывало чахлое деревце, послужившее убежищем Бачаю и Юзефу в день трагического происшествия. Юров приказал красноармейцам привязать Бачая к стволу и отвел их на десять шагов назад. Несмотря на то, что он не придавал никакого значения разговорам о невинности осужденного, ему было как то не по себе в этой пустынной степи, под лучами палящего солнца, на виду у всех этих людей, не смевших роптать, но самым молчанием своим высказывавших неодобрение свершающемуся...

Став в стороне от красноармейцев, Юров поднял руку с обнаженной шашкой. Монголы взяли винтовки на прицел. Комиссар мысленно сосчитал до десяти — «чтобы показать азиатам, что он не волнуется» — и голосом, все же вздрагивавшим от сдерживаемого волнения, бросил:

— Пли!

Раздались два выстрела, почти слившиеся в один. Бачай опустил голову на грудь, тело его сразу обмякло, изо рта потекла на посконную рубаху струйка крови. Для него все было кончено.

Юров, втайне довольный, что все обошлось благополучно, хотел подойти к труп, чтобы констатировать смерть, но вдруг остановился, как вкопанный; несмотря на невыносимый солнечный зной, у него похолодела спина, и неприятно затряслись мелкой дрожью ослабевшие ноги.

На коричневой земле, у своих ног, Юров отчетливо увидел две тени, его собственные тени: одна, нормальная, повторяла его движения, но другая — как будто отделившаяся от его тела, прервавшая всякую связь с ним, замерла в той позе, которую он за несколько секунд до того принял: поднятая вверх рука с шашкой, широко расставленные ноги... Это была «застывшая тень», вестница смерти.

Не один Юров заметил это явление: сарты шарахнулись в ужасе в сторону, как от зачумленного. Для них Юров был уже проклятым, мертвым человеком, всякое общение с которым могло навлечь тяжкое несчастье.

Комиссар огляделся кругом. Глаза его блуждали, как у помешанного. Он бросился на толпу, как если бы она была виновницей страшного и непонятного явления, но в этот момент коротко и внушительно бухнул выстрел. Юров смешно взмахнул руками, завертелся на месте и тяжело рухнул на землю. А тень продолжала стоять рядом с ним, все в той же неподвижной позе, с поднятой кверху шашкой!

Один из красноармейцев деловито вытирал дуло винтовки грязной тряпичей. И толпа поняла без всяких объяснений, что в его темной душе, при виде «проклятой тени», поднялось тысячелетнее суеверие, всплыли все предрассудки, которыми жили его далекие предки. Поборов рабский страх перед начальством, это крепкое чувство толкнуло сарта-красноармейца на убийство — нет, не на убийство, а на законную кару тому, кто не хотел верить в таинственные знамения богов, осудил невинного на казнь и сам был отмечен печатью проклятия...

Красноармеец, стрелявший в Юрова, закинул винтовку за плечо. Толпа молча расступилась перед ним и он медленно спустился с пригорка, сопровождаемый своим товарищем.

Когда оба силуэта скрылись из виду, слившись с голубоватым маревом туркестанской степи, стала медлительно расходиться и толпа. Никто не произносил ни слова, но все старались не глядеть на труп Юрова, чтобы не увидеть рядом с ним страшные очертания «застывшей тени»...

* * *

Год спустя, молодой немецкий инженер производил в этой местности геологические изыскания за счет одной крупной международной нефтяной компании. В объемистом докладе, который он отправил своему директору, находилось, между прочим, и следующее сообщение:

«Области, отмеченные на прилагаемом плане красной краской, насчитывают немало подземных слоев нефти, и разработка их должна стать выгодной через весьма короткий срок. Почва в некоторых местах так насыщена нефтью, что испарение этой последней под влиянием солнечных лучей может вызвать ряд весьма любопытных физических явлений. Так, если тень от какого-либо непрозрачного предмета падает на землю, то выделение паров в этом месте происходит, вследствие охлаждения, несколько медленнее, чем вокруг. Таким образом, даже после исчезновения предмета контуры его тени сохраняются некоторое время как бы очерченными на земле, что создает иллюзию, будто тень продолжает самостоятельное существование. Этот феномен является среди местного языческого населения источником разных легенд и поверий, которые я записал и при случае доложу, по своему возвращении, “Обществу изучения Средней Азии”».

၆၃၃၁-၆၃၃၁ ၆၃၃၁

၆၃၃၁-၆၃၃၁ ၆၃၃၁ ၆၃၃၁-၆၃၃၁ ၆၃၃၁

НАВСЕГДА КАЗНЕННЫЙ.

Как могучая любовная страсть в безумных страданиях, которыми она платит за минуты счастья, созидает мужественное сердце, полное пламенной отваги, так наука создала личность доктора Арка. Двадцати пяти лет, еще в полном расцвете своих сил, он задумал ряд великолепных работ, которые в сорок пять лет уже поглощают всю его беспримерную энергию. Сотни людей, работающих в той же области знания, что и он, считают его одним из первых биологов не только во Франции, но и за границей.

Он обнародовал некоторые из своих открытий, которые имели большое значение в области терапии. Эти открытия дали богатство и почести его случайным ученикам и помогли многим больным.

Лаборатория для него — весь его мир. Только два раза в год он покидает ее, чтобы подышать вольным воздухом на лоне природы, насладиться ее красотами с чарующей наивностью ребенка, не ведающего добра и зла.

Вот почему, когда он, мечтая, ожидает результатов какого-нибудь второстепенного опыта, ему грезятся среди вы-

беленных известью стен лаборатории снежные Альпы, швейцарские озера, австрийский Тироль, мирная Пиза, Микель-анджело в Риме и Веласкес в Мадриде; ибо будущее человечества слишком занимает его, чтобы он мог презирать произведения искусства, в которых прошлое стало вечным.

Вот этот-то человек и видел однажды сон, который мне хотелось бы возобновить в своей памяти.

Некоторые подробности этого сна не вполне соответствуют данным современной науки, но действие происходит на протяжении нескольких веков и некоторые неточности

не только возможны, но и неизбежны.

Итак, представьте себе, что наш ученый заснул и его мозг в течение нескольких часов пережил драму, о которой он мне рассказал приблизительно следующее.

20 марта 1901 года я нашел чрезвычайно простую формулу сыворотки, которую и решил сохранить в строгой тайне. На следующий день я пригласил ветеринара Б..., члена академии наук, которого попросил произвести самый тщательный осмотр моей собаки.

Он нашел, что животное вполне здорово и сильно, за исключением небольшого процесса в правом легком.

— Этот процесс, — сказал он мне, — по всей вероятности, следствие обыкновенной простуды, и если бы животное прожило с ним двадцать лет (самый продолжительный срок жизни собак этой породы), я бы ничуть не удивился.

Тотчас же после ухода Б... я впрыснул моему псу четыре кубических сантиметра вновь изобретенной сыворотки. Спэк чуть было не укусил моего служащего и по меньшей мере добрых четверть часа рычал и вертелся в лаборатории, гоняясь за собственным хвостом. Наконец, он свалился на бок и заснул мертвецким сном.

Члены его заколечены и я уже думал, что он издох. Так как, однако, через четверть часа похолодевшее брюхо его не вздулось, то надежда снова озарила меня.

Я пообедал около Спэка и даже приготовился ночевать в одной комнате с ним для наблюдений. В одиннадцать часов я прикоснулся к нему: он показался мне теплым. Температура была несколько ниже нормальной.

Вдруг Спэк вскочил на ноги и начал ласкаться. Он узнал меня и радовался.

Когда мы вместе вернулись домой, жена сделала мне ужасную сцену, так как страшно беспокоилась, — не случилось ли со мной чего-нибудь. Мне надо было ее предупредить. Она даже упрекнула меня в том, что я предпочитаю

собаку ей. Собственно, я совершенно не заслуживал неприятности, которую мне устроила эта экспансивная женщина, но перенес ее стоически спокойно.

Какие только животные не побывали под моим шприцем! — зайцы, кролики, куры, даже маленькая обезьянка, жившая у нас пять лет! Она погибла, упав за борт, во время морской прогулки из Конкаоно на Овечий остров.

Мой Спэк здравствует уже более двадцати лет и до сих пор сохраняет ловкость, силу и прожорливость молодой собаки. Шерсть его, однако, стала падать. Я ему сделал впрыскивание в том же количестве, что и десять лет тому назад, и шерсть снова отросла, очень густая, шелковистая и вьющаяся, той темно-коричневой масти, которая возбуждает всеобщее восхищение.

Ему исполнилось тридцать лет. Никто мне не верит, когда я указываю на этот факт. Меня считают помешанным. Я не смею заикаться о впрыскиваниях: в 1921 году это считается ересью!

Впрочем, некоторые из моих сообщений в институте, причем я демонстрировал опыты на фруктах, клонятся к подтверждению моей теории.

Бессмысленно настаивать долее.

Впрочем, достаточно того, что я знаю. В моем возрасте, — мне пятьдесят восемь лет, — нельзя терять времени на пустые споры.

Даже Б... отказывается признать в Спэке ту самую собаку, которую он когда-то исследовал: он, видите ли, столько видел животных с тех пор! Да, кроме того, не надо забывать, что ему уже восемьдесят лет.

Для меня достоинства моей сыворотки несомненны.

Однажды мне приносят останки моей собаки: упавший с неба на Ульмскую улицу, как раз против моей лаборатории, винт аэроплана почти надвое рассек бедного Спэка. Все эти шары, наполняющие пространство, приводят меня в отчаяние! Я никогда не перестану возмущаться ими.

Мозг Спэка оказался мозгом взрослого животного. Его кости большей толщины, но с меньшим количеством мозга в них, чем это наблюдается обыкновенно. Я сохранял в

течение месяца одну из его лап, сняв с нее предварительно кожу: мясо не испортилось. Под микроскопом я не заметил никаких, признаков разложения. Материя остается влажной.

Итак, жизнь можно удлинить, если удалить все токсины, которые вырабатывает наше тело для самоотравления, и таким образом увеличить количество свежих клеточек.

Жизнь Спэка длилась 33 года, что соответствует 165 годам человеческой жизни. Моя сыворотка сделала возможным подобное чудо. Несчастный случай положил предел испытаниям, над которыми я работал. Неужели Спэк никогда бы не издох?.. Все мои опыты над другими животными, начиная с грызунов и кончая воробьями, над жвачными, над многокопытными (я вылечил носорога, умиравшего зимой в зоологическом саду), — все эти опыты доказали действительность моей сыворотки. Я, наконец, знаю дозу, необходимую для человека.

Двадцать раз, наполнив шприц сывороткой, я был на волоске от того, чтобы сделать себе укол. По уверениям Т., исследовавшего и наблюдавшего меня, может быть, подробнее, чем ветеринар Спэка (а диагнозы Т... безупречны), я не имею никаких физических недостатков. Неужели я, созданный из земли и извести, стану первым бессмертным? Это — безумие и ужас! Чтобы испытать это бессмертие, надо быть исследователем и очевидцем в то же время. Только я один буду знать, что я существую, так как поколения пройдут передо мной, как быстрая вода мимо утеса, разделяющего ее. А если жизнь мне надоеет?

Каждую минуту умирают люди, в то время как я, быть может, обладаю средством уничтожить смерть. А если бы я населил земной шар бессмертными существами, было ли бы это меньшим преступлением? Ужас перед количеством живущих привел бы необходимо к прекращению рождений.

Что же значила бы тогда человеческая любовь?

О... если бы он знал, этот косоглазый горбун, который на днях так расхваливал мне радости жизни, если б он знал, — он, пожалуй, попросил бы меня сделать его бессмертным!

Голова горит. Я не хочу больше думать обо всем этом, а между тем, я могу умереть сейчас, мгновенно, и тогда!...

Сегодня, 20-го марта 1921 года, я написал доктору Т... письмо с просьбой провести ночь около меня. Он ответил утвердительно. Согласно моей просьбе, он будет меня наблюдать, не больше. Придет ровно в 7 часов.

Чтобы отогнать навязчивые мысли, могущие ослабить мою решимость, я пишу завещание: да! разве я знаю, что может случиться?..

Слуга докладывает о приходе Т...

Твердой рукой я держу иглу над синим пламенем спиртового рожка, наполняя православский шприц темной жидкостью и спокойным взором смотрю на него: это — *моя смерть* или *смерть, побежденная мной*.

Делаю себе укол в мягкую часть правого плеча.

Едва успеваю одеться и спрятать инструмент, чтобы встретить Т...

Ощущаю точно оглушительный удар по затылку...

Очнувшись, вижу над собой багровое лицо Т... и еще четырех его коллег, приглашенных им на помощь.

Они мне объясняют, что у меня были конвульсии эпилептического характера, а затем наступило окоченение, которое их и чрезвычайно испугало. Не будь Т..., — они дали бы знать в полицию о моей смерти. Я пришел в себя только 22-го марта.

Поднимаюсь с постели и говорю врачам:

— Господа, так как я не умер, то вы видите перед собой первого бессмертного человека.

Серьезность, с которой было принято мое заявление, заставляет меня добавить:

— Если вы считаете меня сумасшедшим, то согласитесь, по крайней мере, что я безвреден.

Т..., кажется, очень растроган: вот истинный друг.

Проглатываю чашку крепкого бульона, а затем, в сопровождении пяти врачей, отправляюсь к фотографу.

Продолжительный сеанс; сижу перед аппаратом; фотографию проявляют, и я получаю, наконец, свой портрет. Фотограф, пять врачей и я, на которого смотрят не без грустного соболезнования, подписываемся на широких полях роскошной фотографии в красках и пишем, что снимок сде-

лан 22-го марта 1921 года, в четверть четырнадцатого часа и изображает доктора Георга-Эмилия Арка, родившегося в Париже 7-го декабря 1863 года. Цифры пишем особенно отчетливо и повторяем их прописью.

Я заказал герметически закрытую раму, чтобы предохранить портрет от действия воздуха. Работа длилась пятнадцать дней.

Когда мне, наконец, возвратили портрет уже в раме, Т... утверждает, что сравнивая его с оригиналом, то есть со мной (каламбурист!), он находит, что лысина моя стала меньше!

Это верно. Я помню, — Спэк после второго впрыскивания покрылся великолепной шерстью.

...Празднества по поводу столетия дня моего рождения, устроенные правительством для отвлечения внимания Латинской Федерации от воинственных приготовлений Соединенных Штатов Центральной Европы, утомили меня менее, чем необходимость беседовать с журналистами в течение нескольких недель. Их аэропланы над крышей моего дома буквально застилают мне свет.

Я им рассказываю о железных дорогах, работающих паром, об экипажах с лошадиной тягой, о газовом освещении, о прежней Франции, до войны 1935 года, уничтожившей германскую республику, ослабившей нашу и объединившей их вслед затем в вышеупомянутые две национальные группы. Иногда сомневаются в правдивости моих рассказов.

...Самые крупные события извне ничуть меня не занимают: я думаю исключительно о том, что *я не умру*.

Я похож на мою фотографию семьдесят лет тому назад, только теперь я лучше, свежее.

В этом году (1991) Латинская Федерация и Соединенные Штаты Центральной Европы заключили оборонительный союз против нашествия коалиции, состоящей из Китая, России и дунайских государств вплоть до Турецкой империи.

М..., с которым я поделился воспоминаниями об Элладде и ее блестящей истории по поводу современной Греции и Архипелага, лет восемь тому назад поглощенного морем,

сообщил мне в припадке откровенности, что никто не верит моему возрасту.

— Невозможно дожить до 128 лет, -- сказал он мне.

Он мне напоминает знаменитого Бертело — отца Филиппа Бертело, который, будучи последним президентом французской республики, показал пример самого благородного самоотвержения, учредив Латинскую Федерацию, где он стал простым гражданином. Отец этого Филиппа Бертело утверждал, что ежедневной пищей взрослого человека должна служить таблетка, составленная из необходимых для организма питательных веществ. Идея его была осуществлена. Питались даже пилюлями. Теперь возвращаются снова к старому способу питания.

Больше всего я люблю сельди парижского улова: они приблизительно одинаковой породы с булонскими сельдями, которые я ел в юности.

Впрочем, я отлично усваиваю косые обычаи.

Мой рост (1 м. 72) привлекал бы общее внимание, если бы я не избирал для прогулок пустынных и тихих улиц, ибо рост теперешнего человека не превышает 1 м. 20.

... Мне нужно сильно сосредоточить свою мысль, чтобы вспомнить все, что я видел. Родителей и жену, однако, я еще помню отчетливо. Я в четвертый раз сделал себе впрыскивание, так как лицо мое начало было портиться. Теперь оно снова походит на мой портрет.

Сегодня, 7-го декабря 2162 г., я вступаю в третье столетие со дня моего рождения.

Вот уже месяц, как мой дом охраняется милицией. Три раза я был подвергнут допросу. Судьи мои чистокровные монголы.

Со времени падения коллективизма в Европе, в течение целого столетия азиаты завоевывают ее с каждым днем все больше и больше мирным, но верным способом: их кровь становится господствующей.

У нового поколения подтянутые, морщинистые веки. Белыми остаются только лапландцы, живущие на Северном полюсе. Их посольство только что было принято. Праздне-

ства в честь его прибытия дали мне несколько дней отдохновения. Но затем снова начались допросы.

Деспот, повелевающий всем Старым Светом, хочет узнать мою тайну. Он осыпал меня милостями. Он один из тех немногих, с которыми я еще мог беседовать о Викторе Гюго. Он очень образованный человек. В его хрустальном дворце, который он выстроил себе в Париже, на том самом месте, где когда-то, если мне не изменяет память, находился Тюльери, или Лоншанские скачки, я видел «Персея» Бенвенуто, «Каменный век» Родена и другие произведения искусства, — последние остатки нашей западной культуры.

Этот монарх держит власть в своих руках только потому, что владеет в совершенстве искусством читать мысли окружающих. Этой способностью, впрочем, обладают в меньшей степени все, я перед ними в этом отношении недо-росль шестого социального класса, предпоследнего разряда

граждан.

Итак, деспот *хочет узнать мой секрет*, так как при первом же нашем свидании он прочел мою мысль, что *я не должен умереть*.

Мне дается месяц срока для выдачи тайны. Пришлось оберегать мое жилище. Никто не хочет больше умирать и весь мир считает меня виновником каждой совершающейся смерти.

Один из приставленных ко мне сторожей предупредил меня, что я буду изрублен на куски. Уже в течение почти двух столетий смертная казнь не применялась вовсе. Но для меня ее изобретут...

Я сообщаю свою формулу императору и предлагаю сделать ему впрыскивание сыворотки. Сначала он смеется моему предложению, как остроумной шутке, но затем сердится и даже, чтобы запугать меня, зовет стражу. Он читает во мне правду. Его приводит в бешенство мысль, что моя формула опровергает все существующие научные истины, которые уже нашли себе всевозможные применения в социальном строе. Днем и ночью, вечно под надзором, я не смогу впрыснуть себе новую дозу чудесного снадобья.

Все эти люди объединились против меня; это какой-то бунт смерти, частицу которой все эти люди носят в себе, против меня, ее победителя.

Что бы они ни предприняли, *я не умру*. Но что же будет со мной тогда? И что станет с моим великим изобретением?

Великим?.. Тяжелое сомнение начинает удручать мою душу. Сомнение — с оттенком раскаяния. Я пошел против законов природы, установившей всему очередную смену. Правильно сменяются морские приливы и отливы, времена года, покой и движение. И в этой смене — жизнь. Сама смерть есть лишь один из этапов существования: после разложения, продукты распада дают начало новым зарождениям.

Но склонное к состраданию, слабое человеческое сердце не может примириться с железными законами судьбы. Ему хочется задержать коснеющими руками триумфальную ко-

лесницу смерти, — спасти от разрушения дорогие, милые жизни! И мое изобретение остается великим — для людей, которые любят, борются и страдают...

Властитель даровал мне еще год существования. Меня ссылают в Африку, страну, по-видимому, весьма склонную к принятию нашей культуры, колонизованную японцами. Молодому народу скоро надоедают мои приключения. Мне рубят ноги, руки и голову. Пронзают сердце. Я почти не испытывал боли.

Я все-таки живу, ибо я слышу, вижу, чувствую прикосновение мягкого воздуха к моей коже, я мог бы даже говорить, если бы хотел... Я живу... живу... я бессмертен... На мою ногу села муха, я ощущаю ее...

Я нарочно притворяюсь мертвым, чтобы мне не испортили головы, проделывая с ней разные опыты. Врачи удовлетворяются моим туловищем и членами для изучения их. Голова моя помещена в музей.

Ночью я открываю глаза и смотрю. Я бы не хотел умереть.

Я не умру никогда, теперь я в этом уверен...

Я отлично знаю, что меня зовут доктором Георгом-Эмилем Арком...

Я живу в самом безмятежном счастье, как живут предметы, ненужные людям...

Y. e'Ög rRdae

Bö J AÖö t, t ATAç ç n Ö l Öö J
ö ş Ö ş Λ öö

Мой спутник остановился.

— Это здесь, — сказал он.

Сентябрьские сумерки быстро сгущались. Нас окружал влажный туман. За решеткой реденького сада я с трудом различал темную массу башни, окна которой были задернуты черными шторами.

Калитка пронзительно заскрипела. Мы вошли в сад, и мой спутник быстрыми шагами направился к башне. Только теперь я заметил, что то, что я принял за шторы, было в действительности блиндированными ставнями.

— Господи, какие предосторожности, — пробормотал я, не столько с целью получить ответ, сколько для того, чтобы услышать хоть свой собственный голос. Погода и вся обстановка, окружавшая меня, действовали на меня угнетающе.

Мой спутник ничего не ответил. Когда мы подошли к дверям башни, во мне поднялось непреодолимое желание крикнуть:

— Я ухожу!.. Я отказываюсь от опыта...

Но мне туг же стало стыдно своей слабости. И, к тому же, отступить было слишком поздно.

Мой спутник открыл дверь и пропустил меня вперед в темную комнату. Он взял меня за руку и повел по длинному, узкому коридору. У меня было впечатление, что мы постепенно опускаемся вниз, в подzemелье. Это утомительное путешествие длилось минут десять. Внезапно мой спутник остановился и схватил меня за руку; в темноте раздалось металлическое щелканье, почва под моими ногами заколебалась, и я понял, что мы начинаем подыматься в лифте. Потом — снова остановка, снова ходьба по коридору, и, наконец, мы очутились в большой комнате, освещенной неверным светом умиравшего дня. Посреди помещения стояло кресло.

— Садитесь, — сказал лаконически мой спутник.

Машинально я уселся в кресло. Спустя несколько секунд послышался странный металлический шум, мерное дыхание поршня и, совершенно неожиданно для меня, мой лоб почувствовал холодное прикосновение стальной каски.

Я вздрогнул и попытался поднять руку к голове. Оказа-

лось, что я неподвижно прикреплен к креслу. Повинуясь страху, — единственному чувству, которое во мне осталось живо, — я дико закричал:

— Прекратите эту комедию! Дайте свет! Развяжите меня, иначе...

Он по-прежнему ничего не ответил. Я сделал еще несколько попыток освободиться от уз, но металлические цепи врезались в тело, причиняя мне невыносимую боль. Я понял, что нахожусь всецело во власти этого человека, и проклял тот миг, когда согласился на его безумное предложение.

* * *

В течение шести месяцев я встречал его ежедневно в городском сквере, куда ходил подышать свежим воздухом после утомительного конторского дня. Это был худой человек с изможденным лицом аскета, на котором блестели два огромных светлых глаза. Их взгляд производил на меня неприятное впечатление, но, раз почувствовал его на себе, я никогда не мог уйти от его очарования.

Однажды я не застал незнакомца на его обычном месте. На следующий день он пришел и я рискнул спросить:

— Вы были вчера больны?

— Нет, — ответил он утомленным голосом. — Вчера я, наконец, приступил к большому опыту...

Я не отвечал, сообразив, что имею дело, по-видимому, с изобретателем-фанатиком. Но он неожиданно сказал:

— Я знал, что вы меня об этом опросите. Я видел ваш вопрос.

Я не удержался от изумленного возгласа:

— Вы «видели» мой вопрос?

— Совершенно верно. Я видел даже удивление, которое вызовут у вас мои слова.

Я решил, что он окончательно сошел с ума, и отодвинулся от него. Незнакомец заметил это движение и грустно улыбнулся:

— Не бойтесь, я в полном уме.

Я сделал руками неопределенный жест. Незнакомец сказал:

— Не угодно ли вам отправиться со мной на несколько минут ко мне?

— Пойти к вам? Зачем? Я спешу... У меня важное свидание.

— Я не знаю, имеете ли вы действительно свидание, но мне точно известно, что вы сегодня пойдете со мной.

— Это невозможно... К сожалению, я должен уйти.

Я поднялся со скамьи. На губах незнакомца заиграла улыбка, которой я никогда не забуду. Он тихо оказал:

— Зачем уходить, раз **я видел, как вы со мной идете?** Я говорю вам, что вы вернетесь.

Не попрощавшись с незнакомцем, который начинал меня раздражать и пугать, я вышел из сквера. Уличный шум вернул мне спокойствие и сознание реальности. Я прошел несколько шагов, не переставая думать о странных словах субъекта. Вдруг мне пришло в голову, что он меня уже где-то видел и что его загадочные фразы могут, таким образом, найти весьма простое объяснение. Я решил проверить свое предположение, повернул назад и спустя несколько минут очутился перед незнакомцем, сидевшим на скамейке в той же позе. При виде меня он не выразил никакого удивления. Я пробормотал смущенно:..

— Я вернулся, чтобы..

Он меня прервал:

— Я знаю: вы вернулись, чтобы спросить меня, не встречал ли я вас где-нибудь раньше.

Пораженный этими словами, я спросил:

— Что же, вы предвидите будущее?

Незнакомец утвердительно кивнул головой.

— Вы прибегаете к гипнозу?

Он сделал презрительный жест:

— Гипноз — эмпирический метод. Кроме того, вы всегда зависите от субъекта. Гипноз редко дает хорошие результаты.

— Но, в таком случае, как вы поступаете?..

Незнакомец посмотрел на меня своими жуткими глазами и ничего не ответил. Весь мой страх и скептицизм рассеялись, как дым: во мне осталось лишь одно неопределимое любопытство. Я спросил его почти робко:

— Не мог ли бы я присутствовать при ваших опытах?

Незнакомец поднялся со скамьи и сказал:

— Идите за мной!

.

Таким образом началась та цепь событий, которая привела меня, холодным сентябрьским вечером, в пустую комнату, на таинственное кресло...

* * *

Утомленный бесплодными попытками освободиться от цепей и наручников, прикреплявших меня к креслу, я затих. Незнакомец, все время стоявший в темном углу комнаты, сказал:

— Не двигайтесь больше! Смотрите прямо перед собой,

Я повиновался, стараясь проникнуть взором сквозь окружавшую меня темноту.

Внезапно в одном из углов комнаты появился слабый молочный свет. В трех метрах от меня двигалась какая-то смутная тень, как бы выделявшаяся на бледном экране. Невольно я стал искать источник этого света и обнаружил, что он исходит от меня. Это было холодное сияние, вроде того, которое испускают ртутные лампы.

Тень постепенно проявлялась, принимая определенные очертания. Именно «проявлялась», как изображение на фотографической пластинке, погруженной в химический раствор. И я увидел, что эта тень **была моим собственным изображением.**

Все предметы вокруг моего двойника стали принимать на экране ясный облик, и я узнал свою комнатку в Латин-

ском квартале. Я (то есть, мое изображение на экране) ходил по комнате нервными шагами, как бы чего-то ожидая. Потом дверь в комнату отворилась, и сквозь нее просунулась рука с письмом.

Тут меня облил холодный пот. Я сделал нечеловеческое усилие, чтобы сорваться с кресла, но узы по-прежнему держали меня крепко. Хриплым голосом я проговорил:

— Это письмо... Я его жду со дня на день...

Незнакомец, бесстрастно наблюдавший за мной, ответил спокойным тоном:

— Вы его получите завтра!

— Но что все это значит? Что это за китайские тени?

Из угла последовал ответ, в котором, мне казалось, звучала насмешливая нотка:

— Это то, что с вами случится завтра!

Мой взгляд был снова прикован к экрану. Моя завтрашняя жизнь продолжала развиваться: вот я вскрыл письмо, прочел его, бросил на стол, опустил в кресло. Минуты текли...

— Это чепуха, — закричал я снова, пытаюсь освободиться от физических и моральных пут, во власти которых я находился. — Это все — чепуха! Правда, я ожидаю письмо, но я завтра не останусь дома, слышите! Я завтра не останусь дома, а пойду на службу! Этого всего не случится!

Из угла донесся тот же спокойный голос:

— А я вам говорю, что вы завтра останетесь дома и не пойдете на службу. Все случится так, как вы видите...

Тень на экране продолжала жить. Там была уже не моя комнатка на улице Сен-Жак, а вход в ресторан: я узнал место, где ежедневно обедал. Вот мой двойник появился, подошел к двери, остановился в колебании и повернул обратно... Тут свет стал слабеть, и все видение растаяло бесследно.

* * *

Когда мы снова очутились в саду, куда незнакомец проводил меня, не проронив ни слова, я спросил его, несколь-

ко успокоенный:

— Что это за машина? Откуда этот свет, эти видения ?

Он подумал несколько мгновений и ответил:

— Вам известно, что некоторые теории сравнивают нашу жизнь с длинной дорогой. Дорога эта извилиста. За одним из ее поворотов стоит домик: вы его не видите, но тем не менее, он существует. Таково и наше будущее: все грядущее уже существует, только оно от нас скрыто. Я даю вам возможность видеть то, что спрятано за поворотом.

— Но воля? Но свободный выбор?

— Пустые слова!..

— Допустим... Но я все же не понимаю, как действует ваша машина.

— Это долго объяснять. Скажу только, что она улавливает движение атомов, комбинации которых предопределяют будущие события, и позволяет видеть их на 24 часа раньше....

* * *

На следующее утро все шло нормально до того момента, когда я собирался идти на службу. В этот миг в дверь постучались: это была консьержка, подавшая мне письмо. Как во сне, я его вскрыл и прочел: одна канадская фирма, с которой я состоял в долгой переписке по поводу службы, сообщала мне, что все затруднения были неожиданно устранены, что место для меня свободно и что я могу, если желаю, выехать в Канаду в ближайшие дни...

Весь день я провел дома в состоянии, близком к помешательству. Меня терзала не столько необходимость принять решение, от которого должна была перемениться моя жизнь, сколько сознание, что я действую, как автомат, что, несмотря на все мои колебания, мое решение уже принято, и что, как бы я ни ухитрился, все равно я не в состоянии буду изменить ход событий...

Когда я пришел в себя, был уже вечер. Я почувствовал сильный голод, вышел на улицу и направился машинально в свой обычный ресторан. В тот момент, когда я брался за ручку двери, мой мозг пронзила неожиданная мысль: зачем мне мучиться над решением вопроса, раз оно уже известно моему незнакомцу? Он может показать мне будущее на 24 часа раньше: следовательно, я уже теперь могу узнать, приму ли я завтра канадское предложение, или же останусь в Париже...

Я повернулся и быстрыми шагами направился к дому неизвестного.

* * *

Незнакомец поджидал меня у калитки.

— Я знал, что вы придете. Пойдем наверх.

В том, что случилось со мной, когда мы снова очутились в темном коридоре — я до сих пор не отдаю себе отчета. Помню только, что во мне поднялась звериная злоба против этого человека, который шел впереди меня и нес с собой мою судьбу! О том, что он был только чтецом моего будущего, а не его творцом — я в этот момент не думал. В нем, в его бесстрастной фигуре, в его холодных глазах воплотилась для меня вся неумолимость рока. Мне показалось, что, уничтожив его, я разорву непреложную цепь событий и снова стану хозяином своей жизни. Повинуясь непреодолимому инстинкту, я схватил его сзади за шею и сжал изо всех сил пальцы. После короткой борьбы в потемках незнакомец, слабо защищавшийся, захрипел и рухнул на пол. Он был мертв...

Но моя злоба не утихала. Мне нужно было разбить проклятую машину! С трудом вспоминая путь, по которому мы вчера шли, я добрался до большой комнаты и зажег спичку. Кресло по-прежнему стояло посредине; над ним висела каска, от которой шли провода к матовому экрану. Я бросился к машине, намереваясь разнести ее в щепы, когда

вдруг мое внимание было привлечено прямоугольником, белевшим на сиденье кресла: это была записка.

Развернув ее дрожащими руками, я прочел при мерцании догоравшей спички следующие слова:

«Сегодня вечером вы меня убьете. Я **видел**, как вы меня будете душить в коридоре».

Впервые я встретил Скерменхивера, когда он жил в полуразрушенной хижине на взморье к северу от Нью-Йорка. Он был мне представлен однажды в городе нашим общим знакомым и сразу возбудил мой интерес; я думаю, меня поразили особый блеск его глаз. Ему было тогда около 35 лет; высокий, худощавый, с темными густыми волосами, низко падающими на лоб и спускавшимися на шею, он был одет в потертое пальто и вообще имел запущенный вид. Заметно было, что о нем никто не заботился. И все же это была личность, поражающая с первого взгляда. Несмотря на то, что он мало говорил, в каждом его слове чувствовался огромный ум, как бы переполнявший все его слабое, истощенное плохим питанием тело; идеи, казалось, кипели в нем ключом. Он понравился мне, и после первого визита я стал приходить к нему так часто, как только позволяло приличие, стараясь не злоупотреблять его гостеприимством. Последующие события придали особую живость воспоминанию о моих посещениях его хижины на взморье.

Здесь Скерменхивер жил круглый год. Полуразрушенная хижина была очень уютной внутри, камелек жарко нагревал ее в холодные дни; в топливе не было недостатка, оно лежало у самых его дверей в неограниченном количестве и ничего не стоило, тогда как дюны задерживали сильные порывы морского ветра. Съестные припасы он покупал раз в неделю на рыбацкой станции по ту сторону бухты.

С первого посещения этого уединенного уголка меня заинтересовал вопрос, где он берет пресную воду. Ходить пешком далеко за провизией было очень затруднительно; как же он устроился, чтобы иметь такое количество воды в своем распоряжении? А между тем, у него всегда были большие запасы воды в хижине не только для питья и варки пищи, но и для умывания. Я был слишком занят разговором со Скерменхивером, чтобы остановить свое внимание на этом вопросе; к тому же, меня заинтересовало устройство так называемой лаборатории, которую я заметил за занавес-

ками, отделяющими ее от остальной части хижины. Но, оставшись один в вагоне, на обратном пути в город, я невольно задумался, стараясь отгадать, где Скерменхивер берет свежую воду. Может быть у него есть колодец? Но эту нелепую мысль пришлось сейчас же отбросить: ведь вода, взятая из колодца, вырытого в песке дюн, была бы негодна для питья. Но тогда, где же он берет воду? Вдруг я вспомнил, что до него в этой хижине жил отшельник, который, без сомнения, тоже должен был разрешить эту проблему, следовательно, тут не было ничего таинственного, и я успокоился.

Но вскоре я был снова смущен, когда, придя в следующий раз, не застал его дома и видел, как он возвращался с материка, неся в руках одну только провизию. Позднее, войдя в комнату, я не вытерпел и упомянул о мучившей меня загадке.

— Да, вода была неразрешимой задачей для старого Мартина, — ответил он. — Старик приносил ее с материка, что делал и я первое время; это и было главной причиной, почему он оставил это место. Конечно, этот вопрос не существует больше для меня, — прибавил он после некоторой паузы.

— Вы нашли другое место ближе?

— Я не достаю воду. Я ее делаю, — ответил он.

— Дистиллируете?

— Нет, — ответил он, улыбаясь, — не дистиллирую, а делаю.

Он встал и подбросил несколько полей дров в камелек. На дворе дул сильный ветер, и оконные рамы трещали под его напором.

— Из океанской воды?

— Да, из океанской воды, — ответил он.

На этот раз он ограничился этим объяснением, но позднее, когда из наших бесед я ознакомился с предметом его исследований, он стал более сообщительным, и я узнал, что он стремится проникнуть в тайну химических реакций, преимущественно реакции растворимости. У него была способность всегда смотреть на вещи с точки зрения воображения,

не подчиняясь математическим и техническим деталям; он был способен представить себе действительную картину молекулярных процессов, и возможно, что именно это свойство ума и привело к его ужасным открытиям.

Однажды, отдернув занавеску своей лаборатории, он взял стакан, наполненный водой, и попросил меня бросить туда немного поваренной соли. Когда я исполнил его просьбу, он сказал:

— Не правда ли, это легко сделать? А сколько труда стоит извлечь ее опять обратно; я подразумеваю — посредством испарения. Но должен же существовать другой какой-нибудь, более легкий способ. Не так ли?

Я ответил, что разделяю его мнение. Тогда он положил лист чистой белой бумаги на скамейку и насыпал на него горсть песка, который он принес со двора, предварительно смешав его с несколькими щепотками железных опилок.

— Знаете ли, каким образом легче всего извлечь обратно все эти опилки? — спросил он.

— Магнитом, конечно, если он имеется под рукой, — ответил я.

— Совершенно верно. — Он достал магнит, извлек опилки из песка и соскоблил их в маленькую кучку. — Моим процессом я могу так же легко извлечь соль из воды, как магнит извлекает железные опилки из песка. Позвольте вам сообщить, что я изобрел химический магнит, — сказал он, взглянув на меня и, улыбнувшись, прибавил: — Конечно, это еще не совсем совершенный способ, но он дает кое-что воображению, а это самое главное. Не нужно жара под котлами, ни электрического тока. Ведь при растворении солей в воде происходит очень незначительная затрата количества энергии. Вода с прибавлением соли слегка охлаждается, следовательно, чтобы извлечь соль обратно, нужно приложить энергию извне — вот и все.

Он посмотрел в угол своей лаборатории, где стояло странного вида устройство вроде закрытого чулана, из которого выходили наружу трубки, представлявшие, по-видимому, внешнюю оболочку какого-то скрытого в нем аппарата.

— Хотите посмотреть, как он работает? — спросил он.

Я кивнул головой. Я еще раньше обратил внимание на этот угол лаборатории и почти угадал его значение, но это было в первый раз, что Скерменхивер заговорил со мной о нем. Он поднял ведро, наполненное до краев морской водой, и вылил его содержимое в большую воронку, выступавшую наверху через деревянный корпус. Когда вся вода прошла внутрь аппарата, он подошел спереди к корпусу и повернул кран. Минуту спустя ведро стало наполняться водой и, подняв его таким образом, чтобы она стекала бесшумно по стенкам ведра, Скерменхивер сделал мне знак прислушаться, и я услышал в глубине аппарата мягкий, непрерывный звук, похожий на падение мелких крупинок. Когда вода перестала течь, ведро было почти до краев полно, и Скерменхивер, зачерпнув воду большой разливательной ложкой, поднес ее к моим губам. Это была самая чистая вода, какую мне когда-либо приходилось пробовать. Затем он вытащил из аппарата крохотный ящичек, дно которого было покрыто беловатой солью.

— А теперь, — сказал он, выливая содержимое маленького ящичка в ведро с пресной водой, — вы снова имеете морскую воду.

Ни одного звука изнутри аппарата, кроме легкого шума падения крупинок соли, нельзя было уловить, и весь процесс произошел так быстро и бесшумно, заняв не более двух минут, что я был поражен,

— Вы хотите сказать, что вода, которую я пил, была морская?

— Самая настоящая морская вода. Мой аппарат попросту разложил ее на составные части — пресную воду и растворенную в ней соль.

— И он извлек ее без остатка так быстро?

— Да, без остатка. Вода, что вы пробовали, была так же чиста, как дождевая. Мой способ еще далек от совершенства. Труднейшая часть моей работы заключается в том, чтобы найти силу, могущую извлекать все различные химические вещества, находящиеся в растворенном виде. Эта проблема все еще стоит передо мной. Если это мне не удастся... — взгляд его лихорадочно горевших глаз встретился с моим,

и я ясно прочел в нем окончание его фразы: если это ему не удастся, все то, чего он достиг до сих пор, умрет вместе с ним.

Я был изумлен. Само по себе это открытие, благодаря которому так легко выделялись из раствора соли, было одним из самых удивительных научных достижений этого века, весьма ценным для промышленных целей. Он мог составить себе колоссальное состояние, используя его в коммерческом отношении. Но, по-видимому, он думал, что не достиг еще ничего, и всем своим существом стремился к усовершенствованию открытия.

— Взгляните сюда! — воскликнул он, указывая в сторону океана, — взгляните на эту беспредельность! Ведь это величайшая кладовая мира, в которой собраны минералы в большем количестве, чем во всех рудниках земли, взятых вместе! Все металлические и неметаллические элементы находятся там. Все металлы, даже самый драгоценный, золото — да, золото — находятся там в несметном количестве!

При слове «золото» его глаза заблестели еще больше. Заметно было, что он жаждал власти, желая ее больше всего на свете. Более трех лет прошло с тех пор, как я встретил Скерменхивера, а он все работал день и ночь над разрешением проблемы разделения и над усовершенствованием процесса извлечения, так как, хотя я находил быстроту, с которой происходил этот процесс, чудодейственной, она не удовлетворяла его, и он стремился развить еще большую. Он объяснил мне, что для получения значительного количества ценных химических веществ необходимо пропустить через аппарат миллионы тонн морской воды, и для успешного результата поток воды должен течь безостановочно и свободно. Между тем, несмотря на то, что за последние несколько лет он усовершенствовал способ извлечения, выделение веществ требовало хотя и незначительной, но определенной остановки в движении жидкости. Теперь он работал над тем, чтобы устранить этот недостаток.

Хотя Скерменхивер рассуждал со мной в общем о теории производимых им испытаний, он никогда не разоблачал подробностей своих опытов. Он часто беседовал со мной

во время работы, оставляя незадернутыми занавески своей лаборатории, но всегда машина его была закрыта в своей деревянной обшивке и, по-видимому, производимые им тогда опыты не имели важного значения. Когда же он имел дело с самим аппаратом, о чем я мог судить по стуку отодвигаемого в сторону деревянного футляра, занавески всегда были тщательно задернуты и связаны. Мое любопытство было до такой степени возбуждено, что однажды я не вытерпел, и, воспользовавшись минутным отсутствием Скерменхивера, когда он пошел за водой к океану, я проскользнул в лабораторию и подошел к машине.

Он пробыл перед тем в лаборатории больше часа с задернутыми занавесками. Очевидно, он прервал опыт, чтобы принести воды, и в своей поспешности позабыл связать занавески. Я предполагал, что если аппарат существует в действительности, я его несомненно застану открытым — и не ошибся. Деревянный футляр был откинут назад, обнаруживая короткий толстый металлический цилиндр, напоминающий большой котел для воды. Кроме этого цилиндра и входящих и выходящих труб, ничего не было внутри футляра. На цилиндре большими красными буквами было написано предостережение: «Руки прочь! Опасно!»

Я тщетно искал отверстия, чтобы заглянуть внутрь цилиндра, но не находил его. Наконец, после более тщательного осмотра, я заметил наверху маленькие дверцы, ускользнувшие от моего первоначального наблюдения, очевидно, прикрывавшие тот наблюдательный пункт, который я искал. Не обращая внимания на красное предостережение, я отодвинул в сторону дверцы и одновременно нагнулся, чтобы приложить глаз к открывшемуся отверстию.

Вдруг кто-то схватил меня за руку. Обернувшись, я увидел Скерменхивера, который стоял возле меня. Он видел меня через окно и спокойно вошел в комнату. Я ожидал вспышки гнева за мое непростительное поведение и чувствовал себя очень неловко, но он не обратил никакого внимания на мое смущение и извинения, заметив только кратко:

— Ничего бы не увидели, а рисковали быть убитым.

Он закрыл футляр, не дожидаясь, пока я выйду из лаборатории, задернул занавески и принялся за прерванный опыт. По-видимому, он прекрасно понял, что только жгучее любопытство побудило меня злоупотребить его гостеприимством. После этого происшествия он стал чаще и более подробно, чем раньше, говорить о своих опытах. Он объяснил мне, что подобно тому, как секрет откатывания назад французских 75-миллиметровых орудий был охранен особым устройством механизма, который взрывом уничтожал себя при малейшем прикосновении неопытной руки, так и его изобретение взорвется, если кто-нибудь другой, кроме самого изобретателя, попробует его исследовать.

— Вас поражает простота устройства аппарата, — сказал он. — Вы ожидали увидеть что-нибудь более сложное и удивительное, хотя бы несколько электрических проводов. Внутри этот цилиндр не так просто оборудован, конечно, как снаряд. Но вы были бы очень удивлены, если бы увидели, какой простой механизм заключается в нем. Мой процесс прост оттого, что основан на совершенно новом, еще неисследованном принципе. Это все пока, что я могу сказать вам по этому поводу, — закончил он.

По его губам пробежала судорога и он улыбнулся. Это была одна из наших последних бесед перед его отъездом. Скерменхивер очень похудел и выглядел угрюмым, но продолжал свои опыты. Ему оставалось жить всего несколько месяцев в своей хижине. Образовалось, наконец, строительное общество, поставившее целью обработать и сделать полезной эту заброшенную в продолжение нескольких лет береговую полосу. Прибыла огромная землечерпательная машина, землемеры огораживали кольями, отмечая на болоте, будущие улицы и участки. Выросли линии телеграфных столбов. Скерменхивер наблюдал за всей этой работой, и взгляд его загорался мрачной ненавистью. Этот мир практичности преследовал его в его уединении, гнал прочь из его первобытного жилища. Строительное общество разрешило ему остаться здесь не позднее начала будущего лета.

«Он живет здесь в продолжение целых шести лет. Совершил ли он что-нибудь за это время?» — спрашивал я себя,

бывало. Рабочие нового строительного общества смотрели на него, как на чудака, и я часто думал, не были ли они правы.

II

Но невозможное совершилось. Когда однажды я пришел в хижину, Скерменхивер объявил мне, что получил наследство от богатого дяди, который недавно умер, оставив ему все свое состояние. Скерменхивер был по отцу немец, а мать его была ирландка. Эту новость он сообщил мне совершенно спокойно, без волнения, и я, признаться, не поверил бы ему, но неопровержимое доказательство в лице толстого поверенного, который тяжело отдувался после продолжительного путешествия пешком по песку, наполнявшему его башмаки, подтвердило правдивость его слов. Я подумал, что теперь все материальные заботы Скерменхивера будут устранены, что он сможет перебраться в лучшую местность, занять хорошее помещение и устроить прекрасную, более удобную лабораторию, но он остался жить в хижине, очевидно, собираясь окончить свои исследования там, где начал их. Может быть, то обстоятельство, что он получил состояние, когда уже почти не нуждался в нем, сделало его более раздражительным, и он с чувством личной неприязни смотрел на большую землечерпалку, хлопотливо засыпающую болото, и на паровые лопаты, забирающие песок дюн. Однажды я нашел его более спокойным, чем обыкновенно видел его раньше и, когда лодка увозила меня обратно, он крикнул мне вслед «прощайте» таким особенным голосом, что у меня сжалось сердце от странного предчувствия.

Это было в последний раз, что я видел Скерменхивера на этом берегу. Когда я снова посетил остров, его уже там не было. Оставленная хижина сносилась рабочими, которые шутливо рассуждали над тем, что делать с обломками аппарата и брошенным стеклом. Землемеры разбивали ли-

нию дороги, проходящую как раз в том месте, где стояла хижина и, глядя, как она рассыпалась под ударами молота, острое ощущение потери внезапно пронизало меня.

Так прошло два года. За все это время мои подозрения, что химический магнит был лишь плод его воображения, как будто бы подтверждались. Я пересматривал газеты и научные журналы в тщетной надежде найти сообщение о новом великом открытии. Я неоднократно возвращался на остров, где работа кипела — боковые дорожки были уже проложены, повсюду строились летние дачи — и, глядя на этот изменившийся до неузнаваемости, давно знакомый вид, прошедшее стало казаться мне сном. Передо мной мелькнуло воспоминание о Скерменхивере, стоявшем одиноко на берегу, постепенно становившемся все меньше и меньше по мере того, как моя лодка удалялась, приближаясь к материку, и самолюбие мое было немного уязвлено тем, что только это случайное «прощайте» было его единственным намеком на разлуку.

В этот период молчания единственная реальная маленькая вещь напоминала мне об исчезнувшем Скерменхивере и его блестящих стремлениях. То был небольшой клочок бумаги, начало письма, которое я нашел в морской траве в тот день, когда хижина была снесена рабочими. На нем стояли слова:

«Дорогая Анна! Наконец, после стольких лет я...»

Эта фраза была написана почерком Скерменхивера.

Прошло около четырех лет после исчезновения Скерменхивера, когда его имя вдруг оказалось у всех на устах. Менее чем за сутки оно приобрело всемирную славу. Известие о его чудесных химических открытиях появилось на первых страницах газет. Я прочитал об огромных станциях, построенных им на восточном и западном берегах материка, которые производили каким-то необычайным, таинственным способом почти все известные химические вещества. Очевидно, эти годы он употребил на то, чтобы применить свое открытие к промышленности в широких размерах. Имя его приобрело громадную популярность; носились слухи, что он в настоящее время нашел способ превращать морскую

воду в золото и скоро сделается самым богатым человеком в мире.

III

События последних лет стали историческими; поэтому я коснусь их слегка. У всех на памяти первый промышленный триумф Скерменхивера, его подрыв монополии калия, которая после войны превратилась в «Калий-Синдикат». Все помнят, как его американские станции снабжали солями калия внутренний рынок за полцены по сравнению с заграничным продуктом, ввозимым из знаменитых Стасфуртских копей; развитие огромной странной флотилии плоскодонных судов, известной под названием «Магнитного флота», на которых изготовлялся из морской воды груз драгоценных химических веществ во время перехода между портами; как исчезло первенство немцев в области промышленной химии, и все достижения их в производстве синтетических красящих веществ поблекли перед колоссальными усовершенствованиями молодого американского ученого. Он произвел целую революцию в промышленности, перенес ее с суши на океан, начал новую эпоху истории цивилизации, радикально изменив экономическую жизнь всего мира.

Все нации вооружились против накопления Скерменхивером океанского золота, вступили с ним в борьбу и выпустили в обращение международные бумажные деньги. Но Скерменхивер прекратил производство на своих станциях, и резко упавшее мировое благосостояние, а также и общественное мнение, принудили власти прийти к соглашению с ним. Повсюду благосостояние возросло, ликвидируя бедность, так как нетронутые до сих пор неисчерпаемые богатства океана, покрывающего $\frac{2}{3}$ земной поверхности, стали разрабатываться в гигантских размерах. Значение и могущество Скерменхивера росло, и вскоре он сделался настоящим диктатором в деловом мире. Поговаривали, что мно-

гие пытались открыть секрет химического магнита, но он ревниво охранял свою тайну, и посягавшие на нее платились жизнью за свою смелость. Так, «Нептун», самое большое судно «Магнитного флота», взлетело на воздух в доке Хобокена при попытке инженеров открыть скрываемую им тайну. При этом были убиты сто человек.

Все это стало достоянием истории, как я уже говорил. Теперь перейду без дальнейших проволочек к последнему роковому периоду карьеры Скерменхивера, в котором мне опять волей судьбы предназначено было принять участие. Последние годы после того, как ему улыбнулось счастье, наши встречи были редки, но мы не теряли друг друга из виду. После продолжительного периода молчания, когда я, наконец, прочитал имя Скерменхивера на столбцах газеты, я встретил его в Нью-Йорк-Сити. Он кратко сообщил мне, как он занят, и начертал мне кое-что из своих планов на будущее. После этого мы много раз встречались с ним в Нью-Йорке, а также Лондоне, Париже и Берлине. Нечего и говорить, как ценна была каждая минута его времени, которую он уделял мне. Его приемная была всегда переполнена финансистами, учеными, репортерами и другими лицами, жаждущими его видеть, но стоило мне только назвать себя, и меня немедленно принимали. Он вставал мне навстречу, и я замечал выражение неподдельного удовольствия, промелькнувшее на его лице. По-видимому, ему приятно было, хотя на время, сбросить с себя бремя забот огромного дела, взваленного на его плечи, и казалось иногда, что он, имея весь мир у ног своих, вспоминал с сожалением то время, когда никто его не знал.

Однажды, странно взглянув на меня сверкнувшими преждему глазами, он начал говорить, но сейчас же прервал сам себя, забормотав: «Нет, я не совсем готов, надо подождать еще немного». Вскоре я получил ту памятную телеграмму, в которой он просил меня немедленно выехать в Сан-Франциско, а неделю спустя мы вместе с ним направлялись на его яхте к очаровательному маленькому острову в Тихом океане, где судьбе угодно было только одного из нас оставить в живых.

Высадившись на острове, яхту отправили в Гонолулу, дав инструкции капитану вернуться обратно через несколько месяцев. Комфортабельный бунгало, единственными обитателями которого были я и Скерменхивер, снабженный в изобилии съестными припасами и всем необходимым, приютил нас. Остров представлял восхитительную жемчужину тропической красоты, с большими перистыми пальмами, колыхавшими свои ажурные вершины высоко в небе над белым берегом, переходившим в коралловый риф, где день и ночь ревел бурун. Невдалеке от острова стояла на якоре пловучая лаборатория, своим видом напоминавшая в миниатюре суда «Магнитного флота». Скерменхивер осмотрел ее в первый же день нашего приезда.

Он приехал в это уединенное место, чтобы углубиться в таинственные научные исследования, которых его гений еще не производил; это было известно мне. Но какого рода были эти исследования, он мне не говорил. Я только мог догадываться, судя по его возбуждению во время перехода, которое он старался подавить, что все свои прежние испытания он считал маловажными и незначительными по сравнению с теми, к которым он собирался теперь приступить. Устроившись в своем новом жилище, Скерменхивер стал проводить все свое время в пловучей лаборатории, куда и мне вначале был разрешен доступ, но вскоре визиты мои должны были прекратиться.

Однажды мы сидели на террасе, и он впервые заговорил со мной о проблеме, над разрешением которой работал. Перечислив вкратце все то, чего он уже успел достигнуть, начиная с первого своего открытия — химического магнита, извлекающего без разбора все соли, находящиеся в растворе, — он перешел к усовершенствованию своего способа, оставляющему в растворе соли дешевых металлов и извлекающему более ценные. Затем он перешел к конечной своей идее составить химический магнит необычайной сверхсилы, способный извлекать из морской воды неизвестные до сих пор химические элементы, содержание которых в океане так бесконечно мало, что открыть их обыкновенным методом анализа невозможно.

— Почем знать, быть может, некоторые химические элементы проявляют несравненно более могучую силу, чем радиоактивные минералы, — сказал Скерменхивер.

— Нет ли риска в подобных опытах? — спросил я. — Если такие химические элементы действительно существуют и вам удастся собрать их в известном количестве, не отразится ли это пагубным образом на человеческом организме?

— Очень возможно, — ответил Скерменхивер таким тоном, что я ясно понял, как мало это его заботит. — Всегда рискуешь, когда имеешь дело с неведомым.

С этого дня он стал бледнеть и потерял аппетит. Временами он страдал припадками дрожи, и я опасался, не схватил ли он тропическую лихорадку. Иногда я видел, как он выходил из своей пловучей лаборатории, обмахиваясь руками, как от нестерпимого жара, шагая по белому берегу, жестикулируя и бормоча что то про себя. Однажды он громко воскликнул:

— Наконец-то я открыл ее — тайну источника жизни! Я нашел вещество, впервые возбуждившее жизнь на Земле! Я приобрел его *там*, — указал он на пловучую лабораторию, — вот сколько, — и он сложил ладони горстью, — но скоро у меня будет его много, очень много, вот сколько! — и он сильным движением широко раскинул руки, как бы готовясь обнять весь горизонт.

Дрожь ужаса пробежала по моей спине. Страшная действительность стала передо мной; я вспомнил случайное ощущение той ночи, позабытое на другой день. Что-то худшее, чем яд, проникло в его организм и подтачивало его. Я схватил его за руки, желая удержать и не позволить ему идти на судно, но Скерменхивер вырвался, и по выражению его глаз, когда он отскочил от меня, я ясно понял, что он сошел с ума, окончательно сошел с ума...

Вся последующая неделя была сплошным кошмаром. Скерменхивер с хитростью безумия проводил теперь день

и ночь в своей плавучей лаборатории, опасаясь, чтобы я не помешал ему, если он вернется в бунгало, тайком съезжая на берег в светлые лунные ночи. Я несколько раз видел его шагающим вдоль берега странной, неверной походкой, пошатываясь, точно пьяный. Наконец, я больше не вытерпел и решил во что бы то ни стало, хотя бы опасностью для жизни, проникнуть в его лабораторию, посмотреть, что он там делает, и силою привести его на берег.

С наступлением сумерек я отправился на судно. Не успел я вступить на палубу, как Скерменхивер показался из люка. Он тяжело дышал, и во взгляде его ясно читалось безумие; но; увидев меня, он заметно подтянулся, конвульсивным движением схватился за голову, и мне показалось, что здравый рассудок и сознание действительности вернулись к нему: он понял, что умирает. Он повернулся и, шатаясь, спустился по трапу внутрь судна, что-то сделал в машине и вновь поднялся на палубу, неся с руках большое платиновое блюдо, на котором лежала какая-то масса странной на вид соли, сверкавшей бледно-зеленым фосфорическим блеском. Фосфорический луч этого странного вещества осветил меня на мгновение, затем Скерменхивер швырнул блюдо в океан, и волны с легким шипением поглотили его. В последний момент проблеска вернувшегося сознания он схватил меня за руку и хриплым голосом крикнул:

— Уйдите отсюда! Бегите, не теряйте ни минуты! Это простоит всего несколько секунд!

Его бессильные пальцы соскользнули с моей руки, укаывая на палубу судна, на которой мы стояли, и он упал к моим ногам. Я нагнулся. Он был мертв...

Объятый ужасом, овладевшим мной при виде этого распростертого бездыханного тела среди воцарившегося вокруг зловещего молчания, я кинулся в ялик и, изо всех сил работая веслами, направился к берегу. Едва успел я вступить на землю, как позади меня раздался оглушительный грохот взрыва. Обернувшись, я увидел, что пловучая лаборатория разлетелась в куски и ее пылавшие обломки мгновенно скрылись под водой.

Прошло больше месяца тягостного, жуткого одиночества; наконец, яхта пришедшая в назначенный срок, забрала меня, и я вернулся в Америку.

Последующие события всем известны. Одна за другой останавливались огромные станции Скерменхивера, так как секрет восстановления иссякающей энергии магнита был известен только ему одному. Были сделаны бешеные попытки вновь открыть тайну и вдохнуть жизнь в богатую океанскую промышленность, которая теперь была парализована. Не было недостатка в догадках относительно состава таинственных элементов, бывших причиной ужасной смерти Скерменхивера, пока, наконец, всеми авторитетами не было признано, что ему удалось извлечь из недр океана в значительном количестве какие-то неведомые редкие химические элементы — это и было, без сомнения, зеленоватое вещество на платиновом блюде, — которые миллионы лет тому назад, когда Земля представляла сплошной океан, зародили жизнь первого существа.

Օգր Ամբա

ආදායම් ප්‍රතිපත්ති පිළිබඳව විමර්ශනය කිරීමේදී

Продолжительная безработица ребром поставила передо мной вопрос о том, из каких средств я буду оплачивать свою комнату и стол. Мои попытки приискать себе работу по специальности механика-конструктора терпели хроническую неудачу. Попробовал было я «делать доллары» помещением статей и рассказов в научных журналах, но это был источник ненадежный и неполноводный.

Во время одного из моих «писаний» вошла моя хозяйка и подала карточку, на которой я прочитал, едва веря своим глазам: «Пауль Мейер, д-р медицины. Мейеровская клиника, Винчестер».

Кто не слышал о докторе Мейере, главе и совладельце клиники братьев Мейер, прославившейся столькими чудесами хирургии?

— Просите сейчас же сюда! — радостно сказал я хозяйке.

— А второго господина тоже позвать? — спросила она с глупым недоумением.

— Разве с ним пришел кто-нибудь?

— Да, только он не назвался.

— Зовите, зовите обоих!

Вошел доктор Мейер со своим спутником — и я был поражен второй неожиданностью. Раньше, чем он успел представить мне гостя, я протянул руку и перебил:

— Профессора Баннинга я ведь хорошо знаю. Он, вероятно, не помнит меня, но три года назад я слушал у него лекции по высшему анализу.

— Ну, и я вас отлично припоминаю, — ответил профессор, хотя я заподозрил, что это было им сказано только из вежливости. — И, по праву старого знакомого, позвольте представить вам доктора Пауля Мейера.

— Поверьте, что я чрезвычайно польщен вашим посещением, — сказал я, и сказал это от всего сердца.

Если вы следите за математикой, то имя профессора Баннинга вам должно быть так же известно, как и имя доктора Мейера. Каждый из этих двух ученых в своей области стоит на вершине лестницы. Профессор — авторитет по части неевклидовой геометрии и геометрии четырех измерений; в этих областях он остается непревзойденным. Тем не

менее, он известен только сравнительно тесному кругу математиков-специалистов. Начав изучение четвертого измерения несколько десятков лет назад, он выработал формулы и сконструировал модели четырехмерных предметов, оставляющие далеко позади себя все, что до сих пор было осуществлено в этой области.

Легко представить себе, какое смущение чувствовал я, принимая столь знаменитых ученых в своей убогой обставленной комнатухе.

Доктор Мейер заговорил первым.

— Насколько я понимаю, — начал он, — вы по специальности механик-конструктор? И вы автор некоторых статей в одном из известных научных ежемесячников? (На оба вопроса я утвердительно кивнул головой). Дело вот в чем. Нас побудило разыскать ваш адрес и прийти сюда сопоставление вашей профессии, с одной стороны, и идеи, высказанной вами в вашей статье о «четырехмерном ротационном станке», — с другой. Вы сказали, что *если бы можно было совершать движение в пространстве четырех измерений — хирург мог бы сделать операцию, хотя бы аппендицита, не надрезая даже кожи пациента*. Вы высказали эту идею по наитию вашей фантазии, как мысль, теоретически обоснованную, но все же неосуществимую, не правда ли?

— Конечно.

— А вот профессор Баннинг утверждает, что это вполне возможно! Впрочем, пусть лучше он сам расскажет вам остальное.

И слово было передано профессору:

— Несколько дней назад я отправился в Винчестер и поступил под врачебное наблюдение доктора Мейера. Последнее время мне не дают покоя желчные камни, и мне сказали, что если помощь возможна, то ее надо искать только в лечебнице братьев Мейер. После осмотра мне стали советовать отказаться от операции. Преклонные годы, ослабленная деятельность сердца — где тут выдержать такую серьезную операцию! Едва ли есть один шанс из ста. Вот тут-то я и указал доктору Мейеру то место вашей статьи, кото-

рое он только что привел. Изложив ему вкратце теорию сверхпространства, я спросил его, возможна ли такая операция с медицинской точки зрения, при условии, что вся математическая сторона, как и механическая, будет выполнена безукоризненно.

Доктор уверил меня, что если я снабжу его инструментами, имеющими четырехмерное протяжение и, следовательно, могущими двигаться в пространстве четырех измерений, он берется выполнить любую, самую сложную операцию, не прибегая к надрезыванию кожи и тканей оперируемого. Естественно, что в настоящий момент меня больше всего интересует вопрос, нельзя ли удалить мои проклятые желчные камни, минуя потрясение и опасное напряжение организма, связанное с этой операцией в обычных условиях. Эти камни стали положительно не давать мне покоя; рано или поздно они угрожают мне. А освободившись от них, я мог бы надеяться, что жизнь моя продлится еще несколько лет. Эти несколько лет я мог бы посвятить на изготовление целого набора четырехмерных хирургических инструментов, которые избавили бы человечество от неисчислимых страданий.

Почему же мы пришли к вам? — спросите вы. Беда наша в том, что ни я, ни доктор Мейер не имеем сноровки в механическом конструировании. Вы же, судя по всему, что нам удалось узнать, опытный механик. Мало того: нас привлекла высказанная вами на страницах научного журнала идея. Это верный залог того, что вы лучше, чем кто-либо другой, поможете нам в изготовлении некоторых четырехмерных хирургических инструментов. Возьметесь вы за это дело?

— Не знаю, право, что и сказать, — пробормотал я. — Конечно, я немного знаком с четвертым измерением; но то, что вы мне сейчас сказали, выходит из рамок моих познаний.

— Не лучше ли, если я поясню более детально?

— Буду очень рад.

— Лучше всего вы получите элементарное представление о возможностях сверхпространства, если прибегнете к ана-

логии, сравнивая, например, характеристики трехмерных предметов со свойствами обитателей пространства, обладающих только двумя измерениями — и даже одним.

Представьте себе существо вроде очень тонкого червяка, настолько тонкого, что его толщиной в ширину и в высоту можно пренебречь; у него будет только длина. Вот пример одномерного существа, иногда называемого «унодимо». Такой унодим мог бы двигаться вперед по прямому направлению или назад опять-таки по прямой линии, но был бы абсолютно лишен возможности двигаться вправо или влево, вверх или вниз. Чтобы лишить свободы подобное существо, вам стоило бы только положить одну песчинку впереди него и одну позади — оно не смогло бы свернуть в сторону или податься вверх, чтобы миновать препятствие.

Теперь придадим мысленно еще одно измерение — ширину. У нас получится плоскотелое существо, «дуодим». В природе можно найти некоторое подобие такого существа, стоит только представить себе совершенно плоскую черепаху или камбалу. Но всякая черепаха имеет весьма ощутительную толщину, тогда как наше воображаемое «плоскотелое» должно быть тоньше тончайшего листа бумаги или золота.

Движения такого существа должны были бы происходить только в одной плоскости. Оно могло бы двигаться вперед и назад, вправо и влево, но только не вверх и не вниз. Чтобы приковать его к месту, вам достаточно было бы очертить около него круг карандашом, и «плоскотелое» не смогло бы выбраться за периферию — разве только, если ему удалось бы пробить брешь в черте из графита.

Предположим теперь, что внутри окружности находились бы два таких существа, а третье, *трехмерное* существо, вроде меня или вас, взяло бы одно из «плоскотелых» и, сообщив ему движение в пространстве трех измерений, поместило бы его вне круга. Оставшемуся дуодиму исчезновение его товарища казалось бы совершенно необъяснимым. И если бы ему удалось прорваться сквозь карандашную черту и найти второе плоскотелое в той же плоскости, но вне окружности, оно было бы совершенно озадачено: как это его товарищ умудрился туда попасть?

Если допустить, что могут быть на свете существа четырех измерений, то любому из них было бы так же легко перенести хотя бы вас из этой комнаты, не открывая ни окна, ни двери, как вам легко было бы перенести дуодима за карандашную черту. По-видимому, таких существ нет, но мы зато сами можем совершать подобные чудеса посредством соответствующих механических приспособлений.

Вернемся еще раз в страну плоскотелых, где все предметы обладают только двумя измерениями. Теоретически мы можем представить себе подобные предметы, но в окружающей нас жизни они не существуют.

— Простите, профессор, — перебил я его, — мне кажется, я могу указать вам на пример двухмерного предмета. Как-то я слышал радиолекцию одного знаменитого научного популяризатора, который сравнил двухмерный предмет с тенью. Ведь очевидно, что тень, имея длину и ширину, не имеет толщины.

— Это прекрасная иллюстрация, — сказал профессор Баннинг, — только нашему научному лектору следовало бы вместо слова «тень» употребить выражение «проекция тени». Под словом «тень» надо понимать все пространство, куда свет не допускается затеняющим предметом; поэтому тень, хотя и не может быть ошупана, но несомненно имеет три измерения. Я рад, что вы привели мне эту аналогию, потому что она великолепно помогает осветить затронутый мною вопрос.

Рассмотрим тень, падающую от круглой серебряной монеты. Предположим, что лучи света параллельны друг другу и перпендикулярны к плоскости монеты и к совершенно плоской стене, на которой проектируется тень. Последняя изобразится на стене в виде темного кружка, имеющего только два измерения, но сама тень будет цилиндром, одним основанием которому служит монета, другим же — проекция тени на стене, а высота цилиндра будет равна расстоянию от монеты до стены.

Если вы поместите кусок плоского картона параллельно монете в любом месте между нею и стеной, на картон упадет двухмерная проекция. Это доказывает, что трехмер-

ная цилиндрическая тень в действительности состоит из бесконечного числа кругообразных проекций, из которых ни одна не имеет поддающейся измерению толщины.

Но едва ли можно рассматривать тень, как существующий сам по себе материальный объект, хотя Питер Пэн буд-то бы и потерял свою тень. Есть еще и немецкое сказание о другом Петре — о Петре Шлемиле, который продал свою тень дьяволу. В этой прелестной сказке Адальберта Шамиссо его сатанинское величество скатывает тень в трубку, как кусок обоев, и уносит ее под мышкой. Нечего и говорить, что все это чистейшие фантазии.

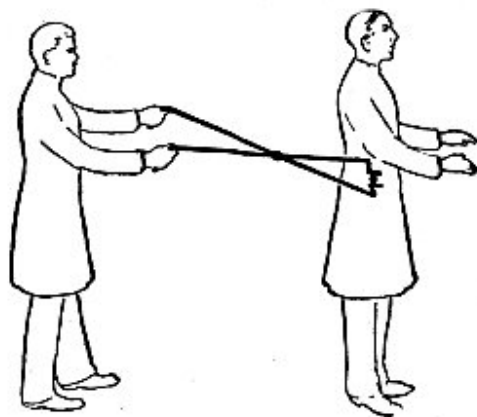
Чтобы наше «плоскотелое» действительно могло существовать, оно должно состоять из молекул вещества, а это уже само по себе выдвигает необходимость хоть какой-нибудь толщины, — пусть даже в одну миллионную долю толщины самого тонкого листка золота — то есть, тончайшего из известных нам и поддающихся осязанию предметов. По сравнению с длиной и шириной нашего предмета такая ничтожная толщина практически равнялась бы нулю. Однако, мы можем представить себе, что, накладывая друг на друга эти предметы в очень большом числе, мы достигнем некоторой толщины, которую можно будет измерить — подобно тому, как мы представляем себе трехмерную тень состоящей из бесконечного числа двумерных предметов.

Далее, допустим, что три плоскотелых существа оказались достаточно умственно развитыми, чтобы *думать* в пространстве трех измерений и представлять себе возможность движения в трехмерном пространстве. «Дуодим» № 1, будучи математиком, рисует чертеж какого-нибудь трехмерного предмета, хотя бы цилиндра, наподобие того, как художник на совершенно плоском листе бумаги создает картину пространственных предметов.

Предположим также, что дуодим № 2, опытный механик, на основании этого чертежа вырезывает очень большое число кружков из какого-нибудь материала — разумеется, чрезвычайно тонкого — и накладывает круги один на другой, пока у него не получится цилиндр. От этого уже только один шаг, чтобы изготовить два прута, скрепить их по-

середине в виде щипцов и придать им надлежащий изгиб с тем, чтобы дуодим № 3, который умеет превосходно манипулировать инструментами, получил возможность перемещать различные неподалеку расположенные предметы в той же плоскости. Быть может, схематический чертеж делает мою мысль более ясной.

И профессор, взяв карандаш и бумагу с кухонного стола, служившего мне для письменных занятий, быстро набросал рисунок.

— Простите меня, — вставил я. — Но я боюсь, что в вашей теории есть серьезный недочет. Для того, чтобы ухватить какой-нибудь предмет таким приспособлением, ваше плоскотелое должно само двигаться в трехмерном пространстве, а согласно нашей предпосылке, это невозможно.

— Совершенно правильно, — согласился профессор. — Мой эскиз вовсе и не претендовал на достоинство точного и практически осуществимого чертежа, а должен был только служить иллюстрацией моей идеи. Однако, при ваших познаниях в механике разве вам трудно было бы сконструировать такую систему, посредством которой движение в известной плоскости могло бы быть преобразовано в движение под прямым углом к этой плоскости? Согласитесь, что это вполне осуществимо.

Я должен был признать его правоту.

— Отлично. Пока нам нужно только сконструировать аналогичное приспособление, которое имело бы протяжение в пространстве четырех измерений, и тогда доктор Мейер сможет удалить из моей печени камни без всякого потрясения для моего организма.

— Но откуда я узнаю, какова должна быть внешняя форма четырехмерных клещей или щипцов?

— Предоставьте это мне. Как «плоскотелый» математик мог бы начертить на плоской бумаге свой рисунок трехмерного предмета, так и я, пользуясь трехмерными проекциями, могу сконструировать модели, которые наглядно покажут вам внешний вид и все характеристики четырехмерного предмета. Это только кажется таким сложным, а на деле гораздо проще. Дайте мне десятилетнего, нормального в умственном отношении ребенка, и я посредством небольших пояснений и некоторых наводящих вопросов заставлю его указать все признаки четырехмерного куба. Сейчас я поясню, в чем дело.

Он снова взял карандаш и разграфил бумагу.

— Проследите за следующим построением. Вы передвигаете точку на некоторую единицу длины, скажем, на один сантиметр. Получилась линия или ребро в один сантиметр длиной. Затем вы двигаете эту линию на один сантиметр под прямым углом к ней — и получаете квадрат, площадь которого равна одному квадратному сантиметру. Далее вам нужно передвинуть квадрат на один сантиметр по направлению, перпендикулярному к его ширине и длине, и у вас образуется куб в один сантиметр длины, в один сантиметр ширины и в один сантиметр высоты. Теперь остается только передвинуть куб на расстояние одного сантиметра в направлении которое было бы перпендикулярно к его длине, ширине и высоте и не было бы параллельно ни одному из его трех измерений, — и у вас готов сверхкуб, выраженный в единице метрической системы.

Посмотрим же внимательнее, каковы характеристики этого сверхкуба. Прежде всего, мы знаем, что у куба, с которого мы начали, сколько вершин?

— Восемь.

Он записал эту цифру в разграфленную таблицу.

— А ребер?

— Двенадцать.

Он записал и это.

— Сколько граней?

— Шесть.

— Теперь, если мы будем двигать куб, то новые вершины образовываться не будут, но по окончании операции у нас будет второй куб с восемью углами, следовательно, в итоге сколько углов будет в нашей фигуре?

— Шестнадцать..

— Правильно. А каждая вершина при движении в пространство образует что?

— Прямые линии.

— А сколько было вершин в кубе при начальном его положении?

— Восемь.

— Следовательно, при движении должны возникнуть восемь линий или ребер. Если мы добавим двенадцать ребер в образующем кубе и двенадцать, принадлежащих кубу в его конечном положении, сколько у нас будет всего?

— Тридцать два ребра.

— Перейдем к граням. При начальном положении куба у нас было шесть граней, при конечном его положении еще шесть. Могут получиться у нас еще какие-нибудь?

— Обязательно. Каждое ребро при движении должно образовать квадрат; ребер было двенадцать, следовательно, при движении должно возникнуть двенадцать новых квадратов. Шесть да шесть, да двенадцать — всего должно быть 24 грани.

— Я вижу, что вы великолепно улавливаете мою идею. Посмотрим, скажете ли вы, сколько в свёрхкубе должно быть кубов.

— Попробую подсчитать. В начале движения один куб, в конце движения еще один. Кроме того, каждая грань должна образовать куб. Шесть да два — восемь.

— Правильно! — сказал математик и, вписав последнюю

цифру, передал мне таблицу, на которой получилось следующее:

	К о л и ч е с т в о :			
	при началь- ном положи- нии куба.	добавив- шееся вслед- ствие движе- ния.	при конеч- ном положи- нии куба.	в сверх- кубе.
Точек (углов) . . .	8	0	8	16
Линий (ребер) . . .	12	8	12	32
Граней (квадратов) .	6	12	6	24
Тел (кубов)	1	6	1	8

— Вы теперь видите сами, как это просто. Нам нужно только сконструировать предмет, ограниченный восемью кубами, двадцатью четырьмя квадратными гранями, тридцатью двумя ребрами и шестнадцатью углами, — и у нас получится четырехмерный куб, или сверхкуб.

Так как любой предмет может быть разделен на части, каждая из которых представляет то или другое геометрическое тело, и так как я берусь разработать характеристики четырехмерного аналога любого геометрического тела, то нет большой трудности в конструировании какого угодно предмета таким образом, чтобы он вмел протяжение в пространстве четырех измерений.

— Вы согласны помочь нам практически осуществить эту идею? — спросил молчавший до этого времени доктор.

Я колебался.

— Неужели вы думаете, что в этом может быть что-нибудь опасное? — спросил доктор. — Подумайте, молодой человек, какой случай представляется вам быть полезным человечеству. Сколько жизней можно спасти и продлить, сколько счастья посеять среди людей! А если бы даже и была опасность? Ведь вы же не семейный?

Я сдался. Да и как можно было поступить иначе?

В тот же день я уложил свою небольшую «движимость» в чемодан и в сопровождении доктора Мейера и профессора

Баннинга занял место в одном из вагонов экспресса, отходившего по западной линии.

Местом для осуществления предполагаемой работы был выбран Винчестер по самым логическим основаниям. Мне было все равно, куда ехать. Профессору Баннингу география места была тоже безразлична. Он только что получил отпускной год и предполагал целиком посвятить его разработке четырехмерной хирургии.

Что же касается доктора Мейера, то он продолжал нести тяжелое бремя ответственности в связи с клиникой, которой он заведовал. Не было никакой необходимости отрывать его от его плодотворной деятельности, но мастерская должна была находиться поближе к нему, чтобы всегда можно было его вызвать для консультации.

Нам отвели участок госпитальной земли, и подрядчик тотчас начал возводить небольшое строение мастерской. Мы с профессором Баннингом сообща приготавливали чертежи и наблюдали за строительными работами. До окончания постройки я заблаговременно постарался заказать все необходимые материалы, машины и иное оборудование.

Когда я оглядываюсь теперь на эти месяцы, проведенные мной за работой плечом к плечу с одним из величайших ученых, когда-либо живших, я убеждаюсь, что самым лучшим воспитанием является то, которое основано на общении с людьми, стоящими на высшей интеллектуальной ступени.

Профессор Баннинг оказался обаятельным и интереснейшим собеседником. Если нам случалось работать одновременно над какими-нибудь деталями, требовавшими от нас чисто механического труда, мы принимались рассуждать о предметах, так же далеко отстоящих от математики или техники, как Вашингтон от Тимбукту. Едва ли нашлась бы такая тема, при затрагивании которой профессор не умел бы выказать себя образованнейшим человеком. Его замечания поражали не только глубиной знания, но и умением сразу подойти к самой сути вопроса. О чем бы мы ни говорили — о литературе, архитектуре, музыке, философии, антропологии, филологии, физике, рекламе, юриспруденции

— всегда он был как в своей родной стихии. Я слушал его во все уши, стараясь впитать в себя эту мудрость, как губка впитывает воду.

Наши совместные старания понемногу подвигали работу вперед, и четырехмерные щипцы начинали уже принимать конкретные очертания. Если вы примете во внимание, что, как трехмерное геометрическое тело ограничено двухмерными поверхностями, так четырехмерный предмет должен быть ограничен трехмерными геометрическими телами, — то вы получите некоторое представление о внешности этих «сверхщипцов». Например, те части, которые для обыкновенных щипцов предполагаются цилиндрическими, в настоящем случае надо представить себе состоящими из тысяч небольших шариков, сгруппированных наподобие гроздей мельчайшего винограда. Но не надо забывать, что эти шары ни в коем случае нельзя помещать один рядом с другим, один над другим или один впереди другого. Известный в математике авторитет назвал четвертое измерение «сквозным», чтобы этим термином навести на мысль, что части проходят, проникают сквозь другие. Такое взаимоотношение отдельных частей, составляющих четырехмерный предмет, принадлежит к самым неудобоваримым угощениям для человеческого ума. Я должен сознаться, что без помощи моделей и формул профессора Баннинга мне ни за не удалось бы сконструировать эти четырехмерные щипцы.

Однажды профессор пожаловался на свое нездоровье.

— Сегодня мне что-то не работается. Видно, старый кузов мой сильно износился. Опять эти проклятые боли. Сегодня я пошашу. Вы обойдетесь без меня.

Я ответил, что вся часть работы, требовавшая его непременного участия, в сущности, окончена. Сверхщипцы нуждались только в некоторой чисто механической отделке, с которой я вполне мог справиться один.

С этого дня здоровье профессора Баннинга заметно пошатнулось.словно наэлектризованный могучим током, он выдержал целые месяцы, мечтая о заданной цели, — и вдруг прервался, и дряхлое ослабевшее тело сдало под натиском

старости и недуга.

Чувствуя, что необходимо «гнать во всю», я принялся работать с каким-то остервенением, оставаясь в мастерской чуть не до рассвета, обедал наспех и ложился соснуть часа на два.

Наконец «сверхщипцы» были закончены. В общем, по внешнему виду они походили на обыкновенные хирургические щипцы и главная разница была в том, что они были не гладкие, потому что вся поверхность их состояла из тысяч мельчайших геометрических тел. По существу же бросалось в глаза то отличие, что рукоятка их была двойная, то есть была снабжена двумя парами отверстий для продевания пальцев. Губы же щипцов были ординарные, как и в обыкновенном хирургическом инструменте, но приводились в движение и той и другой системой рукояток, а также и их одновременным действием. При одновременном действии обеих пар рукояток щипцы действовали совершенно так же, как обычные трехмерные щипцы хирурга. Но стоило отделить правую пару рукояток от левой, и можно было управлять особым механизмом, который заставлял губы щипцов двигаться под прямым углом к каждому из трех измерений нашего пространства — короче говоря, двигаться в четвертом измерении. Все это было предварительно теоретически вычислено с такой тщательностью и точностью, что я не сомневался в успешном действии инструмента. Впрочем, за время работы я ни разу не решился подвергнуть его испытанию.

Между нами было условлено, что первым попробует манипулировать при помощи этих щипцов в четырехмерном пространстве не кто другой, как доктор Мейер, и я очень охотно уступил ему эту честь. Хотя щипцы были так же прочны и жестки, как и любой подобный же трехмерный предмет, я обращался с ними так осторожно, как будто передо мной был бокал из тончайшего стекла, наполненный до краев нитроглицерином.

Принеся готовые сверхщипцы в комнату профессора Баннинга, я послал сиделку за доктором Мейером. Тот не заставил себя ждать. В больничном халате и колпаке, кото-

рых он не успел снять после только что оконченной операции, доктор вошел в комнату профессора.

Решили испытать щипцы тут же, на месте. Выбрали для первого опыта неодушевленный предмет. Доктор Мейер взял со стола склянку с лекарством, вынул пробку и вылил содержимое в умывальник. Потом он достал из кармана карандаш, сорвал с него укрепленный на конце кусочек резины, опустил резину в склянку и снова закупорил пробкой.

— Попробую достать из бутылки резину, не вынимая пробки, — сказал он и поставил склянку на стол.

Я протянул ему щипцы. Он продел концы большого и указательного пальцев правой руки в правую пару рукояток, пальцы левой руки таким же образом продел в левую пару и начал медленно приводить в движение механизм, служивший для превращения движения в четырехмерном пространстве в соответствующее движение по направлению, перпендикулярному к нашим трем измерениям.

Как я ни был подготовлен к самому неожиданному зрелищу, но я был как громом поражен, когда щипцы по частям как бы начали таять в воздухе, так что, наконец, на виду остались только рукоятки.

Управляя инструментом исключительно наугад, доктор приблизил его к склянке настолько, чтобы невидимые губы щипцов пришлись как раз внутри нее. Затем он сблизил обе пары рукояток. Как по волшебству, внутри бутылки появились губы щипцов, но они казались висящими в воздухе без всякой видимой связи между ними и рукоятками. После этого нетрудно уже было придать рукояткам надлежащее положение, чтобы захватить щипцами резинку. Раздвинув снова обе пары рукояток, доктор заставил резинку совершенно скрыться из вида, после чего он отдернул щипцы к себе и вторично сблизил рукоятки. В течение нескольких секунд резинка была вынута сквозь сплошную стенку бутылки и брошена на стол!

— Удалось! удалось! удалось! — кричал профессор пронзительным голосом. Он вскочил и принялся подпрыгивать на кровати; преуморительна была его фигура, когда он чуть не кувыркался в своей фланелевой ночной сорочке.

Доктор Мейер тоже был вне себя от восторга. Он хлопал в ладоши и приговаривал: «Вот это да! вот это да!»

— Не можете ли вы оперировать меня сейчас же? — было первым вопросом профессора, когда он пришел в нормальное состояние.

— А что? Или боли настолько усилились?

— Нет. Говоря по правде, сейчас мне кажется, что они даже совсем превратились. Но я никак не могу дождаться, чтобы вы поскорее попробовали сверхщипцы на мне.

— Поскольку дело не идет еще о жизни и смерти, я предпочту предварительно произвести ряд проб и приобрести побольше практики раньше, чем приступлю к операции над вами, — сказал доктор с присущей ему осмотрительностью. — Мне теперь хотелось бы извлечь какой-нибудь невидимый для меня предмет, вроде орехового ядра.

— У меня есть каленые орехи, — сказал я.

— Как раз то, что мне нужно! — сказал доктор.

И сверхщипцы заработали снова. На этот раз процедура извлечения отняла несколько больше времени — доктору Мейеру необходимо было действовать ощупью, пока он не почувствовал, что ядро зажато губами щипцов. В конце концов ему это удалось, и он положил ядро перед нашими глазами на стол.

Я, как «Фома неверный», не удовлетворился, пока не осмотрел совершенно нетронутую скорлупу и не потряс ее возле уха. Нет, ничто не болталось внутри, легкость оболочки служила вторым доказательством, что чудо извлечения ядра без нарушения целостности наружной коры осуществилась блестяще.

— Теперь произведем опыт над живым существом, — воскликнул доктор. — Пойдем ко мне в лабораторию. Сейчас мы произведем интереснейший эксперимент над моим пациентом.

Профессор Баннинг накинул на себя купальный халат, надел туфли, и мы отправились в лабораторию. «Пациент» доктора Мейера оказался «Вильгельмом» — тоггенбергским козлом, которого он предназначал для некоторых медицинских опытов.

— Вот прекрасный случай проверить ходячее мнение об универсальности козлиного аппетита, — шутливо приступил к делу Мейер. — На этот раз воспользуемся моими икс-лучевыми окулярами. Вы их видали?

Мы покачали головами.

— Ничего особенного в них нет. Тот же принцип, что и в флуоресцирующем экране, только для удобства системе придана форма наглазников. Я пользуюсь ими, когда работаю за этим специального устройства операционным столом. Вот здесь, видите, пристроена рентгеновская трубка, расположенная так, что X-лучи проходят сквозь тело, лежащее на столе.

Доктор поднял Вильгельма, перенес его на стол и привязал ремнями. Потом он включил контакт, приводивший в действие рентгеновскую трубку, и надел окуляры. А чтобы и мы могли наблюдать опыт, он снабдил и нас такими же флуоресцирующими наглазниками.

Мы сразу увидели, что в желудке козла были какие-то посторонние предметы. Доктор Мейер взял сверхщипцы и начал манипулировать рукоятками. Инструмент снова исчез из глаз, за исключением рукояток. Но на этот раз доктору Мейеру, по-видимому, не так-то легко удалось придать щипцам надлежащее положение.

— Вот странно! — воскликнул он. — Какое-то совершенно особенное ощущение. Точно наталкиваешься или на легко уступающую среду или, напротив, на сильный встречный поток воздуха или воды. Посмотрите — вот в этом направлении движение совершается совершенно легко. Но мне приходится напрягать все свои силы, чтобы сообщить щипцам движение в обратную сторону.

Рядом самых осторожных манипуляций, при значительной затрате мускульного труда, доктор добился, наконец, того, что сверхщипцы приняли надлежащее положение. Тогда он сомкнул обе рукоятки — и в этот момент губы щипцов появились на экране в роли трехмерного предмета в желудке козла. Затем он по очереди извлек следующую коллекцию: железный болтик, три гонтовых гвоздя, вентилярный колпачок от автомашины, мраморный шарик и две

французских булавки. Во время всей операции козел не переставал выводить свое «мэ-ээ! мэ-э! мэ-э!». Но, очевидно, не испытывал никакой неприятности, когда четырехмерные щипцы копошились в его внутренностях.

— Ну вот — какое вам еще нужно доказательство, что щипцы действуют без отказа, — сказал после этого профессор Баннинг. — Теперь остается только испробовать их на моих печеночных камнях. Я голосую за то, чтобы мы сделали это сейчас же.

Доктору Мейеру, видимо, тоже не терпелось приняться за самый решающий опыт.

— Да будет так, — согласился он. — Но только надо послать за моим братом. Хотя я и не опасаясь никаких осложнений, а все-таки лучше, если при операции будет присутствовать и второй хирург.

Доктор Джулиус Мейер пришел сразу же. Он уже раньше достаточно подробно слышал от брата про четырехмерные щипцы, и дополнительные объяснения поэтому заняли самое короткое время.

— Не надо ли каких-нибудь особых приготовлений? — осведомился пациент.

— Едва ли в этом есть необходимость. Но, конечно, я должен стерилизовать сверхщипцы. Кроме того, держите наготове банку с эфиром, Джулиус, — на всякий непредвиденный случай. Впрочем, судя по тому, как вел себя козел, я уверен, что нам и это не понадобится.

Профессор Баннинг, как был, в сорочке и халате, улегся на операционный стол. Доктор Пауль Мейер включил Х-лучи и вооружился флуоресцирующими окулярами.

Приступив к управлению сверхщипцами, он опять указал на трудность, с которой инструмент передвигался в одном определенном направлении, в то время как в других направлениях манипуляции совершались без малейшего труда. Однако, ему удалось ввести губы щипцов внутрь тела пациента, где мы могли отчетливо видеть их при помощи наших икс-лучевых очков. После неоднократных попыток он водворил конец щипцов внутри желчного пузыря, где смутно вырисовывались коварные желчные камни. Все это вре-

мя профессор вполне сознавал все происходившее.

— Чувствуете боль?—спросил хирург.

— Никакой.

— Какое-нибудь особенное, необычное ощущение?

— Пока — ничего. Ой-ой! вот сейчас кольнуло. Впрочем, не слишком сильно.

— Да, я слегка ущипнул вашу печень, — объяснил доктор.

Вот тут-то и случилось ужасное. Внутренности профессора Баннинга, которые мы все время наблюдали посредством X-лучей, вдруг как будто растаяли. Еще несколько секунд — и ребер его не стало видно. В то же мгновение доктор Мейер вскрикнул с отчаянием:

— Меня что-то тянет!

Я сбросил окуляры и подскочил к нему.

— Не могу ли я помочь вам?

— Нет — отойдите подальше! Что это?.. посмотрите на мои руки!

У меня кровь застыла в жилах! Его руки были как будто отрезаны до локтей. Остальная часть рук исчезла вместе с рукоятками щипцов!

Кинув взгляд на профессора Баннинга, я к ужасу своему увидел, что последние остатки очертаний его тела растаяли, как облако.

Тем временем, и плечевые части рук доктора Мейера, так же, как и часть его груди, «растаяли». Брат кинулся к нему и обхватил его около пояса, как будто хотел оттащить его назад. Но это было все равно, что ловить руками клубы дыма. Последние слова, сказанные доктором Паулем Мейером, были: «Умоляю!.. пустите, не поможет!..» Со стоном отчаяния брат выпустил его из своих объятий. Еще секунда — и не осталось и следа ни от доктора П. Мейера, ни от профессора, ни от сверхщипцов...

Мы с Джулиусом Мейером смотрели друг на друга, оцепенев от ужаса. На его лице я читал отражение тех же ощущений и потрясений, которые так мучительно переживал я сам, — скорбь, недоумение, тревогу и — сильнее всего — чувство животного страха.

Он первым прервал молчание.

— Что же теперь делать?

— Надо дать знать полиции, — пробормотал я.

— Нет! Не делайте этого. Может быть, это еще преждевременно. Посмотрим, не сможем ли мы своими средствами чем-нибудь помочь. Вы лучше меня знакомы с обстоятельствами этой злополучной четырехмерной затеи. Посоветуйте что-нибудь.

— Может быть, они все еще в этой комнате, но только стали невидимками, — предположил я.

На основании этой гипотезы мы обошли всю комнату, ощупывая каждый ее уголок. Не ограничиваясь этим, мы поставили стул на снабженные колесами носилки, на которых обычно доставляют в операционную больных, и я тщательно обследовал потолок, между тем как Мейер транспортировал меня с места на место.

Я должен был знать всю бесполезность этой процедуры, так как существо, проникшее в пространство четырех измерений настолько, что оно перестало быть видимым, конечно, делалось столь же недостижимым, сколь оно было невидимым. Но все-таки в подобном страшном и критическом положении лучше было предпринять хоть что-нибудь, чем оставаться бездеятельным. Промучившись около часа, мы должны были признать свою беспомощность. Теперь нам понятны были чувства моряка, который знает, что на многосаженной глубине под килем его корабля тридцать храбрецов медленно умирают ужасной смертью в выведенной из строя субмарине — и совершенно бессилен помочь им.

Наконец Джулиус Мейер потерял всякую надежду.

— Мне кажется, — сказал он, — теперь ничего больше не остается, как сообщить в полицию. Но чувствую, как трудно нам будет объяснить обстоятельства исчезновения моего брата и профессора Баннинга.

— Раз дело принимает официальный оборот, — сказал я, — то пойду хоть переоденусь.

Действительно, на мне еще была моя обычная спецодежда — блуза и рабочие брюки.

Предоставив Джулиусу Мейеру заботы о формальном извещении «властей», я отправился в мастерскую, где остался мой выходной костюм.

Как только я вошел в помещение, где я в совместной работе с старым профессором провел столько незабвенных недель, меня охватило какое то странное чувство боязни — вроде того ощущения, которое испытывает суеверный человек, внезапно увидевший перед собою кладбище. Во мне пробудилось какое-то таинственное сознание, что кто-то, кого я не могу ни видеть, ни слышать, находится в комнате.

Вдруг мое внимание остановилось на происшедшей необычайной перемене. С лампой, служившей нам во время вечерних и ночных работ, произошло что-то необъяснимое: провод, на котором она висела, оказался отведенным в сторону, так что он принял почти горизонтальное положение, а стеклянный шар с абажуром висел в пространстве вопреки всяким законам тяготения. Ища глазами объяснение этого чуда, я вдруг увидел как бы прилепившийся к проводу предмет, в котором я сейчас же узнал кончик сверхщипцов!

Если раньше я был достаточно напуган, то тут меня охватил поистине несказанный ужас. Мурашки забегали у меня по телу и волосы взъерошились, как «злого дикобраза плащ колючий».

Первый мой порыв был малодушен — конечно, он был внушен всеобщим, но зачастую вовсе не благородным инстинктом самосохранения. Я хотел бежать, звать на помощь... взвалить на кого-нибудь другого опасную задачу спасения этих двух людей, которые в эту минуту висели в сверхпространстве, держась за две тонких нити электрического провода, который один только связывал их с землей.

Не могу в точности сказать, что заставило меня остаться, но думаю, что причиной было мое искреннее чувство привязанности к профессору Баннингу. Во многих отношениях он держался со мной, как отец с сыном, и для меня, никогда не знавшего родительской ласки, это уже было очень много.

Что надо действовать быстро и что я не успею никого позвать на помощь, было слишком очевидно. Легко было заметить, что провод ежесекундно может оборваться от такого чрезмерного натяжения, и уже злоеший треск предупредил меня, что один из винтов, которым арматура была привинчена к потолку, начал сдавать.

Человеку, никогда не претендовавшему на такие достоинства, как храбрость и присутствие духа, надо было сосредоточить всю свою волю, чтобы сделать то, что я сделал. Мог ли я быть уверен, что меня не постигнет какая-нибудь ужасная судьба, как только я ухвачусь за щипцы? И хватит ли у меня силы втащить этих двух людей в наше пространство или же я сам буду увлечен в вечность подобно тому, как доктор Мейер был унесен на моих глазах?

Была не была! Не имея иного выбора, я вскочил на верстак, чтобы достать рукой до щипцов. У меня хватило предусмотрительности крепко уцепиться левой рукой за кожух большого механического дрели, а другую руку я протянул к сверхщипцам.

Едва я успел ухватиться за щипцы, как выскочил последний винт арматурной розетки, и не знаю, как у меня в руке не порвались сочленения, когда натяжение всей своей силой внезапно передалось мне. Но я выдержал, и немного погодя натяжение слегка ослабело. Мне казалось, что я держу бечеву огромного змея, пущенного при очень сильном ветре. Мало-помалу все большая и большая часть щипцов становилась видимой. И хотя я вполне предвидел, что должно было произойти в следующий момент, однако и сам я почти не верил своим глазам, когда увидел отдельную человеческую руку, крепко стискивавшую рукоять щипцов и как будто висевшую в воздухе. Сначала показалась только кисть руки, потом локоть, вся правая рука, плечо, торс и часть ноги... Я продолжал медленно, но упорно тянуть щипцы к себе. Вот, наконец, и голова доктора Мейера, он весь предстал передо мной, за исключением левой руки, которая продолжала оставаться невидимой.

Через некоторое время доктору Мейеру удалось зацепить ногой тиски, привинченные к верстаку, и эта добавочная

точка опоры значительно облегчила мою напряженную мускульную работу. Вскоре мы совместными усилиями втащили в наше пространство и профессора Баннинга, которого доктор крепко держал за руку.

Нужно ли говорить, как они были рады избавлению от ожидавшей их страшной перспективы и с каким ликованием я встретил этих двух путешественников, вернувшихся из таинственной страны сверхпространства!

Я, конечно, засыпал профессора Баннинга вопросами. Он ответил мне приблизительно следующее:

— Насколько я понимаю, часть «сверхщипцов», находившаяся в пространстве четырех измерений, была подхвачена потоком космической силы, настолько мощным, что не только весь инструмент, но и я вместе с доктором Мейером были увлечены им.

Конечно, мне придется затратить некоторое время, чтобы выработать строго научное объяснение всех этих обстоятельств, но на основании некоторых данных я пришел к предположению, что как только мы для вас исчезли из глаз, мы начали терять свою способность притягивать землю. Я потому так выразился, что, как вам известно, не только каждый предмет притягивается землей, но и притягивает ее.

Мы потеряли не всю свою силу притяжения, а только часть ее. Если бы мы потеряли ее совершенно, мы под действием центробежной силы вылетели бы в пространство, как камни, брошенные гигантской пращей. Пожалуй, наше положение можно было бы сравнить с состоянием куска железа, который сначала находился прямо против полюсов магнита, а затем был отодвинут несколько в сторону, так что линии магнитных сил расположились под другими углами и сами магнитные силы стали меньше.

Через несколько секунд мы заметили, что нас медленно относит от того места, где мы покинули пространство трех измерений. Я это объясняю тем, что скорость нашего движения слегка уменьшилась, между тем как скорость движения земли была прежняя. Наши тела беспрепятственно прошли сквозь стены госпитального здания. Хотя все окружающее было нам отчетливо видно, но все наши попытки

уцепиться за трехмерные предметы не приводили ни к чему. Все видимое — на ощупь оказывалось бестелесным, как газ. Наши тела казались нам почти прозрачными, и я мог свободно просунуть себе руку сквозь грудь, не ощущая никакой боли. В то же время я обнаружил, что, схватывая доктора Мейера за руку, чтобы не разлучаться с ним, я совершенно не осязал этого прикосновения. Другой рукой доктор Мейер продолжал держать сверхщипцы. И он хорошо сделал, что не выпустил их, иначе мы никогда не вернулись бы назад.

Еще немного времени спустя, мы оказались парящими через пространство мастерской. Было ясно, что, если нас так будет относить все дальше и дальше, то вскоре мы со всем останемся висеть в пространстве, между тем как земля помчится от нас прочь с головокружительной скоростью. Вот тут-то мне и пришло в голову воспользоваться сверхщипцами, как средством к спасению. Действуя по моим указаниям, доктор Мейер уцепился щипцами за первый предмет, до которого смог достать. Это был электрический провод. Какое счастье, что вы вскоре пришли в мастерскую, — без посторонней помощи нам, по-видимому, было бы невозможно протиснуться назад в трехмерное пространство.

Все ли вам ясно и нет ли у вас еще каких-нибудь вопросов?

Последнюю фразу он неизменно произносил после каждой своей лекции перед студентами.

— Да, мне хотелось бы узнать еще одну вещь, — заявил я. — Как насчет ваших желчных камней?

— О, их теперь нет и в помине. Пока мы парили в сверхпространстве, я мог разглядеть все свое нутро, и мне эти камни были отчетливо видны. Я их все повинытаскивал собственноручно!

Питер Геблин задумчиво сидел у камина, поджидая запоздалого возвращения своего соквартиранта и приятеля, Алоизия Мориарти. Когда тот, наконец, вошел в комнату, Геблин был так погружен в свои печальные размышления, что даже не оглянулся.

В таких, надо заметить, весьма частых случаях жизнерадостный ирландец имел обыкновение приветствовать Геблина веселым «Cheero!» (здорово), сопровождаемым изрядным ударом ладонью по плечу.

Однако на этот раз ни того, ни другого не последовало.

Мориарти бросился в кресло и издал протяжный стон.

Геблин очнулся и удивленно посмотрел на столь необыкновенное зрелище.

— Что это значит, Падди? — спросил он.

Все называли Мориарти Падди*, хотя прекрасно знали его настоящее имя.

— Ах, не спрашивай, — жалобно простонал он. — Она отвергла меня, и я решил перерезать себе глотку!

Это мрачное заявление произвело необычайный эффект: как по мановению волшебного жезла, тень отчаяния исчезла с лица Геблина.

— Слава Богу, Падди! — воскликнул он горячо. — Только не надо резать себе глотку: это совершенно бесполезно. Если ты в самом деле чувствуешь необходимость лишиться себя жизни, то почему тебе не быть добрым товарищем и сперва не испробовать мой «астрагеновый жилет»?

Сердитая протестующая брань едва не вырвалась из рта Мориарти. Но, независимо от своего мрачного настроения, он обладал быстрым соображением и по натуре был оптимистом. Кроме того, он очень любил Геблина. Прежде чем выругаться, он понял точку зрения своего приятеля. Геблин был изобретателем, и его детище, так называемый «астрагеновый жилет», для него было дороже всего на свете.

* Падди—уменьшительное от Патрик — шутовское прозвище ирландцев. Св. Патрик считается покровителем Ирландии (*Прим. из orig. изд.*).

— Мне все равно, Питер, — храбро согласился Мориарти. — Тот либо иной конец — одинаково хороши. Кроме того, я рад оказать тебе услугу!

Геблин поспешно вскочил с места и протянул приятелю обе руки.

— Дай мне пожать твою руку! — взволнованно воскликнул он. — Я всегда считал тебя самым лучшим своим другом! А теперь, — продолжал, он, — Расскажи мне, пожалуйста, что у тебя вышло с мисс Рейнер?

Геблин, разумеется, знал об уходе своего приятеля за Энид Рейнер, которое велось с прошлого месяца с таким усердием и настойчивостью, какую могли допустить только долгие часы занятий в конторе, ирландский темперамент и жалование в три фунта в неделю.

— Причиной всему «роллс-ройс» этого проклятого Джинджера Фидерстона, — начал Мориарти. — Джинджер — маклер, богат, как Крез. Насколько я мог заключить, он уже больше года ухаживает за ней, хоть ему давно перевалило за пятьдесят. Но что можно поделать против «роллс-ройса»?

— Ничего, — сочувственно согласился Геблин.

— Прекрасно, — продолжал Мориарти, — я отправился и нанял на целых полдня мотоциклетку с комбинированным боковым сиденьем. Это самое большее, что я мог сделать. Подъезжаю к дому Энид. Джинджеровский «роллс-ройс» стоит у дверей. Я вошел и попросил ее выйти на минуту ко мне. Она вышла. Я указал ей на мотоциклетку и сказал, что настало время сделать выбор между мной с моей коптилкой и Джинджером с его мотором. И можешь ли поверить? Она расхохоталась мне в лицо!

— Не может быть! — воскликнул изобретатель.

— Чистая правда! — торжественно подтвердил Мориарти. — Когда я сказал, что люблю ее, она дала мне совет не быть глупцом. Даже слушать не стала меня! И больше всего смеялась, когда я сказал, что ей придется оплакивать мою одинокую могилу.

— Пустяки, старина, — сказал Геблин с искренним энтузиазмом настоящего ученого, — на мой взгляд, тебе со-

вершенно незачем убивать себя, так как наш славный эксперимент принесет тебе славу и новый интерес к жизни. Тогда мисс Рейнер положит свое сердце к твоим ногам вместо того, чтобы отвергать тебя из-за мотора какого-то жирного денежного мешка.

Это последнее замечание, казалось, несколько подбодрило Мориарти.

— Жилет будет твоим добрым гением, — продолжал изобретатель, — тебе всего-навсего нужно будет подняться на аэроплане и, когда он достигнет расстояния мили от земли, прыгнуть вниз. Это как плюнуть легко. Если жилет будет действовать надлежащим образом, ты даже не заметишь, как опустишься на землю, и тогда увидишь, что цена патенту, по крайней мере, миллион! Все правительства на земном шаре будут добиваться получить его, и половина прибыли от моего открытия будет твоя!

Мориарти с сомнением покачал головой. Он не особенно верил в высокие качества астрагена, а астраген был главным основанием безопасности чудесного жилета. Астраген — газ, обладающий крайней плавучестью в воздухе, — был случайно открыт Геблином во время других опытов. Добывание его требовало много труда и больших расходов, но своей легкостью он превосходил все известные донныне тела. Так называемый «астрагеновый жилет» был сделан из эластичной газонепроницаемой материи; внутри него были скрыты два сосуда с сильно сжатой астрагеновой жидкостью. Когда один из них открывался (автоматическое открывание при известных случаях было обеспечено патентованным механизмом), жидкость мгновенно обращалась в газ, и жилет раздувался, как баллон. Таким образом, он приобретал значение воздушного спасательного круга и практически должен был сделаться незаменимым предметом для летчиков, альпийских охотников и других отважных искателей приключений, которым грозит опасность падения с больших высот.

Если скорость падения сразу не уменьшалась, то автоматически открывался второй сосуд и доставлял добавочное сопротивление земному притяжению, так что немедлен-

но появлялась полная способность держаться в воздухе.

—А если газ не будет действовать или лопнет жилет? — задал вопрос Мориарти, когда Геблин описывал ему этот приятный процесс автоспасения.

—Мы и думать не должны о таких вещах! — убежденно сказал изобретатель.

Хотя Мориарти, как мы уже упоминали, был большим оптимистом, однако в течение нескольких последующих дней ему пришлось пережить немало терзаний.

Аэропланские фабрики и аэроклубы, к которым он обратился за необходимой помощью и сотрудничеством, отказались рассматривать его предложение серьезно. В некоторых местах ему задавали насмешливые вопросы.

—Предположим, что аэроплан турманом полетит вниз, — сказал один из экспертов. — Что толку в вашем жилете будет для авиатора, пристегнутого ремнями к сидению?

Мориарти продемонстрировал, как жилет автоматически наполнится газом, когда наступит момент неизбежной опасности, и как в то же время автоматически расстегнутся патентованные ремни, устроенные согласно всем известному принципу безопасных стремян. Он подробно объяснил значение дополнительного флакона с астрагеновой жидкостью. Все действовало автоматически, едва обладатель жилета попадал в критическое положение. Однако, несмотря на эти заверения, эксперты все до одного насмешливо отнеслись к изобретению.

Наконец, на восьмой день поисков, находясь в состоянии, близком к помешательству, Мориарти явился на последний аэродром. Неудачи сильно подорвали его оптимизм.

—В чем беда, сынок? — спросил директор аэродрома, заметив выражение отчаяния на лице посетителя.

Мориарти изложил свое предложение.

—Ничего не могу сделать, — решительно сказал директор, — если вы хотите испытать ваш божественный жилет, вам придется играть всю комедию одному. Мы не можем посылать наших людей на заведомое убийство!

Ирландец, будучи незнаком с авиаторским искусством, просил, чтобы ему дали возможность в качестве пассажира

подняться на аэроплане, управляемом каким-нибудь искусным пилотом, и прыгнуть вниз, когда аппарат достигнет достаточной высоты.

— Я не умею управлять аэропланом, — говорил он американцу. — Ведь это прямо позор! Иметь такое важное изобретение и в то же время не иметь возможности продемонстрировать его! И только из-за того, что все боятся помочь устроить испытание!

Директор откусил кончик зеленой сигары и далеко отплюнул его.

— Вот что, сынок, — сказал он, — у нас есть машина, которую я уже давно собирался выбросить в сорную кучу. Она наверняка перевернется прежде, чем подымется на десяток тысяч футов. Но ведь это значительно больше, чем вам требуется. Если хотите, я отдам вам эту машину в наем за шесть пенсов в неделю. Это очень хорошее предложение, — дружески продолжал американец, заметив, вопреки своему ожиданию, что его предложение не вызвало особенной радости со стороны Мориарти. — Конечно, аппарат неизбежно поломается, но он успеет подняться на такую высоту, что от вас останется только грязное пятно, когда вы упадете на землю, если, конечно, ваш жилет не совершит чуда.

Мориарти поспешил выразить свою самую горячую благодарность этому доброму самаритянину.

— Не благодарите, сынок, — весело прервал его последний. — Мы сделаем объявление и выручим от зрителей больше, чем стоит эта мышеловка. Только придется в ней кое-что починить. Послезавтра все будет готово, и вы можете лететь на ней до тех пор, пока она не лопнет!

Мориарти согласился на эту короткую отсрочку. Закончив предварительные приготовления к своему похожему на самоубийство предприятию, он решил увидеться с виновницей своего отчаяния.

Мисс Рейнер была дома.

— Я пришел проститься с вами, Энид, — сказал он. — Я не прошу вас оплакивать мою судьбу. Я только желаю, чтобы вы всегда помнили, что я любил вас и из-за вас погиб.

Он вкратце рассказал ей все подробности своего проекта испытания геблиновского жилета.

Энид Рейнер внимательно слушала, пристально глядя на ирландца. Но, к великому его разочарованию, ее глаза не наполнились слезами. Напротив, они засверкали.

— Вы удивительный чудак, Падди! — сказала она. — Правда, я никогда не ожидала от вас таких вещей. Знаете что? К чему вам упускать такой исключительный случай получить целое состояние от кинематографических фирм, предоставив им право снять вас в этом жилете?

Мориарти заскрежетал зубами.

— Ой, ради Бога, не скрипите так страшно, Падди! — попросила мисс Энид. — Мне кажется, что я совершенно права. Ведь это будет гораздо забавнее Чарли Чаплина. Я бы дорого заплатила, чтобы посмотреть на вас!

Мориарти поднялся со своего места и тяжело вздохнул.

— Прощайте, Энид, — сказал он. — Я вижу, бесполезно говорить с вами! Но помните, что я всегда любил вас! Прощайте.

Схватив свой зонтик и перчатки, он быстро вышел на шумную улицу.

Но весь обратный путь его настойчиво преследовали слова мисс Рейнер. Она может быть бессердечна, но безусловно, она в той же мере обладает практическим умом, сколько и красотой. Идея фильма — совсем неплохая идея. Не каждый день молодые люди, в полном расцвете сил, взвиваются на ветхих аэропланах в обширное пространство эфира и доверяют безопасность своего возвращения на землю «астратегеновым жилетам»!

Насколько ему известно, до сих пор еще не было подобных экспериментов. Будет ли предприятие с научной точки зрения успешно или нет — при всяком исходе для кинематографической съемки представлялся неоценимый случай. Чем больше он думал, тем тверже становилось его убеждение, что на этом можно заработать целую кучу денег. Укрепившись в этой мысли, он отыскал самую крупную в Лондоне кинокомпанию и вкратце изложил свой проект, выпустив, разумеется, романтическую подкладку этого рис-

кованного предприятия. Директор кинемо вначале счел его за сумасшедшего. Но он весь превратился во внимание, когда Мориарти показал ему жилет и копию соглашения с администрацией аэродрома. Бросив быстрый взгляд на последнюю, он поднялся и благосклонно улыбнулся своему посетителю.

— Не сделаете ли вы мне честь разделить со мной завтрак, сэр? — любезно предложил он. — Мне кажется, что за маленькой бутылочкой мы лучше всего можем обсудить дело.

Они позавтракали вместе. Директор кинемо оказался джентльменом. Он прямо высказал, что такая фильма сулит исключительные барыши, и тут же подписал договор на исключительное право, по которому ирландец обеспечивался довольно круглой суммой.

Кинематографические фирмы умеют хорошо рекламировать свои предприятия. Когда два дня спустя Мориарти направлялся на аэродром, за ним следовала вереница самых искусных операторов кинемокомпаний и целая армия репортеров.

Геблин, конечно, сопровождал его и аккуратно приладил жилет, когда Мориарти занял место на ветхом моноплане, пожертвованном администрацией аэродрома. Акционеры кинемокомпаний, боясь потерпеть убытки от договора, заключенного директором, в самый последний момент пытались уговорить ирландца бросить свою опасную затею.

— Мой дорогой друг, — говорил один из них, — эта проклятая машина наверное расколется, прежде чем подыдется на полмили. Ведь это форменное самоубийство! Мы просим вас, бросьте эту безумную попытку!

Но Мориарти отрицательно покачал головой. Страх покинул его. Кроме того, отступить было поздно. Геблин следил за ним, как коршун за добычей. Утренние газеты напечатали громкие отчеты о смелом проекте, и Мориарти знал, что Энид Рейнер, прочтя один из них, поспешит на место действия. Оставалось одно: лететь и — либо совершить чудо, либо погибнуть. Он занял свое место. Помощники, искаса поглядывая на него, пустили в ход мотор. Мориарти, по-

винуясь полученным указаниям, дернул один рычаг и нажал другой. Моноплан быстро помчался вперед и взвился к небу.

В тот момент, когда колеса аппарата оставили землю, ирландец почувствовал, что уже находится на половине дороги в рай. Он летел все вверх и вверх, перестав отдавать себе отчет в пространстве и времени. Вокруг него реяли бипланы с операторами кинематографии.

Мориарти понятия не имел о том, как он выпрыгнет из своей машины, когда настанет критический момент; но это его ничуть не беспокоило.

Вдруг что-то треснуло...

Прежде, чем он успел дернуть или нажать — согласно полученным внизу указаниям — тот или иной рычаг, аппарат нырнул носом, перевернулся в воздухе и разломился пополам.

Безопасные ремни действовали в совершенстве. Мориарти стремглав полетел вниз рядом с вертящимися остатками своей машины.

В первые моменты он испытывал ощущение стрелы, пущенной из лука. Ветер шумел в его ушах. Он удивлялся, как много времени отделяет его от вечности, так как каждая секунда ему казалась целым столетием. Внезапно шум воздуха прекратился. Жилет раздулся до чрезвычайности, широко оттопырив ирландцу руки. Затем последовало колебание, завертевшее его кругом, во время которого ему представился случай бросить взгляд на землю. Внизу шумела огромная толпа жестикулирующих зрителей, переполнивших аэродром.

Астраген начал свою работу, но Мориарти опасался, что газ слишком поздно пришел к нему на помощь, и подумал, что будет, если придется упасть в самую гущу зрителей? Справа послышался странный звук, похожий на карканье грачей. Оглянувшись с большим трудом, ирландец увидел аэроплан с оператором, который, как сумасшедший, вертел ручку своего съемочного аппарата. Чем ниже спускался Мориарти, тем более замедлялась скорость падения. Перекувырнувшись еще раз, он увидел под собой аэродром на расстоянии не более ста футов. Ему показалось, что он падает со скоростью миллиона миль в секунду. Он зажмурил глаза и, будучи истинным оптимистом, надеялся на самое лучшее. Вдруг раздался какой-то треск и звук разбитого стекла...

Мориарти с любопытством открыл глаза: он оказался на крыше оранжереи, стоявшей на южном конце аэродрома. Но толчок освободил газ из запасного флякона, и жилет, получив способность парить в воздухе, понес ирландца прямо к звездам! В первый момент он был совершенно ошеломлен...

Вдруг между ним и небом мелькнула какая-то огромная

ть, и снова поблизости послышался шум, похожий на карканье грачей.

Стараясь обернуться и посмотреть на своего преследователя, Мориарти услышал окликавший его человеческий голос, ставший тонким, пронзительным благодаря разреженной атмосфере.

— Великолепно, старина! — пищал он. — Только ради Бога, старайтесь задержаться подольше!

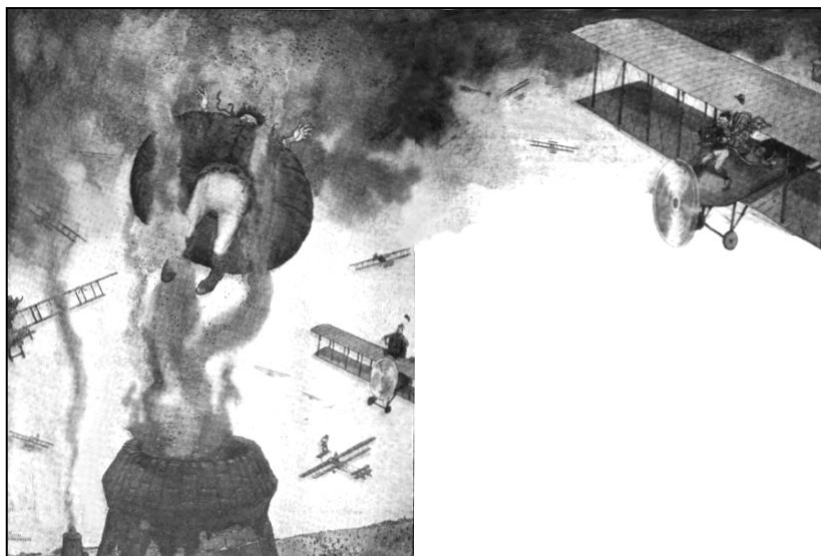
Мориарти дышал с трудом. Он бешено напрягал все силы, точно приколотый майский жук, тщетно стараясь повернуться в ту или другую сторону. Тяжесть ног удерживала его в вертикальном направлении, вздувшийся жилет широко оттопыривал руки. Голова кругом была закрыта краями раздутого жилета, так что перед ирландцем открывалось весьма небольшое поле зрения, направленное в ту сторону, куда он поворачивался головой. Между тем, поднялся легкий ветер и понес его прямо на высокую фабричную трубу, о которую, казалось, он должен был неминуемо разбиться насмерть.

Он начал прилагать бешеные усилия, чтобы миновать трубу, в то время как зрители внизу, не понимая трагического характера его маневров, испускали ликующие крики. В то время, когда смерть казалась почти неизбежной, ветер поднял его на несколько футов вверх. Вместо того, чтобы попасть прямо в середину огромной трубы, Мориарти лишь слегка коснулся ее края и тотчас же был охвачен и полугадушен черными сернистыми парами, вырывавшимися из недр фабричной трубы.

За этими черными облаками носились на аэропланах отважные кинемооператоры, жадно ловя добычу в фокус своих аппаратов. Прохладный ветерок скоро вынес ирландца из области дыма, и при его появлении целый хор веселых восклицаний толпы слабо донесся снизу. Это обстоятельство привело в порядок мыслительные способности аэронавта и несколько успокоило его.

Но ненадолго.

Верчение волчком теперь прекратилось, и он увидел, что астраген по силе сопротивления земному притяжению

далеко превзошел все ожидания Геблина. Медленно, но верно жилет уносил ирландца прямо к звездам.

Хотя он и был готов на самоубийство для блага науки и своего друга, все же слишком продолжительная агония не входила в его расчеты. Мысль, что ему придется носиться в самых верхних областях атмосферы и, в конце концов, погибнуть от голода и истощения, пришлось ему далеко не по вкусу.

Его ум начал усиленно работать. Он вспомнил, что в кармане его настоящего, не «астрагенового», жилета есть перочинный ножик. Нельзя ли достать это орудие, открыть его и, прорезав в этой воздушной тюрьме маленькое отверстие и постепенно выпуская газ, спуститься на землю? Тогда «роллс-ройс» станет действительностью, а с ним, быть может, и Энид! Вся задача заключалась в том, как достать нож. С большим трудом ирландцу удалось вытащить одну руку из отверстия патентованного жилета. Носящийся вокруг оператор, не понимая причины этих усилий, сильно зааплодировал ему. Мориарти снова просунул руку с крепко зажатым в ней ножом в отверстие жилета. Лезвие было закрыто и вновь потребовались большие усилия, чтобы открыть его. Через минуту сталь ярко блеснула на солнце. Но

тщетно старался ирландец найти уязвимое место в оболочке своей воздушной тюрьмы. Крик досады вырвался из его горла.

— Открывайте рот широко, когда кричите! — весело заорал съемщик, вызывая этим новые конвульсии своей жертвы.

Хотя на этой высоте была довольно низкая температура, пот градом катился с лица Мориарти. Тщетно трудился он! Тупое лезвие ножа было бессильно проколоть эластичную материю. Он трижды перевернулся в воздухе в бешеном стремлении добиться успеха.

— Не останавливайтесь, старина! Продолжайте, продолжайте! — беспрерывно горланил фотограф, лицо которого было преисполнено высшего профессионального экстаза. — Еще сальто-мортале! Великолепно! У меня осталось для вас целых шестьсот футов фильма!

Глаза его были готовы выпрыгнуть из орбит от восхищения.

— Осторожней, осторожней! Не пересолите слишком в игре с ножом!

Особенно яростный удар встревожил оператора. Он знал, что побивает величайший фильмвый рекорд во всей истории кинематографии. Он также знал, что если Мориарти преждевременно сделает дыру в патентованном жилете, зрелище быстро окончится и целых полтысячи футов фильма останутся незаполненными. Но его совет целиком пропал для ирландца, который, будучи охвачен припадком крайнего отчаяния, поднял нож высоко над головой и что было сил опустил его на вздутую грудь жилета. Нож глубоко вдавил материю, не причинив ей никакого вреда.

— Браво, браво! — вопил оператор.

Мориарти обругал его идиотом и закрыл глаза, зная, что теперь ничто не задержит его на пути к звездам.

Минуты казались вечностью. Он ничего не слышал, кроме шума аэроплана и стрекотания фотографического аппарата.

Снова голос сверху окликнул его:

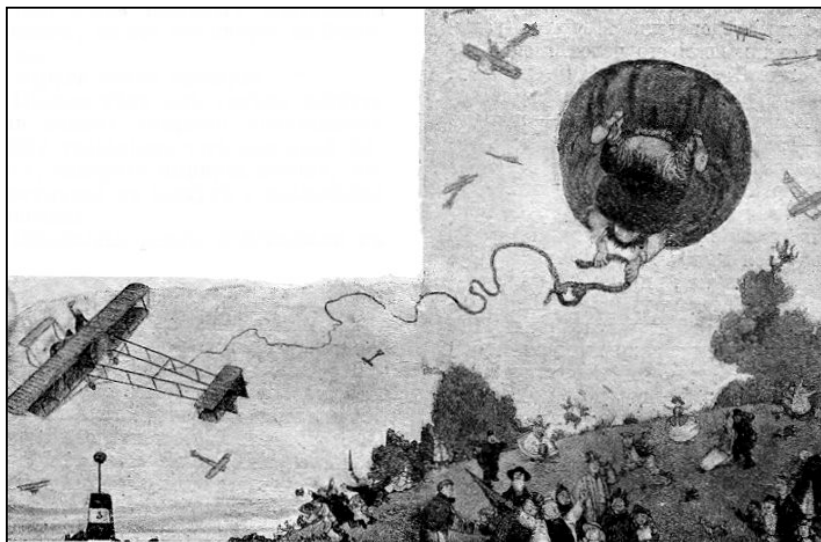
— Почти готово, сынок! Осталась всего сотня футов. Я

дам сигнал вниз другим, Джонни, чтобы они поднялись сюда за вами!

Эти слова не дошли до сознания Мориарти. Он перестал заботиться о земном. Он направлялся туда, где нет ни автомобилей, ни Энид Рейнер...

Мурлыча, как чудовищные коты, с аэродрома поднялись три биплана, приготовленные на всякий случай предусмотрительным директором.

Мориарти услышал вблизи себя гудение пропеллеров и веселые крики пилотов и открыл глаза. Конец веревки, опущенной с одного из аппаратов, скользнул по краю жилета.

— Ловите, старина! — закричал голос сверху. — Хватайтесь за крюк и мы отбуксируем вас на землю!

Что-то задело ирландца; он ухватился за железный крюк. — Держитесь крепче! — кричали с аэроплана.

Мориарти сжимал в руках спасительный крюк буквально как утопающий, ухватившийся за соломинку.

Биплан исчез из его поля зрения, и он почувствовал, что переворачивается головой вниз.

Внезапно поверхность земли открылась перед его глазами; благодетельный биплан тащил его на буксире обратно к друзьям на землю!

Через три минуты Мориарти, крепко привязанный для безопасности, стоял в воздухе в 20 дюймах от земли, между тем как аэродромные рабочие осторожно освобождали его от чрезмерно раздувшегося жилета.

Питер Геблин прерывающимся от радости голосом, почти всхлипывая, выражал свои поздравления.

— Половина твоя, милый Падди, — лепетал он, — ведь это целые миллионы!

Но директор кинемокомпании был человеком дела, далеким в своей философии от всяких сентиментальностей.

— Свет завоеван! — коротко сказал он, пожимая лодыжку ноги ирландца за неимением возможности достать его руку. — Чарли Чаплин теперь далеко позади!

Мориарти застенчиво улыбнулся. Он видел, что его покушение на самоубийство не достигло цели.

— Вот, — продолжал директор, — чек, обещанный мной — плата за исключительное право.

Ряд лимузинов и других предвестников радости открылся перед глазами ирландца, лишь только его ноги коснулись твердой земли и пальцы зажали драгоценный клочок бумаги. В то же самое время из-за окружавшей его небольшой толпы раздалось радостное восклицание:

— Ура, Падди, ура!

Бросив взгляд через головы ближайших зрителей, он увидел Энид Рейнер, приветливо машущую ему рукой.

Мориарти наскоро поблагодарил улыбающегося директора кинемокомпании и направился к ней.

— Я во всю свою жизнь столько не смеялась, Падди, — весело говорила Энид Рейнер. — Вы самый забавный человек на свете. Я не предполагала, что у вас такие таланты!

Мориарти взял ее протянутую руку.

— В эту блаженную минуту, — сказал он, — я решил купить «роллс-ройс» и хочу, чтобы вы помогли мне сделать выбор.

Краска вспыхнула на щеках мисс Рейнер, и ирландец

почувствовал легкую дрожь ее маленькой руки.

Глаза их встретились и... мисс Рейнер ощутила на своей щеке поцелуй м-ра Мориарти.

Щелк!

— Готово, сынок!

Оператор со своим аппаратом в руках стоял, покачиваясь на перекладине только что спустившегося аэроплана.

— За всю мою жизнь это самый лучший конец самой лучшей фильма!

АдгэРҮ Өадитз

උපරි සඳහන් කරුණු අනුකූලව පිළිගනිමු.

Жил я тогда в Риме, посвятив свой досуг изучению этого города пап и цезарей, неустанно роясь в пыли воспоминаний, покрывающей вековыми слоями этот прославленный уголок земли. Суровая красота республиканского Рима, пурпурная пышность Рима императоров, непостижимое искусство Микеланджело и Рафаэля что ни день возбуждали во мне новый энтузиазм. Я дошел до того, что не мог уже представить, как можно жить с иными ощущениями в стране, где двадцатый век тщетно пытается заслонить от нас великое прошлое.

Единственно, что заставляло меня возвращаться к действительности, были новые издания, которые я ежемесячно получал от моего парижского книгопродавца.

Охотнее всего я выбирал для чтения какую-нибудь тенистую аллею Пинчио, а особенно Палатин, этот *Roma quadrata* первых цезарей, увенчанный руинами императорских дворцов. Я располагался там в уединении среди кипарисов и красных роз, наполняющих благоуханием сады Фарнезе.

Вскоре я заметил, что, кроме меня, еще один человек постоянно посещает те же места. Это был старик с лицом ученого, который ежедневно поднимался на холм, тяжело опираясь на палку, и просиживал часами на одной из разбитых колонн, оставшихся от терм Ливии. Встречаясь почти каждый день, мы стали обмениваться поклонами.

Грустный вид моего компаньона, горькая улыбка на его губах, странная неподвижность взгляда выдавали затаенное горе.

Без сомнения, не любовь к древностям и не поиски эстетических наслаждений приводили его к этим руинам. Тело и душа его были одинаково надломлены. Он сам казался развалиной, которую по закону избирательного сродства притягивают к себе развалины. Обычно он оставался там до самого вечера, машинально играя своей палкой.

Заинтересовавшись этим стариком, я воспользовался пер-

вым удобным случаем завязать с ним знакомство. Не скажу, чтобы наши разговоры были очень оживленны. Синьор Баццоли, так звали старика, не отличался многословием; он никогда не говорил о себе; и если разговор все же поддерживался, то исключительно благодаря моей юношеской восторженности. Однако по некоторым замечаниям, выдававшим необыкновенную эрудицию, я разгадал в нем человека большого ума.

II

В то утро только я успел пожать ему руку, как был озадачен его странным поступком: Баццоли грубо и резко вырвал у меня книгу, заглавие которой бросилось ему в глаза, и потом лишь спросил, охваченный непонятным волнением:

— Вы дадите мне ее прочесть?

Это был роман Герберта Уэллса «Машина времени».

Я взглянул на Баццоли. От лица его отхлынула кровь, пальцы дрожали.

— Охотно, — ответил я.

Присев на колонну, он с жадностью перелистал несколько десятков страниц. Затем его любопытство стало заметно угасать.

— Да, — сказал он необычным голосом, возвращая мне книгу. — Это чистая фантазия. Но все-таки, какое совпадение!..

И он задумался, склонив седую голову на руки. Можно было предположить, что чтение растревожило старую рану, пробудило печальные воспоминания... Я сам только что успел прочитать этот фантастический роман с научной подоплекой и не нашел в нем ничего волнующего. Точно так же я не видел причин для волнения синьора Баццоли.

— Что с вами, сударь? — воскликнул я. — Скажите мне, что случилось? Хоть это и гениальная выдумка, но не могла же она вас так взбудоражить! Предположение, что время есть четвертое измерение пространства и что с помо-

щью особой машины можно путешествовать по времени: присутствовать, например, при крещении Хлодвиг или при последних часах нашей планеты, — это фантазия, и только...

Видно было, что старик колеблется. Затем под влиянием охвативших его чувств он решился, наконец, на откровенность.

— Воображение иногда дает возможность предсказывать, — сказал он. — Гипотеза Уэллса не фантазия, «машина времени» была действительно построена.

— Что! Кем?

— Мной!

— Вами? Но это же абсурд... Простите меня! Выходит, что вы изобрели способ перемещаться во времени, как по обыкновенной дороге?

— Вам это кажется нелепостью, но это правда... к несчастью для меня. Вот уже сорок лет, как машина изобретена.

Я с сожалением смотрел на своего собеседника.

— Нет, — резко сказал он, — я не сумасшедший, хотя тут и нетрудно дойти до сумасшествия. Если в этом романе есть верная мысль, почему же вы находите странным, что я мог ее осуществить? А если это только сплошной абсурд, то почему же вы называете автора гениальным?

— Романист — фантазер, который вовсе не обязан держаться в границах возможного.

— И вы думаете, что мысль, постижимая для нашего разума, не может быть воплощена в жизнь? Нет, тысячу раз нет! Постигнуть идею — значит доказать, что она не абсурдна, а тем самым, что между идеей и ее осуществлением нет ничего, кроме практических затруднений. Эти затруднения мне были известны; и каковы бы они ни были, я справился с ними и достиг успеха... на свое несчастье! — горько прибавил старик, снова впадая в меланхолию.

Меня изумил его решительный тон. С кем же, наконец, я имел дело? На какое несчастье он намекал?

Спросить его об этом я не решился.

Но он сам, чувствуя себя связанным своей полуоткровенностью, пригласил меня к себе. Жил он в невзрачном

доме в нескольких шагах от Форума. По знаку Баццоли я спустился за ним в глубокий сводчатый подвал, по-видимому, древней кладки, который он превратил в свою лабораторию. Об этом можно было судить по рядам полок, прогнувшихся под тяжестью книг, по всевозможным инструментам, сосудам и причудливым приборам, разбросанным в хаотическом беспорядке. Масса паутины, неприятный запах плесени позволили заключить, что уже много лет эта комната покинута и работы ученого прерваны.

— У меня такое чувство, будто я спустился в могилу! — пробормотал я.

— Это и есть могила, — медленно произнес старик. — Здесь два трупа...

Непроизвольно я отпрянул к двери, но Баццоли удержал меня.

— Два трупа, — повторил он. — Но, так как все здесь необыкновенно, то и они невидимы. Вот! — И он показал мне пустое место посреди подвала. — Вот куда я поставил машину. Она, по всей вероятности, еще здесь. В этом пространстве, но не в нашем времени. А с ней и оба моих бедных мальчика...

Старик опустился на колени и поцеловал землю. В этой безмолвной скорби я угадывал ужасную драму.

— Если хотите посмотреть, вот чертеж моей проклятой машины, — сказал он, указывая пальцем.

Я увидел на стене рамку с каким-то сложным чертежом, в котором, однако, ничего не понял. Мне казалось, что я различаю нечто вроде кузова без колес, с неясными обводами, на каком-то странном, неопределенном основании.

— У меня было два сына-близнеца двенадцати лет... Мать умерла... Умерла от горя и тоски, потому что наука — безжалостная, безраздельная владычица — заставила меня забыть ради нее обо всем на свете, забыть обязанности, связанные с семьей. Все мои помыслы были сосредоточены на машине, которую я тогда изобретал, и ни для чего другого в голове моей места не оставалось. Никто не занимался воспитанием моих детей, которые в двенадцать лет едва умели читать и писать. Похоронив мою бедную жену, я

жил один в глубине этого подвала, упорно работая над проблемой передвижения во времени. И вот, наконец, настал день, когда задача была решена. Этот горн, эти инструменты и препараты помогли мне построить орудие моей пытки; и, когда машина была кончена, я не мог на нее наравдаться. Ах, молодой человек, бог не прощает тех, кто переделывает его законы! В исступлении я бегал по улицам города, чувствуя себя величайшим в мире гением, большим, нежели сам Цезарь или Христофор Колумб. Властелин времени, я изобрел вечность... Вечером, вернувшись домой, я вдруг открыл в своем сердце неведомый мне прежде уголок: отеческие чувства. Я спросил о детях.

Ответ служанки заставил меня содрогнуться: «Они спустились в лабораторию!»

Задыхаясь от ужаса, я опрометью сбежал по лестнице. Опыненный своим грандиозным успехом, я оставил полуоткрытой эту дверь, которую всегда тщательно запираю. И когда я очутился в лаборатории, машины там не было...

— А... дети?..

— Исчезли вместе с ней. Несомненно, они уселись на сиденье и неосторожным движением пустили в ход механизм!

Губы старика побелели, и я должен был поддержать его. Мысль о безумии подтверждалась. Очевидно, машина существовала только в воображении несчастного отца, рассудок которого был потрясен одновременной смертью детей, происшедшей неожиданно, но при естественных обстоятельствах. Мыслимо ли, чтоб здесь, в этом пустом пространстве, была какая-то повозка, способная путешествовать во времени?

— Я вижу, вы мне не верите, — продолжал Баццоли. — Повторяю: мои дети исчезли вместе с машиной. В этом подвале только один вход. Нет никакой возможности выйти отсюда другим путем. История исчезновения моих сыновей наделала много шума. Меня привыкли считать чудачком, занятым какими-то странными опытами. И так как я избегал общества, вокруг моего имени создавались легенды. Ничего нет удивительного, что молва осудила меня как убийцу своих детей, и я был арестован.

Мой необыкновенный процесс сделался сенсационным. Я плакал перед судьями, ничего от них не утаивая, но, конечно, мне не поверили. И так как не удавалось найти вещественных следов злодеяния, а мой фантастический рассказ, по мнению профанов, мог только подтвердить душевное расстройство, меня перевели из тюрьмы в дом умалишенных. Там мой рассудок подвергся жестокому испытанию; и если я его выдержал, то только благодаря моей энергии. Я знал, что смогу вернуться в свой дом, к невидимой могиле моих сыновей, только одним способом — если приворюсь, что ничего не помню, если внушу моим тюремщикам, что избавился от навязчивых идей. Тогда меня признают здоровым и выпустят на свободу. Так и случилось. Меня вернули к моему уединенному очагу, где я и живу с тех пор в мире с мертвыми...

Этот рассказ — увы! — не рассеял моих сомнений. Передо мной был случай неизлечимого помешательства. Бороться с безумием? Убеждать душевнобольного? Это было выше моих сил. Я попытался лишь облегчить своим участием последние дни несчастного.

— Вам нельзя не верить, — сказал я. — Но откуда вы знаете, что ваши дети умерли?

— Жестокая шутка! Какая же иная участь ждала моих сыновей, унесенных машиной через века и тысячелетия?

— Будем рассуждать здраво. Двенадцатилетние мальчики нечаянно пустили машину в ход. Легко вообразить их ужас и удивление; они видели, как вокруг них все изменилось, стены рушились, поля и леса сменили крохотную четырехугольную лабораторию отца. Допустим, что они пронесли таким образом через целые века. Но ведь они были далеко не младенцами, чтобы не попытаться искать средства спасения. Трогая то один, то другой рычаг, рано или поздно они должны были натолкнуться на тормоз. Машина остановилась — и теперь они, наверно, ждут в какой-нибудь неизвестной нам эпохе, и надо признать вполне возможным...

— Что я смогу присоединиться к ним?

— Безусловно! Ведь у вас сохранились чертежи!

— Вздорная мысль! Вы хотите, чтобы я по прошествии сорока лет искал своих сыновей, потерянных в пространстве, пусть даже и ограниченном пределами земного шара? Что же тогда говорить о неизмеримой бездне времени, которую надо было бы обыскать год за годом, день за днем, начиная от эпохи зарождения жизни и кончая ее гибелью? Нет, даже соглашаясь с вашими утешительными доводами, признавая даже, что оба юных путешественника во времени счастливо остановились в пути, не встретив какого-нибудь смертельного препятствия; предполагая затем, что их пощадили болезни, резкая перемена условий существования, к которым они не были приспособлены; допуская, наконец, что люди или хищные звери не помешали им вырасти и стать мужчинами, — все-таки они для меня навсегда потеряны!..

Баццоли снова упал на колени.

Есть нечто еще более ужасное, чем бред сумасшедшего, — это помешательство при полном сознании...

III

И все же, как мне показалось, я пробудил надежду в душе несчастного отца.

С этой мыслью я уехал из Рима во Францию, куда меня призывала моя семья.

Через несколько месяцев я снова был уже в Риме и первым своим долгом счел навестить Баццоли.

Я оставил его в таком состоянии, что приготовился к самому худшему. Но он был еще жив, что, впрочем, едва ли было лучше. Зимой он перенес тяжелую болезнь, едва не сведшую его в могилу. Не в силах подняться с постели, он велел перенести себя вместе со своим ложем в лабораторию, которую с тех пор не покидал.

— Вы понимаете, — сказал он, узнав меня, — я не хочу умереть, не увидев еще раз своих сыновей. Я буду ждать их до последней минуты. Но... они опаздывают...

Изможденный, с запавшими глазами, тяжелым и хриплым дыханием, он доживал, казалось, последние дни. Одна лишь безумная надежда поддерживала еще умирающего.

— Как ваши работы?

— Посмотрите, — ответил старик.

В центре подвала была установлена согнутая в виде подковы полоса из какого-то твердого сплава, соединенная проводами с целой системой катушек и магнитов. Считая своих сыновей заблудившимися во времени, он воображал, что изобрел средство остановить их на пути.

— Вы уверены, что вам это удастся?

— Опыт пока еще не подтвердил моих вычислений, но мне кажется, они безошибочны. Машина, двигаясь с умеренной скоростью по времени, должна, встретив препятствие, остановиться без резкого толчка, постепенно замедляя ход. Ведь мой аппарат вовсе не притягивает сразу, как вы могли предположить. Я сконструировал своего рода тормоз, являющийся источником ретропульсивной силы. Если машина войдет в сферу влияния аппарата, то при постепенном замедлении хода можно будет заметить путешественников за несколько мгновений до остановки...

С этими словами, закашлявшись, Баццоли упал на подушку. Припадок продолжался довольно долго; наконец дыхание восстановилось, но кашель довел его до полного изнеможения.

— Это безумие! — вскричал я. — Такому больному, как вы, нельзя оставаться в сыром подвале, без свежего воздуха.

— Да, я и сам чувствую, что убиваю себя, — пробормотал он. — Но мне необходимо быть здесь... на посту. Там, наверху, у меня не хватит выдержки. Ведь я увижу их, может быть, только одно мгновение... перед смертью.

— Вот что, — ответил я. — Мое пребывание в Риме ничем не ограничено, а ваша библиотека достаточно богата. Я готов остаться здесь сторожить вместо вас.

Я предложил эту жертву в минуту острого сострадания, и, прежде чем успел одуматься, старик с благодарностью схватил мою руку.

— Вы действительно готовы мне помочь?

Я кивнул головой. В конце концов, мне придется поде-
журить всего несколько дней: смерть к нему приближа-
лась...

Мы условились с Баццولي, что он перейдет в верхнюю
комнату, а в мое распоряжение оставит лабораторию.

Я постарался устроиться как можно лучше. В библио-
теке ученого оказалось много редких книг, которые хотя и
пострадали от сырости, но не стали от этого менее интерес-
ными. Читал я с таким упоением, что испуганно вздраги-
вал, когда служанка Баццولي по приказанию своего хозяи-
на раз десять на день стучалась в дверь, спрашивая, не про-
изошло ли чего-нибудь и нет ли у меня новостей.

IV

Нет, ничего не происходило. И однако же одиночество,
чтение старинных книг, безмолвие этого склепа, тени, ко-
торые отбрасывала лампа во время моего ночного бодрст-
вования, довели меня до того, что я стал поддаваться на-
вязчивым идеям Баццولي. Я смотрел на странный аппарат
и начал привыкать к мысли, что с минуты на минуту там
действительно кто-нибудь покажется.

Однажды вечером, на десятый день моего доброволь-
ного заточения, я декламировал вслух стихи Данте:

Едва ко мне вернулся ясный разум,
Который был не в силах устоять
Пред горестным виденьем и рассказом, —
Уже средь новых пыток я опять...*

Читая стихи, я неотступно глядел на тревожившую мое вооб-
ражение металлическую конструкцию, в которой ничего

* Данте, Ад, песнь шестая. Пер. М. Лозинского.

не мог усмотреть, кроме хаотического сцепления деталей. И вдруг... Я оторопел. И сейчас меня бросает в дрожь при одном воспоминании о пережитом. Я видел перед собой как бы бледную тень человеческой фигуры, призрачную и бестелесную. Я призвал на помощь все свое самообладание при виде этого призрака, вызванного страхом. Но, несмотря на все мои усилия, видение не исчезало. Оно делалось все определеннее и приняло наконец форму тела; я успел уже различить вооруженного воина в шлеме, как вдруг под сводами подвала раздался страшный удар, затем дикий крик, посыпались молнии, полетели осколки, один из которых ударил меня в грудь, а другой разбил и потушил лампу. Я очутился на полу, оглушенный, в непроглядной темноте склепа...

Несколько минут я не смел двинуться, дрожа от страха, покрываясь холодным потом.

Потом я прислушался. В тишине можно было явственно различить два дыхания — мое и чье-то другое, оба частые и прерывистые... Это могло свести с ума...

Толстые стены подземелья не доносили никаких звуков извне. Звать на помощь было бесполезно. Рассчитывать приходилось только на свои силы. Ничего не могло быть страшнее этой тишины и этой темноты. Наконец я решился: неуверенно протянув руку за спичками, нащупал коробок. Блеснул свет.

На каменном полу среди обломков лежал человек с закрытыми глазами, оглушенный взрывом; он был громадного роста, с грубым лицом и густой черной бородой. Очевидно, как это ни удивительно, передо мной был не кто иной, как один из сыновей Баццоли, возвратившийся из странствований во времени.

Это заключение придало мне мужества. Я осмелился зажечь свечу, утешаясь мыслью, что это такой же человек, как и я, и вдобавок человек страдающий. Когда я смочил ему виски мокрой салфеткой, он открыл глаза и произнес несколько слов на непонятном языке, в котором я уловил определенное сходство с итальянским.

— Кто вы? — спросил я, осмелев.

Он посмотрел на меня с удивлением. Потом повторил те же слова, недоверчиво озираясь по сторонам и с таким напряженным видом, будто мучительно старался что-то вспомнить.

— А! А!.. — сказал он вдруг, просветлев. — Рома... Рома... — Остальное нельзя было разобрать.

Что это — имя? Имя города или его собственное? Баццоли, насколько я помню, не называл мне имен своих сыновей. И тут меня осенило: ведь на полке в библиотеке я видел старые детские книги — грамматику и арифметику.

Я схватил одну из них. На заглавном листе было имя владельца, выведенное рукой ребенка. Я громко произнес: — *Ромуальдо Баццоли!*

Человек улыбнулся, кивнул головой, потом снова закрыл глаза.

Панцирь, сделанный из медных пластинок и ослабивший удар при падении, согнулся на груди воина. Кое-как я расшнуровал его, разрезав кожаные связки и ремни. Ромуальдо инстинктивно помогал мне. Освобожденное от панциря мускулистое тело гиганта казалось онемевшим, но никаких физических повреждений, кроме сильных ушибов, не было заметно. Я помог незнакомцу приподняться и с трудом дотащил его до постели.

Устав от напряжения, я не стал приводить в порядок лабораторию, усеянную битым стеклом и обломками изогнутого металла. Здесь лежала и разбитая «машина времени» — бесформенный, почти распавшийся остов какого-то странного подобия экипажа.

Факт был налицо — ошеломительный, вопреки всяким рассуждениям открывающий изумленному взору головокружительные перспективы... Человек сумел вырваться из своей эпохи! Теперь он сможет перенестись во мглу грядущего или в далекое прошлое, едва освещенное зыбким светом истории.

Из тьмы веков вернулся вестник, который приподнимет завесу, скрывающую от нас будущее и прошедшее. Потом другие, без сомнения, последуют его примеру и будут странствовать по неведомым путям времени! Отныне нет

более ни прошлого, ни будущего. Похитив у бога настоящее, человек сможет теперь перейти из времени в вечность!..

Так закончилась эта памятная ночь.

Беспредельные мечты уносили меня из подземной лаборатории в туманные дали Неизведанного. Задыхаясь под тесными сводами, я с облегчением увидел через замочную скважину розовеющую зарю нового дня как раз в ту минуту, когда утасла догоревшая свеча.

Следовало предупредить отца. Убедившись, что Ромуальдо все еще спит, я тихонько вышел, заперев за собой дверь на ключ, и поднялся в комнату Баццоли. При моем появлении он оторвал голову от подушек и стал засыпать меня вопросами:

— Есть что-нибудь новое?.. Говорите, говорите!.. Они здесь?..

— Нет, нет! Успокойтесь! Я вышел подышать свежим воздухом. Там можно задохнуться.

— Нет, нет! Вы меня не обманете. Ваш костюм в беспорядке, даже разорван... Скажите мне всю правду! Они там, я знаю это!.. Они там!.. Я хочу их видеть!..

— Когда вы немного успокоитесь, я скажу вам, что произошло. Но это не то, что вы ждете.

— Значит, они не вернулись?!

Обессиленный старик опустил голову.

— Нет, *они не вернулись*, — сказал я многозначительно, — но один человек все же явился.

— Явился? Человек?.. С машиной?..

— Да.

— Боже мой! Человек... их посланный?..

— Нет... Выслушайте меня... Вы ждете двух сыновей, не так ли? Ну вот. Один из них здесь... Ромуальдо!

Старик-ученый хотел что-то сказать, но от волнения потерял голос. Он говорил не словами, а глазами, устремляя лихорадочный взгляд то на меня, то на дверь комнаты. Я должен был повиноваться этому безмолвному приказанию.

Ромуальдо только что проснулся, когда я вошел в подвал. Все следы утомления исчезли. Увидев меня, он схватился за широкий короткий меч, приготовясь защищаться

или нападать. Но потом, по-видимому, вспомнив события прошедшей ночи, он пробормотал несколько слов на своем непонятном языке.

Мне все же удалось ему внушить, что сейчас он увидит своего отца. Под лохматыми нахмуренными бровями блеснули огоньки радости.

— Pater... Pater... — повторял он и послушно последовал за мной, держа, однако, на изготовку свой острый меч.

Когда мы вошли в комнату, Баццولي-старик, рыдая, протянул к нему руки. Все еще колеблясь и дичась, Ромуальдо смотрел то на своего отца, то на обстановку комнаты, которую, казалось, узнавал. Наконец он понял, что это не сон. Глаза его стали влажными, он бросился к изголовью кровати. Отец и сын крепко обнялись. Начавшийся разговор, если это можно назвать разговором, прерывался новыми объятиями.

Мало-помалу Ромуальдо стал вспоминать родной язык. Среди бессвязных фраз попадались итальянские слова, хотя и с глухими окончаниями и странными интонациями. Отец слушал его, почти не вникая в смысл, словно помолодев на десять лет.

Когда первая радость поутихла, Баццولي спросил:

— А твой брат?

Я видел, как великан содрогнулся, с непонятным смущением провел рукой по лбу, и его взгляд стал черным, как агат.

— Умер! — сказал он просто.

Прибытие Ромуальдо принесло отцу столько радости, что смерть второго сына показалась ему чем-то очень далеким, а может быть, горестное известие не дошло до сознания старика.

Он ответил молчанием на мрачное слово «умер».

V

Выполнив свою миссию, я вернул себе свободу, но лю-

бопытство мое не было удовлетворено. Мне хотелось, чтобы Ромуальдо рассказал о своих приключениях, и это удерживало меня в доме Баццоли. Ждать, однако, пришлось довольно долго, а попытки расспрашивать ни к чему не привели: Ромуальдо отвечал с трудом и неохотно. Вестник из глубины времен должен был освоиться с теперешней жизнью, уяснить себе ее смысл. Нужно было запастись терпением, пока мысли его не придут в порядок и сознание окончательно не прояснится.

Особенно его затруднял язык, на котором он не говорил около сорока лет. Он напоминал больного, охваченного длительной афазией*, когда человек, выздоравливая, должен заново обучаться всему, что когда-то знал и умел.

Если бы в то время кто-нибудь со стороны взглянул на Ромуальдо, то счел бы его полнейшим кретином. Незнание самых элементарных вещей, детская наивность, неуклюжие жесты могли бы в этом только уверить.

Однажды я предложил ему прогуляться по Риму. Прохожие оборачивались на громадного детину, которому было явно не по себе в неудобном и тесном скюртуке. Он смотрел на людей глазами дикаря, нежданно-негаданно очутившегося в большом городе. Нелепо размахивая руками, Ромуальдо не шел, а скорее бежал по улицам. Он останавливался перед древними памятниками и всему удивлялся, стараясь ориентироваться в непривычной обстановке. Он долго рассматривал Форум и, казалось, что-то припоминал. На лице его было написано, что он узнает знакомые места, сравнивая виденное прежде с тем, что видит сейчас.

Я мог приблизительно представить себе ход его мыслей.

«Итак, — размышлял он, — я нахожусь в незнакомой стране, и все же, как это ни невероятно, именно здесь я провел свою жизнь. Эти невысокие холмы и лежащие между ними долины хорошо мне знакомы. Если я спущусь по этой улице, то неизбежно выйду к реке...»

* Афазия — полная или частичная утрата речи.

Он увлек меня к набережной Тибра, и лицо его озарилось улыбкой, когда он увидел желтые воды.

«Да, — продолжала работать его мысль, — это мой родной город. Я видел когда-то эти памятники, потом они исчезли, и вот они опять на тех же местах. Но я ведь знаю, что вернулся из путешествия во времени и не должен ничему удивляться. И все же магия моих впечатлений сильнее рассудка...»

В этот момент его слегка задел велосипедист. Испуганно вскрикнув, мой спутник бросился наутек. Едва-едва мне удалось его успокоить.

Вечером, во время обеда в комнате больного, Ромуальдо держался более уверенно. Прогулка по городу привела в порядок его мысли. Вот тогда-то он и заговорил. Обрывистыми фразами, пропуская забытые слова, он поведал нам необыкновенную историю, которую я постараюсь здесь воспроизвести в несколько исправленном виде.

— Трудно восстановить во всех подробностях историю моей беспокойной жизни, но при каких обстоятельствах я исчез отсюда сорок лет назад, я помню так ясно, словно это было вчера.

В тот злополучный день я гонялся за братом по всем комнатам нашего дома. Он был слабее меня. Устав от неотступного преследования, в поисках защиты он бросился в лабораторию, где обыкновенно работал отец. Там я его и настиг. Дверь была открыта, комната пуста. Проникнув туда впервые в жизни, мы с любопытством разглядывали таинственную комнату, где целыми днями пропадал отец. Об игре мы больше не думали.

Наше внимание привлекла машина, стоящая посреди комнаты. Сначала мы ходили вокруг да около, потом осмелели и попытались выяснить, что это за вещь. Непонятное сооружение чем-то напоминало карету. Во всяком случае, там было сиденье. Карета в запертой комнате не внушала никаких опасений. Соблазнившись этой новой игрушкой, мы забрались на сиденье и стали осторожно трогать разные рычажки, украшенные перламутровыми кнопками. Не устояв от соблазна, я повернул первую попавшуюся рукоят-

ку. Машина тотчас вздрогнула. Я продолжал игру; брат смеялся...

Вдруг он с ужасом вскрикнул, протянул руки и прижался ко мне. Я выпустил рычажок и поднял удивленные глаза.

Мы были окутаны густым туманом, застилавшим все вокруг. Куда же делись стены лаборатории, библиотека, рабочий стол? Ничего, кроме серой мглы и сознания непоправимого несчастья...

Почувствовав себя виноватым, я был вне себя от отчаяния. Мы закрыли лицо руками и, рыдая, звали отца. Сейчас мы умрем — нам это было ясно — умрем из-за непослушания, оттого, что вошли в лабораторию, нарушив строжайший запрет!.. Так бывает в сказках, но это произошло в действительности. Мы прочли все молитвы, какие знали, но мрак не рассеивался.

Проходили часы, а может быть, только минуты. И вдруг стало светло, как днем. Затем так же быстро опустилась ночь. Не успели мы вскрикнуть от изумления, как снова рассветело и опять стемнело. Свет и тьма беспрестанно чередовались; глаза не могли привыкнуть к этим сменяющимся впечатлениям, к этому беспрерывному мельканию дней и ночей. Мы могли лишь заметить, что уже не были в закрытом пространстве. Легкие наполнились прохладным воздухом, чувствовалось веяние ветерка. «Как же так получилось, — спрашивали мы себя, — как могли мы, не сходя с места, выйти из дому?»

Здесь, вспомнив недавно прочитанный роман Уэллса, я перебил рассказчика:

— Вы должны были видеть на небе большие, светлые полукруги.

— Да, мы их видели; и вызванное этим зрелищем любопытство приглушило страх. Мы поняли, что еще не умираем.

Но мы не знали, что это и почему за такие короткие промежутки времени воздух становился то теплым, то холодным. Брат сказал мне: «Довольно, Ромуальдо, довольно! Остановись! Я хочу вернуться домой!» Я и сам только о

том и думал. Но как остановиться? Куда несли нас неведомые силы? Глаза наши ничего не различали, кроме туманных образов. Мы мчались куда-то, и ясно было одно: все эти странные явления были вызваны моим любопытством. Движение началось, когда я нажал рычажок. Вспомнив, какой именно, я повернул его снова. И тогда картина сразу изменилась. Не было больше чередования света и тьмы: все стало серым, непроницаемым, уже ничего нельзя было различить.

Мне опять стало страшно. Прямо передо мной находился циферблат с двумя стрелками, большой и маленькой, похожими на часовые. Только что я видел, как большая стрелка вращалась медленно; теперь она вращалась в том же направлении, но со страшной скоростью, как сумасшедшая. Можно было заметить и движение маленькой стрелки, которая раньше казалась неподвижной.

Заметив эти изменения, я еще раз повернул рукоятку. Тотчас же возникло непередаваемое в своем великолепии феерическое зрелище. Стремительная смена дней и ночей постепенно стала замедляться. Мой брат указал мне на Солнце, проходившее свой путь по горизонту при свете дня, и Луну со звездами, пробегавшими по своим траекториям, когда наступала ночь. Мы поняли тогда значение светящихся арок, которые наблюдали за несколько минут до этого: такое впечатление возникало при быстром движении небесных светил.

Здесь было над чем призадуматься! Что же могло так изменить весь мир? Дни и ночи, мелькавшие каждую секунду, сменялись теперь по минутам. И все из-за того, что я передвинул какой-то жалкий рычажок! Ничтожная причина — и какие грандиозные последствия!

Новое нажатие рычажка, и время, измеряемое прохождением Солнца по орбите, снова замедлилось! Одно из двух — либо я держал в руках талисман, способный изменять вселенную, либо машина в непостижимом движении опережала время. Задача была слишком трудной для наших детских умов!

Дальнейшие наблюдения связаны с замедлением скорости. Мы очутились в центре какого-то города, на площади, обсаженной деревьями. Но людей не было видно. Вернее сказать, мимо нас проносились прозрачные маленькие тени, проскальзывая с такой быстротой, что мы едва успевали заметить их в виде неясных исчезающих ленточек. Здания, поначалу казавшиеся старыми и вполне законченными, спустя короткое время появлялись перед нами строящимися. Деревья, ветвистые и высокие, постепенно уменьшались, превращаясь в молодую поросль, и затем уходили в землю.

Брат заставил меня внимательно взглянуть на Солнце. Я привык видеть, как оно поднимается с левой стороны и заходит с правой. Теперь оно совершало свой путь в обратном направлении.

При этих словах Баццоли взволнованно приподнялся с подушек.

— Это вполне понятно, — сказал он, — вы шли навстречу времени: машина уносила вас в прошлое.

— Да, но я это сообразил потом. Тогда же это была одна из многих загадок, и я думал только о том, как бы остановить невольное путешествие.

Брат предположил, что, если повернуть рычаг до отказа, можно будет прекратить движение. Я последовал его совету, но доведенный до упора хрустальный рычажок треснул и остался у меня в руке. Скорость не замедлилась.

«Надо покончить этим!» — простонал брат.

«Да, — согласился я, — но как?»

Рядом со сломанным рычажком было несколько других, которые я еще не опробовал. Какие нас ожидали новые ужасы, какие катаклизмы, если бы мы опять ошиблись?

В отчаянии брат перевел одну из рукояток. Страшный толчок опрокинул нас друг на друга. Стрелки на циферблате замерли. Впервые с начала нашего путешествия мы увидели в просветах листвы неподвижную луну. Была ночь. Машина остановилась...

Можете представить себе, какой нас охватил страх. Затерянные в неведомых лесах, под ночным небом, дрожа от

холода, трепеща, когда доносился малейший шум, превращавшийся в нашем воображении в рыканье хищных зверей, мы сидели на высоком дереве, спрятавшись среди ветвей. С наступлением утра наши страхи не развеялись: нас могли заметить и убить разбойники.

Первое, что пришло нам в голову, — укрыть от посторонних глаз эту загадочную машину, с которой, в случае опасности, мы инстинктивно связывали возможность спасения. Изрядно проголодавшись, мы поели немного диких фруктов с плодовых деревьев, которые тут росли в изобилии.

Первая половина дня не принесла ничего утешительного. Около полудня шум в ближайших кустарниках снова поверг нас в ужас. Показалось стадо коз во главе с бородатым пастухом, человеком огромного роста, покрытым козьей шкурой. Он смотрел на нас с удивлением. Мы бросились на землю, умоляя не причинять нам зла.

Но, без сомнения, он был настроен миролюбиво. Подойдя одну из своих коз, пастух предложил нам деревянную чашку с молоком. Эта заботливость лишь удвоила наши слезы. Тогда он взял нас на руки и стал о чем-то расспрашивать, подчеркивая ласковыми интонациями свое доброжелательное отношение. Говорил он на незнакомом языке. Вечером пастух сделал нам знак следовать за ним в его хижину. Жил он со своей женой здесь же, в лесу, в нескольких шагах от того места, где мы с ним повстречались.

Это были бедные люди, для которых необыкновенное появление двух близнецов служило доказательством нашего божественного происхождения. Мы прожили с ними несколько месяцев, выучившись их языку и помогая по мере сил заботиться о стаде. Мы могли бы и дальше вести простую, здоровую жизнь и чувствовать себя счастливыми, если б нас не преследовала тоска по дому.

Во всяком случае, мой брат не хотел примириться с несчастьем. Он несколько раз побуждал меня выйти из леса, чтобы осмотреть окрестности. Он был уверен, что родной дом находится где-то рядом — ведь наше странное путешествие продолжалось совсем недолго!

Но я был настроен менее оптимистично. Необычные при-

ключения ошеломили меня. Конечно, я не подозревал, что мы скитались во времени. На смутную догадку меня навели дальнейшие рассуждения. Чередование феерических картин, которые мы наблюдали в машине, полнейшее неведение пастушеской четы о городе, который по приметам местности должен был находиться где-то близко, — все это заставляло размышлять.

Однажды, погнав стадо на водопой, мы решили совершить задуманное: оставить наших коз одних пастись у реки и углубиться в лес. Мы брели целый день и только к вечеру вышли на открытое место. То, что мы увидели, заставило нас содрогнуться: на поляне сражались две группы вооруженных людей и с такой яростью рубились мечами, что кровь лилась потоками.

Наше внезапное появление положило конец битве.

Дикие крики воинов мы восприняли как дурное предзнаменование. Солдаты окружили нас и стали совещаться. Несомненно, это приключение закончилось бы нашей гибелью, если бы в ту минуту не выскочил из леса, задыхаясь от бега, наш добрый пастух. Встревоженный нашим отсутствием, он бросился вслед за нами и прибежал как раз вовремя. Умоляюще протянув к солдатам руки, он отважился из любви к приемышам на смелую ложь.

«Великодушные воины, — сказал пастух, — остерегитесь поднять руку на законных наследников наших царей. Я, Фаустул, нашел их заблудившимися в лесу».

В эту минуту на опушке леса случайно показалась старая, беззубая волчица и тотчас же убежала, испугавшись шума. Солдаты замолчали и стали смущенно переглядываться.

«Какое странное предзнаменование!» — сказал один из них.

Фаустул воспользовался этим суеверным страхом, чтобы заставить их поверить в свою басню.

«Доблестные воины! — вскричал он. — Почтите священное животное Марса! Когда эти дети блуждали голые по лесу, волчица, которую вы видели, питала их своим молоком!»

После этих слов все, кто там был, упали перед нами ниц.

Ромуальдо сделал паузу. Я слушал его, затаив дыхание. Легенда, знакомая мне чуть ли не с колыбели, показалась так удивительно похожей на только что услышанное, что я даже вскрикнул от удивления.

И тут же, сливаясь с моим возгласом, раздался другой болезненный крик. Старик Баццоли поднялся на кровати бледный, задыхающийся и, протягивая руку к сыну, прохрипел:

— Несчастный! Ты убил своего брата Рема!

VI

Грустно вспомнить, что смерть величайшего в мире гения была так же мрачна, как и вся его жизнь. Последний удар окончательно сразил его. Баццоли умер на другой день, не сделав ни одного упрека своему сыну-братоубийце. Мог ли он принять без содрогания Ромуальдо, зная, что тот убил Рема? Мог ли он отнестись с безразличием к преступлению сына, хоть оно и было совершено почти за три тысячи лет до нашего появления?

Да, Ромуальдо, исчезнув из своего времени, превратился в Ромула истории, а его отец Баццоли — ужасный, невероятный случай! — умер в двадцатом веке при известии об убийстве Рема.

Что же касается меня, то я не чувствовал никакой неприязни к «вестнику из глубины времен» скорее всего потому, что не мог совместить в своем сознании этих двух лиц — персонажа древней истории с моим современником. Ромуальдо, этот простодушный высоченный здоровяк, слишком не похож на первого римского царя, каким я его представляю!

Мое присутствие помогло ему освоиться в новой обстановке. Без меня он не преодолел бы тех бесчисленных затруднений, какие возникали перед ним на каждом шагу.

И за то, что я так заботился о нем, он рассказал продолжение своей истории. Я убедился, что она полностью совпадает с рассказом Тита Ливия*. Но когда в соответствии с преданием я сообщил Ромуальдо подробности его исчезновения — легенда гласит, что Ромул исчез в блеске молний, взятый на небо богами, — он был немало удивлен.

— Дело обстояло куда проще, — сказал он, — вернее, все произошло более естественно. За несколько часов перед моим возвращением я председательствовал в большом собрании воинов на Марсовом поле. Уже давно глухая молва возбуждала народ против моего правления, которое считали жестоким. В этот день я понял по некоторым признакам, что моему могуществу приходит конец. Я царствовал слишком долго. Назревало восстание.

И вот небо осветилось молнией, грянул гром и остановил занесенные надо мной мечи. Толпа увидела в этом признаки гнева богов, а я, воспользовавшись замешательством, призвал к общей молитве.

Машину я оставил на том месте, где завершилось когда-то наше путешествие. Когда мы расчищали лес, чтобы строить город, я велел покрыть ее навесом. Нередко я уходил туда поразмыслить о своей странной судьбе. Воспоминания и осторожные опыты, наконец, убедили меня в том, что машина перемещалась во времени. Я робко переводил рычажки, двигаясь то в одном, то в другом направлении, не рискуя далеко забираться. Я заметил, что маленькая стрелка на циферблате замерла в момент остановки на двадцать шестом делении. Отсюда я заключил, что в моей власти вернуться к тому моменту, откуда началось путешествие, заставив стрелку пройти тот же путь в обратном направлении.

В этот роковой день, когда я чувствовал себя погибшим при виде возбужденной толпы, заполнявшей храмы, я, сделав вид, что хочу помолиться в одиночестве, вошел под

* Тит Ливий (59 год д. н. э. — 17 год н. э.) — римский историк, автор труда «Римская история от основания города» в 142 книгах.

укрытие, где находилась машина. Только я один имел право сюда заходить. Мне оставалось только вскочить на сиденье. Как раз в этот момент удар молнии испепелил крышу, под которой я скрывался. Отсюда, несомненно, и создавалась легенда. Но я уже успел пустить в ход механизм, улетая от бури и от этого времени с немыслимой скоростью, которую замедлил лишь тогда, когда положение стрелки показало мне, что приближается момент отправления. Остальное вам известно: я чуть не разбился о неожиданное препятствие...

Как все это необычайно! Так немного времени прошло после этих последних событий! Еще так недавно я был царем Рима — Вечного города, построенного мной, Ромулом, как меня называл мой народ! Трудно вообразить, что тысячи лет отделяют нас от эпохи моего царствования... Вы, кажется, говорили, что Нума сделался моим преемником? Это просто невероятно! Я его хорошо знал, этого маленького льстеца: меч для его руки был слишком тяжел...

И он пробормотал несколько слов на непонятном мне языке, латинском языке первой эпохи существования Рима.

VII

Здесь заканчивается чудесная история человека двадцатого столетия, покинувшего на «машине времени» эпоху, в которой он жил, и очутившегося на лесистых берегах Тибра за семьсот лет до нашей эры. Совершив ряд подвигов, сохранившихся в преданиях, он исчез при блеске молний, чтобы вернуться в рутину современной жизни.

Я постоянно поддерживаю с Ромулом дружеские отношения. Это далеко не гений, каким был его отец. Он ничем не отличается от окружающих людей. Больше того, этот воин древних времен — добрый и мягкий человек, обыкновенный обыватель, неспособный обидеть мухи. Очевидно, нравы зависят от того времени, когда живешь.

Если вы его встретите в Риме, где он продолжает жить,

не спрашивайте о его приключениях. Он вам не ответит, усвоив мудрую истину, что лучше молчать, чем говорить. Испытание, выпавшее на долю его отца, который когда-то угодил в сумасшедший дом, — достаточно веская причина, чтобы стараться вести себя вдвойне благоразумно.

Aderyñ ôadif 3

TŌ l φETŌōφφ ϕ η AETϕAŌ

Это было в ночь с 15-го на 16-ое марта прошлого года, во время моего путешествия с научной целью во французские колонии Индийского океана. Наше судно «Фултон», которое совершало рейсы между Маге и Коморскими островами, когда-то, может быть, было предметом гордости наших предков, но, постепенно состарившись, дошло до того, что предназначено было лишь для небольших, не имеющих торгового значения рейсов.

Смешное это было судно, с его высокой старомодной трубой и кучными мачтами, установленными, вероятно, на случай поломки машины, хотя те крохотные паруса, которые можно было бы натянуть на них, едва ли могли бы дотащить эту тяжелую калошу до ближайшего порта.

При первом натиске циклона, который застиг нас в эту памятную ночь, наши бесполезные мачты, конечно, разлетелись в щепы. Наше положение было отчаянным. Мы даже не могли бороться и были вполне во власти бури, которая уносила нас в своем вращательном движении. Всю ночь мы были игрушкой волн и ветра, то взлетая на высокие гребни волн, то стремительно низвергаясь в пропасть при громких столах и криках экипажа, треске судна и реве бури.

Каждый из нас знал, что его последний час настал, ни на минуту не сомневался в этом. Но хуже всего было это ужасное ожидание смерти, когда каждая минута кажется вечностью.

Мы носились по какой-то бесконечной спирали, все приближаясь к центру урагана, в котором вихрь подымал к облакам колоссальный столб воды, казавшийся гигантской колонной, поддерживающей обрушивающийся небесный свод. Еще два-три оборота, и судно ударится об этот гигантский столб, превосходящий по крепости порфир и бронзу, и разобьется, как разбивается брошенная о камень яичная скорлупа.

И вдруг, по какому-то непонятному капризу, ветер, несколько не ослабевая, переменял свое направление и стал нас швырять в противоположную сторону. Судно страшно качало, как будто оно не хотело сразу подчиниться этому

новому капризу, но затем, повернувшись на другой галс, оно стремительно стало удаляться от страшного столба. А гигантский столб воды продолжал крутиться и вертеться, как катушка, и, наконец, исчез, утопая в море брызг.

Мы перестали кружиться и нас понесло по прямой линии, как будто и ветер, и мы втягивались в глотку какого-то невидимого чудовища.

Капитан, сделав рупор из своих ладоней, стараясь перекричать рев бури, кричал нам, что никогда не приходилось ему видеть ничего подобного ни в одном океане. Но не успели мы отдать себе отчета в том, какая таинственная, могучая сила переменила направление циклона, как вдруг показалась земля.

Вначале это было лишь каким-то черным пятном на горизонте. Потом пятно это росло и росло, облегло все море и встало перед нами острым скалистым пиком, на который

нас несла какая-то неведомая сила. Это была Сцилла после Харибды. Судно наше, несшееся со скоростью метеорита, неизбежно должно было удариться об эту базальтовую стену.

Бледный свет зари, которая точно затуманилась, чтобы не видеть этого ужасного зрелища, дал нам возможность разглядеть в возвышавшейся перед нами скале огромную черную дыру, которая с жадностью вдыхала в себя ветер и грозила поглотить и вас вместе с несшим нас вихрем. Мы несемся прямо в эту открытую дверь и неминуемо будем проглочены этой огромной зияющей пастью.

Раздался тревожный звон сигнального колокола, заглушивший наши вопли...

Наш сигнал был услышан... Послышался громкий колокольный звон, и вдруг страшный толчок подбросил меня в воздух, как живую бомбу.

Я пришел в себя в воде. Я упал в море посреди обломков парохода, разлетевшегося в мелкие щепы. Кругом был неописуемый хаос. Обломки железа, дерева покрывали скалы. Многочисленные трупы уносились отливом. Ветер стих. Тишина нарушалась лишь мерным дыханием моря.

Я был весь разбит и в крови и, не попади я на мелкое место, у меня едва ли хватило бы сил доплыть до суши. Я выполз на песок и, обессиленный, измученный, опустился на него.

Осмотревшись кругом, я увидел, что огромная разверстая пасть скалы, грозившая поглотить нас, исчезла. На ее месте была кованая железная стена, о которую разбилось наше судно. Очевидно, этот трап опустился как раз вовремя, чтобы закрыть перед нами вход в пропасть и чтобы разбить в щепы судно.

И вдруг меня кто-то окликнул. Капитан, единственный, кроме меня, из всего экипажа спасшийся от крушения, весь в лохмотьях, исцарапанный, истерзанный, с трудом приближался ко мне.

— Судьба выкинула нас на уголок земного шара, куда ни одна живая душа не заглянет, — сказал он. — Нет сомнения, что это остров Бурь, вулканического происхождения, весьма недавнего образования, положение которого в

Индийском океане указано лишь на очень немногих картах.

— Господь с вами, капитан! Уж не поражен ли ваш рассудок приключившимся с нами несчастьем? Ведь вы говорите невероятные вещи! Неизвестный остров — в этой части океана, по которой так и шмыгают вдоль и поперек суда! Ведь это вещь невероятная!

— Однако, это так. Когда этот остров только появился из-под воды в виде бесплодного вулканического утеса, к нему легко можно было пристать. Но уж много лет, как он каким-то таинственным образом защищается от людского любопытства. Легенда ли это или правда — не знаю — но только моряки рассказывают, что всякий приближающийся к этому острову отталкивается от него каким-то внезапным ураганом, напоминающим дыхание бури. Отсюда и название: остров Бурь.

Мой взгляд упал на железный трап, закрывавший огромное отверстие.

— Буря выходила, вероятно, отсюда, потому что сюда она и скрылась, — заметил я. — Во всяком случае, эта кованая железная дверь с очевидностью указывает на присутствие здесь людей, и людей цивилизованных, на опытных инженеров...

— Это было бы большим счастьем зля нас!— вздохнул капитан.

Не успел он кончить этих слов, как я прервал его криком радости: маленькая лодочка появилась за выступом и направилась прямо к нам. На лодке не видно было ни весел, ни парусов. Она приводилась в движение какой-то невидимой силой.

Сидевший в лодке человек делал нам успокоительные знаки. Он был довольно изысканно, хотя и несколько старомодно, одет. Приблизившись к берегу, он выскочил из лодки и побежал к нам.

— Верьте, господа, — сказал он, — что мы очень огорчены причиненным вам несчастьем и сделали все возможное, чтобы устранить его. Но мы не можем позволить судам проникнуть в Пещеру Ветров. Единственное, что нам ос-

талось, чтобы предоставить вам хоть какой-нибудь шанс к спасению, это спустить трап. Но, увы! — прибавил он, бросив взгляд на плывшие кругом трупы, — я вижу, немногим из вас посчастливилось. Теперь вам ничего не остается, как последовать за мной в порт. Ваши товарищи будут достойно погребены, а из обломков корабля будет собрано все, что еще может пригодиться.

Мы были так слабы, что лишь едва внятно поблагодарили его за любезность. Наш спаситель помог нам добраться до лодки, усадил нас и мы с поразительной быстротой поплыли.

Мы рассказали ему о том, что с нами приключилось и о том, как поражены мы были внезапной переменой в направлении бури и таинственной силой, бросившей нас к острову.

— Вы должны быть готовы и к другим поразительным явлениям. Мы тут почти все изобретатели, которых бедствия и недоверие людей заставили бежать от света. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что испытывают все те многочисленные гениальные изобретатели, которым не удастся провести в жизнь свои изобретения и открытия? Считали ли вы тех, кто умирает с голоду, владея неиспользованными привилегиями? Многие из них нашли здесь приют и теперь смеются над глупцами, которые считали их гениальные изобретения химерами. Мы, добровольные изгнанники, мы создали на этой голой скале промышленность и жизнь. Мы — властители природы! Мы намеренно избрали для своего жилья этот остров, находящийся на пути великих катаклизмов; ураганы в плену у нас, как птички у птицелова. Они служат нам в наших домах, в наших мастерских. Вы совершенно верно заметили, что какое-то внезапное дыхание изменило в эту ночь направление циклона. Это мы пополняли наши погребки запасами ветра. Ветер — это наш сжатый воздух, который нам ничего не стоит и который прекрасно служит нам.

Пока этот удивительный человек, повелитель ветров и моря, говорил, лодка остановилась у плотины в гавани, полной оживления.

Плотина, к которой мы причалили, сама по себе достойна была удивления. Спуск ее был сделан не из каменных плит, а из листового железа, подвижно установленного на ступице и точно на пружине качавшегося при всяком ударе волн.

— Вы видите, — сказал наш спутник, — мы умеем использовать даже движение волн морских. Каждый удар волны об эти железные плиты заставляет делать один оборот зубчатое колесо, находящееся в помещении под этой плотинной. Движение это через вал передается системе сцеплений, передающей это движение ткацким станкам прекрасных фабрик, которые вы видите вдоль берега. Море — это великий работник, который изготавливает наше платье, наше белье, холст, предохраняющий от непогоды наши растения.

Мы вышли на берег и вошли в город. Наш спутник толкнул какую-то дверь.

— Вот что делает море! — сказал он.

Мы увидели длинную галерею, в которой солнце весело играло на мириадах нитей, протянутых между вращающимися колесами, мы увидели целую сеть ременных приводов. Женщины, весело смеясь, залитые лучами яркого солнца, легко складывали куски материи, то легкой и прозрачной, как батист, то тяжелой и теплой.

— Нам удалось укротить, сделать послушным это капризное море, поглотившее столько человеческих жертв.

— Ну, а когда оно злится? — спросил капитан.

— Когда оно злится и волнуется, оно только быстрее производит свою работу, вот и все. Мы только выгадываем от его гнева.

— Ну, а прилив и отлив? Когда наступает отлив...

— Да, волна работает не больше девяти часов в день. Что же? Вы находите недостаточным девятичасовой рабочий день?

Пережитые волнения и мучительные, хотя и неопасные раны приковывали меня в первые дни моего пребывания

на острове Бурь к постели. Из окон моей большой комфортабельной комнаты я мог видеть улицу.

Инженеры наилучшим образом умели использовать этот вулканический клочок земли. Черные, но не мрачные дома, построенные из вулканического шлака, отличались оригинальной формой и производили причудливое впечатление под жгучими лучами тропического солнца. Расстояния тут были все недалекие, поэтому экипажей, за исключением электрических экипажей для промышленных целей, на улицах не видно было. Малочисленное население города не оживляло улиц праздным шатанием: все были заняты, все работали.

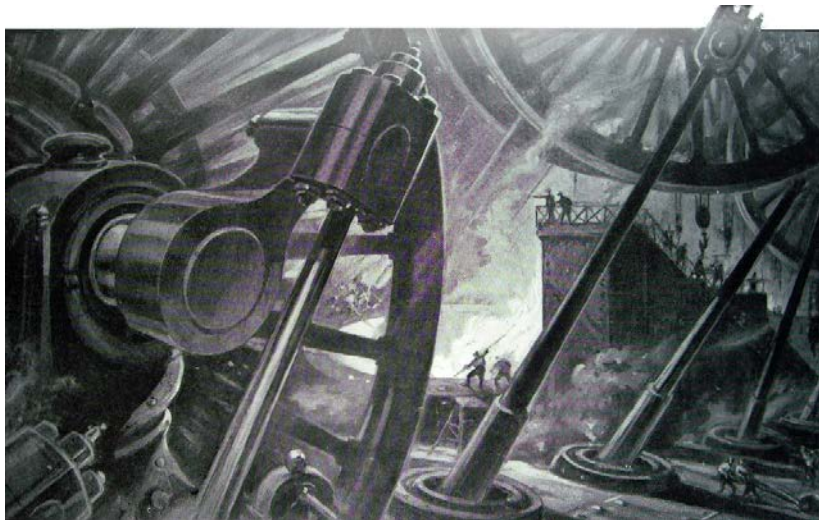
Меня поразило, до какой степени они тут утилизировали естественные силы природы, обыкновенно бесполезно теряющиеся.

Как мало у нас в Европе умеем мы использовать эту даровую рабочую силу! Мы ограничиваемся в этом отношении утилизацией энергии ветра для наших ветряных мельниц и еще немного работой воды, стекающей с высоких гор. В общем, мы предпочитаем дорогостоящие устройства, приводимые в движение, главным образом, сжиганием каменного угля, которого здесь, на острове Бурь, совсем нет. Добровольные изгнанники должны были найти какой-нибудь другой источник энергии. Ветер, молния, дождь, океан, даже огонь страшного кратера вулкана — все это сделалось их деятельными и послушными помощниками.

Трудно представить себе, какую огромную и разнообразную пользу можно извлечь из ветра. Признаться, я немало был удивлен, ознакомившись с их системой сгущения циклонов, если можно так выразиться.

Подземный огонь избороздил всю подпочвенную часть острова большим количеством пещер, довольно правильно закругленных и сгруппированных, как отверстия в губке; каждая из этих пещер сообщалась с центральной обширной пещерой, находившейся поблизости вулкана. Долго и терпеливо отшлифовывали люди стенки этих пещер. Обращенные таким образом в гигантские цилиндры насосов, галереи снабжены были фантастическими поршнями, про-

ходившими вдоль всей их длины. Рычаги поршней, как лучи металлического солнца, сходились в большой центральной пещере. Тут неистощимый вулканический огонь дает необходимую для их движения силу при посредстве страшных рычагов и маховиков в сто футов высоты.

Как только делается известным приближение циклона — что в этих краях явление довольно частое — клапаны вулкана открываются, и машина приводится в действие. Колоссальные шатуны движутся с зловещим грохотом, отзывающимся грозным эхо во чреве горы; выпускные трубы извергают огонь; опускают трапы, закрывающие выходящие на море пещеры; поршни поднимаются, всасывают бурю, которая с ревом устремляется в пустые пещеры, заполняя подземные погреба.

Остров имеет запас воздуха, которому при обратном движении поршней сообщается давление, необходимое для промышленных целей.

Этот сжатый воздух распределяется всюду посредством канализации, подобной той, какую у нас применяют для распределения электрической энергии. Он обслуживает мукомольные жернова, токарные станки, гончарные круги,

сукновальные жомы... Да разве возможно перечислить всю работу ветра на этом чудном острове! Ночью струя воздуха подметала улицы лучше, чем это мог бы сделать какой-либо метельщик или механический аппарат. В очагах струя воздуха раздувала огонь. Лежа в своей комнате, усталый и разбитый, я нажимал лишь одну кнопку у моей постели, и вмиг тропическая жара смягчалась прохладной свежей струей воздуха.

Меня часто навещал наш спаситель, уважаемый Эспри Деклер, который был весьма видным деятелем на острове: ему поручено было управление ветрами. И я скоро имел возможность убедиться, что это далеко не было лишь синекурой. Как только я оправился, я навестил его в его лаборатория. Деклер жил посреди сфабрикованных им же самым всевозможных инструментов — анемометров, гигрометров, манометров, соединенных с подземными резервуарами. Он неотступно должен был следить за атмосферными течениями, предугадывать изменения в направлении ветров, их неожиданные порывы. Он же следил и за распределением сжатого воздуха по колонии. Когда его сложные аппараты уведомляли его об отдаленных ураганах, он немедленно отдавал по телефону приказание открыть перегородки в пещерах, очистить всасывающие каналы, пустить в ход поршни. И, нажав электрическую кнопку, он подымал тяжелый трап, чтобы поймать бурю.

Но я видел, как часто страдал Деклер от людской зависти: его обвиняли в недобросовестности, даже в хищничестве; говорили, что он безумно расточает запасы воздуха для своих личных целей, распределяя их с мелочной бережливостью между другими жителями острова.

И по правде сказать, Деклер не был безупречен. У него была одна маленькая слабость: он до безумия любил музыку. Это была его тайна, которую он доверил мне и капитану, когда мы позже подружились с ним, и мы, конеч-

но, свято хранили ее.

Часто, когда мы собирались в его кабинете, выходившем окнами на море, перед чашками чудной настойки, он открывал кран, скрытый в счетчике, и в течение целых часов мы наслаждались прекрасной музыкой Вагнера, исполняемой струей воздуха, проходящей через тысячи эловых труб.

В обязанности Деклера входила и защита острова от любопытства посторонних, которые могли бы посягнуть на независимость жителей его. Когда вдали на горизонте появлялось какое-нибудь судно, уже не принималась в расчет экономия; открывались все шлюзы, опустошались все запасные хранилища воздуха. Судно, подхваченное страшным порывом, исходившим от этих скал, отбрасывалось в противоположную сторону, и тайна острова оставалась нераскрытой.

— Я думаю, — сказал я однажды нашему другу, — что и электрическую энергию вы получаете при посредстве ветряной мельницы?

Были сумерки. Воздух был душный, тяжелый. Мы сидели на террасе, с которой видны были и море, и город, и пили прохладительный напиток.

— Конечно, это было бы вполне возможно, — ответил Деклер. — Ветер может для всего служить нам. Но если мы всю потребную нам энергию станем извлекать из ветра, запасов его, может быть, и не хватило бы нам. Вы видели, как под управлением моего друга Элизе Рефлюкса прилив и отлив морской ткет нам одежду? Управление молнией поручено немецкому физику, г. Пильсеку, на обязанности которого лежит извлечение электричества из облаков. В этих краях, где буря почти всегда сопровождается грозой, где гром гремит почти каждый вечер при заходе солнца, нельзя было не подумать об этом. Да вот, смотрите, облака сгущаются, и г. Пильсек уже, наверное, на своем посту!

Глухие раскаты грома предвещали наступление вечерней грозы. Деклер указал мне на тучу бумажных змей, со всех сторон города подымавшихся к небу и скоро совсем закрывших его.

— Нам не пришлось много трудиться над усовершенствованием опыта Франклина! — заметил Деклер.

— Эти игрушки...

— Покрыты тонкими пластинками олова, — перебил меня Деклер, — а нитки, на которых они держатся, пропитаны подкисленной водой... Они собирают весь разряд атмосферы. Это, в сущности, простые громоотводы, с той только разницей, что проводят они электричество к колоссальным батареям аккумуляторов вместо того, чтобы проводить его в землю и таким образом бесполезно терять огромные количества электрической энергии. Кроме того, мы получаем электричество и при посредстве пара.

— Пара? — удивился я.

Деклер повернулся к центру острова и указал на вулкан, окрашенный заходящими лучами солнца в восхитительный розовый цвет, в то время как все вокруг него было уже покрыто мраком ночи.

— Вот наш паровой котел! — сказал он.

Да! вулкан был великим чудом этого полного чудес острова! Никогда еще у человека не было такого страшного и вместе с тем такого покорного раба. Над вершиной его никогда не видно было дымка. Можно было подумать, что он угас. Отважные инженеры отвели пламя его в каналы, открывающиеся у подножия горы многочисленными кратерами, и огонь направляется через эти новые выходы к заделанной и замазанной центральной дымовой трубе. Главный кратер, таким образом, обращен был в гигантский котел, наполненный водой и подогреваемый со всех сторон пламенем. Огромный металлический колпак, покрывающий все устройство, может, по желанию, открываться или герметически закрывать котел посредством нажимного винта. Бесперывное кипение этой огромной массы воды дает пар в достаточном количестве и для подземных насосов, и для кузниц, расположенных внизу. Целый день мож-

но было слышать шум паровых молотов, ударяющих о железо на наковальнях в мастерских, окружавших основание вулкана.

Из вулкана добывали металлы и из него же брали энергию для обработки их.

Я осмотрел вместе с капитаном мастерские. Мы отправились на осмотр на заре. Два часа ходили мы по оливковым плантациям, которые приспособились к скалистой почве и покрывали склоны своей серебристой листвой, пока, наконец, не услышали шум молотов. Невольно пришли мне на память мои классические познания. Я переживал с Одиссеем его путешествие, я переживал все сказания мифологии. Вот она, пещера Эола, тут близко, под землей! Вот тут урны с дремлющими ветрами, Зефиром и Бореєм, Эрусом и Нотусом. Сейчас мы увидим циклопов...

Перед нами возвышался вулкан, покрытый огромным медным колпаком, на котором время от времени открывались клапаны, чтобы выпустить тонкую струю пара. На некоторой высоте гора приобретала шероховатый неровный вид, была совершенно обнажена и покрыта старым пеплом. Казалось, будто она плавает в тумане, образовавшемся от испарений, поднимавшихся с подножия ее. Она вся была изрезана туннелями, через которые спускались потоки раскаленной лавы. Черные, по пояс обнаженные люди низвергали эти потоки металлических богатств, отделяли шлаки, сгущали эту блестящую массу в огромных плавильных печах. Ее отвозили в пламенные печи в тележках; огонь в печах раздувался ветром. В кузницах были свои жернова, свои песты, наковальни, огромные сводчатые гrotы, полные невообразимого шума. Раскаленный металл помещался на бронзовые столы. Со свода несся страшный свист, и оттуда ритмически спускалась огромная масса железа в несколько тонн весом. Брызги искр летели во все стороны. Раскаленный металл расплющивался, как мягкое тесто, превращаясь в массивные колеса, в длинные ленты... Изготовленные предметы медленно начинали чернеть и затем поступали в бассейны с холодной водой.

При закате солнца мы направились в город. Мелькавшие между оливками искорки показывали, что светлячки уж открыли свой бал и пируют меж ветвей. Вдали виднелись огоньки на террасах домов.

Капитан был задумчив.

— Не находите ли вы, — спросил он меня, — что жители этого города злоупотребляют благосклонностью природы? Что, если она захочет отомстить им?

Но как может сделать это она, укрощенная, задавленная? Где может она найти выход для своего законного гнева?

Трудно указать, до чего изобретательны были жители острова Бурь! Наиболее заботь уделяли они земледелию. Те, кто имел возможность видеть роскошные виноградники на склонах Везувия, знают, что вулканические наносы весьма пригодны для роста растений. Кроме оливковых деревьев, на острове были виноградники, обширные хлебные поля, прекрасные сады, постоянно полные цветов и плодов.

Возделываемая область больше походила на огромную оранжерею. Все тут было рассчитано, все регулировалось. Растения были предохранены как от обильных тропических дождей, так и от засух. Несмотря на то, что ночи здесь нередко бывают довольно холодные, температура в садах поддерживалась равномерная. Таким образом, здесь искусственно создавалась вечная весна, и во всякое время года тут можно было иметь весенние цветы и осенние плоды.

Но это еще далеко не все. Один гасконский физик открыл, что за окрашенным спектром, даже за ультрафиолетовыми лучами темного спектра, химические свойства которых давно известны, находятся лучи, способные увеличивать интенсивность жизненных явлений в чрезвычайной степени.

Этот новый Прометей стал собирать солнечные лучи огромной чечевицей и затем рассеивать их в своем фруктовом саду. Результаты получились блестящие. Проект его устройства не лишен был красоты. Над садами, на вершине высокой башни, на оси, вращался гигантский выпуклый диск из прозрачного хрусталя. Движением часового механизма он поворачивался на направлении движения солнца, концентрируя лучи солнца на ослепительно сверкавшем очаге. Блестящий пучок световых лучей собирался в призме и распространял в центре сада все цвета радуги. Для красоты тут расположили бьющие фонтаны, отливавшие цветами радуги и охлаждавшие вместе с тем воздух.

Растения, между которыми равномерно распределяются животворные лучи светила, растут здесь так, как ни в одном уголке мира. Стволы апельсиновых деревьев достигают семи-восьми метров в окружности; золотистые апельсины на них равняются по величине арбузам; виноградники гнутся под тяжестью роскошных желтых и черных кистей огромного, величиной со средний апельсин, винограда. Даже на папоротники распространялась эта живительная сила, и они величественно помахивали своими огромными листьями.

Возбуждался даже вопрос о том, чтобы весь остров покрыть растительностью и обратить его в земной рай. Но увы! Судьба предназначила мне быть свидетелем страшной катастрофы, которая разрушила все труды человеческого гения.

Однажды, склонившись на подоконник и с наслаждением вдыхая аромат, доносившийся из моего сада, я был поражен, увидев, что вулкан вдруг как бы окутался облаками дыма. Казалось, будто пар, перейдя за предельное давление, поднял огромную крышку котла. Воздух становился душным, жарким. Остров точно потонул в густом тумане, скрывшем от него свет солнца. На улицах шныряла беспо-

койная толпа. Слышен был ропот, крики. Вдруг почва заколебалась, загрохотала, как будто страшный дракон вдруг пробудился от долгого сна и распрямил свою спину. По направлению от мастерских показалась толпа испачканных, черных рабочих, громко выкрикивавшая что-то.

Я поспешил сойти и присоединиться к толпе.

— Извержение! Извержение! — доносилось со всех сторон.

Страшная новость быстро распространилась. Рассказывали, что вдруг центральный огонь разросся, хлынул в мастерские и разметал рабочих. Там много обуглившихся трупов. Обволакивавшее вулкан облако — это пар из большого парового котла, вернее, из большого кипящего озера, которое моментально обратилось в пар.

Вдруг раздался страшный гул. Тумань осветился красным заревом. Начал падать дождь пепла. Тучи камней падали на дома и в море с оглушительным треском.

Страшный гул, толчок, безумное бегство. Поток лавы хлынул на город, погребая под собой людей. Почва колебалась под ногами... То тут, то там появлялись вдруг огромные трещины. Под землей беспрерывно раздавались глухие взрывы. Пещера Ветров, открывшаяся со всех сторон, выпустила на волю скрытую в ней бурю. Море шумело, пенилось, кружилось под порывами циклона.

Вдали показалась огромная волна. Это была какая-то колоссальная стена, надвигавшаяся прямо на нас. Куда бежать? Мои ноги подкашивались. Я слышал вокруг стоны и крики, видел мечущихся в безумии людей... Где мы? Где капитан? Я никого не узнавал... Я думаю, я тоже кричал, но я не слышал своего голоса.

Остров как будто погружался в океан. Уже мы по лодыжку были в воде... мы в океане... Огромная волна приближается... Рельеф земли все больше и больше погружается, как будто остров старается скрыться от надвигающегося на него грозного врага...

И вдруг покрытый пеной гребень склонился... Огромная водная стена упала... Я закрыл глаза... В ушах стоял оглушительный шум моря...

.

Смерть и на этот раз пощадила меня. Случаю угодно было, чтобы я уцепился за какой-то обломок. Долго носился я с ним по бурному океану, пока меня, полуживого, не подобрал пароход, застигнутый бурей по пути из Плимута в Гонг-Конг.

Море, поглотившее этот таинственный, чудесный остров со всеми его обитателями, оставило лишь меня одного, как воспоминание о нем.

သုဘဒ္ဒဒ နုဇာဒ

ဖုဝ်ဇာဝ်ဝ် ယ် ဖုအဝ် ဇုဒ် ဖုဝ်ဇာဝ် ယ်

Около десяти часов утра спасенный нами человек открыл наконец глаза.

Я надеялся увидеть столько раз описанное пробуждение спасенных: я ждал лихорадочного ощупывания головы и всего тела, вопросов: «Где я? Где я?» — сказанных неуверенным, еле слышным голосом. Ничего подобного! Человек, которому мы оказали услугу, лежал совершенно спокойно, глядя куда-то вдаль. Потом его взгляд оживился, и он стал внимательно прислушиваться к шуму винта и ударам волн о борт судна. После этого, сев на узкую койку, он стал внимательно осматривать каюту, не обращая ни малейшего внимания ни на Гаэтана, ни на меня. Затем он взглянул на море через иллюминатор, без всякого любопытства и не особенно вежливо посмотрел на нас и, скрестив руки на груди, о чем-то глубоко задумался.

По внешности мы сочли этого незнакомца с красивым лицом и холеными руками за благовоспитанного человека, да и костюм его, как он ни пострадал от воды, изобличал в нем джентльмена. Поэтому его поведение обидело моего товарища, да и меня поразило, хотя знакомство с Гаэтаном давно приучило меня к смеси благородства с хамством и к шику, перемешанному с наглостью.

Впрочем, мое удивление не было продолжительным: «Не будем торопиться, — сказал я самому себе, — со смелыми выводами. Разве странное поведение потерпевшего крушение не может быть вызвано мозговым расстройством, вполне допустимым после такого несчастья; я думаю, что у него найдется немало материала для размышлений: судя по тем необыкновенным обстоятельствам, при которых он попал сюда, его приключение далеко от банальности».

Но Гаэтан, возмущенный контрастом между его внешностью воспитанного человека и странной манерой вести себя, сказал ему резким тоном:

— Ну, как вы себя чувствуете, черт вас возьми! Ведь лучше?

Он несколько раз повторил свой вопрос, но не получил ответа. Тот мало обратил внимания на резкий тон своего собеседника. Он смерил глазами Гаэтана, элегантная внешность которого мало подходила к резкости его речи, и после долгого раздумья, как бы нарочно созданного, чтобы увеличить недовольство моего друга, утвердительно мотнул головой: «да, мол, лучше».

«Хорошо, что понимает по-французски, — подумал я. — Может быть, даже соотечественник».

— Ну, вам везет, — продолжал Гаэтан. — Знаете ли, без нас, дружище!.. Да что с вами? Околели вы, что ли? — сказал он, рассердясь вдруг. — Что у вас, рот склеен, что ли, черт возьми?

— Вы плохо себя чувствуете? — вступился я, отстраняя моего друга не столько для того, чтобы справиться о здоровье пострадавшего, как чтобы перебить Гаэтана. — Скажите... что у вас болит?

Тот отрицательно помотал головой и снова погрузился в задумчивость. Мои подозрения увеличились, и я взглянул на Гаэтана с тревогой. Я не знаю, заметил ли этот взгляд спасенный, но мне показалось, что в его глазах промелькнула улыбка.

— Хотите пить? — спросил я его.

Тогда, указывая на меня пальцем, он спросил с каким-то неопределенным иностранным акцентом:

— Док — тор?

— Нет, — сказал я весело. — Ничего подобного.

И, отвечая на молчаливый вопрос его глаз, добавил:

— Я пишу романы... я писатель... понимаете?

Он утвердительно наклонил голову, точно поклонился, и перевел вопросительный взгляд на Гаэтана.

— Я ничем не занимаюсь, — язвительно заявил тот. — Я рантье. — И добавил, пародируя меня. — Я лентяй... я занимаюсь ничегонеделанием... понимаете?

Заметив впечатление, произведенное на нашего гостя этим издевательством, я постарался изгладить его, сказав:

— Мой друг — собственник этого судна... Вы в гостях у барона Гаэтана де Вине-Парадоля, который вытащил вас

из воды, а я Жеральд Синклер — его спутник по путешествию.

Но вместо того, чтобы представиться нам в свою очередь, на что я вправе был рассчитывать, он опять подумал и сказал медленно, точно подбирая слова:

— Не можете ли вы мне рассказать, что произошло? Я совершенно не помню, что со мной случилось после определенного момента.

На этот раз смешной акцент ясно определился: он говорил с английским акцентом.

— Господи, да это очень просто произошло, — ответил Гаэтан. — Мы спустили в море шлюпку, а матросы, сидевшие в ней, выудили вас.

— Но до этого, милостивый государь, что случилось до этого?

— До чего?.. Ведь не до взрыва же?.. — опять съязвил мой друг.

Тот сделал удивленное лицо.

— О каком взрыве вы говорите?

Я почувствовал, что Гаэтан разозлился, и снова вступился.

— Милый друг, — сказал я ему потихоньку. — Позвольте мне поговорить с этим субъектом. Он, вероятно, жертва потери памяти, что часто случается после таких сильных потрясений, и весьма возможно, что совершенно ничего не помнит о своем ужасном приключении. Успокойтесь и помолчите.

Затем я обратился к потерявшему память:

— Я вам расскажу все, что мы знаем о вашем приключении. Я надеюсь, что это освежит вашу память настолько, что вы, в свою очередь, будете в состоянии подробно рассказать лицу, приютившему вас, обстоятельства, которыми он обязан чести знакомства с вами.

Хотя я подчеркнул жестом указание «на приютившее его лицо», мой слушатель и ухом не повел. Охватив колени руками, опершись на них подбородком, он спокойно ждал моего рассказа. Я продолжал:

— Вы находитесь на паровой яхте «Океанида», принадлежащей господину де Винез-Парадолю; капитан — Дюваль; постоянное место нахождения — Гавр. Вы в полной безопасности. Это прекрасное судно, — 90 метров длиной, водоизмещение — 2184 тонны, делает легко 15 узлов в час, машина 5000 сил. За исключением 95 человек экипажа и прислуги, нас на яхте было до встречи с вами всего двое — владелец ее и я. Это немного, особенно если принять во внимание, что на яхте, кроме вашей, еще двадцать восемь таких же кают. Но, убоясь длинного пути, никто, кроме меня, не захотел сопутствовать господину де Винезу. Мы возвращаемся из Гаваны, куда мой друг ездил затем, чтобы самому на месте выбрать себе сигары... Итак...

Я выдержал паузу, рассчитывая произвести большое впечатление, упомянув, как бы вскользь, о сигарах, но остался ни при чем.

— Итак, милостивый государь, наш обратный путь протекал так же монотонно, как и путешествие туда, когда внезапная порча машин заставила нас остановиться. Сегодня у нас 21 августа, значит, это произошло 18. Немедленно занялись исправлением машины, а капитан кстати решил воспользоваться случаем, чтобы укрепить руль. Мы застряли на 40° северной широты и на 37° 23' 15" западной долготы, недалеко от Азорских островов, на расстоянии 1290 миль от португальского берега и 1787 — от американского; на расстоянии двух третей переезда. И двинулись мы в дальнейший путь сегодня на заре.

Воздух был совершенно тих, на море царил штиль. Ни малейшего дуновения ветерка. Парусное судно не сделало бы ни одной мили в сутки, даже распустив все паруса. «Океанида», предоставленная на волю стихий, стояла совершенно неподвижно. Доверяя словам капитана, что с исправлениями поторопятся, мы не особенно огорчались и из-за жары, особенно чувствительной вследствие того, что яхта не двигалась, мы решили спать днем, а ночи превратить в день и проводить на палубе. Завтрак назначили на восемь часов вечера, а обед на четыре утра.

И вот третьего дня, 19-го, в пятницу, мы прохаживались по палубе в промежутке между завтраком и обедом и курили при свете луны. Небо было залито звездами, блестящими невероятно ярко. Падающие градом звезды бороздили небо и оставляли такой продолжительный след, что казалось, будто мистический грифель вычерчивает параболы на черной доске небес. Я с любопытством наблюдал этот грандиозный урок таинственной геометрии... Впрочем, все содействовало величию этого зрелища. Царило абсолютное молчание. Все спали. Слышен был только глухой звук наших тихих шагов. Должно быть, мы уже раз двадцать обошли палубу, когда в пространстве по направлению к корме зародился какой-то шипящий звук. Почти одновременно с этим довольно высоко на небе появился слабый свет. Свет этот, сопровождаемый все усиливающимся свистом, приближался к яхте с не особенно большой для болида быстротой, сделался ярче, промчался над нашими головами и, перерезав горизонт, исчез вдали, напоминая медленно и лениво падающую звезду.

Мы так и решили, что это был метеор. Стоявший на вахте матрос присоединился к нашему мнению, хотя, по его словам, ему не приходилось видеть подобного явления за тридцать лет плавания по морям; капитан, разбуженный свистом, выслушав наш рассказ, тоже склонялся к тому мнению, что это был болид. Он занес в корабельную книгу под 20 августа появление над «Океанидой» чуть блестящего аэролита, причем точно отметил направление с запада на восток параллельно 40° параллели, где мы в данный момент находились.

Тут я многозначительно взглянул на нашего субъекта. Он крепче сжал руками ноги, полузакрыв глаза и терпеливо ждал продолжения моего рассказа.

— Вы понимаете, — продолжал я, немного разочарованный, — насколько появление метеора оживило наши беседы. Каждый из нас высказывал свои соображения по этому поводу. Я особенно настаивал на поразившем меня соотношении между быстротой его пробега и продолжительностью шума; господин де Винез высказал мысль, далекую

от шаблона, но против которой можно было спорить: по его словам, болид, который мы считали появившимся на горизонте, на самом деле вынырнул из моря. Это было очень смелое предположение, но чем фантастичнее было предположение, тем больше оно нас прельщало, милостивый государь. Объясняя происшествие чем-то сверхъестественным, мы этим самым старались оправдать охвативший нас страх. Если говорить правду, то внезапное появление этой мчавшейся на нас темной массы произвело на нас жуткое впечатление, и мы вздохнули с облегчением, когда увидели, что болид летит высоко над нами, хотя его проклятый свист заставил наши головы глубоко уйти в плечи — знаете, то, что военные называют «кланяться пуле».

Словом, мы от всей души отказывались от повторения этого астрономического опыта; что, впрочем, нисколько не помешало этому явлению повториться следующей ночью немного попозднее, так — около часа ночи, с значительно более драматическими осложнениями.

Вчера господин де Винез, которому надоела эта остановка среди океана под становившимися опасными небесами, приказал работать день и ночь над исправлениями. Сменяясь каждые два часа, часть команды занялась работой в машинном отделении, в то время как другие на шлюпках чинили руль. Работавшие на шлюпках только что кончили работу и собирались подняться на палубу, как вдали раздался свист болида.

Все увидели, как на покрытом яркими звездами небе появился слабый огонек и стал приближаться к нам... Господину де Винезу показалось, что огонек движется медленнее вчерашнего, и мне тембр звука показался менее напряженным, более глубоким, что ли. Но все-таки масса двигалась в достаточной мере быстро. Через несколько секунд она достигнет зенита и спокойно исчезнет за пределами горизонта. По-видимому, земля приобретала нового маленького, туманного спутника.

Как вдруг, милостивый государь, ночь осветилась, точно солнцем и молнией одновременно: ничто больше не дви-

галось на восток и свист прекратился в звуке ужасного взрыва. Меня ударил в живот невидимый кулак, воздух вокруг нас содрогнулся, корпус «Океаниды» задрожал, на минуту поднялся ветер и волнение, которое немедленно же прекратилось.

Затем мы совершенно ясно услышали град падающих в океан предметов. Один из них упал около шлюпки, погрузился в воду, затем всплыл на поверхность... Это были вы, милостивый государь, вернее, ваше тело, уцепившееся за ручку двери, сделанной из какого-то невероятно легкого материала, настолько легкого, что она поддерживала ваше тело на поверхности воды.

Вас выудили... Вы были в обмороке; капитан, не зная, были ли вы одни на борту... аэролита, разослал шлюпки на две мили в окружности. Они разъезжали по месту катастрофы, но ничего, кроме металлических обломков, не нашли. Обломками вода буквально кишела. Они поблескивали матовым, если можно так выразиться, блеском и великолепно держались на поверхности воды, точно пузыри. Живых существ не было даже следа.

Что касается вас, милостивый государь, то, несмотря на все ваши усилия, вы не приходили в себя.

Мы вас раздели, уложили и ухаживали, как могли, пока продолжались поиски.

Но мне кажется, я могу с уверенностью сказать, что ваш обморок перешел в крепкий сон приблизительно на заре, в тот момент, когда мы тронулись в путь к Гавру, куда мы рассчитываем прибыть дней через восемь.

Вот и все, что произошло.

А теперь... не найдете ли возможным сказать нам, кого мы имеем удовольствие принимать у себя?

Наш слушатель медленно покачивал головой и не отвечал.

— А... дверь, с которой меня сняли?.. а обломки?.. — произнес он, наконец, — что... с ними?

— Все это, — сказал Гаэтан, — осталось там, откуда мы вас выудили. Господин Дюваль — наш капитан — решил, что это какая-то алюминиевая дрянь и притом такого скверно-

ного качества, что ее не стоит забирать с собой.

Незнакомец откровенно улынулся. Увидя это, мой друг заговорил с ним тоном добродушного ворчуна:

— Откройте нам, наконец, ваш секрет — не украдут его у вас!.. Ведь это был воздушный шар — дирижабль вашего изобретения?.. Здорово он лопнул!.. Ну, расскажите же, в чем дело?.. А впрочем, черт вас подери, — вдруг разозлился он, — если вы решили скрытничать, то нам наплевать —это, в конце концов, нас не касается!..

Тогда тот впервые попробовал произнести длинную фразу на своем языке, напоминавшем язык торжественного клоуна; я попытаюсь дать образчик его только этот раз:

— Господ барон, самый маленький приличий... нуждается... что я... исполнял ваша желание... что я объяснял, который я... почему... здесь... не приглашена.. как... Потому... теперь я помнил... все... very well... Но раньше... чем я говорил... позволяйт... мне... ужинал... If you please я голодная... я хотел говорил... что я хотел... кушать... весьма... Мне... надо... платья...

Газтан приказал принести свой яхтменский костюм и свое белье, украшенное коронами.

— Ваша кожа отсырела, — сказал он, рискуя, что тот не поймет его своеобразную манеру выражаться, — вряд ли вы сможете когда-нибудь ею воспользоваться. Вот кошелек и часы, которые оказались в вашем платье. Что вы скажете об этих синих брюках и куртке с золотыми пуговицами? Нравятся вам они?

— Нет ли у вас черного костюма? — спросил незнакомец, хватаясь за кошелек.

— Нет... А зачем вам?.. Ведь на вас был костюм серого цвета.

— Ну хорошо... Я предпочел бы... что же делать, тем хуже...

Между тем, Газтан, как дурно воспитанный школьник, кем он останется навсегда, открыл его часы.

— Мне не удалось открыть ваш кошелек, — сознался он.

— Вполне понятно, — спокойно ответил тот, — в нем секретный замок.

— Что касается ваших часов... что это за инициалы?.. Монограмма из К. и А. Это значит... Коварный англичанин? — расхохотался он.

— Мое имя и фамилия Арчибальд Кларк, к вашим услугам, милостивый государь. Я американец, из Трентона в Пенсильвании. Остальное я буду иметь честь рассказать вам позже, после завтрака. Нет ли у вас бритвы?..

Мы удалились. То, что он назвал свою фамилию, принесло мне значительное облегчение: такое же, как я испытываю теперь, имея возможность писать просто «Кларк» вместо того, чтобы обозначать его всевозможными разнообразными синонимами, как «спасенный», «тот», «человек», «незнакомец» и всякими другими риторическими обозначениями.

Но Гаэтан выходил из себя. Он ругал манеру вести себя пришельца — я хочу сказать, Кларка — и изменил свое мнение только тогда, когда американец — то есть, Кларк, — вошел в столовую.

Право, в костюме Гаэтана он производил прекрасное впечатление. Симпатичная физиономия, безукоризненное воспитание, непринужденность обращения, словом — очень милый молодой человек.

Господин Арчибальд Кларк ел с аппетитом, не отказывался от вина, но не проронил ни одного звука. За кофе он налил себе рюмку шотландского виски, закурил сигару (стоившую на месте доллар) и пожал нам руки, произнеся:

— Благодарю вас, господа.

За завтрак, или за спасенье?.. Вопрос остался открытым посейчас.

Потом, затянувшись несколько раз сигарой (каждая затяжка стоила, по крайней мере, два цента), начал свой рассказ, говоря медленно, подыскивая слова, а может быть, и мысли. Читатели не будут на меня в претензии за то, что я в их интересах исправлю язык нашего гостя, который говорил на таком курьезном и в то же время малопонятном французском языке, что вряд ли когда-нибудь какой-нибудь другой обитатель Соединенных Штатов говорил на таком. Я счел также своей обязанностью заменить амери-

канские исчисления мер, весов и пространства французскими и выпустить бесчисленные паузы, которыми г. Кларк уснащал свою речь по всевозможным поводам.

— Вам, конечно, знакома фамилия Корбетт... из Филадельфии, — начал он свой рассказ... — Нет?.. Впрочем, это вполне возможно и легко объяснимо. Весьма понятно, что во Франции совершенно ничего не знают о чете Корбетт, которая сделала самые значительные открытия за последние годы, но которым до того не везло, что одновременно с ними их изобретали другие лица. Мой зять Рандольф и моя сестра Этель Корбетт изобрели то же самое, что Эдисон, Кюри, Бертелло, Маркони, Ренар, но всегда чуть-чуть позднее их; так что мои несчастные родственники оставались при своем нечеловеческом труде, тогда как другие прославлялись. «Слишком поздно» сделалось их девизом. Вот почему вы могли ничего не знать о них.

А, между тем, у нас они пользуются большой известностью, и сравнительно недавно наши газеты были полны описаниями и восхвалениями их непреодолимой отваги. Дело касалось подводного плавания. Действительно, за последние несколько месяцев они усердно занимались вопросом о подводных судах, аэростатах, автомобилях и других необычных и опасных способах передвижения... Вот тогда-то, тогда... Простите, что я так тяжело и медленно рассказываю, но меня стесняет ваш язык — он связывает мои мысли... Да, кроме того, обещайте мне соблюдение секрета, так как я буду говорить о не принадлежащем мне изобретении.

Хорошо... Благодарю вас.

Так вот тогда, 18 августа, как раз когда я собирался уходить из конторы, мне подали телеграмму за подписью Этель Корбетт, в которой просили «господина Арчибалда Кларка, делопроизводителя на заводе электрических проводов братьев Реблинг, Трентон, Пенсильвания, немедленно приехать в Филадельфию».

Я призадумался над этим приглашением. Маленькое недоразумение на почве грошового наследства поссорило нас и мы давно не встречались. Что же случилось?.. Как

поступить?.. Я колебался... Но подробность (совершенно излишняя) адреса указывала на то, что сестра хотела, чтобы телеграмма во что бы то ни стало дошла по адресу без недоразумения и замедления. Наверное, случилось что-то очень важное... Да к тому же родственники — все же родственники.

Час спустя я вышел из вагона на западном вокзале Филадельфии и поехал к ним в Бельмон. Там, в очаровательном парке Фермунт, на берегу реки Шюилькиль, где так удобно производить опыты речного спорта (между прочим, и подводного плавания), живут Корбетты.

Я проехал восточный пригород, переехал через мост и углубился в зелень парка. Во время переезда наступила ночь, но звезды так ярко светили, что мне легко было найти дом моего зятя. По правде сказать, небольшой это домишко, казавшийся еще меньше и ничтожнее от соседства с грандиозной мастерской, сараями и необъятным полем, служившими для опытов с автомобилями и аэропланами.

Я быстро узнал его, господа, и сердце мое сжалось. Только одно окошко светилось, между тем, о ночной работе Корбеттов сложились легенды в Пенсильвании: каждую ночь мастерская бывала залита огнями.... Судите сами, как меня тревожили мрак и темнота построек в этот вечер.

Негр Джим встретил меня в темноте и повел в единственную освещенную комнату — комнату Корбетта.

Мой зять лежал в постели, желтый, в лихорадке. Вошла сестра. Последние четыре года я видел ее только на карточках, встречавшихся в газетах и журналах. Она почти не переменилась. Платье ее по-прежнему было почти мужского покроя и в коротко остриженных волосах почти не было седины, несмотря на почтенный возраст.

— Здравствуйте, Арчи, — сказал мне Рандольф, — я не сомневался в вашей любезности. Вы нам нужны...

— Я в этом вполне уверен, Ральф; чем я могу быть полезным?

— Помочь...

— Не утомляйтесь, — перебила его сестра, — я сама расскажу, и в коротких словах, потому что время не терпит...

— Арчи, мы выстроили... нет, не волнуйтесь: жизнь Ральфа не в опасности — простая инфлюэнца, но запрещено вставать и выходить из дому — прошу вас не прерывать меня больше.

Мы выстроили втроем, Ральф, Джим и я, по секрету от всех, очень интересную машину, Арчи... право! И, боясь, чтобы кто-нибудь нас снова не опередил в этом изобретении, мы твердо решили испробовать наш аппарат, как только он будет готов. К несчастью, Ральф заболел инфлюэнцей. Как раз сегодня машина готова, а он слег. А между тем невозможно отложить испытание аппарата, а для управления нужны трое. Кто заменит Ральфа? — Я. Меня заменит Джим, но кто заменит Джима? Я подумала, что вы.

Для исполнения ваших обязанностей не надо никакой тренировки, не нужно особенного присутствия духа... От вас требуется только немного дисциплины во время производства опыта и полное молчание после окончания его. Я знаю ваши достоинства, Арчи. Вы подходите больше, чем кто-либо другой. Хотите нам помочь?

— All right. Забудем нашу размолвку, сестра. Я приехал, чтобы быть вам полезным.

— Имейте в виду, что нам все-таки грозит известного рода опасность...

— Ладно.

— Кроме того... как вам это объяснить?.. Словом, этот... спорт, которым мы собираемся заняться, представляется на первый взгляд таким ненормальным, таким преувеличенно странным, почти чудовищным, что...

— Мне решительно все равно. Я приехал, чтобы быть вам полезным. Покажите мне комнату, где я буду спать. Я немедленно лягу, чтобы быть совершенно свежим завтра.

— Завтра! — воскликнул Корбетт. — Не завтра, а сейчас же, немедленно. Вот уж бьет одиннадцать часов. Идите, отправляйтесь скорее, мой друг. Не будем терять ни одной минуты.

— Как? Производить испытание ночью?

— Да. Нужно произвести опыт непременно на воле. А если проделать его днем, я спрашиваю вас, есть ли хоть один шанс, что нам удастся сохранить его в секрете, когда за нами во все глаза следят ревнивые взоры других изобретателей?

— На воле? Хорошо. Кстати, в чем собственно дело?

Но сестра не могла усидеть на месте от нетерпения.

— Ну, идемте, раз вы согласны, — закричала она. — Все готово. Аппарат в работе скорее даст вам возможность понять его назначение, чем самое подробное описание... Что?.. Переодеться?.. Одеть блузу?.. Незачем — мы не на подмостках... Идем...

— До свиданья, Арчи, — сказал мне Рандольф, — до завтрашнего вечера.

— Что?..

— Послушайте, — сказал я сестре, следуя за ней, — он сказал: «до завтрашнего вечера»... Вы, по-видимому, хотите заставить меня предпринять путешествие. «До завтрашнего вечера». А ведь Ральф сказал, что нельзя показываться при свете дня. Значит, мы где-нибудь остановимся до восхода солнца? Где же мы проведем день?.. Куда мы направляемся, хотел бы я знать, наконец?

— В Филадельфию.

— Что такое?.. В Филадельфию?.. Да мы ведь сейчас в Филадельфии.

— Конечно, мой большой и глупый братишка... Мы сделаем круг и вернемся сюда же.

Я замолчал, чувствуя, что она ничего больше не скажет мне, и старался не споткнуться в потемках. Этель не хотела возбуждать любопытства ненужных свидетелей или шпионов, которых блуждающий свет огня мог привлечь.

Я шел за сестрой по невероятно длинному коридору, потом через всю мастерскую.

В мастерской было довольно светло. При свете звезд и восходящей луны, проникавшем через стеклянную крышу, видна была масса странных по форме вещей. Чтобы дойти до другого конца мастерской, пришлось пробираться через разбросанные в хаотическом беспорядке части всяких ма-

шин: то перелезать через враждебно настроенные крючковые железные барьеры, то обходить нелепые железные сооружения на четырех колесах или непонятные мельницы, крылья которых терялись где-то под крышей. Этель проскальзывала мимо них, ничего не задевая, я же, избежав сначала падения после того, как поскользнулся на попавшей мне под ноги резиновой оболочке колеса, застрял в клубке невидимой веревки. После победоносной борьбы с этим льняным боа, я попал точно в лапы гигантского паука; спасаясь от его стальных объятий, я полетел в оболочку воздушного шара. Схватившись за плавники громадного подобия акулы, я все же поднялся на ноги и тут же ударился о какую-то деревянную птицу. Но, по-видимому, богиня, покровительствующая изобретателям, удовлетворилась этими испытаниями, так как я очутился вдруг рядом с Джимом в дверях сарая.

Сарай был высотой с соборную колокольню и служил гаражом для аэростатов. Их там было несколько. Луч луны отражался на их металлической отделке. Все эти круглые, овальные, сигарообразные предметы были отодвинуты к стенам, предоставив почетное место для чего-то длинного, металлического, вытянувшегося посередине сарая.

— Вот он, — сказала Этель, указывая на эту вещь. Потом заговорила о чем-то потихоньку с Джимом.

— Ага, — пробормотал я, — это он... Гм... Колоссальный... автомобиль... или... может быть... лодка...

Насколько я мог рассмотреть в царившей там полутьме, эта штука была похожа на лезвие ножа, но не острого, а чрезвычайно заостренного спереди. Она была длиной приблизительно в 40 метров на 8 метров высоты, толщиной всего в 1 метр от конца до середины сооружения; впереди, как я уже сказал, она заострялась, чтобы рассекать воздух или воду. Но она была до того остра, что резала глаза.

Я разглядел под кормой треугольный руль.

«Ну конечно, — подумал я, — это лодка!.. Да нет же; это автомобиль».

И в самом деле, загадочная повозка стояла на толстых колесах. Колеса были покрыты резиновыми шинами и были

снабжены мощными рессорами. Между колесами болтались какие-то черные блоки, которые я с трудом разглядел.

Как я уже упомянул, аппарат блестел, но блеск был, если это слово применимо к понятию о блеске, какой-то блеклый.

Этель отшвырнула ногой брошенные кем-то инструменты и открыла дверь в теле этого гигантского меча. Тогда яркая электрическая лампочка осветила оказавшуюся, к моему удивлению, внутри узкую каюту. Помещение было мало до чрезвычайности: 4 метра длиной, 2 — вышиной и всего-навсего 1 метр шириной. В этом помещении находились три сиденья, одно сзади другого; сиденья вроде автомобильных кресел. Перед двумя первыми блестел целый ряд ручек, колес и педалей, перед третьим не было ничего, только сзади виднелись две рукоятки, которые служили, как я догадался, для управления рулем.

— Вот ваше место, — заявила мне Этель, — вы будете на руле. Перед вами сяду я, передо мной — Джим... Нет!.. ради Бога, без ложной скромности. Мой мальчик, никто не спрашивает у вас, сдали ли вы экзамен на рулевого. Речь идет вовсе не об управлении. Предназначение этого руля исключительное. Возможно, что вам даже не придется прикоснуться к нему.

— Ладно! Но на кой черт все эти штуки? Для чего они служат?

Этель меня не слыхала. Джим отозвал ее зачем-то к корме; и она оставила меня восхищаться каютой.

Какая удивительная каюта, господа, как она подходила для капитана корабля. Сколько там было кранов, кружков, разделенных на градусы, секторов, ручек, веревок, ключей, нитей, кнопок, таблиц с указаниями. И сколько других непонятных инструментов. Ничего похожего на то, что я, да и все мы когда-либо встречали, кроме сидений, да, пожалуй, часов, повешенных на переднюю стенку.

С первого взгляда они были похожи на обыкновенные часы, но к чему этот глобус, устроенный так, чтобы поворачиваться на продольной оси, наполовину ушедший в футляр часов; ведь здесь не было школьников, чтобы показы-

вать им смену дня и ночи. Для чего служила эта стрелка, прикрепленная к футляру, острие которой указывало на глобусе Филадельфию?.. Не найдя объяснения, я продолжал осмотр.

Корзина, наполненная припасами и бутылками, страшно заинтриговала меня, — а гостиницы на что же? Разве нельзя было провести день в каком-нибудь скромном отеле на берегу реки или у дороги? Ах, да: боязнь встречи с каким-нибудь нескромным свидетелем. Право, эти предосторожности были преувеличены...

Однако, где ж окна? Как, окон совсем нет?.. «Как же находить дорогу, — бормотал я про себя, — если это автомобиль? Как направлять ее по верному пути, если это подводная лодка? Как перелетать через горы, если, вопреки вероятностям, это воздушный корабль? Да что же это за машина, на самом деле? Где помещается мотор? На носу или в корме? Может быть, над каютой?.. Каюта занимает четверть ее высоты и десятую часть ее длины, значит — эта комнатка является, если можно так выразиться, чем-то вроде желудка этого кита. Что же помещается в остальных частях этого искусственного кита, Ионами которого мы собираемся стать?».

В этот момент я услышал, как сестра сказала дрожащим от радости и нетерпения голосом:

— Джим, откройте двери сарая. Пора выпустить эту игрушку.

Негр засмеялся... Я сознаюсь, что не в особенном восторге от черных и от их горловой речи. Звук их голоса всегда наводит вас на мысль, что у них болит горло. И Джим с его смехом больного ангиной... нет, вы не можете себе представить, до чего он был мне противен.

И вот эта обезьяна распахнула громадные двери сарая и снизу доверху открылась широкая звездная щель. Внизу расстилалась совершенно белая от лунного света равнина. Вдали блестело маленькое озеро, окруженное серебряными тропинками. А тут, как часовой, стояла наша громадная шпага. Что за ужасная скрытая сила приведет в движение это разрушительное орудие?! Ведь не шутка заста-

вить двигаться этот монумент на колесах, похожий на потерпевший крушение корабль.

Сестра потушила электричество.

— Ну, скорее, — сказала она, — я хочу пуститься в путь ровно в полночь. В чем дело, Арчибальд?

— Вы... Вы забыли пустить в ход мотор!..

— Ха-ха, — засмеялась она, точно я очень удачно состриг. — Это было бы недурно, как вы думаете, Джимми!

Негр отвратительно загоготал.

— Госпожа помнит, что случилось с маленькой моделью?

— Ну, Арчи, помогите нам, — сказала сестра.

Она обеими руками толкала машину сзади. Джим — и я, несмотря на свое изумление, — собирались помочь ей, когда металлический колосс, поддаваясь простому усилию рук женщины, двинулся потихоньку вперед, направляясь к неизвестному месту своего назначения.

— Сегодня она прекрасно выровнена, — сказала Этель, не удивляясь. — Я думала, что придется работать вдвоем... Нет, оставьте, это пустяки...

И, повернувшись спиной к реке, что разрушило мою гипотезу о подводном судне, она стала толкать повозку по направлению к равнине. Я шел рядом с ней. Джим шел за нами, приплясывая в припадке радости.

— Простите меня, братец, я объясню вам механизм в дороге. Сейчас мне не до того — я слишком озабочена.

С каким волнением она произнесла эти слова! Сколько

месяцев они провели в тревожной работе, чтобы дожидаться этой исключительной минуты!..

Теперь машина казалась менее страшной, так как в сравнении с величием окружающей декорации не производила впечатления необъятной величины. Спереди даже ее так же трудно было разглядеть, как лезвие шашки, если смотреть на нее с заостренного конца. Отодвинувшись, чтобы рассмотреть общий вид машины, я заметил на ее верхушке несколько выпуклостей, которые были незаметны в сарае; какие-то придатки выдавались по обеим сторонам ее.

Этель проверила блоки между колесами.

— Все в порядке, — сказала она, — ни малейшего ветерка, идеальная погода. Садитесь по местам.

Мы влезли в кабину; Джим захлопнул герметически закрывавшуюся дверь. И легкий шелест ветра, настолько незаметный, что я принимал его за абсолютное молчание, заглох.

Сначала мне показалось, что мы находимся в полной темноте, и эта экспедиция слепых пленников становилась мне все менее понятной, но тут мое внимание привлек тусклый свет, мерцавший над сиденьем сестры. Это было что-то вроде большого абажура, внутренность которого светилась. Вот его описание: полукруглый прозрачный абажур, прикрепленный к потолку трубкой, которую можно было выдвигать, как подзорную трубу. При помощи этой трубы Этель опустила абажур себе на плечи и голова ее внутри абажура производила впечатление озаренной лунным светом. Потом она посадила меня на свое место.

Я застыл от изумления: мне показалось, что я каким-то колдовством оказался снаружи машины.

Представьте себе, что я увидел все окружающее: небо и серп луны, млечный путь, блеск звезд — белую равнину с ее серебряными тропинками. Я посмотрел назад и увидел силуэт Филадельфии, над которой возвышалась статуя Пенна в ореоле, парящем над всяким большим городом ночью. И маленький скромный домик Корбетта, в котором лежал в лихорадке владелец его и мечтал о нас, тоже был тут

же... Какое чудесное явление, господа! Вид этой живой миниатюры привел меня положительно в восхищение. Вам все станет понятным, если я сравню ее с тем изображением, которое фотограф видит в темной комнате на негативе, когда хочет узнать, вышел ли пейзаж. Вся разница заключалась в том, что я видел не часть пейзажа, а все кругом, как панораму, и что видел я ее как бы с высоты 8 метров, то есть с того места, как вы, вероятно, сами догадались, куда выходила трубка этого усовершенствованного перископа.

Вот, оказывается, каким образом можно было руководить направлением.

Я бы еще долго просидел под абажуром, если бы сестра не заняла своего места. Она проворчала:

— Ну, чего вы восторгаетесь? Что вас удивляет в этом простом приспособлении объективов? Почти на каждом подводном судне есть почти такое же приспособление. Правильно ли наше направление, Джим?

В голубоватом фосфоресцирующем свете мало-помалу выступали очертания инструментов.

Джим наклонился над компасом — он не смеялся больше.

— Да, госпожа, — сказал он. — Мы как раз стоим вдоль линии, идущей с запада на восток.

— Хорошо. Арчи, садитесь на свое место к рулю. Держите его просто-напросто совершенно прямо до нового распоряжения... Готовы ли вы?

— Да.

— Готовы ли вы, Джим?

— Да, госпожа!

— Хорошо... Внимание... Бросайте груз.

Негр нажал сразу две педали. Я услышал какой-то шум под машиной, одновременно под носом и кормой; раздался глухой звук тяжелого падения на траву. Вдруг получилось отвратительное ощущение, точно вам вдавливают голову в плечи, плечи в ноги, а ноги в пол, словом, я пережил тошнотворное ощущение, которое испытываешь в быстро взвившемся лифте. Но это продолжалось не боль-

ше секунды. Потом ничего уж не выдавало того, что наша машина движется.

— Ах, — вдруг вскрикнул я, — что это такое? Что-то блеснуло у моих ног.

Я нагнулся. И вдруг — Создатель! — от неожиданного зрелища у меня закружилась голова — я зажмурил глаза и судорожно вцепился руками в ручки руля: пол каюты был из такого прозрачного стекла, что казалось, будто под ногами ничего нет и сквозь это зияющее отверстие я увидел, как Филадельфия проваливалась... проваливалась с головокруглительной быстротой... Мы поднимались.

Этель не обратила никакого внимания на мое восклицание. Она внимательно всматривалась в какой-то аппарат и повторяла вслух данные, которые он отмечал:

— 300... 400... 500... 700... 1000... Джим, проверяйте по статоскопу: 1050... 1100.. Верно?

— Да, госпожа.

— Сбросьте 30 килограмм.

Негр нажал какую-то педаль. Я снова услышал какой-то шум и увидел, как между нами и бездной быстро перемещалась тень чего-то и исчезла. На этот раз это не был груз: из боязни убить какого-нибудь позднего прохожего, было устроено приспособление, позволявшее разрывать от времени до времени мешки с песком (или бочки с водой). Я дорого дал бы, чтобы узнать, с какой целью Корбетты так тщательно постарались избежать всякого общения с внешним миром. Но теперь время было неподходящее для расспросов. Сестра смотрела, не отрываясь, на барометр и повторяла:

— 1450... 1475... 1500 метров. Наконец-то... Ах!.. 1540... это уж слишком!

Она схватила какую-то цепочку, свисавшую с потолка, и потянула ее. Над нами, на чердаке — как я мысленно окрестил это помещение — послышался звук вытекающего газа: стрелка барометра спустилась до 1500.

— Теперь хорошо, — заявила Этель.

Потом, взглянув через голову негра на часы, сказала:

— Без пяти минут. Хорошо. Мы тронемся в путь ровно в

полночь.

Как «мы тронемся в путь»?.. Что она этим хотела сказать?..

Я смотрел бессмысленно вопросительным взглядом на ее затылок, на ее мужскую прическу и был до того заинтригован, что мне показалось, будто я вижу не затылок, а чье-то сероватое и насмешливое лицо.

— Однако, — заговорил я, наконец, — однако, почему вы говорите, что мы отправимся в путь, разве мы еще не тронулись с места?

— Нет.

— Чего же вам еще надо? Что вы собираетесь предпринять?

— Путешествие вокруг света, господин инквизитор.

— Что?.. Как?.. Вы издеваетесь надо мной!.. Вокруг всего?..

— Света. Да. И в одни сутки... Аппарат стоит правильно, Джим?

У меня круги пошли перед глазами при мысли, что пилот нашего самолета сошел с ума; и я увидел, как в тумане, что проклятый зулус нагнулся над нивелиром.

Он нашел, что нос немного наклонился. Немного балласта, сброшенного с носовой части, выровняло аппарат, но подняло его в то же время на 20 метров. Этель заявила, что в конце концов это не важно. Взглянув на компас, она осталась довольна, улыбнулась и пробормотала:

— Великолепно: прямо на восток.

И, услышав, как часы начали бить полночь, сестра скомандовала:

— Пустите в ход двигатель, соедините контакт.

Джим повернул большой выключатель.

Тотчас же сзади раздалось тихое и мощное посапывание, и машина как бы проснулась. Шум становился все сильнее и сильнее; и, постепенно, вместе с усилением шума, вокруг нас послышался сначала шум ветерка, который мало-помалу свежел, усиливался, превращался в грозу, потом в бурю; вокруг машины шел вой и шум, до сих пор неизвестный людям.

Несмотря на точность пригонки дверей, сквозняки прорывались тонкой струей и вихрем клубились вокруг нас с таким ужасным свистом, точно клубок змей шел на нас приступом.

Шум систематически усиливался вокруг машины, в особенности у носовой части ее; получалось впечатление вечно разрываемого куска шелковой материи. От работы мотора каюта содрогалась все сильнее; прикоснувшись к вздрагивающей стенке, я заметил, что она теплее, чем следовало бы. Впрочем, температура заметно повышалась, термометр все подымался и скоро можно было вообразить, что находишься внутри какой-то странной камеры, которую нагревают снаружи. Все это совершенно определенно доказывало, что мы передвигаемся с невероятной быстротой. Я отказался от своего предположения, что Этель внезапно сошла с ума. Действительно, моя храбрая сестра ничем не проявляла своего удивления и, по-видимому, предвидела заранее и подготовилась ко всем случайностям этого феноменального предприятия.

По ее распоряжению Джим избавил нас от сквозняков, заткнув все щели паклей. Во время его работы Этель следила за движением стрелки по разграфленной длинной линейке и снова произносила какие-то цифры:

— 500... 600... 1000... 1200... 1250...

Я должен обратить ваше внимание на тот факт, что цифра 1250 была названа очень торжественным тоном и что на этой цифре остановилась стрелка на линейке и столбик ртути в стеклянной трубке; в то же время перестали усиливаться шум мотора и свист ветра вокруг нас.

— 1250, — повторила сестра, — наконец-то мы добились.

И, взглянув на часы и что-то подсчитав про себя, сестра сказала, показав на глобус:

— Джим, в 12 часов 3 минуты и 45 секунд вы повернете стрелку на Торндаль. Вы слышите — Т о р н д а л ь. Мы будем там в это время.

Джим подождал назначенной секунды и повернул глобус так, что стрелка коснулась своим острием места, где на глобусе был обозначен Торндаль.

Немедленно после этого он нажал кнопку и глобус стал медленно поворачиваться на своей оси слева направо, по-видимому, приводимый в движение часовым механизмом.

Я еле-еле приходил в себя от душившего меня волнения.

— Этель... Это невозможно!.. — закричал я, — неужели мы уже в Торндале?

— Ничего подобного, — ответила она, проделывая целый ряд манипуляций над кнопками, — мы давно уже промчались дальше. В данный момент мы пересекаем железно-дорожное полотно между Валлей и Сиуска. Посмотрите на стрелку глобуса, а потом на эту.

Этель указывала на разграфленную линейку, стрелка которой все время показывала цифру 1250.

— Это тахиметр, показатель скорости движения, — продолжала сестра, — он указывает на передвижение с быстротой 20,8 километров в минуту, то есть, около 1250 километров в час.

— Черт возьми! Мы мчимся с быстротой...

— Да нет же, мой друг, мы вовсе не мчимся.

— В чем же дело? Объяснитесь наконец.

— Мы не мчимся. Это воздух передвигается вокруг нас. Наше помещение неподвижно стоит в середине мчащейся мимо нас атмосферы. И вот почему я назвала его А э р о ф и к с о м.

— Не может быть!

— Уверяю вас. Потерпите еще минутку... Теперь я спокойна... Нет... надо завернуть еще этот кран... Ну, вот. Теперь я к вашим услугам. Да будет свет в вашей душе и в этой каюте.

И сестра создала свет... электрический.

— Это воздух передвигается, а не мы? — воскликнул я, разинув рот от изумления.

— Послушайте, друг мой, как вы ни отдались всей душой своей продаже ниток, но неужели вам никогда не приходило на ум, насколько дик принятый во всем мире способ путешествовать? Неужели не дико применять пар, бензин или электричество для того, чтобы перемещаться на движущемся ша-

ре, когда достаточно было бы держаться неподвижно над ним, чтобы все точки, лежащие на одной и той же параллели, постепенно перемещались под вами, и нужно только владеть способом спуститься, где и когда угодно.

— Черт возьми!

— Вот мысль, которая пришла нам в голову, мне и Рандольфу. Вот происхождение «Аэрофикса».

Совершенно верно. Воздух мчится вокруг него, а земля под ним. По отношению к ним, он неподвижен. Притяжение, которому наш аппарат подчинен, заставляет его находиться в постоянном, неизменном расстоянии от центра земли, а мотор его в то же время дает ему возможность не быть связанным с движением земли, вертящейся вокруг своей оси. Только в этом отношении он неподвижен, потому что наша старая планета увлекает его в своем движении вокруг солнца, а солнце — в своем бесконечном беге — в междупланетном пространстве.

Вся разница только в том, что, так как земля вертится вокруг своей оси с востока на запад, то мы совершаем путешествие вокруг земли с запада на восток в 24 часа, или, выражаясь совершенно точно, в 23 часа 56 минут и 4 секунды. Как солнце.

— Однако, — заметил я, наскоро подсчитав кое-что на клочке бумаги, — я помню, что окружность земли равняется 40,000 километров. Следовательно, если мы совершаем полный круг в 24 часа, то земля должна была бы бежать под аппаратом со скоростью 1666 километров с чем-то в час.

— Совсем недурно для торговца веревками. Бухгалтер сказался в этом вопросе... Но, рассеянный дурень... ведь окружность земли равняется 40,000 километров по линии экватора и только там, так что, если бы мы поднялись, например, в Квито, то тахиметр показывал бы 1666,66,6... К несчастью для нас, Филадельфия, где А э р о ф и к с поднялся, находится на 40 градусе северной параллели, по которой окружность земли равняется только 30,000 кило-

метров, так как эта параллель ближе к полюсу. Здесь земля движется с быстротой всего 1250 километров в час. А что бы вы сказали, если бы мы поднялись на одном из полюсов? Ведь там земля совершенно неподвижна, как по всей своей оси; у нас под ногами было бы все время то же самое место и весь вид состоял бы из ледяного круга, который вертелся бы вокруг центра полюса, как пластинка граммофона.

И заметьте: чем выше поднимается аппарат, тем яростнее движение воздуха вокруг него, потому что чем дальше от центра земли, тем сильнее движение воздушных течений. Это явление могло бы нас принудить употребить больше усилий, чтобы заставить аппарат держаться неподвижно на большей высоте, если бы вместе с усилением движения воздуха он не становился, чем выше, тем реже. Чем яростнее воздух нападает на нас, тем меньше у него плотности; нос машины рассекает его все с той же одинаковой легкостью — оба эти явления уравнивают друг друга.

— Но почему мы стоим на высоте 1500 метров над землей?

— Потому что высшая точка гор, находящихся на 40 градусе параллели, немного ниже этой высоты, а сталкиваться с горными вершинами не стоит, не так ли? Как вы полагаете?

— Значит, мы точно следуем по 40 градусу параллели?

— Не уклоняясь в сторону ни на йоту. Может быть, со временем мы добьемся того, что наш аппарат сможет направлять свою неподвижность, пользуясь притяжениями светил. Нужно было бы стать неподвижными по отношению к солнцу, чтобы делать перемещения по земле вкось.

Но мы еще очень далеки от этого. Мы принуждены поневоле следовать по заранее выбранной параллели, как по рельсам. Руль служит только для того, чтобы наметить направление при отправлении и чтобы бороться против возможной помехи ветра при спуске. Мы связаны в нашем направлении, братишка. Посмотрите на компас, он не отклонится ни на черточку в течение 24 часов. Север у нас все время справа.

— Значит, — еле мог я выговорить от душившего меня восторженного изумления, — завтра мы снова вернемся в Филадельфию, промчавшись по 40 градусу параллели. Вот, значит «круговой полет», о котором вы говорили?

— Вы угадали... Теперь взгляните на глобус под часами. Он служит одновременно указателем наших постепенных перемещений и схемой действительности. Кончик неподвижной стрелки изображает наш А э р о ф и к с — каждые 24 часа под ним проходят те же места: завтра под ним покажется Филадельфия, но мы немного запоздаем из-за времени, нужного для остановки и введения аппарата в круг земного движения. Оба эти маневра должны быть проделаны с крайней осторожностью в почти незаметной прогрессии, потому что, остановив внезапно мотор, что, впрочем, совершенно невозможно, воздушная волна внезапно подхватит наше снаряжение и передняя стенка аппарата будет брошена на нас с скоростью и силой разрывного снаряда.

Пот прошиб меня.

— Проклятая жара, — пробормотал я, — и отвратительный шум и свист!.. Вы читаете вашу интересную лекцию, крича во весь голос, а я еле вас слышу.

— Да, все это вызвано сопротивлением воздуха. Не находите ли вы, что здесь можно задохнуться?

Она открыла маленькие, пробуравленные в стенках отверстия, соединенные, при помощи хитро приспособленных трубочек, с наружным воздухом. Эти вентиляторы были прекрасно устроены: они распространяли очаровательную прохладу.

Затем она продолжала свою речь:

— Сколько мы мучились, пока нашли средство от повышенной температуры внутри каюты. Ральф долго бился над этим и много нового изобрел для достижения своей цели...

Я было собрался высказать целый ряд ценных соображений по поводу странного свойства воздуха охлаждать тела при быстром движении и зажигать их при феноменальной быстрой, как вдруг сестра потушила электриче-

ство, и я, привыкнув к сумеркам, снова увидел ее голову, облитуую молочным светом под абажуром.

— Их высочества — Скалистые горы, — доложила она, — полюбуйте, Арчи.

Под абажуром синело небо, кое-где покрытое облаками. Вдали облака проплывали, не торопясь, вблизи они мчались, как блестящие клочки ваты; некоторые облака, которые мы прорезали, на секунду закрывали от меня горизонт. Возвышаясь над горизонтом — я хочу сказать, над краем абажура — какая-то черная тень быстро поднималась к звездам. Верхняя линия ее была странно изрезана зигзагами и кое-где блестела белыми пятнами; я догадался, что это неслась на нас с быстротою молнии страшная цепь гор.

Ледники, озаренные лунным светом, фосфоресцировали и напоминали хвосты комет; беглый свет озарил наш прозрачный пол; проскакивали возвышения и вершины; казалось, будто мчится стадо гор, охваченное паникой.

Потом все вошло в норму. Опустившиеся вершины снова вернулись в невидимую зону, и освободившийся от облаков небосклон заполнил перископ своим величием.

Затем стеклянный пол точно раскололся на бесчисленное количество осколков и засверкал мириадами огней, точно громадный бриллиант. Негра вдруг охватил припадок совершенно идиотского веселья. (Его ангина усиливалась пропорционально его веселью и тут превратилась в смеющийся дифтерит). Он задохся от смеха, выгнул спину и прокудахтал несколько торжественных восклицаний в честь «Тихого океана».

Этель подтвердила:

— Да. Это Тихий океан. 3 часа 22 минуты. Он явился на свидание с поразительной точностью.

У меня вырвался крик отчаяния:

— Что, если мы упадем?

— Не бойтесь, несчастный трусишка: «Аэрофикс» крепко спит.

— Гм... — промычал я, сконфуженный ее презрительным тоном и, желая показать, что ничуть не боюсь, добавил: — Действительно, это прекрасный аппарат «тяже-

лее воздуха»... это великолепный...

— Это воздушный шар, Арчибальд, и, как все воздушные шары — легче воздуха, и он держится при помощи газа. Ни один планер, ни один аэроплан, какой бы системы он ни был, не в состоянии был бы удержаться на месте среди этой воздушной бури. Но вы сами понимаете, что, так как это «Аэрофикс», то помещение, в котором находится мотор, должно непременно быть под одной общей оболочкой с помещением для газа, в противном случае шар, где помещается газ, подчиняясь земному движению, натянул бы соединительные канаты и разорвал бы их, если бы не прорвался сам с самого начала. Итак, весь аппарат помещается в одной оболочке, состоящей из смеси алюминия и другого вещества, не тяжелее пробки, но, к сожалению, обладающего малой сопротивляемостью.

Это помещение разделено на две части перегородкой, идущей вдоль всего сооружения. Верхнее помещение — над нами — наполнено газом, название которого известно только нам, газом, обладающим феноменальной способностью поднимать тела: он в семь раз сильнее водорода в этом отношении. «Партер» разделен на три отделения: посередине каюта, где я имею удовольствие обучать вас, впереди очень узкое пространство, где помещаются аккумуляторы Корбетт, очень легкий и почти неистощимый источник электрической энергии, а сзади, наконец, место мотора. Да, мотор, вот чем мы вправе гордиться! Вы, может быть, воображаете, что он обладает миллионом лошадиных сил. Ничего подобного. «Аэрофикс» не имеет ничего общего с пароходом, которому приходится бороться с речным течением и сила его машины вовсе не имеет целью, не давая ему повернуться, удерживать его на месте. Если бы это было так, вы смело могли бы сказать, что Корбетты ничего не изобрели: их воздушный шар был бы просто-напросто наиболее быстрым из существующих аэропланов, который может мчаться с быстротой 1250 километров в минуту и который в силу этого обстоятельства т о л ь к о к а ж е т с я неподвижным по отношению к центру земли. О, конечно, в теории этот план осуществим и мысль об этом

может прийти в голову первому встречному, стоит только перемножить скорости движений на силы, вызывающие их... Но на практике это то же, что снабдить муху силой локомотива... Да кроме того, это было бы пустяками в конечном результате, изобретением без изящества, достойным животного.

Я повторяю вам — наш мотор не сообщает движения «Аэрофиксу», а освобождает его от поступательного движения земли. Наш мотор — производитель инертных сил, понимаете? И хотя он и добивается того же результата, какого добился бы летящий с востока на запад завод, но употребляет для этого незначительное усилие.

— Но что же это такое? — спросил я. — Какой главный принцип?

— Ах, в том-то и дело, что э т о г о я не могу вам сказать — муж был бы недоволен.

— Но вы знаете, насколько моя сдержанность...

— Ну вот что, Арчи, я попробую вас надоумить, но не требуйте от меня больше ничего.

Вспомните о гироскопах, так называемых волчках, которые увеселяли наше детство; ведь они, пущенные по нитке, вертятся во всяком положении, не падая. Они образуют по отношению к своей подставке самые невероятные углы и как бы издеваются над законами равновесия и тяжести. Вспомните также о недавнем применении их в Англии. Инженер Луи Бреннан пользуется целой серией волчков для своего однорельсового трамвая, так что вагон, так же плохо уравновешенный, как остановившийся велосипед, держится неподвижно и вполне устойчиво на одном рельсе или канате, переброшенном через пропасть. Словом, всякое тело, снабженное гироскопами, остается устойчивым в состоянии неустойчивого равновесия, с о в е р ш е н н о так же, как если бы оно находилось в очень быстром движении. Следовательно, употребление гироскопа заменяет результат, полученный от движения.

Вот этим-то свойством, сильно увеличив его при помощи особого приспособления, мы и воспользовались... Сзади

вас вертятся в безвоздушном пространстве шесть гироскопов — усовершенствованных волчков.

— Господи Боже мой, а вдруг они неожиданно остановятся?

— Это почти невозможно. Должно было бы произойти что-нибудь совершенно непредвидимое. Бреннан доказал, что гироскопы после момента прекращения приведения их в действие продолжают вращаться еще в продолжение 24 часов, причем первые 8 часов работа их так же полезна, как и раньше — этого времени более чем достаточно, чтобы без резкого столкновения присоединиться к земному движению и выбрать удобный пункт для спуска. Несчастье могло бы произойти только в случае порчи... ну... специального изобретения. А это может случиться только от злого умысла... Вы видите, как это невозможно...

— Этель... Этель... я в восхищении!

— Вы, конечно, сами догадались, — продолжала сестра, — почему я с такой легкостью передвинула машину. Свинцовые блоки, подвешенные снизу, нейтрализовали подъемную силу аппарата, так что шар весил всего только несколько фунтов, которые нужны были, чтобы удержать его на земле. Этот компенсирующий тяжесть машины груз прикреплен таким образом, что его можно автоматически сбросить, не выходя из каюты. Это куда лучше, чем приказание — «отпустите канаты»... Да, можете быть спокойны — все предусмотрено до мельчайших подробностей: мы сначала произвели опыт с уменьшенной моделью, величиной с душегубку; но по непростительной оплошности пустили в ход мотор в мастерской — ну, маленький «Аэрофикс» и наказал нас за это: он пробил стену, вылетел на волю и разбился вдребезги, наткнувшись на косогор — обломки и посейчас там лежат.

— Но скажите, — прервал я ее вдруг. — А газ не может воспламениться от жары?

— Успокойтесь. Взрывчатая масса, которой наполнен шар, может воспламениться только в том случае, если в нее попадет искорка, или от непосредственного соединения с пламенем. Это — химера.

— Ну ладно... Теперь я совершенно успокоился; я даже понял теперь ваш план целиком, Этель... Сначала я принял ваш н е п о д в и ж н ы й а в т о м о б и л ь за обыкновенную моторную коляску.

— Держу пари, что из-за колес, да еще на рессорах... А между тем они предназначены только для того, чтобы предохранить машину от удара при спуске на землю: спускаешься, прикасаешься к земле и катишься на несколько метров вперед по инерции, прежде чем остановишься. Самый вульгарный аэроплан снабжен теперь этим приспособлением.

— Ну, хорошо, — бормотал я, — ну да, конечно, все великоленно.

Но оцепенение от странного сна, который мне дано было пережить наяву, затемняло мое сознание, а глаза мои не могли оторваться от поворачивавшегося глобуса, медленное и плавное движение которого указывало наш путь по 40° параллели.

Этель обратила внимание на мое состояние.

— Я догадываюсь о причине вашего упадка духа, — сказала она. — Всем неожиданным открытиям свойственно казаться противными законам природы и производить впечатление преступления против мирового порядка. После всех великих открытий, весь свет с некоторым ужасом неделю кричит о чуде. И некоторые жертвы науки производят фальшивое впечатление преступников, понесших справедливую кару за нарушение условно установленного порядка вещей. Арчибальд Кларк думает, что он свидетель мрачного покушения на законы природы.

Но у меня не было охоты порицать кого бы то ни было. Психология толпы, присутствующей при научных опытах, не занимала меня.

— Это ужасно, — бормотал я. — Отвратительно... Это бесконечное водяное пространство... Что там на дне под нашими ногами... Как глубок океан, скажите, пожалуйста?

— От 1000 до 2000 метров. Мы, должно быть, где-то между 140 и 150° меридиана.

— Совершенно верно: скоро 5 часов.

— 5 часов... в Филадельфии, но не там, где мы в данный момент находимся. Тут всегда полночь. Можно почти сказать, что полночь — это мы. Сегодня «Аэрофикс», неподвижный в земном пространстве и в людском времени, совершает свое полуночное путешествие...

Тоска охватила меня.

— Правда... солнце не встает, — заметил я.

— Неудивительно — оно все время находится на противоположной стороне земли. Солнце и наш аппарат как бы играют в прятки. Полдень согревает наших меняющихся антиподов, ведь мы все время находимся в центре мчащегося вокруг мира мрака. Арчибальд, мы пропустим в нашей жизни один солнечный день и проживем одну лишнюю ночь... Впоследствии, когда это изобретение будет эксплуатироваться и у каждого человека будет свой «Аэрофикс», совершаться будут, вероятно, главным образом, денные прогулки; и враги мрака смогут пользоваться в е ч н ы м днем и проводить жизнь при нескончаемом закате, или наслаждаясь видом бесконечной зари. Взгляните на небо в перископе: небесный свод неподвижно отражается в нем; все неподвижно, кроме луны. Звезды не меняют своего положения. Можно подумать, что небесные часы остановились.

— Но все же есть часы, которые идут безостановочно, — возразил я. — Эти часы — мой желудок, — он усиленно отмечает, что пора поесть... Я сегодня не обедал, сестра...

Мы пообедали.

Вы поняли, господа, по побуждению голода, что мое душевное состояние немного улучшилось. После обеда оно сделалось еще лучше. Подкрепившись великолепными консервами и полным стаканом превосходной водки, я чувствовал себя в этом узком клинке не хуже, чем в коридоре спального вагона. Только чувство какой-то общей разбитости напоминало о только что перенесенном нервном напряжении и являлось реакцией организма на это.

Но под влиянием полумрака и приятного чувства сытости глаза мои стали смыкаться. Монотонная колыбельная песнь шумящего снаружи воздуха и мирное посапывание

гироскопов способствовали этому. Как бы в слуховом тумане я смутно слышал бой часов и слова сестры, что мы проехали четверть пути... Я окончательно уснул.

— Эй, эй... этого нельзя, братишка. Вы, кажется, заснули. Да ну же, проснитесь. Вы можете понадобиться каждую минуту. Надо бодрствовать. Надо быть бдительным.

— Хррр...

— Посмотрите, как очаровательна Япония, над которой мы проносимся.

— К черту вашу Японию, — возразил я. — Там так темно, точно она покрыта сажей.

Джиму это показалось страшно забавным.

— А вы там, заткните глотку! — сказал я ему, поднявшись. — Вы не имеете никакого основания радоваться, когда говорят о саже... Несчастный... трубочист...

— Перестаньте! Смирно! Арчибалд! Сидите на месте!

Негр сгорбился, наклонив голову; его плечи вздрагивали от подавленного смеха, мне казалось, что я сверху вижу широкую улыбку сквозь толстый череп... Но повелительный голос Этель успокоил меня. Сухим тоном, в котором чувствовался не вполне прошедший гнев, я спросил ее:

— Где мы теперь находимся?

— На несколько лье к югу от Пекина. Вот пустыня Алаша.

— Все еще на высоте 1500 метров над землей?

— Да нет же, подумайте: мы на высоте 1500 метров над уровнем океана. А средняя высота пустыни приближает нас к земле на 500 метров.

Потом снова наступило молчание. Впрочем, я мог бы сказать, — наступила тишина, несмотря на постоянный ровный шум воздуха и мотора, потому что я так же мало обращал на него внимания, как на тысячи разнообразных звуков, из которых, в сущности, состоит то, что мы называем тишиной в обыденной жизни.

Я долго боролся с охватывавшим меня сном. Чтобы развлечься, я пытался заинтересовать себя всякими вещами: позой моих спутников, балластом, который выбрасывали через определенные промежутки времени, меняющимся

положением головы Этель, диковинными странами, в которых странные люди спали на необыкновенных кроватях, под нескладными крышами... Но воображение плохо заменяет знание, а я ничего не знал об этих затерянных странах и не мог разглядеть даже деревца. Мне оставалось только самому выдумывать себе описание стран, подражая маленьким детям, которые скачут на деревянной палочке и надолго останавливаются задумавшись, чтобы представить себе дорогу, по которой они проехали.

Впрочем, два тревожных случая заставили меня встряхнуться.

Первый был вызван ударом — положим, очень слабым — о нос машины. Что-то мягкое попало по дороге. Я подскочил от ужаса, но сестра успокоила меня фразой:

— Я заметила в перископе два больших крыла, но они тотчас же исчезли.

Второй тревогой я был обязан негру. Он вдруг поднялся с сумасшедшим видом, спрашивая, «не изменилось ли направление», и утверждая, что «если оно отклонилось в сторону, то это будет ужасно из-за гор Кашемира, высотой в 3800 метров, — и что он недостаточно владеет собой, чтобы отдать себе ясный отчет в этом».

Стакан водки вернул ему спокойствие духа. Он стал снова хладнокровным и веселым и вернулся на свое место перед часами.

Наконец сестра объявила веселым голосом — тоном метрдотеля из вагона-ресторана:

— Пожалуйста к завтраку. Ровно 12 часов пополудни.

— Полдень, — повторил я, всматриваясь в сумерки, — полдень в полночь.

Завтрак был похож на ужин. И обед тоже. Много чести ему не оказали. Ночное послеобеденное время тянулось бесконечно долго. Каспийское море, Турция, Греция, Калабрия, Испания и Португалия сменяли друг друга, невидимые и неинтересные. В невыносимом раздражении я топтал прозрачный пол, в котором ничего не показывалось. Я суетился, возился в узкой каморке и, наконец, испытал детскую радость, когда в три четверти двенадцатого полу-

чил приказ занять свой пост. Сестра добавила, что нужно остановить мотор и затормозить гироскопы, чтобы малопомалу присоединиться к движению земли и высадиться в Филадельфии.

Лампа засверкала своим упрямым блеском. Джим повернул большой выключатель и подвинул несколько рычагов на крюках. Слышно было, как в заднем помещении заскрипели колеса на полозьях. Посапывание мотора сделалось глубже по тембру, свист воздуха становился все менее резким и указатель тахометра стал показывать все меньшую цифру. Я лихорадочно сжал руками рукоятки руля. Сестра настоятельно приказала не пользоваться им до ее распоряжения. Изредка под моими ногами мелькали на Атлантическом океане освещенные пароходы, прорезывая зеркальное пространство двойной линией — красной и зеленой — своих огней.

Это положение продолжалось так долго, что показалось мне бесконечным. Перегнувшись через плечо сестры, я заметил на ее лице выражение большого неудовольствия.

— Дело в том, — ответила она на мои вопросы, — дело в том, что наш ход замедляется недостаточно быстро. Я боюсь, что мы пронесемся мимо Филадельфии.

На часах было уже 12 часов 30 минут, а свист воздуха был еще очень значителен. Я нервным движением отер внезапно выступивший на лбу холодный пот.

— Может быть, мы сможем спуститься в пригороде?.. Если это будет на сто километров от города...

Негр отрицательно покачал головой.

— Нет! Джим? Правда, это невозможно? — спросила сестра. — Не стоит настаивать... Я слишком поздно принялась за дело.

— Ну вот, подумаешь. Велика важность! — вдруг воскликнул я. — Как только вы остановитесь, вы дадите машине задний ход.

— Арчибальд — вы осел. Наша машина — вы совершенно справедливо это заметили — не самодвижущаяся повозка, а неподвижный автомобиль. Чтобы мы могли полететь обратно, надо, чтобы земля завертелась в противополож-

ную сторону; и вслед за осуществлением этой маленькой фантазии немедленно наступил бы конец света. Нет, нет; мы снабжены газом, балластом, электрической энергией, припасами в достаточном количестве; единственный разумный исход — это снова проделать круг вокруг земли и замедлить движение раньше. Пустите снова мотор, Джим, и отпустите тормоза.

Как раз когда она отдавала это возмутительное распоряжение, немедленно исполненное Джимом, — в глубине бездны, под нашими ногами, пронеслось туманное пятно, как бы усеянное светляками — мы пролетели над Филадельфией...

— Бедный Рандольф, — вздохнула Этель, — как он будет беспокоиться.

И, не переводя духа, она произнесла маленькую речь, говоря быстро, не допускающим возражения тоном, каким говорят, когда бояться порицания собеседника и не хотят ему дать высказаться. Она познакомила меня с лучшим, по ее мнению, способом вернуться в Бельмон после завтрашней высадки. По ее предположениям, аппарат остановится не дальше 20 километров от города, а оттуда любая лошадь доведет его до сарая, и мы будем дома до зари.

Несмотря на быстроту ее болтовни, это слово всколыхнуло меня, и я перебил ее:

— Боже мой, зря! О чем вы говорите, Этель? Я стосковался по заре. Мне кажется, что солнце закатилось навсегда... Впрочем... Я явился к вам, чтобы оказать услугу... Я покоряюсь... Но вы клянетесь мне, что мы завтра во что бы то ни стало будем в Филадельфии?

— Даю вам честное слово, что завтра в час с минутами мы будем там. При удачном маневре, как и при неудачном, это займет у нас шестьдесят минут времени.

Джим задержал глобус на 1.250 метров.

На этот раз Этель позаботилась, чтобы и она, и ее спутники получили необходимый отдых. Она и Джим должны были сменяться поочередно, что же касается меня, то я, в качестве профана, нечаянно захваченного ими, получил неожиданную свободу поступать по своему усмотрению.

Мне кажется, что наш капитан испугался моей нервности, которую я проявил в своем волнении и приставаниях к Джиму.

Изнуренный усталостью, я растянулся на стеклянном полу, поместившись так, что ножки моего сиденья приходились у меня между ногами. Но сон не принес мне облегчения, так как все время меня мучили ужасные кошмары.

Впрочем, какой же сон, как бы дик он ни был, мог сравниться со сказочной действительностью? Поэтому пробуждение показалось мне началом нового отвратительного кошмара; и, когда я убедился, что надо снова пережить этот бред, — весь ужас моего положения встал, как живой, перед моими глазами. Перископ освещал каюту, как подземелье, Этель с побелевшим под этим светом лицом спала, напоминая труп! Джим, важный и бронзовый, как статуя, сидел на страже на своем посту. А вокруг нас царила неумолимая ночь.

Мне сделалось страшно, и я безнадежно махнул рукой.

Но при этом движении моя рука натолкнулась на скользкий и холодный предмет... Это оказалась бутылка бренди... Несколько секунд... время достаточное, чтобы сделать хороший глоток — и вот страха уже нет. Что я говорю: никогда в жизни в моей мужественной груди не было даже намека на это чувство.

Но зловещий гость — ужас — вернулся снова и мне пришлось прибегать к частым впрыскиваниям мужества, чтобы отгонять его. Впрочем, мужество было очень недурно на вкус и я храбро глотал его, не размышляя о могущих произойти последствиях от впитанной таким путем в жидкой форме храбрости в этой маленькой, далекой от комфорта каюте, где я разделял печальную участь насмешливого негра и благовоспитанной дамы. Ах, господа, простите мне эти замечания. Пусть они служат доказательством правдивости моего рассказа и пусть выяснят, насколько отличаются с первого же взгляда сказки Жюль Верна и остальных комматных туристов — от настоящего путешествия.

И в самом деле, моя неводержанность явилась причиной больших недоразумений, к которым я теперь и перехожу.

Около 7 часов, над Балеарскими островами, Этель отдала распоряжение начала остановки.

— Да ну же, Арчи, поднимайтесь. Довольно спать, беритесь за ручки руля.

— Хорошо, госпожа Корбетт, — сказал я с ласковой улыбкой. — К вашим услугам, госпожа Корбетт.

Она быстро зажгла лампочку и осмотрела меня с ног до головы. В течение последних суток она ни разу не повернулась в мою сторону и не знала даже, спал я или нет. Довольное выражение моего лица не вызвало в ней подозрений, так как она приписала его вполне законной радости по поводу скорого приезда в Бельмон.

Тормоза застонали. Ветер сделался мягче. Мои спутники, занятые работой, безостановочно передвигали, опускали, поднимали всевозможные приспособления. Мне стало стыдно своего ничегонеделания. Но возвышенное чувство гордости охватило меня, когда я подумал о тех услугах, которые я окажу своим рулем. Они увидят, какой я рулевой. Ну уж, конечно. Я здорово удивлю этого славного человечка — Этель и этого идиотского трубочиста... Раз. Два. Руль на левый борт... Раз. Два... Руль на правый борт...

И, чтобы «попробовать», я потянул поочередно за трос. Само собой разумеется, что руль не трогался с места: сжатый, как в тисках, воздухом, которому быстрота нашего движения придавала значительную крепость, он никак не мог повернуться на своих шарнирах. Я мог натуживаться, сколько мне было угодно: руль был точно ввинчен во что-то неподвижное. «Ты слушаешься, старик, — говорил я про себя строптивому рулю, — ты непременно слушаешься, хотя бы мне пришлось издохнуть из-за этого».

И я потянул с такой силой, что один из проклятых брусков оторвался от аппарата и остался у меня в руке.

«Ай, — подумал я, похолодев, — лишь бы они ничего не заметили».

Но этого нечего было бояться. Те двое всецело были поглощены своими маневрами. Может быть, мне удастся исправить то, что я испортил? И вот я стал шарить своим бруском, стараясь пристроить его на старое место. Но эта

полоса, которая проходила через помещение мотора, оторвалась у самого руля и было безумием пытаться пристроить ее на место, не видя и не зная, как управляют э т и м рулем.

А между тем, я именно над этим бился.

Вдруг я разозлился. Я ткнул бруском назад и слегка вверх со всей силы... Что-то, встреченное на пути, поддалось с чуть-чуть большим напряжением, чем картонная перегородка; брусок пробил что-то насквозь. Я почувствовал, как он застрял в пробитом им отверстии, и резким движением вытащил его обратно. Раздался очень определенный свист, резко отличавшийся по звуку от свиста воздуха за аппаратом. Этель прислушалась. Перепутанный до смерти, заметив, что к бруску пристало что-то гибкое и обволакивающее, я хотел освободить брусок от этой подозрительной вещи... Сестра и Джим, обернувшись ко мне, увидели, как я обеими руками махал бруском. Они бросились ко мне...

Слишком поздно.

Гибкий узел разорвался во тьме, и там, сзади, что-то корчилось, трещало, дымилось...

— Боже мой... Джим! — закричала сестра. — Газ вытекает. И мне кажется, что туда попадет искорка... Скорее, ради Бога, скорее бегите.

Джим бросился к гироскопам. А я, не отдавая себе отчета в том, что делаю, открыл дверь... в пустоту...

Но я не успел броситься туда...

Пекло... Оглушительный гром... Ощущение пароксизма света и максимума грохота...

Я вцепился в дверь и потерял сознание...

Что было потом, вам, господа, лучше известно.

* * *

Г. Арчибальд Кларк кончил свой рассказ. С разинутыми ртами мы смотрели, как он докуривал свою сигару, допи-

вая ликер. С его помощью уровень сигар в ящике значительно понизился и виски, мало-помалу уменьшаясь, осталось только на донышке бутылки. Мы часто прерывали господина Кларка восхищенными «ахами» и «охами», нередко мне приходилось помогать ему подыскивать недостававшие ему слова, и почтенная жертва пользовалась этими частыми остановками, чтобы со странным тщеславием злоупотреблять табаком и алкоголем.

Гаэтан тарашил глаза и без стеснения разглядывал единственного оставшегося в живых свидетеля этой невероятно безрассудной выходки. Г. Кларк поднялся со своего стула и пошел к иллюминатору. Их маленькие, круглые отверстия вытянулись вдоль стен столовой, напоминая украшенные морскими видами медальоны; но виды были далеко не веселые: какие-то круглые, геометрически правильные, плоские вырезки из однообразного моря и пустого неба, разделенные линией горизонта на два сегмента — зеленый и голубой. Американец заявил, что «это некрасиво».

— Ну, чего там, пустяки, — пробормотал Гаэтан, совершенно поглощенный приключениями Корбетт.

— Так что, — сказал я после непродолжительного молчания господину Кларку, — ваша сестра и негр погибли.

— Это больше, чем вероятно, — ответил он.

Флегматичным жестом Арчибальд Кларк бросил в океан окурок своей сигары, точно судьба Этель Корбетт, удел Джима и участь изобретения имели для него столько же значения.

— Ну, знаете ли, — промолвил он, — цветные люди... фи, что за грязная раса... А что касается сестры... то, конечно... хотя она по временам бывала до того мелочна... Ну, хотя бы эта история с наследством... Трудно представить себе... Впрочем, к чему болтать об этом... не стоит...

Эта выходка вызвала новое молчание, во время которого мы снова внимательно приглядывались к нашему гостю.

— Не можете ли вы, милостивый государь, — прервал я наконец молчание, — объяснить мне следующее: когда «Аэрофикс» пролетал над «Океанидой», я заметил кое-ка-

кие странности в производимом им шуме.

В первую ночь его было слышно... я боюсь сказать — после его появления — потому что его мерцание нельзя было разглядеть на очень далеком расстоянии... но, вероятно, недолгое время спустя, после того, как он появился на горизонте; и, наоборот, еще довольно продолжительное время после того, как он исчез за линией горизонта на западе, шум «Аэрофикса» был слышен.

Во вторую ночь шум начался почти одновременно с появлением аппарата и, если не принимать во внимание катастрофу, то его можно было бы считать точно совпадающим с временем прохождения аппарата на виду...

Кларк, подумав немного, стал объяснять:

— Это очень просто, господин Синклер. В первую ночь, когда мы пролетали над «Океанидой», мы еле начали тормозить и, поэтому, быстрота нашего движения была больше быстроты звука приблизительно на 46-66 метров в секунду... Вы соображаете?.. На вторую ночь, затормозив гораздо раньше, мы, вероятно, сравнивали эти скорости... Хотите, чтобы я подробно вычислил формулы?

— Нет, зачем же!

— Впрочем, это задача для детского возраста: если поезд идет со скоростью и т. д. ...

— Однако, черт возьми, — воскликнул Газтан, — при вашей быстроте схватывать и выводить заключения, которая меня прямо поразила, я не допускаю, чтобы вы не могли объяснить нам целый ряд вещей, касающихся «Аэрофикса»... Например... эти легчайшие аккумуляторы...

— Я рассказал все, что знал, — ответил Кларк, — и, если я решился открыть вам (под честным словом сохранить секрет) тайну, то только потому, что вы вытащили меня из воды, и ваше настойчивое желание узнать, что со мной случилось, заслуживало законного удовлетворения. Повторяю вам еще раз, что важные части передвижения, интересные подробности мотора, я не мог видеть. Не представилось даже малейшей случайности, которая дала бы мне возможность разглядеть или догадаться о чем-нибудь. Весьма возможно, что ученый или инженер, по данным, за-

меченным в каюте, мог бы нарисовать себе содержимое закрытых помещений и комбинированную систему гироскопов... Что касается меня, то я на это неспособен; и намеренно сокращенный урок моей несчастной сестры я только потому так хорошо и усвоил, что он был прост, и кроме того я, как и все в наше время распространения всяких видов спорта, знаком с основами механики. Если мне легко удалось запомнить некоторые точные цифры, то не вздумайте приписать это моим познаниям, которых на самом деле нет, а вспомните, что я по профессии счетовод, к функциям которого я потороплюсь вернуться, так как, хотя это и скромное, но зато не сопряженное с опасностями занятие.

Произнеся это мудрое решение, господин Кларк снова погрузился в молчание. И, несмотря на наши настойчивые просьбы, он ни разу больше не вернулся к описанию своего удивительного путешествия на «Аэрофиксе», говоря, что оно будит в нем тяжелые воспоминания.

Приходится констатировать факт, что до самого приезда в Гавр, где господин Кларк расстался с нами, он хранил самое неприступное молчание не только по поводу неподвижного путешествия, но и относительно всего другого. Нам стоило невероятных усилий добиться от него кое-каких сведений о Трентоне, производстве электрических кабелей и даже о дорогой его сердцу фирме братьев Реблинг. Да и то отвечал он только мне. Было совершенно ясно, что Гаэтан ему не нравился и всякий раз, как господину Кларку приходилось сталкиваться со своим спасителем, он вел себя хотя и вполне вежливо, но поразительно холодно и молчаливо.

Как только «Океанида» причалила к набережной, господин Кларк, отклонив предложение Гаэтана помочь ему добраться до родины и поклонившись нам на ходу, чуть не бегом спустился по мостику на пристань.

После того, как мы с ним расстались, господин Кларк превратился для нас сначала в воспоминание, а потом в отвлеченную идею. Отсутствующий почти всегда — идея; и издали его существо — упрощенное, схематизированное,

отвлеченное, является нам более выпуклым; основные черты его характера, как на сцене, выступают ярче. Всегда кажется, что отсутствующих и умерших видишь как-то издали: все присущие им цвета и оттенки оставляют в мозгу впечатление какого-нибудь одного преобладающего цвета, внешность их рисуется каким-то силуэтом, часто карикатурным. Господин Кларк сохранился в нашей памяти какой-то необыкновенной марионеткой. Его эксцентричность мозолила нам глаза, если можно так выразиться. Теперь, когда не было под рукой живого свидетеля этого чудесного путешествия, его рассказ казался нам сном, а он сам — галлюцинацией.

Я предложил — положим, немного поздно — произвести следствие среди команды. Мы так и сделали. Но мы произвели его довольно бессистемно, и в результате только растравили свое любопытство донельзя. Единственная новость, которую мы открыли, касалась «на чаев».

Перед тем, как покинуть яхту, господин Кларк раздал чаевые, и очень щедро... Кассир, раздающий прислуге все содержимое своего кошелька с щедростью набоба — это уже являлось немалой уликой против него. Но это еще не все: он, американец, летевший прямым путем из Пенсильвании, раздал вознаграждение ф р а н ц у з с к и м и кредитными билетами и луидорами...

Не переставая думать об этом, я поехал в Париж по железной дороге; Гаэтан отправился в свой замок Винез на Луаре в автомобиле. Я не хочу останавливаться на этом инциденте, но просто хочу отметить, что как раз накануне расставанья с ним, у нас произошла глупая стычка, которая рассорила нас навсегда. Это дает мне возможность обрисовать господина барона Гаэтана де Винез-Парадоля таким, каков он на самом деле. Если это ему придется не по вкусу, пусть выскажется, не стесняясь: я к его услугам.

Но не будем больше говорить об этом господине. Вернемся к рассказу.

Через несколько недель после моего возвращения, в моем распоряжении находилось целое дело о г. Кларке и обстоятельствах, предшествовавших его падению в Атлан-

тический океан.

Я расположил в определенном порядке все, что мне удалось собрать по этому поводу.

Сначала шли вырезки из газет и бюллетени обсерваторий, в которых был отмечен звездный дождь в ночи 19, 20 и 21 августа и прохождение болида в Европе в ночь с 19 на 20 августа.

Потом можно было прочесть переведенные по моему поручению сообщения итальянских, испанских и португальских корреспондентов, живущих по 40° параллели, которые утверждали в один голос, что в ночь с 20 на 21 августа не видели на небе никакого неестественного света и не слышали никакого шума, хотя провели эту ночь на открытом воздухе.

Ничего не было удивительного, что они не видели света, так как госпожа Корбетт тушила лампочку, пролетая над материками; но что вы скажете по поводу того, что они ничего не слышали?.. Необходимо, однако, доказать, что лица, приславшие заявления, заслуживают полного доверия... Вот источник моих документов:

Один из моих племянников состоит подписчиком «Всемирного обозрения», печатающегося на разных языках. Это орган очень солидного международного клуба. Разноязычные подписчики этого журнала любят обмениваться друг с другом всякого рода вещами, начиная с открыток и кончая поэмами собственного сочинения. Сведениями из Италии, Испании и Португалии я обязан был любезности моего племянника, которому, к слову сказать, я обязан и всеми последними документами моего собрания.

Это тоже переводы, но переводы писем, посланных из Филадельфии и Трентона и заключающих в себе очень веские и тяжелые улики против господина Кларка.

Действительно, в Филадельфии есть парк Фермунт, и на запад от реки Шюилькиль расположен Бельмон с равниной, окруженной холмиками, «место, прекрасно приспособленное для поднятия аэропланов», как подчеркивал любезный корреспондент, но никаких Корбеттов в Филадельфии не существовало.

В Трентоне, в числе многочисленных горшечных заводов и менее заслуживающих уважения фабрик поддельных священных египетских жуков, имелся и завод электрических проводников братьев Реблинг, очень почтенных людей; но ни один из служащих этого завода не носил шикарного и звучного имени Арчибальд Кларк.

Этот человек снова сделался для меня «потерпевший крушение», «незнакомец», «тот», «он»... Его длинный рассказ прибавил ко всем его прозвищам только одно, хотя и справедливое, но ничего не объясняющее, а именно: «обманщика».

Прошло много времени и ничего нового не открылось по поводу псевдо-Кларка. Я продолжал строить всевозможные догадки относительно этого происшествия, как вдруг третьего дня почтальон принес мне письмо, вложенное в два конверта. На внешнем конверте, кроме адреса и марки, был еще сырой штемпель 106 почтового отделения Плас Трокадеро. Внутренний конверт был надписан другим почерком, тем же, что и все письмо. Вот оно:

Господину Жеральду С и н к л е р у, литератору.
212, Авеню Арман-Фальер.
Париж (XV).

Многоуважаемый и дорогой друг!

Я пишу вам, чтобы смиренно попросить прощения за свое поведение на борту «Океаниды». Вы, должно быть, давно догадались, что я играл комедию и, наверное, считаете меня порядочной скотиной. А между тем, милостивый государь, насколько мне было бы приятнее молчать; зачем вы, а особенно господин де Вине-Парадоль, заставили меня говорить; ведь хотя вы спасли меня и были вправе все узнать, но были обязаны не спрашивать меня ни о чем.

Нет, милостивый государь, я не американский кассир Арчибальд Кларк. Я инженер, француз, и аппарат, который я пробовал в ту счастливую ночь, не был, по правде сказать,

А э р о ф и к с о м. Конечно, я мог бы описать его во всех подробностях, не исключая самых мельчайших... Мое изобретение настолько важно и просто в то же время, что я предпочел слегка пофантазировать, чем рисковать своей славой из-за необдуманной откровенности. Что вы за люди? Я этого не знал. Конечно, благодаря вам я остался в живых, но, милостивый государь, если факт спасения погибающего доказывает присутствие достойных похвалы чувств, то все же не является гарантией скромности спасителя, ни даже его честности... Подумайте еще о том, что манера вести себя и тон господина де Винеза с первого взгляда обрисовывают его типичнейшим фанфароном, что вы прекраснейшим образом могли дать мне неверные сведения о себе и, если даже вы и были теми, кем отрекомендовались, то нет большего сплетника, чем миллиардер, которому некуда девать себя, и большего болтуна, чем журналист, обретающийся вечно в поисках материала для статьи. Ну, сознайтесь, разве я не прав?.. Не сердитесь на меня, милостивый государь, за мою теперешнюю откровенность и тогдашнее притворство: все это было необходимо и вызвано одно другим.

Если вас поразит, как мне удалось так быстро сочинить свою басню, так как времени для этого у меня, действительно, было мало, — пусть послужит объяснением то обстоятельство, что в основе этого рассказа много правды. Что же касается примеси фантазии, то мне очень трудно было бы самому разобраться, какие обстоятельства во время хода рассказа толкали меня в ту или другую сторону выдумок. Прежде всего, я многим обязан благословенному случаю, заставившему промчатся над вашей яхтой накануне моего падения метеор, и столь свойственной всем людям — простите меня, многоуважаемый друг, — привычке обобщать аналогичные явления, привычке, которая натолкнула вас на мысль объединить эти два явления. Затем починка руля на «Океаниде» зародила мысль о поломке руля на «Аэрофиксе». То, что вы находились на 40° параллели, тоже дало пищу моей фантазии. Но — курьезное обстоятельство! — на чудесную мысль о путешествии на крыльях ночи меня на-

толкнула самая незначительная, самая пустая из ваших фраз. Я говорю о вашем рассказе, когда вы назвали свои ночные ужины завтраками и обедами...

Разрешите также указать на то, что я не боялся опровержений на борту «Океаниды», в присутствии таких ученых, как сочинитель очаровательных, но легкомысленных рассказов, богатый бездельник и этот восхитительный капитан, господин Дюваль, назвавший материал, из которого был выстроен мой аппарат, алюминиевой дрянью.

Я остановился на Филадельфии, чтобы установить место, необходимое мне для указания начала своего приключения, потому что часто бываю там по делам; я выдал себя за американца, чтобы воспользоваться предложением трудности говорить на чужом языке, и таким образом, не вызывая подозрений остановками и медлительностью своего рассказа.

Теперь вы, вероятно, спрашиваете себя, как я догадался, что вы не знаете английского языка?.. Послушайте, ну разве не естественно, чтобы, не получая ответа на обращенные ко мне по-французски вопросы, вы попытались спросить меня на всех языках, которыми хоть немного владеете?.. А между тем, со мной упорно говорили только по-французски...

Вы сами видите, что я был вооружен с ног до головы. Кроме того, я был до того добросовестен, что пил как можно больше виски, чтобы рассказ о бренди был правдоподобнее, а для того, чтобы вызвать жажду, я курил, сколько мог... Мои уловки помогли — вы мне поверили.

Но не обвиняйте себя в легкомыслии. И более предрешенные люди выслушали бы меня без недоверия до конца: ведь в наш век ежедневно случаются вещи, недопустимые с научной точки зрения. Ведь всякий раз, как кошка, падающая с крыши, неизменно падает на свои четыре лапы, эта кошка неизменно нарушает законы о перемещении центра тяжести. Она никак не могла проделать то, что она проделала. — Наука запрещает ей это точно так же, как закон Ньютона о силе сопротивления ветра запрещает птицам летать.

Итак, не укоряйте себя в доверчивости. И не сердитесь на меня, несмотря на мою вину перед вами. Оцените, что я, чтобы сознаться в ней, даже не дождался того момента, когда мог бы искупить ее полной откровенностью. Это придет со временем. Я пишу вам сегодня только потому, что кончил постройку нового воздухоплавательного аппарата по чертежам и плану № 1, погибшего в море. Нескромные сведения не могут мне теперь повредить. Аппарат готов к полету. Через несколько дней вы узнаете, кто я и что из себя представляет мой аппарат. И когда вы прочтете в газетах восторженные отчеты о моем опыте, тогда... тогда, милостивый государь, вы откажетесь верить своим глазам, потому что вы убедитесь, что действительность превзошла мой рассказ о неподвижном путешествии.

Для вас я приберегу, как подарок, рассказ о своих настоящих переживаниях. Вы сможете воспользоваться ими для того, чтобы сочинить один из самых интересных своих рассказов. Но пока еще придет время проредактировать этот рассказ, я охотно уполномочиваю вас, многоуважаемый и дорогой друг, опубликовать тот маленький роман, который я имел дерзость сочинить в вашем присутствии — конечно, если вы найдете, что он стоит того, чтобы позабавить им читателей.

Я исполнил данное мне поручение.

Öğər ɔ BRɛdib sɔdɪtəxəh

ÖföφA z Aφb

хваляли его подвиги.

Кристофер хорошо знал живописную гостиницу «Сандбой и Овол» и времени не терял.

У подъезда его ожидал пожилой человек с манерами аристократического кучера.

— Я приехал сюда по приглашению мистера Честера, — сказал Кристофер Рейс. — Вероятно, он придет через четверть часа. Где мне его можно подождать?

Пожилой человек бросил на него лукавый взгляд.

— Особа, которую вы ожидаете, прибыла, мистер. Она ожидает, мистер, вас в салоне, который я предоставил в ее распоряжение... сообразно с обстоятельствами...

Этот человек говорил и подыскивал слова, странно улыбаясь. По мистер Честер ожидал — и Кристофер молча последовал за хозяином гостиницы.

Осенние сумерки уже слетели и наполняли собой зал с дубовой мебелью, едва освещенный единственной лампой. В конце коридора, узкого и мрачного, человек остановился, открыл дверь и церемонно доложил кому-то, сидевшему в комнате:

— Прибыл автомобильный джентльмен.

Затем он удалился.

Кристофер остановился на пороге в недоумении: особа оказалась молодой девушкой. Она была похожа на какой-то очаровательный большой цветок: глаза были днем, должно быть, синие, а вечером, в тускло освещенной комнате, казались черными и глубокими. Волосы были цвета спелой пшеницы. Она была в костюме амазонки, стройная, изящная. Но необыкновенная бледность разливалась по ее лицу.

— Прошу извинить меня, — сказал Кристофер. — Мистер Честер должен был ждать меня здесь и...

— Я — Сидни Честер, и это я телеграфировала вам.

Кристофер постарался не обнаружить удивления.

— Мисс Сидни Честер?

— Сидни не только мужское имя, но и женское. Всего телеграммой не скажешь. Но садитесь, пожалуйста, и я попытаюсь объяснить вам или, по крайней мере, изложить, что заставило меня обратиться к вашей помощи... Факты необыкновенные... Я много слышала о вас и также знаю, что вы один из лучших автомобилистов. Вам, конечно, известен Вуд-Хаус, — вы слышали и вы уже знаете о страшных происшествиях...

— Извините, мисс, но я ничего не знаю.

— В последнее время много писали в газетах.

— Я надолго уезжал и не читал газет.

— Тем лучше. Таким образом, никакие посторонние соображения не повлияют на ваши розыски. Вы не знаете Вуд-Хаус? Но ведь это очень красивый и старинный дом, — продолжала она, и тоскующее выражение лица озарилось нежной улыбкой. — К тому же, во всем графстве он известен. И мы очень привязаны к нему — я и моя мама, единственные потомки Честеров. Но, чтобы вы поняли, я вам расскажу все,

— У вас большой штат прислуги?

— Разумеется, мы тоже, прежде всего, подумали на прислугу. Но согласитесь сами, что, как бы ни был ловок вор, невозможно же ему, если только он не колдун, стаскивать кольца с пальцев, расстегивать колье, отстегивать брошки, снимать пояса и так, что решительно никто ничего не замечает!

— Вполне с вами согласен, мисс.

— Да, но ведь это же совершается ежедневно в Вуд-Хаусе вот уже две недели подряд!

— Это какая-то сказка!

— И с привидениями!

Кристофер не дерзнул улыбнуться: столько отчаяния выражало лицо молодой девушки.

— В привидения я не верю, — произнес он. — Я скорее думаю, что все это кончится довольно прозаично. Привидение нельзя видеть, прекрасно, но неужели вы думаете, что оно способно сделать незримыми драгоценные вещицы, которые оно ворует?

— Правда, — серьезно сказала девушка.

— Что же, надо подойти к загадочному явлению с другого конца.

— С какого же?

— Скажите, ведь вы для этого же пригласили меня, мисс?

— Конечно... Во всяком случае, я предупредила вас. Примите все предосторожности. Все, что есть ценного у вас, оставьте здесь и не искушайте привидений Вуд-Хауса. Для всех, кроме меня, вы такой же путешественник, как и прочие. Приезжайте сегодня на автомобиле и займите комнату.

— Хорошо. Положитесь на мою преданность.

— До свидания, мистер, я должна приехать к обеду.

— Еще слово, так как нам надо выяснить заблаговременно все. Нельзя же нам будет совещаться в Вуд-Хаусе. Сколько у вас принято новых слуг?

— У нас трое служанок, одна очень верная и старая горничная, которая служит уже много лет, и две молодые девушки — из них одна из Лондона, а другая из соседней деревни. Ключник, два новых лакея, старый повар, к которому мы взяли двух помощников. От времени до времени мы приглашаем еще поденщиц. Вот и все. Только я вам должна сказать, что мы требуем самой лучшей рекомендации. Они у нас служат уже около двух лет, а таинственные исчезновения начались только, как я вам рассказала, две недели тому назад.

Первое происшествие. Путешествовали по Англии богатые американцы и останавливались у нас на одну ночь. Но старый дом наш так им понравился, что они решили, вместо субботы, уехать от нас в понедельник. И вдруг за обедом в воскресенье у двух молодых барышень и у их матери пропали все золотые вещи, а у мистера Ван Рейзалара не оказалось в кармане банковских билетов на сто фунтов! Вообразите паше отчаяние! Разумеется, мы обратились к полиции, но никакого результата: не было найдено ни одной вещицы и ни пенни. И с тех пор пошло и пошло!

III

Շտիլդիւնէի զգեստը յարձակ

— Но у вас еще есть клиенты?

— Да. Им все известно. И если бы газеты не предупредили их, наш долг был бы сделать это. Многие не верят и убеждены, что весь этот шум только ловкая и оригинальная реклама. Несмотря на предупреждения, они не принимают никаких предосторожностей и становятся жертвами...

— А у вас ничего не украли — или у вашей мамы?

— Нет. Да и мало у нас драгоценностей, а деньги мы немедленно кладем в банк. Расплачиваемся чеками. Серебро никогда не пропадало — и прислугу тоже не обкрадывали. Но кузены наши, мистер и мистрис Морлей Честер, потеряли свои драгоценности и часть денег. Вещи у них были фамильные, и они ими дорожили. Для нас это было большое огорчение, потому что они не богаче нас, и мы им очень признательны за их родственные чувства...

— Если я хорошенько понял, то драгоценности исчезают только за столом?

— Да. И только в трех комнатах: в столовой и в двух маленьких кабинетах. Но почти все гости предпочитают обедать в столовой, потому что она такая красивая.

— Странно. Вы говорите, что вещи исчезают необыкновенным образом у всех, у кого они есть, во время обеда и завтрака, и этого не замечают!

— Еще страннее! Те, которые сидят с обворовываемыми рядом и у которых нечего красть, тоже ничего не замечают, что делается вокруг них.

— А ночью никто не был обворован у вас?

— Никто. В спальнях ни разу ничего не пропадало.

— Подолгу проживают у вас гости?

— Мимоездом... Нет, не долго. Некоторые заезжают из любопытства, а другие в надежде разоблачить тайну. Но когда все любопытные разочаруются, — мы погибли!

— Не отчаивайтесь. Может быть, мы кое-что сделаем. А вот еще, скажите, нет ли у вас жилья, который бы поселился в Вуд-Хаусе ровно две или три недели тому назад и ни разу за это время не выезжал из гостиницы?

— Есть, — смутившись, сказала девушка. — Мужчина... молодой человек...

— Молодой человек... и несколько недель проживает у вас? Кто же он такой?

— Художник. Он занял комнату, которая носит название «королевской»... В ней скрывался Карл Второй... Из нее есть секретный ход.

— Так вы припоминаете, что он у вас уже две или три недели?

— Около этого, — произнесла девушка и покраснела, что придавало новое очарование ее наружности. — Я знаю, о чем вы подумали, мистер! — сказала она. — Нет, уверяю вас, вы ошибаетесь. Молодой человек не имеет отношения к этим таинственным пропажам.. Просто совпадение. Ну, да, хорошо. Так как вы мне не верите, то я вам скажу, кто он: этот молодой человек — мой жених, мистер Уолтер Равен. Я сказала ему в письме о своем проекте и о намерении выйти за него замуж, только когда я разбогатею настолько, чтобы никому не быть в тягость. Письмо так взволновало его, что он бросил хозяйство на руки товарища и сам неожиданно приехал к нам.

— Он старался объяснить как-нибудь тайну вашу?

— Чего он только не придумывал!

— А вы рассказали ему, что пригласили меня?

— Не рассказала. А почему? Потому что... чтобы он не подумал, что я не доверяю его ловкости и проницательности. Только когда уже вы будете на пути к раскрытию тайны, я поделюсь с ним, что вы — гость особого рода. Что, может быть, еще спросите о чем-нибудь?

— Не сейчас... Может быть, со временем... Гм...

Кристофер испытывал особое удовольствие быть наедине с этой милой молодой девушкой.

— Ах, я забыл, — сказал он. — Кто именно прислуживает за столом?

— В зале буфетчик Нельсон и один еще лакей, который при случае, превращается в метрдотеля.

IV

☞Rb9 h x dαα ∫ t z zεε-gfαzR ☞αεzR

— А в столовой, — спросил Кристофер Рейс, бросая косой взгляд на девушку, — а в столовой никого не бывает, кроме поименованных лиц и путешественников?

— С тех пор, как завелась тайна, я, мистер Морлей и его жена смотрим, что называется, во все глаза во время обеда. Кроме того, мистер Уолтер Равен, когда завтракает и обедает, бывает чрезвычайно внимателен.

— Так что кражи совершаются, некоторым образом, на ваших глазах? — спросил Кристофер и добродушно улыбнулся.

— В этом-то и заключается таинственная сторона дела. Все это просто похоже на какой-то сон. Да вы сами увидите. Но только, я прошу вас, — не имейте на себе ничего ценного, потому что они — если только они существуют, — могут вас обокрасть.

— Не могу представить себе этого.

— Другие то же самое говорили, а потом им пришлось пожалеть.

Кристофер беспечно засмеялся.

— Имейте в виду, что я вас предупредила.

— Могу присягнуть, что вы меня предупредили, — сказал Кристофер. — Ну, а теперь допрос окончен. Прошу вас верить мне, и все будет благополучно.

Кристофер Рейс был еще довольно молодой человек; он с удовольствием пожал протянутую ему ручку молодой девушки.

— Виноват, что я несколько вас задержал, — проговорил он, — теперь уже поздно. Однако, в Вуд-Хаус я приеду в девять часов и пообедаю в этой гостинице. Надеюсь, разре-

шите?

Она отвечала ему любезным поклоном, и он увидел из окна, как она вскочила на красивую породистую лошадь и помчалась домой.

— Почтеннейший мистер Каквас!

— Что прикажете, автомобильный джентльмен?

— Благovolите-ка мне подать обед, причем предупреждаю вас, что я люблю недурно поесть.

— Я, мистер, не сомневался в этом ни на минуту. Ваш аппетит должен отвечать скорости вашего автомобиля.

— Благодарю вас за лестное мнение. Имейте в виду, что я долго ем.

— Многие размышляют за обедом.

— Вы угадали, мистер Каквас. Я предаюсь за обедом самым трудным размышлениям и часто перевариваю их гораздо скорее, чем вот такие бараньи котлеты.

— Зато могу уверить автомобильного джентльмена, что он не очень скоро покончит с моими бараньими котлетами, и продолжительность его размышлений вполне удовлетворит его.

Кристофер Рейс выпил бутылку эля и, оставшись один, действительно предался размышлению.

«Несомненно, мисс Честер сильно преувеличивает, — говорил он себе. — Она — девушка с пылким воображением. И, вероятно, с темпераментом. История занятая и не без страсти. На первых порах все туманно, и ничего в волнах не видно. Но есть все-таки точный факт; это странное совпадение присутствия мистера Уолтера Равена с началом появления таинственных исчезновений. Положим, он — жених мисс Честер. Так, действительно, он жених! Гм! Но откуда же такое чудовищное совпадение? Пока не вижу другого вора. Но с какой целью он стал бы воровать? С той целью, чтобы заставить молодую девушку закрыть гостиницу. Ему не нравится, что она занимается таким трудом. Ему хочется самому предоставить ей средства. А, с другой стороны, кража направлена на столь ценные вещи, что не нужны никакие Колорадо! Знай себе тащи да умножай запасец. Таково уже свойство воровства, что если кто начнет заниматься этим делом для каких-нибудь даже возвышенных целей, он в конце концов обратится в профессионального вора. Но вопрос — как он ухитрится воровать? Какой у него способ? Тут я решительно ничего не могу придумать. Одно только верно, и чутье меня не обманывает — решил Кристофер, отодвигая тарелку с недоконченным пудингом, — что жених должен быть центральной фигурой всей драмы».

ՀՀՏԵՐԻ ՕՂԵ-ՉՐԴՅ Ն ԵԱՅԿԻՆ ԿԵԱՊՐԵՏԱՆՆԻ

Дорога от «Сандбоя и Овола» до Вуд-Хауса была превосходная. «Красный курьер» быстро поэтому очутился у старых ворот с каменными львами.

Молчаливый и седой ключник — он же буфетчик — принял его, и лакей в изящной ливрее, указал навес для автомобиля. Устроив «Красного курьера», Кристофер вошел в гостиницу.

В камине горел огонь, трещали дрова, и свет дрожал на скульптурном потолке квадратной залы.

Мебель была редкостная. Старинные поставцы были украшены гербами и фаянсовыми вставками, стулья с высокими спинками и столы были массивны и неподвижны.

Имя Рейса было произнесено громко, словно в доме ждали его, как гостя и друга, и молодой человек с приятным лицом подошел к нему и приветствовал его. Немного поодаль Сидни Честер, в вечернем туалете, беседовала с пожилой дамой, вероятно, своей матерью, и какой-то молоденькой, миленькой, маленькой, застенчивой женщиной. Рядом стоял красивый молодой человек с несколько вызывающими и как бы солдатскими манерами и загорелым лицом.

— Конечно, я имею честь говорить со знаменитым мистером Рейсом, который прославился тем, что побил рекорд на автомобиле и стал всебританским чемпионом? — спросил молодой человек, который приветствовал Кристофера. — Я — Морлей Честер, кузен мистрис Честер и ее дочери.

— О славе моей стоит ли говорить, это чересчур любезно, — отвечал Кристофер. — В наше время легко сделаться чемпионом при совершенстве машин. К сожалению, я не обладаю никакими другими достоинствами.

— О ваших победах так долго трубили газеты!

— Верный признак, что в политике застой, когда газеты уделяют слишком много времени автомобильным гонкам. От нечего делать журналисты слишком преувеличили мой

маленький успех.

— Позвольте представить вас мистрис Честер, мисс Честер, а также моей жене.

Женой мистера Морлея оказалась та самая маленькая, застенчивая, хорошенькая дама, на которую еще ранее обратил внимание Кристофер. Потом новый гость познакомился с красивым молодым человеком с резкими манерами: этот оказался сэром Уолтером Раненом. Первое впечатление было неблагоприятно. Но зато мистер Морлей Честер был достоин всяческих похвал. Он как-то сразу располагал к себе, и с ним хорошо чувствовал себя всякий новый человек. В нем было много теплоты и душевной сердечности.

— А теперь, хотите, я покажу вам комнаты, чтобы вы выбрали себе любую. Не правда ли, вы уже знаете о странных, таинственных явлениях в нашем доме? — спросил он Кристофера полунасмешливо, полусерьезно.

— Слыхал... Мне говорили...

— Мы считаем своим долгом предупреждать всех вновь приезжающих. Долгое время многие не хотят верить, пока не убедятся. А случается это, когда гости задумают уезжать. Все идет хорошо, и вдруг в последний раз за столом гостя постигает такая же участь, как и других. По-видимому, вор великолепно осведомлен об его намерениях насчет отъезда... Ну, да вы сами увидите!

Так как Кристофер уже пообедал, то он спустился вниз лишь после того, как дамы разошлись по своим комнатам. Присоединившись к мужчинам в курительной, он внимательно всматривался в их лица. Наблюдал также слуг. Никто не показался ему подозрительным.

Никто также не говорил в этот вечер о тайне дома. На другой день утром, в общей зале, Кристофер кое-что подслушал.

VI

Фэвэз Сэбэрд

— Со мной ничего не случилось, — сказал богатый пивовар, мистер Генри Смитсон, — и я завтра уеду после обеда.

— Но вы, конечно, садясь за стол, отдадите часы и деньги своему шоферу? — со смехом сказала молоденькая американская девица.

Она жила в гостинице уже несколько дней.

— Нет! Как бы не так! Я, знаете, мисс, не верю в эти глупости. Я нарочно не уложил не только часы, но и вот эти вещицы.

Он показал своей собеседнице великолепные золотые часы с бриллиантовой монограммой, черную жемчужину, которой он закалывал галстук, платиновое кольцо с сапфиром и с бриллиантом и побренчал золотыми в кармане.

— Со мной пятьдесят фунтов и, кроме того, много банковских билетов.

—Идея! Давайте, позавтракаем вместе и будем следить друг за другом! — вскричала американка. — Втроем!

Она указала на свою компаньонку.

Кристофер еще не видел знаменитой столовой, о которой ему говорила мисс Честер. Он всю ночь перед этим думал о столовой. Комната, которую он себе выбрал, была древней, с деревянной резьбой. На новом месте спал он несколько беспокойно и часто просыпался. Разная чепуха лезла в голову. Слушая теперь, как стоваривались американцы, он вспомнил, что ему приснилось многорукое привидение, которое вошло в его спальню вместе с лунным светом и перешагивало все его карманы.

Когда американцы отправились в столовую, он с любопытством последовал за ними.

В самом деле, это была великолепная комната, и стены ее были украшены деревянной скульптурой. Многочисленные червоточины свидетельствовали о большой древности стенных орнаментов, и Кристофер, в качестве знатока антиков, мысленно дорого оценил их.

«Разумеется, — подумал он, — было бы жаль потерять такой дом!»

Узенькие столы стояли по обеим сторонам комнаты у стен, каждый на восемь персон. А посередине стоял огромный старинный стол со скульптурной подстолицей и такими же ножками — удивительный образчик стиля Тюдоров, — и на него прислуга ставила запасную посуду и блюда с кушаньями, когда подавала и убирала со столиков, на которых обедали гости.

Прямо против дверей, которые вели из общей залы, возвышался общий буфет со старинным серебром.

Кристофер подсел к столу в конце комнаты, а мистер Смитсон и молоденькая американка заняли место за столом подальше, недалеко от него. Все смеялись, и шипело шампанское.

—Нет, меня берет нетерпение! — задорно вскричал Смитсон. — Пожалуйста, как можно пристальнее смотрите на меня. Болтают, что чудеса начинаются, когда гости зав-

тракают или обедают последний раз. Я хочу чуда. Я уезжаю сегодня! Объявляю!

— Довольно странные привидения, которые являются днем, — с усмешкой сказала компаньонка.

— С каким удовольствием я схватил бы руку, которая потянулась бы ко мне!

— За здоровье привидения!

— Да здравствуют привидения!

— Бывают духи, которые в загробной жизни проявляют пороки и добродетели, которыми они обладают на земле... — долетело до слуха Кристофера с другого стола.

— Мистер Смитсон, у вас еще мурашки по спине бегают?

Пивовар протянул сжатый кулак в пространство и поиграл сапфиром и бриллиантами.

— Что, не правда ли, недурные камушки, мистер Призрак? — шутливо произнес он.

— Смотрите, не раздражьте его! — с громким смехом сказала молоденькая американка.

Кристофер Рейс не спускал глаз с американки, с ее компаньонки, с мистера Смитсона. За завтраком прислуживали седой буфетчик и два лакея в бальных фраках. Мистер Морлей Честер исполнял роль хозяина и следил за порядком из-за ширмы, которой была заставлена дверь в лакейскую.

Дам, принадлежащих к семейству Честер, не было. Все шло, как следует. Иногда только между блюдами были слишком большие промежутки. Но гости не скучали: они смеялись, шутили, пили вино.

Кристофер ел, по обыкновению, с аппетитом. К вину он, однако, не притронулся. Сквозь неплотно притворенные окна, должно быть, врвался свежий воздух, напитанный запахом сосны и ели и тем легким ароматом увядания, который свойственен осени; или от старинных стен отделялся нежный запах дерева, местами уже медленно тлеющего.

На секунду Кристофер перевел взгляд на свою тарелку, приступая к следующему кушанью, и вдруг мистер Смитсон заревел, как бык, соскочив со стула.

— Что за чертовщина?

Раздался целый хор восклицаний, дамы взвизгнули от

изумления.

— Боже мой, неужели?

Молоденькая американка хотела рассмеяться и не могла. Губы ее побелели, судорога сжала рот. Компаньонка пролила на себя вино и встала с места.

— Что случилось? — спросил Морлей Честер, выходя из-за ширмы.

Сэр Уолтер Равен поднялся бледный и испуганный. А седовласый ключник побежал со всех ног и уронил на пол бутылку.

— Ничего де осталось... Все пропало! — вскричала, наконец, американка, — где ваши часы, цепочка, кольцо, булавка?

— И где мои деньги? — плачевно подтвердил Смитсон.

— Я страшно огорчен, — сказал Морлей Честер, подходя к пивовару. — Ведь я же вас предупреждал... отчего не послушались наших советов!

— Увы, виноват... В наше время — такие явления! Ведь я же не дикарь, чтобы верить в чушь. И, однако же, хорошо вижу теперь и убедился, что дом с чертовщиной. Ха-ха-ха-ха! — рассмеялся мистер Смитсон не очень-то натуральным смехом.

— Мы сами начинаем верить, что тут нечисто, — проговорил Морлей Честер.

— А что, если бы вы пригласили сыщика?

— Но ведь уже не первый раз сыщики делают свое дело и не приходят ни к чему! — возразил Морлей Честер.

Кто-то нашел уместным сострить:

— Если есть воры-привидения, то почему бы не быть привидениям-сыщикам? Однако, вопрос, где достать такого сыщика?..

И все окружили мистера Смитсона.

— Смотрите здесь, смотрите там, — приходя в себя и становясь веселее, говорил пивовар с кислой улыбкой, — нет ни запонок, ни брелоков. В особенности жаль мне панораму с двумя снимками — с моего семейства и с моего стада буйволов... Честное слово, нет булавки, нет часов, которые мне жена подарила! Я хотел бы знать, не возвратит ли мне привидение моих вещей, если я объявлю ему, что я до тех пор не уеду из Вуд-Хауса, пока мой банкир не пришлет мне денег. Будьте любезны, мистер Привидение, не изменяйте своим добрым правилам. Или уж возврата нет? Пиши пропало? Что вы так на меня смотрите, мистер Рейс, если не ошибаюсь? Я не пожелал бы вам быть в моем положении.

— Мистер Смитсон, — сказал Кристофер, — верьте, что я сочувствую вам. Я обратил на вас только невольное внимание, как на пример жизнерадостности.

— Вы хотите сказать, мистер Рейс, эксцентричности. Мы, американцы — эксцентричный народ. Конечно, бриллиант можно купить другой, и черную жемчужину можно купить. Но неприятно, когда остаешься, как рак на мели! Это даже гораздо хуже, чем если бы солидная банкирская контора отказалась платить золотом по моему чеку!

«Что, если ты сам, голубчик, стибрил у себя и часы с цепочкой, и булавку, и кольцо? — подумал Кристофер, которому приходилось в своей практике встречаться с разными чудаками. За удовольствие обратить на себя всеобщее внимание они готовы проделать что угодно. — Не имеем ли мы тут дело с моральной заразой — с местной эпидемией чудачества?»

Мистер Смитсон словно догадался, о чем думает Кристофер.

— Ба, господа, я бы скорее допустил, что я сам себя обокрал, чем такой нелепый волшебный случай! Но, к сожалению, карманы мои пусты.

Он вывернул все свои карманы.

— Прелестные леди, простите меня за неприличное поведение. Высокоуважаемые мистеры и сэры, прошу вас, выйдемте со мной и общите меня. Я буду вам несказанно благодарен, я сомневаюсь в себе самом.

Мужчины ушли с мистером Смитсоном — не для того, чтобы обыскать, но чтобы ободрить его. Он старался шутить и смеяться, а на самом деле был расстроен.

— Мистер Рейс, — сказал он в курительной комнате, — у вас скептическое лицо, но вы внушаете мне доверие.

— Благодарю вас.

— Вы предполагаете, что у меня есть секретный карман. А? С позволения вашего, господа, я разденусь.

— Не надо, не надо! — раздались голоса.

— Я хочу остаться в собственных своих глазах честным коммерческим человеком, который торгует реальными продуктами. Признателен за кредит. Но требую ревизии моей состоятельности.

По его настоятельным просьбам, платье его было осмотрено. Кристофера особенно заинтересовало такое настроение мистера Смитсона, и он не поцеремонился с ним. Привидение забыло вынуть из его жилетного кармана только одну серебряную монету.

— Все-таки и это было великодушно с его стороны, — сказал с улыбкой Кристофер.

— Жму вашу руку за оказанную мне услугу. Теперь я окончательно убедился, что есть таинственное... Есть что-то — не правда ли?.. — с торжеством спрашивал Смитсон. — А вы верите в привидения, мистер Рейс?

— Нет, — спокойно сказал Кристофер.

— Несмотря на?..

— Несмотря на...

— Чем же объясняете вы происшествие?

— Не знаю.

— Дарвин не верил в Бога, но, когда его спросили, как же произошел мир, он тоже отвечал: «Не знаю», — проговорил, на минуту вынув сигару изо рта, путешествующий профессор. — Такая философия называется агностицизмом.

Стали говорить о привидениях и духах и о том, что агностицизм — хорошая философия, но ничего не объясняет. У кого были деньги, тот придерживал их рукой в кармане. В особенности крепко держал свой кошелек профессор.

VII

Озабоченность

Кристофер старался сохранить в возможной ясности свой ум; но он должен был сознаться себе, что ум его был в постоянном смятении. Он ничего не понимал. Приключение было необыкновенно странное. И смущение его увеличилось, и мысли утратили свою логическую последовательность, когда в роскошной столовой повторились пропажи драгоценных вещей и денег. Не уберется профессор.

Садясь за обед, он решил не выпускать из левой руки дорожных денег. Но не успел он дойти до второго блюда, как почувствовал, что в руке его, глубоко запущенной в брючный карман, ничего уже нет.

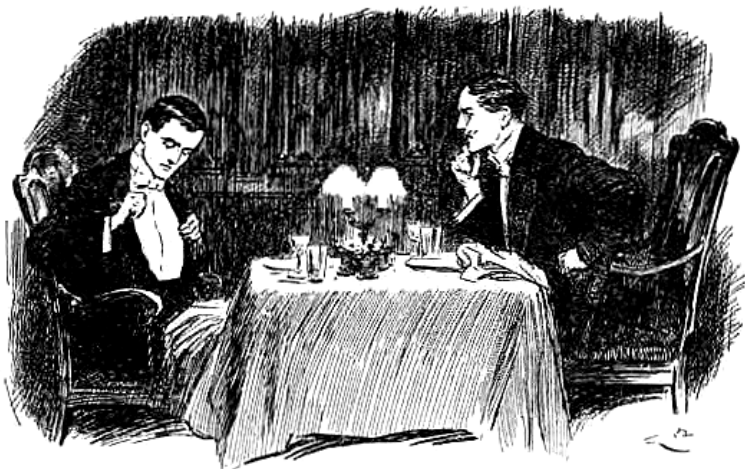
— Вот тебе и агностицизм! — горестно вскричал он.

В то же время пропали часы и изумруды у почтенной немецкой графини. Спустя несколько дней пострадала и молоденькая американка. У нее был черный бриллиант, которым она очень дорожила и который для безопасности носила на груди, под корсажем.

Все это так действовало на Кристофера Рейса, что он постепенно потерял аппетит, стал бледен и угрюм. Он заметил также, что после каждой пропажи мисс Сидни Честер становилась бледнее и бледнее. Впрочем, на всех лицах в Вуд-Хаусе лежала печать угнетенности. Чтобы выйти из

этого подавленного состояния, гости поневоле прибегали к вину. Мрачен был сэр Уолтер Равен.

Однажды в курительной он перекинулся несколькими словами с Кристофером Рейсом.

— Вы заметили молчаливого джентльмена за третьим столом справа, появившегося неделю тому назад, после истории со Смитсоном?

— Заметил.

— Он неизменно занимает одно и то же место. Как вы думаете, кто он?

— Он напоминает мне магистра богословия, ожидающего пасторского места.

— Это сыщик.

— А! — вскричал Кристофер. — Ну, и что же?

— Ничего. Он собирается уезжать завтра. Обыкновенная история. Сегодня он вставил в пластрон три золотые запонки, но вор с презрением, должно быть, отнесся к этим драгоценностям, потому что обед кончился благополучно.

— Странно, что вор, если он призрак, делает такое различие между ценными вещами и не ценными. Вещицы в каких-нибудь десять шиллингов его уже не соблазняют.

— Странно, — повторил сэр Равен и выпустил кольцо дыма. — Скажите, вы удобную выбрали себе комнату?

— У меня прелестная спальня, — отвечал с бледной улыбкой Кристофер Рейс. — Но каждую ночь снятся привидения. Иногда кошмары давят меня, и я просыпаюсь с криком.

— То-то я слышал. Вы ворочаетесь так на своей постели, что она громко скрипит.

— Да, я знаю, что вы спите в комнате рядом со мной. А вы себя как чувствуете? — простодушно спросил Кристофер.

— Я обладаю крепким здоровьем, — отвечал сэр Уолтер Равен, — я закалил себя в Колорадо. Ах, если бы вы знали, как я влюбился в свои степи! Какой простор, какая роскошь!

— Долго вы намерены пробывать в Англии?

Но тут облако угрюмости затуманило глаза сэра Уолтера Равена, он резко оборвал беседу, встал и ушел.

Всеобщая бледность, угрюмость, растерянность и испуг заставили Кристофера Рейса по временам задумываться о привидениях не на шутку. Его раздражало, что есть такая сила, которая не подчиняется его проницательности. Он пробовал заговаривать со слугами. Все в один голос твердили, что Вуд-Хаус стал проклятым местом, и собирались уходить.

— Нет возможности дольше служить, мистер Рейс. Мы чахнем здесь. Еще два таких месяца, и мы сами превратимся в фантомы. И теперь мы по бледности не уступаем салфеткам. Хорошо сделает мистрис Честер, если продаст родственникам Вуд-Хаус и переедет хотя бы в Лондон или выйдет замуж в Колорадо.

— Гм... гм...

Кристофер Рейс видел вечером в общей зале новую группу туристов, еще веселых и беспечных, приехавших взглянуть на волшебную гостиницу. А ночью у него страшно болела голова, и он не мог заснуть.

«Итак, сэр Уолтер Равен, мой сосед, слышал, как скрипит подо мной кровать, когда я нервно ворочаюсь. Но не слышал, как я кричу. А я помню, что два раза страшно кричал. Чем это объяснить? Наконец, я тоже слышал, как скрипит под ним кровать, а между тем, стена, разделяющая нас, необыкновенно толста».

Ему захотелось узнать толщину стены.

Кристофер вышел в сад, пользуясь темнотой, и измерил глазом расстояние между окном в своей комнате и окном в спальне Уолтера Равена. Прикинув по два фута на углы, он сообразил, что пространство между обеими комнатами настолько велико, что в нем смело можно предполагать какой-нибудь коридор или чулан. Возвратившись в дом, он прошел мимо дверей спальни Равена и мимо своих. Третьего входа не было: на гладкой стене не было ни малейших следов. Штукатурка была новая и безупречная.

«Я бы хотел заглянуть в комнату сэра Уолтера Равена, — подумал Кристофер, входя к себе. — Почти не сомневаюсь теперь, что между ним и мной имеется помещение, и возможно, что вход в тайник я найду где-нибудь в деревянном панно, которым, конечно, украшена его комната, как и моя...

Кстати, о каком секретном ходе из комнаты Уолтера Равена упомянула в разговоре со мной мисс Сидни Честер? В этом тайнике скрывался Карл Второй. Что, если привидение, ворующее драгоценности, скрывается там?» — с улыбкой удовлетворения спросил себя Кристофер и, сняв верхнее платье, лег на кровать.

Голова его горела от самых противоречивых догадок. Прошло с полчаса. Вдруг он услышал за стеной равномерный легкий скрип. Его можно было, в самом деле, принять за скрип кровати. Но, во всяком случае, это не была возня мышей или крыс. Кристофер осторожно спустил ноги с постели. На башне пробило два часа. Вскоре скрип прекратился и послышался какой-то шорох, а затем скрип возобновился и мало-помалу замер.

«До завтра!» — решил Кристофер.

Рано утром горничная принесла ему чай.

— А что, — спросил Кристофер у девушки, — комната сэра Уолтера Равена такая же, как у меня?

— Такая точно, мистер.

— И такая же резьба?

— Такая точно, но другого рисунка. Если вас интересует комната сэра Уолтера Равена, в которой висит древний портрет Карла Второго, то не угодно ли взглянуть, я провожу вас. Многие туристы любят этим портретом. Он необыкновенной выразительности.

— Но, может быть, сэр Вальтер еще у себя, и имею ли я право воспользоваться вашим приглашением?

— Само собой разумеется, мистер Рейс, что я говорю не иначе, как имея на то основание. Сэр Уолтер Равен уехал с мисс Сидни Честер прогуляться.

— Как рано встает сэр Уолтер Равен!

— Очень рано. Кажется, он страдает бессонницей. Без ума влюблен в нашу барышню. Дай им Бог всякого счастья! Пожалуйста!

Кристофер пошел за горничной. Она отперла соседнюю спальню, где царил порядок: малейшая вещица аккуратно лежала на своем месте, и нигде не было ни пылинки. Художественный портрет короля занимал чуть не полстены, той,

которая прилегалась к комнате Кристофера Рейса.

Быстрым взглядом окинул Кристофер все подробности и обратил внимание настолько на художественную живопись, в которой знал толк, сколько на толстую, позеленевшую от времени золотую раму удивительной работы, и даже заглянул за картину.

— Какая везде чистота, — похвалил он, — и нет пыли там, где больше всего ее можно ожидать.

Кристофер посмотрел на пол и прошелся по паркету взад и вперед, отступая и приближаясь к портрету, как бы любясь им.

— Нет, я ничего не понимаю, — пробормотал он. — Я хотел сказать, что я ничего не понимаю в живописи, — пояснил он горничной.

Но та подумала, суда по странному выражению, с которым он посмотрел на нее, что он зато понимает толк в хороших лицах, покраснела и сурово сказала:

— Мистер Рейс, я должна спешить к своим обязанностям.

Он наклонился и подарил ей шиллинг.

Не без сожаления покинул он комнату сэра Уолтера Равена.

VIII

Всё что есть в жизни — это то, что мы делаем.

Кристофер Рейс вышел в сад и выкурил сигару. Какая-то паутина облекала его мозг, и он старался удалить ее крепким табачным дымом. Гуляя, он поднимал голову и смотрел на свое окно, которое он мог узнать днем по развернутой книге, нарочно поставленной им на подоконнике.

«Промежуток между нами так велик, что может быть только пустым пространством», — решил он и еще раз поднял голову.

Тут за высокими кустами он заметил искусно скрытое плутом крохотное оконце, похожее на отдушину и пробитое как раз посередине между окнами.

«Не знаю, какую связь имеет это окошечко с таинственной пропажей вещей в гостинице, но меня страшно интересует оно. И жаль, что я не могу, за неимением лестницы, подняться и заглянуть в него».

Сердце у него забилося с страшной силой. Открытие было сделано. А труден только первый шаг. Не докурив сигару и бросив ее, он быстро вернулся к себе в спальню и, пользуясь отсутствием соседа, стал выстукивать стену. Деревянная панель, которой была обшита ее нижняя часть, на всем протяжении издавала такой звук, как издает пустая бочка. Забравшись с ногами на стол, он постучал в верхнюю часть стены и убедился, что вся она деревянная. В том, что между его спальней и спальней сэра Уолтера Равена существует очень узенькая и, может быть, невысокая комната, он ни минуты больше не сомневался и, кроме того, был почти уверен, что за портретом Карла Второго находится потайная дверь.

Со свойственной ему энергией Кристофер решил действовать.

Ему захотелось пропилить отверстие в стене. Дерево было уже старое и все в глубокой резьбе. Легко было хорошим стальным инструментом высадить любое панно. Надо было только достать острую пилу. После завтрака он сел на автомобиль и отправился в ближайший городок Рейгорст, где купил великолепную маленькую пилу и электрический фонарь.

На обратном пути он встретил в лесу мисс Честер и ее жениха. Вместе с ними он вернулся на автомобиле в Вуд-Хаус.

— Что с вами, мистер Рейс? — удивилась молодая девушка. — У вас как-то глаза провалились.

— На меня дурно действует климат гостиницы, — отвечал Кристофер. — Прежде я мог делать какие угодно состояния, а теперь сдаюсь после нескольких миль.

— В нашем доме, — отвечала девушка, — все тоскуют.

Прислуга измучилась. Так дальше жить нельзя. Увы, придется покинуть гнездо!

— Да переезжайте же вы с мамашей ко мне. Поверьте, что в Колорадо ничего подобного не бывает. Ах, если бы вы послушались меня!

«Искренний молодой человек, — подумал о женихе Кристофер, — он сегодня мне даже нравится. Но ошибаюсь я или нет, а начинает пахнуть развязкой.

Пили чай в общей зале, когда Кристофер приехал в Вуд-Хаус. Старший слуга подал ему пачку писем. Пробежав их, он громко сказал, так что все слышали:

— Придется покинуть Вуд-Хаус утром.

— И не вернетесь? — с тревогой спросила мисс Сидни.

— Местность превосходная, и я огорчен, но я и так уже засиделся. Две недели я здесь и больше — не могу.

Девушка не настаивала. Но она, видимо, была взволнована.

— Как жаль, — с грустью прошептала она.

Кристофер пошел к себе переодеться перед обедом.

«Что ж, вставить запонки и взять с собой часы? Но, черт возьми, не обокраду же я сам себя!.. Я еще не выжил из ума!»

Он взял часы и вставил в пластрон две жемчужины.

Всегда он обедал за одним и тем же маленьким столом, и только в двух случаях изменил он своей привычке, когда его пригласили знакомые. Теперь он пригласил сэра Уолтера Равена разделить с ним трапезу.

— Сегодня я был в вашей комнате, — объявил Кристофер, — и видел портрет Карла Второго. Нельзя было уехать, не повидав его....

— Не правда ли, удивительные глаза?

«Глаз-то я и не заметил», — подумал Рейс и сказал вслух:

— Они пронизывают вас насквозь.

— Вот-вот!

— А позвольте, где же ваши запонки?

— Запонки?

— Я уверен, что на вас были сейчас две прелестные жемчужины.

Кристофер вскочил и с гневным недоумением посмотрел

на свою грудь.

— Да, они были, но их нет. Пропали также часы и золотые пуговицы из манжет... Положительно, непостижимо!

— Но это, наконец, невыносимо. Надо позвать мистера Морлея Честера и заявить ему об этом!

— Нет, зачем, я не люблю шум. Меня лично несколько не занимает всеобщее сочувствие.

Мистрис Морлей Честер прошла мимо стола со своей милой, застенчивой улыбкой. На Кристофера Рейса встреча с ней производила самое благотворное впечатление. От нее веяло какой-то лучистой нежностью. Ее маленькая, стройная фигура будила в сердце Кристофера неопределенное чувство симпатии или зависти к ее мужу, обладающему таким ангелом. Она, по-видимому, знала, что Рейс не вовсе равнодушен к ней. Застенчиво улыбнулась, отвела от него глаза и покраснела. Она ушла к мужу за ширму. Кристофер проскрипел зубами. Ему было теперь не до прелестной мистрис Морлей.

Обед кончился. Кристофер нетерпеливо ждал, когда все уйдут из столовой, поднялся, ушел к себе и заперся. Ему было известно, что значительную часть вечера сэр Равен сначала проведет в курительной, а затем на половине своей невесты, и будет пить с ней дуэт. Немедленно приступил он к работе: пробил отверстие в панели, всадил пилу и стал двигать ей взад и вперед с остервенением. Дерево в ложбинке, образуемой квадратной каймой, было тонко, а пила — острее бритвы. Через час панно поддалось, и таинственное пространство было вскрыто, как коробка с анчоусами. Кристофер просунул руку в отверстие и осветил мрак пустоты электрическим фонарем. Никакой двери в противоположной стене не было. Тайник представлял собой длинный и низенький коридорчик, а в глубине белелось что-то длинное. Кристофер приставил обратно выпиленное панно и стал ждать, пока заснет дом. Слышно было, как прошел сэр Уолтер Равен и щелкнул замком в своей спальне. На башне часы пробили час и, наконец, два. Гостиница погрузилась в немую тишину.

Было так тихо, что Кристофер слышал, как бьется его сердце.

IX

ᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃ
ᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃ

«Ну, теперь приступим к делу, — сказал себе Кристофер. — Я не могу подарить привидению свои жемчужины».

Он вынул панно, снял с себя ботинки, остался в одних чулках и попробовал влезть в отверстие. Но пришлось снять еще пиджак и жилет, и даже остаться в том костюме, в каком мужчины ложатся спать. С фонарем в руке он должен был согнуться в три погибели, чтобы попасть в тайник.

То, что белело в глубине тайника, оказалось тремя большими белыми коробками, в которых из магазинов отпускают белье и платье. Они были картонные, на деревянных планшетах, и окованы по краям тоненькой узорной жестию.

Кристофер приблизился к коробкам и открыл первую из них, развязав тесемки у крышки.

Коробка была наполнена сверху донизу ювелирными вещами. Браслеты были сложены с браслетами, кольца с кольцами, груда часов блестела, подобно золотым яйцам в гнезде какой-то фантастической птицы.

У Кристофера захватило дыхание.

Он заглянул во вторую коробку.

Она тоже была наполнена: булавками для прикалывания дамских шляп, бриллиантовыми и жемчужными колье и медальонами.

В самой меньшей — в третьей — Кристофер нашел кожаные и золотые бумажники, портсигары, записные книжки с золотыми монограммами, брелоки, цепочки и, наконец, банковские билеты.

«А золотых денег нет! — сделал наблюдение Кристофер. — Призрак не дурак, он предпочитает золото носить при себе, так как на монетах нет никаких индивидуальных признаков или, может быть, он куда-нибудь отлучается и прокучивает денежки!»

Кристофер поставил фонарь на коробку и отер пот с лица рукавом рубахи.

«Заранее извиняюсь перед призраком за столь неприличный костюм. Но возможно, что у призрака нет ни малейшего стыда — в особенности у такого, который ворует, — и он не упадет в обморок при виде моего нижнего белья. А я буду очень неприличен, потому что на полу, за коробками, где я сейчас улягусь, страшная пыль, и я вымажусь, как черт. Между тем, сердце меня не обманывает. Вон из той двери, из которой вниз ведут витые ступеньки, похожие на пробочник, сейчас должно подняться привидение с моими запонками, с часами и с жемчужинами. Оно несколько разочаруется, и я уверен, что пропавшие вещи мои будут отданы прямо мне в руки. Конечно, я мог бы спуститься сам по лестнице, и при этом она заскрипела бы, и сэру Уолтеру Равену показалось бы, что я переворачиваюсь с боку на бок на кровати; но благоразумие подсказывает мне, что я должен залечь за коробками и потушить фонарь, что я и делаю. Чертовски твердо, и пыль производит впечатление бархата, когда к ней прикасаешься пальцами! Хотел бы я знать, откуда в тайниках вроде этого собирается такая пыль? Странно, что вообще в темных местах пыли страшно много. Может быть, потому, что привидения ее не тревожат, а она любит тишину и спокойствие. Было бы в высшей степени некстати, если бы она попала мне в нос, и я расчихался бы. Поэтому не будем ворочаться. Уподобимся пыли».

Так размышлял Кристофер и минут двадцать лежал, как мертвый, на полу, за ящиками с темным тайнике.

Раздался где-то вдали шорох. Он был чуть слышен, но постепенно становился явственнее и мерно приближался. Несомненно, кто-то очень легкий, но все же не призрачный, поднимался по ступенькам винтовой лестницы, которая начинала поскрипывать. Должно быть, скрипучие ступеньки наводили на существо, поднимавшееся по лестнице, некоторое уныние и робость. Можно было уловить чутким слухом его сдержанное дыхание.

На потолке тайника заиграл красноватый зайчик, скоро превратившийся в большое пятно света как раз над отверстием лестницы, и на его ярком фоне, как на экране волшебного фонаря, выделился черный силуэт человеческой головы.

«Если это сэр Уолтер Равен, — подумал Кристофер, — то будет борьба. Он сильный человек. Мне его жаль, потому что у меня на поясе висит острейший испанский клинок... настоящая наваха, которою я недурно владею. Впрочем, я постараюсь ранить его в руку или в ногу...»

Тайник, между тем, осветился весь! Кристофер увидел колеблющееся пламя стеариновой свечи, и из винтового отверстия выступила половина фигуры. Еще прошла мучительно медленная минута, последняя половица скрипнула особенно резко, и Кристофер увидел маленькую, хорошенькую, застенчивую, с лицом ангела, мистрис Морлей Честер.

Она была в фуляровом ночном капоте и, ступив на пол, прямо направилась к коробкам. Опустившись перед ними на колени, она хладнокровно и без всякой застенчивости вынула из сумочки, принесенной с собой, часы Кристофера, жемчуг и золотые запонки, и протянула их к первой коробке.

Быстрым, как молния, движением Кристофер схватил молодую женщину за руку; и, так как у него не было боль-

ше ни малейшего предлога волноваться и для него почти все стало ясно — спокойно и любезно произнес:

— Благодарю вас, мистрис!

Мистрис Морлей Честер издала заглушенный стон, и рука ее нервно рванулась в разные стороны; но рука Кристофера была все равно, что железные клещи. Тогда молодая женщина дунула на свечу и погасила ее. Кристофер свободной рукой нажал кнопку фонаря и осветил воровку ярким электрическим светом.

— Пустите же меня! — с мольбой простонала мистрис Морлей.

Она еще рванулась и упала. Кристофер поддержал ее и сказал, жадно смотря на нее, как кот, вероятно, смотрит на мышку, которая попалась к нему в лапы:

— Великодушно простите меня, мистрис; единственно с целью встретиться с вами в столь необычном месте я должен был нарушить цивилизованный обычай и явиться перед вами без галстука. Точно так же я немного запыхался.

— Ничего, ничего! Не говорите, пожалуйста, так громко! Сжальтесь надо мной! — прошептала молодая дама.

— Было бы крайне неблагоразумно, мистрис, если бы я исполнил вашу просьбу. Мне вас нисколько не жаль.

— Неправда, не может быть! Вы иногда смотрели на меня добрым взглядом. Вы добрый и хороший!

— Я потому иногда позволял себе некоторую дерзость и смотрел на вас с восхищением, что считал вас ангелом.

— Благодарю вас! О, Боже мой! Благодарю вас!

— Но я вижу, что вы... — он свирепо улыбнулся и хотел назвать ее наиболее подходящим словом, но, как истый британский джентльмен, сдержал себя и произнес: — ...что вы украли у меня часы и запонки. Разумеется, вы возвратили их мне, но, признаюсь, это стоило мне большого труда и огорчения, так как я очень огорчен, мистрис, что должен буду сейчас связать вас... и? Как вы думаете, для чего?

— Я вас люблю, — с мертвой тоской в прекрасных глазах произнесла мистрис Морлей. — Я на все согласна, только сжальтесь!

— Нет, я вас свяжу и отдам в руки полиции...

— Не делайте этого, не делайте, ради Бога, не делайте! Пощадите меня! — быстрым шепотом заговорила она. — Не выдавайте!

— Хорошо, я могу вас не выдать, но вам придется исполнить в точности то, что я от вас потребую, — сурово сказал Кристофер.

— Все!..

— Мистрис, конечно, уже ничем не может себя скомпрометировать, а потому, чтобы не потревожить чуткого сна высокоуважаемого сэра Уолтера Равена, она благоволит, ввиду предстоящей нам продолжительной беседы, пожаловать в мою комнату.

Луч надежды озарил ангельское личико мистрис. Она покорно и застенчиво улыбнулась Кристоферу.

— Отлично, — сказал он, — мы поладим с вами. Не угодили вам войти в прорезанную мной дверь?

Она с недоумением взглянула на него. А он схватил ее за талию и почти вбросил в отверстие. Немедленно, вслед за ней, он влез сам и поставил панно на прежнее место.

— Едва ли от этого пострадал дом? — сказал он, указывая на опилки.

— Что вы намерены со мной делать? — кротко спросила мистрис Морлей, протягивая к Кристоферу бледные, тонкие руки, оголившиеся до плеч.

Он сказал, вытирая полотенцем пальцы у умывальника:

— Я намерен вас поисповедовать.

Мистрис Морлей оглянулась и села на его постель, кокетливо распустив платье; он нахмурился.

— Мистрис Морлей, вам, во всяком случае, не следует думать о том, о чем не думаю я. Прошу вас пересесть на стул.

Он облачился в утренний пиджак и сел против мистрис Морлей Честер.

— Ну-с, — сказал Кристофер, — не можете ли вы показать мне сейчас, когда нас разделяет пространство в пять футов, как вы совершали ваши кражи? Я держу в руках свои жемчужные пуговицы... Не угодно ли вам украсть их вновь и объяснить мне способ?

— Я не в силах этого сделать.

— Но ведь вы воровали?

— Я.

Слезы потекли у нее из глаз.

— Конечно, вы не одни воровали!

Она что-то прошептала.

— Можете говорить громче. Я потому вас пригласил в свою комнату, что иначе мы могли бы разбудить сэра Уолтера Равена, и он подслушал бы вашу тайну.

— Вы хотите меня все-таки спасти, не правда ли?

— Я вас с удовольствием бы повесил. Но у меня есть причины, почему я не хочу делать скандала... Помните, что вы мне обещали все, и я требую всего. Иначе...

— Будьте же милосердны!

— Прекрасно... Скажите, вы с мужем воровали?

— Как вам не стыдно!

— Если вам не стыдно, то мне тем более, — угрюмо проговорил Кристофер. — Я серьезно спрашиваю вас, как вы вынули с моей груди и из моих манжет запонки и отцепили часы?

— Я подошла и вынула вот так, — сказала она, поднялась и, шатаясь, с рыданиями упала головой на колени Кристофера. — Пощадите, пощадите!

Кристофер схватил ее за хрупкие плечи, оторвал от своих колен и посадил на прежнее место.

— Мне хочется знать, — перестав плакать, с испугом спросила она, — что будет с вещами, которые в коробках?

— Вещи должны быть возвращены всем по принадлежности.

— Но ведь это все стоит огромных денег, — с отчаянием протянула она. — А со мной что будет?

— И с мистером Морлеем Честером, хотите вы прибавить?

— Да, и с ним?...

— Конечно! — вскричал Кристофер. — Я не сомневался, уже когда схватил вас за руку: ваш муж — главный виновник. Если вы мне объясните способ, который, как я убежден, имеет очень мало общего с быстротой рук, то вы с му-

жем должны будете только уехать из Вуд-Хауса и никогда уже не возвращаться.

— Вы даете слово?

— Даю.

— Но, Боже мой! — помолчав, вскричала маленькая женщина. — Не лучше ли было бы покончить нам миром?

— Что? Миром? Вы забываете, что я — Кристофер Рейс. Конечно, вы все время думаете, что я — обыкновенный турист. Но я ни больше ни меньше, как Кристофер Рейс, — с гордостью повторил он. — К вашим услугам, мистрис Морлей Честер. Или я надену на вас наручники, или вы приступите, наконец, к самой откровенной исповеди.

— Надеюсь, что верите, что я люблю Морлея?

— Не сомневаюсь в этом, несмотря на то, что вы возлагали слишком большие надежды на мою слабость.

— Боже, я ради Морлея! — покраснев, вскричала ангельски застенчивая дама.

— Не угодно ли начинать? Я слушаю.

XI

Открытие покойного отца Морлея Честера

— Я все расскажу, — приступила к исповеди мистрис Морлей Честер. — Да будет вам известно, что муж мой является единственным наследником в роде Честеров, но со странным условием. Наша линия может завладеть на законном основании Вуд-Хаусом, если настоящие владельцы покинут его или захотят продать его целиком или по частям. Даже продажа утвари и обстановки замка могла бы послужить предлогом для иска. Между тем, мы с Морлеем очень и очень небогаты. Правда, что Вуд-Хаус сам по себе не может быть назван доходным имением. Но Морлею хорошо известно, что под парком Вуд-Хауса и немного далее залегают богатейшие пласты каменного угля. Ему это хорошо известно, но он поделился тайной только со мной. Теперь

вы скажете, что он был крайне непоследователен, укрепив мисс Сидни в мысли завести гостиницу в Вуд-Хаусе и через это разбогатеть. Ведь с деньгами в руках мисс Сидни и ее мать тем более ни за что не покинули бы Вуд-Хаус и не переселились бы на жительство никуда больше. Зачем? С деньгами в Вуд-Хаусе очень хорошо и весело. Но тут у него была другая идея. Он сейчас же взял на себя хлопоты по приспособлению замка к гостинице. Он же разделил тайник Карла Второго на два отделения — одно, примыкающее к вашей спальне, а другое — к спальне сэра Равена.

Для отвода глаз от тайника, которым я пользовалась, был устроен другой, и, по желанию, гостям изредка показывали тот тайник. В нем есть окошечко, и он выше, в нем не так темно. Выход из него прямо в сад через потайную дверь, которую трудно отличить от стены, потому что она оштукатурена. Из нашего же тайника винтовая лестница ведет только в мою спальню, в нижнем этаже. И до сих пор никто об этом тайнике, кроме нас, не знал. Дверь сделали в стене над моей кроватью, но она занавешена ковром. Бедный мой муж такой предусмотрительный! Он все это сделал с большим и дальновидным расчетом. Но главное: отец его был известный химик, и его влекло к алхимии. Он потратил громадные средства на разные бесполезные изобретения и открытия. С этого целью он путешествовал по Востоку. Мы бедны потому, что он был слишком расточителен и ничего не жалел для научных фантазий. Однажды, работая над соединениями хлора с какими-то растительными маслами, извлеченными им из растений, привезенных из Персии, он открыл новый сложный газ, обладающий необыкновенным свойством. Стоит вдохнуть в себя этот газ, как человек теряет сознание, хотя продолжает стоять и даже ходить; все мускулы его эластичны, и он скоро просыпается за продолжением тех самых занятий, за которыми застал его мгновенный сон. Газ этот отделяется жидкостью, как и хлороформ, и он назвал его «ареноформом». Отец Морлея хотел вытеснить им хлороформ. Но не успел, потому что все скрывал от врачей его состав и вел себя таинственно и ревниво. Делая над собой опыты, он так нагло-

тался однажды ареноформа, что умер. Газ этот в небольшом количестве тоже довольно вреден, потому что люди от него бледнеют и приобретают дурное расположение духа, которое может кончиться даже помешательством. После смерти он не оставил рецепта, но сохранилось несколько бутылок ареноформа. Как только мисс Сидни заговорила о гостинице, Морлей хлопнул себя по лбу и решил пустить в ход ареноформ. За древней деревянной обшивкой столовой помещены меха, которые можно наполнять ареноформом; и стоит только нажать мех, как газ, имеющий приятный запах увядших листьев, выходил сквозь искусно сделанные в дереве червоточины. Это — поддельные червоточины! Все находившиеся в зале мгновенно теряли сознание, и я входила с одного конца залы, а мой муж выходил из-за ширмы. У нас в носу была вата, смоченная особым составом. Проходя через нее, ареноформ теряет свои свойства. Поэтому только муж да я не были бледны и не теряли сознания. Вся зала цепенела, и все впадали в забвение. Это было нечто поразительное. Мы подходили к намеченным жертвам и отбирали у них все, что нам хотелось. Мистер Рейс, я все сказала.

—Я очень доволен, мистрис. Вы свободны. Но я, как тень, буду следить за вами и за вашим мужем, пока вы не уедете, что, надеюсь, случится с самым ранним поездом.

Предутреннюю тишину разрезал острый, протяжный свист поезда.

—Вот с этим. Он стоит на станции ровно час. Этого срока должно быть достаточно, чтобы вы исполнили мою волю. Отсрочки не будет!

ХП

Наивное объяснение

Мистрис и мистер Морлей Честер исчезли из Вуд-Хауса еще до рассвета.

Утром мисс Сидни Честер вместе с сэром Уолтером Равеном проводили Кристофера Рейса, отбывшего в Лондон. Чек на весьма приличную сумму лежал в его боковом кармане.

А в газетах появилось объявление о найденных драгоценностях и банковских билетах, таинственным образом очутившихся в секретной комнате Карла Второго, и о том, что вещи возвращаются всем пострадавшим лицам по первому требованию и с первой почтой. Очень многие приехали в Вуд-Хаус лично или прислали поверенных. Съезд в гостинице был неслыханный, и комнат не хватало.

В «Торговом указателе» объявление Вуд-Хауса было приведено, как образчик в высшей степени искусной и ловкой рекламы, которая была задумана с самого начала и разыграла до конца с редкой коммерческой сметкой, граничащей с гениальностью.

Когда Кристофер Рейс пробежал «Торговый указатель», он громко рассмеялся над наивностью почтенного журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем сборнике, основанном на раритетных текстах из архива издательства Salamandra P.V.V., представлены научно-фантастические произведения западных писателей первых десятилетий XX века.

В издании объединены материалы книг «Эликсир жизни» и «Лунный курьер», ранее выпущенных в рамках двухтомника «Книга забытой фантастики». Сборник дополнен шестью рассказами и новеллами.

Все произведения публикуются по первоизданиям. Безоговорочно исправлялись очевидные опечатки; орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам. Все иллюстрации взяты из оригинальных изданий. Источники текстов указаны ниже. В квадратных скобках приведены редакционные врезки или предисловия. Допущенные в переводах сокращения нами не оговаривались.

В оформлении обложки использована работа А. Кубина.

Д. Остен. Конец Земли // *Вокруг света* (Л.). 1927. № 8.

[Автор, профессор в Кембридже, переносит читателя на сорок миллионов лет в будущее и рисует картину того, как произошел наиболее вероятный, с его точки зрения, конец нашей планеты. Рассказ ведется от лица переселившегося на Венеру бывшего землежителя.]

М. Верн. Вечный Адам. Пер. М. Таймановой. Илл. В. Колтунова // *Искатель*. 1972. № 2, март-апрель. Повесть была написана сыном Ж. Верна Мишелем, однако иногда ошибочно приписывается Ж. Верну.

[Повесть «Вечный Адам» была написана Жюлем Верном в последние годы жизни и опубликована в посмертном сборнике его произведений «Вчера и завтра» (1910). В творческом наследии великого фантаста эта вещь занимает особое место. Как и другие французские писатели (Г. Флобер, А. Франс), отдавая дань мод-

ной в то время теории движения истории по замкнутым циклам, Жюль Верн изображает внезапную геологическую катастрофу, в результате которой на Земле остается лишь горстка людей, вынужденных в борьбе за существование начать «все сначала».

Казалось бы, концепция пессимистическая. Так зачастую и трактуют «Вечного Адама» зарубежные исследователи. Но если вдуматься в замысел, то он куда более сложен и не укладывается в однолинейную схему. Писатель, ставя уцелевших людей в неимоверно трудные условия, доводящие их потомков до состояния дикости, вместе с тем прославляет Человека, этого «вечного Адама», который никогда не останавливается на достигнутом и неуклонно движется к своей цели — «совершенствованию познания и владычеству во вселенной».

Любопытно, что основное действие повести относится к грядущему тысячелетию, когда люди уже научились летать к планетам солнечной системы, мечтали о путешествиях к звездам и благодаря неслыханным достижениям медицины надеялись обрести физическое бессмертие. Затем происходит всемирный потоп, и по прошествии многих тысячелетий нового поступательного движения успехи цивилизации и прогресса делают возможным археологические раскопки, нахождение и расшифровку рукописи, определяющей сюжет повести. Пройдет еще какое-то время, и человечество, заново повторив пройденный путь, возместит все потери, вызванные воображаемой катастрофой.

Важно также отметить критическое отношение автора к библейскому мифу об Адаме и Еве, который истолковывается Жюлем Верном отнюдь не в религиозном смысле, а как некий поэтический символ вечного и неустанного восхождения ищущей мысли, воплощенной в Человеке, представляющем вершину биологической эволюции.

«Вечный Адам» печатался на русском языке в старом «Мире приключений» (1911, № 1, 2), но не был включен ни в одно собрание сочинений Жюль Верна.

Это малоизвестное произведение родоначальника научно-фантастического романа публикуется в новом переводе по тексту упомянутого сборника «Вчера и завтра».

Евг. Брандис]

К. У. Харрис. Последняя борьба // *В мастерской природы*. 1928. №№ 10-11.

[Предлагаемый читателям рассказ американской писательницы Клары У. Харрис раскрывает перед нами одну из биологических возможностей далекого будущего. В этом произведении смелая фантастика Уэльса счастливо переплетается с сарказмом Свифта.]

К. Фламмарион. К центру Земли! // *Всемирная панорама*. 1908. № 15, 31 июля.

К. Фламмарион. Путешествие на планету Марс // *Волны*. 1913. № 5, март.

[Статья эта принадлежит перу одного из величайших астрономов всего мира. В своей собственной обсерватории в Жювизи, близ Парижа, он уже много лет наблюдает звезды и нашу загадочную соседку, планету Марс, которую он изучил настолько, насколько это возможно при нынешнем состоянии науки. Все это придает особый интерес его статье].

Э. Перрье. Какова жизнь на Марсе? // *Волны*. 1913. № 5, март.

Г. Уэллс. Обитатели Марса // *Огонек*. 1908. № 25, 22 июня (5 июля), с нижеследующим редакционным послесловием. Иллюстрации Уильяма Лейта (Leight) взяты из оригинальной публикации: «The Things That Live on Mars» // *Cosmopolitan Magazine*. 1908. Vol. XLIV, № 4).

[Фантастическая изобретательность автора этой любопытной статьи, так ярко выразившаяся в его всесветно знаменитом романе «Борьба двух миров», исходит из положений, установленных современной наукой. Но в то время, как в своем романе Уэльс устраняет всякую критику, в приводимой нами статье он не отступает перед признанием в ограниченности человеческих познаний.

Того, что уже установлено наукой, вполне достаточно, чтобы поразить наше воображение: действительность столь же невероятна, как и самый смелый вымысел, в сущности — представляющий лишь новую комбинацию той же действительности].

Х. Гернсбек. Тайна марсианских каналов // *В мастерской природы*. 1929. № 3, под загл. «Тайна Марсовых каналов» (в рамках публ. «Письма с Марса»).

Х. Гернсбек. Развлечения марсиан // *В мастерской природы*. 1929. № 3, под загл. «Тайна Марсовых каналов» (в рамках публ. «Письма с Марса»).

А. Пярнянен. Обсерватория на Марсе. Пер. Э. Торниайнена // *Вестник знания*. 1904. № 12.

Э. Кей. Через сто лет. Пер. Р. Маркович // *Ежемесячник «Газеты-копейки»*. 1910. № 12, декабрь.

Э. де Кейзер. Двадцать веков спустя. Пер. А. Д. // *Руль* (Берлин). 1924. № 1063, 4 июня.

А. Алле. В чужой шкуре // *Синий журнал*. 1912. № 44, 26 октября.

Э. Армстронг. Эликсир жизни // *Всемирный следопыт*. 1927. № 6, с подзаг. «Юмористическая фантастика».

И. Монте. Торжество науки // *Огонек*. 1908. № 29, 20 июля (2 августа).

О. Рунг. Радио-сказочка // *Мир приключений*. 1926. № 4.

Г. Геринг. Исчезновение премьер-министра // *Мир приключений*. 1922. № 1. В предпоследнем абзаце русского текста, очевидно, по вине наборщика выпали несколько строк, восстановленных нами по английскому оригиналу. Илл. Г. Кинга взяты из английской публикации (*The Windsor Magazine*, Vol. XV, декабрь 1901 – май 1902).

В. Воррел. Город молчания // *Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни*. 1911. № 10, сентябрь.

Х. Бергстедт. Человек с порошком. Пер. А. Ганзен. Илл. Н. Ушина // *Мир приключений*. 1926. № 1.

Л. Брессель. Сон сэра С. Г. В. Феркетта. Илл. С. Г. Веддера // *Огонек*. 1909. № 33, 15 (28) августа.

П. Ароз. Ученый или преступник? Илл. Р. Брайта // *Синий журнал*. 1912. № 44, 26 октября.

Ф. Аткинс. Оно. Илл. Н. Линдсея // *Мир приключений*. 1917.

№ 3, под псевд. «Ф. Марс». Ориг. загл. «The Thing».

Ф. Уайт. Сверх-пища. Илл. С. Лодыгина // *Всемирный следопыт*. 1927. № 2.

Ф. Уайт. Черный принц // *Аргус*. 1916. № 11/12. Илл. А. Гильберта взяты из первой англ. публикации: *The Strand Magazine*. 1916, октябрь.

Ф. Уайт. 2000° ниже нуля // *Мир приключений*. 1923. № 4.

Ч. Уолфи. Отмычка // *В мастерской природы*. 1928. № 12.

Ж. Жакен. Господин Икс // *Для Вас* (Рига). 1934. № 26, 24 июня.

Ф. Буте. Убийство // *Для Вас* (Рига). 1934. № 37, 8 сентября.

Д. Шлоссель. Лунный курьер // *В мастерской природы*. 1929. №№ 7-8. Ориг. заглавие «To the Moon by Proxy».

Д. Цукка. История стеклянного старичка. Пер. Е. Фортунато. Илл. Н. Ушина // *Мир приключений*. 1928. № 2.

Ф. Энсти. Приключение со стеклянным шаром // *Мир приключений*. 1922. № 1. Наст. имя автора — Томас Энсти Гатри.

Ж. Клюз. Застывшая тень. Пер. Б. В-ого // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1930. № 20 (261), 10 мая.

Ш.-А. Ирш. Навсегда казненный // *Огонек*. 1908. № 42, 19 октября (1 ноября).

Ж. д'Амбалет. Человек, который видел будущее. Пер. Б. В-ого // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1930. № 15 (256), 5 апреля.

В. Таддеус. Химический магнит // *В мастерской природы*. 1928. №№ 7-8.

Б. Олсен. Хирургия четырех измерений // *В мастерской природы*. 1929. №№ 1-2.

Э. Морфи. Астрагеновый жилет. Илл. В. Х. Робинсона // *Журнал приключений*. 1916. № 5.

О. Бельяр. Путешественник во времени // *Мир приключений*. 1910. № 4. (под загл. «Путешественник во времени»). Публ. по: *Искатель*. 1970. № 5 (здесь под загл. «Вестник из глубины времен»). Ориг. загл. «Aventures d'un voyageur qui explore le temps» («Приключения путешественника, исследовавшего время»). Илл. А. Моншаблона взяты из первого изд. (*Lecture pour tous*. 1909. № 4, январь).

[Автор публикуемого рассказа — французский писатель Октав Бельяр — был в свое время довольно известен. В 1909 году он выпустил книгу фантастических новелл «Рассказы болтливого доктора», куда и вошел «Вестник из глубины времен», появившийся в 1910 году на русском языке в (журнале «Мир приключений»).

С тех пор, как Герберт Уэллс написал свой роман «Машина времени», путешествия в прошлое и будущее заполнили мировую фантастику. Особенно посчастливилось так называемым хроноклазам (нарушения, связанные с перемещением во времени), благодаря которым путешественники в прошлое могут «подменять» известных исторических личностей, «организовывать» известные события, «улучшить» или «ухудшить» историю. Но в начале века, когда был опубликован рассказ О. Бельяра, рационалистическое истолкование мифологических сюжетов средствами научной фантастики было такой же ошеломительной находкой, как и неожиданные возможности, открытые «Машиной времени» Уэллса. И недаром этот роман служит О. Бельяру как бы трамплином для развития действия. Отталкиваясь от гениальной выдумки английского романиста (гениальной называет ее сам О. Бельяр), он идет дальше, перенося героя в определенную историческую эпоху и едва ли не первым в фантастической литературе использует хроноклазм.

Вполне понятно, почему «Вестник из глубины времен» еще в детстве произвел такое впечатление на известного советского писателя Юрия Олешу, что запомнился ему на всю жизнь. Впоследствии заметки об этом рассказе вошли в его книгу «Ни дня без строчки», правда, без имени автора и названия произведения.

Развивая тему Уэллса, Октав Бельяр опередил свое время. Вот почему «Вестник из глубины времен» в наши дни не кажется архаичным, хотя и не может произвести особенно сильного впечатления на фоне современной фантастики. В нем есть еще и то глав-

ное, что подметил здесь Юрий Олеша: драматизм ситуации и неподдельная человечность. Заметка Ю. Олеши и привела меня к поискам забытого рассказа, который публикуется сегодня в исправленном и заново отредактированном переводе.

Евг. Брандис]

О. Бельяр. Таинственный остров. Пер. М. В. Илл. А. Лано // *Всемирная панорама*. 1911. № 123/34, 19 августа. Ориг. загл. «Les merveilles de l'île mystérieuse» («Чудеса таинственного острова»).

М. Ренар. Неподвижное путешествие // Ренар М. Необычайные рассказы. СПб., 1912. Илл. С. Лодыгина взяты из журн. *Всемирный следопыт* (1927. № 1), где был опубликован сокращенный пер. новеллы под загл. «Вокруг света в 24 часа».

А. и Ч. Уильямсоны. Ареноформ // *Огонек*. 1908, № 3, 20 января (2 февраля). Илл. взяты из первой публ. (*The Strand Magazine*. 1907. Vol. XXXIV, июль-декабрь). Ориг. загл. «The Adventure of the Jacobean House». Новелла представляет собой часть цикла «The Scarlet Runner».

Оглавление

Д. Остен. Конец Земли	6
М. Верн. Вечный Адам	18
К. У. Харрис. Последняя борьба	62
К. Фламмарион. К центру Земли!	86
К. Фламмарион. Путешествие на планету Марс	96
Э. Перрье. Какова жизнь на Марсе?	103
Г. Уэллс. Обитатели Марса	110
Х. Гернсбек. Тайна марсианских каналов	124
Х. Гернсбек. Развлечения марсиан	130
А. Пярнянен. Обсерватория на Марсе	138
Э. Кей. Через сто лет	146
Э. де Кейзер. Двадцать веков спустя	151
А. Алле. В чужой шкуре	157
Э. Армстронг. Эликсир жизни	163
И. Монте. Торжество науки	177
О. Рунг. Радио-сказочка	185
Г. Геринг. Исчезновение премьер-министра	197
В. Воррелл. Город молчания	212

Х. Бергстедт. Человек с порошком	219
Л. Брессель. Сон сэра С. Г. В. Феркетта	243
П. Ароз. Ученый или преступник?	263
Ф. Аткинсон. Оно	278
Ф. Уайт. Сверх-пища	294
Ф. Уайт. Черный принц	313
Ф. Уайт. 2000° ниже нуля	328
Ч. Уолфи. Отмычка	341
Ж. Жакен. Господин Икс	350
Ф. Буте. Убийство	360
Д. Шлоссель. Лунный курьер	369
Д. Цукка. История стеклянного старичка	388
Ф. Энсти. Приключение со стеклянным шаром	403
Ж. Клюз. Застывшая тень	424
Ш.-А. Ирш. Навсегда казненный	430
Ж. д'Амбалет. Человек, который видел будущее	443
В. Таддеус. Химический магнит	452
Б. Олсен. Хирургия четырех измерений	469
Э. Морфи. Астрагеновый жилет	494
О. Бельяр. Путешественник во времени	510
О. Бельяр. Таинственный остров	537

М. Ренар. Неподвижное путешествие	554
А. и Ч. Уильямсоны. Ареноформ	605
Примечания	645

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.